

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

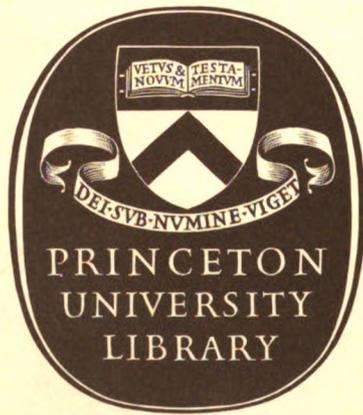
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Sidney Rheinstein

Class of 1907

Fund for the Advancement
of Social Justice and
International Understanding

Николай Харузинъ.

Этнографія.

ЛЕКЦІИ,

ЧИТАНЫЯ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

— * —

ИЗДАНИЕ ПОСМЕРТНОЕ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

В. Харузиной.

— * —

Выпускъ III.

СОБСТВЕННОСТЬ И ПЕРВОБЫТНОЕ ГОСУДАРСТВО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1903.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІА.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
I. Введение	1
II. Источники первобытной собственности	6
III. Взаимоотношение коллективной и индивидуальной собственности въ первобытныхъ группахъ	37
IV. Имущественный коммунизмъ на продукты питания и движимость	67
V. Право собственности на жилище	83
VI. Коллективное право собственности на землю	98
VII. Индивидуальное право владѣнія землей	114
VIII. Побѣда индивидуальнаго начала въ землевладѣніи	130
IX. Побѣда коллективнаго начала въ землевладѣніи	145
X. Собственность женщинъ	178
XI. Признаки государства	194
XII. Власть во внѣгосударственныхъ организмахъ	207
XIII. Власть въ родовыхъ государствахъ	222
XIV. Свѣтскія и религіозныя функціи власти	240
XV. Дифференціация первобытнаго общества и власти	255
XVI. Общіе выводы относительно развитія первобытнаго государства	277

1133(188) N12551

(RECAP)

G11310

1903

V. 3

I. Введение.

Область, охватываемая первобытнымъ правомъ, чрезвычайно обширна и разнообразна. Изложить всѣ разнохарактерныя проявленія первобытнаго правовоззрѣнія некультурныхъ расъ и народностей, даже намѣтить одни главные моменты въ исторіи развитія всѣхъ правовыхъ институтовъ на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи въ краткомъ очеркѣ не представляется возможнымъ. Быть такъ называемыхъ дикарей по сравненіи съ бытомъ культурныхъ народовъ можетъ показаться на первый взглядъ чрезвычайно простымъ и однообразнымъ, столь же несложными ихъ правовыя воззрѣнія. Ближайшее знакомство съ этими послѣдними показываеъ, однако, что простыя, сравнительно съ правомъ культурныхъ народовъ и передовыхъ расъ, они оказываются весьма сложными, взятыя сами по себѣ. Дикари, некультурныя, мало или полукультурныя расы, какъ бы ихъ ни называли, не представляютъ замкнутаго въ самомъ себѣ однороднаго цѣлаго. Ихъ правовоззрѣнія являются глазамъ изслѣдователей въ безконечномъ разнообразіи, имѣющимъ свое объясненіе въ различіи культурныхъ, расовыхъ и другихъ особенностей, съ трудомъ поддающихся систематизированью. Какія бы препятствія ни представляла, однако, работа по ихъ систематизаціи, не слѣдуетъ предполагать, чтобы она была невозможна. Совокупность юридическаго быта у низшихъ народностей не является хаотическимъ, случайнымъ. Напротивъ того, изучаемый въ послѣдовательномъ порядкѣ, онъ рисуетъ постепенный ростъ правового сознанія, начиная отъ примитивныхъ, грубыхъ проявленій права. На немъ можно, такимъ образомъ, изучить послѣдовательную исторію развитія юридическаго быта, интересную уже оттого, что первобытное право въ своей исторической эволюціи стоитъ въ органической связи съ правомъ цивилизованныхъ народовъ. Правовыя нормы этихъ послѣднихъ не представляютъ чего либо абстрактнаго. Онѣ

являются результатомъ развитія народности, отраженіемъ условій ея жизни и быта. Базисомъ культуры въ каждый данный моментъ историческаго развитія оказывается предшествующая культурная ступень, которая въ свою очередь представляетъ лишь звено въ обширной цѣпи послѣдовательнаго прогрессивнаго роста культуры. Вотъ почему, чтобы понять правовыя возрѣнія даннаго историческаго момента у той или другой народности, необходимо изучать ихъ въ связи съ ходомъ общей эволюціи права и спуститься до нормъ права *первобытнаго*, въ которомъ институты и нормы, разившіеся въ современныхъ цивилизованныхъ расахъ, находятся въ зародышевомъ, эмбриональномъ состояніи. *Эмбриологія права имѣетъ, такимъ образомъ, цѣлью наметить постепенный ходъ развитія юридическихъ возрѣній человечества на низшихъ ступеняхъ культуры.*

Составляя часть науки этнографіи, эмбриологія права охватываетъ всю обширную область первобытнаго правовозрѣнія и изучаетъ законы, согласно которымъ шло развитіе послѣдняго. Она отмѣчаетъ причины, благодаря которымъ происходятъ измѣненія въ общихъ правовыхъ институтахъ и изслѣдуетъ условія, заставляющія у данной народности или племенной группы отклоняться ту или иную юридическую норму и придающія ей специфическій характеръ. Обширность сферы, входящей въ изученіе эмбриологіи права, не позволяетъ здѣсь излагать всю систему первобытнаго правовозрѣнія. Поэтому, въ дальнѣйшемъ изложеніи цѣлесообразнѣе будетъ остановиться лишь на болѣе выдающихся правовыхъ институтахъ, именно на развитіи собственности и государства. Знакомство съ ними позволитъ сознательно отнестись и къ другимъ юридическимъ институтамъ и разобраться въ исторіи развитія правовыхъ отношеній у некультурныхъ народовъ.

Первое мѣсто будетъ удѣлено изученію нормъ, регулирующихъ право собственности на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи.

Въ общемъ изложеніи предлагаемаго курса исторія развитія собственности непосредственно слѣдуетъ за исторіей развитія семьи. Этотъ порядокъ обуславливается слѣдующими соображеніями. Во первыхъ, понятія о собственности стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ семейно-общественнымъ строемъ народности: они вытекаютъ изъ него, являются естественнымъ его результатомъ. Во вторыхъ, условія жизни первобытнаго человѣка таковы, что вопросъ объ опредѣленіи права собственности оказывается для него однимъ изъ наиболѣе насущныхъ. Вслѣдствіе этого, право собственности получаетъ и наиболѣе детальную разработку уже на низшихъ ступеняхъ культуры. Развитіе же представленій о немъ, въ свою очередь, имѣетъ весьма важное значеніе для сложенія,

измѣненія и развитія нормъ семейно-общественныхъ отношеній. Такимъ образомъ, если съ одной стороны семейно-общественный строй весьма существеннымъ образомъ влияетъ на представленія племени о правѣ собственности, развитіе этихъ послѣднихъ, съ другой стороны, поддерживающимъ или разрушающимъ образомъ отражается на семейно-общественной организаціи.

Нормы, опредѣляющія и регулирующія понятія о собственности, всегда привлекали, въ виду ихъ важнаго значенія въ жизни, особенное вниманіе изслѣдователей. Юристъ, историкъ, экономистъ изучаютъ ихъ, каждый съ особой точки зрѣнія; изслѣдуетъ ихъ и этнографія въ отдѣлѣ эмбриологіи права, исходя изъ основныхъ принциповъ и положеній, выработанныхъ ею. Лишнее доказывать, что изученіе одного и того же института съ различныхъ угловъ зрѣнія, лицами разныхъ специальностей можетъ только содѣйствовать правильному и всестороннему освѣщенію института въ его цѣломъ, что этимъ оказывается существенная услуга общей научной мысли.

Рамки, въ которыхъ право собственности можетъ быть объектомъ изученія этнографа, естественно опредѣляются самимъ характеромъ и методомъ науки этнографіи.

Открывая законы развитія человѣчества на низшихъ ступеняхъ культуры, этнографія, какъ извѣстно, съ одной стороны черпаетъ матеріалъ для своихъ выводовъ и положеній изъ изученія быта племенъ и народовъ, находящихся на низкихъ ступеняхъ культурной лѣстницы. Такъ какъ цивилизованныя народности нѣкогда пережили въ главныхъ чертахъ тѣ же стадии развитія, на которыхъ находятся современные некультурныя племена, этнографія, съ другой стороны, изучаетъ слѣды древняго быта въ современномъ строѣ цивилизованныхъ племенъ, изслѣдуетъ факты переживанія, сохраняющіяся у культурныхъ народовъ преимущественно среди низшихъ по развитію слоевъ населенія, отыскиваетъ историческія и другія свидѣтельства, въ которыхъ отразились болѣе первобытныя нормы жизни. Она собираетъ, такимъ образомъ, матеріалъ, позволяющій установить законъ развитія общій, если не для всего человѣчества, то, по крайней мѣрѣ, для значительной части послѣдняго. Исходя изъ положенія, что изъ двухъ однородныхъ явленій болѣе простое, рудиментарное должно предшествовать болѣе сложному и развитому, этнографъ группируетъ собранный имъ матеріалъ, и, изучая условія и причины преемственности явленій, восходитъ до опредѣленія цѣпи общественнаго развитія. Этнографія стремится отыскать источники права собственности на низшихъ ступеняхъ культуры. Она прослѣживаетъ видоизмѣненіе и эволюцію нормъ, регу-

лирующихъ право собственности, начиная отъ наиболее низкой, доступной изученію ступени развитія человѣчества до предѣловъ, когда законодательная власть появляется на смѣну обычаю, когда народность, вооруженная письменностью, выступаетъ на арену всемірной исторіи. Изученіе эмбриональнаго развитія права собственности, опредѣленіе законовъ, нормирующихъ это развитіе на низшихъ ступеняхъ культуры, и составить предметъ дальнѣйшаго изложенія.

Введеніе исторіи развитія собственности въ сферу научнаго изслѣдованія является естественнымъ слѣдствіемъ общаго научнаго оживленія въ этнографіи, вызваннаго въ 60-хъ годахъ XIX-го ст. трудами Бахофена, (Bachofen) Моргана (Morgan) и Макъ Ленаана (Mac Lennan). Историко-сравнительный методъ, примѣненный къ изученію развитія семьи, рода и брака, далъ блестящіе и неожиданные результаты; онъ въ корни намѣнилъ ходячія до того времени воззрѣнія, открылъ сложную исторію институтовъ, которыя считались существовавшими вѣками. Мысль, что такъ же плодотворны окажутся изслѣдованія и въ другихъ областяхъ права, была слишкомъ естественна. Вещное, обязательное, уголовное право должны были имѣть такую же длинную, своеобразную исторію развитія, какъ и право семейственное. Сознаніе, что сфера изученія, доступная юристу и историку, должна расширяться, что изученіе права не можетъ начинаться съ письменныхъ памятниковъ, что корни его таятся въ внѣисторическомъ бытѣ народности, крѣпло само собой. Если исторической жизни народовъ предшествовалъ болѣе длительный хронологически внѣисторическій періодъ жизни, институтамъ права въ томъ видѣ, въ какомъ они являются въ древнѣйшихъ памятникахъ цивилизованныхъ народовъ, долженъ былъ также предшествовать долгій періодъ, въ которой эти нормы складывались и развивались изъ первобытныхъ, рудиментарныхъ основъ. Появилось сознаніе важности изученія этихъ основъ для правильнаго пониманія современнаго права. Мысли извѣстнаго нѣмецкаго историка права Колера (Kohler), одного изъ наиболее горячихъ проповѣдниковъ необходимости изученія права въ его эволюціи для вѣрнаго пониманія законодательства, показали бы ересью нѣсколько десятилѣтій тому назадъ. «Исторія права, писалъ онъ въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ своемъ курсѣ сравнительнаго правовѣднія, представляетъ картину безпрестанныхъ приливовъ и отливовъ, непрерывнаго теченія идей, гдѣ одна волна гонитъ другую Но всѣ эти переходныя ступени, погружающіяся въ бездну времени, содѣйствуютъ достиженію великихъ цѣлей. Погибшее продолжаетъ жить въ высшихъ, болѣе совершенныхъ формахъ, смѣнившихъ его Наши потомки будутъ смотрѣть на наше право, какъ на

несовершенный продукт отжившей культуры, так же, как и мы смотримъ на право минувшихъ временъ». «Кто знакомъ съ исторіей права, замѣчаетъ онъ нѣсколько далѣе, тотъ знаетъ, что право, которое издавна привыкли признавать безусловнымъ, неизмѣннымъ и неизбѣжнымъ, есть ничто иное, какъ преходящее проявленіе культуры даннаго времени, какъ ступень развитія, которой достигло право въ присущей данному періоду культурѣ. Онъ пойметъ, что и наше право есть лишь отрѣзокъ историческаго развитія, поперечный разрѣзь, проведенный черезъ вѣчно движущуюся волну развитія. То, что мы считали естественнымъ правомъ , которое должно служить идеаломъ для всѣхъ временъ, есть лишь результатъ своеобразной, индивидуальной, преходящей культуры данной эпохи; на другихъ ступеняхъ развитія человѣчество создаетъ другое право. Развитіе никогда не останавливается; если оно остановилось бы хоть на одно мгновеніе, творческая сила человѣчества изсякла бы». Взглядъ Колера въ настоящее время вошелъ почти во всеобщее сознаніе. Таково было значеніе крупнаго переворота, произведеннаго новымъ теченіемъ въ этнографическомъ изученіи народностей, когда накопившійся матеріалъ позволилъ, наконецъ, перейти отъ простаго описанія къ научнымъ выводамъ въ сферѣ семейной, общественной и правовой жизни народностей, такъ же, какъ и въ области культуры внѣшней, въ сферѣ религіи и народнаго творчества.

Въ настоящее время едва ли возможно сомнѣваться, что эмбриологія права является прочной основой для вѣрнаго пониманія права современнаго. Ученые юристы западной Европы не обманываются въ своихъ надеждахъ, направляя свои изысканія въ сложный и во многихъ отношеніяхъ еще темный міръ первобытнаго правовоззрѣнія, сохраняющагося среди дикарей въ видѣ жизненнаго института, а у культурныхъ народовъ въ широкой области обычая, обряда и суевѣрій, въ качествѣ интересныхъ, пережившихъ многія столѣтія культуры, остатковъ древняго, далекаго быта. Если изученіе первобытнаго права съ этнографической точки зрѣнія имѣетъ особую важность для юриста, оно представляетъ не менѣе интереса и для историка культуры, социолога и экономиста. Знаніе основъ, изъ которыхъ медленнымъ путемъ развились нормы современнаго права, знакомство съ основными законами, регулирующими ихъ развитіе на низшихъ ступеняхъ культуры, единственно даетъ возможность правильно судить о различныхъ проявленіяхъ правовоззрѣнія на разнообразныхъ ступеняхъ общекультурнаго или экономическаго развитія.

II. Источники первобытной собственности.

Однимъ изъ наиболѣе трудныхъ вопросовъ первобытнаго права собственности нужно считать вопросъ объ источникахъ этого права на низшей ступени цивилизаціи. Онъ является одновременно существенно важнымъ для исторіи первобытной собственности вообще и однимъ изъ наиболѣе спорныхъ и неясныхъ. Лишь новѣйшія изслѣдованія внесли въ него нѣсколько больше свѣта и вывели его съ почвы гадательной на прочную основу, хотя и ограниченныхъ еще, но провѣренныхъ фактами данныхъ.

До настоящаго времени не вполнѣ еще уничтоженъ взглядъ, будто человѣчество на низшей ступени культуры не имѣло никакого понятія о собственности. Мнѣніе, что первобытная группа основывалась на коммунистическихъ началахъ жизни, было естественнымъ слѣдствіемъ предположенія, что на низшей стадіи человѣчество жило въ общинномъ, коммунальномъ бракѣ, въ промискуитетѣ или гетеризмѣ, какъ бы ни называли прежніе изслѣдователи стадію культуры, когда не существовало будто бы ни индивидуальной семьи, ни брака, когда каждый мужчина группы могъ быть мужемъ всѣхъ женщинъ, входящихъ въ послѣднюю. Представленія о первобытномъ коммунизмѣ, которымъ будто бы открывается исторія имущественныхъ отношеній человѣчества, не далеко ушли отъ тѣхъ идиллическихъ картинъ первобытной жизни дикаря, которыми любили тѣшить себя мыслители прошлыхъ вѣковъ, неудовлетворенные современными имъ формами жизни. Они не были и болѣе доказательными, чѣмъ предположенія о существованіи нѣкогда стадіи промискуитета. Новѣйшія изслѣдованія, установившія, что этой послѣдней нѣтъ мѣста въ исторіи человѣчества, подточили и мнѣніе объ имущественномъ коммунизмѣ на низшей стадіи развитія. Изъ гипотезы существованія промискуитета есте-

ственно вытекало, что люди, имѣвшіе общихъ женъ, живуще постоянно вмѣстѣ, не могли имѣть никакого представленія объ индивидуальной собственности. Въ настоящее время, когда человечество на низшей, доступной изученію стадіи, является глазамъ изслѣдователя раздѣленнымъ на территориальныя группы, въ предѣлахъ которыхъ существуютъ болѣе или менѣе длительныя индивидуальныя союзы двухъ лицъ разнаго пола, уже а priori напрашивается выводъ, что понятіе объ индивидуальной собственности должно было существовать у нихъ. Отсутствие этого представленія прежде всего сдѣлало бы невозможными длительность индивидуальнаго союза, власть обладателя женщины надъ личностью послѣдней и господство юридическаго или фактическаго отца надъ малолѣтними дѣтьми. Между тѣмъ, именно эти отношенія, основанныя на физическомъ превосходствѣ мужчины надъ женщиной, взрослого надъ малолѣтними, встрѣчаются уже на низшей ступени развитія, до появленія понятій о кровномъ родствѣ. Если мужчина считаетъ себя вправе даже убить свою жену и ея дѣтей, онъ дѣлаетъ это оттого, что считаетъ себя ихъ собственникомъ. Это свое право собственности онъ ограждаетъ физической силой противъ притязаній другихъ. Онъ имѣетъ также право имѣть цѣлый рядъ предметовъ движимаго имущества, составляющихъ несложный багажъ дикаря. На право собственности на эти предметы, заключающіяся преимущественно изъ нѣсколькихъ орудій, украшеній или частей одежды, часто служащихъ тоже украшениями, и т. п. обратилъ особенное вниманіе Спенсеръ (Spencer), первый возставшій и противъ теоріи коммунальнаго брака. Дикарь считаетъ эти предметы своими, и силой отстаиваетъ свое право отъ другихъ членовъ своей группы.

Во избѣжаніе недоразумѣній при дальнѣйшемъ изложеніи, надо оговориться, что на низшихъ ступеняхъ культуры не можетъ быть рѣчи о строгомъ раздѣленіи между правомъ собственности и правомъ владѣнія. Обладающій въ данный моментъ извѣстнымъ предметомъ дикарь считаетъ себя и его собственникомъ. Раздѣленіе между собственностью и владѣніемъ появляется лишь на болѣе высокихъ ступеняхъ развитія, при ростѣ и осложненіи экономическихъ условій жизни.

Какъ ни мало количество предметовъ, собственникомъ которыхъ себя считаетъ дикарь, оно рѣшительно не позволяетъ говорить объ исключительномъ господствѣ коммунистическихъ началъ въ первобытной группѣ. Каждый членъ группы на низшихъ, какъ и на высшихъ стадіяхъ развитія, склоненъ дать волю своимъ эгоистическимъ стремленіямъ, именно накопленію возможно большаго богатства

для себя. Это эгоистическое стремление индивида следует считать причиной, почему даже на низших ступенях развития не найдено до сих пор ни одной человеческой группы, которая не имела хотя бы рудиментарных представлений об индивидуальной собственности. Количество категорий предметов, на которые распространяется право индивидуальной собственности, а также источники этого права видоизменяются сообразно с различными культурными стадиями, проходимыми группой; происходят перемѣны и въ способахъ защиты своихъ правъ. Но въ зачаточномъ состояніи право индивидуальной собственности следуетъ признать столь же древнимъ, какъ и культуру человечества; оно вытекаетъ изъ эгоизма индивида, борящагося за свое существованіе, эгоизма, безъ котораго индивидъ не могъ бы выжить среди неблагоприятныхъ условий, окружающихъ его. Однимъ словомъ, собственность имѣетъ своимъ источникомъ основную психическую черту дикаря—эгоизмъ; этотъ послѣдній, въ свою очередь, оказывается лишь неизбѣжнымъ слѣдствіемъ борьбы за существованіе, которую каждое отдѣльное лицо ведетъ прежде всего само для себя.

Все, что при данныхъ условіяхъ жизни индивидъ можетъ присвоить въ свое исключительное обладаніе, онъ дѣлаетъ объектомъ своего права собственности, если данный предметъ необходимъ ему или, по крайней мѣрѣ, полезенъ въ его борьбѣ за существованіе; также если онъ способенъ доставить ему почетъ и уваженіе среди его сочленовъ, потому что почетъ гарантируетъ ему, прежде всего, болѣе легкое существованіе, слѣдовательно, облегчаетъ ему борьбу за жизнь.

Но индивидъ на низшей стадіи развитія не ведетъ борьбу за существованіе изолированно; онъ живетъ въ группахъ, объединенныхъ прежде всего общностью экономическихъ интересовъ. Группа, какъ цѣлое, ведетъ также борьбу за свое существованіе противъ другихъ такихъ же группъ. Она поглощаетъ индивида, и этотъ послѣдній сливается съ группой, вслѣдствіе общности интересовъ отдѣльнаго лица и совокупности лицъ, образующихъ цѣлое. Первобытный человекъ не мыслимъ внѣ группы; обособленный, онъ былъ бы обреченъ на гибель. Тѣ же условія борьбы за существованіе, которыя заставляютъ людей группироваться въ единое цѣлое, вынуждаютъ индивида подчинять свои выгоды интересамъ этого цѣлаго. Эгоизму индивида противопоставляется эгоизмъ группы, который также является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ условій борьбы за существованіе. Эгоизмъ группы оказывается источникомъ коллективной собственности въ той же мѣрѣ, какъ эгоизмъ лица—источникомъ собственности индивидуальной. Въ борьбѣ за свое существованіе группа, какъ и индивидъ, имѣетъ тенденцію сдѣлать

объектомъ своего права собственности все, что можетъ такъ или иначе облегчить ей эту борьбу противъ природы, неблагоприятныхъ условий, ее окружающихъ, и противъ другихъ группъ, отстаивающихъ съ неменьшимъ напряженіемъ физическихъ и умственныхъ силъ свое мѣсто на земномъ шарѣ. Вполнѣ естественно, что групповой эгоизмъ подчиняетъ себя эгоизму индивида, какъ группа поглощаетъ во всѣхъ отношеніяхъ личность. Естественно также, что групповое имущество подчиняетъ себя имуществу личное, что право собственности группы, какъ дѣлаго, ограничиваетъ индивидуальное право собственности. Ограниченіе права индивидуальной собственности эгоистическими интересами группы иногда чрезвычайно велики. Чѣмъ ниже народность стоитъ на культурной лѣстницѣ, тѣмъ они больше. Это вполнѣ понятно: чѣмъ ничтожнѣе культурный запасъ группы, тѣмъ съ большимъ трудомъ ей дается успѣхъ въ борьбѣ за существованіе; тѣмъ сильнѣе долженъ проявляться групповой эгоизмъ и тѣмъ слабѣе можетъ выказывать себя эгоизмъ индивидуальный. Ограниченіе индивидуальнаго эгоизма групповымъ доходитъ на низшихъ стадіяхъ культуры почти до полного поглощенія перваго. Оно вызываетъ къ жизни нормы, которыя дали возможность нѣкоторымъ изслѣдователямъ говорить о господствѣ полного коммунизма на первичной стадіи развитія человѣчества—положеніе не точное уже вслѣдствіе своей исключительности и крайности.

Вся исторія собственности представляетъ, однако, лишь цѣпь послѣдовательно вырабатываемыхъ нормъ, регулирующихъ оба эгоистическихъ стремленія: индивида и группы. Чѣмъ значительнѣе успѣхи, достигаемые человѣчествомъ въ борьбѣ за существованіе, тѣмъ меньшаго напряженія группа требуетъ отъ отдѣльнаго лица, тѣмъ больше простора индивидуальному эгоизму и шире, наконецъ, кругъ примѣненія права частной собственности на низшихъ стадіяхъ. *Исторія первобытной собственности—это послѣдовательная исторія коллизій, естественно возникающихъ на почвѣ эгоистическихъ стремленій группы и индивида, регулируемыхъ условіями борьбы за существованіе группы и отдѣльнаго лица.*

Прежде, чѣмъ указать на основной принципъ, по которому комбинируются права собственности лица и группы, необходимо рѣшить вопросъ объ основныхъ источникахъ собственности на первобытной стадіи культуры.

Слѣдить за ожесточенными преніями по этому вопросу, несмотря на большой интересъ, представляемый ими, не входитъ въ задачи этнографа, вынужденнаго характеромъ самой науки держаться на почвѣ фактовъ. Этнографъ долженъ прежде всего отыскать источники

собственности на низшей, доступной наблюдению стадіи человеческого развитія и выдѣлить изъ нихъ основные отъ производныхъ.

Даже у стоящихъ очень низко на культурной лѣстницѣ человѣческихъ группъ, переживающихъ періодъ незнанія кровныхъ узъ, источниковъ собственности нѣсколько. У низшихъ племенныхъ группъ Австраліи, на примѣръ, предметъ становится собственностью лица посредствомъ *даренія, мѣны, находки, захвата, труда* и, наконецъ, даже *наслѣдованія* въ его впрочемъ зачаточномъ состояніи, когда оно почти не разграничивается съ дареніемъ.

Дарить, мѣнять, передавать по наслѣдству какую нибудь цѣнность можно лишь въ томъ случаѣ, если лицо, дающее подарокъ, вымѣнивающее предметъ на другой, или оставляющее что нибудь по наслѣдству другому лицу, считаетъ себя и признается окружающими собственникомъ даннаго предмета. Слѣдовательно, и получать нѣчто въ собственность однимъ изъ трехъ указанныхъ способовъ возможно лишь при томъ условіи, если существуетъ призваніе права личной собственности. Эти способы пріобрѣтенія собственности слѣдуетъ считать, поэтому, производными: они появляются, какъ естественное слѣдствіе уже существующихъ понятій о правахъ даннаго лица располагать по своему усмотрѣнію извѣстнымъ имуществомъ, которое онъ пріобрѣлъ тѣмъ или другимъ путемъ.

Естественно долженъ возникнуть вопросъ, могутъ ли дареніе, имѣна и наслѣдованіе быть признаны за первобытные способы пріобрѣтенія собственности. Несомнѣнно, конечно, что они появляются позже первоначальнаго понятія объ индивидуальной собственности. Нѣтъ сомнѣнія, однако, и то, что этнографія не знаетъ ни одной народности, какъ бы ни былъ низокъ культурный уровень послѣдней, гдѣ бы эти способы не практиковались. Они отмѣчены у группъ, еще объединенныхъ исключительно территориальнымъ принципомъ и представляющихъ яркіе примѣры стадіи безпорядочнаго сожительства. Племена, переживающихъ эту стадію развитія, въ настоящее время весьма мало. Кромѣ того, вопросы, касающіеся ихъ правовыхъ возрѣній на собственность, еще крайне недостаточно освѣщены изслѣдователями. Исключеніе представляютъ австралійцы. Если же у нихъ встрѣчаются какъ дареніе, такъ мѣна и наслѣдованіе, нѣтъ основанийъ предполагать, чтобы другія народности, прошедшія черезъ ту же стадію дѣленія на территориальныя группы въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошломъ, или живущія и въ настоящее время въ стадіи близкой къ безпорядочному сожительству, хотя бы они и доразвились до пониманія кровныхъ узъ, не имѣли понятія на стадіи предшествовавшей ихъ современному строю объ этихъ

способах приобретения и передачи собственности. Австралийцев, какъ известно, до настоящаго времени слѣдуетъ считать наименѣ развитыми представителями человѣчества, и нормы ихъ обычнаго права могутъ служить наиболѣе вѣрными данными для обрисовки первобытнаго правовоззрѣнія. Конечно, распространять нормы права низшихъ изъ племенъ Австраліи на всю примитивную стадію человѣчества можно лишь гипотетически. Но эта гипотеза будетъ покоиться на проверенномъ нашей наукой положеніи, что, чѣмъ ниже культурный уровень разныхъ племенъ, тѣмъ сильнѣе сходство въ ихъ правовыхъ воззрѣніяхъ и больше общихъ чертъ въ ихъ общественномъ строѣ и вѣрованіяхъ. Это сходство подчасъ переходитъ въ полное тождество. Однимъ словомъ, чѣмъ ниже стоятъ разноплеменные народности, хотя бы и раздѣленные другъ отъ друга происхожденіемъ, языкомъ, антропологическими признаками и, наконецъ, разстояніемъ, тѣмъ больше однообразія они представляютъ: дифференцирующія одну народность отъ другой въ обособленный типъ условія еще не могли положить своего отпечатка и выдѣлить ее въ отдѣльный типъ, поскольку это касается, по крайней мѣрѣ, ея психическихъ чертъ.

Какъ ни велико у австралийцевъ господство группы надъ индивидомъ, этотъ послѣдній, имѣетъ, однако, право индивидуальной собственности на нѣкоторые предметы: оружіе, орудія, украшенія, одежду, домашній скотъ и въ извѣстныхъ случаяхъ на женщинъ и дѣтей и на результаты своей охоты. Группа, несмотря на господство коллективной собственности, признаетъ право собственности индивидуальной на эти предметы и разрѣшаетъ своимъ членамъ свободно располагать ими. Случаи нарушенія этого основнаго принципа будутъ указаны ниже.

Австралиецъ нерѣдко дѣлаетъ подарки изъ числа указанныхъ предметовъ своего обладанія членамъ какъ своей собственной, такъ и сосѣднихъ группъ, съ которыми ему приходится вступать въ тѣ или другія отношенія. Подарки даются обыкновенно въ расчетѣ получить какую нибудь выгоду отъ другого лица, иногда подъ вліяніемъ желанія помочь нуждающемуся собрату. Чувство взаимопомощи, состраданія, доходящаго иногда до забвенія собственныхъ интересовъ, не составляетъ исключительнаго удѣла представителей болѣе цивилизованныхъ расъ. Естественно, что при матеріальной необезпеченности дикаря, при маломъ количествѣ предметовъ, которыми онъ можетъ свободно располагать, дареніе встрѣчается лишь въ исключительныхъ случаяхъ. У дикарей, какъ и у болѣе цивилизованныхъ представителей человѣчества, дарится обыкновенно лишь то, что не имѣетъ въ данный моментъ существенной цѣнности для дарящаго. Отданный предметъ

считается, однако, неотъемлемой собственностью лица, получившаго подарокъ.

Гораздо болѣе развита среди австралійцевъ мѣна. Иногда ее трудно отдѣлать отъ даренія, иногда, наоборотъ, она приближается къ мѣновой торговлѣ. Въ особенности часто практикуется вымѣниванье себѣ женъ на извѣстныя цѣнности. При характерномъ для низшей стадіи развитія недостаткѣ въ женщинахъ въ предѣлахъ своей группы, австраліецъ нерѣдко вынужденъ вымѣнивать себѣ жену у сосѣдней территоріальной группы. Кроме того, при фактическомъ господствѣ отца надъ малолѣтними дѣтьми, мужчина даже внутри своей группы вынужденъ внесеніемъ извѣстныхъ цѣнностей расположить въ свою пользу отца фактического или юридическаго будущей жены. Мѣна въ этихъ случаяхъ иногда носитъ характеръ даренія: мужчина передаетъ отцу нѣкоторые продукты своей охоты, которые для подержаннаго частымъ періодамъ голоданія австраліецъ всегда являются желанными; иногда онъ приноситъ какой нибудь болѣе или менѣе цѣнный предметъ. Если отцу подарокъ понравится, онъ отдаетъ дѣвушку; но случается, что жениху приходится дѣлать неоднократные подарки, пока, наконецъ, онъ не удовлетворитъ своеобразія располагающаго судьбой дѣвушки мужчины. Въ данномъ случаѣ нѣтъ еще правильнаго института мѣны: количество вносимыхъ за дѣвушку цѣнностей зависитъ не отъ ея качества, а отъ произвола отца, вслѣдствіе чего мѣновая стоимость часто не соответствуетъ достоинству вымѣниваемаго объекта. Кроме того, при внесеніи подарковъ со стороны жениха имѣется въ виду не вознаграждать отца за отдаваемую имъ дѣвушку, а лишь расположить его отпустить послѣднюю. Иногда, однако, мѣна производится вполне правильно: качества дѣвушки повышаютъ или понижаютъ ея стоимость, такъ что мѣновая цѣна ея болѣе или менѣе пропорціональна тѣмъ выгодамъ, которыхъ лишаетъ женихъ отца дѣвушки, уводя послѣднюю къ себѣ. При неразвитомъ охотничьемъ бытѣ и экономической необезпеченности дикаря естественно не можетъ быть и рѣчи объ опредѣленной, фиксированной мѣновой единицѣ, какъ, напримѣръ, у скотоводовъ и земледѣльцевъ, гдѣ дѣвушка пріобрѣтается или за извѣстное количество головъ скота или за опредѣленный взносъ продуктовъ сельскаго хозяйства. Мѣна для пріобрѣтенія другихъ цѣнностей часто носитъ характеръ упорядоченной мѣновой торговли. Хотя въ обществѣ дикарь находитъ возможнымъ удовлетворять всѣмъ своимъ несложнымъ потребностямъ, не выходя за предѣлы территоріи своей группы, тѣмъ не менѣе, въ виду ограниченности этихъ территорій, ему часто не до-

стать необходимых для его существования предметов. Австралийцы, какъ известно, еще недавно не знали другихъ орудій, кромѣ деревянныхъ и каменныхъ; до настоящаго времени каменные орудія далеко еще не вышли у нихъ изъ употребленія, несмотря на соседство европейцевъ, снабжающихъ ихъ металлическими издѣліями. Камень, необходимый для изготовленія орудій, встрѣчается далеко не на всѣхъ территориальныхъ участкахъ; это обстоятельство привело, въ некоторыхъ мѣстахъ Австраліи, но крайней мѣрѣ, къ появленію правильно организованной между племенной мѣновой торговли. Населеніе территории, лишенной потребнаго камня, всякій разъ, когда ему было необходимо возобновить свои испорченные каменные орудія, отправлялось къ племени, въ территоріи котораго камень изобилуетъ, и адѣсь, съ соблюденіемъ известныхъ, предписанныхъ обычаями правилъ вымѣнивало камень на продукты собственнаго производства. Это—зачаточный характеръ мѣновой торговли. Въ болѣе развитомъ видѣ она встрѣчается у другихъ низко стоящихъ въ культурномъ отношеніи народностей. Въ Африкѣ, напримѣръ, народы, живущіе въ мѣстностяхъ неблагоприятныхъ для добыванія себѣ пищи, но изобилующихъ рудой, специально занимаются изготовленіемъ оружія и орудій, которыя онѣ вымѣниваютъ своимъ соседямъ. Эти послѣдніе, нуждаясь въ оружіи и не умѣя изготовлять его, направляются къ нимъ и вымѣниваютъ его на съѣстные припасы, необходимые для существованія кузнецовъ. Въ Южной Америкѣ карибская народность, бакабри, живущая по Шингу, притоку Амазонки, до прихода къ нимъ европейцевъ въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, не была знакома съ металлами и обходилась орудіями изъ дерева, раковинъ, рыбьихъ челюстей и пр. Необходимые имъ для производства болѣе трудныхъ работъ: каменные топоры они не умѣли изготовлять сами и вымѣнивали ихъ у соседняго племени; послѣднее занималось этимъ производствомъ и снабжало своими издѣліями какъ бакабри, такъ и другія соседнія народности. Тѣ отношенія, которыя въ указанныхъ примѣрахъ развились въ Африкѣ и Южной Америкѣ въ опредѣленные и постоянныя, встрѣчаются въ зачаточномъ состояніи въ Австраліи, гдѣ они имѣютъ мѣсто только спорадически. Такимъ образомъ, и въ этомъ случаѣ Австралія представляетъ въ эмбриональномъ состояніи отношенія, успѣвшія развиться въ прочныя у некоторыхъ другихъ нецивилизованныхъ народностей, которые, несмотря на низкій уровень своей культуры, успѣли опередить австралийцевъ.

То, что даже у низшихъ изъ австралийскихъ племенныхъ группъ встрѣчается наследованіе, приводило въ смущеніе изслѣдователей.

Можно ли говорить объ индивидуальномъ наследованіи тамъ, гдѣ еще нѣтъ семьи, гдѣ отецъ не считаетъ себя связаннымъ кровными узами съ своимъ ребенкомъ; гдѣ отцомъ, въ юридическомъ смыслѣ, является тотъ, кто въ данный моментъ обладаетъ извѣстной женщиной, независимо, рождены ли дѣти отъ сожительства съ нимъ или подпали подъ его власть съ переходомъ къ нему матери отъ другого мужчины? Возможно ли наследованіе тамъ, гдѣ группа поглощаетъ индивида, гдѣ дѣти причисляются къ территориальной единицѣ, гдѣ временные мужъ и жена не образуютъ самостоятельнаго, отдѣльнаго отъ группового, хозяйства? Между тѣмъ, случаи передачи родителями дѣтямъ извѣстнаго имущества встрѣчаются на низшей стадіи, даже тогда, когда впоследствии, съ развитіемъ счета родства по женской линіи, вопросъ объ отцовствѣ лица утрачиваетъ всякій интересъ. Отецъ и въ этихъ случаяхъ имѣетъ право и возможность оставить своимъ дѣтямъ то имущество, на которое распространяется его право индивидуальной собственности. Это кажущееся на первый взглядъ противорѣчіе между семейно-общественнымъ строемъ группы и фактическими данными этнографіи легко, однако, устраняется, если вспомнить, что у каждаго дикаря есть свое индивидуальное имущество, отличное отъ группового: что, какъ бы ни было ничтожно количество предметовъ, его составляющихъ, дикарь въ качествѣ собственника можетъ ими располагать по своему произволу. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что отдача дѣтямъ или близкимъ предметовъ имущества умершаго, на основаніи ли словесно выраженаго желанія послѣдняго или безъ него, встрѣчается сравнительно рѣдко; но для цѣлей настоящаго изложенія достаточно констатировать фактъ, что она существуетъ.

Незначительное количество случаевъ передачи предметовъ по наследству находитъ себѣ объясненіе въ малыхъ размѣрахъ индивидуальнаго имущества дикаря, съ одной стороны, съ другой, въ господствѣ обычая власть съ умершимъ въ могилу его оружіе, орудія, предметы обихода и пр. Этотъ обычай встрѣчается, какъ среди низшихъ, такъ и среди болѣе развитыхъ народностей, включая еюда древнихъ египтянъ, грековъ и римлянъ, современныхъ китайцевъ и русское крестьянское населеніе многихъ губерній. Въ основаніи его лежитъ убѣжденіе, что положенные предметы могутъ быть нужны умершему въ его загробномъ существованіи. То, что на болѣе высокихъ ступеняхъ культуры дѣлается подъ вліяніемъ этическихъ чувствъ, подъ воздѣйствіемъ пѣтическаго отношенія живыхъ членовъ группы къ умершему, изъ желанія обезпечить загробное существованіе послѣдняго, имѣетъ мѣсто также у низшихъ въ культурномъ отношеніи

племя. Последнія, однако, менѣе обезличенныя, чѣмъ болѣе развитыя въ общественномъ и экономическомъ отношеніяхъ группы, снабжаютъ покойника лишь тѣми предметами, которые принадлежали ему на правахъ индивидуальной собственности. Скромный багажъ дикаря, составляющій его имущество: его оружіе, орудія, украшенія и части одежды слѣдуютъ обыкновенно въ могилу за ихъ обладателемъ и у австралийцевъ. Нѣкоторые изслѣдователи хотѣли объяснить этотъ обычай, общій всѣмъ некультурнымъ народностямъ, вѣрованіемъ дикарей, что предметъ собственности извѣстнаго лица находится будто бы съ послѣднимъ въ таинственной связи, составляетъ какъ бы одно цѣлое съ его плотью; отсюда естественно, что оружіе и орудія, которыми пользовался умершій, украшенія и одежда, которыя онъ носилъ, должны, какъ часть его самого, соединенныя съ нимъ этой таинственной связью, раздѣлить участь ихъ бывшаго собственника, т. е. умереть. Нѣмецкій этнографъ Гельвальдъ (Hellwald), напримѣръ, говоря о происхожденіи частной собственности на движимость, замѣчаетъ, что выраженіе «личное оружіе» (Leibwaffe), употребительное и въ настоящее время, имѣло у первобытныхъ дикарей буквальный смыслъ, такъ какъ этимъ означалось оружіе, составлявшее часть тѣла извѣстнаго лица, часть его самого.

Совершенно излишне навязывать дикарю мнѣнія, зародившіяся въ головахъ изслѣдователей и не находяція себѣ достаточнаго подтвержденія въ бытѣ дикаря. Этотъ послѣдній дѣйствительно вѣритъ, что и неодушевленные предметы: оружіе, орудіе и украшенія имѣютъ душу и жизнь; вслѣдствіе этого, чтобы указанные предметы могли служить ихъ собственнику и послѣ смерти послѣдняго, ихъ иногда кладутъ съ покойникомъ не иначе, какъ подвергнувъ порчѣ: оружіе ломаютъ, одежду разрываютъ и пр. Но отъ мотивовъ, вызывающихъ къ жизни этотъ обычай, до предположенія о таинственной связи, соединяющей владѣльца съ объектомъ собственности, до мнѣнія, что оружіе или украшеніе составляетъ какъ бы часть собственника, огромный шагъ. Едва ли дикарь, въ извѣстныхъ случаяхъ свободно отчуждающій свое оружіе или одежду, бросающій его или ломающій, предполагаетъ, что онъ бросаетъ или даритъ часть самого себя. Мнѣніе, высказанное Гельвальдомъ и нѣкоторыми другими учеными, не подтверждается изслѣдованіями быта дикарей. Болѣе естественнымъ кажется искать объясненіе обычая положенія съ умершимъ вещей, только принадлежащихъ ему въ индивидуальную собственность, въ болѣе простыхъ соображеніяхъ некультурнаго ума дикаря. Покойникъ нуждается въ оружіи, украшеніяхъ и одеждѣ

въ своей загробной жизни; онъ снабжается ими въ томъ размѣрѣ и количествѣ, какія онъ имѣлъ въ моментъ смерти, оттого, что только на нихъ онъ имѣетъ право индивидуальной собственности: остальное принадлежитъ группѣ. Оставшіеся въ живыхъ обыкновенно не рѣшаются лишать покойника его имущества вслѣдствіе боязни, что умершій, какъ собственникъ, будетъ мстить за совершенное у него похищеніе; мечь же его особенно страшна, такъ какъ онъ послѣ смерти переходитъ въ существо, борьба съ которымъ живымъ людямъ не подъ силу. Собственность и здѣсь охраняется силой, какъ и въ отношеніяхъ между живыми членами группы. Но у живого человека можно отнять извѣстный предметъ, если отрицающій чувствуетъ себя способнымъ отстоять свое обладаніе физической силой; умершій же оказывается всегда болѣе могущественнымъ, чѣмъ живущій, такъ какъ у него въ рукахъ сверхъестественныя средства борьбы, передъ которыми живые безсильны. Вслѣдствіе этого, права собственности покойника ревниво оберегаются живущими отъ посягательствъ постороннихъ лицъ.

Собственникъ предметовъ можетъ, если онъ предполагаетъ это возможнымъ для себя, обойтись безъ нихъ въ своемъ загробномъ существованіи, раздать часть ихъ передъ смертью наиболѣе близкимъ лицамъ, его окружающимъ. Онъ можетъ сдѣлать словесное распоряженіе на этотъ счетъ передъ смертью; наконецъ, окружающія его лица могутъ оставить часть, обыкновенно, излишнюю, предметовъ у себя, если они имъ необходимы и принести за это подарки и жертвы умершему т. е. совершить какъ бы мѣновую оцѣнку съ усопшимъ собственникомъ. Отсюда возникаетъ право наслѣдованія. Групповое наслѣдованіе вполнѣ уживается съ индивидуальнымъ, какъ имущественный коммунизмъ можетъ одновременно существовать съ индивидуальной собственностью. Группа считаетъ себя наслѣдницей той части имущества покойнаго, которое не принадлежало ему въ индивидуальную собственность; лицо или лица наслѣдуютъ то, что лично принадлежало умершему. Въ Австраліи, гдѣ даже родовыя группы, основанныя на счетѣ родства исключительно или по женской или по мужской линіи, не доразвѣлись еще въ самостоятельныя хозяйственныя единицы, отмѣчены различныя формы наслѣдованія, естественно, въ зачаточномъ состояніи. Отецъ т. е. мужчина, обладающій матерью извѣстныхъ дѣтей, иногда оставляетъ имъ по смерти часть предметовъ своего вооруженія или украшенія. Дѣти считаются принадлежащими къ группѣ и связаны съ отцомъ лишь до момента, когда они становятся способными къ самостоятельной жизни. То, что отецъ оставляетъ часть предметовъ собственности дѣтямъ своей жены, а не другимъ членамъ группы, объясняется

экономическими условиями быта низшихъ австралійскихъ бродячихъ охотниковъ. Въ поискахъ за пищей мужчина часто вынужденъ отдѣляться отъ своей группы, забирая съ собою свою жену и ея малолѣтнихъ дѣтей. Какъ ни спорадически встрѣчается такое хозяйственное разъединеніе лица отъ группы, какъ ни велика власть послѣдней надъ индивидомъ, дающая группѣ право отнять у отдѣливагося охотника добытую имъ добычу, совмѣстная жизнь отдѣльной группы индивидовъ дѣлаетъ естественнымъ, что правомъ наслѣдованія пользуются прежде всего тѣ, кто стоялъ въ болѣе тѣсной хозяйственной связи съ умершимъ. Это основное положеніе, которымъ регулируется наслѣдственное право на низшихъ ступеняхъ развитія. Принципъ этотъ проходитъ красной нитью черезъ первобытное наслѣдственное право и на болѣе высокихъ ступеняхъ развитія, чѣмъ та, на которой стоятъ австралійцы.

Естественно, что у тѣхъ австралійскихъ племенъ, у которыхъ тотемическая группа вытѣснила или вытѣсняетъ группу территориальную, право наслѣдованія опредѣляется принадлежностью къ тотемическому, т. е. религіозному и родственному союзу отца или матери; при этомъ первоначальный исключительно экономическій принципъ комбинируется съ принципомъ родственнымъ, кровнымъ, съ этимъ новымъ могущественнымъ факторомъ человѣческой культуры. Одни племена, какъ, напримѣръ, нарриньери, допускаютъ наслѣдованіе отъ отца къ сыну, такъ какъ между ними существуетъ хозяйственное единеніе. Другіе, напримѣръ, камиларои, не позволяютъ переходъ наслѣдства иначе, какъ по женской линіи, т. е. отъ материнскаго дяди къ племянникамъ: это оттого, что рода камиларои начинаютъ уже обособляться въ самостоятельныя хозяйственныя единицы. Третьи, напримѣръ, уаллару, выработали комбинацію, согласно которой оружіе и орудіе умершаго дѣлятся между его сыновьями и мужьями его сестеръ. Нѣкоторыя племена Австраліи, напримѣръ, татіара, признаютъ право первородства; у другихъ хозяйственный принципъ еще настолько силенъ, что къ наслѣдованію привлекаются только жена умершаго и ея дѣти. Такимъ образомъ, основано ли право наслѣдованія исключительно на принципѣ хозяйственнаго единенія, или этотъ послѣдній комбинируется съ принципомъ кровнымъ, покоящемся на тѣхъ же экономическихъ началахъ, слѣдуетъ признать, что въ Австраліи, начиная съ низшей территориальной группы, встрѣчается уже наслѣдованіе. Это обстоятельство опровергаетъ мнѣніе, будто наслѣдованіе принадлежитъ къ числу сравнительно позднихъ инстинктовъ первобытнаго права; оно доказываетъ одновременно, что

оно является источником индивидуальной собственности уже на низшей изъ доступныхъ изученію ступеней культуры, что въ зачаткахъ, еще на этой стадіи, встрѣчаются формы, которыя въ послѣдствіи суждено развиться въ стройныя и сложныя системы.

Остановиться довольно подробно на наследственномъ правѣ австралійцевъ и этимъ нѣсколько отклониться въ сторону пришлось вслѣдствіе важной роли, выходящей на долю наследственнаго права въ исторіи развитія первобытной собственности. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что если наследованіе, наравнѣ съ дареніемъ и мѣной, возможно отнести къ числу первобытныхъ источниковъ собственности, нельзя увескаты слѣдующихъ весьма важныхъ для первобытной группы обстоятельствъ. 1) Право наследованія осуществляется лишь спорадически, въ исключительныхъ случаяхъ, а не является постояннымъ институтомъ. Это объясняется прежде всего бѣдностью первобытнаго дикаря предметами собственности и вѣрованіемъ, что эти послѣдніе необходимы умершему въ его загробной жизни; вслѣдствіе этого, небольшой скарбъ дикаря обыкновенно слѣдуетъ за нимъ въ могилу цѣликомъ. 2) Объектами права наследованія, въ тѣхъ случаяхъ, когда это право осуществляется, служатъ, прежде всего и почти исключительно, только тѣ предметы, которые имѣются въ излишкѣ и, слѣдовательно, не могутъ быть существенно нужны покойнику. Такъ, если умершій имѣлъ, на примѣръ, два каменныхъ топора, одинъ кладется въ могилу, другой поступаетъ въ пользованіе оставшихся послѣ покойнаго. Далѣе, по наследству переходятъ необходимыя этимъ послѣднимъ въ ихъ борьбѣ за существованіе предметы. Такъ, на примѣръ, цѣнныя по количеству труда и времени, затраченному на ихъ изготовленіе, лодки у нѣкоторыхъ арктическихъ народностей никогда не идутъ въ могилу съ умершимъ наравнѣ съ его платьемъ, оружіемъ и украшеніями. Онѣ наследуются оставшимися въ живыхъ лицами его группы, хотя лодки эти и составляютъ объектъ частной собственности умершаго. Такое отчужденіе въ свою пользу части личной собственности покойнаго сочлена сопровождается обыкновенно поминками и жертвоприношеніями, имѣющими цѣлю умилостивить за утрату духъ усопшаго.

Изъ другихъ источниковъ собственности у низшихъ народностей слѣдуетъ отмѣтить еще находку, захватъ и трудъ. Всѣ эти три источника собственности, какъ групповой, такъ и индивидуальной, можно считать первоначальными, такъ какъ они являются и самыми простыми изъ всѣхъ извѣстныхъ способовъ приобрѣтенія собственности. Изъ нихъ нѣтъ основанія выдѣлять находку: она стоитъ въ тѣснѣй-

ней связи съ захватомъ и не дифференцировалась отъ него на первобытныхъ стадіяхъ культуры. Въ самомъ дѣлѣ, предметъ находки дѣлается собственностью нашедшаго не вслѣдствіе факта находки, а вслѣдствіе захвата; только въ томъ случаѣ нашедшій имѣетъ право на найденный предметъ, если таковой является *res nullius*, или если онъ можетъ отстоять свое право на найденную вещь физической силой. Нормы, согласно которымъ нашедшій чужую вещь имѣетъ право на опредѣленную часть ея или на известное вознагражденіе, возникаютъ лишь впоследствии. Ихъ не существуетъ, напримѣръ, даже у народностей съ такимъ сравнительно развитымъ правомъ, какъ буряты и тунгусы; только у верчинскихъ тунгусовъ назначается за находку награда, равная десятой доли найденнаго. Въ обычномъ правѣ русскихъ крестьянъ возрѣнія на находку, по словамъ Пахмана, «сводятся къ тому, что найденная вещь становится собственностью нашедшаго, если хозяинъ ея неизвѣстенъ; въ противномъ же случаѣ нашедшему принадлежитъ только право на вознагражденіе. Первое начало даже, повидимому, преобладаетъ въ томъ смыслѣ, что нашедшій вещь по обычаю считаетъ себя прямо собственникомъ ея, такъ что на немъ какъ бы не лежитъ вовсе обязанности ни справиться о хозяинѣ, ни возвращать находку. Этотъ взглядъ выражается даже въ словахъ: «чуръ на одного» или «чуръ пополамъ», когда одинъ видитъ, что другой что-либо нашель—будетъ ли нашедшій стороннее лицо или самъ хозяинъ вещи, такъ что нашедшій считаетъ за собой право если не на всю вещь, то, по крайней мѣрѣ, на половину». Необходимость правильнаго регулированья общежитія приводитъ къ требованію, чтобы нашедшій принималъ мѣры къ отысканію хозяина; за неисполненіе этого полагается даже взысканіе, какъ, напримѣръ, въ иныхъ мѣстностяхъ среди русскихъ крестьянъ или среди тунгусовъ нѣкоторыхъ вѣдомствъ. Если коллизія интересовъ лица нашедшаго и хозяина вещи привела къ появленію указанныхъ правилъ, то естественно, что эти нормы позднѣйшаго происхожденія, что онѣ вызваны къ жизни необходимостью предотвратить споры. На низшихъ ступеняхъ культуры онѣ не встрѣчаются; находка считается *eo ipso* за *res nullius*—взглядъ, который чувствуется и въ вышеприведенныхъ положеніяхъ русскаго обычнаго права. Если хозяинъ вещи находится, дикарь можетъ отстаивать свое право физической силой или возвратить вещь хозяину безъ вознагражденія. Разница между находкой въ этой первобытной ея формѣ и захватомъ весьма неустойчива: въ каждомъ данномъ случаѣ трудно разграничить находку и захватъ, отстаиваемый противъ посягательствъ другихъ лицъ силой, почти един-

ственной формой защиты индивидуальных прав собственности на низшей стадии развитія противъ другихъ лицъ, но не противъ группы. Въ Австраліи, если кто нибудь «находитъ мѣсто, приспособленное птицами для высиживанья яицъ, онъ получаетъ на нихъ первое право» Если австралиецъ или представитель другого, крайне низко стоящаго въ культурномъ отношеніи племени, кубу (на Суматрѣ) найдетъ «въ лѣсу соответствующее его цѣлямъ дерево, онъ дѣлаетъ въ немъ зарубку, отмѣчая такимъ образомъ то, что онъ его уже нашелъ; дерева этого не касается никто изъ сородичей». Эти правила находятъ себѣ почти буквальное повтореніе въ обычномъ правѣ крестьянъ сѣвера Россіи, въ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ подсѣчное хозяйство. Если кто-либо изъ крестьянъ нашелъ мѣсто, удобное для лядины, и отмѣтилъ его, подрубивъ вѣтви на растущихъ здѣсь деревьяхъ, то никто другой уже не можетъ заявить претензію на обладаніе этимъ участкомъ земли. Совершенно то же имѣетъ мѣсто при рѣшеніи вопроса о принадлежности бортяного дерева: первый нашедшій подобное дерево ставитъ на немъ клеймо или дѣлаетъ зарубку, и дерево считается его собственностью. Таковы правила русскаго обычнаго права на этотъ счетъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, равно и права инородцевъ. Въ приведенныхъ случаяхъ право находки и право захвата настолько тѣсно переплетены, что точное разграниченіе ихъ другъ отъ друга едвали возможно. Вопросъ о принадлежности рѣшаетъ время: первый явившійся, нашедшій и eo ipso захватившій предметъ, считается его владѣльцемъ, по формулѣ римскаго права: *prior tempore, potior jure*, т. е. «первый по времени—старшій по праву». Зарубки, клейма и пр., дѣлаемые на найденномъ предметѣ, которыя нельзя унести съ собой, являются, по справедливому замѣчанію Кулишера, символическими дѣйствіями, доказательствами времени находки и распространенія индивидуальных правъ на нее. Совершенно аналогичныя правила извѣстны при захватѣ, когда право перваго захватившаго опредѣляется также моментомъ захвата.

Естественно, что право на найденную вещь ограждается въ первобытномъ состояніи только фактически, физической силой со стороны нашедшаго; сознаніе неприкосновенности права собственности удѣлъ болѣе развитыхъ народностей. Фактическія отношенія низшихъ ступеней развитія лишь постепенно переходятъ въ юридическія. Пока будетъ достаточно отмѣтить, что находку, которая встрѣчается уже у австралийцевъ, слѣдуетъ отнести къ числу первобытныхъ способовъ пріобрѣтенія индивидуальной собственности, и что находку на примитивной стадіи нельзя отдѣлять отъ захвата. Вслѣд-

ствіе этого, число основныхъ способовъ пріобрѣтенія собственности сводится къ двумъ: къ *захвату* и къ *труду*.

Со временъ Локка, пишетъ М. М. Ковалевскій, установилось мнѣніе, что источникомъ первобытной собственности слѣдуетъ считать трудъ. «Изъ всѣхъ приверженцевъ трудовой теоріи, замѣчаетъ онъ, однако, одинъ основатель ея, повидимому, недалеко былъ отъ той мысли, что одного труда недостаточно для установленія частной собственности. Индивидуальную апроприацію онъ допускаетъ только подъ однимъ условіемъ, чтобы присвоенныхъ предметовъ въ наличности было бы не болѣе того, сколько необходимо для удовлетворенія личныхъ потребностей того лица, которое обратилось къ ихъ завладѣнію». Это ограниченіе совершенно упускается изъ вида популяризаторами ученія Локка. «Въ эпоху, предшествующую развитію обмѣна, при невозможности сохраненія произвольнаго числа накопленныхъ запасовъ, въ виду ихъ истребляемости отъ времени, обращеніе въ частную собственность всего застѣяннаго кѣмъ либо хлѣба, или всѣхъ собранныхъ кѣмъ либо плодовъ—является бесполезнымъ, такъ какъ они не поступаютъ на рынокъ и подлежатъ порчѣ. Иное дѣло оружіе ограбленнаго врага или шкуры убитыхъ животныхъ, насколько тѣ и другія служатъ личнымъ потребностямъ. Отсюда первоначальное присвоеніе ихъ человѣкомъ задолго до индивидуализаціи другихъ видовъ движимостей». Естественно, однако, что въ фактъ присвоенія себѣ оружія или одежды врага лежитъ въ основаніи не трудъ, а захватъ, если только послѣдній не считать также формой труда.

Взглядъ, что трудъ является первичнымъ источникомъ собственности, получило широкое распространеніе. Взглядъ этотъ дѣйствительно подтверждаетъ значительное количество фактовъ. Едва ли въ настоящее время кто нибудь рѣшится отрицать значеніе труда, какъ источника индивидуальной или коллективной собственности на низшихъ стадіяхъ развитія. Признавать его, однако, исключительнымъ источникомъ первобытной собственности впадаютъ данныя, добытыя изученіемъ быта некультурныхъ народностей. Въ критикѣ трудового начала изслѣдователи иногда держались крайнихъ мнѣній, доходя до почти полнаго отрицанія трудового принципа и выдвигая на исключительное мѣсто право захвата. Причина крайности лежала отчасти въ недостаточномъ знакомствѣ съ бытомъ дикарей, отчасти въ желаніи непременно найти одинъ принципъ, которому человѣчество было бы обязано возникновеніемъ идеи собственности. Въ дѣйствительности оба источника сосуществуютъ на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи. Наиболѣе серьезные изслѣдователи

удѣляютъ каждому изъ двухъ началъ самостоятельное и видное мѣсто въ развитіи первобытнаго права.

«Согласно общему мѣсту, дорогому экономистамъ, пишетъ Летурно (Letourneau), желающій примирить крайности защитниковъ обеихъ теорій: трудовой и захватной, первымъ источникомъ личной собственности былъ личный трудъ. Соціологія, на основаніи данныхъ этнографіи, свидѣтельствуетъ, наоборотъ, приводя много подтверждающихъ оснований, что индивидуальная собственность, сколько нибудь значительная, произошла первоначально изъ насилія и захвата: невольникъ, котораго пощадилъ, былъ прежде всего самымъ цѣннымъ имуществомъ, и первыя земледѣльческія работы были производимы женщинами и рабами. Но въ всякаго сомнѣнія, продолжаетъ Летурно, . . . первая идея индивидуальной собственности, психологическая причина ея возникла изъ личнаго труда, изъ приготовленія оружія и орудій ихъ собственникомъ, которыя хоронились или сжигались вмѣстѣ съ нимъ. Но эта идея вскорѣ расширилась, и весьма рано начали распространять ее на практикѣ на всѣ предметы и существа, которыя индивидъ присваивалъ себѣ . . . для собственной пользы, каковъ бы ни былъ источникъ этого присвоенія». Попытку Летурно согласить двѣ крайнія теоріи, какъ видно изъ приведенной цитаты, нельзя назвать удачной; она не выясняетъ даже взгляда самого Летурно о первоначальномъ источникѣ собственности.

Рѣзкія различія въ рѣшеніи этого вопроса все еще встрѣчаются въ литературѣ. Не безинтересно будетъ поэтому остановиться на взглядахъ нѣкоторыхъ авторовъ.

Обширный споръ возникъ въ Россіи по поводу теоріи А. Я. Ефименко, которая первая провозгласила принципъ трудового начала въ русской крестьянской семьѣ. Ея теорія имѣетъ особенный интересъ. Во первыхъ она сыграла большую роль и играетъ ее и до настоящаго времени. Кромѣ того, относясь какъ бы специально къ русской крестьянской семьѣ, она, въ дѣйствительности, затрагиваетъ много общихъ вопросовъ, основныхъ въ исторіи развитія собственности.

А. Я. Ефименко исходитъ изъ совершенно вѣрнаго положенія, ею впервые отмѣченнаго для русской крестьянской среды, что трудъ, какъ источникъ собственности, пользуется уваженіемъ среди крестьянъ. «Кто срубить бортяное дерево, формулируетъ она взгляды русскаго крестьянина, тотъ воръ—онъ укралъ человѣческій трудъ; кто срубить лѣсъ, никѣмъ не посѣянный, тотъ пользуется даромъ Божиимъ, такимъ же, какъ вода, воздухъ». Трудовое начало, по ея мнѣнію, особенно ярко выясняется изъ порядка наслѣдованія у крестьянъ.

«Трудовой принцип, пишет она, красной нитью проходит через всё наследственные отношения крестьянъ, поскольку они опредѣляются обычнымъ правомъ. Онъ иногда видоизмѣняется въ своихъ примѣненіяхъ, сообразно особенностямъ условій, среди которыхъ дѣйствуетъ; иногда осложняется другими чуждыми ему элементами; иногда затемняется вѣншимъ вліяніемъ—вліяніемъ законодательства, построеннаго на иныхъ началахъ, и культурныхъ слоевъ, воспитанныхъ на иныхъ правовыхъ представленіяхъ, но всетаки даже поверхностный взглядъ не можетъ не признать его руководящаго значенія въ этой области права».

Пахманъ, Ковалевскій, Мухинъ и др., подвергнувшіе разбору весьма заманчивую теорію Ефименко, доказали ея исключительность. «Можно прийти къ заключенію, заканчиваетъ, напримѣръ, Пахманъ свой разборъ теоріи трудового начала, что при всемъ экономическомъ значеніи личнаго труда и уваженіи къ нему въ крестьянскомъ быту, ему не можетъ быть усваиваемо самостоятельное юридическое значеніе, съ одной стороны потому, что въ тѣхъ случаяхъ, когда за трудъ полагается вознагражденіе, право на такое вознагражденіе сводится не къ самому труду, а къ другимъ юридическимъ основаніямъ, каковы: сдѣлка, порученіе . . . и т. п., а съ другой потому, что трудъ, самъ по себѣ, не всегда ведетъ къ праву на вознагражденіе, а разсматривается иногда только, какъ нарушающее чужое право, напримѣръ, когда кто-либо эксплуатируетъ въ свою пользу землю, завѣдомо принадлежащую другому лицу». Выдвигая, какъ источникъ личной собственности въ крестьянской семьѣ, принципъ кровный, согласно которому право собственности лица на семейное имущество опредѣляется близостью кровныхъ узъ лица къ семейной группѣ, Пахманъ впадаетъ въ противоположную крайность, низводя почти на нѣтъ принципъ труда. Болѣе справедливо мнѣніе Мухина. Въ своемъ сочиненіи: «Обычный порядокъ наследованья у крестьянъ» онъ, критикуя теорію трудового начала, замѣчаетъ, что, «несмотря . . . на важное значеніе, которое имѣютъ личный трудъ и хозяйственные интересы въ сферѣ народной жизни, изложенная теорія (т. е. трудового начала) не обнимаетъ собою всѣхъ явленій наследственнаго порядка въ крестьянскомъ быту, и, доведенная до крайнихъ предѣловъ, она становится въ противорѣчіе, какъ съ лежащею въ ея основѣ идеей, такъ и съ положительными фактами дѣйствительной жизни». Мухинъ вѣрно отмѣчаетъ, что у крестьянъ, какъ оказывается, «справедливость» и «торжество» трудового начала приносятъ свои плоды, главнымъ образомъ, однимъ мужчинамъ, жен-

щина же вообще мало причастна его благотворительному влиянию», так как она чаще всего не участвует въ наследствѣ въ равной мѣрѣ, какъ и мужчины, хотя и трудится не только не меньше, но, по признанію самихъ поборниковъ трудового начала, больше мужчинъ.

Положительной стороной поборниковъ теоріи трудового начала было признаніе важнаго значенія труда въ крестьянскомъ быту. Такъ какъ этотъ послѣдній представляетъ много чертъ первобытности, характерныхъ для начальной ступени развитія собственности, эта теорія конечно имѣла большое значеніе: она смягчила взгляды лицъ, выдвигавшихъ на первое мѣсто роль захвата, какъ источника первобытной собственности.

Въ настоящее время изслѣдователи, признавая значеніе труда, какъ источника собственности, не отводятъ ему исключительнаго мѣста и ставятъ его рядомъ съ захватомъ, который нѣкоторые считаютъ лишь видомъ труда. Зиберъ, напримѣръ, защитникъ трудового начала, говоря объ источникѣ индивидуальной собственности, формулируетъ свой взглядъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «На ряду съ самостоятельнымъ трудомъ, потраченнымъ на изготовленіе орудія и на самое производство той или другой вещи, стоитъ завоеваніе, представляющее на первоначальныхъ ступеняхъ развитія также родъ самостоятельнаго и преисполненнаго опасностей труда». При такомъ взглядѣ на захватъ вполне естественнымъ оказывается положеніе Зибера, что «обособляющійся трудъ является единственною первоначальною причиною возникновенія частной собственности на движимыя вещи». Едва ли можно раздѣлять мнѣніе Зибера на захватъ-завоеваніе, какъ на особый видъ труда: психологическая основа обоихъ актовъ совершенно различна и не можетъ быть объединена. Но нѣтъ сомнѣнія въ вѣрности его положенія о выдающейся роли труда, какъ источника собственности на низшей культурной ступени. Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ имѣть въ виду слѣдующее: 1) трудъ существуетъ наряду съ захватомъ и, слѣдовательно, ему не должно быть отводимо исключительнаго мѣста и 2) «въ первобытномъ строѣ, по вѣрному замѣчанію Петри, трудовой принципъ не является чѣмъ либо абсолютнымъ, такъ какъ первобытный строй вообще не представляетъ собою ничего упорядоченнаго и выработаннаго». Въ жизни человѣчества на низшихъ ступеняхъ развитія многое еще не опредѣлилось, не успѣло формулироваться съ той точностью, какъ у цивилизованныхъ расъ. Вслѣдствіе этого, признаваемый въ идеѣ принципъ подвергается частымъ нарушеніямъ, оправдываемымъ условіями жизни.

Роль захвата, какъ источника собственности, нерѣдко преувеличива-

лась въ меньшей степени, чѣмъ роль труда. Это объясняется неправильнымъ представленіемъ о жизни первобытныхъ группъ: многіе изслѣдователи рисовали себѣ примитивную стадію жизни человѣчества, какъ постоянную войну различныхъ группъ другъ съ другомъ. Вопросъ о роли войны въ жизни низко стоящихъ народностей настолько важенъ, что на немъ придется остановиться нѣсколько подробнѣе.

Различіе между взглядами Гоббса, который давалъ характеристику первичной стадіи развитія, называя ея *bellum omnium contra omnes*, и Тэйлоромъ (Tylor) заключается лишь въ слѣдующемъ: первый представлялъ себѣ борьбу индивида противъ индивида, челоѵка, стоящимъ изолированно, второй воображалъ постоянную между-групповую войну. «Среди низинныхъ племенъ, цитируетъ Тэйлора Кулишеръ, война является соціальною необходимостью. Если бы австралійскія и краснокожія племена оставались въ мирѣ между собою въ теченіе столѣтій, они истребили бы всѣхъ буйволовъ и кенгуру своей страны». Вѣчное состояніе взаимной вражды и постоянной войны, какъ источникъ первобытнаго права, выдвигалъ и Макъ Ленавъ. Дѣйствительно, война междугрупповая или междуплеменная встрѣчается весьма часто на первобытной стадіи развитія. Но считать войну, такъ сказать, нормальнымъ состояніемъ дикарей нѣтъ никакихъ основаній; дикарь избѣгаетъ войны въ случаяхъ, когда у него есть въ распоряженіи другія средства къ защитѣ и огражденію своихъ интересовъ. Правда, стоитъ австралійскимъ дикарямъ или низко стоящимъ на культурной лѣстницѣ жителямъ центральной Бразиліи столкнуться при охотѣ на общей территоріи, какъ между ними немедленно же завязывается драка, и болѣе слабая сторона вынуждена уступить право охоты на данномъ участкѣ побѣдителю. Но извѣстно одновременно и то, что охотничья территорія каждой группы строго опредѣлена обычаемъ, и что границы всегда соблюдаются сосѣдними другъ съ другомъ группами. Столкновенія, такимъ образомъ, представителей различныхъ группъ на одной территоріи происходятъ въ общемъ вовсе не такъ часто, какъ это принято предполагать. Они составляютъ правонарушенія; это насиліе надъ господствующими нормами первобытнаго обычнаго права вызывается экономическими условіями (недостаткомъ дичи на своей территоріи), иногда случайностью или простымъ злоупотребленіемъ со стороны считающихъ себя болѣе сильными сосѣдей, и какъ таковое вызываетъ кровавыя столкновенія.

Далѣе, войны у дикарей нерѣдко возникаютъ изъ взаимныхъ оскорбленій, вызываются обычаемъ кровной мести; иногда онѣ имѣютъ характеръ охоты за людьми въ цѣляхъ каннибализма (война для добы-

ванія себѣ рабовъ встрѣчается только на болѣе высокихъ ступеняхъ экономической и общественной культуры) или для захвата женщинъ, если ихъ нельзя получить мирнымъ путемъ и т. д. Однимъ словомъ, поводовъ для войны всегда достаточно; между тѣмъ, войны не составляютъ постоянной черты быта первобытной группы. Уже на низшихъ ступеняхъ культуры существуетъ цѣлый рядъ правилъ, регулирующихъ междугрупповыя отношенія, правила входа въ чужую территорию, формальности, которыми обставлена посылка гонимыхъ черезъ чужія земли и пр. Въ Южной Америкѣ, у патагонцевъ, напримѣръ, при входѣ въ чужую территорию соблюдается слѣдующая формальность: на границѣ сосѣдскихъ владѣній патагонецъ разводитъ костеръ и ждетъ терпѣливо, что бы тамъ, замѣтивъ дымъ, развели бы тоже костеръ; это означаетъ разрѣшеніе чужеземцу проникнуть въ территорию. Если отвѣтнаго костра не появится, онъ не войдетъ въ чужую область. Весьма низко стоявшіе въ культурномъ отношеніи тасманійцы строго уважали границы охотничьихъ территорий отдѣльныхъ племенъ, зная, что произвольный переходъ границы равносильно объявленію войны. Дикари, которыхъ представляли рабами своихъ страстей, не могущими удерживать свои порывы, проявляютъ иногда въ междуплеменныхъ отношеніяхъ изумительную сдержанность. У австралійцевъ въ Квинслэндѣ, напримѣръ, практикуется людоедство влѣдствіе отсутствія мяса, хотя оно вовсе не вызывается голоданіемъ. «Тамъ, пишетъ Ратцель (Ratzel) со словъ одного изслѣдователя, растетъ дерево Bunga-Bunga (*Araucaria Bidwilli* Hook), имѣющее мучнистыя и очень питательныя плоды: но оно встрѣчается лишь на ограниченной территоріи и даетъ обильный урожай только каждыя три года. Если запасъ плодовъ значительно больше, тѣмъ живущее тамъ племя можетъ уничтожить, оно разрѣшаетъ чужимъ племенамъ, иногда живущимъ весьма далеко, воспользоваться имѣющимся излишкомъ плодовъ. Съѣхавшіеся иноплеменники, долгое время питаются исключительно этой растительной пищей, ощущаютъ, какъ говорятъ, чрезвычайное стремленіе къ пищѣ мясной. Такъ какъ они не имѣютъ права убивать дичь въ этой, не принадлежащей имъ территоріи, что повело бы неминуемо къ боевой схваткѣ, они обращаются къ людоедству и убиваютъ одного изъ своихъ, чтобы этимъ путемъ получить себѣ мясо». Трудно найти болѣе яркаго примѣра уваженія къ чужой собственности и стремленія избѣгнуть враждебныхъ столкновений. Даже на болѣе высокихъ ступеняхъ цивилизаціи, когда поводовъ къ войнѣ между малокультурными племенами становится значительно больше, и войны у нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣлаются чуть не главнымъ занятіемъ, встрѣчается цѣлый рядъ

мѣръ, направленныхъ къ уничтоженію поводовъ къ кровавымъ столкновениямъ. Въ Африкѣ, напримѣръ, гдѣ особенно развились военныя организаціи, отмѣчены любопытныя нормы. Такъ, два государства Уганда и Уніоро были отдѣлены другъ отъ друга широкой нейтральной полосой, на которой совершенно свободно происходили охоты и передвиженія представителей обоихъ государствъ. Подобныя нейтральныя участки, встрѣчаются на территорияхъ и другихъ африканскихъ народностей. Иногда нѣсколько государствъ соединены тропинками, которыя служатъ исключительно для мирныхъ сношеній; переходы по нимъ враждебныхъ другъ другу партій во время войны безусловно воспрещены. Такія тропинки встрѣтилъ, между прочимъ, нѣмецкій путешественникъ Мейеръ (Meuer) на склонахъ Килиманджаро между владѣніями вамадшамовъ и сосѣднихъ племенъ. Однимъ словомъ, начиная съ низшихъ культурныхъ ступеней и кончая наиболѣе воиственными племенами, замѣтно стремленіе оградить себя отъ бѣдствій войны. Принимая во вниманіе чрезвычайно частыя войны между низко стоящими племенами, Летурно замѣчаетъ иронически: «Въ общемъ, начиная съ каменнаго вѣка, всё человѣческія общества, большія и малыя, горячо работали надъ уничтоженіемъ другъ друга; чтобы достигнуть этой славной цѣли, они не останавливались ни передъ какимъ преступленіемъ: если человѣческій родъ еще продолжаетъ существовать, то несомнѣнно не по винѣ самихъ людей». Однако, данныя изъ жизни малокультурныхъ народовъ ясно указываютъ слѣдующее: 1) Военный бытъ, какъ постоянный характерный признакъ жизни племени, встрѣчается на болѣе высокихъ ступеняхъ культуры. Бытъ низшихъ дикарей, при всей своей неупорядоченности, даетъ примѣры частыхъ столкновеній только подъ вліяніемъ необходимости и въ случаяхъ, когда война оказывается реакціей противъ извѣтнаго правонарушенія. Стремленіе подчинить себѣ сосѣдей, придать блескъ имени своего племени путемъ уничтоженія другихъ племенъ еще недоступно низшимъ дикарямъ и появляется лишь тогда, когда группа сложилась въ прочный организмъ. 2) Хотя дикари прибѣгаютъ часто къ войнѣ, какъ формѣ добыванія себѣ пропитанія или защиты своихъ интересовъ, первобытная мысль дикаря стремится отыскать средства выйти изъ ненормальнаго состоянія путемъ установленія обычно-правовыхъ нормъ, регулирующихъ междугрупповыя и междуплеменные отношенія. Вынужденное часто условіями борьбы за существованіе уничтожать своихъ сосѣдей, человѣчество, подъ вліяніемъ стремленія къ самосохраненію, трудилося одновременно и надъ уничтоженіемъ войны,

считая ее бѣдствіемъ, а не только средствомъ добыть себѣ славу и имущество.

При такихъ условіяхъ не можетъ быть рѣчи о войнѣ на низшей стадіи культуры, исключительно какъ о социальной необходимости. Дикарь лишь въ рѣдкихъ случаяхъ стоитъ передъ альтернативой уничтожить всю дичь на своей территоріи и затѣмъ гибнуть отъ голода или при помощи войны истреблять своихъ сосѣдей, уменьшая этимъ путемъ количество «ѣдоковъ», какъ въ своей, такъ и во враждебной группѣ. Незначительный численный составъ первобытныхъ группъ и племенъ, дѣлающій возможнымъ, при несовершенныхъ орудіяхъ и при относительно маломъ количествѣ имѣющихся въ ихъ распоряженіи продуктовъ питанія, жизнь на ограниченной территоріи, меньше всего вызывается частыми войнами, уменьшающими населеніе. Это послѣднее не можетъ быстро возрасти благодаря плохимъ экономическимъ условіямъ жизни дикаря, ведущими за собой усиленную смертность прежде всего дѣтей: среди дикарей выживаютъ лишь наиболее крѣпкіе приспособляемые организмы. Кромѣ того, случаи смерти отъ нападенія дикихъ звѣрей, отъ утопленія и другихъ несчастныхъ случаевъ чрезвычайно часты. Въ Индіи, напримѣръ, нѣсколько тысячъ туземцевъ ежегодно гибнетъ въ борьбѣ съ хищными животными.

Афоризмъ, что дикарь рѣдко умираетъ естественной смертью, имѣетъ, конечно, много оснований за себя. Но, еслибы война оказывалась главнымъ факторомъ въ уменьшеніи роста населенія среди малокультурныхъ племенъ, при постоянныхъ войнахъ количество женщинъ значительно должно бы было превышать число мужчинъ; въ войнѣ принимаютъ участіе только мужчины. Во время нападеній, именно у первобытныхъ народовъ, женщины, какъ наиболее цѣнный трофей и дорогой товаръ, всегда щадятся и уводятся въ плѣнъ. Даже среди нѣкоторыхъ крайне воинственныхъ и кровожадныхъ народностей Бразиліи, у которыхъ военные набѣги имѣютъ конечной цѣлью поголовное истребленіе мужчинъ, женщины не подвергаются опасности быть убитыми. Онѣ дѣлаются жеманами побѣдителей и, если побѣжденная группа стоитъ въ культурномъ отношеніи выше побѣдителей, плѣнныя женщины верѣдно являются даже носительницами культуры: такъ, напримѣръ, земледѣльцы-женщины бакаирі научили земледѣлію своихъ побѣдителей суйя, отъ набѣговъ которыхъ бакаирі особенно часто приходилось страдать. Между тѣмъ, именно у низшихъ расъ встрѣчается какъ разъ обратное отношеніе количества женщинъ къ количеству мужчинъ:

последнихъ на низкихъ ступеняхъ цивилизаціи обыкновенно больше, чѣмъ женщинъ. Это было бы невозможно, если бы война уносила ежегодно большое число мужчинъ: опасностямъ другого рода женщина, раздѣляющая трудъ мужчины на охотъ, рыбной ловлѣ и пр., подвергается въ меньшей степени, чѣмъ мужчина. По свѣдѣніямъ 1881 г. среди маори Новой Зеландіи на 24,370 мужчинъ приходилось всего лишь 19,729 женщинъ; на о-вахъ Пасхи число мужчинъ превышало въ два раза число женщинъ; тоже преобладаніе мужчинъ встрѣчается и въ другихъ мѣстностяхъ, а въ Тасманіи число ихъ превышало количество женщинъ въ четыре или пять разъ. Среди же воинственныхъ краснокожихъ племенъ Америки, наоборотъ, женщины количественно преобладаютъ надъ мужчинами. Въ Африкѣ, гдѣ военныя организации получили особенное развитіе, гдѣ война часто переходитъ въ промыселъ, главный источникъ существованія нѣкоторыхъ народностей, ищущихъ добычи, преимущественно рабовъ, число женщинъ дѣйствительно, больше, чѣмъ мужчинъ. Такъ, напримѣръ, въ Лагосѣ въ 1872 году на 27,774 мужчинъ приходилось 32,353 женщинъ. Но надо при этомъ замѣтить, что африканскія народности, доразвившіяся до государственныхъ формъ и имѣющія своеобразную, но сравнительно высокую цивилизацію, перестали, благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ Чернаго материка, казаться первобытными. Параллельное изученіе географіи и этнографіи Африки, составляющее заслугу XIX-го столѣтія, открыло наукѣ въ лицѣ африканскихъ народностей интересную ступень цивилизаціи, важную для исторіи культуры. Одновременно оно подняло населеніе ея въ глазахъ ученыхъ, вслѣдствіе чего, за исключеніемъ развѣ готтентотовъ, бушменовъ и карликовыхъ народовъ, африканскимъ племенамъ нѣтъ мѣста среди низшихъ первобытныхъ народностей, какими являются, напримѣръ, австралийцы, туземцы Бразиліи, темное населеніе Индонезіи или охотничьи племена Калифорніи.

Какъ ни часты военныя столкновенія у низшихъ племенъ, войны обыкновенно не уносятъ большого количества жертвъ. Въ Австраліи первый убитый рѣшаетъ часто судьбу сраженія. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда изслѣдователи дикарей говорятъ о поголовномъ истребленіи мужчинъ, какъ это имѣетъ мѣсто, напримѣръ, въ центральной Бразиліи, слѣдуетъ имѣть въ виду, что не всякій набѣгъ, конечно, имѣетъ такой кровавый исходъ, и, что особенно важно, первобытныя селенія бразильскихъ туземцевъ не отличаются многолюдствомъ.

И такъ, едва ли возможно отводить военному состоянію дикарей слишкомъ выдающееся значеніе, какъ фактору въ образованіи и раз-

витія первобытнаго права. Нѣтъ ничего опаснѣе, какъ объяснять черты первобытной жизни «просто» и «естественно» съ европейской точки зрѣнія, возводитъ безъ строго продуманной критики извѣстное явленіе въ общій факторъ цивилизаціи, не поддѣляя его достаточнымъ количествомъ доказательствъ. Примѣромъ крайняго взгляда на войну могутъ служить воззрѣнія Феликса (Felix), посвятившаго развитію собственности большое четырехтомное изслѣдованіе (*Entwicklungsgeschichte des Eigenthums*). «Ничто, говоритъ нѣмецкій ученый, не оказало такого могучаго вліянія на развитіе собственности въ ея различныхъ фазахъ, какъ война, которая въ первобытномъ состояніи и связаннымъ съ послѣднимъ наслѣіемъ, составляетъ главное занятіе. Приобрѣтеніе, совершенное путемъ грабежа и войны, долгое время считалось болѣе почетнымъ, чѣмъ приобрѣтеніе посредствомъ труда. И такъ какъ первоначально каждый чужой считался врагомъ, почти всѣ столкновенія съ лицами, не входившими въ составъ группы (*Stammes*), приводили къ войнѣ». «У охотниковъ, какъ и у кочевниковъ, продолжаетъ онъ, война должна была развиваться благодаря постоянному употребленію оружія, вслѣдствіе чего скотоводы-кочевники, которые часто враждуютъ какъ изъ-за скота, такъ и изъ-за пользованія пастбищами, воинственны. «Спорящій изъ-за коровъ», *goshu-yudh*—таково наименованіе въ Ведахъ война, и одно изъ наиболѣе употребительныхъ названій для сраженія—это *gavishiti*, желаніе имѣть коровъ. Такимъ образомъ, война, въ началѣ преимущественно, если не исключительно, предпринимаемая съ цѣлью грабежа, именно скота, основанная на отрицаніи собственности, дала могущественный толчокъ къ ея развитію, даже иногда была причиной возникновенія идеи собственности въ умѣ того, у котораго отнимали имущество, такъ какъ онъ противился акту насилія. Такъ какъ войны, бывшія первоначально набѣгами съ цѣлью грабежа, продолжаетъ Феликсъ, не могли быть ведены безъ предводителей, война привела къ признанію авторитета; благодаря этому, фактическое господство надъ предметами, обладаніе ими поднялось до понятія о правѣ собственности». Только тамъ, гдѣ встрѣчается опредѣленная власть, можетъ быть рѣчь объ этомъ правѣ. Развитіе права вожда идетъ параллельно съ развитіемъ права собственности. Тамъ, гдѣ нѣтъ вождей, гдѣ еще не сложилось прочной власти, можно говорить, по мнѣнію Феликса, лишь объ индивидуальномъ обладаніи, но не о правѣ собственности. Это послѣднее не можетъ встрѣчаться среди неимѣющихъ организованной власти австралійцевъ. Война, далѣе, развиваетъ будто бы понятіе о собственности путемъ необходимости послѣ набѣга дѣлить добычу; наконецъ, война, содѣйствовала, по сло-

вамъ нѣмецкаго ученаго, развитію собственности еще въ томъ отношеніи, что побудила человечество охранять свое имущество принятіемъ мѣръ безопасности, огражденіемъ своихъ жилищъ рвами и валами, построеніемъ селеній въ трудно доступныхъ мѣстахъ и пр.

Этотъ дифирамбъ войнѣ въ значительной степени преувеличенъ. Феликсъ, очевидно, рисуетъ себѣ быть, очерченный въ Ведахъ, первобытнымъ. Между тѣмъ, прежде чѣмъ сдѣлаться скотоводами, народности переживаютъ длительныя стадіи низшихъ культурно-экономическихъ формъ и иногда достигаютъ высокаго уровня культуры, не проходя черезъ стадію кочевого-пастушескаго хозяйства. Далѣе, въ самомъ актѣ сопротивленія лица, у котораго отнимаютъ имущество, лежитъ уже сознание права собственности, а не причина возникновенія этого сознанія. Наконецъ, война, содѣйствующая усиленію власти вождей, дающая ей характеръ постоянный, оказываетъ важное вліяніе на государственное развитіе группы. Для развитія же идеи собственности институтъ прочной власти вождя или старѣйшины имѣетъ значеніе лишь относительное: жервоначальный вождь лишь *primus inter pares*, и привилегія вождя при дѣлежѣ добычи появляются лишь поздиѣ. Первоначально онъ пользуется долей, наравнѣ съ остальными участниками похода; самый дѣлежъ основанъ на томъ, что уже въ группѣ, къ которой онъ принадлежитъ, существуетъ понятіе о правѣ индивидуальной собственности.

Война на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи служитъ, дѣйствительно, обычнымъ способомъ добывать себѣ имущество. Но для того, чтобы лицо могло считать военную добычу своей собственностью, требуется, чтобы понятіе объ этой послѣдней уже существовало. Сознаніе, что предметъ, захваченный лицомъ силой и ограждаемый физическимъ превосходствомъ его надъ другими претендентами, является и объектомъ права собственности, должно было уже укорениться и жить въ умахъ сочленовъ по группѣ. Праву захвата на войнѣ должно предшествовать такое же право внутри группы, такъ какъ отношенія лицъ другъ къ другу внутри группы слагаются раньше междугрупповыхъ отношеній. Предположеніе, что война междугрупповая есть источникъ индивидуальной собственности, оказывается естественнымъ слѣдствіемъ гипотезы о господствѣ на низшихъ культурныхъ ступеняхъ группового, имущественнаго коммунизма. Съ этой точки зрѣнія, право захвата не могло возникнуть внутри группы, такъ какъ при коммунистическомъ хозяйствѣ не было мѣста захвату. Приходилось искать возникновеніе этого права во внѣшнихъ столкновеніяхъ группъ другъ съ другомъ; пре-

увеличенное же представлѣніе о постоянномъ военномъ состояніи первобытнаго человѣчества неизбѣжно должно было обратить взоры изслѣдователей на войну и искать въ послѣдней источникъ зарожденія индивидуальной собственности. Между тѣмъ, въ томъ видѣ, въ какомъ обрисовывается, благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ, низшая культурная ступень человѣчества, для захвата остается много простора и внутри группы. Какъ ни широко примѣняется общность въ имущественныхъ отношеніяхъ, она, какъ было указано, не обнимаетъ всего имущества дикаря; часть, хотя бы и небольшая, составляетъ объектъ его частной собственности, въ отношеніи которой всегда можетъ быть совершенъ актъ захвата другимъ болѣе сильнымъ сочленомъ. Личныя отношенія членовъ группы не являются исключительно мирными: ссора, вражда между сочленами слишкомъ характерны для быта дикарей, чтобы распространяться объ этомъ. Далѣе, при необходимости отдѣляться время отъ времени отъ своей группы и переночевывать въ поискахъ за пищей, дикарь совершаетъ ежедневный захватъ; сознаніе, что приобретенное тѣмъ или инымъ путемъ есть его собственность, возникаетъ у него съ первыхъ же шаговъ его жизни. Наконецъ, само вмѣшательство группы въ право собственности или владѣнія лица есть тотъ же захватъ. Дикарь жертвуетъ эгоистическими стремленіями своими въ пользу группового эгоизма не изъ этическихъ представленій и не вслѣдствіе сознанія, что благо индивида должно уступать благу группы; онъ дѣлаетъ это принудительно, такъ какъ слишкомъ слабъ, чтобы противостать группѣ, которая у него отнимаетъ добычу, если послѣдняя нужна для ея существованія. Право сильного, однимъ словомъ, лежитъ въ основѣ взаимныхъ отношеній сочленовъ, равно и отношеній индивида къ группѣ; элементарное представлѣніе, что кто силенъ, тотъ и правъ, является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого порядка вещей. Такимъ образомъ, право захвата, равнозначущее съ правомъ сильного, возникало и внутри группы. Оно имѣло лишь особо частое примѣненіе на войнѣ, когда захватъ, какъ источникъ собственности индивидуальной, находилъ себѣ болѣе яркое выраженіе. Здѣсь онъ не сталкивался съ интересами групповой единицы въ той же мѣрѣ, какъ внутри ея, гдѣ онъ могъ вызывать реакцію со стороны группы, озабоченной, насколько это возможно при нерегулированности отношеній, въ поддержаніи порядка и мира между лицами, ее составляющими.

Захватъ, какъ и трудъ, можетъ быть источникомъ собственности индивидуальной и коллективной. Наиболее нагляднымъ примѣромъ, когда захватъ является основаніемъ коллективной собственности, мо-

жетъ служить право извѣстной группы на опредѣленную территорию. Эта послѣдняя всегда оказывается на низшихъ ступеняхъ развитія коллективной собственностью членовъ, составляющихъ группу. Она пріобрѣтается захватомъ, и право на нее поддерживается силой. Каждая охотничья группа у низко стоящихъ въ развитіи охотничьихъ племенъ имѣетъ свою опредѣленную территорию, составляющую общую собственность всѣхъ ея членовъ. Междугрупповыя отношенія, то мирныя, то враждебныя, привели къ установленію прочныхъ границъ для этихъ участковъ. Несмотря на ихъ обширность, часто случается, что дичь уменьшается въ данной области; тогда группа перекочевываетъ на другой, болѣе обильный дичью пустопорожній участокъ: этихъ послѣднихъ всегда бываетъ въ изобиліи при малочисленности дикарей сравнительно съ пространствомъ земельныхъ угодій. Лишь въ исключительныхъ случаяхъ перекочевывающая группа вступаетъ въ борьбу изъ за территоріи съ сосѣдней группой и вытѣсняетъ послѣднюю: это происходитъ лишь тогда, когда свободныхъ участковъ по близости не имѣется, а экономическія условія не позволяютъ оставаться на прежнемъ. Занимая свободный участокъ, группа считаетъ его своимъ и охраняетъ свои права на него: всякое вторженіе въ территорію представителей другихъ группъ она считаетъ правонарушеніемъ и борется противъ него открытой силой. Основаніемъ территоріальной собственности группы является, такимъ образомъ, захватъ, при чемъ дѣйствуетъ въ полной силѣ *jus primae occupantis*. Это же право перваго захвата находитъ себѣ примѣненіе и въ отношеніяхъ отдѣльныхъ членовъ другъ къ другу. Хотя территорія считается коллективной собственностью группы, но эксплуатація ея совершается не всегда общими усиліями всѣхъ членовъ группы. Въ Австраліи часто отдѣляется отъ группы или меньшая кучка людей или даже единичный членъ группы, который въ поискахъ за пищей уходитъ на болѣе или менѣе продолжительный срокъ съ своей женой и ея дѣтьми: подъ влияніемъ условій первобытнаго хозяйства эти отдѣленія отъ группы происходятъ болѣе или менѣе періодически, такъ какъ нѣкоторые виды охоты и рыбной ловли не допускаютъ коллективнаго труда. Каждый изъ дикарей группы у австралійцевъ имѣетъ свой, облюбованный имъ, участокъ, куда онъ и направляется. Онъ не считается его собственникомъ, такъ какъ право собственности на территорію принадлежитъ всей группѣ; но эта послѣдняя не препятствуетъ своимъ сочленамъ имѣть каждому свои временныя охотничьи угодья, право пользованія которыми пріобрѣтается фактомъ перваго захвата. Временный владѣлецъ такого участка находитъ защиту своихъ правъ отъ посяга-

тельство других лиц въ своей группѣ. При этомъ даже у австралийцевъ, общественный и правовой бытъ которыхъ еще крайне слабо регламентированъ, можно наблюдать иногда интересный фактъ перехода права пользования этими угольями изъ поколѣнія въ поколѣние: по смерти перваго владѣльца, захватившаго участокъ, имъ продолжаютъ пользоваться его жена и дѣти, до тѣхъ поръ, пока уменьшеніе дичи или рыбы не принудитъ ихъ искать другого уголья. Совершенно аналогичныя отношенія встрѣчаются и у другихъ, стоящихъ выше въ культурномъ отношеніи народностей. У готтентотовъ владѣльцемъ пастбища, колодца и мѣста удобнаго для установки краала считается лицо, занявшее ихъ; у дамара, живущихъ въ пастушеско-кочевомъ хозяйствѣ, вода и пастбища разсматриваются какъ общественная собственность. «Не смотря на это и на слабую идею, которую они вообще имѣютъ о «моемъ» и «твоемъ», тотъ, кто первый прибываетъ въ извѣстную мѣстность, есть хозяинъ ея, пока онъ не находитъ нужнымъ остаться въ ней, и никто не можетъ вомѣшать ему въ томъ, не спросивши предварительно его и не получивши его дозволенія». Въ этихъ фактахъ захвата отдѣльныхъ участковъ общей территоріи есть полное основаніе видѣть зачатки возникновенія индивидуальной собственности на землю; она въ началѣ покомтъ всецѣло на правѣ захвата, какъ и групповое право собственности на территорію. Право индивидуальнаго пользования частью общей территоріи, основанное на низшихъ стадіяхъ развитія на захватѣ, является лучшимъ противовѣсомъ исключительному мнѣнію, согласно которому право индивидуальнаго пользования недвижимостью, впоследствии приводящее къ праву собственности на него, основывается только на трудѣ. Хотя, такимъ образомъ, на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи зарождается, дѣйствительно, еще очень неопредѣленно, право индивидуальнаго пользования землей, территорія дольше другихъ продолжаетъ оставаться въ общемъ владѣніи всей группы. Право личной собственности на недвижимость появляется всюду значительно позже права собственности на движимое имущество. Въ то время, какъ уже у низшихъ расъ существуетъ право индивидуальной собственности на нѣкоторые предметы (оружіе, утварь и пр.), права лица на недвижимость ограничиваются дозволеннымъ со стороны группы временнымъ пользованіемъ извѣстнымъ участкомъ, на который группа, какъ собственникъ, можетъ во всякое время предъявить свои права.

Роль захвата, какъ источника личной собственности, также вполне ясна, въ особенности поскольکو это касается военнаго быта

племени. Добыча, захваченная во время войны, считается естественною общою собственностью участников или всей группы. Но отдельные виды добычи признаются неотъемлемымъ имуществомъ отдельныхъ лицъ. Къ нимъ принадлежатъ прежде всего плъвенныя лично женщины, если захватившій ихъ еще не имѣетъ жены, и затѣмъ военные трофеи, которые по своему существу не могутъ быть достоянiемъ группы. Черепа убитыхъ враговъ, скальпы, части вооруженiя, лично отнятыя во время битвы, составляютъ собственность индивидуальную. Этому виду собственности дикари придаютъ особенное значенiе, такъ какъ оно поднимаетъ ихъ авторитетъ въ глазахъ сочленовъ по группѣ. Въ обществахъ, гдѣ больше всего цѣнится физическая сила и ловкость (качества, наиболѣе необходимыя въ борьбѣ за существованiе), трофеи, количество которыхъ свидѣтельствуетъ о храбрости ихъ обладателя, получаютъ особую цѣнность. Этотъ видъ индивидуальной собственности оказывается вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе огражденной отъ посягательствъ и насилiй сочленовъ по группѣ. Насильственное завладѣнiе ими не принесло бы никакой пользы похитителю: при малочисленности группъ и точномъ знанiи жизни каждаго изъ своихъ сочленовъ похищенные трофеи не могли бы поднять престижа похитителя въ глазахъ его группы. Огражденные отъ посягательствъ со стороны сочленовъ, военные трофеи въ большинствѣ случаевъ не передаются и по наследству: они являются индивидуальнымъ имуществомъ въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Они къ тому же весьма часто служатъ украшенiями и идутъ въ могилу съ ихъ обладателемъ: въ этихъ земныхъ трофеяхъ онъ представитъ въ загробномъ мирѣ среди своихъ умершихъ соплеменниковъ, которые за его выдающiяся качества будутъ ему оказывать уваженiе въ неменьшей степени, чѣмъ живые. Отсюда понятна та гордость, съ которой, напримѣръ, краснокожiй дикарь Сѣверной Америки носитъ скальпы враговъ при себѣ, своеобразное самолюбiе, которое заставляетъ даяковъ Борнео украшать свои дома препарированными черепами убитыхъ враговъ, употребленiе ожерелiй изъ зубовъ и костей враговъ и прочiя украшенiя, которыя приводили въ ужасъ европейцевъ, впервые сталкивавшихся съ дикарями.

Не меньше, чѣмъ военными трофеями, первобытный человекъ гордится и своими охотничьими подвигами. Психологическая основа въ этомъ случаѣ совершенно та же: охотничьи трофеи свидѣтельствуютъ столько же, какъ и военные, о ловкости и силѣ носящаго ихъ и доставляютъ то же уваженiе и авторитетъ среди сочленовъ по группѣ.

Но между обоими видами трофеевъ существуетъ и важная разница. Источникомъ права собственности при военномъ трофеѣ является захватъ. При охотничьемъ таковымъ оказывается уваженіе къ труду лица. Здѣсь изслѣдователь сталкивается уже съ признаніемъ трудового начала.

III. Взаимоотношеніе коллективной и индивидуальной собственности въ первобытныхъ группахъ.

Оба основныхъ источника собственности, какъ индивидуальной, такъ и коллективной, трудъ и захватъ сосуществуютъ въ первобытныхъ группахъ. Какъ личная, такъ и коллективная собственность имѣютъ, какъ было указано, основаніемъ эгоистическія стремленія индивида и группы, вызваннаго необходимостью борьбы за существованіе отдѣльнаго лица и группы, въ которую оно входитъ. Вся исторія развитія собственности состоитъ изъ ряда компромиссовъ между эгоистическимъ чувствомъ единичнаго лица и групповымъ эгоизмомъ. Каковы бы ни были формы человѣческихъ агрегацій на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи, очевидно, что среди цѣлой массы факторовъ, регулирующихъ отношенія индивидуальной собственности къ групповой, коллективной, долженъ быть одинъ общій принципъ, на основаніи котораго индивидуальная собственность встрѣчается уже на низшихъ культурныхъ ступеняхъ, съ развитіемъ быта растетъ и освобождается все въ болѣе мѣрѣ отъ коммунистическихъ началъ, проникающихъ имущественныя отношенія первобытныхъ группъ. Съ цѣлью выяснитъ этотъ основной принципъ казалось бы необходимымъ разобрать отношенія группы къ основнымъ первоисточникамъ индивидуальной собственности: къ труду и захвату. Но въ нижеслѣдующемъ изложеніи будетъ прослѣжено отношеніе группы только къ труду индивида. Во первыхъ, примѣры здѣсь значительно ярче и, кромѣ того, они рисуютъ определеннѣе самый основной принципъ. Далѣе, захватъ, какъ источникъ личной собственности, играетъ для группы ту же роль, какъ и трудъ. Отношеніе группы къ индивидуальной собственности регулируется общей идеей, независимо отъ источника собственности. Наконецъ, остановиться подробнѣе на трудѣ, какъ источникѣ собственности личной, заставляютъ еще слѣ-

дуюція соображенія. Зная, въ какой мѣрѣ единичное лицо въ группѣ можетъ пользоваться результатами своего труда, легче выяснитъ впоследствии, какіе виды цѣнностей и почему именно они дѣлаются на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи групповой собственностью.

Отношеніе группы къ труду, какъ къ источнику собственности на самой низшей стадіи развитія челоѳчества остается неизмѣннымъ и на болѣе высокихъ ступеняхъ культуры. Но индивидъ, прежде всего, не всегда можетъ воспользоваться результатами своего труда, какъ у низшихъ дикарей, такъ и у развитыхъ народностей, включая сюда и русское крестьянское населеніе, выработавшее, какъ извѣстно, весьма сложную и интересную систему обычнаго права.

Роль группы на низшихъ ступеняхъ развитія дѣлаетъ вполне естественнымъ такое ограниченіе свободы личности въ интересахъ групповой организаціи. Будетъ ли подобная группа состоятъ изъ лицъ, связанныхъ обладаніемъ общей территоріи, будутъ ли члены ея соединены въ организаціи на основаніи материнскаго или отцовскаго родства, заботы группы всегда и прежде всего направлены на самосохраненіе, а, слѣдовательно, главнымъ образомъ, на добываніе себѣ пищи; естественно поэтому, что на этой стадіи развитія господствуетъ коллективная собственность. Не смотря, однако, на это, даже у народностей, культурный уровень которыхъ признается весьма низкимъ, встрѣчается и признаніе личной собственности, причемъ источникомъ послѣдней является весьма часто трудъ. У австралийцевъ, напримѣръ, путешественники отмѣтили полное господство коллективной собственности. Продукты охоты и рыболовства идутъ часто въ общее пользованіе группы. Исключеній не дѣлаютъ иногда даже для подарковъ. По замѣчанію одного изслѣдователя, всѣ предметы, которые дарятся европейцами австралийцамъ за отличія, обращаются въ общую групповую собственность; «дайте одному изъ нихъ, пишетъ онъ, муки (продуктъ, который высоко цѣнится туземцами), въ тотъ же вечеръ они разведутъ огонь, наготовятъ жареныхъ лепешекъ и безъ различія «моего и твоего» сядутъ цѣлымъ обществомъ за столъ и съѣдятъ все до послѣдней крошки». Но даже при такихъ возрѣніяхъ австралийцы признаютъ личную собственность: «Всякій звѣрь, бѣгающій по землѣ, говорилъ одинъ изъ вождей западно-австралийскаго племени, каждый корень, который растетъ на нашей почвѣ, составляютъ общее достояніе. Черный челоѳкъ считаетъ своей личной собственностью только свою одежду, оружіе и имя, которое онъ носить». Что въ этомъ дѣленіи общей и частной собственности послѣдняя имѣетъ своимъ источникомъ трудъ, доказывается тѣмъ,

что принципъ труда до известной степени находитъ юридическое признаніе и въ случаяхъ, когда фактически результаты труда не идутъ въ пользу потратившаго его лица. Такъ, если австралиецъ убьетъ медвѣдя, животное дѣлать на двѣ равныя части, причемъ одна достается родственникамъ охотника, другая роднѣ его жены. Но юридическое призваніе труда выражается здѣсь въ томъ, что охотникъ получаетъ для себя части добычи, наиболѣе вкусныя, по взгляду австралийцевъ, именно голову и печень. Далѣе, если охотникъ съ помощью двухъ другихъ убьетъ кенгуру, лучшую часть получаетъ главный изъ нихъ, слѣдующую по качеству ближайшій его помощникъ и, наконецъ, часть отдается и третьему охотнику. Въ этомъ обычаѣ ясно сказывается, что за главнымъ дѣятелемъ въ охотѣ признается и болышая часть добычи. Охотникъ, однако, фактически не можетъ воспользоваться мясомъ: обычай точно предписываетъ ему, какія части убитой имъ дичи онъ долженъ отдать членамъ своей группы. Вообще, правила о дѣлѣжѣ результатовъ охоты и рыболовства выработаны среди австралийцевъ съ удивительной точностью. Впрочемъ, это совершенно естественно объясняется тѣмъ, что именно въ Австраліи, плохо надѣленной продуктами питанія, добыча достается не часто, и періоды голоданія нередки. Группа, признавая частную собственность охотника на убитое имъ животное, ограничиваетъ и почти сводитъ на нѣтъ это право подъ влияніемъ экономическихъ условій. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда личное обладаніе какимъ нибудь предметомъ не идетъ въ ущербъ экономическому состоянію группы, эта послѣдняя признаетъ индивидуальную собственность не только юридически, но и фактически: таковыми являются оружіе и украшенія, которыя каждый можетъ изготовить или добыть для себя. Такимъ образомъ, у австралийцевъ индивидуальная собственность фактически признается только за предметами сравнительно малоцѣнными и безусловно не нужными для поддержанія существованія группы. Австралийцы въ этомъ взглядѣ на частную собственность не составляютъ исключенія. На Новой Зеландіи женщина можетъ располагать нѣкоторыми предметами, впрочемъ опять-таки не играющими роли въ средствахъ существованія группы, напримѣръ, сплетенными ею циночками.

У эскимосовъ личнымъ имуществомъ, подлежащимъ наслѣдованію, считается для мужчины: его оружіе, гарпуны, челны, сани, собаки и шесты для постройки шатра, для женщины—лампа и домашняя утварь. Но даже относительно этихъ предметовъ коммунизмъ выступаетъ иногда съ полной силой; такъ, напримѣръ, если «кто возъ-

метъ взаимны оружіе или орудіе и потеряетъ или испортитъ вещь, онъ не обязанъ вознаграждать хозяина за убытокъ». Лодки могутъ при извѣстныхъ условіяхъ становиться общимъ достояніемъ: такъ лицо, сдѣлавшее себѣ три лодки, по свидѣтельству нѣкоторыхъ изслѣдователей, обязано въ случаѣ нужды предоставить одну изъ нихъ въ пользу общую. Пойманный китъ является общимъ достояніемъ. Моржъ дѣлится на столько частей, сколько лицъ въ охотѣ на него принимало участіе; нанесшій ему первый ударъ можетъ выбрать себѣ любую часть и взять голову. На мясо и жиръ тюленя имѣютъ право всѣ жители становища, если въ данное время ощущается недостатокъ въ питаніи; въ противномъ случаѣ добытый звѣрь дѣлится только между жильцами одного дома. Здѣсь юридическое признаніе труда, какъ источника личной собственности, наглядно ограничивается эвономическимъ интересомъ группы: въ раздѣлѣ крупныхъ животныхъ, какъ, напримѣръ, кита, принимаютъ участіе и тѣ эскимосы, которые принадлежатъ къ другому зимовищу и не помогали ничѣмъ при охотѣ. Несмотря на такое господство коммунизма, при которомъ, если въ поселеніи существуетъ хотя бы одинъ кусокъ мяса, онъ считается общимъ достояніемъ, именно у эскимосовъ существуютъ правила, и притомъ весьма детально разработанныя, гарантирующія лицу непривосновенность частной собственности, если оно вложило для пріобрѣтенія ея трудъ. Такъ, кусокъ дерева—топливо очень цѣнится эскимосами—прібитый моремъ къ берегу, считается личной собственностью того, кто его перенесъ съ берега до черты, до которой доходитъ приливъ; однако, только въ томъ случаѣ, если оно настолько мало, что одинъ человекъ его можетъ вытащить. Далѣе, если птица, тюлень и т. п. ускользнетъ послѣ нанесеннаго имъ смертельнаго удара и попадетъ въ руки другого охотника, они считаются собственностью перваго. Въ другихъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ Гудзоновомъ заливѣ, если морской звѣрь уйдетъ отъ охотника, оборвавъ веревку у гарпуны, и затѣмъ будетъ пойманъ другимъ эскимосомъ, этому послѣднему принадлежитъ не только добыча, но и гарпуна съ веревкой; если два охотника убьютъ дичь одновременно, она считается собственностью ихъ обоихъ и дѣлится пополамъ.

Такое же отношеніе къ личной собственности отмѣчено было Крашенинниковымъ среди камчадаловъ. При господствѣ родового быта всѣ продукты женскаго труда шли въ пользу родовой общины. Женщины у камчадаловъ занимались сученіемъ нитокъ на сѣти, «и сія ихъ работа, замѣчаетъ изслѣдователь, такъ продолжительна, что одна

баба едва насчитать столько можетъ, чтобъ мужу достало потребныхъ вещей на лѣто, а у которыхъ семья побольше, тѣ готовить и съ изилшествомъ и жьняють другимъ на угожденя себѣ мелочи, каковы, наприимѣръ, иглы, шельгъ, наперстки, ноняки и пр.»

То же юридическое признаніе труда, какъ источника личной собственности, ограничиваемое и почти сводимое иногда на нѣтъ вслѣдствіе экономическихъ потребностей группы, имѣеть мѣсто также у индѣйцевъ Сѣверной Америки. По окончаніи общей охоты на бизонувъ, сообщаетъ Доджъ (Dodge), убитыхъ животныхъ распредѣляютъ между участниками, руководствуясь тѣмъ, чья стрѣла нанесла смертельный ударъ. Каждый охотникъ знаетъ свои стрѣлы. Животное поступаетъ такимъ образомъ убитшему его индѣйцу; но группа заставляетъ его отдавать часть мяса въ семью, гдѣ за смертью мужа нѣтъ охотника. У команчей, у которыхъ территорія является общимъ владѣніемъ, и охотникъ, убившій звѣря, имѣеть право лишь на шкуру его (мясо дѣлится между членами племени), частная собственность признается надъ боевыми конями: поимка дикой лошади, ея прирученіе и приспособленіе къ верховой ѣздѣ требуютъ личнаго труда. Среди индѣйцевъ племени нутка сильно развита коллективная собственность. Не только земля, но и дома считаются общимъ достояніемъ. Между тѣмъ оружіе, орудія, лодки и, наконецъ, рабы составляютъ объектъ индивидуальной собственности. За такую же признають и съѣстные припасы, причемъ, однако, въ случаѣ нужды, каждый членъ группы имѣеть право воспользоваться чужими запасами. Тегуэльчи дѣлятъ добычу отъ охоты между участниками; но если, наприимѣръ, убить страусъ, перья отъ головы и лучшія части птицы получаютъ убившій страуса охотникъ.

Среди нѣкоторыхъ дикарей Бразиліи существуетъ признаніе частной собственности на воздѣланные участки земли. Земледѣліе находится въ зачаточномъ состояніи, и мужской элементъ группы весьма мало обращаетъ на него вниманія. Земля — общая собственность племени, и на ней каждый имѣеть право охоты и ловаи; но если одна или нѣсколько семей займутъ свободный или оставленный прежнимъ владѣльцемъ участокъ, очистить отъ лѣса и насадить его бананами, маисомъ, мандиоккою, хлопчатникомъ и т. п., результаты понесенныхъ ими трудовъ принадлежать имъ. Сосѣди молчаливо признають за ними это право тѣмъ, что не предъявляютъ на него притязаній. Границы обработанныхъ участковъ считаются нерушимыми. Владѣлецъ часто ограждаетъ свои насажденія, обводя

ихъ только нитью изъ хлопчатой бумаги. Такой способъ огораживанья наблюдалъ одинъ изъ лучшихъ изслѣдователей бразильскихъ дикарей Марціусъ (Martius), который въ то же время сообщаетъ, что лишь весьма рѣдко ему приходилось слышать о кражѣ полевыхъ плодовъ. Кромѣ ничтожнаго количества предметовъ (оружія и украшеній для мужчинъ, украшеній для женщинъ), которые бразильцами признаются за частную собственность отдѣльнаго лица, все остальное имущество: гамаки, гончарная посуда и т. д. составляютъ собственность семейной группы. Земля и общее жилище находятся во владѣніи болѣе обширныхъ группъ. Совершенно аналогичный взглядъ на собственность, добываемую личнымъ трудомъ, путемъ обработки полей, существуетъ у туземцевъ Венесуэлы, главный источникъ пропитанія которыхъ состоитъ въ охотѣ. Такъ какъ у туземцевъ Бразиліи, не смотря на существующее земледѣліе, главнымъ источникомъ пропитанія продолжаетъ быть охота и рыболовство, добыча, естественно, какъ у австралійцевъ, часто не идетъ въ пользу охотника, а дѣлится между членами группы. Добыча, сообщаетъ Марціусъ, считается достояніемъ не охотника, но его семьи, вслѣдствіе чего онъ иногда не считаетъ нужнымъ принести лично убитую дичь домой. Если на охотѣ участвуютъ нѣсколько лицъ, дичь присуждаютъ лицу, убившему ее. Но если кто нибудь изъ участниковъ согласится доставить ее до дому, онъ получаетъ извѣстную долю. Охотнику предоставляютъ только тѣ части животнаго, которыя могутъ служить ему трофеями. Въ этомъ послѣднемъ сказывается признаніе группой труда, какъ источника собственности, хотя экономическія условія и не позволяютъ ей отказаться отъ добычи въ пользу потратившаго на ея пріобрѣтеніе свой трудъ охотника. Этотъ послѣдній гордится своими трофеями настолько, что не согласится промѣнять ихъ на другіе цѣнные и нужные ему предметы. Марціусъ приводитъ характерный разговоръ: «Этотъ грубый человѣкъ, замѣчаетъ онъ о туземцахъ Бразиліи, знаетъ различныя рода цѣнностей: онъ различаетъ цѣнность, обеспечивающую ему матеріальную пользу и ту, къ которой онъ стремится изъ гордости и честолюбія. Среди туземцевъ миранха, которыхъ я созвалъ для обмѣна оружія и украшеній, былъ одинъ, у котораго было ожерелье изъ зубовъ Напрасно я предлагалъ ему за ожерелье много топоровъ; гордость его устояла передъ всевозможными искушеніями, такъ какъ этотъ трофей за охотничью смѣлость и удачу поднималъ его въ глазахъ соплеменниковъ; но никто изъ нихъ не осмѣлился бы украсть украшеніе у охотника, какъ и въ цивилизованныхъ странахъ никто не укралъ бы извѣстныхъ знаковъ ордена, чтобы по-

снть ихъ самому. Эти предметы служатъ . . . у нихъ единственными залогоми, вручаемыми дикаремъ въ увѣреніе того, что принятое имъ обязательство будетъ исполнено». Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда охотничьи трофеи не идутъ въ пользу охотника, группа вознаграждаетъ его другимъ путемъ. Штейненъ (v. den Steinen) сообщаетъ любопытный фактъ. Когда у бразильской народности борорó кто нибудь убьетъ ягуара, устраивается большой праздникъ, во время котораго съѣдаютъ мясо ягуара. Шкуру его и зубы отдаютъ не охотнику, убитому звѣря, а ближайшему родственнику послѣдняго умершаго члена группы, мужчины или женщины. Охотникъ же взамѣнъ шкуры и зубовъ ягуара получаетъ подарки отъ сочленовъ по группѣ, состоящіе изъ перьевъ птицы Агага и разукрашеннаго лука. Вынужденный вслѣдствіе нѣкоторыхъ (религіозныхъ) соображеній отдать свой трофей другому, охотникъ получаетъ взамѣнъ его вознагражденіе. Слѣдовательно, даже въ этомъ случаѣ трудовой принципъ получаетъ юридическое признаваніе группы.

Въ Африкѣ аналогичное отношеніе къ индивидуальной собственности встрѣчается у многихъ народовъ. Въ Габонѣ, несмотря на приниженное положеніе женщинъ, всѣ остающіеся отъ семейныхъ нуждъ продукты хозяйства, которое находится въ ихъ вѣдѣніи, составляютъ личную собственность женщинъ; онѣ могутъ продавать ихъ въ свою пользу. У племенъ, живущихъ по рѣкѣ Конго, заботы о домашней птицѣ и воздѣлыванье мандіокки лежатъ на женщинахъ; птица и мандіокка, за удовлетвореніемъ семейныхъ нуждъ, признаются за ихъ собственность. Мужья не распоряжаются ими безъ согласія женъ; эти послѣднія получаютъ вымѣненные на эти вещи бусы. Туземцы центральной Африки, занимающіеся уже земледѣліемъ, имѣютъ общія пашни, урожай съ которыхъ идетъ въ общую пользу. Пальмовыя же деревья, посаженныя у домовъ и служащія для изготовленія тканей, какъ продуктъ труда отдѣльныхъ семей, не составляющій главнаго источника существованія группы, принадлежатъ посадившимъ ихъ. Сборъ каучука производится также отдѣльными семьями и считается частной собственностью собравшихъ. По обычному праву муссоронговъ пальма принадлежитъ тому, кто сдѣлалъ ее годной для добыванія пальмоваго вина. Оружія и украшенія повсюду и среди африканскихъ народностей принадлежатъ лицу, изготовившему или приобрѣвшему ихъ. У басутозовъ, главный источникъ существованія которыхъ заключается въ скотоводствѣ и земледѣліи, организуются время отъ времени общія охоты на антилопъ, гну, газелей и т. д. Несмотря на то, что въ устройствѣ засады и загонѣ принимаютъ участіе всѣ

сообща, каждый из охотников получает в личную собственность только ту дичь, которую он сам убил. У амаксов мужь, по свидетельству Кропфа (Kropf), не имѣетъ права распоряжаться имуществомъ, накопленнымъ трудами жены, напримѣръ, полученнымъ ею за леченье и знахарство.

Далѣе, у гребосовъ, стоящихъ на низкой ступени культуры, все имущество принадлежитъ семейной группѣ; исключеніемъ служатъ ничтожные по своей цѣнности предметы. Распоряжаться семейнымъ достояніемъ возможно лишь съ разрѣшенія семейнаго главы. Изъ общаго имущества берутся средства для покупки жень членамъ семьи; при этомъ, однако, обращается вниманіе на долю, которую каждый изъ нихъ успѣлъ внести въ общее имущество. У негровъ, за немногими исключеніями, въ семейную собственность поступаетъ почти все, что болѣе молодые члены семьи зарабатываютъ своимъ трудомъ на европейскихъ корабляхъ; за это семья на общія средства покупаетъ имъ жень. Если же работающій сохраняетъ часть своего заработка себѣ, семья, напримѣръ, не считаетъ себя обязанной выплачивать его долги. У народностей, живущихъ по Замбези, при общей охотѣ на слона лучшая часть, голова и правая задняя нога принадлежала лицу, нанесшему первую рану; лѣвая задняя нога тому, кто нанесъ вторую рану. Остальныя части дѣлились между руководителемъ охоты и прочими участниками (Постъ).

Приведенными фактами достаточно оправдывается слѣдующій выводъ объ отношеніи группы къ труду своего сочлена. Заботясь о своемъ поддержаніи, группа обращаетъ въ свою пользу все, что можетъ служить для ея пропитанія. Вслѣдствіе необеспеченности въ продуктахъ, она считаетъ коллективной собственностью все добытое совокупными усиліями всѣхъ членовъ группы, или только нѣкоторыхъ изъ нихъ, или, наконецъ, стараніями и трудомъ одного лица. Въ послѣднемъ случаѣ, однако, группа юридически признаетъ право лица на продуктъ его труда посредствомъ отдачи ему лучшихъ кусковъ дичи или частей, служащихъ трофеемъ. За удовлетвореніемъ своихъ потребностей, группа относится равнодушно къ индивидуальной собственности и всецѣло признаетъ ея существованіе, поскольку это не идетъ въ ущербъ ея экономическимъ интересамъ.

Въ виду того, что на примитивныхъ стадіяхъ развитія добываніе себѣ пищи сопряжено съ большими затрудненіями, личной собственностью на практикѣ являются почти исключительно оружіе, орудія и украшенія. Далѣе, когда, при господствѣ охотничьяго

быта, появляются уже зачатки земледѣлія, продукты послѣдняго, именно оттого, что роль ихъ въ экономической жизни группы незначительна, становятся личной собственностью земледѣльца; охотничья же добыча продолжаетъ считаться общимъ достояніемъ группы. Наоборотъ, когда группа переходитъ къ земледѣльческому хозяйству, и послѣднее начинаетъ играть первенствующую роль въ экономической жизни ея, продукты земледѣлія начинаютъ считаться общимъ имуществомъ, а результаты охоты, сборъ плодовъ, которые прежде были собственностью коллективной, охотно уступаются, какъ менѣе нужны для поддержанія существованія группы, въ личную собственность трудившихся. Экономическій принципъ, такимъ образомъ, постоянно ограничиваетъ принципъ личной собственности, каковъ бы ни былъ источникъ ея происхожденія. Это общее положеніе, основанное на изученіи быта дикарей, не является характернымъ исключительно для низшихъ человѣческихъ обществъ. Оно подтверждается данными изъ жизни болѣе высоко стоящихъ народностей. Этотъ основной принципъ отношенія группы къ индивидуальной собственности проходитъ красной нитью черезъ всѣ культурныя стадіи челоѣчества, каково бы ни было устройство группы, какъ хозяйственной единицы и независимо отъ того, будетъ ли дифференцироваться отъ группы индивидъ или меньшая группа. Имъ регулируются отношенія, напримѣръ, родовой единицы къ выделяющейся отъ нея семейной общинѣ, семейной общины къ индивидуальной семьѣ, семейной или родовой группы къ индивиду и пр. Бытъ русскихъ инородцевъ и русскаго крестьянскаго населенія достаточно количествомъ фактовъ подтверждаетъ это основное положеніе.

Трудъ, какъ источникъ собственности, признается въ бытѣ русскихъ инородцевъ не только не въ меньшей, но обыкновенно даже въ болѣе степенѣ, чѣмъ у первобытныхъ дикарей. Это зависитъ отъ того, что при болѣе высокомъ культурномъ уровнѣ индивидуальность лица находитъ себѣ меньше стѣсненія, чѣмъ на низшихъ ступеняхъ развитія, гдѣ борьба за существованіе требуетъ большаго напряженія силъ отъ группы какъ цѣлаго.

Самобы признаютъ трудъ источникомъ собственности даже въ томъ случаѣ, когда лицо, затратившее трудъ, не можетъ воспользоваться плодами его. «На звѣриныхъ промыслахъ, пишетъ А. Я. Ефименко, нашедшій мертваго звѣря, убитаго, напримѣръ, въ устьѣ рѣки и унесеннаго теченіемъ, получаетъ половину этого звѣря; другая же половина принадлежитъ охотнику, который убилъ звѣря, настоящему»

хозяйну добычи». Слѣдовательно, нашедшій добычу имѣетъ право лишь на вознагражденіе.

Тунгузы выработали слѣдующія нормы охотничьяго права. Охотничьимъ участкомъ владѣетъ у нихъ группа изъ нѣсколькихъ семей; участки строго распредѣлены. Если случится охотнику убить звѣря на чужой территоріи, онъ обязанъ добычу предоставить владѣльцамъ участка. Однако, за потраченный имъ трудъ онъ получаетъ мѣхъ убитаго имъ звѣря. Охотясь на своей территоріи, онъ долженъ добычу отдать въ распоряженіе своей группы. Но ему позволяется взять извѣстную долю себѣ, не болѣе, однако, половины всего мяса. Голова звѣря и шкура принадлежатъ группѣ.

У киргизовъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ они занимаются земледѣіемъ, по свидѣтельству В. Д. Тронова, существуетъ норма, аналогичная нормѣ обычнаго права и другихъ инородцевъ земледѣльцевъ, равно и русскихъ крестьянъ: «если кто нибудь, не зная хозяина хлѣбопахотной или сѣноснои земли, станетъ сѣять хлѣбъ или косить сѣно, то отъ него отбираютъ сношенное и пашню, съ уплатою, однако, за трудъ и сѣмена». Такимъ образомъ, даже при неправильномъ завладѣніи bona fide, трудъ имѣетъ право на вознагражденіе. Значеніе экономическихъ условій при возрѣніяхъ на трудъ ясно изъ слѣдующаго примѣра. У киргизовъ ловля звѣря или рыбы на чужой землѣ не преслѣдуется; между тѣмъ у лопарей имѣетъ мѣсто какъ разъ обратное: охота и рыбная ловля на чужой землѣ запрещены. Противоположность отношеній къ одному и тому же поступку у обѣихъ народностей можетъ быть объяснена только экономическимъ строемъ ихъ. Киргизы—скотоводы и отчасти земледѣльцы. Охота и ловля рыбы не играетъ въ ихъ хозяйствѣ существенной роли; поэтому, они свободно разрѣшаютъ охотнику и рыболову воспользоваться результатомъ ихъ труда. У лопарей, главнымъ источникомъ пропитанія которыхъ является охота и рыбная ловля, группа (родъ или семья), владѣющая даннымъ участкомъ, не можетъ безъ ущерба своимъ экономическимъ интересамъ разрѣшить охоту или ловлю рыбы чужому.

У гиляковъ, при господствѣ родовыхъ отношеній, трудъ, какъ источникъ личной собственности, находитъ себѣ полное признаніе. Хотя кровный принципъ, т. е. принадлежность къ данной хозяйственной группѣ, по происхожденію нормируетъ право наслѣдованія, тѣмъ не менѣе, лицо, работавшее долгое время въ семьѣ, получаетъ долю наслѣдства, даже при наличности родныхъ дѣтей. Комбинацію экономического принципа, приводящаго къ общности имущества, съ

трудовымъ можно отмѣтить въ имущественномъ положеніи пріемнаго зятя и неотдѣленныхъ сыновей у гиляковъ. «Когда глава семьи—человѣкъ пожилкой и сыновей не имѣетъ, пишетъ Л. Я. Штернбергъ, онъ беретъ къ себѣ зятя, соглашающагося взами́нъ калыма дѣлать съ нимъ всѣ хозяйственныя труды въ теченіе известнаго времени или въ теченіе всей жизни тестя». Бракъ здѣсь совершается, слѣдовательно, не путемъ купли, а посредствомъ зарабатыванья себѣ невесты трудомъ на групу тестя. «Зять—обыкновенно человекъ совершенно немущій: ловить рыбу, бьетъ нерпъ, и все это составляетъ общее достояніе всей семьи; но личные денежные заработки зятя, равно какъ соболя и лисицы, доставшіеся ему его усиліями и искусствомъ, остаются въ его распоряженіи, что даетъ зятю возможность со временемъ составить себѣ независимое положеніе». Зять получаетъ, такимъ образомъ, въ собственность лишь тѣ продукты своего труда, которые не необходимы для благосостоянія семьи. При господствѣ общности имущества въ семейно-хозяйственной группѣ у гиляковъ, въ большихъ семьяхъ, ведущихъ одно хозяйство, имѣющихъ общій столъ, встрѣчается, однако, что «отдѣльные члены, какъ, напримѣръ, неотдѣленные сыновья, являются самостоятельными собственниками собакъ, лодокъ и прочаго движимаго имущества. Сыновья, живя при отцѣ, заблаговременно пріобрѣтаютъ себѣ имущество для будущей независимости или для покупки жены на собственные средства. Такое самостоятельное имущество неотдѣленныхъ сыновей является либо слѣдствіемъ подарковъ отца, пріумноженныхъ усиліями дѣтей, либо плодомъ удачъ въ охотничьихъ промыслахъ, либо результатомъ заработковъ въ городѣ. Если неотдѣленный сынъ убьетъ медвѣдя, мясо пойдетъ на общее употребленіе, но шкура достается ему. Если онъ продастъ своихъ лисицъ и соболей, онъ накупитъ разныхъ товаровъ для семьи, но непременно что нибудь пріобрѣтетъ для себя специально. То же и съ заработками. Но никогда сынъ не выдѣляетъ себѣ особой доли изъ рыбныхъ промысловъ, гдѣ обыкновенно искусство отдѣльнаго лица не играетъ никакой роли», и результаты которыхъ существенно важны для поддержанія жизни семьи.

Какъ высоко ставится гиляками личный трудъ, и насколько онъ ограничивается одновременно въ интересахъ группы, доказываютъ, между прочимъ, слѣдующія нормы ихъ обычнаго права. «На общей охотѣ при ловлѣ нерпъ, дельфиновъ, когда съ этою цѣлью гиляки собираются по нѣсколько человекъ на одной лодкѣ, добыча дѣлится поровну между всеми участвующими. Хозяинъ лодки получаетъ наравнѣ съ подросткомъ, сидящимъ на гребкахъ. Даже искусство металъ-

щика копыя или стрѣлы не составляетъ основанія для особаго вознагражденія. И мало того, при далекихъ экспедиціяхъ, напримѣръ, съ Амура на югъ Сахалина, сверхъ равнаго пая добычи получаетъ не собственно лодки, а тотъ, который въ пути исполняетъ хлопотавыя обязанности по приготовленію пищи и доставленію дровъ», т. е. тотъ, кто больше трудится. «При совмѣстной рыбной ловлѣ хозяинъ лодки и сѣтки получаетъ равную долю со своимъ неимущимъ компаньономъ». Исключенія, когда равносильный трудъ вознаграждается не одинаково, объясняются экономическими соображеніями: «Я видѣлъ примѣръ, пишетъ Штернбергъ, когда хозяинъ лодки и сѣтки получилъ $\frac{2}{3}$ улова, а его неимущій компаньонъ только $\frac{1}{3}$; но на мой вопросъ о причинѣ неравномѣрности мнѣ отвѣтили: «А зачѣмъ ему больше? онъ холостъ, одинъ, ему больше не нужно»».

У якутовъ право собственности на землю опредѣляется исключительно трудомъ. Якуты, какъ извѣстно, занимаются преимущественно скотоводствомъ, охотой и рыбной ловлей. Земледѣліе появилось у нихъ недавно. Земля составляетъ общую собственность родовыхъ группъ; меньшія группы, семьи имѣютъ лишь право пользованія отдѣльными участками. Земледѣліемъ занимаются пока или отдѣльныя общины, чаще отдѣльныя семьи, и нѣрѣдко специально составившіяся съ цѣлью обработки земли артели. «По недостатку удобной земли для хлѣбопашества, писалъ кн. Костровъ, якуты съ нѣкотораго времени дружно принялись за расчистку рощъ и лѣсовъ подъ посѣвы хлѣба. А какъ силы одного семейства для подобнаго предпріятія недостаточны, то они составляютъ между собою товарищества и въ свободное отъ другихъ занятій время рубятъ лѣса, выжигаютъ пни, вспахиваютъ землю и т. д. Расчищенное мѣсто составляетъ общую собственность трудившихся и переходитъ по наследству во всемъ потомкамъ тѣхъ лицъ, которыя его расчищали». Если земля расчищена силами лица или отдѣльной семьи, пишетъ М. С. Вруцевичъ, она считается частной собственностью и передается по наследству отъ отца къ сыну. «Община якутская въ этомъ случаѣ не имѣетъ на нее никакихъ притязаній. Напротивъ, когда для расчистки требуется посильный трудъ цѣлой общины, тогда и земля принадлежитъ цѣлой общинѣ, считается ея коллективной собственностью. Общество распредѣляетъ землю, какъ ему вздумается, своимъ родовымъ судомъ, который составляется изъ старѣйшинъ отъ каждаго рода» или, по указанію другого изслѣдователя якутовъ, особыми выборными отъ родовъ лицами. Этотъ характерный примѣръ изъ быта якутовъ прекрасно иллюстрируетъ положеніе, что группа уступаетъ въ индиви-

дуальную собственность лишь то, что не важно для ея существованія.

Нѣсколько примѣровъ изъ быта финновъ лишь подтверждать выставленное положеніе. Пермьки, напримѣръ, сохранили въ своемъ бытѣ множество чертъ родового строя. Этотъ послѣдній проникаетъ современныя нормы ихъ семейнаго устройства. Власть отца надъ личностью дѣтей безконтрольна и въ этомъ отношеніи представляетъ рѣзкую противоположность съ правами отца на семейное имущество. Большакъ (отецъ или старшій братъ) «распоряжается трудомъ младшихъ членовъ семьи—отдаетъ, напримѣръ, братьевъ и сестеръ въ работу («въ наймы»). Если кто нибудь безъ согласія старшаго брата беретъ младшаго въ работники и платитъ ему непосредственно, большакъ взыскиваетъ съ него судомъ вознагражденіе за причиненную хозяйству убыль рабочей силы». Но въ распоряженіи семейнымъ имуществомъ даже большакъ - отецъ находится подъ контролемъ семьи. Онъ не имѣетъ, напримѣръ, права на самовольное отчужденіе принадлежащихъ семьѣ земель, и сынъ можетъ въ случаѣ правонарушенія съ его стороны жаловаться суду на отца, причемъ судъ удовлетворяетъ жалобу сына. Эта противоположность личныхъ и имущественныхъ правъ большака станетъ понятна, если вспомнить, что при земледѣльческомъ хозяйствѣ пермяковъ самовольное отчужденіе земли должно вредно отразиться на благосостояніи группы. Признаніе труда источникомъ собственности сказывается наглядно въ слѣдующемъ: «Если большакъ лишаетъ младшаго члена семьи участія въ пользованіи имуществомъ, заведеннымъ общими трудами, судъ приговариваетъ его предоставить младшему его долю». Въ одномъ рѣшеніи суда, напримѣръ, «племянникъ жалуется, что дядя не даетъ ему доить корову, которую они купили вмѣстѣ; судъ постановилъ, чтобы дядя пользовался молокомъ два дня, племянникъ въ третій. Младшій имѣетъ право на долю имущества, если участвовалъ въ приобрѣтеніи его не лично, а черезъ жену (солдатъ). Мать-вдова, выйдя замужъ вторично, имѣетъ право на долю имущества, которое нажито ея трудомъ».

Весьма характерны встрѣчающіеся у черемисъ случаи требованія большей группы—семьи отдать ей индивидуальное имущество изъ соображеній о необходимости примѣненія принципа имущественной общности для поддержанія благосостоянія цѣлаго. Если, напримѣръ, «умираетъ крестьянинъ, который живетъ отдѣльно отъ отца и братьевъ, жена съ дѣтьми сохраняетъ за собой принадлежащій мужу участокъ земли и считаетъ себя полноправной собственницей всѣхъ

его доходов; но свекръ или деверь, прикрываясь старыми понятіями о семейной собственности, захватываетъ у ней сжатый хлѣбъ или скошеное сѣно». Жена, какъ чужеродка, не можетъ пользоваться землей, составляющей часть общаго семейнаго имущества, разъ связь ея съ родомъ мужа прервана смертью послѣдняго. Не менѣе характерно слѣдующее указаніе: «живетъ дочь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ отдѣльно отъ матери и приобрѣтаетъ на собственные деньги корову и, встрѣтивши необходимость, желаетъ ее продать. Она считаетъ себя въ правѣ распорядиться своей собственностью, но мать протестуетъ противъ этого, объявляя приобрѣтеніе дочери своей собственностью. Судъ обязываетъ дочь возвратитъ корову». Корова составляетъ значительную цѣнность для черемисъ, и трудовой принципъ уничтожается экономическимъ.

Наконецъ, у вотяковъ при полномъ господствѣ имущественной общности въ большихъ семьяхъ, при личномъ безправномъ состояніи младшихъ членовъ въ отношеніи къ большаку и крайне пониженномъ положеніи женщины, эта послѣдняя можетъ имѣть свою собственность: она состоитъ изъ ея приданаго и изъ результатовъ труда, излишнихъ для существованія семейной группы. «Любопытнымъ и осязательнымъ доказательствомъ уваженія къ трудовому началу являются права женщины на распоряженіе кумышкой (водкой). Кумышка готовится изъ хлѣба, который принадлежитъ обоимъ супругамъ, но трудъ, который женщина вложила въ ея приготовленіе, предоставляетъ ей право распоряжаться продуктомъ, и мужъ не смѣетъ безъ жены распорядиться хотя бы одной чашечкой любимаго напитка». Тѣмъ же уваженіемъ къ труду опредѣляются доходы отъ льноводства: мужъ за свой трудъ получаетъ сѣмена и волокно, но холстъ, сработанный женщиной, составляетъ ея полную собственность. Дѣвушка изъ мелкихъ заработковъ и собственной работой, приготовленіемъ холста, полотенецъ и пр. собираетъ себѣ приданое. Кромѣ того, у сарапульскихъ вотяковъ существуетъ обычай приглашать къ себѣ въ домъ родственницъ-дѣвушекъ, ставшихъ уже невѣстами, съ тѣмъ, чтобы онѣ помогли въ пряжѣ и въ другихъ хозяйственныхъ работахъ. Такая дѣвушка забираетъ съ собой полотенца и кумышку. Хозяинъ, «пригласившій сидѣлку, самъ вбиваетъ ей въ пряслицу монету—рубль...., за что гостья даритъ рубаху и порты и угощаетъ кумышкой. Кромѣ хозяина вбиваютъ еще другіе его семейные—мужчины, а сосѣди и прочіе, кто узнаетъ о гостѣ, идутъ къ ней пить кумышку и непременно должны вбить въ пряслицу какую-нибудь монету мѣдную или серебряную». Дѣвушка отдариваетъ поло-

тенцами. Полученныя такимъ образомъ деньги—собственность дѣвушки, которая несмотря на то, что отдариваетъ полотенцами, остается въ барышахъ. Въ этомъ обрядѣ сквозятъ двѣ мысли: 1) дѣвушка, приготовившая себѣ приданое, является полной его собственницею и вступаетъ такъ сказать въ общѣнъ частей своего приданого на деньги; 2) она своимъ трудомъ зарабатываетъ эти деньги и, слѣдовательно, деньги принадлежатъ ей.

Въ адатахъ кавказскихъ горцевъ тотъ же принципъ регулируетъ отношеніе индивидуальной собственности къ коллективной. Семейный коммунизмъ проникаетъ всѣ отношенія членовъ семейной общины къ имуществу: земля, скотъ, даже одежда находятся въ общемъ владѣніи. Мало того, при постоянныхъ военныхъ дѣйствіяхъ горцевъ другъ противъ друга вполнѣ понятно, что доставшіеся отъ предковъ ружья и старые кинжалы до сихъ поръ служатъ въ Осетіи общимъ достояніемъ всей семьи и отдѣльные члены имѣютъ только право пользованія ими. Добыча отъ набѣговъ, игравшихъ видную роль въ экономическомъ строѣ семьи, естественно, предоставляется этой послѣдней, а не отдѣльному лицу. Но оружіе, найденное на врагѣ: шашка, кинжалъ, ружье считаются собственностью побѣдителя. Далѣе, при производствѣ охоты нѣсколькими лицами, каждый охотникъ-осетинъ «беретъ себѣ только рога и шкуры убитыхъ имъ животныхъ; остальное же составляетъ общую собственность всѣхъ охотниковъ, которые поэтому имѣютъ въ ней равныя доли». Мясомъ охотникъ долженъ подѣляться съ членами своей семьи, не только вслѣдствіе тѣсной связи между лицомъ и группою, къ которой онъ принадлежитъ, но и благодаря тому, что земледѣльцы-осетины сравнительно плохо обеспечены мясной пищей.

Вопросъ о признаніи принципа трудового начала среди русскаго крестьянскаго населенія спорный въ литературѣ. Между тѣмъ, количество фактовъ, свидѣтельствующихъ, что трудъ является источникомъ собственности, при томъ очень виднымъ, въ глазахъ русскаго крестьянина, чрезвычайно значительно; игнорировать ихъ никакимъ образомъ нельзя. Уже а priori, послѣ изложенныхъ данныхъ о бытѣ другихъ племенъ и народовъ можно высказать предположеніе, что трудъ, находить ли онъ широкую или узкую сферу признанія среди крестьянъ, долженъ подчиняться тому же основному положенію, какъ и у другихъ болѣе низко стоящихъ народностей: лишь тѣ продукты труда могутъ идти въ частную собственность, которые не составляютъ необходимыхъ предметовъ для существованія группы. Русскій крестьянинъ стоитъ въ отношеніяхъ болѣе или менѣе зависящихъ къ двумъ

группамъ: 1) къ своей семейной общинѣ и 2) къ общинѣ сельской. Въ первомъ случаѣ онъ выступаетъ, какъ индивидъ, во второмъ, какъ членъ своей семьи. Семья въ свою очередь является коллективной единицей передъ сельской общиной. Вслѣдствіе этого, необходимо разсмотрѣть, поскольку трудъ допускается, какъ источникъ собственности: 1) семьей въ отношеніи къ индивиду и 2) общиной въ отношеніи къ семейной единицѣ.

При разсмотрѣніи тѣхъ случаевъ, когда отдѣльное лицо, входящее въ составъ крестьянской семьи, имѣетъ право на индивидуальную собственность, слѣдуетъ имѣть въ виду цѣлькую, не распадающуюся семью; слѣдовательно, сюда не входятъ права членовъ семьи при раздѣлахъ или при наследованіи.

Прежде всего напрашивается вопросъ, что представляетъ собой современная крестьянская семья? Будь то такъ называемая большая семья, состоящая изъ отпа, живущаго совместно съ нѣсколькими женатыми сыновьями и внуками, или изъ дяди съ женатыми племянниками, или семья малая, состоящая изъ супруговъ и малолѣтнихъ дѣтей—это будетъ группа индивидовъ, объединенныхъ кровнымъ родствомъ и преслѣдующая общія хозяйственныя цѣли. Случаи приѣма постороннихъ лицъ: зятя, приѣмыша въ семейную группу происходятъ часто подъ влияніемъ экономическихъ, этическихъ и другихъ соображеній. Но они не нарушаютъ правилъ, регулирующихъ взаимныя отношенія кровныхъ родственниковъ: эти постороннія лица принимаются на правахъ или родныхъ или наемныхъ работниковъ. Современная крестьянская семья есть осколокъ болѣе древней родовой организаціи, результатомъ распада родоваго и ослабленія родовыхъ отношеній. Какъ при родовомъ строѣ имущество считается общимъ между членами рода, такъ и при господствѣ строя семейнаго, въ особенности въ большой семьѣ, оно является общимъ достояніемъ всѣхъ членовъ семьи. Земля, права на которую могутъ быть приобретены тѣмъ или другимъ способомъ, продукты, добываемые отъ обработки этой земли, отъ ското- и садоводства, орудія, жилище и т. д. до нѣкоторыхъ частей одежды включительно, все признается общимъ, на личное обладаніе которымъ ни одинъ членъ семьи, до семейнаго дѣлежа, не имѣетъ права. Распоряжается этимъ имуществомъ глава семьи, большакъ: дѣдъ, отецъ, старшій дядя или старшій братъ; только въ исключительныхъ случаяхъ онъ считаетъ нужнымъ привлечь семейный совѣтъ при рѣшеніи важныхъ вопросовъ о продажѣ или покупкѣ части имущества. При такомъ коммунизмѣ существуетъ, однако, и индивидуальная собственность.

Неотдѣленные сыновья, равно и другіе члены семьи обладаютъ индивидуальнымъ правомъ собственности прежде всего на одежду, изготовляемую ими ихъ женами, далѣе на предметы украшенія, купленные на заработанныя деньги, если, конечно, съ разрѣшенія главы семьи, добывшіи деньги получили право распоряжаться ими. Это норма общая для всего русскаго крестьянства. Въ Архангельской губ., напримѣръ, семейныя устои еще очень крѣпки, и въ случаѣ вожительства вмѣстѣ женатыхъ братьевъ или дядей съ племянниками, общимъ у нихъ является хлѣбъ, столъ, кормъ скота, все домохозяйство и скотоводство, равно повинности и внесеніе податей. Но, за удовлетвореніемъ этихъ потребностей, каждый членъ подобной семейной общины можетъ накапливать деньги и имущество (одежду, обувь и пр.) для себя. «Поэтому у одного брата можетъ быть нѣкоторое количество *захребетной суммы*, а у другого нѣтъ, смотря по заработку, у одного одежда чище и довалье ея, а у другого мало и хуже». Но это только въ томъ случаѣ, если эти предметы нажиты не изъ общей суммы и на сторонѣ. Результатомъ этого получается, что, напримѣръ, полушубокъ, купленный на общія семейныя деньги, составляетъ собственность всѣхъ членовъ семьи, а, напримѣръ, сапоги, пріобрѣтенныя на лично заработанныя деньги, принадлежатъ купившему ихъ, и въ распоряженіе этимъ имуществомъ никто изъ членовъ семьи вмѣшиваться не имѣетъ права.

Среди доискихъ казаковъ, гдѣ личная и имущественная власть отца еще въ полной силѣ, неотдѣленные сыновья работаютъ сообща съ отцомъ и «всякую копѣйку весутъ отцу». Тѣмъ не менѣе, у сына есть и свое имущество: это, во первыхъ, такъ называемая «справа», т. е. конь, сѣдло, стремена, мундиръ, съ которыми сынъ отправляется на службу; во вторыхъ, все добытое сыномъ на войнѣ, «нажитое на службѣ» и «пріобрѣтенное имъ на сторонѣ», т. е. внѣ семейныхъ работъ. Вернувшійся съ похода сынъ покупаетъ иногда на нажитыя во время службы деньги нѣсколько паръ быковъ и на ярмаркѣ продаетъ ихъ отдѣльно отъ отца; все, купленное на такія деньги, составляетъ личную собственность сына и не входитъ въ составъ семейнаго имущества.

Женщина въ семейной общинѣ, несмотря на приниженность ея личности, имѣетъ также индивидуальную собственность. Она состоитъ кромѣ принесеннаго ею приданаго изъ выручекъ отъ нѣкоторыхъ заработковъ. Это также общее для всѣхъ русскихъ крестьянъ правило. Среди терскихъ казаковъ, напримѣръ, «имущество, нажитое совмѣстными трудами, пишетъ Малявкинъ, считается общей собствен-

ностью. Но если жена, исполнивъ свои хозяйственныя обязанности, еще имѣеть возможность заработать на сторонѣ, то этотъ заработокъ считается вполнѣ ея собственностью, и она лишь по желанію можетъ употреблять его на хозяйственныя нужды».

На сѣверѣ Россіи, въ Архангельской и Олонецкой губерніяхъ, въ большой семьѣ, гдѣ живутъ нѣсколько женатыхъ лицъ, доходы за молоко и масло принадлежать исключительно хозяйкѣ дома. Но каждая изъ женщинъ держитъ свою куру, едетъ свой ленъ и конопель и ухаживаетъ за ними; поэтому, яйца, пряжа и произведенія изъ нея принадлежать каждой изъ женщинъ, живущихъ въ семьѣ, особо. Дѣвушки также имѣютъ свое имущество: на деньги, добытыя ими разными работами, отъ продажи собранныхъ ими грибовъ, ягодъ и т. п. онѣ нашиваютъ себѣ обновки. Такимъ путемъ составляется обыкновенно приданое дѣвушки, ея «сундукъ», «коробья», которое и по выходѣ ея замужъ составляетъ ея личную собственность. Въ Самарской губерніи, пишетъ П. А. Матвѣевъ, «въ большой и малой семьѣ женщина—самостоятельная имущественная единица, а не дольщица общаго достоянія семьи. Женщинѣ дозволяется имѣть свое отдѣльное имущество—коробью... За нею признается право получать въ свою пользу деньги за извѣстные заработки (деньги за грибы, ягоды, а въ малой семьѣ молочный скотъ, яйца и птицеводство — бабье добро). Кромѣ того бабамъ дается изъ общаго достоянія семьи волокна льна, пеньки и поскони, а также шерсть для изготовленія бѣлья и одежды какъ себѣ, такъ и для семьи, причемъ остатки идутъ въ пользу бабъ. Крестьянскимъ дѣвушкамъ при этомъ дѣлежъ льна, пеньки, поскони и шерсти не дается ничего; съ ними дѣлятся матери изъ своей части и изъ части сыновей-подростковъ, а сестры за это должны снаряжать всеѣмъ нужнымъ для одежды своихъ холостыхъ братьевъ... Семья, не освобождая дѣвушку отъ общей работы, даетъ ей, однако, возможность работать на себя; на примѣръ, тамъ, гдѣ есть бакчи или огороды, сажаніе на нихъ овощей, полотье и уборка ихъ, а также отчасти уборка сѣна, полотье яровыхъ хлѣбовъ, дѣлашье кизяка... и гульки—это ихъ достояніе. *Гульками* называется праздничная уборка хлѣба (жнитво) или сѣна, для которой собираются дѣвушки партіями отъ 6—10 человекъ... На эти заработки дѣвушка копитъ себѣ *коробью*, снаряжая которую въ большой семьѣ она стѣснена контролемъ *большака* и *большухи*, а также и прочихъ членовъ семьи, ревниво наблюдающихъ, чтобы бабы не брали болѣе того, сколько нужно для одежды; остатки же шерсти составляютъ достояніе семьи и учитываются хозяиномъ дома. Въ малой семьѣ шерстью

бабы распоряжаются безконтрольно». Въ Вологодской губ. Г. Н. Потаниномъ былъ отмѣченъ обычай, напоминающій описанный выше у вотяговъ. Во время мясоѣда богатые домохозяева приглашаютъ гостить къ себѣ родственницу дѣвушку, чтобы дать ей возможность побольше наработать на приданое. Гостя все свободное время прядетъ исключительно въ свою пользу и «это время, говоритъ изслѣдователь, когда (она) дѣлаетъ самый большой заработокъ для себя». Коробѣ великоруссовъ какъ по способу, которымъ она составляется, такъ и по исключительному праву собственности на нее дѣвушки, составившей ее на свои личные заработки, соответствуетъ вполне малороссійская «скриня». «Скриня» также рѣзко отдѣляется отъ общаго семейнаго имущества и отъ подарковъ, которые дѣлаются молодымъ, и которые входятъ въ составъ общаго семейнаго имущества. Принципъ личной собственности женщины въ семьѣ держится необычайно крѣпко; мужъ не можетъ, несмотря на общее приниженное состояніе личности женщины въ семьѣ, распоряжаться имъ безъ согласія жены. Даже въ случаѣ смерти послѣдней, коробка жены не унаслѣдуется мужемъ; она передается въ семью умершей, гдѣ ее получаетъ мать покойной или, за смертью ея, дѣвушки-сестры и, наконецъ, если таковыхъ нѣтъ, холостые братья. Такъ въ Горбатовскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи при необычайно крѣпкихъ устояхъ большой семьи, когда каждая копѣйка, издержанная на себя лично или для жены и дѣтей, помимо старшаго въ семьѣ, считается украденной, имущество жены пользуется полной неприкосновенностью. Послѣ смерти ея оно поступаетъ къ матери и сестрамъ въ случаѣ бездѣтности ея; если же остались послѣ нея дѣти, ея имѣніе хранится въ семьѣ мужа, которая имъ не пользуется до женитьбы сыновей и выхода замужъ дочерей.

Наконецъ, нѣкоторыя права на личный заработокъ признаются иногда и за малолѣтними членами семьи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Вологодской губерніи, напримѣръ, происходитъ скупка тряпья для писчебумажныхъ фабрикъ по 1—2 коп. за фунтъ. Дѣти собираютъ тряпье и сдаютъ его отъ себя скупщикамъ. Родители предоставляютъ имъ этотъ заработокъ, мотивируя это тѣмъ, что надо же имъ на что нибудь купить себѣ пряниковъ.

Подобныхъ примѣровъ можно встрѣтить множество въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Приведенные взяты изъ тѣхъ областей, гдѣ большая семья преимущественно еще въ силѣ, гдѣ при болѣе архаичномъ типѣ ея изслѣдователь въ правѣ ожидать и болѣе архаичные взгляды на индивидуальную собственность членовъ патріархальной

семьи. Чѣмъ болѣе дробятся семьи, тѣмъ болѣе успѣхи въ общемъ дѣлаютъ и индивидуализмъ въ имущественныхъ отношеніяхъ.

Во всѣхъ упомянутыхъ случаяхъ источникомъ индивидуальной собственности лицъ, входящихъ въ составъ семьи, кромѣ «справы» у донскихъ казаковъ, происхождение которой слѣдуетъ искать въ особенностяхъ быта населенія, является *трудъ*. Индивидуальной собственностью считается только то, что зарабатываетъ человекъ своимъ трудомъ. Однако, далеко не все то, что онъ приобретаетъ этимъ путемъ, признается его личной собственностью. Напротивъ того, болѣшая часть энергии и рабочей силы члена семьи тратится на трудъ, плоды котораго идутъ въ семью. Въ крестьянской семьѣ трудъ является источникомъ одновременно какъ личной, такъ и семейной собственности, хотя бы для приобретенія последней членъ семьи трудился одиночно, безъ помощи своихъ семейныхъ.

Крестьянская семья представляетъ результатъ дальнѣйшаго развитія родовой организаціи и, какъ таковая, стоитъ неизмѣримо выше групповой организаціи низшихъ расъ. Но при всемъ различіи культурнаго уровня, она въ томъ отношеніи не отличается отъ низшихъ человѣческихъ агрегацій, что заботы ея направлены преимущественно на поддержаніе своего существованія. Представляя собой группу индивидовъ, общая цѣль которыхъ заключается въ удовлетвореніи хозяйственныхъ потребностей, крестьянская семья, вполне естественно, требуетъ отъ своего сочлена прежде всего и преимущественно работы, которая дада бы ей возможность существовать. Такъ какъ главный источникъ благосостоянія крестьянской семьи почти всюду коренится въ земледѣліи, весь результатъ труда, направленный на послѣднее, поступаетъ въ общее семейное имущество. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, гдѣ существуетъ право захвата свободныхъ земель, если кто нибудь изъ членовъ семьи распахаетъ участокъ и засеетъ его сѣменами, купленными даже на свои деньги, урожай считается все таки общимъ семейнымъ достояніемъ. Въ отношеніи къ земледѣлію трудовое начало всецѣло уничтожается экономическими условіями жизни семейной группы. Тоже слѣдуетъ сказать и относительно другихъ заработковъ, результаты которыхъ поддерживаютъ благосостояніе группы. Тамъ, гдѣ охота или рыболовство оказываютъ важное подспорье хозяйству, охотникъ или рыболовъ не пользуются результатами добычи, какъ личной собственностью, и передаютъ ихъ семейной группѣ. Наоборотъ, гдѣ эти промыслы не имѣютъ значенія для семьи, продажа отъ добычи поступаетъ, послѣ удовлетворенія семейныхъ нуждъ, въ собственность охотника или рыболова.

Въ центральной полосѣ Россіи, гдѣ охота ничтожна, семья, если она не принадлежитъ къ числу очень нуждающихся, отдаетъ деньги отъ продажи дичи въ распоряженіе охотника, позволяетъ малолѣтнимъ членамъ своимъ ловить удочной рыбу и продавать въ свою пользу. Въ то же время деньги, заработанныя отхожими промыслами, павозомъ и т. п., семья отбираетъ у своего сочлена, такъ какъ, при недостаточности урожаявъ, эти промыслы оказываютъ значительную поддержку хозяйству. На сѣверѣ замѣчается обратное явленіе: охота и особенно рыболовство служатъ главными источниками семейнаго дохода, и индивидуальной собственности на результаты обоихъ промысловъ почти не существуютъ, за исключеніемъ мелочей. Заработковъ же на сторонѣ не много, и, если членъ семьи заработаетъ себѣ что нибудь случайно, плата идетъ въ его пользу. Но, напримѣръ, если онъ уйдетъ на догго изъ семьи съ специальной цѣлью добывать средства къ существованію въ Петербургѣ, Москвѣ или другомъ большомъ центрѣ, онъ обязанъ, если хочетъ сохранить за собой права на семейное имущество, отдавать нажитое въ семью.

Такъ какъ семейная группа состоитъ преимущественно изъ кровныхъ родственниковъ, принципы экономическій и семейный (кровный) обыкновенно покрываютъ другъ друга. Матеріальное положеніе семьи въ большинствѣ случаевъ не вполне удовлетворяетъ всѣмъ существеннымъ нуждамъ группы: поэтому индивидуальная собственность, основанная на трудѣ, находитъ себѣ мѣсто лишь постольку, поскольку результаты труда составляютъ, такъ сказать, излишекъ въ жизни семьи. Коробья, которая копится личнымъ трудомъ дѣвушекъ, случайные заработки дѣвушекъ отъ сбора грибовъ, ягодъ, доходы женщины отъ наливна, шерсти и т. п. составляютъ настолько несущественный элементъ въ хозяйствѣ, что семья вполне допускаетъ въ указанныхъ случаяхъ личную собственность. Въ большой семьѣ, хозяйственные потребности которой сложнѣе, совершенно естественно, менѣе удѣляется мѣста труду, какъ источнику личной собственности, чѣмъ въ малой семьѣ. Въ случаѣ пожара или другого крупнаго несчастія мужъ иногда считаетъ себя въправѣ требовать, чтобы неотъемлемое имущество жены, коробка, было употреблено на поправленіе хозяйства. Это наглядный примѣръ того, что интересъ семейной группы въ видахъ поддержанія жизнеспособности семьи можетъ поглощать признаваемое всюду въ крестьянскомъ мірѣ право личной собственности жены на имущество. Семья могла иногда заставить жену продать свое личное имущество, напримѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда мужа или деверя отдавали въ солдаты, и семья не была въ состояніи ихъ выку-

пить. Даже такой ничтожный заработокъ, какъ продажа ягодъ, грибовъ и т. п., который почти повсемѣстно идетъ въ пользу собирающихъ ихъ дѣвушекъ, иногда, въ случаяхъ крайности, поступаетъ въ пользу семьи. Такъ, напримѣръ, въ Череповецкомъ уѣздѣ Новгородской губерніи, по словамъ Герасимова, «плохіе урожаи хлѣба (вслѣдствіе песчаной почвы и преобладанія болотъ въ южной части уѣзда), заставляютъ крестьянъ обращать большое вниманіе на *лесной зарчъ*»; его заготавливаютъ въ прокъ, какъ подспорье къ прочимъ пищевымъ продуктамъ. Въ предупрежденіе выбора ягодъ еще неснѣлыми и для равномѣрнаго распредѣленія ихъ между каждою семьею ягоды: бруснику, клюкву и верескъ «заповѣдуютъ», т. е. опредѣляютъ срокъ, раньше котораго сборъ ягодъ запрещается. «Въ день «расковѣданія» ягодъ отправляются почти всѣ поголовно для сбора». Сборъ каждой семьи идетъ въ ея пользу; главнымъ образомъ, продаютъ ягоды скупщикамъ, оставляя часть на семейныя нужды.

Если, несмотря на бездну, раздѣляющую быть такъ называемыхъ дикарей отъ быта русской крестьянской семьи встрѣчаешь одинаковые правила и взгляды на личную собственность, это объясняется тѣмъ, что, несмотря на усложненіе быта и хозяйства, экономическія потребности, а, слѣдовательно, и взглядъ на способы ихъ удовлетворенія, всегда остаются одинаковыми.

Въ такъ называемой малой крестьянской семьѣ индивидуальная собственность отдѣльныхъ членовъ находитъ себѣ обыкновенно большее признаніе, чѣмъ въ большой семьѣ. Это объясняется прежде всего развитіемъ индивидуализма, который подтачиваетъ прежніе, патріархальные устои семьи и приводитъ, наконецъ, къ разложенію болѣе архаичныхъ порядковъ общежитія. Чѣмъ больше открывается средствъ добывать себѣ существованіе, тѣмъ легче борьба за нее, тѣмъ болѣе слабѣютъ узы между индивидомъ и группой, къ которой онъ принадлежитъ, и личность въ болѣшей мѣрѣ освобождается отъ господства группы. Индивидъ требуетъ болѣе широкаго признанія своего труда, и трудовое начало все болѣе и болѣе освобождается отъ ограничивавшаго его экономического принципа. При недостаткѣ постороннихъ заработковъ и трудности перехода отъ одной хозяйственной формы къ другой, личность чувствовала свою тѣснѣйшую связь съ семейной общиной; внѣ послѣдней она не могла бы существовать. Вотъ почему такъ называемыя большія семьи сохранились въ Россіи до послѣдняго времени, хотя семейные раздѣлы были извѣстны съ давнихъ временъ у крестьянъ; памятники XVI—XVII в.в. сохранили воспоминаніе о нихъ. Съ развитіемъ промышленности,

улучшеніемъ путей сообщенія и пр. открылись новыя сферы приложенія своихъ силъ и новыя источники существованія. Личность быстро стала эманципироваться. Патріархальныя основы большой крестьянской семьи начали подтачиваться индивидуальными интересами личности, требующей признанія своей индивидуальной свободы.

Семейная единица стоитъ къ общинѣ въ томъ же отношеніи, какъ индивидъ къ своей семьѣ. Община представляетъ не только единицу общественную, но и хозяйственную. Она имѣетъ свое имущество, право пользованія которымъ раздѣлено между отдѣльными хозяйствами, входящими въ общину; она связана круговой порукой. Каждая семья можетъ быть такимъ образомъ: 1) дольщицей въ общественномъ имуществѣ и 2) имѣть свою собственность, въ которую община не можетъ вмѣшиваться. Не останавливаясь пока подробно на составѣ семейнаго имущества, слѣдуетъ замѣтить, что собственностью семейной единицы являются прежде всего жилища и хозяйственныя строенія. Они признаются таковой, не только потому, что составляютъ результатъ труда членовъ семьи, но и оттого, что жилища помѣщенія членовъ общины не имѣютъ значенія, какъ средства существованія для общины, какъ цѣлаго.

Община въ широкихъ размѣрахъ признаетъ самостоятельность своихъ членовъ, но экономическія условія общины, какъ единицы, заставляютъ ее выработать рядъ стѣснительныхъ правилъ. Всякій домохозяинъ, напримѣръ, свободенъ заключать любыя сдѣлки; но, говоритъ Пахманъ, «община смотритъ на своихъ членовъ и ихъ имущество, какъ на источникъ исправнаго отбыванія податей и повинностей, и въ силу такого взгляда всякая сдѣлка, которая могла бы повести къ подрыву этого источника, признается вредной и потому недействительной». Далѣе, каждый домохозяинъ, устроившій себѣ колодець, имѣетъ право не допускать другихъ къ пользованію имъ. Община, однако, выработала ограниченіе этого права: «владѣлецъ не въ правѣ воспретить сосѣду пользоваться водою изъ колодца, если тотъ не имѣетъ никакого другого способа удовлетворить такія нужды». Особенно много яркихъ примѣровъ такого порядка вещей представляетъ Сибирь, гдѣ право лица или семьи пользоваться общественными угодьями постоянно ограничивается экономическими соображеніями сельской или волостной общины. Такъ, «право ловли рыбы мелкими снарядами вездѣ принадлежитъ неограниченно всѣмъ общинникамъ; такой же характеръ имѣетъ и ловля рыбы неводами тамъ, гдѣ промыселъ не даетъ большихъ улововъ и не имѣетъ большого значенія въ экономической жизни населенія; и только тамъ, гдѣ уловъ значительный и рыбо-

ловство является существеннымъ источникомъ благосостоянія населенія, на сцену выступаетъ душевое начало, и промыселъ организуется въ видѣ артели-общины». «Во всей южной и средней части Тобольской губернии и въ излѣдованныхъ мѣстностяхъ Томской, читается въ официальномъ изслѣдованіи крестьянскаго землепользованія и хозяйства въ Тобольской и Томской губерніяхъ, охотничій промыселъ, вообще говоря, не имѣетъ значенія существеннаго источника благосостоянія, и соответственно этому право охоты на крестьянскихъ земляхъ предоставляется общиной, безъ всякаго ограниченія какъ членамъ ея, такъ и совершенно постороннимъ лицамъ. Въ Притавдинскихъ волостяхъ Туринскаго округа и въ смежныхъ мѣстностяхъ Тобольскаго наблюдается совершенно иное». Охота составляетъ важный источникъ пропитанія и «всѣ доступныя для населенія удобныя для охоты мѣста издавна приурочены въ исключительное пользованіе тѣхъ или другихъ группъ населенія—волостей, сельскихъ обществъ или селеній», внутри которыхъ встрѣчается даже иногда дѣленіе участковъ на душевые надѣлы; послѣднее, впрочемъ, преимущественно у инородцевъ.

Въ мѣстностяхъ Тобольской и Томской губерній, гдѣ много кедровниковъ, сборъ кедровыхъ орѣховъ играетъ болѣе или менѣе значительную роль въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Кедровники бываютъ двухъ родовъ: «таежные» или «урманские» и «домашніе или деревенскіе». Первые расположены въ дачахъ казенныхъ или тамъ, гдѣ владѣнія казны не ограничены отъ крестьянскихъ и инородческихъ, но фактически состоятъ въ безвозмездномъ пользованіи населенія. Не имѣя опредѣленныхъ правъ на эти кедровники, жители деревень не заинтересованы въ охраненіи ихъ; «кедры вырубаются какъ для того, чтобы пользоваться деревомъ, такъ и ради простаго облегченія сбора орѣховъ; они заростають посторонними породами, засоряются валежникомъ, горять и т. д.». «Домашніе» или «деревенскіе» кедровники расположены внутри крестьянскихъ дачъ и состоятъ въ исключительномъ пользованіи отдѣльныхъ группъ населенія—обыкновенно отдѣльныхъ селенныхъ общинъ. Каждый изъ нихъ состоитъ подъ охраною извѣстной общины, которая ясно сознаетъ свою заинтересованность въ его сохраненіи; здѣсь, поэтому, нѣтъ и помину порубокъ кедровъ; кедровники очищаются какъ отъ валежника, такъ и отъ порослей постороннихъ породъ и вообще въ большинствѣ случаевъ содержатся въ замѣчательной чистотѣ... Что касается до формъ пользованія кедровниками, то по отношенію къ таежнымъ или урманскимъ господствуетъ ничѣмъ не регулированный захватъ: каждый желающій

можетъ производить сборъ орѣха въ любомъ мѣстѣ и въ любомъ количествѣ; въ Томской губерніи это право не стѣнено, даже принадлежностью къ какому то ни было обществу или волости, такъ что на сборъ можетъ приходиться кто угодно и откуда угодно.» Но въ Тобольской губерніи, гдѣ сборъ орѣховъ имѣетъ большую важность въ хозяйствѣ, урманые кедровники все «приурочены къ тѣмъ или другимъ группамъ крестьянскаго населенія.... Степень неограниченности вольнаго пользованія тоже не представляется одинаковою: въ Томской губерніи, а также въ Тобольской по отношенію къ наиболѣе отдаленнымъ кедровникамъ, эта свобода не ограничивается ничѣмъ—всякому предоставляется начать сборъ, когда угодно и съ любымъ количествомъ своихъ или наемныхъ рабочихъ; по отношенію къ болѣе близкимъ и цѣннымъ «урманымъ» кедровникамъ на сѣверѣ Тобольской губерніи свобода захватнаго пользованія подвергается уже нѣкоторому ограниченію: время начала сбора опредѣляется общественнымъ приговоромъ и на сборъ разрѣшается выходить только съ работниками, принадлежащими къ составу семей; наемныхъ же работниковъ разрѣшается ставить только взаимъ больныхъ, престарѣлыхъ и вообще не способныхъ къ труду общественниковъ. По отношенію къ «домашнимъ» кедровникамъ неограниченное вольное пользованіе существуетъ только тамъ и тогда, гдѣ сборъ орѣха, благодаря ничтожному размѣру кедровника, не имѣетъ промысловаго значенія, или когда онъ утрачиваетъ такое значеніе благодаря плохому урожаю кедровой шишки. Обычнымъ же порядкомъ по отношенію къ «домашнимъ» кедровникамъ является обложенное въ ту или другую форму душевое пользованіе. Сравнительно рѣдко впрочемъ встрѣчаются случаи передѣла кедровниковъ на душевые участки; при такомъ передѣлѣ въ нѣкоторыхъ общинахъ кедры распределяются на известное число сортовъ, и на душу въ каждомъ сортѣ отводится опредѣленное число деревьевъ.... Самую обычную формою примѣненія душевого начала къ пользованію кедровниками, является форма, которую можно обозначить названіемъ регулируемаго захвата: самый кедровникъ не дѣлится на участки; община назначаетъ день начала сбора, а затѣмъ опредѣляетъ число работниковъ, которое можетъ выставить на сборъ каждая раскладочная душа; въ Туринскомъ округѣ, гдѣ «деревенскіе» кедровники очень малы, число это обыкновенно бываетъ дробнымъ—по человѣку съ 2-хъ, 3-хъ, даже 4-хъ душъ и только при самыхъ лучшихъ урожаяхъ—по человѣку съ души. Въ Томскомъ округѣ, гдѣ «домашніе» кедровники сравнительно очень обширны, съ души выпускаютъ на сборъ по два, по три, по пяти человѣкъ, а затѣмъ, въ предѣлахъ устано-

вленной общиной нормы, каждый общинникъ можетъ по своему усмотрѣнiю распорядиться съ принадлежащимъ ему правомъ на участiе въ сборѣ: онъ можетъ произвести сборъ самъ, при помощи своихъ домашнихъ, можетъ... нанять постороннихъ лицъ; можетъ, наконецъ, передать за плату свое право участiя въ сборѣ другому лицу, хотя бы и не принадлежащему къ общинѣ. Самый сборъ производится на захватъ, такъ что количество добытого на душевой пай орѣха въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ ловкости и умѣнья сборщиковъ». Въ изложенныхъ разнообразныхъ и сложныхъ правилахъ пользованiя общественнымъ угодемъ—кедровниками ясно проходитъ основная идея, что община тѣмъ больше стремится ограничить примѣненiе индивидуальнаго права пользованiя ими, чѣмъ нужнѣе кедровникъ для нея какъ пѣлаго. Разъ въ его пользованiи одинаково заинтересованы всѣ лица, входящiя въ общину, признаваемое право захвата-труда на сборъ встрѣчаетъ все больше ограниченiй вслѣдствiе стремленiя по возможности справедливо и равномерно распределить результаты сбора.

То же отношенiе лежитъ въ основанiи пользованiя лѣсомъ. Въ весьма значительной части Тобольской и Томской губернiй, говорить то же изслѣдованiе, «до сихъ поръ продолжаетъ еще существовать неограниченное вольное пользованiе крестьянскими лѣсами; община не стѣсняетъ никого изъ принадлежащихъ къ ея составу лицъ ни въ отношенiи размѣровъ лѣсныхъ заготовокъ, ни цѣли ихъ, ни избираемаго мѣста: каждый можетъ рубить лѣсъ въ произвольномъ количествѣ; онъ можетъ рубить лѣсъ и для потребностей собственнаго обихода, и на продажу, можетъ рубить вездѣ, «куда топоръ ходитъ», не стѣсняясь даже границами недоступныхъ въ другихъ отношенiяхъ для постороннихъ лицъ «замокъ»... Свобода пользованiя лѣсомъ иногда не ограничивается даже юридическими и обычными границами (гдѣ таковыя имѣются) землевладѣнiя отдѣльныхъ селенiй и груннъ селенiй, а распространяется на территорию цѣлой волости, иногда даже и за границы этой послѣдней». Такого рода вольное пользованiе лѣсомъ имѣетъ мѣсто, однако, только тамъ, гдѣ лѣса встрѣчаются еще въ изобилiи, и оно часто совмѣщается «съ весьма развитыми формами душевого пользованiя, установившимися по отношенiю къ пахотнымъ и сѣнокоснымъ землямъ». Лѣсовъ еще много, «почему вольное пользованiе, по убѣжденiю крестьянъ, не можетъ имѣть вредныхъ послѣдствiй... Это—ничто иное, какъ результатъ строгаго соответствiя формъ землепользованiя со степенью изобилiя или недостаточности каждаго даннаго рода угодiй». Дѣйствительно, «гдѣ обезлѣсенiе подвинулось

уже довольно далеко, или гдѣ, благодаря выгодному сбыту, для отдѣльныхъ общественниковъ является слишкомъ сильный соблазнъ вырубать на продажу общественные лѣса,—тамъ община начинаетъ повсему стѣснять неограниченную свободу пользованія лѣсами, и постепенно происходитъ переходъ къ другимъ формамъ, способнымъ до нѣкоторой степени обезпечить сохраненіе общинныхъ лѣсныхъ насажденій. Первую, еще очень нерѣшительную попытку такого рода» слѣдуетъ считать ограниченіе права рубки лѣса границами селенія. Такъ, напримеръ, въ Нелюбинской волости Томскаго округа, «гдѣ крестьяне производятъ крупныя заготовки дровъ для продажи на Томскомъ рынкѣ..., уже исчезло волостное единство въ пользованіи лѣсомъ; каждое селеніе имѣетъ право на пользованіе исключительно лѣсомъ, растущимъ въ чертѣ селенной дачи: селенныя общины до настоящаго времени еще не стѣсняютъ своихъ членовъ въ правѣ рубить лѣсъ въ любомъ мѣстѣ и въ любомъ количествѣ и вывозить его на продажу въ городъ». Лѣсъ разрѣшается рубить и при помощи наемныхъ рабочихъ, но съ условіемъ, чтобы вывозка лѣса производилась на собственныхъ лошадяхъ членовъ общины; нанимать для этой цѣли лошадей запрещается. «Рядъ волостныхъ общинъ южной части Туринскаго округа пошелъ значительно дальше: не стѣсяя никого въ рубкѣ лѣса на свои нужды или для изготовленія разныхъ предметовъ кустарной промышленности, онѣ постановили приговоры, воспреещающіе заготовку въ крестьянскихъ дачахъ дровъ для вывозки за предѣлы волости..., а маленькая Туринская Городовая волость, въ составѣ которой много крестьянъ занимается кузнечнымъ промысломъ, запрещаетъ, кромѣ того, заготавливать въ волостной дачѣ и нужный для этого промысла древесный уголь». Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Тобольской губ. «наблюдается явленіе, смыслъ котораго также несомнѣнно заключается въ стремленіи къ сохраненію лѣсовъ; именно, при господствѣ... неограниченнаго пользованія лѣсами, здѣсь возникаютъ такъ называемыя «сады» или «рощи», т. е. лѣсныя пространства, охраняемыя отдѣльными домохозяевами и за это предоставляемыя общиной въ ихъ исключительное пользованіе. Каждый домохозяинъ, сохраняя за собой право пользованія вольными общественными лѣсами, имѣетъ... право окопать или огородить участокъ лѣса, величиною въ одну или нѣсколько десятинъ и объявить этотъ участокъ своимъ «садомъ»; такой «садъ» онъ обязанъ очищать отъ бурелома, весной, во время опални покосовъ оберегать отъ огня, тоже самое дѣлать при лѣсныхъ или степныхъ пожарахъ, и за это онъ приобретаетъ исключительное право пользованія входящимъ въ составъ «сада» лѣсомъ... Въ другихъ случаяхъ

инициативу охраненія отъ порубокъ той или другой части общественнаго лѣса беретъ на себя сама община, образуя заказныя или, по мѣстному выраженію, «запрещенныя рощи». Онѣ встрѣчаются иногда наряду съ господствомъ вольнаго или душевого пользованія лѣсомъ. «Запрещаются чаще всего такія лѣсные участки, которые, по свойствамъ лѣса, представляютъ для общины особую цѣнность», напримѣръ, небольшіе сосновые боры, если окружающій лѣсъ лиственный. Въ степныхъ волостяхъ Ишимскаго округа, гдѣ боры совершенно нѣтъ, подъ «запрещеніемъ» нерѣдко объявляются сосновые «рямы», т. е. поросшія мелкимъ соснякомъ болотца. Въ другихъ случаяхъ общины, заказывая рощу, руководятся не свойствомъ лѣсныхъ насажденій, а ихъ мѣстоположеніемъ; именно, запрещаются поддворныя рощи, расположенныя въ поскотинѣ, вблизи усадебныхъ мѣстъ, при чемъ общины нерѣдко руководятся не только стремленіемъ къ охраненію лѣса отъ порубокъ, но и желаніемъ создать для скота удобный тѣнистый выгонъ». Въ Томской губерніи можно встрѣтить лѣса, запрещенные въ цѣляхъ защиты селенія отъ зимнихъ буряновъ, такъ какъ они прикрываютъ деревню со стороны господствующихъ въ мѣстности зимой вѣтровъ. «Въ однихъ случаяхъ . . . въ заказныхъ рощахъ не допускается никакихъ вырубокъ; такой порядокъ наблюдается преимущественно по отношенію къ рощамъ въ сравнительно недавнее время; гдѣ рощи успѣли подрости до хорошихъ размѣровъ, тамъ порубки допускаются, но только подъ строгимъ контролемъ общества; въ большинствѣ случаевъ община ежегодно или черезъ небольшіе промежутки времени разрѣшаетъ вырубать на каждую платежную душу определенное число деревьевъ, иногда взимая за это особый небольшой сборъ въ общественные доходы или въ пользу церкви; въ другихъ случаяхъ общины продаютъ лѣсъ въ заказныхъ рощахъ на срубъ, но не болѣе извѣстнаго, очень небольшого числа деревьевъ въ однѣ руки... Лѣсная почва въ заказныхъ рощахъ всегда очищается отъ сучьевъ... и вообще такія рощи содержатся въ прекрасномъ порядкѣ, самовольныхъ же порубокъ въ нихъ никогда не бываетъ».

Мѣстами, наконецъ, сибирское населеніе, заинтересованное въ сохраненіи лѣса, выработало сравнительно правильные способы эксплуатаціи лѣсовъ, тѣмъ болѣе интересныя, что они возникли путемъ самостоятельнаго развитія, безъ содѣйствія администраціи. «Общинныя лѣса дѣлятся на двѣ лѣсовыя (т. е. участки для вырубкн), каждая изъ которыхъ запрещается поочередно, черезъ болѣе или менѣе продолжительныя промежутки времени; нѣкоторыя общины не

идутъ дальше и предоставляютъ каждому неограниченное право рубки лѣса въ выходящей изъ подъ запрещенія лѣсосѣкъ; но въ большинствѣ случаевъ пускаемая въ рубку лѣсосѣка передѣляется на время, до слѣдующаго запрещенія, на душевые участки, нарѣзываемые «глазомѣрно» (пространство участка обратно пропорціонально качеству лѣса) и разбираемые по соглашенію или по жребію; большинство общинъ при этомъ не предоставляетъ своимъ членамъ неограниченнаго права эксплуатаціи достающихся имъ во временное пользованіе душевыхъ участковъ: онѣ разрѣшаютъ вырубать лишь деревья, достигшія извѣстнаго возраста, болѣе же мелкія («въ оглобли») не рубятся, а оставляются «на выростъ» до истеченія срока слѣдующаго запрещенія. Довольно многія общины . . . «запрещаютъ» лѣсъ не по лѣсосѣкамъ, а цѣликомъ, воспрещая на нѣкоторое время всякую рубку въ общественныхъ лѣсныхъ насажденіяхъ; по истеченіи срока запрещенія, однѣ общины опять допускаютъ неограниченную рубку лѣса; другія передѣляютъ лѣсъ на постоянные или временные душевые участки; но, чаще всего, по окончаніи срока запрещенія община устанавливаетъ норму ежегодной вырубкы—опредѣленное количество сажень дровъ на каждую раскладочную душу, предоставляя затѣмъ каждому вырубать причитающееся ему количество дровъ въ любомъ урочищѣ... Гдѣ запрещенъ... хвойный строевой лѣсъ, тамъ нѣрѣдко разрѣшеніе рубить его дается общиною лишь тѣмъ изъ ея членовъ, кто нуждается въ матеріалѣ для новыхъ построекъ или для ремонта старыхъ. Приемы эти, съ точки зрѣнія сбереженія лѣсовъ, представляютъ огромный шагъ впередъ, въ сравненіи съ неограниченнымъ вольнымъ пользованіемъ». Недостаткомъ оказывается краткость налагаемыхъ сроковъ запрещенія порубкы. Но это объясняется опять-таки экономическими условіями жизни общины, которая, ограничивая своихъ членовъ въ рубкѣ лѣсовъ, вынуждена въ своихъ же интересахъ и разрѣшать ее. «Съ одной стороны (сокращенія сроковъ запрещенія).. требуютъ интересы зачисляемыхъ въ окладъ, въ промежутокъ времени между двумя запрещеніями, «малолѣтокъ», которые, въ ожиданіи назначенія въ рубку находящагося въ данный моментъ подъ запрещеніемъ участка, остаются совершенно безъ лѣсного довольствія; съ другой—на сокращенія сроковъ настаиваетъ деревенская «бѣднота», которая, побуждаемая нуждой, въ теченіе двухъ—трехъ лѣтъ вырубаетъ достающиеся ей въ свободной отъ запрещенія лѣсосѣкѣ пайки и затѣмъ при продолжительномъ срокѣ запрещенія въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ остается безъ лѣса. Группы «малолѣтокъ» и «бѣдноты», такимъ образомъ, крайне заинтересованы въ

сокращеніи сроковъ запрещенія, и настоянія ихъ не находятъ себѣ достаточнаго противовѣса, такъ какъ въ продолжительности сроковъ не сознаетъ себя непосредственно заинтересованною ни одна изъ существующихъ въ общинѣ группъ».

Приведенные факты, заимствованные изъ быта сибирскихъ крестьянъ, повторяются и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ семьи входятъ въ составъ общинъ, на какомъ бы принципѣ ни были основаны послѣднія. Они свидѣтельствуютъ наглядно, что община не стѣсняетъ права пользованія, владѣнія или собственности своихъ членовъ, будетъ ли это право основано на трудѣ или захватѣ, до тѣхъ поръ, пока интересы общины отъ этого не страдаютъ. Но, объединенная единствомъ интересовъ, она начинаетъ ограничивать однообщественниковъ и приступаетъ къ изытію ряда источниковъ собственности и доходовъ съ момента, когда ея интересы, какъ цѣлаго приходятъ въ коллизію съ меньшими группами, ея составляющими. Такимъ образомъ, тотъ же принципъ, который регулируетъ имущественныя права отдѣльнаго лица къ ближайшей ему группѣ, нормируетъ и право этихъ меньшихъ группъ относительно ближайшей большей, т. е. всюду экономическіе интересы большей группы ограничиваютъ практическое признаніе труда и захвата меньшихъ единицъ.

IV. Имущественный коммунизм на продукты питания и движимость.

Обзор свѣдѣній, касающихся индивидуальных правъ на имущество у дикарей, болѣе высоко стоящихъ въ культурномъ отношеніи русскихъ инородцевъ, и, наконецъ, нормъ обычнаго имущественнаго права у русскихъ крестьянъ, привелъ къ заключенію, что, при зависимости лица отъ группы, право индивидуальной собственности признается группой постолько, поскольку оно не противорѣчитъ ея интересамъ. Чѣмъ ниже культурный уровень группы и труднѣе борьба за существованіе, тѣмъ, естественно, большее количество видовъ предметовъ изымаются изъ индивидуальнаго обладанія и считаются коллективной собственностью. Поэтому на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи изслѣдователь сталкивается съ почти полнымъ имущественнымъ коммунизмомъ членовъ группы. Этотъ послѣдній, дѣйствительно, нигдѣ не является вполне абсолютнымъ: нѣкоторая часть движимаго имущества признается всюду личной собственностью. Но область примѣненія права собственности индивидуальной на низшихъ ступеняхъ настолько ограничена, что она почти совершенно ступшевывается передъ обширной сферой имущественнаго коммунизма.

Вытекая изъ экономическихъ соображеній, имущественная общность находитъ себѣ опору и въ совместной жизни членовъ группы. Отсюда понятно, что по мѣрѣ дифференціаціи отъ территоріальной единицы родственныхъ союзовъ, часто являющихся одновременно и хозяйственными единицами, выдѣленія изъ родовыхъ общинъ меньшихъ хозяйственныхъ единицъ—семейныхъ общинъ и, наконецъ, выдѣла изъ послѣднихъ индивидуальныхъ семействъ, каждый индивидъ находится въ томъ же отношеніи къ ближайшей хозяйственной группѣ, въ какомъ на болѣе низкихъ ступеняхъ цивилизаціи

онъ стоитъ къ группѣ территориальной-хозяйственной; каждая же изъ меньшихъ хозяйственныхъ группъ относится къ слѣдующей большей совершенно такъ же, какъ на примитивныхъ ступеняхъ цивилизаціи индивидъ относится къ своей группѣ. Вслѣдствіе этого, этнографъ, поскольку изученіе собственности входитъ въ его задачи, всюду сталкивается съ имущественной общностью въ группѣ. Различіе, которое онъ можетъ отмѣтить въ отдѣльныхъ случаяхъ, не принципиальное, но чисто внѣшнее. Оно находится въ зависимости отъ того, на какомъ основаніи построена экономическая группа: входятъ ли въ составъ ея всѣ дѣйствительные или фиктивные родственники, какъ въ родовой общинѣ, или только группы ближайшихъ родственниковъ, составляющихъ часть родового союза, какъ, напримѣръ, въ семейныхъ общинахъ. Источниками же коллективной собственности служатъ, какъ было уже сказано, также захватъ и трудъ. Если правомъ пользованія извѣстной территоріей, правомъ на часть добычи и пр. членъ группы обладаетъ въ силу своей принадлежности къ этой послѣдней, взгляды, напримѣръ, австралийцевъ, что все, находящееся въ предѣлахъ общей территоріи, составляетъ и общую собственность, покажется вполне естественнымъ. Животныя, птицы, рыбы и пр., живущіе на территоріи извѣстнаго племени, принадлежатъ этому послѣднему; никто изъ постороннихъ не имѣетъ права охотиться на нихъ — такова основная норма первобытнаго австралийскаго права. Когда спутники Кука (Cook) наловили черепахъ изъ рѣки, протекающей по территоріи одного изъ племенъ, бывшіе при этомъ туземцы, къ удивленію европейцевъ, стали требовать себѣ часть добычи. Но затруднительность производства нѣкоторыхъ формъ охоты или рыбной ловли вынуждаетъ членовъ группы прибѣгать къ кооперативному труду. Вслѣдствіе этого, уже на низшихъ ступеняхъ культуры въ широкихъ размѣрахъ практикуется кооперація. При этомъ результаты совмѣстнаго труда идутъ въ пользу всей группы или только участниковъ коопераціи. Въ каждомъ данномъ случаѣ дѣйствуетъ тотъ же основной принципъ, согласно которому группа уступаетъ въ пользованіе или собственность индивида лишь то, что ей самой не оказывается существенно нужнымъ. Право населенія Меланезіи въ этомъ отношеніи представляетъ не безынтересный примѣръ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ людоедство, мясо убитыхъ враговъ идетъ въ пищу всѣмъ членамъ группы. У населенія же Торресовыхъ о-вовъ головы убитыхъ враговъ приготавливаются особо въ нечахъ; затѣмъ устраивается пиршество, на которомъ съѣдаются глаза и куски щекъ; въ немъ, однако, могутъ

принимать участие только тѣ, кто помогаль добыть эти головы. Это и понятно: группа получаетъ нужную ей мясную пищу; голова же служитъ трофеемъ, причеиъ употребленіе въ пищу головы и глазъ сообщаетъ, по мнѣнію туземцевъ, храбрость и силу. На полученіе этихъ качествъ указаннымъ путемъ, естественно, имѣють право лишь тѣ, кто внесъ свой трудъ на приобрѣтеніе мяса враговъ. У народностей, живущихъ главнымъ образомъ охотой и рыболовствомъ, продукты промысла составляютъ общее достояніе. Въ организуемыхъ совместно охотахъ, въ которыхъ принимаютъ участие или всѣ члены группы или часть ихъ, результатъ труда идетъ, за исключеніемъ трофеевъ и почетныхъ кусковъ, въ пользу всей группы. Никто не имѣеть права отказать другому въ пищу; первобытный дикарь, если охота была неудачна, все же можетъ рассчитывать получить пропитаніе у своего товарища. Туземцами Бразиліи, по свидѣтельству Маршюса, устраиваются коллективныя рыбныя ловли, причеиъ уловъ дѣлится поровну между участниками. У нихъ на тѣхъ же началахъ практикуются также общественныя охоты, дящіяся цѣлыя недѣли. Но даже въ случаѣ, если охотникъ отправляется на добычу единолично, дичь принадлежитъ не ему одному, а всѣмъ членамъ его семьи. Если же кому удастся уложить дельфина или крупнаго крокодила, всѣ семьи, обитающія одинъ и тотъ же домъ, даже всѣ жители деревни имѣють право на долю при дѣленіи добычи. «Если кто-либо изъ охотниковъ-австралійцевъ, сообщаетъ одинъ изслѣдователь, вопреки всѣмъ стараніямъ, возвращается въ станъ съ пустыми руками, то онъ занимаетъ свое мѣсто при огнѣ, на которомъ остальные готовятъ свою пищу»; товарищи подаютъ ему куски, и потерпѣвшій неудачу охотникъ принимаетъ ихъ безъ всякихъ знаковъ признательности. «Съ другой стороны, если охотникъ имѣль особенную удачу, то, спрятавъ свою дичь въ какомъ нибудь вѣрномъ мѣстѣ по близости отъ стана, онъ возвращается къ своимъ товарищамъ съ пустыми руками, какъ будто бы его охота была вполнѣ неудачна, занимаетъ свое мѣсто межъ ними и нѣсколько времени молчитъ о славномъ дѣлѣ». Немного погодя, онъ сообщаетъ о результатахъ своей охоты, что вызываетъ общіе крики одобренія; дичь естественно дѣлится между всѣми. «Въ Новой Каледоніи господствуетъ обычай многимъ семействамъ имѣть общій столъ; въ часъ обѣда приближается кто хочетъ, чтобы взять свою долю, причеиъ никто не имѣеть права помѣшать ему въ этомъ. Если кто нибудь голодаетъ среди краснокожихъ, всѣ члены племени складываются, чтобы помочь ему. Когда у кого либо не хватаетъ хлѣба,

сосѣдъ приглашаетъ поискать такового у себя». Таннеръ (Tanner), проведенный 30 лѣтъ среди краснокожихъ племенъ Сѣверной Америки, приводитъ характерныя слова одного изъ старѣйшинъ, служащія иллюстраціей къ представленіямъ дикарей о своемъ правѣ пользоваться общей пищею. «Наши родственники, говорилъ старѣйшина, пришли къ намъ изъ отдаленной страны, и мы не должны терпѣть, чтобы они оставались въ нищетѣ среди нашихъ семействъ. Всѣ мужчины, одинъ за другимъ, предложили охотиться для насъ и согласились, что каждый отдастъ намъ часть того, что убьетъ самъ. Мы были снабжены пищею столь же хорошо, какъ и остальные охотники, такъ что, въ случаѣ недостачи собственной дичи, мы напередъ были увѣрены въ полученіи части добычи нашихъ друзей». У готтентотовъ «удачливый охотникъ имѣетъ столь же мало пищи въ своемъ домѣ на слѣдующій день, какъ и любой изъ его сосѣдей». У бушменовъ и нѣкоторыхъ кафрскихъ народностей, «если дюжина людей оставляетъ краалъ, чтобы идти на охоту за дичью и только одинъ имѣетъ успѣхъ, то счастливый охотникъ раздѣляетъ свою добычу съ менѣе счастливыми его сотрудиками по охотѣ» (Зиберъ).

Полную аналогію вышеописаннымъ обычаямъ дикарей можно отыскать среди нѣкоторыхъ русскихъ инородцевъ, у которыхъ охота и рыболовство играютъ еще видную роль, какъ средство добыванія пищи. У остяковъ Васюганской тундры въ срединѣ прошлаго столѣтія былъ отлѣченъ обычай имѣть котелъ для общаго употребленія. Каждый имѣлъ право брать изъ котла рыбу, кѣмъ бы она ни была добыта. Вруцевичъ такъ описываетъ осеннюю охоту якугировъ на оленей. Переправа оленей съ моря въ лѣсъ обыкновенно происходитъ равнше замерзанія рѣкъ. Выбравъ мѣсто съ отлогимъ противоположнымъ берегомъ, олени стадомъ въ 200—300 штукъ спускаются къ рѣкѣ и скачутъ въ воду. «Въ нѣсколько минутъ вся поверхность рѣки покрывается плывущими оленями. И тутъ то для скрывающихся охотниковъ наступаетъ давно ожидаемая минута. Въ то время, какъ одни изъ нихъ бросаются оленямъ на перерывъ и стараются замедлить ихъ плаванье, другіе, болѣе опытные, вооруженные особаго рода копьями или просто длинными ножами, врываются въ табунъ» и начинаютъ наносить ударъ за ударомъ плывущимъ оленямъ. «Ударъ оръ (охотникъ) дѣлаетъ лишь настолько сильнымъ, чтобы раненый олень могъ доплыть къ поджидающимъ его внизу по водѣ другимъ охотникамъ». Всѣ участники этой охоты, сопряженной съ большою опасностью «распредѣляютъ добычу равномѣрно, по количеству участвующихъ». «Въ лѣтнюю пору русскіе, якуты и тунгусы, населяющіе Жи-

ганскій улусъ Верхоянскаго округа Якутской области, по нѣскольку семействъ вмѣстѣ вочуютъ съ своими стадами оленей по тундрамъ близъ береговъ Ледовитаго океана... Два или три искусныхъ стрѣлака каждый день отправляются съ ружьями или луками къ оленьимъ (дикимъ) табунамъ и убиваютъ по нѣскольку штукъ. Воротясь домой, они извѣщаютъ свой таборъ... Точнее добычу привозятъ въ таборъ, и мясо этихъ оленей раздѣляется по числу наличныхъ членовъ, а кожи, по общему приговору, дается кому нибудь одному. Въ правѣ на этотъ даръ соблюдается очередь, на которую не претендуетъ только самъ промышленникъ. Убить ли онъ въ теченіе лѣта 100 штукъ или одну, польза для него одинакова, т. е. онъ не получаетъ себѣ ничего, не имѣетъ никакого права претендовать на это. Такой обычай основанъ у туземцевъ на томъ понятіи, что стрѣлокъ убиваетъ добычу не для себя, а для всѣхъ вообще, и если бы онъ началъ споръ о томъ, то долженъ навсегда лишиться счастья на охотѣ. Здѣсь группа, въ силу необходимости, поглощаетъ всецѣло трудъ лица. Отношенія, вошедшія на коммунистической почвѣ, освящены впоследствии народнымъ суевѣріемъ.

Эти коммунистическія начала въ отношеніи продуктовъ питанія сохраняются долго, иногда въ качествѣ переживаній, иногда какъ жизненные институты, и на болѣе высшихъ ступеняхъ цивилизаціи. Естественно, однако, что къ общему пользованію пищи допускаются только члены своей группы, родственной или даже хозяйственной. Чужимъ нѣтъ мѣста за общей трапезой, кромѣ случаевъ примѣненія права гостепримства. Именно вслѣдствіе важной роли, которую играетъ добываніе себѣ пропитанія у некультурныхъ расъ, воспоминаніе объ общности пищи сохраняется дольше всего у народностей даже послѣ того, какъ внутри группы естествонаучно уже имущественная раздѣльность на меньшія группы. Отсюда, напримѣръ, широко распространенный у массы народностей обычай, согласно которому наимущій членъ группы имѣетъ право воспользоваться домашними запасами въ любой семьѣ, даже безъ разрѣшенія хозяевъ. Подробнѣе придется коснуться этого въ дальнѣйшемъ изложеніи. Обычай совместнаго стола извѣстенъ между прочимъ изъ классическаго примѣра объ общихъ столахъ у спартанцевъ. Аналогичный примѣръ представляютъ древніе китайцы: сохранились извѣстія, что у нихъ всѣ члены родственной группы садятся за столъ вмѣстѣ. У бурятъ до настоящаго времени всѣ члены одной загороди, т. е. единицы, объединенной общимъ владѣніемъ участка земли, но раздѣленной на отдѣльныя семьи, «не только работаютъ сообща, но иногда и обѣдаютъ вмѣстѣ. Вообще, при дея-

кой «жаренинѣ», при всякомъ сборѣ гостей, всѣ соучаствуютъ, какъ одна семья». «Если въ какой нибудь юртѣ закалываютъ барана, готовятъ жаренину, то буряты всѣхъ сосѣднихъ одноулаусныхъ юртъ могутъ не стѣсняясь идти сюда, какъ на общую трапезу: хозяева дѣлятъ мясо всѣмъ по равнымъ кусочкамъ, жиръ по равнымъ частичкамъ». Бурятскіе улусы населены преимущественно родственниками. У якутовъ, гдѣ группа сосѣдей часто уже не состоитъ изъ родственниковъ, древній коммунизмъ родственной группы на пищевые продукты перешелъ въ право сосѣдей на получение части зарѣзанной однимъ изъ домохозяевъ скотины. Этотъ обычай соблюдается настолько строго, что домохозяинъ, не подѣлившійся съ сосѣдами убитымъ животнымъ, дѣлается предметомъ рѣзкихъ нареканий со стороны другихъ, считается чуть не воромъ.

Имущественная общность на продукты питания по мѣрѣ дифференціаціи меньшихъ группъ отъ большей сосредоточивается въ этихъ меньшихъ группахъ. Правила, которыя прежде господствовали для всѣхъ членовъ племени, территоріальной или родовой единицы, примѣняются въ обыденной жизни только къ членамъ семейной общины. Причиной этого является ближайшая общность экономическихъ интересовъ членовъ семьи. «Живя общою жизнью со своими единокровными, говоритъ М. М. Ковалевскій, все равно, будутъ ли ими материнскіе родственники, или родственники со стороны отца, получая отъ нихъ жилище, одежду, пищу, частный охотничій, рыболовъ или воинъ тѣмъ самымъ призванъ дѣлиться съ ними всѣми продуктами своего личнаго труда. Этой зависимостью наждаго отъ того кровного союза, въ средѣ котораго онъ проводитъ свою жизнь, объясняется причина, по которой непотребленные на мѣстѣ продукты личной охоты поступаютъ въ общее обладаніе всего двора, и малѣйшее уклоненіе отъ такого обязательнаго дѣлежа считается обычаемъ за нарушеніе имущественныхъ правъ семейной общины, своего рода воровствомъ. Свѣдѣнія изъ быта осетинъ, имущественныя отношенія которыхъ въ предѣлахъ семейныхъ общинъ детально разработаны Ковалевскимъ, доказываютъ господство имущественнаго коммунизма въ предѣлахъ семейной общины и подтверждаютъ лишній разъ, что въ этомъ вопросѣ нѣтъ принципиальнаго различія, имѣетъ ли дѣло изслѣдователь съ небольшой семейной или обширной родовой организаціей. «Приготовленіе пищи на общей кухнѣ обыкновенно по очереди замужними женщинами одного и того же двора, пишетъ Ковалевскій, имѣетъ своимъ послѣдствіемъ потребленіе сообща мяса убиваемаго охотникомъ звѣря. Такъ какъ уводъ чужого скота является не болѣе, какъ

однимъ изъ видовъ охоты, то и получаемая отъ него добыча считается собственностью всего двора, въ болѣе же отдаленную эпоху и всего рода. Въ послѣднемъ убѣждаютъ насъ народныя сказанія осетинъ, ихъ богатырскія или нартскія былины. Выводимые въ нихъ герои: Хамищъ, Созруко, Урызмагъ и др.—сплошь и рядомъ дѣлятся со всѣмъ своимъ родомъ загнанными ими стадами». Возвращается, на примѣръ, нартъ Урызмагъ изъ годового богатырскаго набѣда на соседнія племена «и приказываетъ тотчасъ же подѣлить загнанныя имъ стада по челу дворовъ. Когда дѣлежъ былъ оконченъ, Урызмагъ, продолжаетъ сказаніе, роздалъ нартамъ всю свою добычу, оставивши себѣ равную съ прочими долю и сверхъ того лучшаго быка». Современные обычаи осетинъ, равно и другихъ кавказскихъ горскихъ народностей, рисуютъ намъ совершенно тѣ же отношенія: продукты охоты или добыча отъ набѣга не принадлежитъ одному лицу—она общее достояніе всѣхъ членовъ семейной общины.

Сознаніе необходимости дѣлиться продуктами питанія приводитъ мѣстами даже къ оригинальной хозяйственной организаціи, когда при раздѣльности имущества существуютъ, однако, коммунистическіе взгляды на предметы питанія. Такъ, на примѣръ, у лошарей, отмѣчаетъ А. Я. Ефименно, въ случаяхъ, когда семья состоитъ изъ нѣсколькихъ братьевъ или племянниковъ, хозяйство иногда у каждаго свое, но столъ они имѣютъ общій. Точно также у самоѣдовъ отдѣлившіяся семьи живутъ иногда въ отдѣльныхъ чумахъ, но продолжаютъ имѣть общій трудъ и общее пропитаніе. Тѣ же отношенія отмѣчены и среди великорусскаго населенія, когда семья раздѣлившаяся сохраняетъ, однако, общій столъ. Въ этихъ и имъ подобныхъ случаяхъ общность правъ на продукты питанія поддерживается столько же невозможностью для меньшей группы сохранять нѣкоторые запасы, сколько и сознаніемъ, что пищевые продукты, оказываясь наиболѣе важными для поддержанія существованія, не могутъ быть изъяты изъ общей собственности. Это сознаніе приводитъ къ цѣлому ряду интересныхъ нормъ первобытнаго права.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, населенныхъ великоруссами, господствуетъ обычай, согласно которому рыболовы всегда предпочитаютъ продавать результаты своего улова непремѣнно своимъ однообщественникамъ. Это странное правило станетъ понятнымъ только въ томъ случаѣ, если видѣть въ немъ переживание періода господства общности на пищевые продукты. Осѣвшая въ извѣстной мѣстности группа, родственная или неродственная, подъ влияніемъ экономическихъ соображеній запрещаетъ охотникамъ свободно распоряжаться

своей добычей: они обязаны дѣлиться ими съ сочленами по группѣ. Впослѣдствіи, когда измѣняются условія и самый составъ группы, прежнее запрещеніе все еще сохраняется въ обычаѣ не продавать рыбу на сторону, хотя экономическія условія и не вынуждаютъ этого ограниченія права свободно распоряжаться результатомъ своей добычи.

Далѣе, принадлежность нѣкогда продуктовъ питанія не отдѣльнымъ лицамъ, а всему племени, группѣ продолжаетъ проявляться много вѣковъ спустя, «въ правѣ нуждающихся семействъ обращаться къ посильной помощи сосѣдей, правѣ, если не формулированномъ закономъ», котораго еще нѣтъ, то во всякомъ случаѣ осуществляемомъ на практикѣ. Бенкрофтъ (Bancroft) отмѣтилъ, что у индѣйцевъ нутка «пища не считается общою собственностью, что не мѣшаетъ, однако, отдѣльнымъ членамъ племени прибѣгать въ случаѣ нужды къ запасамъ ихъ достаточныхъ сосѣдей». «Можно привести не одинъ фактъ, говоритъ Ковалевскій, въ пользу признанія обще-распространенности у народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ гражданственности, вышеуказаннаго воззрѣнія на право лицъ недостаточныхъ обращаться за средствами къ жизни къ зажиточнымъ сосѣдямъ. Послѣднее встрѣчается какъ въ быту... эскимосовъ..., такъ и въ быту... жителей Перу, у которыхъ испанскій историкъ Прескотъ признаетъ существованіе общепринятаго обязательства ссужать недостаточныхъ и обремененныхъ многочисленною семьею сосѣдей всѣмъ необходимымъ для ихъ существованія». Если, сообщаетъ Франсуа (François), наблюдавшій бытъ готтентотовъ, живущихъ близко отъ нѣмецкихъ колоній, въ какой нибудь хижины рѣжутъ скотъ или жгутъ кофе, на запахъ сейчасъ же являются посѣтители и получаютъ свою долю. Пройдетъ ли мимо работающихъ въ подѣ туземныхъ женщинъ готтентотка съ трубкой во рту, всѣ работницы побѣгутъ къ ней и поочередно протянутъ руку за трубкой. Курьезница не откажетъ подѣлиться рѣдкимъ, случайно ей доставшимся удовольствіемъ.

Съ подобнымъ взглядомъ встрѣчаемся и въ правовоззрѣніи русскаго крестьянскаго населенія нѣкоторыхъ мѣстностей Россіи.

Въ станицѣ Темижбенской на Кавказѣ за всякимъ станичникомъ признается право снять съ чужой бахчи арбузъ, съ чужой полюсы кукурузу или картофель, взять изъ чужой мережи рыбу. Если это дѣлается не съ цѣлью продажи, это не признается за воровство. Точно также въ Пошехонскомъ у. Ярославской губ., по свидѣтельству Дерунова, народъ, вовсе не снисходительно относясь къ воровству, не

считаетъ за таковое, если кто возьметъ овощи съ чужихъ грядъ или соберетъ горохъ съ чужого поля. Въ Темрюкскомъ у. Кубанской области, если во время свадьбы въ домѣ не хватитъ припасовъ, идутъ къ сосѣдямъ, которые обязаны помочь. Захватъ съѣстныхъ припасовъ не считается преступленіемъ и часто «совершается на глазахъ хозяина, который вынуждается, въ силу обычая, молчать».

Общность имущества группы распространяется и на предметы первой необходимости. Факты и здѣсь отличаются чрезвычайнымъ однообразиемъ. Членъ группы, родовой или семейной, можетъ, напримеръ, воспользоваться для своихъ цѣлей предметомъ или орудіемъ, хотя бы оно принадлежало другому, и это считается вполне правомѣрнымъ. Вслѣдствіе этого, воровства, въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, не существуетъ у низшихъ расъ въ предѣлахъ отдѣльных хозяйственныхъ организацій. Старшій членъ группы можетъ взять себѣ предметы, составляющіе личное имущество младшаго, и это общее правило сохраняетъ долго свою жизненность въ народномъ правовоззрѣніи даже послѣ того, какъ весь хозяйственный строй племени подвергся измѣненіямъ. Такъ, напримеръ, по указаніямъ Троннова, до настоящаго времени у киргизовъ «взятіе вещи старшимъ въ родѣ у младшаго безъ согласія собственника и затѣмъ вознагражденіе за нее, хотя бы оно было и менѣе ея стоимости, не признается нарушеніемъ правъ собственности». Другой изслѣдователь, П. Р. Маковецкій, отмѣтилъ, что у киргизовъ Семипалатинской области въ прежнее время существовало право каждаго «взять у хозяина, безъ всякаго спроса, необходимую ему вещь и пользоваться ею до минованія надобности». Въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія это право признавалось уже исключительно за родственникомъ владѣльца. Однако, каждый имѣлъ право взять на время любую лошадь ему чужого хозяина для преслѣдованія вора или угнаннаго скота. Взятіе движимой собственности безъ спроса хозяина во временное пользованіе практиковалось также у армянъ Эриванской губ.

Въ связи съ этимъ имущественнымъ коммунизмомъ на предметы первой необходимости стоитъ рядъ обычаевъ, которые остались бы совершенно непонятными, если бы ихъ нельзя было освѣтить съ точки зрѣнія нормъ первобытнаго имущественнаго права. Какъ объяснить, напримеръ, прославляемую многими писателями честность дикарей, между тѣмъ, какъ тѣ же писатели сообщаютъ свѣдѣнія, рисующія дикарей необузданными, не признающими чужой собственности. Въ Новой Каледоніи даже европейцы спокойно оставляютъ свои дома незапертыми. «Новозеландцы, пишетъ одинъ изъ путеше-

ственниковъ, до мелочности честны относительно собственности другихъ лицъ. Бѣлые люди среди нихъ оставляютъ каждую вещь открытой и ничего не знаютъ о кражѣ. Я часто смущалъ ихъ вещами очень цѣнными въ ихъ глазахъ, но они всегда приносили назадъ гвоздь, зернышко заряда или гѣмъ нибудь потерянный курокъ». «Будучи далекі отъ того, чтобы быть ворами, островитяне (Маріанскихъ о-вовъ) такъ довѣрчивы одни къ другимъ, что совсѣмъ не запираютъ своихъ домовъ. Они всегда оставляютъ жилища открытыми, а между гѣмъ никто не обкрадываетъ своихъ сосѣдей». Свидѣтельства о существованіи обычая не запираеть дверей своихъ домовъ повторяются съ удивительнымъ единодушіемъ о цѣлой массѣ некультурныхъ народностей. Кэтлигъ (Callin), одинъ изъ знатоковъ быта краснокожихъ Сѣверной Америки, сообщаетъ о нихъ, между прочимъ, слѣдующее: «Въ защиту добродѣтели сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, пишетъ онъ, можетъ быть приведено очень многое; если имѣть въ виду, какъ бы слѣдовало, что у нихъ нѣтъ законовъ для наказанія за кражу, что въ ихъ странѣ неизвѣстны ключи и замки, что никогда никто не давалъ имъ предписаній, что на голову вора не можетъ пасть никакое человѣческое возмездіе, кромѣ неудовольствія, которое возбуждаетъ его характеръ въ окружающемъ его народѣ, — если имѣть все это въ виду, то нельзя не удивляться ихъ честности». Эскимосы Гренландіи «въ своихъ отношеніяхъ къ европейцамъ соответствуютъ всѣмъ тѣмъ требованіямъ, которыя можно предъявить имъ, сообразно ихъ ступени развитія. Иногда, противъ нихъ поднимаютъ обвиненіе, что они не оказываютъ никакого уваженія къ праву собственности, однако, воровство почти неизвѣстно между ними. Возможность ѣздить цѣлыя годы съ открытыми сундуками, не потерявши ничего въ странѣ, гдѣ нѣтъ ничего такого, что заслуживало бы названія закона и полиціи, и гдѣ, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, искушеніе бывало очень сильно, возможность держать свои жилища и кладовыя безъ замковъ, не открывши ничего, что могло бы возбудить даже подозрѣніе въ кражѣ—даетъ основаніе смотрѣть на подобныя постыдныя обвиненія, какъ на грубую несправедливость» (Зиберъ).

Аналогичныя свѣдѣнія сообщаютъ современные путешественники о нѣкоторыхъ изъ нашихъ инородцевъ; для многихъ другихъ имѣются подобныя свѣдѣнія изъ болѣе отдаленнаго прошлаго. Чумъ самоѣда, писала А. Я. Ефименко, оставляется въ тундрѣ съ вещами хозяина и никто ихъ не тронетъ. Писатель начала XIX-го столѣтія фонъ-Пошманъ отмѣчалъ, что среди лопарей не суще-

ствуеть воровства; что они, «ничего не опасаясь, оленьи кожи кладутъ въ лѣсу; домашнія вещи всѣ бываютъ разбросаны и оставлены подлѣ жилья; возвращаясь домой почти черезъ полгода, лопарь находить, что все у него въ цѣлости». Лопари, до настоящаго времени, покидаютъ безъ присмотра свои зимнія становища; ихъ постоянныя зимнія жилища, тупы, остаются незапертыми въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пока лопари не окончатъ свои весеннія, лѣтнія и осеннія передвиженія. Въ Финляндіи, равно и среди кареловъ Оловецкой губ.; до сихъ поръ хозяинъ, уходя изъ дому, въ большинствѣ случаевъ не подумаетъ запереть его: онъ увѣренъ, что въ его отсутствіи ничего не пропадетъ. Латыши и эсты въ прежнее время, по крайней мѣрѣ, также не знали замковъ. У башкировъ, по словамъ одного изслѣдователя, «всѣ двери и ворота настежь», «воровства у нихъ нѣтъ».

Опираясь на множество свидѣтельствъ, доказывающихъ честность первобытныхъ племенъ до столкновенія ихъ съ европейцами, можно было бы, казалось, выставить общее положеніе о присущей дикарю честности. Но имѣется столько же противоположныхъ показаній, рисующихъ дикаря ловкимъ воровъ, не только не вмѣняющимъ себѣ въ преступленіе воровство, но считающимъ даже похищеніе чужой собственности особаго рода доблестью. «Честность» некультурныхъ расъ, позволяющая имъ держать свои дома открытыми, безъ замковъ, объясняется прежде всего тѣмъ, что дикарь никогда не воруетъ у «своихъ», у членовъ своей группы или племени и, наоборотъ, охотно совершаетъ кражу у чужеземцевъ. Отсутствие воровства въ предѣлахъ своей группы имѣеть объясненіе въ слѣдахъ болѣе или менѣе ясно выраженнаго первобытнаго имущественнаго коммунизма. Если дикарю нуженъ какой нибудь предметъ, онъ беретъ его у своего сочлена по группѣ безъ разрѣшенія послѣдняго: берущій лишь осуществляетъ свое право, какъ членъ определенной группы. Тамъ, гдѣ не дѣлается абсолютнаго различія между «моимъ» и «твоимъ», когда интересы цѣлаго идутъ въ разрѣзъ съ интересами лица, не можетъ появиться и сознанія возможности воровства среди своихъ сочленовъ. Слѣдуетъ прибавить къ этому, что насущныя потребности дикаря крайне несложны. За удовлетвореніемъ ихъ онъ не стремится къ накопленію богатства: при отсутствіи обмѣна онъ имъ не можетъ пользоваться. Наконецъ, кража предметовъ, составляющихъ личную неотъемлемую собственность, какъ трофеи и украшения, не можетъ принести пользы вору. Отсюда вполне понятно, что импульса къ воровству у членовъ

своей группы дикарь не испытывает. Чужеродец же не может явиться воромъ, такъ какъ войти въ чужую территорію возможно или съ согласія группы, или насильемъ. Въ первомъ случаѣ воровство не допустимо, потому что чужеродецъ безсиленъ въ чуждой ему группѣ; въ частыхъ же войнахъ дикарей похищеніе имущества совершается уже явно, и имущественныя права защищаются силой. Хозяинъ вещи не протестуетъ противъ взятія у него предмета: въ случаѣ нужды онъ пользуется тѣмъ же правомъ относительно имущества своего сосѣда. Безчестный же, съ точки зрѣнія культурнаго человѣка, поступокъ дикаремъ не признается за таковой вслѣдствіе того, что слѣды періода имущественной общности еще слишкомъ живы въ его сознаніи.

Этимъ же отношеніемъ къ чужой собственности, какъ къ своей, если она нужна, или если предметъ понравится дикарю, объясняются нѣкоторые на первый взглядъ странные рассказы путешественниковъ о кражахъ, совершаемыхъ дикарями у европейцевъ. Форстеръ (Forster) даетъ вѣрное объясненіе подмѣченной у туземцевъ Таити склонности къ воровству. «Мы испытали, пишетъ онъ, расположеніе таитянъ къ воровству, но никогда не потеряли ничего цѣннаго: наши носовыя платки, которые имъ было легче всего достать, были сдѣланы изъ ихъ же собственной густой матеріи, такъ что, укравши ихъ, туземцы приходили въ разочарованіе и съ большимъ весельемъ возвращали ихъ обратно. По нашему мнѣнію, этотъ порокъ у таитянъ не имѣетъ столь ненавистной природы, какъ у насъ. Народъ, потребности котораго удовлетворяются съ такою легкостью и въ способѣ жизни котораго столько равенства, можетъ имѣть весьма мало мотивовъ красть другъ у друга, и его открытые дома безъ заноровъ служатъ явнымъ доказательствомъ честности во взаимныхъ отношеніяхъ таитянъ. Поэтому порицаніе относится въ значительной степени къ намъ самимъ, къ тому искушенію, въ которое мы вводимъ ихъ и противъ котораго они не имѣютъ возможности устоять. Они, повидимому, вовсе не помышляютъ о своемъ поступкѣ; большое значеніе, при этомъ, слѣдуетъ, можетъ быть, приписывать соображенію, что они не нанесутъ намъ существеннаго ущерба какимъ нибудь маленькимъ воровствомъ». Другой путешественникъ подтверждаетъ отзывъ Форстера: новизна привозимыхъ европейцами товаровъ, по его мнѣнію, слишкомъ соблазнительна для туземцевъ, но воровство послѣднихъ у европейцевъ не считается ими безчестнымъ. «Въ ихъ средѣ, замѣчаетъ онъ, собственность была священна; относительно же европейцевъ, которые съѣзжаютъ на ихъ берегъ, стремясь искусить

ихъ тысячью различныхъ предметовъ, воровство было не болѣе, какъ ловкая продѣлка». То же отношеніе къ воровству отмѣчено у жителей Маркизскихъ острововъ. «Быть можетъ, именно беззаботности, свойственной маркизамъ обоего пола, слѣдуетъ приписывать рѣшительную склонность къ кражѣ, которую они обнаружили относительно иностранцевъ и ту странную легкость, съ какою они возвращали украденный ими предметъ по первой просьбѣ, не заставляя просить себя и даже смѣясь. Можно думать, что кража этихъ новыхъ предметовъ, которые выставляются передъ ними и на которые они смотрятъ только какъ на пріятныя бездѣлушки, представляется въ ихъ глазахъ чѣмъ то въ родѣ игры, которой они не придаютъ никакой важности. Казалось, что они тщеславились своею кражею передъ французами, или что они смотрѣли на свое владѣніе, какъ законно пріобрѣтенное». Тасманійцы по отношенію къ путешественникамъ-европейцамъ не разъ выказывали себя вѣроломными и стремились захватить вещи, являющіяся имъ. Эскимосы, которыхъ путешественники называли миролюбивыми, услужливыми и гостепріимными, тѣмъ не менѣе не разъ проявляли склонность къ воровству. «На воровство и обманъ смотрятъ у нихъ какъ на хитрую продѣлку; она вызываетъ смѣхъ, если ее обнаружатъ» (Вайгъ, Зиберъ, Л. Росеъ). Все эти факты, какъ бы противорѣчаще отмѣченной у дикарей честности, имѣютъ слѣдующее объясненіе: 1) При мирныхъ сношеніяхъ съ европейцами дикари считаютъ себя въ правѣ воспользоваться частью ихъ имущества, которое у европейцевъ находится, по мнѣнію дикарей, въ излишкѣ. Дикарь до известной степени примѣняетъ свое право, вытекающее для него изъ коммунистическихъ взглядовъ группы, согласно которымъ немущій пользуется избыткомъ другого лица. На европейцевъ въ этихъ случаяхъ лишь распространяются нормы общежитія самихъ дикарей: они не могутъ себѣ представить понятій и нормъ, отличныхъ отъ выработанныхъ ими самими. 2) Легкое отношеніе къ собственности европейцевъ часто, по крайней мѣрѣ, коренится въ возрѣвіи, что воровство у чужеродца не есть преступленіе. Этотъ взглядъ на чужую собственность можетъ считаться характерной чертой некультурнаго быта. Дикарь, охотно дѣлящійся избыткомъ своимъ съ нуждающимся сородичемъ, похищаетъ у чужеродца или у европейца известное имущество изъ корыстныхъ цѣлей. Онъ считаетъ доблестью обогатиться на счетъ пріѣзжаго, въ особенности, если европейцы, какъ это бываетъ слишкомъ часто при столкновеніяхъ ихъ съ дика-

рями, успѣли путемъ постояннаго и мелочнаго обмана или насилія возстановить туземцевъ противъ себя.

Подобные же взгляды продолжаютъ существовать у племенъ и народовъ, стоящихъ на гораздо болѣе высокомъ уровнѣ культуры. У большинства народностей Африки кража у одноплеменника наказуется болѣе или менѣе строго. Но воровство у чужеплеменныхъ или европейцевъ заслуживаетъ одобреніе и похвалу. Баланты считаютъ доблестью умѣнье красть; высшій подвигъ—украсть сторожевую собаку такъ, чтобы этого не замѣтилъ хозяинъ дома. Шиллуки въ челнокахъ совершаютъ большіе воровскіе набѣги въ предѣлы своихъ сосѣдей. Туземцы Сахары устраиваютъ артели въ цѣляхъ воровства; въ каждомъ племени есть свои профессиональные воры. Удачно совершенная кража вызываетъ поздравленія и похвалы среди друзей и знакомыхъ воровъ, «подъ условіемъ, однако, что воровство не будетъ совершено въ самомъ племени или въ союзномъ племени, что было бы стыдомъ, но только у врага; говорятъ: «такой то храбръ, онъ воруетъ у врага».

У самоѣдовъ, оставляющихъ свои чумы безъ надзора, распространено воровство оленей у русскихъ и зырянъ; они этого «не признаютъ преступленіемъ, напротивъ, считаютъ это удачнымъ промысломъ». Это объясняется вѣковой враждой самоѣдовъ съ русскими промышленниками и, главнымъ образомъ, съ зырянами, которые систематически, путемъ обмана, вытѣсняють самоѣдовъ изъ ихъ тундръ и захватываютъ ихъ богатство—оленей. «Самоѣды, пишетъ А. Я. Ефименко, знаютъ, что стада русскихъ и зырянъ суть ихъ собственность, перешедшая въ руки этихъ послѣднихъ посредствомъ обмана и даже насилія, и при томъ кормятся на ихъ же тундрахъ». Воровство у русскихъ подвергается и среди лопарей меньшему осужденію, нежели кража у одноплеменниковъ. Подобное отношеніе вызвано самими русскими промышленниками. «Они не только не внесли къ лопарямъ цивилизующаго нравственнаго начала, но и развили въ нихъ склонность къ обману, говоритъ А. Я. Ефименко.... Не мудрено, что лопари, обманываемые и разоряемые русскими, стали наконецъ обнаруживать въ сношеніяхъ съ ними коварство и ложь». Данныя о самоѣдахъ и лопаряхъ могутъ быть распространены и на значительную часть нашихъ некультурныхъ инородцевъ: честные во взаимныхъ отношеніяхъ тамъ, гдѣ обманъ и ложь не успѣли еще измѣнить типичныхъ чертъ ихъ, быта они нисколько не считаютъ дурнымъ обкрадывать чужеродцевъ, каковыми въ отношеніи къ нимъ являются обыкновенно русскіе.

Степные кочевники Россіи, напримѣръ, киргизы, воинственное население Кавказа не отличаются въ вопросѣ о воровствѣ отъ некультурныхъ народовъ разныхъ материковъ. Такъ, воровство скота у сосѣдняго племени считается ингушами доблестью, и прославившіеся своей смѣлостью воры увѣковѣчиваются въ народныхъ сказаніяхъ и пѣсняхъ.

V. Право собственности на жилище.

Изученіе въ различныхъ группахъ принципа имущественной общности на продукты питания и движимость доказало, что тѣсныя узы, соединяющія индивида съ его группой и трудность борьбы за существованіе на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи не позволяютъ зачаткамъ индивидуальной собственности развиться въ стройную систему, что, напротивъ того, именно эти условія приводятъ неизбежно къ широкому коммунизму. Если право группы на продукты питания, добытые въ излишкѣ однимъ изъ сочленовъ, постепенно, съ измѣненіемъ быта, переходитъ въ право не живущихъ уже въ хозяйственномъ единеніи сородичей или сосѣдей пользоваться чужими запасами; если право взять нужный предметъ при измѣнившихся условіяхъ жизни распространяется на всѣхъ членовъ рода или племени, то начало общности имущества, которое лежитъ въ основѣ этихъ правилъ, находитъ себѣ весьма яркое примѣненіе въ нѣкоторыхъ нормахъ наследственнаго права. При смерти индивида группа у низшихъ племенъ вполнѣ естественно становится цѣликомъ наследницей его собственности, если послѣдняя не идетъ съ нимъ въ могилу. Было уже указано, что право раздавать свое имущество самымъ близкимъ извѣстно еще у австралійцевъ. Ближайшіе къ покойному лица могутъ и безъ воли умершаго взять себѣ оставшееся послѣ него имущество. Но обладаніе этимъ послѣднимъ совершается только подъ условіемъ явнаго или молчаливаго согласія группы. Если на практикѣ группа не препятствуетъ обыкновенно нѣкоторымъ лицамъ получать эти вещи въ индивидуальное обладаніе, наиболее цѣнное имущество умершаго, именно его жена, становится общей собственностью группы; она отдается группой тому изъ сотоварищей, который не имѣетъ еще жены. Таковы отношенія къ наследству у австралійцевъ, гдѣ господствуетъ еще терри-

торіальна група. Найболѣ близькими къ умершему лицами являются тѣ, кто жилъ съ нимъ въ хозяйственномъ единеніи, обыкновенно дѣти его жены. Они и оказываются наследниками покойнаго безразлично, прижиты ли они отъ союза ихъ матери съ нимъ, или отцомъ ихъ былъ кто нибудь другой. Какъ ни спорадически повторяются случаи наследованія на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи, важно то, что уже съ этого времени начинается возникать принципъ, согласно которому къ наследованію допускаются прежде всего лица, жившія въ хозяйственномъ единеніи съ умершимъ. Вполнѣ естественно поэтому, что съ появленіемъ понятій о родствѣ, материнскомъ или отцовскомъ, съ сложеніемъ родственныхъ союзовъ въ хозяйственныя единицы, родственно-хозяйственная группа считаетъ себя наследницей умершаго сородича. Тамъ, гдѣ родовой союзъ не сложился въ родовую общину, гдѣ не все сородичи объединены хозяйственными интересами, или гдѣ произошло уже раздѣленіе родовой общины на меньшія единицы—семейныя общины, родъ, какъ цѣлое, допускаетъ наследованіе кровныхъ родственниковъ умершаго, жившихъ съ нимъ въ одномъ хозяйствѣ. Это дѣлается совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ низшія группы разрѣшаютъ дѣтямъ жены пользоваться ненужнымъ для группы имуществомъ мужа. Изъ этихъ вначалѣ только фактическихъ отношеній развиваются постепенно опредѣленныя нормы наследственнаго права, разсматривать которыя не входитъ въ задачи настоящаго изложенія. Но воспоминаніе о правѣ группы на имущество умершаго находитъ себѣ выраженіе прежде всего въ правѣ рода, какъ цѣлага, являться наследникомъ вымороченнаго имущества, при отсутствіи ближайшихъ родственниковъ, допускаемыхъ обычаемъ къ наследованію. Это правило встрѣчается всюду, гдѣ живы еще слѣды и традиціи родоваго строя, напримѣръ, у кавказскихъ народностей, у киргизовъ, якутовъ и др. Въ этихъ случаяхъ проявляется сознаніе, что группа имѣетъ право на имущество своего сочлена. Это же воспоминаніе о древней имущественной общности сохранилось въ нѣкоторыхъ погребальныхъ обрядахъ. Такъ, напримѣръ, у нѣкоторыхъ краснокожихъ племенъ Сѣверной Америки, именно у делаваровъ и ирокезовъ, все движимое имущество умершаго дѣлится между всѣми родственниками его; семья покойнаго не принимаетъ участія въ наследованіи. Иногда среди указанныхъ же племенъ имущество раздается не только родичамъ, но и постороннимъ, присутствовавшимъ на погребальномъ шествіи; соседское право встаетъ здѣсь одновременно съ правомъ родичей на имущество покойнаго. Иногда домъ и движимость умершаго, не положенная съ нимъ въ могилу, предаются всецѣло въ руки

родичей, которые захватывают все, что могут, такъ что происходятъ разграбленіе имущества.

Имущественный коммунизмъ въ отношеніи движимости проявляется также въ правѣ собственности на жилища. Последнія, въ отличіе отъ современныхъ представленій о нихъ, какъ о недвижимой собственности, признаются на низшихъ ступеняхъ культуры за имущество движимое. Это вполне естественно: на нижней стадіи развитія, прочныхъ жилищъ еще не имѣется; они состоятъ изъ подвижныхъ шалашей, которые обыкновенно оставляются на мѣстѣ при частыхъ передвиженіяхъ. Дешевизна и обиліе матеріала, легкость постройки, наконецъ, небольшіе размѣры, отличающіе часто первобытныя жилища, приводитъ къ тому, что группа не считаетъ нужнымъ нарушить право собственности на жилье лица, потратившаго на его сооруженіе свой трудъ. Оно считается личной собственностью и, вслѣдствіе своей малопѣвности, нерѣдко оставляется и даже уничтожается послѣ смерти обладателя; однимъ словомъ, оно раздѣляется въ общемъ ту же судьбу, какъ и другіе, принадлежащія въ собственность покойнику, малопѣвныя для группы предметы.

Но, рядомъ съ небольшими временными шалашами, изслѣдователь встрѣчается, начиная съ весьма низкихъ ступеней культуры, съ болѣе обширными, хотя приготовленными тоже изъ непрочнаго матеріала (листья, жерди и пр.) жилыми помѣщеніями. Группа, перешедши къ формамъ экономическаго быта, требующимъ отъ нея болѣе долгаго пребыванія на одномъ мѣстѣ, будь то первобытное земледѣліе или рыбная ловля въ разъ навсегда определенныхъ мѣстахъ, стремится по возможности не раздѣляться и часто живетъ въ общемъ жильѣ. Имущественный коммунизмъ, рельефно проявляющійся въ пользованіи продуктами питанія и необходимыми предметами, естественно долженъ сказываться и относительно жилища. Источники общей собственности на жилища, способы пользованія послѣдними и взглядъ некультурныхъ племенъ на этотъ видъ собственности выяснятся изъ слѣдующихъ примѣровъ.

Количество народностей, у которыхъ европейскіе путешественники и изслѣдователи констатировали въ разное время обычай жить въ общихъ помѣщеніяхъ, весьма значительно. Общія жилища, вмѣщавшія по нѣсколько десятковъ, иногда даже сотенъ жителей, были встрѣчены въ Америкѣ, на островахъ Тихаго океана, въ Индонезіи, Азии и т. д. Классическій примѣръ подобныхъ общихъ жилищъ представляютъ жилыя помѣщенія у нѣкоторыхъ краснокожихъ племенъ Америки. Такъ, на примѣръ, у ирокезовъ изслѣдователи нашли такъ называемыя

«длинные дома», имѣвшіе 40—150 футовъ длины при 20—30 футахъ ширины и 20 высоты. Они были выстроены весьма примитивнымъ способомъ; стѣны состояли изъ кольевъ, поставленныхъ стоймя и покрытыхъ обыкновенно древесной корой. Такое жилище дѣлилось на двѣ части длиннымъ корридормъ, шедшимъ во всю длину дома; по обѣ стороны его, были устроены небольшія помѣщенія, безъ дверей, съ отдѣльными очагами для отдѣльныхъ семей. Семей, жившихъ совместно подъ одной кровлей, насчитывали обыкновенно отъ 10—20 и болѣе, т. е. население дома достигало нѣсколькихъ десятковъ лицъ; при этомъ они были соединены другъ съ другомъ кровными узамъ, которыя высчитывались по материнской линіи. Въ селеніяхъ криковъ нѣкоторые дома насчитывали до 200 жителей.

Въ Новой Мексикѣ, Аризонѣ и сѣверныхъ частяхъ Мексики сохранились остатки древнихъ городовъ — пуэбло, принадлежавшіе населенію, довольно далеко подвинувшемуся въ культурномъ отношеніи. Племена пуэбло искусно строили свои обширныя жилища изъ мягкаго песчаника, облегающаго пластами долины рѣкъ, такъ называемые каньоны или на трудно доступныхъ и значительныхъ возвышенностяхъ. Они на первый взглядъ имѣли видъ колоссальной лѣстницы въ двѣ—четыре ступени. Каждую изъ нихъ образовалъ отдѣльный этажъ. «Внѣшній фасадъ, такъ описываетъ подобный домъ одинъ изслѣдователь, выглядит на подобіе весьма высокой стѣны, пробуровленной маленькими окнами, которыя даютъ свѣтъ и воздухъ внутренности комнатъ. Нижній этажъ зданія вообще содержитъ въ себѣ столько же рядовъ комнатъ, сколько имѣется этажей въ домѣ; эти комнаты получаютъ свѣтъ и воздухъ сквозь окна во внѣшнемъ фасадѣ, или въ фасадѣ по направленію къ двору или, иначе, въ крышѣ». Такъ какъ во всемъ зданіи нѣтъ постоянной лѣстницы, то поднимаются изъ перваго этажа во второй по лѣстницѣ стремянкѣ; точно также изъ второго этажа въ третій и т. д. до верхушки зданія. «Нижніе этажи образуютъ террасы, на которыя семейства собираются отдыхать, болтать или курить... Эти террасы или платформы служатъ также для вѣшанія маиса и другихъ зимнихъ припасовъ».

Современные индѣйцы пуэбло живутъ приблизительно при тѣхъ же условіяхъ, какъ и населявшія древнія пуэбло племена. Ихъ жилища представляютъ тѣже террасообразныя постройки, сложенныя изъ камня или высушенныхъ на солнцѣ кирпичей. Фундаментъ кладется изъ гладкообтесанныхъ камней. Одна комната служитъ кухней;

въ другихъ хранятся запасы кукурузы и пр., остальные служатъ помѣщеніями для сна. Какъ и «длинные дома» ирокезовъ, такъ и пуэбло, т. е. отдѣльные дома въ Новой Мексикѣ являются общей собственностью. Обширная подземная комната, такъ называемая kiva, служитъ цѣлямъ культа, заломъ для совѣщаній и т. д. Въ это помѣщеніе можно проникнуть по лѣстницѣ стремянкѣ черезъ люкъ обозначеннымъ снаружы рядомъ камней, въ крышѣ, приходящейся всегда на уровнѣ почвы. Посрединѣ подземной залы въ нѣкоторомъ углубленіи находится очагъ; по стѣнамъ стоятъ лавки; для членовъ родовъ, не участвующихъ непосредственно въ религіозномъ обрядѣ и играющихъ роль зрителей, устраивается помость изъ грубо обтесанныхъ камней. Общіе дома индѣйцевъ пуэбло населены иногда нѣсколькими стами родственныхъ другъ другу семействъ, ведущихъ общее хозяйство.

Подобные же общіе дома извѣстны и многимъ другимъ народностямъ Сѣверной Америки. У индѣйцевъ племени нутка они достигаютъ иногда нѣсколькихъ сотъ футовъ длины и считаются общимъ достояніемъ членовъ рода, которые построили ихъ соединенными усилиями. У чинуковъ, на Ванкуверовыхъ о-вахъ, господствовалъ обычай жить въ общихъ помѣщеніяхъ. У коняговъ строятъ дома на двѣ—три семьи. У камчадаловъ въ одномъ жилищѣ (зимнемъ) жило нѣсколько семей. «Подлѣ стѣнъ, пишетъ Крашенинниковъ, дѣлаютъ они полки, на которыхъ спятъ семья подлѣ семьи рядомъ».

Эскимосы живутъ обыкновенно по два—три семейства въ одномъ жилищѣ (зимнемъ). Постройка дома требуетъ большого труда и производится усиліемъ членовъ всѣхъ семействъ, такъ что не можетъ быть рѣчи о принадлежности дома отдѣльнымъ собственникамъ. Помѣщенія отдѣльныхъ семей соединяются обыкновенно проходомъ. Въ настоящее время обитатели отдѣльныхъ частей дома ведутъ обособленную жизнь; но вліяніе старшаго изъ нихъ на прочихъ домашнихъ еще сохраняется, по словамъ Боаса (Boas). Эскимосская деревня (зимняя) состоитъ изъ нѣсколькихъ подобныхъ домовъ. Кромѣ того, въ каждой деревнѣ имѣется еще особый домъ, назначенный для собраний и плясокъ; онъ строится соединенными силами всей общины и составляетъ собственность этой послѣдней. Въ южной Гренландіи встрѣчаются дома, въ которыхъ иногда живетъ до десяти семей. Такъ называемая уллоа, жилища алеутовъ, «состоятъ изъ громадныхъ ямъ отъ 100—300 футовъ длины и отъ 20—30 футовъ ширины.... Внутренность жилища подраздѣлена на части камнями и человекъ до 300 иногда занимаютъ одинъ изъ этихъ домовъ сообщца». Домъ имѣетъ одинъ общій для всѣхъ очагъ.

Населеніе древняго Перу, которое, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, было чисто родовымъ государствомъ, жило также въ общихъ родовыхъ помѣщеніяхъ. Остатки надобныхъ сооруженій сохранились до нашихъ дней; но обширности ихъ прежде принимали за развалины дворцовъ инковъ. Болѣе тщательное изслѣдованіе доказало, что это были жилища для членовъ одного рода. Толстыя каменные стѣны окружали обширный четырехугольникъ, внутри котораго находилась цистерна и общее родовое кладбище. Въ этомъ обширномъ дворѣ стояли четырехугольные же дома съ дворомъ посрединѣ; дома достигали 200 шаговъ длины, и населеніе ихъ доходило до нѣсколькихъ сотъ человекъ, жившихъ на началахъ экономической общности. Марциусъ отмѣтилъ, что у бразильскихъ дикарей нѣсколько семействъ иногда пользуются общимъ жилищемъ; для каждой семьи отгорожено определенное мѣсто, гдѣ вѣшаются гамаки для сна. У каждой семьи есть свой очагъ, такъ что бразильскій дикарь величину хижины обозначаетъ всегда числомъ имѣющихся въ ней очаговъ. У племенъ пуни и гуарановъ въ одномъ домѣ живутъ до 70 человекъ.

Дома, аналогичные съ «длинными домами» крокотовъ, можно встрѣтить у нѣкоторыхъ племенъ Индіи и Индо-Китаю. Въ общихъ родовыхъ помѣщеніяхъ живутъ напры на Малабарскомъ берегу. Дома племени кота (Южная Индія) состоятъ изъ ряда помѣщеній, соединенныхъ одной кровлей. Домъ, очень длинный, строится въ длину деревенской улицы, такъ что кажется иногда, будто на каждой улицѣ стоятъ лишь по два дома съ правой и лѣвой стороны. На веранду, образуемую крышею, покоящейся на каменныхъ столбахъ, выходятъ двери отдѣльныхъ помѣщеній, занимаемыхъ отдѣльными семьями. Родовыя жилища представляютъ типичную черту малайскихъ селеній. Каждый материнскій родъ живетъ обыкновенно цѣликомъ въ общемъ жилищѣ, устроенномъ изъ легкаго строительнаго матеріала на болѣе или менѣе высокихъ столбахъ. Если домъ становится тѣснымъ, къ нему дѣлаютъ необходимыя пристройки. Въ Менавγκαбау материнскіе рода *suku* живутъ каждый въ отдѣльномъ помѣщеніи *Kumpulan gisrah*. Родовыя жилища даяковъ вмѣщаютъ по нѣсколько сотъ обитателей. У сингфосовъ на границѣ Ассама общія жилища, длиною въ 80 и шириною въ 20 футовъ, своимъ внутреннимъ расположеніемъ напоминаютъ до точности устройство крокотовскаго дома.

На о-вахъ Тихаго океана встрѣчаются тѣ же общія помѣщенія, служація или служившія общимъ домомъ для родственниковъ. На о-вахъ Пасхи Ла-Перузъ (*La Pégouse*) встрѣтилъ дома; напоминающіе про-

лезскіе; одинъ изъ нихъ имѣлъ 310 футовъ длины, и въ немъ могли помѣститься до 200 человекъ. Кужъ нашелъ подобныя же сооруженія на другихъ о-вахъ Тихаго океана, и ихъ можно встрѣтить еще до настоящаго времени въ Полинезіи. Они были общимъ достояніемъ родовыхъ группъ, во взаимныхъ отношеніяхъ которыхъ господствовала широкая имущественная общность, между прочимъ и на съѣстные припасы. На Маркизскихъ о-вахъ, туземецъ, отправляясь въ путь, никогда не бралъ съ собой запасовъ. Въ любомъ селеніи своего племени онъ могъ найти кровъ и пищу: ему стояло только войти въ первую хижину, не спрашивая разрѣшенія, брать пищу изъ общаго блюда и затѣмъ остаться ночевать или идти дальше. Въ тѣхъ мѣстностяхъ Тихаго океана, гдѣ обычай жить въ общихъ домахъ не развился или вышелъ изъ употребленія, деревня, состоящая изъ небольшихъ домовъ, всегда имѣла и общее, построенное совмѣстными усиліями, помѣщеніе для собраній или, по крайней мѣрѣ, амбары для сохраненія общихъ запасовъ. Пользованіе ими, равно и сооруженіе ихъ, составляетъ право и обязанность всѣхъ членовъ группы.

Основаніемъ права собственности на общее жилище заключается прежде всего и главнымъ образомъ въ положенномъ на сооруженіе его трудѣ. Отсюда слѣдуетъ, что собственницей общаго дома является группа, и чужая группа не имѣетъ право легально пользоваться постоянно помѣщеніемъ, принадлежащимъ другой группѣ. Коллективный трудъ оказывается и въ пользованіи жилищемъ источникомъ коллективной собственности, совершенно такъ же, какъ индивидуальный трудъ меньшей группы, затраченный на устройство жилища, ложится въ основаніи индивидуальной собственности на жилое помѣщеніе.

Какъ ни часто встрѣчается обычай устройства общихъ домовъ, едва ли возможно, какъ то дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи, напримѣръ, Зиберъ, считать его «одной изъ фазъ экономическаго роста». Общинные дома извѣстны далеко не всѣмъ народностямъ, доразвившимся до сравнительно высокихъ ступеней культуры. Они встрѣчаются исключительно у земледѣльцевъ и полуосѣдлыхъ рыболововъ. Но не всѣ народности, переживающія указанные стадіи экономическаго развитія, имѣютъ или имѣли подобные общіе дома. Послѣдніе извѣстны только тамъ, гдѣ, при условіяхъ болѣе или менѣе осѣдлаго хозяйства, обширныя группы родственниковъ живутъ въ полномъ хозяйственномъ единеніи. Общіе дома ирокезовъ, малайцевъ, островитянъ Тихаго океана и др. населены исключительно родственниками. У малайцевъ часто весь родъ живетъ въ общемъ домѣ; но стоитъ только вслѣдствіе разростанія

рода произвести хозяйственному раздѣленію, какъ для выдѣляющихся строится особое помѣщеніе. Экономическая общность объединяетъ родственниковъ подъ одной кровлей, вслѣдствіе чего и обычай жить въ общемъ жильѣ стоитъ въ непосредственной зависимости отъ формы хозяйственнаго строя. Поэтому, напримѣръ, у народностей кочевыхъ, вынужденныхъ условіями экономического быта жить въ небольшихъ шалашахъ, жилище, даже при совмѣстномъ веденіи хозяйства, раньше, чѣмъ у земледѣльцевъ, становится индивидуальной собственностью. Но и здѣсь, если кочевники живутъ групповымъ хозяйствомъ, дифференціація жилища изъ обще-групповой собственности происходитъ не сразу. Такъ, напримѣръ, у калмыковъ и киргизовъ шалашъ, поставленный для жонатаго сына, не считается его имуществомъ, а дается ему лишь въ пользованіе. Такимъ образомъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда жилище, вслѣдствіе различныхъ условій, не можетъ быть обширнымъ и не въ состояніи вмѣстить нѣсколькихъ семействъ, оно оказывается собственностью группы, если только эта послѣдняя ведетъ общее хозяйство. Отдѣльные шалашы кочевниковъ, будь то у кафровъ или русскихъ степняковъ, при совмѣстномъ веденіи хозяйства соответствуютъ отдѣльнымъ семейнымъ комнатамъ въ общихъ домахъ ирокезовъ, малайцевъ и др. И такъ, обширные общіе дома встрѣчаются только тамъ, гдѣ существуетъ или существовала родовая хозяйственная община. Между тѣмъ, далеко не всюду родовая община является одновременно и хозяйственной единицей. Условія существованія заставляютъ родъ еще на низшихъ ступеняхъ дѣлиться на маленькія хозяйственныя группы, до извѣстной степени независимыя отъ родовой единицы, естественно лишь постольку, поскольку родъ допускаетъ такую обособленность. Жилище въ этихъ случаяхъ составляетъ общую собственность этихъ меньшихъ группъ, оттого: 1) что оно въ большинствѣ случаевъ построено совокупными усиліями членовъ меньшей хозяйственной группы и 2) что родъ, какъ цѣлое, не претендуетъ на обладаніе жилищемъ, которое ему существенно не необходимо. Вотъ почему обычай строить обширные общіе дома, на подобіе ирокезскихъ или пазубо Новой Мексики, не можетъ быть возведенъ въ фазисъ развитія. Онъ оказывается лишь частичнымъ проявленіемъ хозяйственной солидарности, соединяющей обширную родственную группу. Вполнѣ естественно, что при совмѣстномъ хозяйствѣ, при общности потребленія запасовъ, родственники стараются жить подъ одной кровлей; размѣры же жилища зависятъ отъ того, въ какіе союзы группируются хозяйственныя единицы. Но солидарность сородичей выра-

жается въ томъ, что, при невозможности иногда и при неумѣнн строить себѣ большіе жилые дома, сооружается одно общее для всѣхъ помѣщеніе. Общему залу въ публіку соответствуетъ шалашъ для собраній у бразильскихъ туземцевъ, у африканскихъ народностей или эскимосовъ. Вынужденные очень часто жить въ хозяйственной разобщенности жители одного селенія, состоящаго обыкновенно изъ родственниковъ, совокупными усилиями устраиваютъ общее помѣщеніе, чтобы совершать въ нихъ религіозные обряды и справлять пиршества, въ которыхъ участвуетъ весь родъ или группа семействъ.

Въ общемъ можно выставить правило, что коммунизмъ на жилище ограничивается предѣлами хозяйственной группы. Съ этимъ характеромъ жилище продолжаетъ существовать въ теченіе долгаго періода дифференціаціи индивидуальной семьи изъ болѣе обширныхъ родственныхъ союзовъ. Такъ, большая семья (семейная община) калмыковъ имѣетъ совокупность палатокъ, принадлежащихъ семьямъ, но находящихся въ пользованіи отдѣльныхъ малыхъ индивидуальныхъ семей, образующихъ данную семейную общину. Въ осѣдломъ бытѣ это еще нагляднѣе: когда родъ раздѣлился уже на отдѣльныя общины семейныя, домъ и усадьба составляютъ собственность не рода, а семейной общины. Постепенно, съ упадкомъ этой послѣдней, она выступаетъ въ той же роли въ отношеніи къ выдѣляющимся изъ нея индивидуальнымъ семьямъ, какую играетъ родъ относительно обособляющихся отъ него семейныхъ общинъ. Какъ родъ, допуская обособленность хозяйства въ семейныхъ общинахъ, продолжаетъ имѣть общее помѣщеніе для всѣхъ сородичей, семейная община, при медленномъ сложеніи индивидуальныхъ семействъ, уступаетъ въ ихъ пользованіе, граничащее почти съ правомъ собственности, отдѣльныя части общаго помѣщенія, но сохраняетъ, однако, часть его въ качествѣ собственности коллективной. Семейная община у современныхъ саксонцевъ до сихъ поръ зачастую занимаетъ одно жилое строеніе. Каждой семьѣ, входящей въ нее, теперь, однако, отводятъ, иногда отдѣльное помѣщеніе. Но кухня общая. Очагъ стоитъ иногда по старинному посреди жилой части дома. Роль, которую онъ игралъ нѣкогда въ культѣ, объединявшемъ тѣсно связанныхъ членовъ семейной общины, проглядываетъ до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ обрядахъ. Вокругъ очага обводятъ новобрачную при вступленіи ея въ домъ. Этотъ же обрядъ совершаютъ надъ новой наемной служанкой, которую такимъ образомъ ставятъ какъ бы подъ покровительство духовъ, охранителей дома. Легко можно наблюдать аналогичное явленіе въ разлагающейся русской большой семьѣ. При раз-

дѣлахъ каждая малая семья живетъ иногда въ отдѣльномъ помѣщеніи, но горница съ печью, въ которой готовится обѣдъ на всю большую семью, служитъ мѣстомъ сбора всѣхъ домашнихъ. Еще нагляднѣе это выступаетъ у осетинъ и вотяковъ. У осетинъ пристройки къ общему жилищу, которыя дѣлаются на случай вступленія въ бракъ отдѣльныхъ членовъ двора, иногда «считаются собственностью занимающей ихъ семьи и даже могутъ сдѣлаться со стороны ея предметомъ отчужденія. Этимъ объясняется возможность такихъ фактовъ, какъ указываемый (однимъ изъ изслѣдователей быта осетинъ) Пфафомъ примѣръ принадлежности каждаго изъ трехъ этажей одного и того-же дома различнымъ владѣльцамъ». Но «хадзарь или общая кухня и столовая, а также кунацкая неизмѣнно считаются общей собственностью всего двора». Въ общей кухнѣ находится домашній очагъ съ прикрѣпленной надъ нимъ священной цѣпью— символъ хозяйственнаго и религіознаго единенія живущихъ вмѣстѣ членовъ семьи. Такимъ образомъ, начавшія уже дифференцироваться въ отдѣльныя единицы индивидуальныя семьи, имѣя уже признанныя права собственности на особыя жилища помѣщенія, продолжаютъ быть связанными не только общностью стола и нѣкоторыхъ видовъ хозяйства, но также единымъ культомъ, средоточіемъ котораго является домашній очагъ. Здѣсь происходитъ совершенно тоже самое, какъ когда члены рода при своемъ распаденіи на семейныя общины сохраняютъ въ общемъ родовомъ владѣніи родовыя святилища. Подобныя оригинальныя отношенія, когда члены хозяйственной единицы при развитіи индивидуализма тѣмъ не менѣе остаются еще долго въ совмѣстной жизни, объясняются прежде всего выгодами хозяйственнаго единенія, т. е. экономическими интересами группы, а также и значеніемъ культа предковъ въ жизни некультурныхъ народовъ. «Общностью культа, сознаниемъ необходимости ежечаснаго его поддержанія въ интересахъ благоденствія усопшихъ душъ и своего собственнаго, пишетъ М. М. Ковалевскій, объясняется причина той враждебности, съ какою родовые союзы относятся къ семейнымъ раздѣламъ. Пока продолжается семейное общеніе, не можетъ быть опасеній на счетъ того, что предки останутся безъ пищи и раздраженные неуважительнымъ отношеніемъ къ нимъ потомства сдѣлаются для него источникомъ всякихъ бѣдствій. Культъ предковъ, разумѣется, является только однимъ изъ условій благопріятныхъ поддержанію семейнаго коммунизма. Въ обществѣ, въ которомъ внѣ рода и семьи не существуетъ охраняющей миръ власти, въ которомъ самосудъ объединенныхъ единствомъ культа и крови союзовъ является един-

ственнымъ средствомъ защиты противъ произвола и насилия, естественнымъ представляется желаніе не отдѣляться отъ своихъ близкихъ, жить съ ними общей жизнью и общими усиліями отвращать общихъ враговъ». Впрочемъ, при извѣстныхъ условіяхъ культъ предковъ можетъ сдѣлаться какъ разъ наоборотъ источникомъ семейныхъ раздѣловъ, на что указывали Мэнъ, Ковалевскій и др. Это слѣдуетъ имѣть въ виду во избѣжаніе односторонности въ опредѣленіи роли культа предковъ на поддержаніе имущественнаго коммунизма группы родственниковъ, находящаго себѣ выраженіе и въ общности жилищъ. Въ Индіи съ развитіемъ религіозныхъ идей и культа, подъ вліяніемъ браминовъ, извлекавшихъ изъ семейныхъ дѣлежъ извѣстныя выгоды, появился противоположный взглядъ. Сборники Ману и Гаутама выставляютъ пользу семейныхъ дѣлежъ, такъ какъ благодаря имъ увеличивается количество мѣстъ отправления культа. Это ученіе, однако, оказывается исключеніемъ; въ общемъ культъ предковъ у большинства народностей идетъ рука объ руку съ экономическими интересами родственно-хозяйственной группы.

У вотяговъ взглядъ на жилое помѣщеніе, какъ на собственность отдѣльныхъ членовъ семьи объясняется крѣпостью родовыхъ религіозныхъ представленій. На дворѣ вотяка обыкновенно выстраивается особое двухъ-этажное лѣтнее помѣщеніе кеносъ. Каждая брачная пара имѣетъ въ кеносѣ особое отдѣленіе, освѣщенное небольшимъ окномъ; здѣсь она хранитъ свое имущество; здѣсь же стоитъ закрытая пологомъ кровать. Сюда безъ позволенія супруговъ никто не можетъ войти. Несмотря на развитіе индивидуализма у современныхъ вотяговъ и учащенія подъ вліяніемъ условій экономическаго быта семейныхъ дѣлежъ, вотяцкая семья въ общемъ относится крайне неодобрительно къ этимъ послѣднимъ и всѣми силами старается поддержать семейное единеніе. Женатому сыну строится только особая клѣтѣ на дворѣ, и лишь въ случаѣ тѣсноты ему ставятъ особый домъ, но всегда близко отъ роднаго двора. Онъ не покидаетъ родительскаго очага такъ легко, какъ представители народностей, у которыхъ культъ предковъ или не развился или пришелъ уже въ упадокъ. Онъ связанъ съ своей хозяйственной группой не только единствомъ экономическихъ интересовъ, но и общимъ культомъ духа-покровителя семьи, отъ расположенія котораго зависитъ и его благосостояніе. На дворѣ у каждаго вотяка находится шалапъ (куа), служащій мѣстомъ отправления семейнаго культа, семейнымъ святилищемъ, гдѣ глава семьи приноситъ въ опредѣленное время жертвы божеству-покровителю. Это святилище считается общей собственностью семьи; владѣніе имъ переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Воспомина-

нием о бывшей некогда тѣсной связи между всѣми сородичами служить отдѣльное отъ семейныхъ святилищъ строение—родовой шалашъ, въ которомъ приносятся жертвы родовому духу покровителю членами различныхъ семействъ одного рода, совместно владыкощихъ мѣстомъ родового культа. Этотъ шалашъ, являющійся средоточіемъ семейно-родового культа, жилищемъ покровительствующаго божества, представляетъ постройку весьма примитивнаго типа, сохраняющаго формы жилья изъ той эпохи, когда вояжи еще не знали болѣе совершенныхъ жилищъ. Культъ консервативенъ: родовое божество, по понятію поклоняющихся ему, можетъ жить только въ тѣхъ помѣщеніяхъ, какия имѣлись у народности во время сложения родовой религіи. Это широко распространенный взглядъ. Онъ привелъ, напримѣръ, къ тому, что, несмотря на развитіе архитектуры у римлянъ, *atrium*, мѣстожительство семейныхъ духовъ предковъ и поклоненія имъ, сохранялъ архаичныя черты первобытной постройки, а храмъ Весты—форму первобытнаго шалаша.

Отдѣляясь отъ семейной общины, вояжъ рискуетъ лишиться покровительства предковъ; поэтому онъ лишь въ крайнемъ случаѣ основываетъ совершенно самостоятельное хозяйство. Если же судьба заставитъ его уйти далеко отъ семьи, онъ съ особыми священнодѣйствіями уноситъ на новое мѣсто своей осѣдлости часть домашняго очага, чтобы не прерывать единенія съ духомъ покровителемъ. Религія семейно-родовая является вообще послѣдней связью, сдерживающей индивидуалистическія стремленія членовъ хозяйственно-родственныхъ единицъ. Она заставляетъ ихъ жить на коммунистическихъ началахъ въ отношеніи продуктовъ питанія и пользованія жилищемъ долго послѣ того, какъ экономическія условія вполне допускаютъ большую индивидуализацію обще-семейнаго имущества.

Указанные выше примѣры способовъ пользованія жилыми помѣщеніями позволяютъ прийти къ слѣдующимъ выводамъ. 1) Коммунистическія начала, вызываемыя къ жизни условіями борьбы за существованіе среди первобытныхъ группъ, находятъ себѣ выраженіе и въ пользованіи жильемъ. Но начало общности терпитъ здѣсь уже существенное ограниченіе сравнительно съ примѣненіемъ его къ продуктамъ питанія. Въ то время, какъ послѣдніе остаются общей собственностью всей группы, будь она объединена территориальнымъ или кровнымъ принципомъ, жилище считается общей собственностью лишь хозяйственной группы. Это объясняется прежде всего экономическимъ основаніемъ, регулирующимъ отношенія группы, какъ цѣлаго къ ея меньшимъ составнымъ частямъ. Продукты пита-

ни слишком важны для существования группы; долго еще после выделения из нее отдельных хозяйственных единиц, она считает себя в праве налагать руку на индивидуальное обладание ими в интересах цѣлаго. Жилище не можетъ служить въ той-же мѣрѣ интересамъ группы, какъ цѣлаго и потому уступается легче въ собственность меньшихъ группъ. 2) Такъ какъ жилище находится во владѣннн хозяйственной единицы, наибольшее проявленіе начала общности естественно имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ весь родъ или значительная часть его объединены въ единое хозяйство, меньшее—гдѣ родъ распался на семейныя общины. Наконецъ, обладаніе жилищемъ дѣлается почти индивидуальнымъ у низшихъ народностей, гдѣ условія хозяйства (бродячіе охотники) вынуждаютъ население время отъ времени дѣлиться на индивидуальные союзы въ цѣляхъ успѣшнаго добыванія пищи. 3) Индивидуализація жилища на болѣе высокихъ ступеняхъ культуры находится также въ непосредственной зависимости отъ условій хозяйства и способа постройки. У кочевыхъ народностей или даже осѣдлыхъ, не умѣющихъ возводить обширныя помѣщенія, жилище скорѣе становится личной собственностью, чѣмъ у развитыхъ сравнительно земледѣльцевъ, какъ, напримѣръ, у ирокезовъ или населенія древняго Перу, Новой Мексика и пр., которые развили архитектурныя способности и по условіямъ хозяйства группировались въ родовыя общины. 4) Въ общихъ помѣщеніяхъ, считающихся коллективной собственностью родовыхъ или семейныхъ общинъ, индивидуализація жилища начинается сказываться прежде всего въ устройствѣ обособленныхъ помѣщеній, занимаемыхъ отдѣльными семьями. Въ началѣ эти помѣщенія уступаются группой во владѣніе семьямъ, входящимъ въ группу, и лишь постепенно право владѣннн переходитъ въ право собственности отдѣльныхъ семей на занимаемыя ими части общаго помѣщенія. Въ теченіе этого процесса индивидуализаціи жилища группа сохраняетъ всегда часть общаго помѣщенія въ общей собственности. Это вытекаетъ съ одной стороны изъ хозяйственныхъ узъ, связующихъ группу, съ другой изъ религіозной связи, единствомъ культа предковъ объединяющей родственниковъ. Вслѣдствіе этого, кухня и помѣщеніе для семейнаго очага считаются коллективной собственностью долго послѣ того, какъ процессъ индивидуализаціи на жилыхъ помѣщенія уже совершился. Кунацкая для приѣма гостей долгое время остается въ общемъ владѣннн вслѣдствіе того, что гость, къ кому-бы изъ членовъ семьи онъ ни пріѣхалъ, пользуется припасами, принадлежавшими всей группѣ, какъ цѣлому. Общность амбаровъ, складовъ провизіи и пр., сохраняющаяся крайне долго,

объясняется съ легкостью изъ общности хозяйства, которое оставляет слѣды и послѣ наступленія имущественной раздѣльности меньшихъ группъ. Подобные общіе амбары одинаково извѣстны какъ многимъ русскимъ инородцамъ, такъ и некультурнымъ народностямъ Африки, Америки, Азіи, острововъ Тихаго океана и пр. 5) Лишь съ развитіемъ экономическаго благосостоянія, способности индивида вести, при болѣе совершенныхъ орудіяхъ и увеличившейся безопасности, самостоятельное хозяйство, съ упадкомъ культа предковъ, исчезаетъ постепенно необходимость поддерживать имущественный коммунизмъ группы. Съ надѣнемъ послѣдняго завершается окончательно процессъ индивидуализаціи жилища: отдѣлившійся въ хозяйственномъ отношеніи индивидъ обособляетъ и свое помѣщеніе.

Нигдѣ, пожалуй, трудъ, какъ источникъ собственности, не находитъ себя болѣе яркаго примѣненія, какъ въ правѣ владѣнія жилищемъ. Было бы, однако, одностороннимъ считать его единственнымъ источникомъ собственности на общее или личное жилище. Прежде всего, трудъ въ данномъ случаѣ можетъ быть признанъ таковымъ только въ отношеніи къ той группѣ индивидовъ, которая работала надъ сооруженіемъ жилья; слѣдующія поколѣнія, живущія въ общихъ домахъ, пользуются жилищемъ вслѣдствіе своей принадлежности по происхожденію къ родовой - хозяйственной группѣ. Пуэбло Новой Мексики; дома малайцевъ, «длинные дома» ирокезовъ сохраняются долго, и въ нихъ живутъ послѣдовательно нѣсколько поколѣній. Наслѣдованіе, въ связи съ экономическими интересами, объединяющими родичей, служить источникомъ права пользованія общимъ жильемъ.

Далѣе, далеко не всегда лица, трудившіяся надъ постройкой дома, имѣютъ право на него. Солидарность родственниковъ во взаимныхъ отношеніяхъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они не живутъ въ общемъ хозяйствѣ, чрезвычайно сильна: она заставляетъ ихъ оказывать взаимно услуги другъ другу при совершеніи различныхъ работъ. Если кому-нибудь необходимо построить себѣ домъ, онъ обращается къ своимъ родственникамъ, и они нравственно обязаны прийти ему на помощь. Это лишь частичное проявленіе солидарности родичей, дающей роду возможность отстаивать свое существованіе и находящей себѣ выраженіе и въ поддержкѣ члена рода при исполненіи обязательствъ въ отношеніи къ чужеродцамъ, и на судѣ при принесеніи присяги, при уплатѣ цѣны за кровь и т. д.

При постепенномъ упадкѣ родового быта и замѣнѣ родовой общины сельской, когда права и обязанности родичей въ значительной степени переходятъ въ права и обязанности сосѣдей, членъ общины имѣетъ

право рассчитывать на помощь своих односельчанъ. Отсюда ведутъ начало такъ называемыя *помочи*, чрезвычайно распространенныя у вѣсѣхъ народовъ и бытующія въ качествѣ живыхъ институтовъ у южныхъ славянъ и въ русскомъ крестьянскомъ населеніи. Эта сосѣдская помощь выражается во многихъ явленіяхъ жизни. Все различіе заключается лишь въ томъ, что на мѣсто родичей, связанныхъ единствомъ происхожденія, стали односельчане, соединенныя мѣстомъ жительства и экономическими интересами. Помочи при постройкѣ домовъ одинаково извѣстны какъ некультурнымъ, такъ и культурнымъ народностямъ. Они встрѣчаются почти всюду, причемъ прежде даровое сотрудничество родичей вознаграждается въ сельскомъ быту пирашествомъ, подарками и пр., иногда даже платой не по уговору. Тёрнеръ (Turner) сообщаетъ, что на Самоа всякій, желавшій себѣ выстроить домъ, приглашалъ плотника, не сговариваясь съ нимъ предварительно о платѣ. Онъ приносилъ ему обыкновенно красивую цыновку въ видѣ задатка. Плотникъ приходилъ въ сопровожденіи рабочихъ, оплачиваемыхъ имъ поденно, и лицъ, учащихъ у него его мастерству. Сосѣди же хозяина будущаго дома помогали ему при доставкѣ строительнаго матеріала. Часть платы вносилаь плотнику по окончаніи части работы. Плата зависѣла вполнѣ отъ щедрости владѣльца дома; но скупо вознаграждать плотника считалось позорнымъ не только для строящаго себѣ жилище, но для всей его семьи или рода (clan), члены котораго нерѣдко по мѣрѣ силъ содѣйствовали уплатѣ. Постройка хижины, особенно крыши, у баронговъ въ южной Африкѣ требуетъ довольно большого труда. Переноска готовой крыши, которая не возводится непосредственно надъ хижинной, но изготовляется отдѣльно отъ нея, и установленіе ея надъ зданіемъ не можетъ быть совершена безъ содѣйствія большого количества рукъ. Помощниковъ находится всегда довольно. Крышу несутъ къ стѣнамъ хижины при пѣніи обрядовыхъ пѣсенъ. Съ архаичными чертами выступаютъ иногда помочи у русскихъ инородцевъ, кавказскихъ народностей и русскаго крестьянскаго населенія. У вотяговъ для постройки избы созываютъ помочи. «Когда изба срублена, пишетъ Верещагинъ, опять приглашаютъ сосѣдей на помочъ бить печь изъ сырой глины». Работаютъ дружно, подъ звуки пѣсенъ. «Сбивши печь, садятся за общій столъ... Къ ночи въ сбитую печь запираютъ пѣтуха и вышускаютъ его около обѣда». Г. И. Куликовскій описываетъ слѣдующимъ образомъ помочъ при постройкѣ жилья въ Олонецкой губерши. Собирается «вся деревня, вся община, иногда даже нѣсколько близлежащихъ общинъ, со своими орудіями. Въ лѣсъ ѣдутъ и муж-

чины и женщины длиною вереницею въ 20, 30 и болѣе лошадей; лѣсъ рубится сообща, сообща взваливается на дровни, везется, и въ 2, 3 или много 4 приема на деревенской улицѣ воздвигаются цѣлыя горы бревень, привезенныхъ помочью. Хозяинъ угощаетъ помочанъ и начинаетъ строиться», прибѣгая когда нужно къ помочи. Односельчане являются на помочь и при устройствѣ печи. Глину мнутъ вмѣстѣ, общими усиліями. «Работа идетъ весело и живо подъ тактъ народныхъ пѣсень, и черезъ какихъ нибудь два часа большая крестьянская печь бываетъ готова; послѣ этого на оставшейся глинѣ начинается пляска и раздаются веселыя пѣсни; хозяинъ угощаетъ парней водкой, а дѣвицы—пряниками; помочане расходятся иногда только къ полуночи».

Если помочи—вспоминаніе близкихъ узъ, связывавшихъ родъ въ одно цѣлое, сохранились до настоящаго времени, это объясняется тѣмъ, что условія совмѣстной жизни и сходство экономического быта поддерживаютъ полезное проявленіе коллективнаго труда даже тогда, когда условія, вызвавшія его къ жизни, давно уже исчезли изъ народной памяти.

VI. Коллективное право собственности на землю.

Источником коммунистического пользования продуктами питания, движимостью и жилищемъ, весьма часто, какъ мы видѣли, оказывается коллективный трудъ. Но, если общій трудъ имѣетъ слѣдствіемъ совмѣстное пользование его результатами, то, наоборотъ, и господствующій имущественный коммунизмъ ведетъ къ общинному труду. Трудность предпринимаемой работы, съ одной стороны, тѣсная солидарность членовъ группы съ другой, вынуждаютъ ихъ прибѣгать къ труду кооперативному. Однимъ словомъ, коммунизмъ, приводящій къ совмѣстному потребленію продуктовъ питания, вызываетъ и кооперацию для добыванія себѣ пищи. На низшихъ ступеняхъ развитія въ этихъ цѣляхъ устраиваются обще-групповыя охоты и рыбныя ловли, причемъ добыча дѣлится между участниками. Вполнѣ естественно, что съ постепеннымъ переходомъ къ земледѣлію то же начало имущественной общности проявляется въ пользованіи продуктами земледѣлія; слѣдовательно, въ этой стадіи жизни племени можно ожидать встрѣтить и кооперативный земледѣльческій трудъ. Количество фактовъ, относящихся до употребительной у малокультурныхъ народностей всѣхъ частей свѣта совокупной земледѣльческой работы и совмѣстнаго пользования урожаемъ, крайне многочисленны. Они настолько поражали нѣкоторыхъ путешественниковъ, что эти послѣдніе, основываясь и на другихъ проявленіяхъ имущественной общности у дикарей, не прочь были видѣть въ ихъ бытѣ господство «золотого вѣка» и полного равенства. Европейцы упускали изъ вида, что открытыя ими формы общегитія представляютъ лишь неизбежное слѣдствіе тяжелыхъ экономическихъ условий, бороться съ которыми первобытный человѣкъ можетъ единственно путемъ принесенія въ жертву своихъ личныхъ интересовъ. Дѣйствительно, только широкая взаимопомощь давала возможность человѣчеству при первыхъ шагахъ его развитія отстаивать свое су-

ществованіе. Примитивное земледѣліе, требующее, при несовершенствѣ орудій, громадной затраты силъ и энергіи дикаря, должно было вызывать коллективный трудъ. Въ зависимости отъ того, какъ комбинировались первобытныя группы въ хозяйственномъ отношеніи, образовывались и кооперации въ цѣляхъ обработки земли.

Благодаря извѣстной абсолютности выводовъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, ходячее мнѣніе заставляетъ полагать, что «появленіе у того или другого народа хотя бы самыхъ слабыхъ попытокъ къ обращенію земли подъ обработку необходимо ведетъ къ одновременному возникновенію въ его средѣ осѣдлаго быта и общинно-родовой формы недвижимой собственности». Въ дѣйствительности требуется иногда чрезвычайно длительный періодъ времени, прежде чѣмъ народность перейдетъ отъ охотничьяго или рыболовческаго быта къ земледѣльческому хозяйству и къ правильной, постоянной культурѣ земли. Первобытное земледѣліе вначалѣ не болѣе, какъ усовершенствованный способъ заготовленія въ прокъ растительной пищи, которая такъ же, какъ и мясная, служить дикарю постояннымъ питаніемъ. Мужчины-охотники были вынуждены совершать болѣе или менѣе обширные переходы для пріисканія пищи; первоначальное земледѣліе, вслѣдствіе этого, не могло быть устойчивымъ, такъ какъ неустойчива была и сама группа, практиковавшая его въ качествѣ субсидіарнаго занятія. Земледѣліе лишь медленно начинаетъ брать перевѣсъ надъ охотой. Женщины, на которыхъ въ первобытныхъ группахъ всегда лежитъ обязанность добывать растительную пищу, и которыя являются поэтому первыми земледѣльцами, остаются при обработанныхъ участкахъ; мужчины постепенно сокращаютъ районы своихъ передвиженій и, наконецъ, кончаютъ тѣмъ, что сами становятся земледѣльцами. Въ такой переходной стадіи отъ охотничьяго быта къ земледѣльческому находилось и отчасти находится большинство краснокожихъ племенъ Сѣверной Америки. Ирокезы, крики, натчезы, минетаріи и др., пишетъ М. М. Ковалевскій, «не покидая своихъ кочевьевъ, занимаются и земледѣліемъ, воздѣлывая въ лѣтнее время небольшой участокъ земли, который они засѣваютъ маисомъ, а по окончаніи уборки снова принимаясь за прежнее занятіе звѣринымъ промысломъ.... Тогда какъ въ однѣхъ мѣстностяхъ обращенныя племена подъ обработку пространства снова были покидаемы, не далѣе, какъ годъ спустя послѣ ихъ занятія, въ другихъ участки, предварительно освобожденные отъ травы, кустарника и лѣса, продолжали быть засѣваемы до окончательнаго ихъ истощенія... При слабомъ развитіи земледѣлія и одновременномъ занятіи первобытными промыслами веденіе хозяйства сообща является весьма обычнымъ

явленіемъ. Занятіе каждаго опредѣляется племеннымъ старѣйшиной». У племенъ Центральной Америки и Панамскаго перешейка старѣйшина назначаетъ каждому изъ жителей, чѣмъ онъ долженъ заниматься: земледѣліемъ или охотою и рыбной ловлей. Производство сельскихъ работъ возлагается обыкновенно на женщинъ и работъ; мужчины же заняты звѣринымъ и рыбнымъ промыслами. У большинства американскихъ племенъ, за нѣкоторыми исключеніями, и въ Африкѣ, земледѣліе лежитъ почти исключительно на женщинахъ. Племенной старѣйшина обязанъ заботиться о достаточномъ довольствованіи всѣхъ семействъ. Въ другихъ мѣстахъ весь сборъ складывается въ опредѣленные помѣщенія, откуда ежедневно доставляютъ необходимые припасы. Пища иногда готовится въ общей кухнѣ и отсюда уже раздается отдѣльнымъ семействамъ на домъ.

Извѣстный изслѣдователь быта краснокожихъ о. Лафито (Lafiteau) писалъ въ XVIII-мъ в., что въ селеніяхъ Канады «всѣ женщины соединяются вмѣстѣ для грубой полевой работы. Онѣ составляютъ различныя многочисленныя группы, смотря по различію мѣстностей, гдѣ расположены ихъ поля, и переходятъ отъ поля къ полю, помогая себѣ взаимно. Это происходитъ съ тѣмъ меньшимъ трудомъ и съ тѣмъ большей быстротою, что поля не отдѣлены заборами и рвами и, повидимому, представляютъ всѣ вмѣстѣ одинъ участокъ... Начальница поля, на которомъ идетъ работа, распределяетъ между всѣми работницами сѣмена для посѣва... Онѣ содержатъ свои поля въ большой чистотѣ и сильно заботятся о вырываніи сорныхъ травъ до самаго времени жатвы... По случаю вязанія пшеницы устраивается всеобщее празднество, и тогда и только тогда женщины призываютъ къ себѣ въ земледѣльческихъ работахъ на помощь мужчинъ». (Зиберъ).

Земля, пишетъ Вайцъ (Waitz) про индѣйцевъ Сѣверной Америки, считалась собственностью всего народа, и въ позднѣйшее время она признавалась неотчуждаемымъ имуществомъ. Землю эксплуатировали совмѣстными силами; продукты жатвы и охоты дѣлились и каждый бралъ изъ запасовъ, что ему было нужно. У криковъ всякое селеніе имѣло общее поле, которое дѣлили на отдѣльные участки по числу семей. Земледѣльческія работы производились сообща; начало ихъ возвѣщалось звукомъ роговъ изъ раковинъ. Изъ жатвы каждая семья удѣляла извѣстную долю въ общій запасъ, изъ котораго старѣйшина выдавалъ нуждающимся потребное количество зерна. Для сохраненія хлѣба у нихъ имѣлись общественныя житницы. «Когда у туземцевъ Бразиліи, писалъ Марціусъ, предпринимается далекій военный походъ и община не обладаетъ достаточными съест-

ными припасами, все члены соединяются для обработки участка земли, чтобы иметь нужное количество запасовъ, преимущественно муки маниоки». Объ общинныхъ поляхъ упоминаетъ и Шомбургъ (Schomburgk) у населенія Гуйяны, причемъ урожай такого поля, какъ общая собственность группы, могъ быть отчуждаемъ только съ согласія всей группы и начальникъ племени не имѣлъ права располагать имъ по произволу.

На архипелагахъ Тихаго океана обработка земли совокупными усиліями группы не представляетъ рѣдкости. У маори на Новой Зеландіи земледѣліе достигло значительнаго развитія. Обработка полей, уборка жатвы производились издавна сообща. Весь урожай собирается на высокой помостъ, замѣняющій общественный амбаръ. На другихъ островахъ: на Нукугивѣ, Тонга, Самоа въ земледѣльческихъ работахъ принимали дѣятельное участіе и знатныя лица, и вожди.

Коллективные земледѣльческія работы явленіе заурядное у малайцевъ Индонезіи; онѣ могутъ считаться типичными для туземнаго земледѣлія. На Целебесѣ кофейныя плантаціи и рисовыя поля обрабатываются совмѣстно. Дни недѣли, отведенные на полевые работы, назначаются по рѣшенію вождя и нѣсколькихъ стариковъ. Работаютъ мужчины, женщины и дѣти; «по часовой работѣ каждаго семейства ведется счетъ и, когда собрана жатва, каждый получаетъ соответствующую долю». «На Цейлонѣ каждая община сама исправляла свои каналы и цистерны и собирала по двѣ жатвы въ годъ соединеннымъ трудомъ всѣхъ своихъ членовъ».

Кооперативный трудъ при обработкѣ земельныхъ участковъ былъ извѣстенъ и широко примѣнялся въ древнемъ Египтѣ и въ Китаѣ; онъ до настоящаго времени встрѣчается во многихъ мѣстностяхъ Африки, гдѣ населеніе извлекаетъ источникъ своего существованія изъ земледѣлія. У нѣкоторыхъ племенъ, напримѣръ, близъ Сьерра Леоне, общія поля подвергаются совмѣстной обработкѣ и жатва распределяется согласно извѣстнымъ правиламъ. У кури, живущихъ близъ оз. Чадъ, тотчасъ послѣ того, какъ озеро послѣ дождливаго періода войдетъ въ берега, все жители деревни дѣлятъ между собою оплодотворенныя разливомъ общественныя поля, измѣряя ихъ древками копій. По окончаніи жатвы каждый сельчанинъ обязанъ внести въ общій запасъ извѣстное число мѣръ зерна. У другихъ племенъ общей повинностью служить для жителей селенія охрана полей отъ животныхъ и птицъ, которыя часто нападаютъ на посѣвы во время ихъ созрѣванія. Во многихъ мѣстностяхъ Африки для этой цѣли строятъ высокіе помосты, и стерегущіе на нихъ мужчины, женщины или дѣти

должны проводить на них цѣлые дни, криками и киданьемъ камней или комьевъ земли испугивая непрошенныхъ гостей. У многочисленныхъ племенъ коллективная обработка полей уже исчезла: каждая семья воздѣлываетъ свой участокъ. Но тѣсная взаимная связь жителей одной деревни или округа сказывается до сихъ поръ. Начало работъ точно такъ же, какъ и окончаніе ихъ, опредѣлено для всѣхъ приказомъ вождя. Открытіе земледѣльческихъ работъ носить торжественный характеръ. Въ немъ принимаетъ участіе самъ вождь, одѣтый, какъ въ военное время, сопровождаемый знахарями съ барабанами. Ваньмуэзы выходятъ на полевые работы всей деревней; обычай требуетъ, чтобы они были въ полномъ военномъ вооруженіи, съ перьями на головѣ, гривами антилопы, мѣховыми полосками и пр., съ желѣзными колокольчиками на ногахъ. Они строго соблюдаютъ назначенные вождемъ для обработки полей сроки. До окончанія жатвы и опредѣленнаго опять таки вождемъ дня никто не смѣетъ зажигать сухую траву вблизи отъ полей. (Ежегодными палами многіе африканскіе народы удобряютъ почву).

Аналогичные факты, крайне многочисленные при этомъ, можно прослѣдить и въ рядѣ переживаній у народностей болѣе цивилизованныхъ, начиная отъ древнихъ германцевъ и кончая современными представителями германской народности, въ Россіи и на Балканскомъ полуостровѣ. Обычай обработки совмѣстными усилиями участка земли, съ тѣмъ, чтобы результатъ труда шелъ на общія потребности всѣхъ участниковъ, можетъ быть признанъ крайне распространеннымъ.

Но группы, прибѣгающія къ этому приему въ земледѣліи, не вездѣ одинаковы. Исслѣдователи и путешественники, говоря о нихъ, называютъ ихъ то деревней, то племенемъ, то родомъ, и не всегда бываетъ легко опредѣлять, о какой формѣ агрегаціи человѣческихъ обществъ идетъ рѣчь въ каждомъ данномъ случаѣ. Упрекъ, который дѣлаетъ Морганъ испанскимъ авторамъ прежняго времени, можетъ быть распространенъ и на многихъ изъ болѣе новыхъ исслѣдователей. «Сообщенія испанскихъ писателей, справедливо говоритъ Морганъ, объ отношеніи землевладѣнія у южно-американскихъ племенъ представляютъ неразберимую путаницу. Если испанцы встрѣчали общину людей, которые владѣли сообща своими землями и не могли ихъ отчуждать и которые признавали одно лицо изъ своей среды своимъ вождемъ, то они сейчасъ же принимали эту общину за феодальное владѣніе, вождя за феодальнаго господина, и людей, владѣвшихъ сообща землей—за его вассаловъ. Въ лучшемъ смыслѣ это

было искаженіе фактовъ. Изъ такихъ разсказовъ ясно вытекаетъ одно—что земля находилась во владѣніи общины. Но относительно другого, не менѣе существеннаго обстоятельства, именно, что служило связью для той общины, разсказы испанцевъ оставляютъ насъ въ неизвѣстности». Если бы существовали только указанія, что въ томъ и другомъ мѣстѣ практикуется совмѣстная обработка земли и общее пользованіе урожаемъ, эти свѣдѣнія мало значили бы для исторіи первобытной собственности. Изъ нихъ вытекалъ бы только общій выводъ, что первобытнѣйшій имущественный коммунизмъ находитъ себѣ выраженіе и въ земледѣльческомъ трудѣ въ меньшей степени, чѣмъ въ отношеніи къ другимъ продуктамъ питанія, и что онъ имѣетъ своимъ источникомъ и общій трудъ. Недостаточной полнотой свѣдѣній слѣдуетъ объяснить, что исторія общины такъ долго не была разрабатываема. Природа общины, ея постепенная исторія развитія могла быть выяснена трудами только новѣйшихъ изслѣдователей, которые детально изучили форму и характеръ агрегацій, совмѣстно обрабатывающихъ землю. Ихъ труды оказали существенное вліяніе на взглядъ о происхожденіи частной собственности на землю, равно и на опредѣленіе исторіи развитія общинныхъ отношеній.

«Раздѣляя судьбу общую всякаго рода соціологическимъ вопросамъ, справедливо пишетъ М. М. Ковалевскій, (вопросъ о происхожденіи частной собственности на землю) долгое время не находилъ иного рѣшенія, кромѣ богословскаго или метафизическаго». Только поздно за разработку его берется положительная наука. «Спеціальныя изслѣдованія, производимыя въ разныхъ мѣстахъ и независимо другъ отъ друга, приводятъ къ заключенію о позднемъ сравнительно возникновеніи частной собственности на землю путемъ разложенія коллективныхъ видовъ недвижимой собственности, общинно-родовой и позднѣйшихъ по отношеніи къ ней, общинно-сельской и общинно-семейной». Дѣло въ томъ, что никогда и нигдѣ народность не осѣдаетъ въ лицѣ единичныхъ индивидовъ: она захватываетъ извѣстную территорію общими силами и при переходѣ къ земледѣлію уже успѣла сложиться въ болѣе или менѣе опредѣленные родовые союзы. Индивидъ еще не успѣлъ дифференцироваться, вслѣдствіе чего въ примѣненіи къ земледѣльческимъ работамъ вначалѣ широко дѣйствуетъ коллективный трудъ. Какъ историческія свидѣтельства о германцахъ, кельтахъ и славянахъ, такъ и свѣдѣнія о бытѣ дикарей, говоритъ Ковалевскій, сходятся въ томъ, «что разведеніе стадъ и производство посѣвовъ было занятіемъ, производимымъ сообща болѣе

шими или меньшими группами родственниковъ. При занятіи почвы подъ пастбища и нивы цѣлыми родами и ихъ развѣтвленіями не существовало благоприятныхъ условий для возникновенія частной собственности на землю. «Роды и ихъ подраздѣленія владѣли всею тою земельною площадью, какую они защищали силою оружія». Группа считалась собственницей территоріи. Самое большее, если меньшія агрегаціи или отдѣльные индивиды имѣли право пользованія ею, право владѣнія извѣстнымъ участкомъ, на обработку котораго они положили свой трудъ. Право собственности распространялось только на плоды, на урожай, а не на обработанную землю. Коммунизмъ находитъ себѣ крайне рельефное примѣненіе именно на занятія группой земельныя угодья. Въ то время, какъ на движимость устанавливается уже съ низшихъ ступеней культуры индивидуальная собственность, сначала лишь на предметы, такъ или иначе не нужные для группы, какъ цѣлаго, частная собственность на землю возникаетъ лишь крайне поздно. Это объясняется важнымъ значеніемъ территоріи для существованія группы: она можетъ отдать во временное пользованіе участокъ меньшимъ единицамъ, но никогда не передаетъ на него право собственности, пока живы еще связи, объединяющія группу, сначала родственныя, а потомъ сосѣдскія.

Когда земля занята родомъ, солидарность родичей при переходѣ къ земледѣлію весьма естественно приводитъ къ коллективной обработкѣ земли. Это не болѣе какъ перенесеніе на новую форму хозяйства старыхъ взглядовъ, неизбѣжной солидарности группы въ добываніи себѣ пищи для поддержки своего существованія.

Вслѣдствіе этого, въ земледѣльческомъ быту изслѣдователь часто встрѣчается съ родовыми общинами, не только въ качествѣ территоріальныхъ, но и хозяйственныхъ единицъ. Родъ, являющійся собственникомъ территоріи, культивируетъ совокупными усиліями всѣхъ своихъ членовъ извѣстный участокъ и совместно пользуется плодами своего коллективнаго труда. Родовыя общины должны быть признаны наиболѣе архаичнымъ видомъ земледѣльской общины, и коллективное земледѣліе не только крайне древней формой веденія земледѣльческаго хозяйства, но также явленіемъ весьма широкаго распространенія въ бытѣ некультурныхъ народовъ. Это не значитъ, что такая форма хозяйства была бы обязательна въ исторіи развитія собственности: родовая группа, представляя одновременно и земельную общину, далеко не всегда совместно обрабатываетъ участокъ, какъ будетъ указано дальше. Она является лишь собственницей территоріи, и въ отдѣльныхъ случаяхъ складывается въ единое цѣлое для эксплуатаціи земли.

Такия родовыя общины, гдѣ цѣлый родъ ведетъ совокушными усилиями обработку земли, не раздѣляя ее на участки, до настоящаго еще времени не представляютъ рѣдкости среди некультурныхъ народовъ. Въ прежнее время, судя по свидѣтельствамъ путешественниковъ и на основаніи нѣкоторыхъ фактовъ переживанія, этотъ типъ родового земледѣльческаго хозяйства встрѣчался чаще. До сихъ поръ господство этого порядка вещей можно видѣть у малайцевъ-земледѣльцевъ Индонезіи. Каждый родъ, состоящій изъ совокупности лицъ, ведущихъ свое происхожденіе отъ общихъ предковъ, весьма часто по женской линіи, является собственникомъ определенной родовой территоріи. Родичи живутъ совместно въ общемъ помѣщеніи, выстроенномъ общими трудами, находятся подъ управленіемъ старѣйшины (обыкновенно старшаго родича по женской линіи) и представляютъ самостоятельную, замкнутую общественную и хозяйственную единицу. На родовой территоріи они выбираютъ участокъ земли, который они обрабатываютъ вмѣстѣ, вмѣстѣ же они потребляютъ добытые земледѣлемъ продукты. Въ ихъ средѣ господствуетъ широкая имущественная общность, и индивидуальная собственность находитъ себѣ лишь крайне ограниченное примѣненіе.

Среди разнообразныхъ формъ и видовъ поземельныхъ отношеній Индіи извѣстны общины, состоящія изъ родственниковъ, живущихъ въ нераздѣльности; они обрабатываютъ землю сообща и удовлетворяютъ свои потребности изъ общихъ доходовъ. «При существованіи этой формы землевладѣнія... ни одинъ изъ членовъ рода не можетъ указать на принадлежность ему не только въ собственность, но и въ временное пользованіе той или другой части общинныхъ земель. Продукты общаго хозяйства поступаютъ въ общую казну и идутъ на удовлетвореніе потребностей цѣлой общины». Ирокезы и населеніе ново-мексиканскихъ пуэбло представляютъ не болѣе, какъ аналогичныя родовыя общины, въ которыя сгруппировано большее или меньшее количество родичей, живущихъ общимъ хозяйствомъ и соединенными силами ведущихъ земледѣліе.

При общемъ веденіи хозяйства со стороны родичей въ ихъ средѣ естественно существуетъ, какъ общее правило, совместная обработка земли и примѣненіе взаимопомощи. Когда, подъ вліяніемъ медленнаго распада родовой хозяйственной единицы, земля, оставаясь по прежнему въ собственности у рода, обрабатывается, однако, совокушными силами не всѣхъ сородичей, а членами отдѣльныхъ меньшихъ хозяйственныхъ единицъ, воспоминавіе о прежней солидарности въ хозяйственномъ отношеніи еще долго продолжаетъ

существовать. Она находитъ себѣ выраженіе въ широкой взаимопомощи въ земледѣльческихъ работахъ, далѣе въ соединеніи родственниковъ для производства сообща обработки участка на спеціальныя нужды родовой общины. Такъ, у нѣкоторыхъ африканскихъ народностей поля для содержанія начальника воздѣлываются соединенными силами его подчиненныхъ; такъ, бразильскіе туземцы, какъ было сказано, заготавливаютъ съѣстные припасы, необходимые для похода. Въ древнемъ Перу господствовала родовая община, но обработка земли велась отдѣльными семьями на отведенныхъ имъ въ пользованіе участкахъ. Въ расчетъ принималась большая или меньшая численность семьи. Обычай требовалъ, чтобы родичи помогали тѣмъ, кому вслѣдствіе неблагоприятныхъ условій обработка своего участка была затруднительна. Это требованіе взаимопомощи при земледѣльческихъ работахъ является слѣдствіемъ солидарности родственной группы. Поэтому, въ тѣхъ случаяхъ, когда въ свѣдѣніяхъ о взаимныхъ работахъ членовъ общины не имѣется указаній о составѣ этой послѣдней, можно утверждать, что подобная община или была родовой или во всякомъ случаѣ въ ней еще очень живучи воспоминанія о бывшей нѣкогда коллективной обработкѣ земли членами рода. Тамъ же, гдѣ наблюдается примѣненіе взаимопомощи при раздѣльности участковъ, изслѣдователь вправѣ видѣть, даже тогда, когда селеніе не состоитъ болѣе изъ однихъ родственниковъ, воспоминаніе о бывшей общей солидарности родичей, перешедшей впоследствии на сосѣдскія отношенія, какъ то имѣетъ мѣсто, напримѣръ, въ помочахъ при устройствѣ домовъ.

При коллективной обработкѣ земли всѣми родичами, должны были быть опредѣляемы сроки для сельскихъ работъ. Эта обязательность выходения въ опредѣленный день на работу, какъ было сказано, встрѣчается у краснокожихъ Америки, въ Африкѣ, у малайцевъ. Она является общимъ правиломъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ самого производства работы. При распаденіи родовой хозяйственной общины, при переходѣ на каждую семейную единицу обязанности обрабатывать свой участокъ, требованіе обязательнаго выхода одновременно на работы продолжаетъ сохраняться въ качествѣ переживанія болѣе архаичныхъ отношеній. Община рѣшаетъ, въ какой день слѣдуетъ приступить къ той или иной работѣ, и до наступленія этого срока никто изъ домохозяевъ не имѣетъ права начать жатву, сѣнокосъ или т. п.; община иногда опредѣляетъ даже обязательный для своихъ членовъ сѣвооборотъ. Это, извѣстное подъ нѣмецкимъ названіемъ Flurzwang, воспоминаніе о бывшей нѣкогда совместной обработкѣ родичами земли держится иногда очень долго. Оно извѣстно древне-германскому праву и до

сихъ поръ сохранилось во многихъ мѣстностяхъ, занятыхъ нѣмецкимъ населеніемъ. Въ Меранѣ, напримѣръ, въ періодъ созрѣванія винограда, виноградники считаются заповѣдными. Доступъ въ нихъ воспрещенъ, даже владѣльцамъ. Община назначаетъ день начала сбора, а до наступленія его особо избранное общиной лицо, въ старинномъ костюмѣ, шляпѣ, украшенной павлиньими перьями, лисьими и бѣличьими хвостами, обходитъ виноградники съ крестомъ (отъ вѣдьмъ) и алебардой въ рукахъ. Въ одной изъ провинцій Голландіи (Drente) начало работъ по воздѣлыванью полей, рытью канавъ, постройкѣ мостовъ возвѣщается звукомъ особаго стариннаго рога, ввѣреннаго на годъ выборному изъ крестьянъ. Этотъ послѣдній звукомъ рога опредѣляетъ часъ начала и окончанія дневного труда, длительность послѣобѣденнаго отдыха. Послѣ послѣдняго звука рога жнецы, подъ страхомъ штрафа, не смѣютъ точить косы. Обычай Flurzwang-а имѣетъ мѣсто и на Кавказѣ, напримѣръ, у осетинъ, чеченцевъ и ингушей. У казигумукцевъ, по свидѣтельству А. Т. Васильева, вскорѣ послѣ начала весны, «празднуется первый день общественной запашки. Предварительно въ этотъ день собирается каждый джамать въ домъ какого нибудь жителя, и здѣсь на счетъ прихода рѣжутъ быка и приготавливаютъ известное кушанье. Мулла при этомъ читаетъ молитвы.. . Послѣ общей трапезы одинъ житель запрягаетъ быковъ въ соху и, сопровождаемый громадной толпой народа, идетъ на ближайшее поле и проводитъ по немъ нѣсколько бороздъ. Этимъ и кончается праздникъ». Опредѣленіе сходомъ времени покоса, посѣва и жатвы отмѣчено Добротворскимъ у пермяковъ. Правила, сопряженныя съ Flurzwang-омъ, встрѣчаются и среди крестьянскаго населенія Россіи. Г. Н. Потанинъ отмѣтилъ, напримѣръ, что въ Тотемскомъ у. Вологодской губ. крестьяне торопятся съ уборкой хлѣба, чтобы покончить непременно всѣмъ вмѣстѣ. Послѣ уборки, «изгорода съ согласія міра открывается, и скотъ входитъ въ сжатое поле; для одного залѣнившагося срокъ открытія изгороди не будетъ продленъ.... Нѣтъ преимущества и для великоватажнаго крестьянина; кончивъ свои полосы раньше другихъ, онъ все таки не смѣетъ впусть свой скотъ за изгороду, пока весь міръ не отожнется». Такимъ образомъ, сельская община, даже въ своемъ развитомъ видѣ, сохраняетъ много чертъ изъ отдаленной эпохи, когда селеніе состояло исключительно изъ родственниковъ, производившихъ совмѣстно всѣ работы.

Родовая община, въ мѣстностяхъ, гдѣ она представляетъ хозяйственное цѣлое, постепенно разлагается на свои составныя единицы—семейныя общины. Не входя въ разсмотрѣніе этого процесса и вліянія

его на изменение земельных отношений внутри общины, достаточно будет замѣтить, что община родовая, представляет ли она единое хозяйственное цѣлое или агрегацию отдѣльных хозяйствъ, имѣет тенденцію перейти въ сельскую общину. Съ одной стороны, расселеніе рода въ разныхъ территориальныхъ участкахъ ослабляетъ родственную связь; съ другой, размноженіе населенія приводитъ къ постепенной уtratѣ сознанія единства своего происхожденія, а, слѣдовательно, и той исключительности, которая характеризуетъ родовую группу въ отношеніи къ чужеродцамъ. Единицы сельскія допускаютъ входъ постороннимъ, некровнымъ элементамъ и, объединенныя общностью территоріи и интересовъ, образуютъ въ свою очередь самостоятельныя единицы. Община, каковъ бы ни былъ ея составъ, продолжаетъ быть собственницей земли, своей территоріи, уstrашиваетъ, въ началѣ, по крайней мѣрѣ, свои внутреннія отношенія по образцу тѣхъ, которыя выработались при родовомъ строѣ. Вхожденіе чуждаго элемента естественно можетъ происходить при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Оно можетъ быть мирнымъ и насильственнымъ. Въ Черногоріи и Герцеговинѣ родовыя общины сохранили до послѣдняго времени свою живучесть, племенная земля раздѣлена по родамъ (братствамъ) и только члены рода имѣютъ право на семейный участокъ изъ родовой земли. Между тѣмъ, здѣсь извѣстны случаи переселенія родовъ другихъ племенныхъ единицъ въ территоріи болѣе сильныхъ родовъ, которые и уступаютъ имъ часть своей земли. Аналогичные примѣры можно наблюдать на Кавказѣ и среди финскихъ инородцевъ, гдѣ селенія состоятъ изъ представителей различныхъ родовъ, хотя деревни, населенныя исключительно родственниками, продолжаютъ еще встрѣчаться въ качествѣ болѣе или менѣе рѣдкихъ исключеній.

При военномъ бытѣ земледѣльской народности переходъ родовой общины въ сельскую становится яснѣе; введеніемъ плѣнныхъ, рабовъ и другихъ чужеродныхъ элементовъ родовыя общины кавказскихъ горцевъ давно уже стали переходить въ сельскія. Въ Америкѣ, въ Африкѣ, гдѣ передвиженія народностей не отошли еще въ область прошлаго, гдѣ осѣданіе племенъ совершается и по настоящее время, можно наглядно видѣть разныя стадіи развитія родовой общины въ сельскую. Такъ какъ обыкновенно, при окончательномъ осѣданіи народности, избранныя мѣста оказываются «не пустонорожія, нигдѣмъ не занятыя пространства, а земли, заселенныя дотолѣ инородческимъ населеніемъ, уступившемъ ихъ побѣдителю не добровольно, а по принужденію, то не удивительно, говоритъ Ковалевскій, что осѣдаю-

щему племена приходится инкорпорировать въ себя вполне или отчасти покоренныхъ или туземцевъ. Эти послѣдніе составляютъ на первыхъ порахъ одинъ лишь зависимый отъ побѣдителей классъ рабовъ, съ теченіемъ же времени постепенно добиваются уравненія въ правахъ съ господствующимъ племенемъ. Имѣя на своей сторонѣ нерѣдко численное большинство, пополняемое время отъ времени новыми числомъ военно-плѣнныхъ рабовъ, покоренное племя неоднократно достигаетъ въ концѣ вѣковыхъ усилій пересозданія прежнихъ поземельныхъ отношеній на выгодныхъ для себя условіяхъ..... Вызываемыя (этимъ процессомъ) къ жизни формы поземельнаго владѣнія, отличаясь крайнимъ разнообразіемъ, отвѣчаютъ каждой той или другой стадіи его развитія и, по этой причинѣ, по справедливости, должны быть разсматриваемы, какъ столбовые знаки на пути медленнаго... перехода родовыхъ общинъ одновременно въ сельскіе и семейные союзы, съ большей или меньшей нераздѣльностью принадлежащихъ имъ недвижимыхъ имуществъ». Порядки, регулирующие взаимныя отношенія къ общинѣ, какъ цѣлому, отдельныхъ членовъ ея будутъ изложены ниже. Но, въ какую бы форму ни отливались общинныя организаціи, община всегда является владѣльцемъ недвижимости и замедляетъ переходъ земли въ индивидуальную собственность. Вслѣдствіе этого, даже въ высоко-организованныхъ обществахъ, при общинномъ землевладѣніи нѣтъ почти мѣста частной собственности на недвижимость. Въ то время, какъ частная собственность на движимое имущество успѣла уже достигнуть значительнаго развитія, въ отношеніи къ землѣ продолжаютъ господствовать архаичныя коммунистическія черты.

Являясь собственникомъ земли, община, родовая или сельская безразлично, требуетъ отъ своихъ сочленовъ нѣкоторыхъ определенныхъ работъ, имѣющихъ цѣлю поддержаніе существованія самой общины. Въ зависимости отъ развивающихся условій, отъ экономическаго роста населенія, характеръ этихъ работъ видоизмѣняется. Но лежащій въ основаніи ихъ принципъ, по которому община, какъ субъектъ правъ на землю, предъявляетъ свои требованія на трудъ своихъ членовъ, остается всегда одинъ и тотъ же: въ борьбѣ за свое существованіе, стремясь улучшить свой бытъ, община налагаетъ на своихъ членовъ обязанность коллективнаго труда, съ тѣмъ, чтобы результаты его шли въ общее пользованіе. Исследователь встрѣчается съ обязательными коллективными охотами у дикарей Америки, обязательными сельско-хозяйственными работами на пользу общины въ Малайскомъ архипелагѣ, съ обязательнымъ заготовленіемъ въ прокъ съѣстныхъ продуктовъ на о-вахъ Тихаго Океана. Такъ, Фиджииты

(Finsch). описано заготовленіе въ провъ лепешекъ изъ плодовъ пандануса (*Pandanus odoratissimus*) на Маршалльскихъ о-вахъ. Вся деревня принимаетъ участіе въ работѣ. Общими усилиями выкапывается яма, на днѣ которой раскладывается огонь. Дѣвушки и дѣти въ корзинахъ приносятъ плоды. Мужчины бросаютъ ихъ въ яму, ряды плодовъ перекладывая листьями. Отъ дѣйствія жары, плоды, прикрытые сверху горячимъ пескомъ и раскаленными камнями, становятся мягкими. Изъ нихъ тогда изготовляютъ лепешки, которыя потомъ высушиваютъ на солнцѣ. Работа сопровождается пѣньемъ. Солидарность родственниковъ въ родовыхъ общинахъ и воспоминанія о ней, поддерживаемыя въ жизни общностью интересовъ въ сельскихъ общинахъ, приводятъ къ взаимопомощи членовъ группы въ случаѣ нужды одного изъ нихъ. Этими чертами община выгодно отличается отъ индивидуалистическаго земельного хозяйства.

Въ качествѣ параллели къ изложеннымъ свѣдѣніямъ о взаимопомощи при сельскихъ работахъ и обязательныхъ трудовыхъ кооперацияхъ въ общинахъ малокультурныхъ народностей можно привести нѣсколько аналогичныхъ примѣровъ въ Россіи. Они послужатъ доказательствомъ, что всюду, гдѣ встрѣчаются одни и тѣ же явленія, имѣютъ мѣсто одни и тѣ же послѣдствія, и что устойчивость выработанныхъ въ некультурномъ бытѣ нормъ заставляетъ ихъ переживать тысячелѣтія, несмотря на измѣненія въ культурной обстановкѣ, если онѣ оказываются пригодными для новыхъ условий жизни.

Въ Грузіи, писалъ фонъ-Гакстгаузенъ (v. Naxthausen) въ 50-хъ годахъ XIX-го в., «при хлѣбонашествѣ вездѣ существуютъ старинное право и обычаи, образовавшіеся изъ общественной жизни, какъ, напримѣръ, въ плуги запрягаются отъ 8—10 паръ быковъ, а потому составились отдѣльныя общества: одинъ ставитъ плугъ, другой пару быковъ и пр. Поля всѣхъ дворовъ запахиваются въ опредѣленномъ заранѣе порядкѣ и проч. Вѣтеръ, вода, дичь, луга и лѣса не принадлежатъ никому въ особенности. Это старинное право Грузинскаго народа». Въ Ахалцихскомъ у., сообщаетъ одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей, «средствомъ для обработки земли служатъ суряги», особенно тамъ, гдѣ въ ходу плужное паханіе. «Нормы, выработанныя народомъ для дѣлежа работы между домохозяевами, составившими товарищество для обработки полей, весьма различны. Есть (напримѣръ) деревни, въ которыхъ домохозяева, соединяясь для совместной обработки полей, работаютъ для каждаго изъ членовъ такого союза столько, сколько это для него необходимо, и такимъ путемъ вспахиваютъ всѣмъ участни-

камъ товарищества все то пространство, какое они хотѣли бы за-
сѣять». У большинства кавказскихъ народностей широко примѣняется
институтъ помочей при исполненіи земледѣльческихъ работъ.

У якутовъ, по свидѣтельству Вруцевича, «если какое либо се-
мейство не въ состояніи сжать хлѣбъ или вообще осилить какой либо
работы собственными средствами, то приглашаютъ соседей на по-
мочь». Бѣдняки помочью корчуютъ пни и косятъ сѣно. Богачи часто
злоупотребляютъ этимъ обычаемъ для своей выгоды. День помочей
(кѣмѣ), говоритъ Сорошевскій, «начинается съ восходомъ,
кончается закатомъ солнца. Во время работъ разъ только кормятъ и
разъ пьютъ чаемъ; главное угощеніе происходитъ послѣ окончанія
работы.... Помочи практикуются кромѣ сѣнокоса: для постройки до-
мовъ, борозбы, возки сѣна, вообще всюду, гдѣ полезны и примѣ-
нимы быстрыя, массовыя усилія». У бурятъ въ постройкѣ избы помо-
гаютъ всѣ сосѣди. Если случится комунибудь отстать отъ другихъ
во время сѣнокоса или жатвы, сосѣди также приходятъ ему на помощь.
Помочи съ тѣмъ же характеромъ имѣютъ мѣсто и у земледѣльче-
скихъ финновъ восточной Россіи, напримѣръ, у вотяковъ, зырянъ,
гдѣ онѣ выступаютъ съ одинаковымъ характеромъ—добровольной
работы за угощеніе.

У мордвы издавна существуетъ обычай «звать и ходить на
толку или помочь... Не угощеніе привлекаетъ сосѣдей, а сознаніе
необходимости помочь человѣку, такъ какъ придетъ чередъ и самому
созывать помощь». «Обычай требуетъ, пишетъ Майновъ, чтобы... во
всякое время дня работающіе, подойдя къ тому мѣсту, гдѣ распо-
ложилась хозяйка съ припасами, могли плотно закусить и хорошо
выпить». Хозяинъ не можетъ понуждать къ работѣ; напротивъ, онъ
долженъ обходить помочанъ все время и усленно предлагать имъ
пойти и сѣсть чегонибудь или выпить. Помочи и супраги явленіе
очень частое у разныхъ кавказскихъ народностей. Такъ, у чеченцевъ
«по недостатку быковъ и плуговъ жители уговариваются запахивать воле
сообща, составляя артели изъ нѣсколькихъ хозяевъ, имѣющихъ по
двѣ или по одной скотинѣ. Кому работаютъ, тотъ обязанъ накормить
всѣхъ два раза въ день». О помочахъ имѣется множество свѣ-
дѣній изъ разныхъ мѣстъ, населенныхъ великоруссами.

Изъ многочисленныхъ примѣровъ, сюда относящихся, можно упомя-
нуть хотя бы про обыкновеніе въ Вятской губерніи производить удобре-
ніе полей соединенными силами. «Работа эта называется *назми
вать*.... Передъ начатіемъ ея варятъ обыкновенно пиво и дѣлаютъ
обѣдъ. Въ назначенный день сосѣди съѣзжаются, пируютъ и потомъ

вывозят всё вмѣстѣ навозъ въ поле. Такимъ образомъ они переходятъ одинъ къ другому». Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ сѣнокосы уже подѣлены на отдѣльные участки по семьямъ, остаются части дуга, которыя выкашиваются всей деревней. Въ нѣкоторыхъ уголкахъ Олонецкой губерніи, напримѣръ, по свидѣтельству Г. И. Куликовскаго, «при отсутствіи артельныхъ и общинныхъ сѣнокосовъ имѣются иногда небольшіе, отдѣленные отъ принадлежащихъ деревнѣ сѣнокосовъ, участки, косимые всѣми сообща обыкновенно по праздникамъ; при этомъ или все сѣно, или часть его продается для какой либо надобности», напримѣръ, на содержаніе часовни, часто замѣняющей церковь въ Олонецкой губерніи. Иногда часть дохода отъ такого сѣна идетъ на церковь или другія общественныя нужды, часть на «пропой»; покупается водка, появляется деревенское печенье, пироги и пр.; все это приносится на скошенный дугъ и однообщественники устраиваютъ пиршество. Въ той-же Олонецкой губерніи, гдѣ господствуетъ еще примитивная форма обработки участка подъ пашню путемъ выжиганія лѣса, т. е. лядинное, подсѣчное хозяйство, расчистка лядины иногда совершается коллективной работой всей общины, а въ прежнее время подобные случаи встрѣчались значительно чаще. Супруга, т. е. обычай нѣсколькимъ домохозяйствамъ соединяться вмѣстѣ для производства земледѣльческихъ работъ, на подобіе описаннаго въ Грузіи, часто примѣняется въ Олонецкой губерніи для лядиннаго хозяйства, устройства подсѣкъ для травосѣянія. Она не менѣе, чѣмъ помочи повторяется съ незначительными вариантами во всей Россіи Европейской и Азіатской. Въ послѣдней принципъ взаимопомощи особенно часто находитъ себѣ примѣненіе среди переселенцевъ, что естественно объясняется условіями переселенческаго быта, недостаткомъ орудій, скота и рабочихъ рукъ въ предѣлахъ каждой отдѣльной семьи. Въ запашкѣ часто принимаютъ участіе всѣ жители поселка, причѣмъ одинъ даетъ соху, другой лошадь и т. д.; пахутъ же по очереди, опредѣляемой или соглашеніемъ, или жребіемъ: сначала у одного хозяина, потомъ у другого и т. д., пока всѣ участки не будутъ обработаны.

Въ Малороссіи, пишетъ Чубинскій, въ обычаѣ слѣдующія общинныя работы: 1) такъ называемая *оранка*, когда два или три хозяина скупаются вмѣстѣ и затѣмъ пахутъ то у одного, то у другого. При этомъ у того, у кого больше земли и сѣмянъ, вспахаютъ больше, разумѣется, съ общаго согласія, безъ всякаго вознагражденія; 2) такъ называемая *толока*, которая сзывается при полевыхъ работахъ лѣтомъ, а также и зимою при вывозкѣ сѣна и лѣса. «Иногда нѣсколько хозяевъ

сговариваются и помогают другъ другу; харчи и вино поставляет тотъ, у кого работаютъ. Другого рода толока сзывается болѣе зажиточными людьми, которымъ работаютъ за хорошее угощеніе». Среди южныхъ славянъ, сохранившихъ въ общемъ нѣкоторыя черты древняго быта въ большей неприкосновенности, помочи, соединеніе нѣсколькихъ хозяевъ для взаимной работы по очереди другъ у друга явленіе не рѣдкое. У словинцевъ Краины, напримѣръ, домохозяева по очереди сзываютъ молодежь со всей деревни для обмолачиванья проса. Работа идетъ дружно подъ веселыя пѣсни молотильщиковъ. По народнымъ воззрѣніямъ, нѣкоторыя работы даже необходимо должны исполняться всѣми сельчанами: напримѣръ, сажаніе винограда. Это интересный фактъ переживанія, когда вызванный условіями древняго быта обычай, утративъ логическое основаніе для своего примѣненія, продолжаетъ практиковаться уже изъ суевѣрія.

Общинныя работы въ томъ или въ другомъ видѣ извѣстны были и средневѣковой Франціи; начиная съ Flurzwang-a, этого наиболѣе рельефнаго воспоминанія о существованіи нѣкогда общинно-родового земледѣльческаго хозяйства, и кончая помочами (толоками) и супрягами, общинныя работы были еще вполнѣ жизненнымъ явленіемъ даже и тогда, когда общинное землевладѣніе успѣло уже отойти въ область прошлаго.

Приведенные факты свидѣтельствуютъ о чрезвычайной, почти повсемѣстной распространенности общественныхъ работъ въ земледѣльческомъ хозяйствѣ, начиная съ первобытнаго земледѣлія. Онѣ имѣютъ въ своемъ основаніи, какъ коммунистическія начала, лежащія въ первобытномъ обладаніи землей, такъ и въ тѣсной связи членовъ группы между собой. Прежде обязательная взаимопомощь однообщественниковъ постепенно, съ улучшеніемъ быта, переходитъ въ добровольную; помочь или толоку, на которую во многихъ мѣстахъ и въ настоящее время обязаны выходить всѣ односельчане, постепенно дѣлается добровольной и граничить съ личнымъ наймомъ, гдѣ платой служатъ не деньги, а угощеніе. Съ другой стороны, развитіе эконолическаго благосостоянія позволяетъ отдѣльнымъ лицамъ не прибѣгать къ взаимопомощи; изъ общей, обязательной она дѣлается частной, добровольной и приводитъ къ институту супряги, основанной на договорѣ, къ которому прибѣгаетъ только наименѣе обезпеченная часть населенія общины. Супряга, такимъ образомъ, близко подходитъ къ артелямъ, составляетъ какъ бы переходъ къ формѣ артельного труда въ земледѣліи.

VII. Индивидуальное право владѣнія землей.

Коммунистическія и индивидуалистическія стремленія въ предѣлахъ группы регулируются, какъ было указано, тѣмъ основнымъ принципомъ, что группа предоставляетъ право личной собственности своимъ членамъ лишь постолько, поскольку это не идетъ въ ущербъ ея интересамъ, какъ цѣлаго. Съ постепеннымъ ростомъ культурнаго уровня племени, успѣшность борьбы за существованіе облегчается, и имущественный коммунизмъ постепенно сокращаетъ сферу своего примѣненія. Не допуская права собственности на землю вслѣдствіе важности, которую имѣетъ общее владѣніе территоріей для самого существованія группы, эта послѣдняя все же разрѣшаетъ право индивидуальнаго владѣнія землей, опять таки, если это не затрагиваетъ ея интересовъ. Изъ этого права владѣнія, путемъ крайне медленнаго развитія, возникаетъ постепенно и право собственности на недвижимость. Этотъ процессъ завершается уже на высшихъ ступеняхъ цивилизаціи.

Группа, родовая или общественная—различія въ этихъ случаяхъ нѣтъ никакого — разрѣшаетъ своему члену, или меньшей группѣ, семейной общинѣ, или, наконецъ, кооперации отдѣльныхъ индивидовъ или семейныхъ группъ пользованіе частью обще-групповой территоріи. Но трудъ, вложенный на обработку земли, не опредѣляетъ права собственности на нее. Это лишь молчаливое или гласное разрѣшеніе группы права пользованія; источникомъ собственности трудъ признается только на плоды земледѣлія. Результаты труда приравниваются здѣсь къ движимости, и лицо имѣетъ на нихъ право собственности, въ то время, какъ на землю оно сохраняетъ только право владѣнія. Слѣдующіе примѣры пояснятъ высказанное.

Уильсонъ (Wilson) такъ описываетъ имущественныя отношенія

у населенія Палаузскихъ о-въ (Pelew): жилище, все, что находилось въ немъ, и лодки считались частной собственностью туземца; участокъ земли, пока онъ его занималъ и обрабатывалъ, всецѣло находился въ его распоряженіи, но онъ долженъ былъ возвратить его вождю, если переселялся въ другое мѣсто съ своей семьей. У папуасовъ Новой Каледоніи существуютъ участки земли, обрабатываемые коллективно, урожай съ которыхъ идетъ въ общее пользование; общей собственностью племени считается и вся остальная необработанная территория. Но участки земли, культивированные силами одного лица или семьи, принадлежатъ имъ и могутъ даже передаваться по наслѣдству. Папуасы Новой Гвиней не отличаются въ этомъ отношеніи отъ своихъ соплеменниковъ на Новой Каледоніи. «Поземельная собственность у нихъ не существуетъ, нишетъ одинъ изъ изслѣдователей ихъ быта, всякій по произволу присваиваетъ себѣ полосу земли, и, пока обрабатываетъ ее, признается собственникомъ этой земли». Тожественныя отношенія отмѣчены и въ другихъ мѣстахъ Меланезіи. Право собственности на деревья распространяется лишь на плоды, а не на само дерево, хотя-бы послѣднее было посажено тѣмъ или другимъ лицомъ или семьей. Такъ, на о-вахъ Фиджи, каждый имѣетъ право посадить дерево на любомъ участкѣ земли. Онъ считается собственникомъ плодовъ, и такое дерево даже передается по наслѣдству; но онъ не имѣетъ права пользоваться для своихъ нуждъ самимъ деревомъ. Въ Полинезій имѣютъ мѣсто тѣ же отношенія къ праву на участки земли, какъ у меланезійцевъ. Сбивчивостью нѣкоторыхъ показаній и неосмотрительнымъ иногда употребленіемъ словъ: собственность и владѣніе объясняется нѣкоторая неясность въ свидѣльствахъ изслѣдователей, впрочемъ не оставляющихъ сомнѣнія въ томъ, что рѣчь идетъ лишь о правѣ владѣнія на воздѣланный участокъ.

У маори на Новой Зеландіи процвѣтаетъ съ давнихъ поръ земледѣліе, доведенное, несмотря на первобытныя орудія, до известнаго совершенства. «Горная цѣпь, рѣка, рукавъ моря обозначали вообще границы отдѣльныхъ племенныхъ территорий. Внутри этихъ границъ земля считалась общею собственностью всѣхъ сочленовъ племени, подобно водѣ и воздуху; каждый могъ пользоваться ею, гдѣ хотѣлъ, и только, если семейство или жители деревни обрабатывали или обсаживали известные участки, они получали на таковыя известныя родъ собственности до тѣхъ поръ, пока продолжали обработку». Оставленный безъ культуры участокъ становился снова общей собственностью. Въ другихъ мѣстностяхъ на архипелагахъ Тихаго океана, какъ общее правило, обработка земли

гарантируетъ трудившемуся надъ ней право собственности на плоды. Участокъ земли, который владѣлецъ покидаетъ, становится по общему правилу коллективной собственностью и можетъ быть занятъ другимъ лицомъ. Но трудъ, который вкладывается при первобытномъ земледѣліи на расчистку земли подъ плантаціи или пашни, слишкомъ великъ; группа обыкновенно стремится опредѣлить срокъ, послѣ котораго прежній владѣлецъ участка теряетъ свои права на него, если онъ пересталъ заниматься его воздѣлываніемъ. Правила общаго по этому вопросу не выработано въ первобытномъ правѣ. На Новой Зеландіи, напримѣръ, владѣлецъ сохраняетъ право на участокъ въ теченіе пяти—шести лѣтъ, если онъ оставляетъ его безъ обработки, но съ цѣлью дать отдохнуть истощенной землѣ. На Филиппинскихъ островахъ, по свидѣтельству Ягора (Jagor), земля отдается безвозмездно всякому, желающему ее обработать; право пользованія ею переходитъ по наследству къ его дѣтямъ, но оно утрачивается, если участокъ не будетъ культивироваться въ продолженіи двухъ лѣтъ. Въ Малаккѣ, гдѣ каждый имѣетъ право занимать подъ обработку участокъ земли, право владѣнія продолжается до тѣхъ поръ, пока замѣтны слѣды воздѣлыванія почвы. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Явы расчищавшій участокъ пусто-порожней земли сохраняетъ пользование имъ только въ теченіе трехъ лѣтъ, послѣ чего участокъ включается уже въ составъ общественныхъ земель; въ другихъ мѣстностяхъ Явы этотъ срокъ опредѣляется пятью годами и пр. Источникъ этихъ ограниченій частнаго владѣнія обработаннымъ кускомъ земли будетъ указанъ ниже. Въ общемъ, однако, слѣдуетъ признать, что, при существованіи или отсутствіи совокупнаго общиннаго воздѣлыванья земледѣльческихъ участковъ, всюду безразлично члену группы не препятствуется собственными силами расчистить площадь подъ обработку и пользоваться урожаемъ въ теченіе болѣе или менѣе длительного срока. Земельныя отношенія малайцевъ представляютъ съ этой точки зрѣнія большой интересъ для изслѣдователя первобытнаго права собственности и владѣнія на землю. Въ общемъ оно сводится къ слѣдующему. «Пользованіе землею, пишетъ Лавеле (Laveleye), вообще уступается общинѣ, а въ частныхъ случаяхъ тому, кто привелъ землю въ цѣнное состояніе,—уступается до тѣхъ поръ, пока онъ самъ и его потомки удовлетворяютъ условіямъ, опредѣленнымъ... обычаемъ. Если владѣлецъ перестаетъ ихъ выполнять, то право пользованія возвращается къ общинѣ.... Если земля расчищалась и воздѣлывалась общими соединенными усиліями, то она по принципу считается общею принадлежностью.... Если яванецъ желаетъ увеличить свое благосостояніе или свои доходы, то можетъ это дѣлать,

снять вторую жатву, культура которой бывает вполне свободною и личною». Община родовая требует, таким образом, от своих членов совместнаго труда для воздѣлыванья общаго поля, урожай съ котораго идетъ въ коллективное пользованіе: урожай обезпечиваетъ существованіе группы, и послѣдняя уже не препятствуетъ своимъ членамъ въ одиночку трудиться для себя на общественной землѣ, потому что нужды группы, какъ цѣлаго, уже удовлетворены. Одновременно съ общинной обработкой земли существуетъ и частная; въ провинціяхъ Херибонъ и Тагалъ «расчищенные земли принадлежатъ тому, кто ихъ привелъ въ культурное состояніе, и переходятъ по наслѣдству до тѣхъ поръ, пока продолжаютъ воздѣлываться». Въ другихъ мѣстахъ Явы (напримѣръ, въ провинціяхъ Бантамъ, Кравангъ и др.) воздѣланные личными усилиями поля считаются въ пользованіи расчистившихъ, причѣмъ это право пользованія граничить почти съ правомъ собственности; подобные участки «можно продавать, завѣщать, закладывать, превращать въ наслѣдственные имѣнія». Въ этихъ случаяхъ можно бы было признать уже право собственности на землю, если бы надъ семьей, владеющей участкомъ, не стоялъ общинно-родовой союзъ, въ предѣлахъ котораго только и могутъ быть совершены указанныя сдѣлки: собственникомъ земли признается родъ-община; допуская свободное распоряженіе участкомъ внутри группы, онъ не позволяетъ его отчуждать чужеродцамъ.

Въ различныхъ мѣстахъ Африки нормы первобытнаго права въ этомъ вопросѣ представляютъ полную аналогію съ вышеизложеннымъ. Такъ, напримѣръ, у южно-африканскихъ народностей банту каждая семья имѣетъ право пользоваться воздѣланнымъ ею полемъ, пока она остается на мѣстѣ; въ случаѣ перекочевки лица или семья теряетъ право на бывший участокъ и не можетъ передать его другому. Въ частности у амаксосовъ, у которыхъ земля признается общимъ владѣніемъ, участокъ, отмежеванный вождемъ отдѣльной семьѣ, остается за ней, даже если семья на время покинетъ свое мѣстожительство. Вернувшись, она можетъ заявить на него свои претензіи, однако, согласно признанію трудового начала, если въ ея отсутствіи на данной площади кто нибудь поднялъ цѣлину, т. е. потратилъ на расчистку значительный трудъ, кусокъ поднятой земли выключается изъ даннаго владѣнія. Семейный участокъ можетъ иногда переходить по наслѣдству, но отчуждать его отдѣльные семьи не могутъ. На побережьѣ Сиерра Леоне, у негровъ кру, существуетъ общинное землевладѣніе; но площадь, расчищенная и обработанная той или другой семьей, принадлежитъ этой послѣдней и ея потомкамъ, пока они продолжаютъ обра-

батывать свой участок; передать его другимъ лицамъ они не имѣютъ права. У евеанъ на Невольничьемъ берегу, по свидѣтельству Эллиса (Ellis), частной собственности на землю не существуетъ. Однако, участокъ, воздѣлываемый отдѣльной семьей, не можетъ быть отнять у нея. Право собственности на него остается въ рукахъ данной семьи, пока она не прекратитъ обработку. Передать же его или продать въ другія руки она не можетъ.

Наконецъ, въ Америкѣ, съ господствомъ общинной обработки земли и полного коммунизма на продукты питания, совершенно свободно уживается индивидуальное пользованіе лицомъ или семьей обработаннымъ участкомъ. Такъ, напримѣръ, у ирокезовъ, несмотря на отмѣченное выше торжество коммунистическихъ началъ, на жизнь въ «длинныхъ домахъ» родовыми хозяйственными союзами, на практиковавшуюся общественную обработку земли, лицо или семья, воздѣлывавшая кусокъ земли, по свидѣтельству нѣсколькихъ изслѣдователей: Моргана, Скулькрафта (Schoolcraft) и др., имѣли право исключительнаго владѣнія на него, до тѣхъ поръ, пока они продолжали его культивировать. Аналогичныя постановленія извѣстны другимъ краснокожимъ племенамъ Сѣверной и туземцамъ Южной Америки. Они встрѣчаются одинаково, какъ у племенъ, живущихъ въ коммунистическомъ хозяйствѣ въ пуэбло Новой Мексики, такъ и у туземцевъ на Ориноко и въ Бразиліи.

Приведенные факты вполне оправдываютъ общее заключеніе Поста (Post), что отдѣльный членъ рода на низкихъ ступеняхъ культуры или общины не имѣетъ права собственности на землю. «За нимъ признается право фактическаго владѣнія извѣстнымъ участкомъ, поскольку онъ воздѣлывалъ его, и до тѣхъ поръ, пока онъ продолжаетъ обработку». Разъ онъ прекращаетъ культуру занятой площади, земля снова дѣлается родовой или общественной собственностью. Въ этомъ отношеніи къ праву пользования землей лежитъ, по вѣрному замѣчанію нѣмецкаго ученаго, исходная точка появленія частной собственности на землю. Общая норма первобытнаго права заключается въ слѣдующемъ: 1) кто обрабатываетъ участокъ земли, тотъ и владѣетъ имъ; 2) каждый, кто перестаетъ воздѣлывать свою землю, теряетъ на нее право владѣнія. Но родъ или община считаются всегда собственниками занятыхъ отдѣльными членами участковъ, которые въ случаѣ нужды могутъ быть отняты у занявшихъ ихъ лицъ. Очень часто существуетъ возрѣніе, что участки отдѣльныхъ семей или лицъ не могутъ быть отчуждаемы, иногда даже не могутъ быть отдаваемы въ залогъ. На многихъ островахъ Тихаго

океана, напримѣръ, на о-вахъ Ару, Кисаръ, Кей и др., продавать землю запрещено. Та же норма бытуетъ на Золотомъ и Невольничьемъ берегу. Она же имѣла мѣсто у майя въ древней Мексикѣ и въ другихъ мѣстностяхъ. Роль рода, какъ собственника земли, выступаетъ наглядно въ правилѣ, широко распространенномъ у многихъ народностей, согласно которому чужеродецъ не можетъ явиться покупателемъ обработаннаго членомъ рода участка. Оно примѣняется до настоящаго времени въ Черногоріи и Герцеговинѣ, гдѣ каждый родъ (братство) имѣетъ свою родовую землю, раздѣленную на участки по числу входящихъ въ составъ его семейныхъ общинъ. Если отчужденный участокъ не можетъ быть купленъ кѣмъ нибудь изъ членовъ того же родового союза, право покупки переходитъ къ членамъ другихъ родственныхъ братствъ, составляющихъ племя. То же право первой покупки (*jus praeeptionis*) извѣстно, напримѣръ, и на Кавказѣ. Съ переходомъ родовой общины въ сельскую изъ права родичей оно переходитъ въ право сосѣдей. У тамуловъ Цейлона право первой покупки земельного участка принадлежитъ наслѣдникамъ продающаго и ближайшимъ его сосѣдямъ; въ Бирманѣ—членамъ семейной общины (*Familiengenossen*) и затѣмъ сосѣдямъ.

При такихъ условіяхъ во время господства родовыхъ или общинныхъ отношеній не можетъ возникнуть права индивидуальной собственности на землю. Положеніе, согласно которому личный земледѣльческій трудъ является источникомъ частной собственности на землю, мнѣніе, что заимка, подъ какимъ бы именемъ она ни встрѣчалась, римская ли *occipatio*, германскій ли *bifang*, есть древнѣйшій объектъ частной недвижимой собственности, должно быть, по справедливому замѣчанію Ковалева, признано ошибочнымъ. Заимка всегда происходитъ на родовой или общинной землѣ; слѣдовательно, для этого требуется прежде всего согласіе группы. «Это не первичная форма землевладѣнія, говоритъ М. М. Ковалевскій, а производная, и что такое различіе не чисто теоретическое, а связанное съ весьма существенными практическими результатами, ясно слѣдуетъ изъ того, что разъ нѣтъ согласія міра (группы), согласія, хотя бы не явно выраженнаго, а молчаливаго, проявляющагося въ отсутствіи протеста съ его стороны, право собственности отнюдь не пріобрѣтается заимщикомъ». Группа часто оспариваетъ, если она находитъ заимки для себя невыгодными, право на нихъ, отнимаетъ у занявшихъ участки на общую пользу или облагаетъ ихъ налогами. Именно тѣмъ, что трудъ, вложенный въ землю, не даетъ трудившемуся права собственности, а лишь право владѣнія, объясняется установленіе сроковъ, послѣ котораго

земля становится снова общим достояніемъ. Такъ пяти—шестилѣтній срокъ въ Новой Зеландіи достаточенъ для отдыха земли, послѣ чего необработка ея считается за молчаливое нежеланіе владѣльца участкомъ продолжать его культуру; трехъ — пятилѣтній срокъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на о. Явѣ, по мнѣнію населенія, вполне можетъ окупить затраченный на обработку трудъ; по истеченіи его владѣлецъ, если даже онъ желаетъ продолжать ее, вынужденъ отдать свой участокъ общинѣ.

Большая или меньшая интенсивность хозяйства, количество свободныхъ, ненужныхъ группъ земель опредѣлить и большую или меньшую легкость, съ которой группа разрѣшаетъ свободу займокъ. Гдѣ земледѣліе еще не развито, гдѣ цѣльной, ненужной группѣ земли много, тамъ въ отношеніи къ праву займокъ имѣетъ мѣсто и наибольшая терпимость группы. Но гдѣ, при общемъ родовомъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, каждый расчищенный участокъ представляетъ цѣнность для родовой хозяйственной группы, тамъ она стремится ограничить это право. Этимъ объясняется вышеприведенное у малайцевъ установленіе срока пользованія обработанной площадью земли, послѣ чего она обязательно переходитъ въ собственность группы. Эта же причина приводитъ къ тому, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Явы замѣчается интересный процессъ постепеннаго поглощенія родовой общиной индивидуальнаго владѣнія воздѣланной земли. По мѣрѣ развитія земледѣлія родова община стремится отнять у своихъ членовъ культивированные послѣдними участки; такъ, хотя въ нѣкоторыхъ провинціяхъ (Херибонъ и Тагалъ) «расчищенные земли (sawahs jassas) принадлежатъ тому, кто ихъ привелъ въ культурное состояніе», и могутъ даже передаваться по наследству, общая собственность, тѣмъ не менѣе, поглощаетъ индивидуальное владѣніе. Въ округѣ Тагалъ на 8,884 общинныхъ участковъ только 43 или 0,5 % находятся въ индивидуальномъ обладаніи. Наоборотъ, гдѣ земледѣліе еще не интенсивно, и гдѣ земли удобной для культуры много, существуетъ свобода займокъ. У іорубанъ Невольничьяго берега, благодаря большому количеству свободныхъ земель, сообщаетъ Эллисъ, каждому отдѣльному лицу дозволяется занять подъ обработку сколько угодно земли. Участокъ поступаетъ вновь въ общую собственность, когда снова заростетъ кустарникомъ и лѣсомъ. У бразильскихъ дикарей, при полномъ господствѣ коммунистическихъ началъ, воздѣланный участокъ земли считается, однако, въ постоянномъ владѣніи лица или семьи, потратившей трудъ на обработку.

Съ такимъ же характеромъ дозволенной родами или общиной

займки выступаетъ право земельного владѣнія у русскихъ инородцевъ. Свобода займокъ на родовой землѣ существуетъ, напримѣръ, у киргизовъ въ мѣстностяхъ, гдѣ они переходятъ къ земледѣлію. Обладая обширными пастбищами, необходимыми при кочевомъ хозяйствѣ, киргизы не препятствуютъ отдѣльнымъ семьямъ переходить къ земледѣлію, тѣмъ болѣе, что къ нему обращаются только бѣдняки, потерявшіе свой скотъ вслѣдствіе суровой зимы или эпидеміи. Становясь земледѣльцами, они лишь уступаютъ свои мѣста кочевки другимъ сородичамъ. Земледѣльческіе-же участки настолько невелики, что не могутъ стѣснить остающихся въ скотоводческомъ хозяйствѣ сородичей. Свобода займокъ подь хлѣбопашество существуетъ также у якутовъ, начавшихъ лишь въ сравнительно недавнее время переходить отъ скотоводства къ земледѣлію. Группа, обладающая обширной территоріей, разрѣшаетъ непрерывное владѣніе участкомъ, воздѣланнымъ трудами семьи или нѣсколькихъ семействъ, потому что она не заинтересована въ обработанныхъ площадяхъ. Но у тѣхъ народностей, гдѣ земледѣліе и приготовленіе сѣнокосныхъ участковъ сдѣлало значительные шаги впередъ, какъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ у бурятъ, родъ считаетъ себя вправѣ въ интересахъ цѣлаго взять въ свою пользу воздѣланный частнымъ лицомъ кусокъ земли. Это имѣетъ мѣсто, если родичъ по бѣдности или нерадѣнію не можетъ пользоваться занятой имъ площадью. «Ежели кто пустолежащее мѣсто, гласитъ норма обычнаго права селенгинскихъ бурятъ, собственными трудами обработаетъ для хлѣбопашества и сѣнокоса и потомъ, по нерадѣнію своему или по пришествіи въ бѣдность, городьбу свою разломаетъ, а по оставленіи оной, кто нибудь изъ постороннихъ вознамѣрится оное мѣсто огородить, и между тѣмъ, выйдеть ссора, то дать время прежнему хозяину на три года, и если за симъ его силъ не достанетъ, донеся о семъ родовому начальнику, дабы не могла та земля оставаться бесполезною тому, кто имѣетъ нужду въ сѣнокошеніи, позволяется огородить и онымъ мѣстомъ пользоваться, но за очищеніе камня и прочаго прежняго владѣльца по возможности тѣмъ либо наградить». Здѣсь родъ предъявляетъ ясно свои права собственности на расчищенную родичемъ землю и, отнимая ее для общей пользы, признаетъ положенный на расчистку трудъ источникомъ права на вознагражденіе. Расчистившій участокъ родичъ получаетъ нѣкоторое вознагражденіе, которое новый владѣлецъ долженъ былъ-бы внести, если бы онъ наемнымъ трудомъ или помощью расчищалъ самъ данный участокъ. Свобода займокъ существовала и существуетъ отчасти и понынѣ среди финскихъ народностей, занимающихся земле-

дѣлемъ. Правомъ пользованія расчищенной займой и переселеніемъ семьи на обрабатываемый участокъ слѣдуетъ объяснить часто отмѣчаемую изслѣдователями немногочисленность дворовъ въ финскихъ деревняхъ, состоящихъ подчасъ изъ двухъ трехъ, часто родственныхъ другъ другу семействъ, равно и разбросанность у восточныхъ финновъ представителей различныхъ родовъ по разнымъ деревнямъ. Это, очевидно, слѣды бывшего нѣкогда расселенія отдѣльныхъ семействъ одного и того-же рода по разнымъ участкамъ общей родовой или племенной территории въ цѣляхъ эксплуатаціи отдѣльныхъ участковъ.

На Кавказѣ, при существованіи общиннаго устройства въ прежнее время, право займокъ было совершенно свободно. Прежніе изслѣдователи отмѣчаютъ, напримѣръ, что черкесы никогда не называютъ своимъ большій участокъ земли, чѣмъ тотъ, который они могутъ обработать подъ пашню или плантацію, и который съ этой цѣлью окружается изгородью. Каждый черкесь, если онъ найдетъ еще не огороженное поле, можетъ свободно эксплуатировать его, причемъ требуется для права владѣнія огородить занятый участокъ. Земля считается общей собственностью; право-же устраивать займку— право преходящее, которое продолжается до тѣхъ поръ, пока участокъ продолжаетъ воздѣлываться и быть огороженнымъ. Занятіе займокъ, въ настоящее время стѣсненное, встрѣчается и теперъ. Но что на Кавказѣ займка не даетъ право собственности на занятый участокъ, а лишь право владѣнія подъ условіемъ разрѣшенія общины, доказывается тѣмъ, что послѣдняя можетъ отнять участокъ у занявшаго. Среди осетинъ, напримѣръ, «если согласіе (общины) не было дано, и хуторъ основанъ произвольно на аульной землѣ, общество верѣдко въ полномъ составѣ приступаетъ къ раззоренію возведенныхъ уже построекъ и къ захвату всей собственности займщика, какъ лица, незаконно присвоившаго себѣ чужое». М. М. Ковалевскій приводитъ слѣдующій примѣръ, имѣвшій мѣсто въ 1876 г. «Въ Мохческомъ приходѣ нѣкто по имени Елканъ Тевитовъ изъ села Камать позволилъ себѣ вырубить часть общественнаго лѣса и выстроить хуторъ въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ, какъ видно изъ документовъ, раньше этого не было постоянныхъ усадебъ. Послѣдствіемъ такого поступка съ его стороны было то, что значительное число жителей аула, дѣйствуя отъ имени всего общества, отправились на занятый имъ участокъ, раззорило до основанія сдѣланныя имъ постройки и присвоило себѣ вырубленные имъ деревья. Основаніемъ къ такому поступку участвовавшія въ немъ лица приводятъ то соображеніе, что лѣсъ былъ общественный, и что Тевитову не было

дано согласія на запашку». Какъ у чеченцевъ и ингушей, такъ и у осетинъ рядомъ съ хлѣбопашествомъ видная роль въ хозяйственномъ бытѣ выпадаетъ и скотоводству. Въ то время, какъ каждая семья имѣетъ обыкновенно принадлежащее ей одной поле, которое она и воздѣлываетъ, пастбища находятся въ общемъ владѣніи всѣхъ однообщественниковъ. Община дорожитъ пастбищными участками, такъ какъ они представляютъ необходимое условіе для благосостоянія группы, и не разрѣшаетъ ихъ заимку подъ пахотныя земли. Вслѣдствіе этого, осетинъ, напримѣръ, не можетъ въ настоящее время другимъ путемъ увеличить въ нѣкоторыхъ, преимущественно горныхъ мѣстностяхъ, площадь своего поля иначе, какъ купивъ у общины извѣстный участокъ. Это общее правило, являющееся въ настоящее время единственнымъ способомъ пріобрѣтенія земли, опять-таки объясняется «только господствомъ такого воззрѣнія на заимку, какъ на дѣйствіе, каждый разъ разрѣшаемое предварительно родами и общинами, только признаніемъ за послѣдними титула собственности на всю способную къ утилизаци, но не утилизируемую ими землю». Осетины «нерѣдко соглашаются въ гористыхъ мѣстностяхъ на плату за участокъ способной къ обработкѣ земли такого количества быковъ и коровъ, сколько можетъ помѣститься на отчуждаемомъ полѣ». До послѣдняго времени мѣновой единицей осетинъ былъ рогатый скотъ, и всѣ сдѣлки: покупка, плата за коровъ, штрафы, калымъ и приданое высчитывались на количество рогатаго скота; только съ развитіемъ русскаго владычества эта система стала постепенно замѣняться счетомъ на деньги. «Если-бы въ Осетіи, замѣчаетъ по поводу заимочнаго права у осетинъ Ковалевскій, было извѣстно право заимки всей не состоящей въ эксплуатаціи земли, если бы пригодные къ хлѣбопашеству пастбищныя участки могли быть заняты каждымъ нуждающимся въ нихъ пахаремъ, то явленія «покупки земли у общины» были-бы немислимы. Между тѣмъ, на каждомъ шагѣ мы встрѣчаемъ факты выселенія цѣлыхъ семействъ изъ далеко не густо заселенныхъ ущелій, въ виду невозможности получить нужное для пропитанія количество злаковъ. Ореографическія условія, продолжаетъ Ковалевскій, затрудняя доставку хлѣба со стороны, побуждаютъ къ занятію хлѣбопашествомъ, хотя-бы въ убытокъ, а господство родовой и общинной собственности на участки, которые въ западно-европейскихъ представленіяхъ отвѣчали-бы понятію пустопорожнихъ, не допускаетъ утилизаціи и половины тѣхъ земель, которыя съ успѣхомъ могли бы быть обращены подъ посѣвы. При такихъ условіяхъ, очевидно, нѣтъ другого исхода, кромѣ выселенія. Этой потребности значительно удовлетворило основа-

ніе новыхъ ауловъ русскимъ правительствомъ въ плоскостной части сѣвернаго Кавказа». Живущіе въ значительной степени въ скотоводческомъ, хотя и осѣдломъ бытѣ, осетины не допускаютъ развитія земледѣлія. Заимочное право у нихъ крайне ограничено. Это прежде всего объясняется условіями хозяйства, требующаго для содержанія скота обширныхъ пространствъ, а съ другой недостаткомъ, среди часто крайне безплодныхъ горъ, нужнаго количества излишнихъ удобообработываемыхъ угодій. Совершенно тѣ-же отношенія можно отмѣтить и въ другихъ мѣстностяхъ Кавказа, въ частности среди чеченцевъ и ингушей.

Среди русскаго населенія во многихъ мѣстахъ еще заимочная форма землевладѣнія встрѣчается наряду съ общинной. Заимка выступаетъ съ тѣмъ-же характеромъ дозволеннаго общиной владѣнія участкомъ, какъ и всюду у другихъ народовъ. Она не даетъ, какъ и у послѣднихъ, права собственности на землю, хотя мѣстами выѣшнее сходство заимочнаго права владѣнія и права собственности весьма значительно. На право заимокъ изслѣдователь наталкивается у русскаго населенія всюду, гдѣ, при господствѣ общины, земли находятся еще въ изобиліи. Иногда оно примѣняется не только къ пахотнымъ землямъ, но и къ другимъ видамъ эксплуатаціи, напримѣръ, къ пасѣлкамъ. Такъ, захватно-заимочное владѣніе сохранилось до сихъ поръ въ чистомъ видѣ въ Томской губерніи, равно и во многихъ другихъ мѣстахъ Сибири и Европейской Россіи, по отношенію къ этимъ послѣднимъ. Занятіе мѣстъ подъ пасѣнки предоставляется свободному выбору отдѣльныхъ общинниковъ; вновь устраиваемая пасѣнка не должна быть только расположена слишкомъ близко къ уже существующимъ. «Разъ устроенная пасѣнка передается по наслѣдству, продается и т. п.—словомъ является въ полной мѣрѣ предметомъ гражданскаго оборота». Признавая въ большей или меньшей степени заимочное право, община всегда обращаетъ вниманіе на вложенный въ обработку земли трудъ. Этотъ послѣдній является, наряду съ другими, основаніемъ признанія за лицомъ или семьей права владѣнія заимочнымъ участкомъ. Такъ, напримѣръ, на сѣверѣ, гдѣ держится подсѣчное хозяйство, расчищенная однообщественникомъ земля «не должна поступить въ общинный передѣлъ, прежде чѣмъ по приблизительному разсчету не окупитъ владѣльцу потраченный на нее трудъ». «Въ Сибири, Томской губерніи. . . земля, по словамъ А. Я. Ефименко, оставленная для отдыха, хотя-бы на ней не было посѣва болѣе десяти лѣтъ, считается все-таки состоящей во владѣніи того, кто ее расчистилъ, пахалъ и засѣвалъ прежде, въ томъ предполо-

женіи, что» для первоначальнаго приготовленія ея подъ хлѣбопашество онъ долженъ былъ употребить не малые труды. «За самовольную распашку такой земли виновный обязывается уплатить хозяину цѣнность найма такого-же количества земли, какое онъ самовольно распахалъ».

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ восточной Сибири заимочное земледѣльческое хозяйство даже поглощаетъ почти общинное землевладѣніе. «На нижнемъ теченіи Амура мало удобныхъ мѣстъ для земледѣлія, пишетъ, напримѣръ, г. Крюковъ (Тр. Хабар. Съѣзда), приходится землю расчищать изъ подъ лѣса, что требуетъ большого труда. Тамъ съ появленіемъ первыхъ переселенцевъ, установился такой порядокъ: земля, расчищенная изъ подъ лѣса, считается собственностью того, кто ее расчистилъ, а луга и выгоны находятся въ общемъ пользованіи. . . . Въ Амурской и Приморской областяхъ общинной собственности на практикѣ еще нѣтъ, потому что всѣ пользуются только землею, ими разработанною. Община выражается у насъ общежитіемъ съ отбываніемъ лишь нѣкоторыхъ земскихъ повинностей». Слова г. Крюкова о несуществованіи на практикѣ общинной собственности слѣдуетъ понимать съ большой осторожностью: при общинномъ владѣніи всей землей, общинномъ пользованіи лугами и выгонами не можетъ быть рѣчи объ отсутствіи общинной собственности. Но заимочная форма владѣнія пахотными участками при отсутствіи передѣловъ пахотной земли, является господствующей. Она настолько противорѣчитъ способамъ землепользованія въ центрѣ Европейской Россіи, что невольно привела изслѣдователя къ нѣкоторому преувеличенію. Амурская и Приморская области не составляютъ исключенія; отношенія, только что описанныя, можно встрѣтить болѣе или менѣе ясно выраженными и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Сибири. Обширному изслѣдованію, произведенному Департаментомъ Общихъ Дѣлъ Министерства Государственныхъ Имуществъ въ разныхъ частяхъ Сибири по вопросамъ о крестьянскомъ землепользованіи, мы обязаны крайне цѣнными и детальными свѣдѣніями, дающими возможность освѣтить многіе вопросы, касающіеся нормъ первобытнаго права на землю, въ частности и вопросъ о заимочно-захватномъ землепользованіи. Въ виду интереса относящихся сюда данныхъ можно остановиться на нихъ нѣсколько подробнѣе. «Заимочно-захватная, иначе просто заимочная форма владѣнія находится въ тѣсной связи съ прежнимъ порядкомъ первоначальнаго заселенія края, случаи котораго, и до сихъ поръ еще частые въ восточной Сибири, изрѣдка наблюдаются и въ западно-сибирскихъ губерніяхъ, въ прежнее-же время составляли общее правило. Благодаря массѣ свободныхъ земель, каждый пришлецъ выбиралъ себѣ наиболѣе

удобное, на его взгляд, мѣсто и «занималъ» его—дѣлалъ изъ него свою «заимку»: онъ строилъ себѣ домъ и другія постройки, огораживалъ вокругъ нихъ выпускъ и расчищалъ себѣ подъ пашню и покосъ такое количество земли, на какое у него «хватило силы». То-же происходило, если облюбованный уголокъ занимала не одна семья, а цѣлая группа семей—тоже происходило и по мѣрѣ разростанія уже образовавшихся поселеній: чѣмъ болѣе растетъ поселеніе, тѣмъ болѣе большой районъ захватывается въ сферу крестьянскаго землепользованія, при этомъ небогатые двory стараются захватить землю поближе къ усадьбамъ, хотя-бы эта земля была и менѣе хороша по почвеннымъ условіямъ и болѣе истощена; зажиточные хозяева, въ погонѣ за самою свѣжей землей, захватываютъ землю на болѣе удаленныхъ отъ селенія урочищахъ; чтобы избѣжать ежедневныхъ переѣздовъ, на такихъ дальнихъ заимкахъ ставятъ шалашы или избышки, гдѣ часть семьи проводитъ время полевыхъ работъ; избышка постепенно обращается въ домъ, обстраивается амбарами, окружается поскотиной—и семья частью своихъ членовъ, а затѣмъ и въ полномъ составѣ переходитъ на заимку на постоянное жительство. Заимка, такимъ образомъ, становится обособленнымъ хуторомъ, изъ котораго нерѣдко, путемъ естественнаго прироста, образуется самостоятельное поселеніе. . . . Основаніе заимочнаго права (лежитъ) въ принципахъ захвата, труда и давности, проявленія его—въ правахъ владѣнія, пользованія и распоряженія. Заимщикъ первый нашелъ данное удобное для культуры мѣсто—а потому именно онъ, а не кто-нибудь другой, имѣетъ на него права хозяина. . . . Но главную роль играетъ не это начало, а начало трудовое: культурныя площади въ огромномъ большинствѣ случаевъ были не свободнымъ даромъ природы, а результатомъ затраченнаго на расчистку болѣе или менѣе значительнаго труда, который могъ вознаградиться только при болѣе или менѣе долговременномъ пользованіи; заимочное право, обезпечивавшее такое пользованіе, являлось поэтому необходимымъ условіемъ возможности расчистокъ, а, слѣдовательно, и прогресса сельско-хозяйственной культуры. Второстепенное значеніе имѣетъ, наконецъ, право давности, основанное съ точки зрѣнія крестьянина, съ одной стороны, на томъ соображеніи, что давность безспорнаго владѣнія доказываетъ согласіе общества на такое владѣніе, а съ другой—что безспорность владѣнія само по себѣ доказываетъ его справедливость. Сходное съ правомъ собственности по своимъ основаніямъ, заимочное право сходно съ нимъ и по своимъ проявленіямъ—по объему тѣхъ полномочій, которыя оно даетъ заимщику: заимщикъ—фактически полновластный хозяинъ земли, онъ не до-

пускаетъ никого пахать или косить входящую въ составъ его заимки землю, хотя-бы самъ въ данное время ее и не эксплуатировалъ, для защиты своего права исключительнаго владѣнія землей онъ не останавливается передъ насиліемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ опираться и на авторитетъ волостного суда; неограниченное право *пользованія* землей ясно само собой: заимщикъ можетъ любую часть своей земли засеять хлѣбами, обратить подъ покосъ или выгонъ, загородить, застроить, заросить лѣсомъ. . . . Наконецъ, въ смыслѣ *распоряженія* заимщикъ можетъ свободно продавать свою землю и сдавать ее въ аренду, можетъ дарить ее и передавать по завѣщанію; при отсутствіи послѣдняго заимка переходитъ къ наследникамъ согласно правиламъ мѣстнаго обычнаго права. Заимочное владѣніе (въ Сибири) очевидно представляетъ весьма много сходства съ правомъ собственности на землю. Но это сходство—чисто наружное, по существу-же заимочное право, какъ констатируетъ изслѣдованіе, представляетъ весьма существенныя отличія отъ права собственности: съ одной стороны, община вполне сознаетъ, что она есть верховный распорядитель и распредѣлитель земли; всякій заимочникъ твердо знаетъ, что онъ сидитъ на «общественной землѣ», и что «общество» лишь до тѣхъ поръ не стѣсняетъ его неограниченной свободой захвата, пока не имѣетъ надобности вмѣшиваться въ распредѣленіе земли между домохозяевами. Съ другой стороны . . . болѣе или менѣе значительная часть угодій всегда остается внѣ заимокъ и стоитъ въ нераздѣльномъ общемъ пользованіи всѣхъ общинниковъ: таковы, прежде всего, общинные лѣса», покотина общинная, дальніе выгоны и, наконецъ, не требующіе предварительной расчистки покосы.

«Пользованіе ими не связано съ предварительной затратой труда и по отношеніи къ нимъ заимочное владѣніе, поэтому, лишается своей главной опоры . . . Такимъ образомъ, лѣса (какъ для порубокъ, такъ и въ смыслѣ права на расчистки), покотины и неогороженные выгоны, наконецъ, естественные, чистые, покосы—все это состоитъ въ общемъ пользованіи всѣхъ членовъ общины даже тамъ, гдѣ заимочное владѣніе существуетъ еще во всей своей неприкосновенности. . . . Заимочная форма владѣнія, такимъ образомъ, не представляется отрицаніемъ общиннаго начала: община—несомнѣнный собственникъ какъ «вольныхъ» земель, такъ и земель, входящихъ въ составъ заимокъ; община только предоставляетъ своимъ членамъ неограниченную свободу «занимать» землю, влагать въ нее свой трудъ и тѣмъ самымъ присваивать ее въ свое исключительное пользованіе; она допускаетъ такое свободное завладѣніе съ одной стороны потому, что оно является необходимымъ въ видахъ расширенія культурной площади, съ другой потому,

что земли для всѣхъ хватаетъ и, слѣдовательно, неограниченный захватъ каждаго отдѣльнаго общинника никому не вредитъ и свободно мирится съ такимъ-же захватомъ каждаго другого: присущее каждому общиннику право на равномѣрное пользованіе землею не встрѣчаетъ въ этихъ захватахъ препятствія къ своему осуществленію—оно осуществляется, поскольку то позволяетъ экономическая сила каждаго отдѣльнаго домохозяина». Стѣсненія права захвата появляются въ Сибири, какъ и всюду, лишь съ постепеннымъ сокращеніемъ пахотныхъ угодій.

Всѣ приведенные факты позволяютъ выставить слѣдующія общія положенія: 1) Община родовая или сельская считаетъ себя собственникомъ захваченной ею тѣмъ или другимъ путемъ территоріи. 2) Въ предѣлахъ этой территоріи она разрѣшаетъ отдѣльнымъ лицамъ или хозяйствамъ право индивидуальнаго владѣнія на отдѣльные участки, если на приведеніе ихъ въ культурное состояніе затраченъ былъ извѣстный трудъ. 3) Право заимокъ распространяется только на угодья ненужныя общинѣ какъ цѣлому; тѣмъ больше имѣется въ рукахъ общины земли, годной для культуры, тѣмъ шире и свободнѣе право заимокъ, и наоборотъ. 4) Право заимокъ приводитъ только къ праву владѣнія, болѣе или менѣе долговременному и обеспеченному гласнымъ или молчаливымъ согласіемъ собственника земли, т. е. родовой или сельской общины. Такъ какъ одинъ трудъ обезпечиваетъ за лицомъ или семьей право владѣнія на участокъ, право заимокъ не распространяется на угодья, заимка которыхъ и эксплуатація не требуетъ труда по приведенію участка въ культурное состояніе. Поэтому всюду, при самомъ широкомъ примѣненіи заимочнаго права, лѣса, покосы и пастбища продолжаютъ находиться въ общемъ пользованіи, и на нихъ право индивидуальнаго владѣнія распространяется лишь крайне поздно.

Этимъ объясняется, что рѣшительно всюду, гдѣ жива память объ общинномъ бытѣ, а тѣмъ болѣе, гдѣ онъ господствуетъ еще какъ вполнѣ жизненное явленіе, на сѣверѣ Россіи, въ Сибири, на Дону, на Кавказѣ, въ частности въ Осетіи, только близлежащая къ усадьбамъ земля способна служить пашней или сѣнокосомъ, составлять объектъ двороваго или частнаго наследственнаго владѣнія. Лѣсъ, достѣвляющій матеріаль для топлива и степь, служащая для выгона скота, остаются въ нераздѣльномъ владѣніи жителей одного или даже нѣсколькихъ селеній. Тамъ, гдѣ еще ясно сохранились воспоминанія о родовомъ бытѣ, эти угодья находятся въ общей собственности всѣхъ членовъ рода или всѣхъ членовъ селеній, живущихъ на родовой

землѣ. Этими-же коммунистическими взглядами на уголья, которыя не могутъ находиться въ индивидуальномъ обладаніи, если на нихъ не затраченъ трудъ, объясняется общій взглядъ, что рыбныя мѣста, лѣса и пр. не принадлежать никому и могутъ быть только общимъ достояніемъ. Съ этимъ воззрѣніемъ изслѣдователь встрѣчается одинаково какъ у дикарей разныхъ материковъ, такъ и у большинства русскихъ инородцевъ. Оно мѣстами еще бытуетъ до настоящаго времени среди великоруссовъ и малоруссовъ, которые во многихъ мѣстностяхъ считаютъ землю, никѣмъ не занятую, «Божіей землей». «Всякій нуждающійся въ ней, пишетъ Е. И. Якушкинъ, можетъ ее занять, такъ какъ Богъ создалъ землю на пользу человѣка.... Пользованіе чужимъ лѣсомъ не считается поэтому крестьянами ни преступленіемъ, ни грѣхомъ, такъ какъ не люди, а Богъ выростилъ лѣсъ и выростилъ его для общей пользы, а не для пользы того или другого человѣка». «Осенью и весною, почти каждую ночь вы можете встрѣтить по дорогамъ, идущимъ въ лѣсъ, пишетъ одинъ наблюдатель изъ Кіевской губерніи, цѣлые обозы съ хворостомъ, колыями. Спросите, откуда везутъ, и вамъ скажутъ, улыбаясь: съ батьковщины. Подъ батьковщиной надо разумѣть казенные лѣса. Это не считается преступленіемъ, потому что, по мнѣнію крестьянина, «кто рубить лѣсъ, никѣмъ не посѣянный, тотъ пользуется даромъ Божіемъ»; онъ обижается, когда, пойманный при своевольной порубкѣ, его называютъ воромъ». Вслѣдствіе этого взгляда на трудъ какъ на источникъ индивидуальнаго права владѣнія и пользованія земельными угольями и прочею недвижимостью, появляется общая норма обычнаго права многихъ мѣстностей Велико-и Малоруссіи, по которому бортяное дерево, напримѣръ, признается неприкосновеннымъ, потому что на него положенъ трудъ, а рубка чужого лѣса, въ особенности владѣльческаго и казеннаго, не считается воровствомъ, но обыкновенно лишь тогда, когда на устройство и храненіе его не употреблено труда. «Лѣса-же, которые подчищаются владѣльцемъ и охраняются живущими въ лѣсныхъ хуторахъ бѣдными семействами, получающими содержаніе отъ владѣльцевъ, пишетъ Чубинскій, болѣе уважаются, потому что право на нихъ освящается трудомъ и издержками». Искусственно разведенные лѣса признаются въ неотъемлемомъ владѣніи лицъ, посадившихъ ихъ.

VIII. Победа индивидуального начала въ землевладѣніи.

Право владѣнія и пользованія, разрѣшаемое общиной отдѣльнымъ лицамъ и меньшимъ подгруппамъ, имѣетъ иногда, при широкомъ примѣненіи права заимокъ, полное внѣшнее сходство съ правомъ собственности на обработанный кусокъ земли. Такой участокъ не только можетъ быть отчуждаемъ владельцемъ и переходить по наследству изъ поколѣнія въ поколѣніе, но и нарушать неприкосновенность владѣнія имъ не позволено никому изъ однообщественниковъ. Это послѣднее возможно только для собственника земли — общины, сохраняющей за собой верховныя права на всю принадлежащую ей землю. Отсюда понятно, что если община развивается, если расширяются и осложняются ея нужды, она стремится ограничить право заимокъ: иногда она доводитъ его до *pinimus'a*, иногда совершенно лишаетъ его своихъ членовъ. Если же община, родовая или сельская, распадается, если постепенно ослабляются связи, соединяющія однообщественниковъ въ группы, происходитъ обратный процессъ: право владѣнія приведенной въ культурное состояніе площади, въ силу давности и вслѣдствіе паденія авторитета общины, переходитъ въ право собственности на нее. Необходимымъ условіемъ для такого перехода оказывается освобожденіе меньшихъ хозяйственныхъ единицъ: семейныхъ общинъ, индивидуальныхъ семей отъ общины, какъ группового цѣлага. Каковы бы ни были причины, приводящія въ разныхъ мѣстностяхъ къ разложенію общины, это послѣднее необходимо для появленія признаннаго права собственности на землю.

Если оставить случаи насильственного уничтоженія общинныхъ порядковъ, сопровождаемые обыкновенно болѣе или менѣе сильными

видоизмѣненіями въ жизни народности, напримѣръ, завоеваніе чужеземцевъ, и имѣть въ виду только нормальный, мирный упадокъ общины, едва ли ошибочно будетъ признать, что главной причиной такого упадка является развитіе индивидуализма меньшихъ группъ, составляющихъ общину. Это постепенное вытѣсненіе на второй планъ индивидуальнымъ эгоизмомъ эгоизма группового возможно только съ развитіемъ безопасности, съ улучшеніемъ эконоическаго быта, съ облегченіемъ для меньшихъ группъ борьбы за существованіе собственными силами, выѣ общей группы, наконецъ, съ ослабленіемъ религиозныхъ узъ, соединяющихъ группу въ одно цѣлое. Этотъ процессъ происходитъ естественно крайне медленно; для полного завершенія его требуется много времени и много условій. Но тамъ, гдѣ онъ началъ совершаться, онъ регулируется одними и тѣми же основными принципами, не представляя капитальныхъ отличій, гдѣ бы его ни наблюдали. Участки, необходимые для существованія меньшихъ подгруппъ, все болѣе сосредоточиваются въ рукахъ ихъ, все болѣе освобождаются отъ господства общины, пока послѣдняя не потеряетъ окончательно сначала права распоряженія, а впослѣдствіи и права собственности на семейные участки. Этотъ процессъ удобно поддается наблюденію среди родовыхъ общинъ. Ковалевскій очень мѣтко характеризуетъ его слѣдующими словами: «По мѣрѣ удаленія отъ времени первоначальнаго поселенія родовъ въ предѣлахъ... территоріи, сознаніе кровнаго родства между отдѣльными вѣтвями рода необходимо должно ослабѣвать. Съ постепеннымъ упадкомъ этого сознанія обнаруживается съ одной стороны въ каждомъ изъ родовыхъ подраздѣленій желаніе устроить свои имущественныя отношенія такимъ образомъ, чтобы онѣ стояли выѣ сферы участія и вмѣшательства болѣе или менѣе чуждыхъ ему остальныхъ подраздѣленій рода, а съ другой необходимо усиливается стремленіе къ индивидуализации имущественныхъ отношеній въ предѣлахъ каждаго поселка. Результатомъ перваго... (изъ этихъ) движеній является постепенное выдѣленіе изъ земель цѣлаго ряда особыхъ пространствъ, общее владѣніе которыми ограничено лишь членами того или другаго изъ его подраздѣленій, другими словами, большихъ нераздѣльныхъ семей». Это общее положеніе удобнѣе всего выяснитъ нѣкоторыми конкретными примѣрами.

Въ Индіи происходитъ постепенное разложеніе общины. То же самое отмѣчено и среди кабилловъ. На сѣверѣ Россіи общинно-долевое владѣніе одно время перешло въ индивидуальное. Сходство въ процессѣ распаденія общины въ трехъ не стоящихъ другъ съ другомъ ни въ какой связи областяхъ послужить доказательствомъ, что под-

тачивают общину индивидуалистическія стремленія, независимо отъ того, какова природа и составъ общины.

Въ Индіи въ настоящее время можно встрѣтить различныя формы землевладѣнія. «Мы находимъ тамъ, писалъ Ковалевскій, и патриархальную семью съ нераздѣльнымъ владѣніемъ и совмѣстной эксплуатаціей и сальскую соседскую общину съ пожизненными неравными надѣлами и общину съ періодическими передѣлами». На ряду съ частно-владѣльческими деревнями, въ которыхъ отдѣльныя семьи имѣютъ опредѣленные участки, а не доли въ общемъ землевладѣніи, существуютъ во многихъ мѣстностяхъ, особенно въ Пенджабѣ, общинно-владѣльческія деревни. Жители ихъ объединены круговой порукой въ платѣ поземельнаго налога, владѣютъ участками земли, составляющими лишь долю коллективной земельной собственности. Существуетъ также нѣсколько типовъ общинныхъ деревень въ Индіи. Одинъ изъ нихъ—это деревня, представляющая собою «расчлененіе цѣлаго клана (рода) или племени». «Обширное пространство земли, описываетъ такія поселенія одинъ изъ изслѣдователей поземельныхъ отношеній въ Индіи, покрыто сплошь земледѣльческими коллективно-владѣющими группами одного и того же племени, руководимыми одними и тѣми же обычаями». Въ общинной индійской деревнѣ жители несутъ «коллективную отвѣтственность въ платежѣ поземельнаго налога». Они владѣютъ сообща усадьбой, землемъ, колодцами, пастбищами и еще не разверстанными пустошами. Земля дробится на участки, а при возрастаніи членовъ общины, пустошныя земли дѣлятся въ точномъ соотвѣтствіи съ размѣрами старыхъ обработанныхъ участковъ, находящихся въ частномъ владѣніи». «Каждый изъ участковъ состоитъ изъ извѣстнаго числа единицъ, которыя хотя и называются *била*, но представляютъ собою не установленную мѣру земельной площади, а искусственную единицу... Цѣль уравниенія платежей, падающихъ на земли, достигается тѣмъ, что *била* плохой земли дѣлаютъ вдвое и втрое большихъ размѣровъ, чѣмъ *била* хорошей». Сознаніе родственной связи, благодаря общему происхожденію, очень сильно между членами такой деревни. Оно поддерживаетъ чувство единства и выражается въ правѣ первой покупки земли среди членовъ своего племени.

Участки отдѣльныхъ семействъ нельзя считать ни пожизненными, ни наследственными, такъ какъ община считаетъ себя вправе вмѣшиваться въ право владѣнія отдѣльныхъ семей. Но обыкновенно въ случаѣ необходимости нуждающимся членамъ общины прирѣзывается надѣлъ изъ пустошей, принадлежащихъ общинѣ. «Этимъ путемъ

индивидуальные надѣлы, говоритъ Ковалевскій, *de facto* становятся пожизненными и даже наследственными». Постепенно возникает неравномерность участковъ отдѣльныхъ семей. Тамъ, гдѣ общинныя связи еще крѣпки, происходитъ передѣлъ, и община можетъ развиваться, переходя изъ родовой въ сельскую. Время отъ времени община заставляетъ однообщественниковъ мѣняться участками и усадьбами; этотъ обмѣнъ совершается или периодически, каждыя шесть-семь лѣтъ, или по мѣрѣ нарастанія нуждъ. Элементъ общины, наименѣе обезпеченный, является поборникомъ такихъ передѣловъ. Но, естественно, онъ находитъ себѣ сопротивленіе въ болѣе обезпеченныхъ членахъ общины, которые вслѣдствіе ли численнаго состава своихъ семействъ, вслѣдствіе ли другихъ условий, захватили подъ обработку обширныя и часто лучшія участки земли. Борьба изъ за передѣловъ не является особенностью индійской общины; она встрѣчается почти всюду при общинномъ владѣніи землей. Существованіе общины стоитъ въ этотъ періодъ своего развитія въ зависимости отъ того, какая партія изъ двухъ противоположныхъ одержитъ верхъ. Если передѣлы установятся, община оказывается жизнеспособной; въ противоположномъ случаѣ возникаютъ всѣ элементы для господства частной собственности на землю. Въ Индіи встрѣчается и то, и другое рѣшеніе вопроса. Въ общемъ, однако, замѣчается стремленіе къ переходу земли въ собственность отдѣльныхъ семействъ. Такъ, между нѣкоторыми селеніями «существовалъ еще недавно обычай періодическаго обмѣна землями и жилищами: обыкновенно каждыя пять или семь лѣтъ». Но онъ сталъ выходить изъ употребленія, начиная съ 1847 года. Въ послѣднее время онъ примѣняется все рѣже. «Обмѣнъ полей между отдѣльными родственными другъ другу селеніями началъ встрѣчать нѣрѣдко сильную оппозицію со стороны заинтересованныхъ лицъ; временныя владѣльцы вышнихъ по плодородію земель нѣрѣдко стали отказывать въ уступкѣ ихъ сосѣдямъ худшихъ; всюду, гдѣ сила и вліяніе были на ихъ сторонѣ, обмѣнъ земель между селеніями совершенно прекратился». «Причину, по которой общинныя владѣльцы рано или поздно отказываются отъ обмѣна усадьбами въ предѣлахъ одного и того же селенія, также уяснить не трудно, говоритъ Ковалевскій. Опытъ показываетъ, что принужденные покинуть прежнія мѣста жительства поселане обыкновенно сносятъ предварительно свои усадьбы, оставляя на мѣстѣ прежняго поселенія пустое, никѣмъ не-застроенное пространство, и тѣмъ самымъ наглядно протестуютъ противъ предписываемой обычаемъ обязанности предоставлять дру-

гимъ результаты своего труда». Передѣлы пахотной земли еще продолжаютъ встрѣчаться, но по тѣмъ же причинамъ, какъ и при обмѣнѣ усадьбами въ общемъ сказывается желаніе оставлять обработанные участки въ собственность отдѣльныхъ семействъ. «Такимъ образомъ, въ процессѣ своего распаденія сельская община въ Индіи доходитъ до той стадіи развитія . . . при которой пахотная и нерѣдко сѣвкозная земля находится въ безповоротной собственности отдѣльныхъ членовъ, и одни лишь такъ называемыя угоды продолжаютъ оставаться общиннымъ достояніемъ всѣхъ и каждаго изъ владѣльцевъ». Это та стадія упадка общинныхъ отношеній, которая господствовала въ средневековой Германіи, Англіи и Франціи; она въ настоящее время встрѣчается еще, какъ явленіе живое, въ Швейцаріи и среди горцевъ Кавказа.

Въ стрѣхъ кабилловъ, подробно изученномъ Летурне (Letourneux) и Гашото (Gassot), замѣтенъ сильный конфликтъ принциповъ коллективизма и индивидуализма. Родовыя отношенія, съ одной стороны, все еще въ силѣ. Они сказываются ясно въ правѣ всей общины наследовать имущество умершаго члена, въ правѣ первой покупки, въ круговой поруцѣ, въ очень сильной солидарности родичей. Они обязаны помогать другъ другу въ земледѣльческихъ работахъ, при возведеніи построекъ и т. п. Оставившій раненаго сородича на полѣ битвы подвергается общему презрѣнію, денежной пени и изгнанію. На чужбинѣ кабиллы обязаны, подъ страхомъ штрафа, оказывать вселескую помощь своему соплеменнику. Несмотря, однако, на такую крѣпость родовыхъ устоевъ, владѣніе землей отдѣльными семейными общинами вполне установлено. Поднявшему необработанный участокъ или «оживившій» заброшенный община отдаетъ его во владѣніе. Но участокъ, переданный во владѣніе отдѣльной семейной общинѣ, которая, въ свою очередь, составляетъ крѣпкое солидарностью своихъ членовъ цѣлое, строго разграничено отъ земельныхъ владѣній другихъ большихъ семей. Поля огорожены, и каждый можетъ заставить сосѣда отгородиться отъ своихъ собственныхъ владѣній. Семейная община у кабилловъ выступаетъ съ необыкновенно ярко выраженными чертами. Это большая семья, состоящая изъ отца, матери, сыновей и ихъ женъ, внуговъ, тетокъ и племянниковъ и т. п. Семейное имущество нераздѣльно; имъ распоряжается глава семьи. Женскія работы распределяетъ старшая въ семьѣ женщина. Семья женить на своемъ средстве взрослого члена, и въ ея пользу поступаетъ плата за отдаваемыхъ въ замужество дѣвушекъ.

Кабильская семейная община представляетъ, такимъ образомъ, типичный примѣръ такъ называемой большой семьи. Внутренніе рас-

порядки ея ничѣмъ не отличаются отъ таковыхъ же въ аналогичныхъ семьяхъ, которая можно детально изучать какъ въ средѣ русскихъ ииородцевъ, такъ и въ славянской задругѣ и въ великорусской большой семьѣ. Экономическій строй у кабиловъ также подавляетъ личность, которая должна нести свой трудъ всецѣло на пользу и преуспѣяніе своей родственно - хозяйственной группы. Частная собственность отдѣльныхъ членовъ признается только на нѣкоторые предметы (одежда для мужчинъ, свадебныя одѣянія и украшения для женщинъ). Въ отношеніи недвижимости все, полученное кѣмъ либо въ силу завѣщанія, считается его частной собственностью, но право пользованья имъ принадлежитъ всей семьѣ. Связанные единствомъ интересовъ и узами крови члены семейныхъ общинъ представляютъ сильное цѣлое, хозяйственную единицу съ широкимъ господствомъ во взаимныхъ отношеніяхъ началъ общности имущества. Они успѣли уже отдѣлиться въ экономическомъ отношеніи отъ своихъ сородичей, образовать отдѣльный отъ нихъ хозяйственный союзъ. Обрабатываемая ими земля составляетъ полную и неотъемлемую собственность семьи, въ распоряженіе которой родъ вмѣшиваться не имѣетъ права. Ослабленіе родовой связи привело здѣсь къ индивидуализации въ предѣлахъ семейныхъ общинъ недвижимой собственности, на которую имѣетъ право не всякій членъ рода, а лишь тотъ, кто по происхожденію принадлежитъ къ составу семейной общины. Эта норма находить себѣ ясное выраженіе въ правѣ членовъ семьи требовать себѣ выдѣла и въ правѣ на известную долю недвижимой собственности при раздѣлахъ. Примѣръ кабиловъ представляетъ особенный интересъ: онъ доказываетъ, что при полномъ господствѣ родовыхъ отношеній индивидуализація земельной собственности можетъ уже завершиться.

Совершенно тоже явленіе можно видѣть въ южно-славянскихъ родовыхъ единицахъ. Родъ-братство раздѣлялъ земельные пахотные участки между дворовыми семейными общинами, известными подъ общимъ именемъ задругъ. Задруга въ своемъ чистомъ видѣ представляетъ основанную на патриархальныхъ началахъ семейную общину, семейно - хозяйственную единицу. При всей силѣ родовыхъ отношеній, при солидарности членовъ братства, населяющихъ обыкновенно одну или нѣсколько деревень, пахотные и нѣкоторые другіе участки перешли уже почти въ полную собственность отдѣльныхъ задругъ и не стоятъ ни въ какой связи съ родовыми землями. Единственнымъ ограниченіемъ права собственности задруги на землю и усадьбу является запрещеніе отчуждать ихъ въ руки чужеродцевъ;

это право первой покупки сородичей на участок земли, пожалуй, единственная черта, не позволяющая признать за правомъ задругъ или кабилскихъ семейныхъ общинъ на землю полного титула собственности. Но разъ входятъ въ составъ группы чуждые элементы, и родовая связь ослабляется, разъ сожитіе родственныхъ другъ другу семействъ на общей территоріи замѣняется сожительствомъ чужеродцевъ, право первой покупки родичей падаетъ само собой, и семейная община прерываетъ послѣднее ограниченіе своего права собственности. Этотъ процессъ завершился въ южно-славянскихъ задругахъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ родовыя отношенія уже успѣли почти окончательно пасть, гдѣ прежній родъ уступилъ мѣсто семейной общинѣ — задругъ, которая и является субъектомъ правъ на недвижимость.

Если ослабленіе родовыхъ отношеній приводитъ къ возникновенію права собственности семейныхъ общинъ на недвижимость, естественно, что индивидуальное право собственности на землю отдѣльныхъ членовъ семьи является неизбежнымъ слѣдствіемъ распада семейныхъ общинъ. При совершающемся при этомъ дѣленіи земли каждый членъ общины выступаетъ уже собственникомъ полученнаго имъ при раздѣлѣ части обще-семейной земли. Тѣ же индивидуалистическія стремленія, возможность жить самостоятельно, внѣ зависимости отъ группы, которая заставила семейныя общины выдѣлиться отъ родовой группы въ самостоятельныя единицы, побуждаютъ и отдѣльныхъ членовъ семейной общины отдѣлиться отъ послѣдней. Индивидуальная собственность на землю выступаетъ при этихъ условіяхъ совершенно ясно и бесспорно. Такъ, въ Малороссіи, благодаря ряду условій, общинное землевладѣніе уступило мѣсто подворному, и субъектомъ правъ на извѣстный участокъ земли является семейная единица. Распаденіе семейныхъ общинъ на индивидуальныя семьи приводитъ, при отсутствіи общинныхъ порядковъ, къ тому, что каждый членъ семьи при раздѣлѣ дѣлается собственникомъ полученнаго имъ участка изъ общей семейной территоріи, будь она наследственная, такъ называемая дѣдина, или благопріобрѣтенная на деньги членовъ семьи.

А. Я. Ефименко, въ своей въ высшей степени интересной статьѣ «Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ Сѣверѣ», обрисовываетъ на основаніи древнихъ памятниковъ Двинскаго края историческій ходъ процесса индивидуализаціи земли, происходившій на крайнемъ сѣверѣ Россіи. Небезъинтересно будетъ изложить главные выводы талантливой изслѣдовательницы русской народной жизни, тѣмъ болѣе важные, что въ настоящее время на сѣверѣ господствуетъ широкое

примѣненіе общинныхъ началъ. Но крестьянская община въ Архангельской губерніи возникла сравнительно поздно. Заслуженъ А. Я. Ефименко является то, что она первая доказала это, пользуясь для своей цѣли обильнымъ матеріаломъ, извлеченнымъ изъ документовъ прошлыхъ вѣвовъ. «Надо замѣтить, пишетъ А. Я. Ефименко, что сѣверъ издавна обращалъ на себя особенное вниманіе всѣхъ, интересующихся народомъ вообще, общиной въ частности На сѣверѣ община— преобладающая форма земельнаго владѣнія въ такой степени, что въ предѣлахъ Архангельской губерніи, можно сказать, нѣтъ личной земельной собственности; на сѣверѣ почти не было крѣпостнаго права . . . , на сѣверѣ, слѣдовательно, самостоятельное крестьянство могло сохранить въ наибольшей чистотѣ исконныя формы своего быта». Было принято указывать, что сѣверъ «одинъ только сохранилъ въ неприкосновенности первобытную общинную организацію», съ такими чертами, которыя свидѣтельствовали «о первобытности, о незапятнанности, съ какою она донесла свою архаическую чистоту до нашихъ дней».

Работы, посвященныя общинному владѣнію на сѣверѣ Россіи, представляли большой интересъ для изученія общинныхъ формъ среди населенія, гдѣ многоземелье, условія хозяйства и пр. привели къ выработкѣ своеобразныхъ правилъ, могущихъ освѣтить развитіе общины. Но взглядъ на первобытность этихъ формъ на сѣверѣ Россіи, на историческій ростъ ихъ съ древности основанъ на недоразумѣніи. Работа А. Я. Ефименко «показываетъ, что сѣверная община даже въ тотъ относительно короткій промежутокъ времени, который захватываетъ достовѣрная исторія (т. е. приблизительно съ XIV-го в.), пережила нѣсколько фазисовъ».

Авторъ извѣстнаго труда «Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи», П. А. Соколовскій, дѣлаетъ существенную ошибку при рѣшеніи вопроса о заселеніи нашего сѣвера. Онъ предполагаетъ, что славяно-русское населеніе, еще полное воспоминаній о родовомъ бытѣ, захватывало обширные участки въ общее владѣніе, и что отсюда возникали постепенно нормы общежитія, регулирующія взаимоотношенія членовъ этихъ общинныхъ единицъ другъ къ другу и сосѣднихъ другъ другу территоріальныхъ общинныхъ единицъ. Между тѣмъ, когда русскіе въ своемъ колонизаціонномъ движеніи направились на крайній сѣверъ, родовой строй уже отжилъ. Заселеніе сѣвера шло инымъ путемъ, чѣмъ это имѣло мѣсто у массы некультурныхъ народностей современности: малайцевъ, краснокожихъ и т. д. и у цивилизованныхъ народностей въ отдаленную эпоху, напримѣръ, у герман-

цевъ, когда болѣе или менѣе обширная группа родственныхъ другъ другу лицъ, родъ захватывалъ себѣ землю. Этотъ процессъ, доказанный для Германіи впервые Мауреромъ (Maurer), можетъ быть распространёнъ на цѣлую массу народностей. Быть можетъ, эти же путёмъ захватывали себѣ земли и древніе русскіе славяне, образуя на занятыхъ территорияхъ родовыя общины. Но на сѣверѣ русскіе приняли уже въ то время, когда семейная община, большая семья, какъ слѣдствіе разложенія родового быта, дифференцировалась уже въ самостоятельное хозяйственное цѣлое. Вопросъ, какия группы захватывали себѣ земли на сѣверѣ, является тѣмъ болѣе существеннымъ, что отъ того или иного рѣшенія его зависитъ и правильный взглядъ на ходъ развитія земельныхъ отношеній. А. Я. Ефименко, пользуясь обширнымъ архивнымъ матеріаломъ, доказываетъ, что деревня или село на сѣверѣ Россіи была «основной соціальной кѣлочкой». «Въ двинскихъ актахъ новгородскаго періода, относящихся до земли, совсѣмъ не встрѣчается слова «деревня». Оно векуду замѣняется словомъ село. Съ водвореніемъ московскаго владычества водворяется въ языкъ актовъ «деревня», совершенно вытѣсняя собою новгородское «село».... Село или деревня, если судить на основаніи актовъ, «есть какая то законченная, довлѣющая самое себѣ земельная единица: во главѣ ея стоитъ дворъ, въ которому тяготеютъ пахотныя и луговые земли, лѣсныя, водяныя и прочія угодья». Чѣмъ опредѣляется, спрашиваетъ Ефименко, объёмъ этой единицы, что составляло силу, сплачивающую ея составныя части окола центра—двора? Документы даютъ на это совершенно опредѣленный отвѣтъ. «А ловица и пожни и страдомыя земли и лѣсъ, а то къ тымъ селамъ по старинѣ, изъ котороу села которыи мѣста дѣлали». «Изъ которыхъ мѣсть куда топоръ, коса и соха ходила», «куда рука ходила», а може «что къ той деревнѣ изстари потягло»—вотъ единственный опредѣлитель района тяготѣнія того или другого села, или деревни. «Село или деревня, продолжаетъ Ефименко, что для сѣвера едино, есть обособленная земельная единица, въ центрѣ которой стоитъ дворъ или небольшая сумма дворовъ..., къ которымъ тяготеетъ извѣстная совокупность земельныхъ угодій, притянутая къ этому центру трудовымъ захватомъ». Само собой разумѣется, что деревня, представляя изъ себя самостоятельное цѣлое, не стояла изолированно. Между соседними деревнями могъ возникать цѣлый рядъ разнообразнѣйшихъ отношеній; но это нисколько не видоизмѣняло характерной черты деревни, какъ основной кѣточки землевладѣнія на сѣверѣ. Деревня весьма часто состояла изъ одного двора, слѣдовательно, изъ одной семьи.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ число дворовъ въ деревняхъ было настолько незначительно, что въ среднемъ въ погостѣ изъ 140 деревень получилось на деревню 1,2 двора. Такія деревни были населены, какъ это явствуетъ изъ документовъ, группой родственниковъ, образующихъ семейную общину.

Такова ячейка, изъ которой развивалось поземельное владѣнiе на сѣверѣ. Семейная община захватывала извѣстный участокъ земли. Она селилась на земль и образовывала деревню, состоящую прежде всего изъ одного двора, вѣнчая модъ послѣднимъ хозяйственное цѣлое. Жили ли родственники въ одномъ помѣщенiи или въ нѣсколькихъ, они представляли при общемъ хозяйствѣ одинъ дворъ.

«Пока деревня равна двору, чтобы ни представлять собою этотъ дворъ, все таки не можетъ быть рѣчи ни о какой сложной поземельной деревенской организаціи. Такая возможность наступаетъ только съ момента раздробленiя первоначальнаго двора, т. е. большой семьи, пещища». Слѣдуетъ имѣть въ виду, что «пашня деревни была разбита на смѣны, а смѣны на поля или коны». При такихъ условiяхъ, когда большая семья дѣлилась, «каждый участникъ дѣлежа имѣлъ право на участіе въ каждомъ изъ сортовъ угодiй», принадлежавшихъ пещищу, «на свой «повытокъ» въ каждомъ полѣ каждой смѣны». «Не смотря на то, что при дѣлежѣ земли, какъ видно изъ документовъ, участокъ наждаго опредѣлялся реально: полоса тамъ то, полцо тамъ то,—доля наждаго не теряла своего первоначальнаго идеальнаго характера, характера права на такую часть цѣлаго. Дѣлежъ не разбивалъ цѣлаго безповоротнo. Каждый соучастникъ дѣлежа могъ найти, что реальный участокъ, доставшійся ему, не соответствуетъ его праву, его идеальной долѣ и могъ требовать передѣла, уравниванiя». Родственники почти никогда не дѣлились окончательно: какая нибудь собственность или изъ движимаго имущества, ладья, цинные котлы, промысловыя орудiя и пр., еще чаще недвижимостъ—гумна, овины, особенно рыбныя тони и земельныя угодья, оставались нераздѣленными. Такимъ образомъ, деревня постепенно превращалась изъ большого, единаго, хозяйственнаго цѣлаго въ совокупность меньшихъ самостоятельныхъ родственныхъ другъ другу хозяйствъ; эти послѣднія имѣли нѣкоторое имущество въ общей собственности въ то время, какъ другая часть его была раздѣлена между хозяйствами, но, такъ сказать, идеально, такъ какъ выдѣленный при раздѣлѣ участокъ не былъ неизмѣннымъ владѣнiемъ получившаго.

Каждый могъ свободно продать, заложить, отдать въ приданое и пр. доставшійся ему въ удѣлъ участокъ. Онъ могъ продать его цѣ-

ликомъ или только часть его. «Владѣя реально своею долей, каждый членъ разложившагося печища не переставалъ быть идеальнымъ представителемъ известной доли когда то общаго цѣлаго». Поэтому, «отчуждая, онъ отчуждалъ не только свою землю — землю, находящуюся въ его владѣніи, но и свое право на эту идеальную долю». Случаи продажи земли были крайне часты. Они допускали въ составъ деревни чуждые, неродственные элементы. «Такимъ образомъ, изъ кровнаго деревенскаго союза, возникшаго на развалинахъ печища, очень энергично, сколько можно судить по количеству актовъ, извлекались его кровные элементы и замѣщались посторонними. Къ тому же и родные мало по малу теряли сознание своей кровной связи». Деревня радикально измѣняла свой характеръ: на мѣсто родственниковъ становились сосѣди складчики. Тѣмъ не менѣе, старая кровная схема сохранялась всецѣло. Слѣдовательно, на сѣверѣ замѣчается то же явленіе, какъ и при разложеніи родовыхъ общинъ вообще: разница заключается въ томъ, что видоизмѣненіямъ подвергается не родъ, а семейная община. Многоземелье, условія хозяйства, благопріятствующія захватному владѣнію землей, приводятъ къ тому, что на сѣверѣ Россіи деревня въ описанной стадіи развитія не представляетъ вполнѣ общиннаго землевладѣнія въ томъ смыслѣ, которое ему придается въ средней полосѣ Россіи. «Величина участка каждаго деревенскаго совладѣнія, пишетъ Ефименко, опредѣляется наслѣдованіемъ, покупкой и т. п. основаніями, не имѣющими ничего общаго съ тѣми основаніями, которыми теперь опредѣляется право общинника на его долю. Но это не было и подворно-участковое владѣніе, такъ какъ каждый деревенскій совладѣлецъ являлся представителемъ идеальной доли цѣлаго, деревни, всего, «что къ деревни изстаръ потягло»». Этой организаціи Ефименко даетъ названіе «долевой» общины. «Долевая деревенская организація можетъ быть сочтена за форму, которая заключаетъ въ себѣ въ зародышѣ всѣ существенныя черты обѣихъ развившихся изъ нея формъ поземельнаго владѣнія, какъ общинной, такъ и подворно-участковой. Отъ постороннихъ вліяній зависѣло, которыя стороны будутъ подхвачены жизненнымъ процессомъ, получаютъ питаніе и ростъ, которыя замрутъ». Условія на сѣверѣ Россіи сложились такъ, что индивидуалистическія стремленія членовъ долевой общины одержали верхъ, вслѣдствіе чего тамъ развилась частная собственность на землю. Этотъ процессъ происходилъ крайне медленно; выростая изъ разложившейся большой семьи, долевая община долгое время сохраняла черты характерныя для родственной организаціи. Прежде всего дольщики-сосѣди имѣли право

перекупа земли, если она отчуждалась въ чужія руки; но это право постепенно уничтожается, и участки все чаще продаются безъ права перекупки. Далѣе, складники, сосѣди, ставшіе на мѣсто кровныхъ родственниковъ, тѣмъ самымъ являлись какъ бы представителями извѣстной идеальной доли общаго деревенскаго цѣлаго. Поэтому, они, какъ прежде кровные родственники, имѣли право требовать передѣла. Если жалоба одиодеревенца оставалась неудовлетворенной, онъ могъ обратиться къ высшей правительственной власти, которая вступалась за него. Кромѣ того, деревня, рядомъ съ раздѣльными участками, владѣла и общими угодьями. Какъ и прежде, когда она состояла изъ родственныхъ элементовъ, нѣкоторыя угодья, рыбныя тони и пожни, напримѣръ, оставались недѣльными, и ими пользовались сообща всѣ или нѣкоторые деревенскіе совладѣльцы.

Такая форма общины не представляетъ исключенія. Она извѣстна въ средне-вѣковой Германіи и въ сѣверной и средней Италіи. Община, возникшая на обломкахъ рода, предоставляла своимъ членамъ владѣніе участками обработанной земли, сохраняя часть угодій въ общемъ нераздѣльномъ владѣніи всѣхъ однообщественниковъ.

И такъ, съ одной стороны старая сѣверно-русская деревня носить на себѣ типичные признаки общиннаго склада. Но въ ней существуютъ и совершенно другія черты. «Деревенскій дольщикъ . . . могъ покупать и продавать, завѣщать и наследовать, отдавать и получать въ приданое, могъ дробить и даже разрывать на куски свою долю. Естественно, что при этомъ условіи не могло быть равенства въ поземельномъ владѣніи — этого безусловно-необходимаго элемента современной поземельной общины». Покупныя земли, напримѣръ, естественно не шли въ передѣлъ. Это неравенство было усугублено избыткомъ населенія. Наростающихъ дольщиковъ приходилось одѣлять изъ старыхъ земель, что естественно вызывало дробленіе со всѣми его послѣдствіями. Потребность въ землѣ могла быть удовлетворена также и обработкой нетронутыхъ земель; но площадь новыхъ расчистокъ не растетъ пропорціонально росту населенія. Близко лежація къ деревнямъ земли были обыкновенно заняты; поднятіе же далеко лежащихъ цѣлинъ представляло, вѣроятно, мало удобствъ. Изъ этого проистекало слѣдующее: чрезвычайное дробленіе участковъ практически оказывалось неосуществимымъ. «Тѣ доски, изъ которыхъ состояла деревня и которые можно было удобно раздѣлить между 2—3 совладѣльцами, стало невозможно дѣлить между 10—15. Отсюда доски необходимо должны были распредѣлиться по дворамъ или по группамъ дворовъ..... Возникаетъ такая спутанность, которая устраняетъ всякую мысль о

передѣлахъ или уравнианіяхъ» всѣхъ однопоселенниковъ. Вторымъ результатомъ прироста населенія было малоземелье. Порядокъ, который прежде поддерживался исключительно традиціей, долженъ былъ быть нарушенъ. «Для дѣйствія эгоистическихъ инстинктовъ было открыто свободное поле... Всякій, кто могъ... старался, путемъ покупки и другихъ способовъ пріобрѣтенія, поставить количество своей земли въ соответствие съ своими хозяйственными силами и средствами; началась борьба, въ которой экономически слабѣй долженъ былъ шагъ за шагомъ уступать свою землю, предоставляя ее болѣе сильнымъ». Акты XVII-го в. часто рисуютъ эту борьбу, причемъ «разножившееся населеніе и малоземелье, какъ его необходимый результатъ, привели въ дѣйствіе эгоистическіе инстинкты, выдвинули на первый планъ право личной собственности со всеми его послѣдствіями — и деревня быстро распадалась всюду, гдѣ появлялись указанные условія». Общинный принципъ уступалъ индивидуалистическому.

Эгоистическія стремленія хозяевъ-крестьянъ, выражавшіяся въ желаніи удержать свои земли въ своихъ рукахъ, заставляли ихъ пріобрѣтать къ покупкѣ въ обширныхъ размѣрахъ земельныхъ участковъ съ тѣмъ, чтобы окончательно выдѣлить ихъ изъ земель общинныхъ. Выходъ для экономически - небогачающаго класса заключался въ захватѣ пустолежащихъ, не принадлежащихъ деревнѣ, участковъ, которые они стремились въ свою очередь обратить въ свою собственность. Трудно въ настоящее время судить, насколько индивидуалистическія стремленія крестьянъ черпали свои образцы изъ частнаго владѣнія землей другими сословіями на сѣверѣ. А. Я. Ефименко склонна, очевидно, приписывать господству частной собственности монастырей, купцовъ, посадскихъ и др. значительное вліяніе на развивающееся у крестьянъ стремленіе обрѣтать земли въ собственность. Не оставаясь на рѣшеніи этого вопроса, можно, однако, замѣтить, что условія хозяйственной жизни, нормы обычнаго права, развившіяся въ болѣе ранній періодъ относительно правъ дольщика на свой участокъ, въ связи съ экономическими условіями при наступившемъ малоземельѣ вполне достаточно объясняютъ стремленіе дольщиковъ перейти въ собственниковъ.

Болѣе обеспеченный элементъ оставался на обработанныхъ, родовыхъ или благопріобрѣтенныхъ участкахъ, обладая ими на правахъ собственности. Въ концѣ XVII-го и началѣ XVIII-го в. этотъ процессъ уже закончился, и большая часть такъ называемыхъ тяглыхъ земель принадлежала на сѣверѣ крестьянамъ на правахъ частной собствен-

ности. Менѣ обезпеченный элементъ уходилъ изъ деревни. Они занимали пустыя земли, которыя московскимъ правительствомъ считались государственными, но на которыя крестьяне смотрѣли, какъ на ничьи. Поэтому, крестьяне, высмотрѣвъ себѣ удобный участокъ, не испрашивали на него разрѣшенія, но «просто на просто захватывали его, не стѣсняясь административными границами своихъ волостей, становъ, уѣздовъ, т. е. прямо начинали «пахать и сѣна ставить»». Московское правительство иногда учиняло смѣхъ о такомъ самовольномъ захватѣ; но дѣло обыкновенно кончалось тѣмъ, что земля обмѣривалась и передавалась на оброкъ. Оброчныя земли постепенно были признаны вотчинными, какъ и тяглыя, т. е. оброчныя земли окончательно были записаны за ихъ владельцами. Царствованіе царя Феодора Алексѣевича, когда издавъ указъ объ оброчныхъ земляхъ, только санкционирующій установленныя самой жизнью правила, можетъ считаться вѣчнымъ пунктомъ борьбы общины съ частнымъ крестьянскимъ землевладѣніемъ на сѣверѣ, борьбы, кончившейся разложениемъ общины и полнымъ торжествомъ индивидуализма въ правахъ на недвижность.

Въ настоящее время на всемъ сѣверѣ господствуетъ общинное землевладѣніе. Переходъ отъ установившагося частнаго землевладѣнія къ общинному не является результатомъ естественнаго хода развитія крестьянскаго землевладѣнія; оно введено рядомъ правительственныхъ мѣропріятій, когда, начиная съ половины XVIII-го в., государство, регулируя земельныя отношенія сѣвера, отказалось признать права частной собственности на землю у такъ называемыхъ черсошныхъ крестьянъ.

Оставляя въ сторонѣ правительственныя дѣйствія, приведшія къ возобновленію общины, мы видимъ, что сѣверная община, въ своемъ естественномъ развитіи, пришла въ упадокъ и уступила мѣсто частному землевладѣнію. Началомъ этого процесса слѣдуетъ признать моментъ ослабленія родственныхъ узъ и распадешя семьи въ первоначальной деревнѣ.

Такимъ образомъ, постепенный упадокъ родовыхъ, а затѣмъ и семейно-общинныхъ отношеній является главной причиною возникновенія частной собственности на землю. Но для того, чтобы этотъ процессъ совершился, требуется, чтобы присущія группѣ родовой или сельской общины начала не были въ силахъ противиться индивидуалистическимъ стремленіямъ отдельныхъ общинниковъ или отдельныхъ семейныхъ группъ; чтобы право владѣнія заимкой, отстаиваемое силой и вліяніемъ болѣе сильныхъ и состоятельныхъ членовъ, пере-

шло постепенно сначала въ ничѣмъ ненарушимое наследственное владѣніе, а затѣмъ уже и въ право собственности. Причины, поддерживающія при столкновеніи общинныхъ и частныхъ интересовъ индивидуализацію земли въ разныхъ мѣстностяхъ и въ разное время, могутъ быть различны. Устанавливающееся частное владѣніе, имѣя въ своемъ основаніи экономическое неравенство членовъ группы, развивается до права собственности дѣйствіемъ чисто внѣшнихъ причинъ, условіями существованія племени, возникновеніемъ въ его средѣ словесныхъ и иныхъ группъ. Развитие семейныхъ общинъ въ субъектовъ права на недвижимость, напримѣръ, у кабилловъ является въ значительной степени слѣдствіемъ мѣръ, принятыхъ завоевателями кабилловъ, турками и французами. Частное землевладѣніе у черноморскихъ казаковъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, возникло вслѣдствіе появленія въ ихъ средѣ войсковой старшины, которая, выдѣляясь изъ казачьей массы, стремилась воспользоваться правами своей службы. Развивающійся индивидуализмъ, однимъ словомъ, пользуется всѣми условіями экономической, общественной и государственной жизни народа, чтобы освободиться отъ своей зависимости отъ группы, выступить самостоятельно и осуществить права собственности на землю, гарантировать свое владѣніе, основанное на займкѣ, отъ посягательствъ общины. Борьба между групповымъ и индивидуальнымъ эгоизмомъ приводитъ часто къ побѣдѣ послѣдняго надъ первымъ. Таковъ, если такъ можно выразиться, нормальный ходъ разложенія общины и установленія права частной собственности на землю. Разрушеніе общинныхъ началъ можетъ совершаться и насильственно. Это нерѣдко имѣетъ мѣсто при завоеваніяхъ и переселеніяхъ, часто встрѣчающихся въ судьбахъ некультурныхъ народовъ. Отношенія между покорителями и покоренными, раздача земель побѣдителямъ и пр. могутъ имѣть рѣшительное вліяніе на уничтоженіе общинныхъ порядковъ, ввести право собственности на недвижимость въ общину и подточить ея основанія. Насильственные условія разложенія общинъ при всемъ своемъ разнообразіи не могутъ быть подведены въ систему. Они являются аномальными и потому болѣе или менѣе случайными, дѣйствующими только въ предѣлахъ той или другой мѣстности. Вслѣдствіе этого, разсматривать ихъ должно при мѣстномъ этнографическомъ изученіи. Роль ихъ, однако, всегда одна и та же: въ нихъ находятъ себѣ выраженіе и поддержку индивидуализмъ противъ подавляющаго его коммунистическаго начала.

IX. Побѣда коллективнаго начала въ землевладѣніи.

Возникающая на почвѣ экономическаго неравенства борьба индивидуалистическихъ началъ съ общинными не всегда приводитъ къ побѣдѣ первыхъ и къ уничтоженію общины. Нерѣдко послѣдняя одерживаетъ верхъ и получаетъ возможность развиваться, примѣняясь къ новымъ условіямъ. Эта побѣда общины надъ индивидуомъ иногда бываетъ настолько полная, что едва-ли есть основаніе считать послѣднюю только ступенью къ развитію индивидуальной собственности на недвижимость, лишь стадіей въ развитіи человѣчества, долженствующую непременно кончиться ея паденіемъ въ пользу индивидуализма. Община, какъ всякое живое явленіе, не остается неподвижной, и эволюція ея не представляетъ только процесса разложенія: напротивъ, во многихъ мѣстахъ она развивается въ грандіозный институтъ, облегчающій борьбу за существованіе группъ, какъ цѣлому. Разнообразіе формъ русской крестьянской общины представляетъ богатый матеріалъ для изученія различныхъ фазисовъ развитія общины. Вопросы о жизнеспособности крестьянской общины, объ ея практическомъ значеніи, о роли ея въ крестьянскомъ хозяйствѣ и пр., которые недавно еще волновали русское общество, не относятся къ предмету настоящихъ чтеній. Не подлежитъ ему также вопросъ о происхожденіи русской общины, который все еще не рѣшенъ окончательно такъ, чтобы не оставлять сомнѣній въ правильности или всеобщности для всей русской территоріи той или другой предложенной гипотезы. Главныя теченія въ русской литературѣ въ этой области до середины 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, эпохи, заключающей наиболѣе пожалуй страстный періодъ вопросовъ объ общинѣ, сообщены у Леонтовича въ его работѣ: «Задружно-общинный характеръ» (Ж. М. Н. Пр. 1874, №№ 3 и 4). Несмотря на то, что мѣстами община поддерживалась, а иногда, какъ напримѣръ, на сѣверѣ Россіи, даже

возникла на почвѣ частной собственности на землю, подъ непосредственнымъ воздействиемъ правительственной власти, едва-ли возможно въ настоящее время смотрѣть на нее, какъ на явленіе изолированное, форму жизни, искусственно внесенную въ русскій бытъ. Она, какъ и община въ другихъ мѣстахъ, прежде всего «необходимый, послѣдовательный результатъ всей суммы социально-экономическихъ условій и исторіи русскаго народа». Справедлива ли гипотеза о возникновеніи русской общины изъ общины родовой, когда родъ захватывалъ землю и путемъ какъ постепенной дифференціаціи своихъ составныхъ частей, семейныхъ общинъ, такъ и вслѣдствіе вхожденія въ родовой составъ чуждыхъ по происхожденію элементовъ превращался въ сосѣдскую общину; вѣренъ ли взглядъ, что община развилась путемъ разложенія не рода, а большой семьи (задруги, печница), какъ это доказала для сѣвера Россіи А. Я. Ефименко; были ли также въ общинѣ отдѣльные хозяйства, какъ единицы, входящія въ ея составъ, соединены узами родства, или они были связаны «не столько общимъ происхожденіемъ, сколько сожительствомъ на одномъ мѣстѣ и коллективнымъ владѣніемъ землей»; стоялъ ли родовой старшина во главѣ общины, или выборный, какъ это имѣетъ мѣсто при упадкѣ родового быта—все это вопросы, касающіеся историка, а не этнографа. Отвѣты на нихъ стоятъ въ непосредственной связи съ разрѣшеніемъ основного вопроса, на какой стадіи развитія застаютъ первые лучи исторіи русскихъ славянъ: пережили ли они уже родовой бытъ въ тѣхъ мѣстахъ, населеніе которыхъ положило основаніе государству, или родъ продолжалъ еще господствовать, какъ явленіе жизненное, и семейныя общины еще не выдѣлились изъ общей родовой единицы; успѣлъ ли разложившійся родъ воспринять въ себя чуждые элементы, или территория его, по ослабленіи родственныхъ связей между семейными общинами, продолжала быть населенной родственными другъ другу семьями. Совершенно чуждыми являются этнографіи и практическіе вопросы современности. Въ задачи нашей науки не можетъ входить и рѣшеніе вопроса, находится-ли крестьянская община въ періодѣ развитія или упадка и о вѣроятныхъ послѣдствіяхъ нарождающихся въ современной общинѣ новыхъ условій жизни. Этнографу интересно прослѣдить только главные моменты въ развитіи общины, съ эпохи, когда состоящая изъ родичей община постепенно перешла уже въ форму общежитія, въ которой объединяются чуждые по происхожденію другъ другу элементы.

Русская община даетъ въ своихъ разнообразіяхъ чрезвычайно богатый матеріалъ для изученія первобытныхъ отношеній правъ владѣнія и

собственности на землю, хода борьбы индивидуалистических и общинных начал. Эти обстоятельства заставляют остановиться на русской общинѣ подробнѣе. Нѣкоторые изъ ниже приводимыхъ фактовъ, послѣ изложеннаго выше объ отношеніяхъ индивида къ группѣ, не требуютъ объясненій.

При возникновеніи борьбы экономически болѣе обеспеченныхъ хозяевъ съ группой изъ за обладанія землей, борьба нерѣдко кончается побѣдой не индивидуалистическихъ, но общинныхъ началъ. Среди доскихъ казаковъ, напримѣръ, до послѣдняго времени благодаря общинности земли обычнымъ порядкомъ пользованія землей было такъ называемое вольное пользованіе. Въ 1873 г., по произведенному официальному изслѣдованію изъ 110 станицъ области только 40 станичныхъ общинъ, такъ называемыхъ юртовыхъ земель были «раздѣлены на хуторскіе участки уравнительно, т. е. пропорціонально населенію и на пай, а въ остальныхъ 70 станицахъ пользованіе юртовой землей было свободное, не ограниченное ни количествомъ, ни мѣстностью». Хотя въ настоящее время дѣло значительно измѣнилось, но и теперь еще вольное пользованіе не исчезло изъ практики у казаковъ. «Въ такихъ станичныхъ юртахъ, писалъ М. Н. Харузинъ, каждый хуторъ имѣетъ подручную толоку (пастбище). Для посѣва льна, проса и для бакчей въ такихъ общинахъ также иногда опредѣляются извѣстныя полосы въ степи, которыя и раздѣляются на мелкіе пай; передѣляются (ежегодно) также луга. Остальную-же степь воленъ каждый казакъ распахать, гдѣ угодно и сколько угодно. По обычаю, разъ захваченныя пашни остаются во владѣніи захватившаго, доколѣ онъ ихъ обрабатываетъ. Если-же въ теченіе 1 или 2, или 3, или 4, или 5 (въ разныхъ мѣстахъ не одинаково) годовъ пашня прежнимъ ея хозяиномъ остается необработанной, то взять ее можетъ всякій желающій... Каждый казакъ въ общинахъ этого типа пашетъ столько, сколько у него хватаетъ силъ. «Размѣръ обрабатываемой земли... зависитъ не отъ числа душъ, составляющихъ семейство, но отъ средствъ, какими можетъ располагать казакъ». Такимъ образомъ, выгода отъ надѣла земли въ большемъ количествѣ выпадаетъ на долю однихъ только богатыхъ. Полномочный беретъ десятину 150 и болѣе, маломочный 1—2 десятины. Бываетъ такъ, что маломочный имѣетъ право на 3—4 пая, а обрабатываетъ лишь одну десятину, а иной полномочный, имѣя право только на одинъ пай, распахиваетъ болѣе сотни десятинъ. «У зажиточнаго хозяина, имѣющаго два плуга воловъ и три-четыре упряжныхъ лошади, какъ только хлѣбъ начали возить съ поля на гумно, такъ у него тутъ-же начи-

нается молотьба; отправляется онъ на лошадахъ въ городъ съ хлѣбомъ; пары три, четыре воловъ продолжаютъ молотьбу, а одинъ плугъ выходитъ далеко раньше небогатыхъ людей въ поле и захватываетъ свои и чужія заложики по собственному выбору»... Богатше не довольствуются тѣмъ количествомъ земли, какое они въ силахъ вспахать и обработать сами. Чтобы извлечь возможно больше выгоды... они ограничиваются лишь тѣмъ, что опахиваютъ кругомъ—«загоняютъ», по мѣстному выраженію, известное пространство земли, т. е. проводятъ нѣсколько бороздъ по бокамъ нивы, оставляя середину нетронутую..., а затѣмъ переѣзжаютъ на другое мѣсто, гдѣ повторяютъ тоже самое. По стародавнему обычаю, всѣ отгѣченные такимъ образомъ пашни считаются для остальныхъ неприкосновенными. Захвативши этимъ способомъ нѣсколько участковъ, они часть ихъ обрабатываютъ сами, другую же часть отдаютъ тайно въ аренду пришлымъ иногороднимъ крестьянамъ подъ предлогомъ нанятія ихъ себѣ въ годовые работники... Такъ ведется дѣло изъ года въ годъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, и захваченныя мѣста становятся наследственнымъ владѣніемъ. Разумѣется, такой порядокъ безобиденъ для всѣхъ до той лишь поры, пока населенія еще мало и земли достаетъ для всѣхъ. Но какъ скоро возрастаетъ населеніе, то является столкновение богатыхъ съ бѣдными. Лучшая земля къ этому времени захвачена сильными. Богатый казакъ... всегда имѣетъ возможность выѣхать въ поле для запашки прежде, чѣмъ бѣдные успѣютъ сжать и смолотить хлѣбъ. Вдовъ, сиротъ и вообще маломочныхъ тѣснятъ со всѣхъ сторонъ, позволяя себѣ даже явныя насмѣя: такъ, наиримѣръ, трехлѣтніе залежи, оставленныя бѣдняками для покоса, запахиваются сильными станичниками. Въ концѣ концовъ бѣдныхъ вытѣсняютъ на окраины юрта, а многіе изъ нихъ остаются вовсе безъ земли и вынуждены наниматься въ работники къ богатымъ», которые иногда владѣютъ тысячью десятинами. «Земля, несмотря на то, что она принадлежитъ всей станицѣ, на дѣлѣ вся или, по крайней мѣрѣ, лучшая ея часть оказывается въ рукахъ немногихъ». Отсюда частая борьба между богатыми и станичною нищетою, которая нерѣдко доводитъ дѣло до болѣе или менѣе сильныхъ столкновений, дракъ, самовольныхъ захватовъ обработанной другими земли и т. д. Полномочные хозяева, владѣя наследственными, частью захваченными участками, стремятся обратить ихъ въ собственность.

Между тѣмъ, на Дону община борется противъ подобныхъ захватовъ въ пользу неимущихъ сочленовъ и не только не даетъ развиваться частному землевладѣнію, но, наоборотъ, обыкновенно под-

чиняетъ интересы индивидуалистическіе общимъ интересамъ. Появившееся у общины сознание необходимости упорядоченія земельныхъ отношеній «проникаетъ въ большинство лишь медленно: для этого требуются года. Нѣкоторыя станицы, говоритъ г. Калмыковъ, ... уже сильно протестуютъ противъ злоупотребленій богатыхъ станичниковъ»; но протестъ еще не выражается на дѣлѣ. Полномочные хозяева обыкновенно противятся долго раздѣлу, котораго добиваются маломочные. «Зажиточныхъ хозяевъ, говоритъ одинъ изслѣдователь быта довскихъ казаковъ, у насъ въ общей сложности меньше противъ бѣдняковъ, однако, верхъ до сихъ поръ былъ на ихъ сторонѣ». Богатые казаки всячески стараются составить себѣ партію изъ бѣдняковъ. «Съ другой стороны врожденный консерватизмъ, незнакомство съ лучшими способами пользованія землей и новизна предлагаемой мѣры оказываютъ также свое дѣйствіе на умы большинства. И вотъ, на станичномъ сборѣ, созванномъ для рѣшенія вопроса о раздѣлѣ, вдругъ большинство бѣдняковъ же начинаетъ держать сторону сильныхъ... и дѣло отодвигается снова на задній планъ, пока не назрѣетъ, наконецъ, въ сознаніи большинства мысль о необходимости во что бы то ни стало прекратить старый порядокъ вещей. Но необходимость раздѣла пахотной земли между всеми станичниками и правильныхъ передѣловъ чрезъ извѣстные сроки начинаетъ все болѣе сознаваться казаками, и съ каждымъ годомъ все большее число юртовъ раздѣляется.... Вообще говоря, замѣна стараго порядка новыми поземельными отношеніями на Дону происходитъ постепенно. На первыхъ порахъ силятся выйти изъ затрудненія домашними средствами. Постановляются, напримѣръ, общественные приговоры, которые должны ограничить произволъ богатыхъ. Такъ, напримѣръ, въ Камышевской станицѣ, казаки постановили, чтобы загонъ, пролежавшій одинъ годъ даромъ, могъ бы всякимъ быть захваченъ. Въ Раздорской станицѣ общество постановило приговоромъ, чтобы каждый участокъ земли, въ чьемъ бы пользованіи онъ ни былъ, по истеченіи трехъ лѣтъ снова становился общественнымъ, причемъ всякій имѣлъ бы право захватить его, если успѣетъ. Точно также въ Гундуrowsкой станицѣ постановлено, что запаханною разъ землею (не говоря о количествѣ) хозяинъ пользуется три года», послѣ чего земля становится станичною. «Въ Казанской станицѣ къ поставленному въ полѣ гумну запрещено было припахивать ближе 50 саженой. Въ другихъ станицахъ дѣлятъ *только часть* юрта, оставляя остальное въ общемъ «вольномъ» пользованіи. Скоро, однако, оказывается, что и отъ этихъ мѣръ пользы мало, и неурядица не прекращается. Въ Казанской станицѣ...

передъ раздѣломъ земли неурядица дошла до крайняго предѣла и обратилась въ совершенную войну сосѣда съ сосѣдомъ, поселка съ поселкомъ».

Такимъ образомъ, необходимость «уравнительнаго» раздѣла земли становилась, наконецъ, ясной. Но, не довѣряя землемѣрамъ-специалистамъ, станичники предпочитали обходиться своими средствами. Выборные старики, дѣйствуя на глазъ, распределяли участки вѣсьмъ домохозяевамъ, соображаясь съ численностью ихъ семей. Подобный раздѣлъ земли въ станицѣ Верхне - Куржоярской настолько интересенъ, что на немъ стоитъ остановиться подробнѣе. Лѣтъ двадцать пять тому назадъ «казаки этой станицы порѣшили между собой подѣлить нахотную землю; но землемѣра они не пожелали пригласить и подѣлили землю между собой сами, на глазомѣръ. Они положили пай на каждую душу, какъ мужского, такъ и женскаго пола: всякому домохозяину дали столько паевъ, сколько у него дѣтей. Женщинамъ сначала не хотѣли было давать части, но потомъ передумали, полагая, что было бы несправедливо обдѣлать, напримѣръ, вдовъ, такъ какъ весьма часто казаки умираютъ на службѣ, оставивъ дома на рукахъ жены кучу дѣтей; съ другой стороны, бываетъ и такъ, что казакъ живъ, но въ его семьѣ все дочери, поэтому ему трудно было бы обойтись съ однимъ полемъ. Порѣшивъ никого не обижать, старики потѣхали въ степь, осмотрѣли земли и отвели на каждый пай столько земли, чтобы на ней можно было высѣять два четверика пшеницы. Границы такихъ надѣловъ опредѣлялись такъ: «съ кургана на курганъ», или «отъ кургана до дорожки» или «по такую то борозду». Для новаго поколѣнія оставлено было сначала запасной земли нѣсколько менѣе 200 десятинъ. Но она уже черезъ короткое время была вся занята станичниками, вновь прибывшими, частью въ качествѣ пріемныхъ зятюевъ, частью же вернувшихся со службы изъ Петербурга. Нынѣ же новыя надѣлы даются такъ: желающій получить землю обращается на сборъ (сходъ); тутъ станица опредѣляетъ отрѣзать ему кусокъ отъ земли какого нибудь изъ сосѣдей, у кого окажется лишняя, вслѣдствіе убыли членовъ семьи, а то приказываютъ и «такъ потѣсниться какъ нибудь».

Раздѣлы домашними средствами иногда не вполне достигаютъ своихъ цѣлей; часто надѣлы крайне неправильны. Веревка, служащая для измѣренія, дѣлается въ сто сажень; но бичевки «въ сухое время растигиваются, а въ дождливое и утромъ, когда роса, дѣлаются сажень на 10 короче, такъ что, по замѣчанію Тимощенкова, много значитъ то обстоятельство, когда получить пай: въ дождь или ведро, утромъ

или въ полдень». Неудачный раздѣлъ приводитъ нерѣдко только къ путаницѣ. Такъ, напримѣръ, въ станицѣ Старочеркасской по прошествіи двухъ лѣтъ послѣ перваго раздѣла «въ пользованіи землею оказалась новообразимая неурядица: кто пользовался большимъ пространствомъ, кто меньшимъ, у иного пай оказались въ нѣсколькихъ мѣстахъ, а другой совсѣмъ не могъ отыскать своего пая». Эти и подобныя обстоятельства заставляютъ казаковъ часто прибѣгать къ землемерамъ. Но и здѣсь дѣло не обходится безъ борьбы: получившіе случайно лучшіе участки или оказавшіеся съ большимъ паемъ, благодаря неточности измѣреній, противятся приглашенію землемера. Споры жъ за этого долго волнуютъ станицу, пока, наконецъ, доведенные до сознанія необходимости правильнаго раздѣла станичники не одержатъ на сходѣ побѣды, и вполнѣ уравнительный раздѣлъ съ помощью специалистовъ не осуществится. Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что не всѣ станицы переходятъ отъ стараго къ новому порядку описаннымъ путемъ. Благодаря вліянію лицъ, желающихъ раздѣла или примѣру сосѣднихъ поселеній, во многихъ мѣстахъ непосредственно приглашаютъ землемеровъ для совершенія раздѣла. При раздѣлѣ нѣтъ единообразнаго правила. Иногда юртовая земля дѣлится по хуторамъ, составляющимъ какъ бы части станицы; хуторскимъ обществамъ предоставляется право распоряжаться нарѣзаннымъ участкомъ по своему усмотрѣнію въ продолженіе всего срока раздѣла: «каждый хуторъ, что хотить, то и дѣлаетъ». «По окончаніи же этого срока земля снова поступаетъ въ распоряженіе всей совокупности общинъ, входящихъ въ границы даннаго юрта, то есть станицы съ хуторами. Тогда земля снова передѣляется... Во многихъ юртахъ хуторамъ отдѣльныхъ нарѣзокъ нѣтъ, и пай распределяется между всѣми казаками даннаго юрта безъ различія, живутъ ли они въ станицѣ или нѣтъ». При совершеніи раздѣла часто не ставятъ сроковъ для передѣловъ. Измѣненія въ составѣ отдѣльныхъ хозяйствъ снова приводятъ къ нарушенію принципа равномерности надѣловъ; снова появляются богатые и бѣдные. Послѣдніе требуютъ передѣла и добиваются его также послѣ долгой борьбы. Въ другихъ станицахъ передѣлы совершаются въ опредѣленные сроки. Единообразія нѣтъ: все зависитъ отъ желанія общества. Передѣлы совершаются въ однихъ станицахъ черезъ три, четыре, пять лѣтъ, въ другихъ—черезъ двѣнадцать—семнадцать лѣтъ.

Нѣтъ необходимости далѣе слѣдить за развитіемъ поземельныхъ отношеній на Донѣ, усовершенствованіемъ способовъ передѣловъ, какъ

естественныхъ слѣдствій избраннаго общиной пути по уравненію всѣхъ единообщественниковъ пахотной землей. Достаточно будетъ замѣтить, что у донскихъ казаковъ, при наличности условий, благоприятныхъ для развитія частной собственности на землю, община успѣшно ведетъ борьбу противъ индивидуалистическихъ стремленій отдѣльныхъ единообщественниковъ и въ массѣ случаевъ уже одержала надъ ними побѣду.

Совершенно то же явленіе наблюдается и среди другой группы казаковъ, именно черноморскихъ, потомковъ запорожцевъ, выселенныхъ за Кубань послѣ уничтоженія Сѣчи въ 1775 г. Переселеніе было совершено въ 1792 г. въ западную половину иркубанской полосы нынѣшней Кубанской Области, а впослѣдствіи оно распространилось и на другія части ея. Законодательными актами отведенная Черноморскому казачьему войску земля считается общей собственностью всего войска. Поселенцы обосновались селеніями—куреньями. «Одновременно съ заселеніемъ Черноморія куренными селеніями, пишетъ Щербина, возникли въ ней и другого рода поселочныя формы, формы мелкія, ячеичныя. Это были хутора, зимовищи и копи, изъ которыхъ нѣкоторые появились даже раньше основанія куреней. Будучи въ колонизаціонномъ отношеніи формами второстепенными, зависимыми и тяготѣвшими къ куреньямъ, какъ части къ цѣлому,—хуторскія обзаведенія были, такъ сказать, занесены поселенцами вмѣстѣ съ ихъ хозяйствомъ. Главную статью этого послѣдняго у поселенцевъ составлялъ скотъ, а скотоводческое хозяйство того времени неразрывно было связано съ хуторомъ и его первообразомъ зимовникомъ или кошамъ. И такъ, двѣ, собственно поселочныя формы—курень и хуторъ легли въ основу колонизаціи бывшей Черноморіи. Курень былъ поселеніемъ административнымъ и хозяйственнымъ вмѣстѣ, хуторъ по преимуществу хозяйственнымъ». Хутора представляли займки пустопорожнихъ земель на территоріи войска, сначала съ цѣлями скотоводческими, а затѣмъ и земледѣльческими. Землей же въ совокупности владѣло все войско; послѣднее считалось собственникомъ территоріи, и Щербина вполне правъ, указывая, что «основное понятіе объ общеказачьей или войсковой землѣ, какъ о коллективной собственности, есть понятіе обычное, строго народное. Взятое прямо изъ возрѣвшаго казачества, оно занесено было потомъ въ законодательные акты, какими оказываются жалованныя грамоты». Свободное пользованіе участками земли, хуторами на общевойсковой землѣ привело къ правилу, находившемъ поддержку въ законодательствѣ, согласно которому войско имѣло право выдавать «открытые листы»

«на вѣчно спокойное владѣніе» дворами, хуторами, мельницами и т. д. старшинамъ и другимъ лицамъ казачьей администраціи. Кромѣ того, разрѣшалось на такихъ хуторахъ селить постороннихъ, не принадлежащихъ къ войску людей. Законодательство лишь санкционировало существующія уже отношенія и дало, такимъ образомъ, опору для индивидуалистическихъ стремленій нѣкоторыхъ изъ членовъ общины. Съ самаго начала войсковая администрація повидимому старалась обратить часть общественныхъ земель въ частныя и «насадить своего рода помѣстный элементъ въ лицѣ старшины». «Не трудно понять, откуда зародились и чѣмъ потомъ поддерживались такія индивидуалистическія стремленія казачьей старшины. Они, эти стремленія, крылись въ самомъ фактѣ существованія послѣдней. Уже въ Запорожьѣ старшины стремились обособиться въ матеріальномъ отношеніи отъ товарищества. Но здѣсь такому стремленію.... была положена существенная преграда въ выборномъ началѣ. Старшины, какъ извѣстно, здѣсь ежегодно избирались.... Не то оказалось въ Черноморскомъ войскѣ. Выборныхъ старшинъ здѣсь не существовало съ самаго основанія войска: ихъ замѣнили старшины постоянныя и при томъ назначенныя центральнымъ Правительствомъ. Такимъ образомъ, выборныя должностныя лица запорожцевъ здѣсь замѣнились сословіемъ, старшины — панами». Появленіе сословнаго элемента въ казачьемъ войскѣ лишь воплію отвѣчало установившимся de facto отношеніямъ: богачи, захватившіе себѣ обширныя земли, получали и административныя должности съ большей легкостью, чѣмъ средній казачій элементъ. То, что намѣчалось еще въ Сѣчѣ и имѣло мѣсто въ Малороссіи у несѣчевыхъ казаковъ, неизбежно возникло на Черноморьѣ благодаря тѣмъ же индивидуалистическимъ стремленіямъ болѣе богатаго класса обезпечить свои права на землю и освободиться отъ контроля общины. Эти попытки войсковой старшины понятно вызвали противодѣйствіе со стороны родового казачества, и оно зачастую принимало довольно острый характеръ. «Черезъ всю исторію черноморскаго казачества, говоритъ Щербина, тянется эта борьба индивидуалистическихъ стремленій изъ за панскихъ хуторовъ и займокъ, а потомъ, кромѣ того, изъ за хуторовъ и займокъ вообще богачей, съ коллективнымъ правомъ казачества на землю, борьба, указанія на которую можно найти въ официальныхъ и неофициальныхъ документахъ, воспоминанія о которой еще живы въ средѣ казачества, и явные слѣды которой даже теперь не перестаютъ волновать казачьи общины». Помимо такъ называемыхъ панскихъ хуторовъ устраивались, благодаря тѣмъ же индивидуалистическимъ стрем-

леніямъ, и куренные хутора. «Сами куренныя общества, другими словами—нечиновные члены войсковой семьи, увлекшись примѣромъ произвола войсковыхъ патрищевъ, объявили за собой право жаловать хуторами своихъ собратьевъ. Кому было тѣсно въ куренѣ, кому было нужно отодвинуться отъ его полиціи и повинностей, тотъ ставилъ угонченіе куренному обществу... и получалъ отъ этого общества письменное, запечатлѣнное безчисленными рукоприкладствами, дозволеніе выселиться изъ слободы въ поле, «сѣсть хуторомъ»». Таковой хуторянинъ вскорѣ самъ становился паномъ и тѣснилъ своихъ бывшихъ товарищей, расширяя для своего обыкновенно скотоводческаго хозяйства площадь своего хутора и захватывая все больше и больше войсковой земли. Къ 40-мъ годамъ XIX-го столѣтія различіе между хуторами панскими и куренными исчезло. «И тѣ и другіе, раздвигая свои земельныя дачи произвольно, почти въ самыя улицы куреней, расширенныхъ увеличившимся народонаселеніемъ, равно сдѣлались несносны куреннымъ обществамъ, пишетъ Попковъ, изслѣдователь земельныхъ отношеній у черноморцевъ въ 40-хъ годахъ.... Неурядамъ, жалобамъ и искамъ, самымъ нелѣпымъ, нѣтъ числа. Казаки «оборали» пана, а панъ порубилъ казачьи плуги и вытопталъ посѣвъ казачій. Урядникъ посѣялъ жито, а сотникъ по его житу взялъ да посѣялъ пшеницу и т. п.» Эти отношенія вызвали законодательное вмѣшательство; частное землевладѣніе было признано сначала только на офицерскіе участки, которые отдавались въ пользованіе, «до тѣхъ поръ, пока не умреть послѣдній изъ живыхъ наследниковъ лица, получившаго въ пользованіе участокъ», а затѣмъ они были признаны вотомственнымъ владѣніемъ, вѣчнымъ и перешли, такимъ образомъ, въ разрядъ частной собственности. Относительно остальной земли продолжала признаваться общинная собственность. На этой общинной землѣ попрежнему возникали хутора. Почти вѣковая борьба куреня съ хуторомъ, этими двумя противоположными началами землевладѣнія: общиннаго и частнаго, кончилась побѣдой куреня. Община и здѣсь восторжествовала надъ индивидуалистическими стремленіями своихъ сочленовъ.

Та же борьба съ личными эгоистическими стремленіями, главнымъ образомъ, войсковой старшины, повторяется и въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя постепенно занимались казаками по мѣрѣ вытѣсненія горцевъ. Здѣсь въ роли хуторянъ, стремившихся апроприировать себѣ землю, выступаетъ уже не войсковая старшина, а вообще болѣе обеспеченный классъ казаковъ. Оставляя въ сторонѣ законодательныя мѣропріятія, которыми признавалась недвижимая собствен-

ность за отдельными лицами, и которые имѣли въ виду положить конецъ возникающимъ постоянно неурядицамъ и столкновениямъ двухъ противоположныхъ началъ: общиннаго и индивидуалистическаго, укажемъ лишь на мѣры борьбы общины съ хуторами, поскольку это было для нея возможно. Подъ влияніемъ личнаго интереса казачье панство и богачи, какъ было сказано, стремились образовать особый, своего рода помѣстный классъ, захватывая подъ свои хутора лучшія земли и угодья. «Само собою разумѣется, говорить Щербина, что хуторскія заимки были въ свое время естественною и рациональною формою общиннаго хозяйства. Пока пустующихъ земель было много, и вольное пользование ими не было никакой надобности обставлять какими либо ограниченіями, хуторская заимка являлась экономическою необходимостью. Такъ смотрѣли на хуторской способъ хозяйствованія и самыя общины, слѣдуя въ этомъ отношеніи тому общему историческому приему, подъ влияніемъ котораго вырабатывалась южно-русская земельная община и въ другихъ мѣстахъ». Но «хуторскія заимки часто переходили въ захватъ и нарушеніе интересовъ цѣлыхъ общинъ.... Разъ дѣло принимало такой оборотъ, общины въ свою очередь прибѣгали къ извѣстнымъ мѣрамъ. Такимъ образомъ, въ общинахъ сначала появились ограниченія хуторскихъ заимокъ, потомъ уничтоженіе самыхъ хуторовъ.... Народный обычай былъ тутъ неумолимымъ блюстителемъ общинныхъ интересовъ. Тамъ, гдѣ хуторская борьба сходила со сцены, тотъ же обычай превращался съ теченіемъ времени сначала въ правила, ограничивавшія вольное пользование сѣнокошными и пахатными землями, а потомъ въ обычай общинныхъ передѣловъ. Въ этой постепенной замѣнѣ однихъ способовъ общиннаго пользованія землей другими выражался естественный ростъ и развитіе самой общины», ея побѣда надъ индивидуалистическими стремленіями отдельныхъ членовъ ея. Частной земельной собственности при этихъ условіяхъ развиться не могло. «Индивидуалистическія поползновенія въ этомъ отношеніи всегда были, замѣчаетъ Щербина, но они исходили не изъ массы, а отъ незначительнаго привилегированнаго или изжившагося меньшинства. Народъ былъ противъ нихъ, обычное право отрицало ихъ. Каждый разъ, когда эти позывы къ захватамъ и завладѣнію общественнымъ достояніемъ переходили извѣстныя границы, община прямо или косвенно, съ большею или меньшею активностью, съ успѣхомъ или безуспѣшно ополчалась на защиту своихъ интересовъ, опираясь на обычай, на институтъ войсковой земельной собственности, на традиціонныя воззрѣнія относительно земли, какъ общенароднаго достоя-

нія». Въ своей борьбѣ съ хуторами община прежде всего старалась превратить хутора въ поселки, на которые распространялись бы общинныя правила. Далѣе, если «хуторъ или зимовникъ мѣшалъ правильному отправленію общинно-земельныхъ порядковъ, общины заставляли или совсѣмъ сносить хутора, или же оставляли ихъ до поры до времени на мѣстѣ, подчиняя, однако, хуторское хозяйство извѣстнымъ ограниченіямъ». Эти правила, выработанныя на старыхъ мѣстахъ жительства казаковъ, получили особенное развитіе на такъ называемой Новой Линіи, куда направилось населеніе по мѣрѣ оттѣсненія кавказскихъ горцевъ. Хуторскія заимки, появившіяся тотчасъ же послѣ покоренія горцевъ, устраивались лишь съ разрѣшенія общины и подвергались ряду предписаній; такъ, напримѣръ, хуторяне были обязаны производить распашки, сѣнокосеніе и пастбу въ заранѣе опредѣленныхъ обществомъ мѣстахъ. «Въ другихъ случаяхъ станицане дозволяли обзаводиться хуторомъ только съ разрѣшенія общества. Такой приговоръ постановили жители станицы Владимірской въ 1876 г., по которому «никто не долженъ занимать никакихъ заимокъ подъ поселенія хутора» безъ разрѣшенія общества подъ опасеніемъ 50 р. штрафа . . . Жители (этой же станицы) . . . разрѣшили двумъ лицамъ завести хутора съ правомъ разводить при нихъ рожи и левяды и устроить прудъ, водою котораго могли бы пользоваться и другіе жители безпрепятственно; но затѣмъ . . . въ виду того, что одинъ изъ хуторянъ не выполнилъ послѣдняго условія, загородивъ прудъ и доступъ къ водопою, общество уничтожило приговоръ . . . , признавъ «владѣніе одного хуторянина недѣйствительнымъ и подлежащимъ уничтоженію». При постоянномъ вмѣшательствѣ общины въ хуторское хозяйство, это послѣднее примѣнялось къ новымъ условіямъ или уничтожалось. Въ настоящее время почти совершенно свободное хуторское хозяйство встрѣчается только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Закубанья, въ глухихъ мѣстахъ, гдѣ избытокъ еще ненужной общинѣ земли значителенъ. Но тамъ же въ Закубань, «гдѣ экономическая жизнь отличается большимъ развитіемъ, гдѣ шире вообще хозяйственная дѣятельность населенія, и интенсивнѣе его борьба съ природою», тамъ право заимокъ земли подъ хутора находится подъ контролемъ общества. «Чаще всего къ необходимости уничтоженія хуторовъ общества приходили, испытавъ предварительно посредствующія ограничительныя мѣры. Такимъ образомъ, въ станицѣ Раевской въ 1870 г. былъ постановленъ приговоръ о томъ, чтобы скотъ изъ хуторовъ выгонялся на общія пастбищныя мѣста съ 25 Марта по 1 Октября». Хуторъ этимъ самымъ становился не

болѣе, какъ зимовникомъ. Та же станица черезъ семь лѣтъ послѣ этого приговора постановила уничтожить хутора, занятые жителями сначала только подъ огороды, а потомъ превращенные въ настоящіе хутора и мѣшавшіе проѣзду. Въ другихъ мѣстахъ для заведенія хуторовъ сначала опредѣлялась извѣстная мѣстность; слѣдующимъ шагомъ было запрещеніе возводить хутора гдѣ бы то ни было и уничтоженіе хуторовъ, путемъ переведенія ихъ въ разрядъ зимовниковъ и т. д.

Отношенія общины къ хуторамъ могутъ быть, по словамъ Щербини, выражены въ слѣдующихъ общихъ положеніяхъ. 1) «Обычай вольной заимки былъ первымъ по времени юридическимъ правиломъ, въ силу котораго возникали хуторскія формы, и выражался въ полнѣйшей неотъемлемости заимщиковъ со стороны общины. И раньше и теперь, при обиліи пустующихъ земель, члены общины производили хуторскія заимки, гдѣ и какъ хотѣли. 2) Случаи столкновения единичныхъ интересовъ въ общинахъ естественно требовали регулирующихъ правилъ и ограниченій. Въ простѣйшемъ видѣ эти ограниченія выражались въ формѣ постановленія общественныхъ приговоровъ: заимки подъ хутора производились общинниками съ разрѣшенія общины, «по приговору схода», но за заимщикомъ при этомъ оставалось право выбора мѣста заимки. 3) Въ болѣе сложной формѣ санкционирующая роль общины выражалась въ установленіи опредѣленнаго мѣста подъ хутора, опредѣленныхъ правилъ для планировки ихъ и опредѣленныхъ ограниченій для хуторскаго пользованія общинными угодьями. Хутора въ такомъ видѣ являлись младшими, зависимыми общинами отъ станицъ. 4) Въ силу такихъ ограниченій часть хуторовъ сама собой прекратила свое существованіе, другая уничтожена по приговорамъ общины, третья вошла въ составъ поселковъ и, наконецъ, четвертая . . . принаровлена къ новѣйшимъ хозяйственнымъ цѣлямъ. 5) Самое развитіе ограничительныхъ порядковъ шло въ направленіи систематическаго суженія примитивнаго хуторскаго хозяйства». Хутора, какъ центры первоначально скотоводческаго хозяйства, стѣсненные правилами, вынуждающими хуторянъ пасти лѣтомъ свой скотъ съ общиннымъ скотомъ, и низведенные до роли зимовниковъ, естественно «уступили мѣсто хуторамъ, играющимъ двойственное хозяйственное назначеніе: лѣтомъ — для цѣлей земледѣльческихъ, а зимою — для скотоводческихъ».

Побѣда общины надъ хуторами еще не завершила побѣды общинныхъ началъ надъ индивидуалистическими стремленіями въ средѣ кубанскихъ казаковъ. У нихъ, какъ и на Дону, существовало и

отчасти существуетъ право вольнаго пользованія общественными землями подъ распашку и подъ сѣнокосъ. Возникшія отсюда отношенія во многомъ повторяютъ то, что было отмѣчено у донскихъ казаковъ. Казакъ, облюбовавъ себѣ землю, сѣнилъ кое какъ распашать себѣ пять или шесть нивъ или загоновъ. Такимъ образомъ, ему доставалось большое количество годной для хлѣбопашества земли. Захваченныя земли назывались «царинами»; они соответствовали простѣйшему виду заимокъ. По строго соблюдаемому обычаю разъ занятая царина находилась всецѣло въ распоряженіи заимщика и считалась неприкосновенною. На царинѣ земледѣлецъ устранился съ своимъ временнымъ хозяйствомъ. Весною и поздною осенью на захваченной землѣ происходили подготовительныя работы. Казакъ переводилъ сюда изъ станицы или изъ хутора только часть своихъ рабочихъ силъ и средствъ, нахаль и сѣялъ; въ страдную лѣтнюю пору онъ перебирался сюда со всей семьей. Зимой же казакъ покидалъ на время царину и жилъ въ станицѣ. Неурядицы подобнаго хозяйства носили тотъ же характеръ, какъ и на Дону. Административное воздѣйствіе, направленное на регулированіе этихъ отношеній, ни къ чему не приводило. «Приговоры относительно правильныхъ, сплошныхъ распашекъ юртовой земли писались и постановлялись обществами по настояніямъ свыше, но проходилъ годъ—два, и черноморцы возвращались къ прежней системѣ вольнаго пользованія общинною землею въ видѣ разбросанныхъ клочковъ и нивъ. Только тогда, когда сама жизнь заставила казаковъ относиться экономнѣе къ земельнымъ угодьямъ, они . . . начали постепенно видоизмѣнять свою царинную систему. По мѣрѣ того, какъ расширялось хлѣбопашество, и росли потребности въ землѣ, сталъ все больше и больше ощущаться недостатокъ прежде всего въ сѣнокосныхъ и цѣлинныхъ угодьяхъ. Въ одномъ мѣстѣ станичникамъ приходилось потѣсниться, гуще расположить отдѣльныя царины, въ другомъ совсѣмъ запретить распашки». Первый шагъ къ упорядоченію этихъ отношеній у черноморскихъ общинъ «состоялъ въ томъ, что юртъ разбивался обыкновенно на части, и каждая изъ этихъ послѣднихъ опредѣлялась болѣе или менѣе точными границами». Такъ, напримѣръ, въ одной изъ станицъ юртовая (станичная) земля была раздѣлена на толоку, царину и сѣнокосъ. Но такое разграниченіе юртовъ на угодья само въ себѣ еще не препятствовало существеннымъ образомъ вольной заимкѣ: въ предѣлахъ царины заимка практиковалась совершенно свободно. Постепенно, однако, когда сталъ сказываться все болѣе недостатокъ въ пустующихъ земляхъ, общества установили контроль

надъ вольной заимкой. Прежде всего наложено было veto на право вольной заимки. Такъ, напримѣръ, въ одной изъ станицъ было запрещено «производить въ неуказанныхъ мѣстахъ, безъ вѣдома станячныхъ властей и довѣренныхъ, вольныя заимки для распашки подъ опасеніемъ 10 руб. штрафа «за ниву въ день оранки». Въ другой станицѣ было постановлено «воспретить всякія распашки въ неуказанныхъ мѣстахъ, а для виновныхъ положенъ штрафъ въ 10 р. съ десятины. И подобныя запрещенія обратились для многихъ станицъ... въ общее правило. Но такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ, у отдѣльныхъ общинниковъ или даже цѣлыхъ группъ ихъ являлась настоятельная нужда въ заведеніи новыхъ царинъ и распашекъ, то, положивъ разъ запретъ на вольныя заимки, общества стали сами или черезъ своихъ уполномоченныхъ назначать и отводить для такихъ лицъ царины... Причины временныя и постоянныя заставили затѣмъ общину пойти еще дальше. Общества стали не только отводить новыя царины, но и нарушать гранцы уже образовавшихся, разъ онѣ оказывались несообразно значительными для одного хозяина».

Въ то же время вмѣстѣ съ такимъ упорядоченіемъ царинныхъ заимокъ въ черноморскихъ общинахъ, вырабатывались общіе порядки относительно пользованія отдѣльными нахотными угодьями. Въ особую группу, напримѣръ, отъ остальныхъ были выдѣлены цѣлинныя земли, а затѣмъ возникли, при пользованіи ими, особыя правила. Общество станицы Сергіевской назначило въ 1872 г. определенное мѣсто для распашки цѣлины. Общество станицы Славянской, наоборотъ, въ томъ же году составило приговоръ, чтобы не распахивать урочища «Колначій Куть», стремясь сохранить цѣлину. Жители Незаемовской станицы въ 1878 г. совершенно уничтожили распашку цѣлинныхъ земель, разрѣшивъ ее только въ царинахъ между нивами или загонами, т. е. царинами, лежащими между обработанными участками. Иногда общины назначаютъ время для начала распашекъ цѣлины; известны приговоры, запрещающіе приступать къ распашкѣ раньше 29-го Марта, 15-го Апрѣля, раньше, чѣмъ «атаманъ выѣдетъ на мѣсто распашки для указанія границъ» и т. д. Эта мѣра направлена противъ богатыхъ казаковъ, которые могли приступать къ хозяйственнымъ работамъ раньше и захватить большее количество земли. Иногда общества устанавливали известную норму для распашки новины, напримѣръ, не болѣе двухъ десятинъ на отбытую, т. е. на мужскую душу, отбывающую повинности, или не болѣе трехъ десятинъ цѣлины на хозяина. Всѣ подобныя правила направлены къ урегулированію пользованія землей и къ ограж-

денію бѣдныхъ станичниковъ отъ захватовъ земли со стороны богатыхъ казаковъ, т. е. къ уничтоженію индивидуалистическихъ стремленій послѣднихъ, разъ эти послѣдніе начинаютъ становиться въ разрѣзъ съ интересами общины, какъ цѣлаго.

Разнообразіе приведенныхъ правилъ свидѣтельствуесть, какъ медленно и съ какимъ трудомъ вырабатываются при борьбѣ противоположныхъ интересовъ въ предѣлахъ общины болѣе рациональныя правила землепользованія. Въ Кубанской области, какъ и въ другихъ мѣстахъ, они возникли подъ прямымъ воздействием требованій самой жизни и практики. Одни порядки лишь постепенно уступали мѣсто другимъ уже послѣ того, какъ на дѣлѣ выяснялась ихъ непригодность. Это исканіе, такъ сказать, оцѣнку лучшихъ порядковъ кончилось въ Черноморьѣ тѣмъ, что нѣкоторые общества начали «дѣлать на души цѣлинныя земли». «Подобнымъ-же образомъ складывались земельные порядки черноморскихъ общинъ при пользованіи и мягкими, бывшими уже въ распашкѣ, землями. Мелкія ограниченія вольнаго пользованія этими угодьями постепенно переходили въ крупныя, пока въ конечномъ результатѣ не появились періодическіе передѣлы земли. Вся разница... заключалась лишь въ томъ, что во многихъ общинахъ ограниченія при пользованіи цѣлинными землями предшествовали ограниченіямъ при пользованіи землями мягкими». Рядъ приговоровъ, на примѣръ, дозволяя неограниченную распашку мягкихъ земель, «сколько кто можетъ», ставить ограниченія на земли цѣлинныя: ихъ разрѣшается распашивать не больше опредѣленнаго количества. Цѣлинныя земли, какъ болѣе доходныя и въ которыя къ тому-же не было вложено труда, какъ въ земля мягкія, первыя изымаются изъ захватнаго права. Вольное пользованіе мягкими землями старались также ограничить прежде всего установленіемъ опредѣленной нормы распашекъ для всѣхъ безъ различія общественниковъ. Иногда общества запрещали крупнымъ хозяевамъ производить распашку въ нѣсколько плуговъ, причѣмъ это постановленіе нѣкоторыми приговорами объясняется какъ вызванное интересами бѣдныхъ слоевъ населенія. Дальнѣйшимъ шагомъ въ развитіи земельныхъ порядковъ въ черноморскихъ общинахъ былъ дѣлежъ между общинниками мягкихъ земель. Но всѣ эти порядки возникали постепенно. Случалось, что раздѣлъ земли начинался не со всего юрта, а съ частей его, и лишь постепенно установился уравнительный раздѣлъ земель, положившій временно, по крайней мѣрѣ, конецъ ненормальнымъ отношеніямъ въ примѣненіи имущественныхъ правъ однообщественниковъ на землю об-

щины. Порядок, естественно и логично сложившийся при многоземелье, не влекущий за собой никаких печальных результатов, пока земли было в изобилии, сдѣлался аномальнымъ по мѣрѣ увеличения населенія и сокращенія свободныхъ для запашекъ и покосовъ мѣстъ. Конфликтъ, неизбежный при этихъ условіяхъ, между общиной и индивидуомъ, между групповымъ и индивидуальнымъ эгоизмомъ кончился у черноморскихъ казаковъ такъ же, какъ и на Дону, торжествомъ общины, которая въ своемъ новомъ преобразованномъ видѣ получила силу для дальнѣйшаго нормальнаго развитія.

Въ центральной полосѣ Россіи крестьянская земельная община уже сложилась окончательно, мѣстами развила даже весьма сложные типы; въ другихъ мѣстностяхъ, какъ, напримѣръ, у донскихъ и черноморскихъ казаковъ, она продолжаетъ еще складываться. Внутренніе распорядки общины на сѣверѣ, регулируемые мѣстнымъ обычнымъ правомъ, отразили правовыя воззрѣнія крестьянъ и привели къ развитію крайне интересныхъ нормъ землепользованія. Но ни въ одной изъ областей Россіи община въ ея постепенномъ развитіи не поддается такому детальному изученію, какъ въ Сибири. Сибирь—это «золотое дно», какъ говоритъ народная молва, оправдываетъ это названіе и въ отношеніи этнографическихъ матеріаловъ и въ частности по вопросу о развитіи общины. Въ виду разнообразія формъ землевладѣнія въ Сибири представляется полная возможность намѣтить основные моменты въ ходѣ развитія земельной общины и этимъ освѣтить нѣкоторые вопросы по ея исторіи какъ въ Россіи, такъ и на Западѣ. Къ тому же сибирскія земельныя отношенія представляютъ въ началѣ своего развитія много общихъ чертъ съ сѣверно-русской долевой общиной, описанной А. Я. Ефименко; но на сѣверѣ побѣдили индивидуалистическія начала, въ Сибири же, наоборотъ, восторжествовало начало общинное.

Сибирское землевладѣніе представляетъ чрезвычайно пеструю картину, «въ которой, по выраженію А. А. Кауфмана, отсутствуетъ только одна форма — единичное, подворнонаслѣдственное владѣніе; субъектомъ владѣнія землей, основано-ли оно на утвержденномъ отводѣ», или другихъ официальныхъ актахъ, «или опирается просто на свободный захватъ казенныхъ земель, всегда является не отдѣльный дворъ, а общество крестьянъ». Исключеніемъ изъ этого общаго правила можно считать одиночныя заимки въ тайгѣ, на пустошорожныхъ земляхъ. Но онѣ представляютъ лишь зародышевую форму землевладѣнія и

почти всегда развиваются въ селенія съ общимъ владѣніемъ землей. Обществомъ, совместно владѣющимъ землею, является иногда цѣлая волость, иногда отдѣльное селеніе, въ иныхъ случаяхъ болѣе или менѣе многочисленная группа селеній. Волостная община представляетъ единицу надѣленія землей; но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вскорѣ обнаружилось стремленіе къ разложенію крупныхъ земельныхъ единицъ на меньшія, такъ называемыя селенныя общины.

Въ предыдущемъ изложеніи приходилось уже говорить о широкомъ правѣ заимокъ въ Сибири. Во многихъ мѣстностяхъ ея, особенно въ Иркутской и Енисейской губ., и до сихъ поръ наблюдаются случаи образованія среди пустопорожнихъ земель новыхъ поселеній. Въ прежнее, еще недавнее, время такіе случаи составляли обыкновенное явленіе. Этимъ-же путемъ шла часто колонизація Сибири. Свободныхъ земель было въ изобиліи. Каждый желающій выбиралъ казавшееся ему наиболѣе удобнымъ мѣсто, селился на немъ, строилъ, поднималъ цѣлину, гдѣ ему «глянулось». Обыкновенно ему не приходилось нарушать ничьихъ правъ; иногда же онъ при этомъ насильно отгнѣснялъ прежняго владѣльца земли, инородца. «Присмотрѣвъ себѣ достаточно просторное, вообще подходящее къ его вкусамъ пространство земли, нишетъ А. А. Кауфманъ, припелецъ «занимаетъ» его, захватываетъ его и устраиваетъ на немъ свою «заимку»; онъ строитъ себѣ домъ, хозяйственныя постройки, огораживаетъ вокругъ нихъ «поскбтину» — выпускъ для скота, разрабатываетъ подъ пашню и покосъ столько земли, насколько у него «хватаетъ силы» и постепенно расширяетъ свои владѣнія во всѣ стороны, гдѣ только находятъ удобныя для того мѣста. Такимъ-же точно порядкомъ совершается захватъ и въ томъ случаѣ, когда облюбованный участокъ «занимаетъ» не одна семья, а цѣлая группа семей: тогда всѣ дома ставятся въ «кучѣ», окружаются общею поскотиной, и затѣмъ каждая семья захватываетъ для себя иногда въ обособленныхъ урочищахъ, а чаще — въ перемежку, нужную ей пахотную и сѣнокосную землю. Возникшее такимъ образомъ поселеніе разрастается, если мѣсто выбрано удачно, отчасти естественнымъ путемъ, отчасти путемъ подселенія постороннихъ лицъ, которое охотно допускается первоначальными заимщиками, потому что одинокая жизнь представляетъ естественныя неудобства, а въ тайгѣ нерѣдко оказывается и не безопасною. Каждый вновь образующійся дворъ, какъ и первоначальные насельники, «занимаетъ», захватываетъ подъ свое хозяйство оставшіяся еще свободными земли». Таковъ былъ первоначальный ходъ заселенія Сибири. Въ западной части ея этотъ порядокъ отошелъ уже болѣе или менѣе въ область

прошлаго. На востокъ же, въ губерніяхъ Енисейской и Иркутской, гдѣ удобныя для заселенія земли охватывала со всѣхъ сторонъ необъятная, дремучая тайга, образованіе займогъ, разрастающихся постепенно въ самостоятельныя селенія, въ настоящее время происходитъ довольно часто. Уже не разъ приходилось говорить, что займочное право имѣетъ много общихъ чертъ съ правомъ собственности; было также указано, почему право на займу нельзя считать за проявленіе права собственности на недвижимость. Селенія, гдѣ каждый домохозяинъ владѣетъ извѣстнымъ разработаннымъ участкомъ и общей покотинной, общими лугами и пр., носить какъ признаки общиннаго, такъ и подворнаго владѣнія; между тѣмъ оно ни то, ни другое. «Захватное владѣніе въ комбинаціи съ вольнымъ пользованіемъ, мѣтко опредѣляетъ изслѣдователь крестьянской общины въ Сибири, — это та первоначальная форма владѣнія, тотъ зародышъ, который возникаетъ при чрезвычайно рѣдкомъ населеніи и почти безграничномъ земельномъ просторѣ; какъ въ зародышѣ, въ захватной формѣ есть признаки, свойственныя и общинному и подворному владѣнію; какъ изъ зародыша, изъ нея съ теченіемъ времени можетъ развиваться и чисто подворное, и чисто общинное владѣніе». Въ этой своей формѣ сибирское землевладѣніе представляетъ, по вѣрному замѣчанію Кауфмана, много общихъ чертъ съ древнимъ правомъ на землю въ Малороссіи и во многихъ другихъ мѣстахъ, въ томъ числѣ и въ Германіи; въ указанныхъ мѣстахъ развилось частное землевладѣніе, въ Сибири же — общинное. Причину торжества общиннаго начала надъ индивидуальнымъ въ Сибири одивъ изъ изслѣдователей, г. Дубенскій, видитъ «во влияніи тѣхъ воззрѣній, которыя огромное большинство колонизаторовъ приносило съ собою съ мѣсть своей родины, въ связи съ системой взиманія казенныхъ податей подъ круговымъ ручательствомъ всѣхъ членовъ податной общины». Безусловно, что указанные факторы наряду съ правительственными мѣропріятіями могли поддерживать развитіе сибирской общины. Едва ли, однако, возможно искать въ нихъ основной причины этого развитія. Взгляды, «принесенныя съ родины» могли, кромѣ того, найти себѣ примѣненіе лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ селилось сразу нѣсколько семействъ, а не тамъ, гдѣ займа устраивалась первоначально единолично: въ этихъ послѣднихъ случаяхъ эгоистическія стремленія къ индивидуализаціи земли не могли встрѣтить препятствія. Поэтому, взглядъ А. А. Кауфмана на этотъ вопросъ представляется болѣе справедливымъ: «дѣло, пишетъ онъ; въ присутствіи вообще крестьянину-пахарю, независимо отъ его происхожденія, воззрѣнія на землю, какъ на «ничью», «Божію», «Государеву», какъ

на фондъ, изъ котораго *каждый* имѣеть равное съ другими право черпать себѣ средства существованія; на почвѣ *этого* воззрѣнія дѣйствуетъ, при отсутствіи направленныхъ на поддержку личнаго начала внѣшнихъ вліяній, основной двигатель—«утѣшеніе», а затѣмъ—процессъ развитія общинныхъ порядковъ можетъ найти себѣ подспорье и въ разныхъ случайныхъ вліяніяхъ, каковы податная система и даже прямое вмѣшательство администраціи». Такимъ образомъ, одинъ и тотъ же факторъ, именно *утѣшеніе*, можетъ привести къ двумъ различнымъ результатамъ: на сѣверѣ оно вызвало частное землевладѣніе, въ Сибири дало торжество общины, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ, напримѣръ, на Дону и въ Закубань.

Трудно найти единую причину для объясненія этого страшнаго на первый взглядъ факта. Едва-ли будетъ ошибочно, допуская дѣйствіе различныхъ факторовъ, принять, что основнымъ регуляторомъ исхода борьбы между индивидуалистическими и общинными стремленіями слѣдуетъ считать большую или меньшую населенность общины. На сѣверѣ Россіи, также и въ казачьихъ общинахъ, борьба изъ-за земли происходила между богатымъ, обезпеченнымъ землей, въ силу права захвата, элементомъ и болѣе бѣднымъ, не имѣющимъ достаточнаго количества земли. Во всѣхъ станицахъ, гдѣ бѣдноты еще мало, побѣда остается на сторонѣ богатыхъ; лишь тамъ, гдѣ количественно немущій элементъ въ значительной степени пересиливаетъ обезпеченное казачество, и своей многочисленностью отодвигаетъ на второй планъ вліяніе послѣдняго, община одерживаетъ побѣду, и наоборотъ. Численный-же перевѣсъ бѣдноты, становящійся опаснымъ для обезпеченнаго класса земельной общины, можетъ развиваться только въ населенныхъ мѣстностяхъ. Тамъ, гдѣ населеніе небольшое, вліяніе состоятельнаго элемента подчинить себѣ тѣмъ или другимъ путемъ недовольныхъ или принудить ихъ къ выселенію. Такъ было на сѣверѣ Россіи, гдѣ деревни состояли изъ ничтожнаго количества дворовъ. Но въ частонаселенныхъ казачьихъ станицахъ получаетъ перевѣсъ общинное начало. Въ Сибири общинное начало могло восторжествовать именно оттого, что къ моменту, когда наступаетъ утѣшеніе, поселки разрослись уже въ многочисленныя по своему составу группы. Взглядъ на землю, какъ на «ничью», традиціи, принесенныя съ родины, податная система и пр. сыграли лишь роль содѣйствующихъ побѣдѣ общины факторовъ.

Развитіе сибирской общины намѣчается слѣдующимъ образомъ. «Ключъ къ согласованію при захватномъ владѣніи верховнаго права общины съ неограниченностью правомочій отдѣльныхъ общественниковъ

на захваченныя ими земли, пишетъ А. А. Кауфманъ, лежить въ крайнемъ избыткѣ земли... Община.... не вмѣшивается въ земельныя отношенія, вытекающія изъ захватнаго владѣнія, не потому, чтобы она не имѣла на то права, а потому, что не видитъ въ этомъ необходимости». Естественно, что захватная форма землевладѣнія не можетъ быть равномерной. Бѣдный хозяинъ не имѣетъ подчасъ возможности осуществить своего идеальнаго права на захватъ участковъ. Но пока земли много, немущій элементъ безусловно силится отстаивать равномерность въ распредѣленіи земли. Богачи, заинтересованные въ сохраненіи захватнаго пользованія, указываютъ прежде всего на свободу для каждаго распахать сколько угодно изъ пустующей земли, далѣе на трудъ, потраченный ими при расчеткѣ своихъ участковъ. Пока есть свободныя земли, ихъ доводы имѣютъ большую силу. Не слѣдуетъ забывать, что крупныя заимщики пользуются зачастую фантической властью на сходахъ, благодаря своему богатству. Изъ всего этого понятно, почему захватное владѣніе очень часто продолжаетъ существовать и тамъ, гдѣ оно вовсе не отвѣчаетъ интересамъ большинства. Когда угодій становится все менѣе, богатые заимщики все больше теряютъ подъ собою почву, и интересъ бѣдноты удовлетворяется путемъ перехода къ общинно-уравнительному пользованію землей.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что «процессъ развитія формъ пользованія землею не происходитъ равномерно на всей линіи общинныхъ порядковъ..... исчезновеніе захватныхъ формъ всегда обуславливается недостаткомъ (конечно, очень часто лишь весьма относительнымъ) въ угодьяхъ, а, слѣдовательно, и ихъ высокою цѣнностью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь весьма рельефно выступаетъ и вліяніе трудового начала. Пока земли было много, начало это понималось весьма широко, и всякій, вложившій свой трудъ на землю, тѣмъ самымъ навсегда (или точнѣе—на неопредѣленно продолжительное время) приобреталъ право на исключительное владѣніе этой землею. Съ измѣненіемъ обстоятельствъ община вспоминаетъ, что... количество труда, вложеннаго въ раскультивированье пашень или расчистку покосовъ, бывало весьма неодинаково: если трудъ, затраченный на расчистку подъ пашню, полонимъ, крупнаго листовничнаго лѣса, дѣйствительно можетъ окупиться лишь весьма значительнымъ числомъ урожаевъ, то расчистка подъ пашню рѣдкаго березняка, а тѣмъ болѣе—подъемъ степной цѣлины, вполне оплачивается первыми же двумя—тремя урожаями.... Разница въ трудности раскультивированія тѣхъ или другихъ угодій, а отсюда и въ продолжительности времени, нужнаго для того, чтобы

могъ оплатиться затраченный трудъ, является... вторымъ факторомъ, влияющимъ на послѣдовательность перехода къ общинно-уравнительному пользованію». Такъ какъ недостатокъ въ сѣнокосныхъ угодьяхъ сказывается почти повсемѣстно раньше недостатка въ пашенныхъ земляхъ, и расчистки покосовъ встрѣчаются гораздо рѣже, чѣмъ земель подъ пашни, переходъ къ уравнительному пользованію обыкновенно начинается съ мервыхъ. Въ предѣлахъ однихъ и тѣхъ же угодій къ уравнительному пользованію обращаются также не одновременно. Сначала переходятъ заливные луга: они прежде всего больше цѣнятся, а во вторыхъ въ нихъ не вложено труда. Затѣмъ уже выдѣляются изъ права индивидуальнаго владѣнія лѣсные покосы, менѣе урожайные, и расчистка которыхъ требуетъ труда.

Въ отношеніи къ пашнямъ захватная форма никогда не превращается непосредственно въ пользованіе уравнительно-душевое; является сначала промежуточная форма, которую можно назвать *захватно-общинной*. Прежнее право захватить участокъ земли, отгнѣтивъ его, и затѣмъ, не пользуясь имъ, оставлять его въ своемъ владѣніи, при наступившемъ угнѣненіи, значительно измѣняется. Требуется, чтобы займщикъ дѣйствительно потратилъ на захваченный участокъ свой трудъ и при томъ весьма скоро послѣ зачатія его. «Срокъ между внѣшнимъ выраженіемъ захвата (постановка зарубокъ и т. п.), по словамъ Кауфмана, и проявленіемъ фактическаго пользованія устанавливается обычаемъ самый короткій, обыкновенно едва только достаточный для того, чтобы пользованіе осуществилось». Если же за это время займщикъ не успѣетъ приложить труда на свой участокъ, этотъ послѣдній становится свободнымъ, и другое лицо можетъ захватить его.

Точно также и моментъ прекращенія владѣнія, «постепенно приводится къ моменту прекращенія фактическаго пользованія». Право на распашку отдохнувшихъ залежей, въ началѣ сохраняемое въ теченіе двадцати—пятнадцати лѣтъ, падаетъ до трехъ лѣтняго срока. Одновременно происходитъ со стороны общины и стѣсненіе займщиковъ въ ихъ правѣ отчуждать землю, какъ путемъ продажи или залога, такъ и передачей по наслѣдству. Въ концѣ концовъ захватная форма землепользования переходитъ въ захватно-общинную, при которой общинникъ имѣетъ право на землю лишь до тѣхъ поръ, пока вкладываетъ въ нее свой трудъ. Такимъ образомъ, «первоначальная форма владѣнія землей, основанная прежде всего на захватѣ, оккупации, хотя и въ связи съ трудовымъ началомъ, постепенно смѣняется другою формой, въ основѣ которой лежитъ исключительно *одно только трудовое*

начало». Борьба между этими двумя формами происходит въ настоящее время въ Енисейской и Иркутской губ. Но постепенно и эта новая форма становится стѣснительной. Мало по малу всѣ лучшія земли оказываются разобранными; свободными остаются худшія или истощенныя. Это вызываетъ новое вмѣшательство міра. Постепенно идея захвата вытѣсняется, хотя бы захватъ и былъ основанъ на трудѣ, и замѣняется идеей поравненія. вмѣстѣ съ тѣмъ селеніе переходитъ отъ захватно-общинной формы къ формѣ *общинно-уравнительной* или *душевой*. «Переходнымъ моментомъ являются такъ называемыя отводы — явленіе, особенно обстоятельно изученное въ восточно-сибирскихъ губерніяхъ». «Главные недостатки захватно-общинной формы, пишетъ Кауфманъ, можно свести къ *непрочности и неравномѣрности* землевладѣнія. Соответственно этому, и отводы имѣютъ двойной характеръ, имѣя цѣлю, какъ говоритъ г. Дубенскій, «съ одной стороны, сдѣлать давнее владѣніе возможно прочнымъ и безспорнымъ, съ другой—по возможности урегулировать землепользованіе въ количественномъ... отношеніи. Въ первомъ случаѣ приходится имѣть дѣло съ *отводами земель, никѣмъ не занятыхъ*, во второмъ—съ тѣмъ, что принято называть *отводами-отрѣзками*». Отводы перваго рода задолго предшествуютъ вторымъ; сначала община присваиваетъ себѣ только исключительное право распоряжаться такъ называемыми «безродными», вымороченными пашнями; она ограничивается наложеніемъ своего вѣло только на захватъ земель, никѣмъ не занятыхъ, отводя ихъ по своему усмотрѣнію или въ пожизненное пользованіе, или на опредѣленный періодъ или.. до «новаго передѣла». Этимъ путемъ общество только препятствуетъ дальнѣйшему росту неравномѣрности. «Но разъ только обычай призналъ за обществомъ право распоряжаться хотя бы только пустующими землями... онъ неизбежно, съ теченіемъ времени, распространяетъ это право уже на всѣ земли безъ изыятія—какъ свободныя, такъ и занятыя; такимъ путемъ создаются *отводы-отрѣзки*», имѣющіе уже характеръ *частично поравненія*. Они въ свою очередь распространяются лишь постепенно и очень медленно. Сначала только въ отдѣльныхъ случаяхъ отрѣзаютъ землю у тѣхъ хозяевъ, у которыхъ, по мнѣнію общества, ее слишкомъ много, отдѣльные куски отдаются тѣмъ, у кого земли мало, или чаще совершенно нѣтъ. Отрѣзки въ началѣ дѣлаются на глазъ, община прекрасно знаетъ размѣры землевладѣнія каждаго общественника. Далѣе начинаютъ сглаживаться и менѣе бросающіяся въ глаза неравномѣрности. Отдача отрѣзковъ повторяется все чаще; въ то же время и сами отрѣзки приобрѣтаютъ все болѣе и болѣе

точный характер. Затѣмъ ужъ производство правильнаго передѣла является лишь вопросомъ времени. Передѣлъ не вноситъ уже ничего новаго по существу; онъ является только способомъ болѣе полнаго достиженія той цѣли, которую имѣли въ виду постепенныя отрѣзки. Иногда, преимущественно въ Иркутской губ. и въ Каинскомъ округѣ, отрѣзки производятся на основаніи одного общаго общественнаго приговора. Этимъ достигается очень несовершенная форма передѣла, которая нѣкоторыми изслѣдователями называется «*общимъ поравненіемъ*». «Кромѣ такого постепеннаго перехода отъ захватнаго пользованія къ несовершеннымъ формамъ частнаго или «*общаго поравненія*» и уже отъ нихъ—къ правильному передѣлу, общинно-уравнительное пользованіе иногда возникаетъ и инымъ путемъ: передѣлъ совершается сразу и достаточно точнымъ способомъ, но лишь по отношенію къ части пахотныхъ земель», какъ это происходитъ въ казацкихъ общинахъ. Иногда передѣлъ совершается только относительно вымороченныхъ пашень, какъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Иркутской губерніи, или дѣлятся подъ наши земли, удобныя для земледѣльской культуры, но имѣвшія прежде другое назначеніе, напримѣръ, части выгоновъ, какъ въ Томской и Енисейской губерніяхъ.

Что касается до способовъ передѣловъ земли въ Сибирскихъ общинахъ, они представляютъ значительное разногласіе. Главнѣйшіе изъ нихъ заключаются въ слѣдующемъ: 1) Частичная переверстка, наиболее простая форма передѣла. Она заключается въ передачѣ душевыхъ надѣловъ умершихъ членовъ общества выросшимъ «малолѣтамъ», причемъ, если послѣднихъ оказывается больше, чѣмъ выбывшихъ членовъ, имъ нарѣзываются участки изъ свободныхъ земель. 2) Ближко подходящій къ изложенному порядку передѣлъ «*по старшинству*», «*по старинѣ*», «*по отчеству*», «*по вотчинѣ*». Это, по словамъ Кауфмана, «одинъ изъ способовъ кореннаго передѣла, примѣняемыхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда число «новыхъ» душъ больше числа ревизскихъ, и когда, слѣдовательно, количество земли, имѣющееся достаться на душу, меньше доставшагося на душу по предыдущему передѣлу. Сущность этого способа состоитъ въ томъ, что каждый хозяинъ удерживаетъ... столько изъ прежде состоявшей въ его пользованіи земли, сколько ему слѣдуетъ получить «по новому расчисленію», а оказавшуюся излишнюю землю «отдаетъ въ общество». Изъ этихъ излишковъ получается фондъ для надѣленія лишнихъ душъ. Община старается, насколько возможно, отдать «малолѣтамъ» землю, принадлежавшую ихъ ближайшимъ родственникамъ («по отчеству»); «только тѣ малолѣты, для надѣленія которыхъ не находится свободныхъ «отеческихъ»

надѣловъ, такъ, напริมѣръ, «малолѣты безъ отчества», получаютъ всю землю изъ отрѣзковъ, которая комбинируются въ душевые надѣлы по соображеніямъ общины или ея доверенныхъ». 3) Наконецъ, въ Сибири практикуется иногда и широко прижинаямая въ средней полосѣ Европейской Россіи жеребьевка, занесенная сюда изъ европейскихъ губерній. При жеребьевкѣ каждый душевой пай отгибается особымъ знакомъ и затѣмъ производится вынутіе жребія. Въ основѣ указанныхъ трехъ способовъ передѣловъ лежитъ начало *объективнаго равенства*: «земля въ каждомъ изъ устанавливаемыхъ общиною сортовъ предполагается безусловно равноцѣнною, и, слѣдовательно, каждая душевая полоса—объективно-равною каждой другой полосѣ того же сорта, и распределеніе полосъ либо предоставляется случаю, либо основывается на принципѣ «старшинства». Но для того, чтобы такой передѣлъ былъ справедливъ, требуется, чтобы при оцѣнкѣ земли были приняты всѣ условія, чего въ дѣйствительности не бываетъ: такъ, напрімѣръ, при передѣлѣ «по старшинству» «малолѣтамъ безъ отцовщины» въ видѣ общаго правила доставались надѣлы и хуже расположенные и по качеству уступающіе надѣламъ «старыхъ душъ».... Стремясь достигнуть всеобщаго удовлетворенія безъ чрезмѣрнаго дробленія угодій, сибирская община выработала другое начало... *субъективнаго равенства*; она стремится уже не къ тому, чтобы всѣ душевые надѣлы были совершенно равны между собой, а къ тому, чтобы *всякій общественникъ былъ такъ же доволенъ своимъ надѣломъ, какъ и каждый другой*. Этой цѣли удовлетворяютъ передѣлы, извѣстные подъ именемъ *перевоя* или *торга*. Община устраиваетъ нѣчто въ родѣ аукціона на каждый душевой надѣлъ; онъ достается въ пользованіе тому изъ общественниковъ, кто согласится платить полный душевой окладъ, и въ то же время беретъ *наименьшее количество угодій или наилучшаго качества*. Два вида подобнаго рода передѣловъ: 1) передѣлъ «въ надорожку» и 2) «на сбавокъ» оба практикуются въ Западной Сибири. Сущность передѣла *въ надорожку* заключается въ томъ, что конкуренты, если таковыхъ является нѣсколько на одну полосу, повышаютъ оцѣнку пашни; въ концѣ концовъ, при равномъ общемъ размѣрѣ всѣхъ душевыхъ надѣловъ, получается лишь *различное распределеніе ихъ по сортамъ*. При передѣлѣ *на сбавокъ* изъ нѣсколькихъ желающихъ спорная полоса достается тому, кто сдѣлаетъ наибольшую сбавку съ ея площади, кто, другими словами, «приметъ наименьшую долю десятины за полную десятину». Постепенный переходъ отъ права захвата и вольнаго пользованія къ уравнительному совершается и отно-

сительно других угодий. О способах пользования лѣсами и недровниками было сказано раньше. И тутъ общимъ принципомъ является стремленіе общины, при наступающемъ утѣненіи, дать возможность всѣмъ однообщественникамъ пользоваться лѣсными угодьями въ одинаковой мѣрѣ, соответственно нуждамъ каждой хозяйственной единицы.

Разнообразныя формы представляетъ, наконецъ, развитіе способовъ пользования сѣнокосами. Остановиться на нихъ подробнѣе будетъ не безынтересно. При обиліи земли и покосовъ господствуетъ пользование вольное; оно въ отношеніи покосовъ имѣетъ двѣ разновидности. «При той и другой, сообщаетъ Кауфманъ, всѣ желающіе ежегодно выѣзжаютъ на покосъ въ опредѣленный общинною день, и каждый становится косить на любомъ мѣстѣ, никого не спрашиваясь и не стѣсняясь желаніями и соображеніями другихъ общественниковъ». «Вольные сѣнокосы, говоритъ г. Филимоновъ, особенно подробно описавшій эту форму, вольно косить всякому: «кто первый пришелъ съ косой, тотъ и правъ». Если на какой либо вольный покосъ является два—три—четыре домохозяйна въ одно время, то они большею частью полюбовно дѣлятъ сѣнокосъ между собой.... Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда сѣнокосное мѣсто очень хорошо, дѣло рѣшается иногда боемъ».... Это—наиболѣе обычная разновидность «вольнаго» пользованія покосами, при которой каждый общественникъ коситъ, гдѣ ему угодно, но не можетъ никому помѣшать косить хотя бы непосредственно возлѣ себя, «коса о косу»,—и если ему становится тѣсно, долженъ самъ уйти и искать себѣ для косьбы другого, болѣе просторнаго мѣста. Но эта разновидность представляется сравнительно болѣе новою; несомнѣнно старѣе другая . . . , которая и до сихъ поръ наблюдается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ... Это—вольное пользованіе, соединенное съ правомъ «закоса»: въ назначенный общинной день каждому общественнику предоставляется «окосить» или «затыпать» кругомъ такое пространство, какое онъ сможетъ обойти, и это пространство поступаетъ на данное лѣто въ исключительное пользованіе закосившаго. «При поѣздкѣ на затынку вольныхъ сѣнокосовъ, говоритъ г. Филимоновъ, каждый мчится «во весь духъ», «во весь карьеръ» на дуга, именно на то мѣсто, которое онъ раньше намѣтилъ для сѣнокосенія. По приѣздѣ на намѣченное мѣсто, косецъ беретъ косу, «кладетъ мѣтку или тянки», прислушиваясь въ то же время, не ѣдетъ ли кто иной на «затыпываемое» имъ мѣсто. «Клада мѣтокъ» заключается въ томъ, что косецъ обкашиваетъ со всѣхъ сторонъ мѣсто, которое онъ предназначилъ для

своего скоса, обыкновенно, впрочемъ, не сплошнымъ прокосомъ, а съ болѣе или менѣе значительными перерывами—и «замѣченный» или «затыпанный» лугъ считается неприкосновенною временною собственностью косца.... Въ тѣхъ случаяхъ..., когда одновременно подѣзжали къ одному и тому же урочищу два лица, они, начавъ «дѣлать тяпки», вслѣдствіе ночной темноты или тумана допускали нерѣдко ошибки такого рода, что «тяпки одного заходили за тяпки другого». Тогда съ разсвѣтомъ приступали «къ разводу», который производился полюбовно, такъ, чтобы ни тому, ни другому не было обидно; въ сомнительныхъ случаяхъ вопросъ разрѣшался «конаніемъ на палкѣ» или иною формою жеребьевки; первый день сѣнокоса или «раскосный день» цѣлкомъ проходилъ въ разводахъ, конаньяхъ, ссорахъ, спорахъ и подчасъ дракахъ, причѣмъ только къ концу дня уяснялось, кто гдѣ «положилъ тяпки», и кто гдѣ долженъ косить. Въ силу этого и самый скосъ сѣна начинался только со слѣдующаго дня». Захватныя формы сохранились въ настоящее время лишь въ сравнительно немногихъ мѣстахъ; въ Иркутской губерніи, напримѣръ, покосы почти всюду перешли уже въ уравнительное по душамъ пользованіе; онѣ чаще всего имѣютъ мѣсто въ богатомъ покосами Ачинскомъ округѣ Енисейской губерніи.

Вольное пользованіе, при которомъ допускается «закашиванье», «затыпыванье» покосовъ, по мѣрѣ сокращенія земельнаго пространства, вездѣ уступаетъ мѣсто другой формѣ пользованья. «Закашиванье» уже не допускается; каждому хозяину разрѣшено косить, гдѣ ему угодно, не стѣняя, однако, другихъ. Заливные же луга болѣею частью уже находятся въ общинно-уравнительномъ пользованіи. Нѣкоторое ограниченіе вольнаго сѣнокосенія можно усмотрѣть въ установленіи дня начала сѣнокоса, а также въ запрещеніи нажимать поденщиковъ для уборки сѣна на вольныхъ покосахъ. Такія предписанія существуютъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири. Они имѣютъ, очевидно, цѣлю болѣе равномерно распредѣлить доходъ между отдѣльными домохозяевами.

«Болѣе опредѣленный переходный характеръ имѣетъ слѣдующее явленіе: общественники, чтобы слишкомъ многимъ не столкнуться на одномъ урочищѣ и не терять времени на поиски свободныхъ мѣстъ, начинаютъ передъ выѣздомъ на покосъ условливаться, кому куда ѣхать... при такомъ уговорѣ, конечно, каждый дѣйствуетъ съ такимъ расчетомъ, чтобы не попасть на урочища, куда собирается слишкомъ много народу, и, такимъ образомъ, уже достигается приблизительно правильное распредѣленіе общественниковъ по сѣнокоснымъ

урочищамъ; если затѣмъ нѣсколько человѣкъ сошлось на одномъ сѣнокосномъ урочищѣ, то онять-таки условливаются: одному косить одинъ уголь, другому—другой. На дальнѣйшей ступени всѣ общественники въ опредѣленный день выѣзжаютъ для осмотра покосовъ, каждый намѣчаетъ себѣ мѣсто, гдѣ онъ намѣренъ косить, и сообщаетъ объ этомъ остальнымъ; если кому при такой разбивкѣ достанется слишкомъ мало, то общество дѣлаетъ ему прирѣзку отъ того либо изъ сосѣдей. Очевидно, что переходъ отъ такого порядка, который нельзя назвать передѣломъ, къ настоящему передѣлу... уже весьма легокъ, и къ тому же переходъ отъ каждой изъ намѣченныхъ ступеней къ послѣдующей совершается такъ медленно и постепенно, что сами крестьяне не могутъ обыкновенно указать года, съ котораго у нихъ начались передѣлы покосовъ». Распространенность общинно-уравнительнаго пользованія сѣнокосами, какъ было сказано выше, зависитъ значительно отъ качества самихъ покосовъ, отъ степени ихъ изобилія или недостатка, вслѣдствіе чего заливные луга подвергаются передѣлу раньше, чѣмъ менѣе цѣнные покосы, лѣсные, болотные и т. п. Но влияние свойствъ угодій и цѣнности ихъ отражается дальше и на самихъ формахъ общинно-уравнительнаго пользованія. Относительно сроковъ передѣловъ сѣнокосныхъ участковъ общимъ правиломъ можетъ считаться обычай ежегоднаго передѣла. Иногда впрочемъ, но лишь въ качествѣ исключеній, встрѣчаются и случаи передѣловъ на долгие сроки. Въ Иркутской губерніи, напримѣръ, также и въ Западной Сибири около трехъ четвертей покосныхъ общинъ приняли ежегодный передѣлъ, и лишь немногія дѣлятъ покосы на срокъ болѣе трехъ лѣтъ. «Такое преобладаніе по отношенію къ сѣнокосамъ ежегодныхъ передѣловъ, пишетъ Кауфманъ, изслѣдователи единодушно объясняютъ крайнимъ непостоянствомъ урожаявъ травы на разныхъ участкахъ общественныхъ покосовъ... если трава родится въ одинъ годъ на однихъ, въ другой—на другихъ урочищахъ, то передѣлъ, вполнѣ уравнительный для перваго года, можетъ оказаться совершенно не-уравнительнымъ для втораго». Это же обстоятельство приводитъ къ господству способовъ передѣловъ сѣнокосныхъ участковъ, покоящихся на началахъ субъективнаго равенства.

Если оставить употребительный способъ дѣленія сѣнокосовъ по жребію—«жеребьевку», можно отмѣтить преобладаніе приемовъ, «основанныхъ не на пространственномъ равенствѣ, а на субъективной равноцѣнности душевыхъ надѣловъ». Распространеніе же жеребьевки на покосы, въ то время, какъ этотъ способъ мало практикуется относительно пашенныхъ участковъ, объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что «по-

росы, большею частью, являются свободнымъ даромъ природы, и потому по отношеніи къ нимъ, говоря вообще, не могъ установиться тотъ принципъ старшинства, противорѣчіе которому является главнымъ препятствіемъ, мешающимъ принимать жеребьевку по отношенію къ пахотнымъ землямъ».

Приемы передѣловъ покосныхъ участковъ на началахъ субъективнаго равенства отчасти сходны съ тѣми, которые имѣютъ мѣсто при передѣлахъ пахотныхъ земель; отчасти они представляютъ отъ нихъ отклоненія, не нарушающія, впрочемъ, нисколько общаго принципа раздѣлить такъ, чтобы каждый хозяинъ былъ доволенъ своимъ участкомъ.

Вышеизложенныя свѣдѣнія о сибирской общинѣ указываютъ, что развитіе ея шло, такъ сказать, совершенно нормальнымъ порядкомъ. Разъ, при возникновеніи коллизій между индивидуалистическими и общинными стремленіями, побѣда осталась на сторонѣ послѣднихъ, дѣятельность общины медленно направляется по пути ограниченія индивидуалистическаго эгоизма и расширенія и уравновѣшиванія правъ отдѣльныхъ членовъ общины. Принципъ коллективизма, одержавши верхъ, распространяетъ свое дѣйствіе постепенно на угодыя, нужная большинству, регулируетъ ихъ пользованіе и кончаетъ правильными надѣлами. Такимъ образомъ, по мѣрѣ развитія нужды, община захватываетъ и распространяетъ свои права постепенно на все угодыя: сѣнокосы, пахотные участки, наконецъ, лѣса. Основными принципами въ развитіи общины служатъ: 1) что все члены общины имѣютъ одинаковое право на пользованіе общественной собственностью и 2) что никто не можетъ пользоваться тѣмъ, что нужно общинѣ, какъ цѣлому. Но эти принципы получаютъ реальное осуществленіе лишь медленно: цѣлый рядъ болѣе или менѣе неудачныхъ попытокъ предшествоуетъ окончательному развитію общины съ правильными передѣлами, съ установленной прочной нормой надѣловъ и пр.

Подробнѣе остановиться на сибирской общинѣ пришлось потому, что она даетъ возможность прослѣдить постепенное развитіе земельныхъ отношеній, происходившее и происходящее въ значительной степени естественнымъ путемъ. Кроме того, въ Сибири возможно лучше, чѣмъ во многихъ другихъ мѣстностяхъ, прослѣдить исторію общины съ самаго начала ея возникновенія, начиная отъ захвата извѣстнаго участка одной семьей. Наконецъ, административное воздѣйствіе сказывалось въ Сибири крайне мало. Здѣсь отсутствовало также осложняющее дѣйствіе крѣпостнаго права, какъ во многихъ мѣстахъ Россіи, гдѣ уже одно различіе между государственными и помѣщичьими крестьянами наклад-

дывало специфическія черты на ходъ развитія сельской общины. Все это даетъ возможность наблюдать въ Сибири общину въ ея, такъ сказать, наиболѣе чистомъ видѣ. Но тѣ заключенія, къ которымъ приводятъ свѣдѣнія о практикуемыхъ въ Сибири формахъ землепользованія, о развитіи однихъ, менѣе совершенныхъ способовъ въ другіе, болѣе сложные и совершенные, не ограничиваются, естественно, ея предѣлами. Переходъ къ правильнымъ предѣламъ, къ торжеству общинныхъ началъ совершался почти тѣмъ же путемъ и въ описанныхъ казачьихъ общинахъ Дона и Кубанской Области. Много аналогичныхъ чертъ, подмѣченныхъ для Сибири, можно найти въ крестьянскихъ общинахъ Европейской Россіи. Община здѣсь значительно болѣе развилась, чѣмъ въ Сибири, выработала гораздо болѣе сложную структуру. Она часто является въ отношеніи къ сибирской общинѣ лишь продолженіемъ и развитіемъ тѣхъ нормъ, которыя эта послѣдняя только намѣтила, и которыя община въ Европейской Россіи, вслѣдствіе различныхъ условій пережившая ранѣе примитивныя стадіи развитія общиннаго землевладѣнія, выработала и развила подъ вліяніемъ принципа уравниванія правъ общественниковъ на землю.

Не поднимая вопроса о будущности русской общины, какъ не входящаго въ предѣлы этнографическаго изученія, нельзя обойти молчаніемъ того, что во многихъ мѣстностяхъ Европейской Россіи, при существованіи общиннаго землевладѣнія, выступаетъ вновь индивидуалистическій принципъ, стремящійся замѣнить общинное землевладѣніе подворнымъ. Это явленіе признавалось нѣкоторыми изслѣдователями за неоспоримое доказательство упадка общинныхъ началъ и неизбежности перехода къ частному землевладѣнію. Значеніе подобныхъ фактовъ для этнографіи весьма велико. Невозможно утверждать, что общинное землевладѣніе въ Россіи на вѣки гарантировано въ своемъ существованіи, что оно не можетъ, какъ это имѣло мѣсто на Западѣ и въ самой Россіи, на сѣверѣ въ XVII—XVIII-хъ в.в. или въ Малороссіи, распасться на подворное, частное. Все это, безъ сомнѣнія, можетъ имѣть мѣсто; но данныя современности, на которыхъ основываются эти утвержденія, не достаточны для ихъ оправданія. Г. В. В. въ своемъ трудѣ «Крестьянская община» подвергъ основательному разбору эти факты и пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) Мѣстами крестьяне не желаютъ передѣловъ; это явленіе часто существуетъ среди бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ, иногда, однако, и у бывшихъ государственныхъ. 2) Крестьяне прямо составляютъ приговоры о введеніи подворнаго землевладѣнія. 3) Иногда практикуется выкупъ общинной земли отдѣльными крестьянами. Случаи послѣдняго рода

являются слѣдствіемъ законодательныхъ нормъ, и ограничить это стремленіе къ выкупу община не въ состояніи. Поэтому, они не могутъ свидѣтельствовать о разложеніи общиннаго строя, тѣмъ болѣе, что осуществитъ предоставленное закономъ право выкупа могутъ только единичные, наиболѣе обезпеченные хозяева. Что касается до выражаемаго мѣстами со стороны крестьянъ нежеланія приступать къ передѣламъ, въ немъ нельзя еще видѣть осужденія общиной общинныхъ порядковъ. Его «нельзя признать основаннымъ на вполнѣ сознательномъ отношеніи міра къ предмету, такъ какъ при наличности этого сознанія развивающіеся порядки были бы оформлены юридически законнымъ приговоромъ о подворненіи частнаго владѣнія на мѣсто общиннаго. Пока этого не сдѣлаю, замѣчаетъ г. В. В., на предметъ нужно смотрѣть такимъ образомъ, что развитіе описываемыхъ явленій совершается благодаря безучастному отношенію міра, протекающему отъ отсутствія у крестьянъ яснаго представленія о смыслѣ совершающихся явленій, особенностей и значеніи общиннаго и подворнаго владѣнія земель». Это объясненіе можетъ относиться преимущественно только къ бывшимъ владѣльческимъ крестьянамъ, не осуществившимъ до освобожденія общиннаго строя, получившимъ затѣмъ надѣлы и, если можно выразиться, еще неопытныхъ въ способахъ общиннаго землепользованія. О сознательномъ стремленіи къ перемѣнѣ формы землевладѣнія здѣсь рѣчи еще быть не можетъ. «Если считать серьезнымъ рѣшеніемъ, выражаемое крестьянами вскорѣ послѣ перваго появленія идеи передѣла, намѣреніе не дѣлить землю, то это, конечно, равносильно уничтоженію общины обычнаго типа, пишетъ г. В. В. Но въ такомъ случаѣ общество... попытается закрѣпить существующее распределеніе земли законнымъ приговоромъ о переходѣ къ подворному владѣнію. Пока этого приговора нѣтъ, на отрицательное отношеніе крестьянъ къ передѣлу... нужно смотрѣть не иначе, какъ на переходный моментъ въ эволюціи общинно-земельной идеи, за которымъ можетъ послѣдовать не только переходъ къ подворному владѣнію, но и осуществленіе передѣла». «Иное слѣдуетъ сказать, продолжаетъ г. В. В., о тѣхъ явленіяхъ противу-общиннаго характера, которыя обнаружались среди членовъ союза, давно практиковавшаго мирскіе распорядки», напримеръ, среди бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Эти стремленія вызываются или благодаря сознанію крестьянами неудобствъ существующихъ порядковъ или влиянію членовъ (обыкновенно богатыхъ) общества, которымъ стали извѣстны уже другія формы владѣнія землей, и которые желаютъ провести ихъ изъ личныхъ выгодъ. Рѣшеніе вопроса зависитъ, однако, лишь отъ временнаго настроенія членовъ

общины. Нерѣдко постановляется приговоръ о введеніи подворнаго землевладѣнія; но существованіе приговора «если даже послѣдній не явился, что часто бываетъ, результатомъ недоразумѣнія», не доказываетъ еще наличности вполне сознательнаго отношенія міра къ вопросу; приговоръ «свидѣтельствуетъ только объ отрицательномъ отношеніи крестьянъ къ общинѣ въ самый моментъ постановленія приговора». Это ясно видно въ тѣхъ случаяхъ, когда приговоръ о подворномъ владѣніи появляется одновременно съ передѣломъ земли по новымъ душамъ. «Фактъ совершенія передѣла доказываетъ, что большинство членовъ общины желаетъ уравненія землепользованія.... Постановленіе же одновременно съ этимъ приговора о переходѣ къ подворному владѣнію служитъ свидѣтельствомъ, что сегодняшнее большинство желаетъ таковаго уравненія только для себя». Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда подобный приговоръ есть результатъ серьезныхъ обсужденій, община часто не считаетъ себя связанной этими предшествующими приговорами. Встрѣчаются общины, «гдѣ приговоръ о прекращеніи передѣловъ нисколько не вліяетъ на агитационную дѣятельность сторонниковъ послѣднихъ, гдѣ общество, не взирая на существованіе приговора, продолжаетъ распоряжаться надѣлами отдѣльныхъ лицъ по старому.... гдѣ, наконецъ, большая часть или даже всѣ члены союза отрицаютъ самый фактъ постановленія приговора о переходѣ къ подворному владѣнію». Ко всемъ этимъ фактамъ можно прибавить еще, что «безразличное отношеніе массы крестьянъ къ тому, въ какихъ выраженіяхъ записанъ приговоръ, и поголовная безграмотность населенія нѣкоторыхъ мѣстностей.... приводятъ къ тому, что иногда приговоръ общины, занесенный въ книгу постановленій, имѣетъ весьма слабое подобіе съ дѣйствительнымъ постановленіемъ міра, представляя, по выраженію г. В. В., гораздо больше «раагуль писарской фантазіи, нежели воспроизведеніе того, что имѣло мѣсто въ дѣйствительности».

Если откинуть всѣ эти факты, количество случаевъ, гдѣ община сознательно и такъ сказать навсегда переходитъ отъ общиннаго къ подворному землевладѣнію, сообразится до ничтожнаго числа. Они не дадутъ права утверждать, что община въ Европейской Россіи изжила себя, что среди крестьянъ является сознательное стремленіе къ ея уничтоженію. Если многіе изслѣдователи приходили къ этому выводу, это объясняется отчасти недостаточно критическимъ отношеніемъ къ зарегистрированнымъ фактамъ, отчасти заманчивостью общаго вывода о неизбѣжности хода развитія извѣстнаго института. Община во многихъ странахъ переходила въ частное землевладѣніе;

слишкомъ естественно было предположить, что и дни русской общины въ Европейской Россіи сочтены, разъ появились на сцену индивидуалистическія стремленія отдѣльныхъ лицъ. Случаи перехода къ подворному землевладѣнію принимались безъ критики за первыя проявленія побѣды личнаго начала надъ общиннымъ. Между тѣмъ, какъ было указано, факты, кромѣ случаевъ, когда переходъ къ подворному землевладѣнію покоится на недоразумѣніи, свидѣтельствуютъ только о томъ, что борьба индивидуалистическаго и общиннаго принципа, проходящая красной нитью черезъ всю исторію общины, какъ и собственности вообще, обострилась въ настоящее время въ общинахъ Европейской Россіи. Предсказывать побѣду тому или другому началу, однако, было-бы преждевременно.

Х. Собственность женщинъ.

При обзорѣ развитія правъ на движимость имѣлись въ виду всегда тѣ члены общины, которые при господствѣ отцовскаго рода, продолжаютъ оставаться въ группѣ, т. е. мужчины. Имущественное положеніе женщинъ, по крайней мѣрѣ, на болѣе высокихъ ступеняхъ культуры, оставалось въ сторонѣ. Прежде чѣмъ покончить съ развитіемъ первобытной собственности, необходимо остановиться и на собственности женщинъ.

На низшихъ ступеняхъ культуры между мужчинами и женщинами нѣтъ разницы въ правахъ собственности. На этой стадіи, при неразработанности имущественныхъ отношеній и незначительномъ количествѣ предметовъ, которыми обладаетъ дикарь, естественно не можетъ еще возникнуть принципиальной разницы между собственностью мужчинъ и женщинъ. Последнія, какъ и первые, имѣютъ право индивидуальной собственности на предметы одежды и украшенія, которыя обыкновенно кладутся въ могилу вмѣстѣ съ ихъ обладательницами. Трудъ, какъ источникъ собственности, одинаково признается какъ въ отношеніи мужчинъ, такъ и женщинъ. Но право пользованія результатами труда для мужчины ограничивается только групповыми интересами; результатъ же женскаго труда находится подъ двойнымъ контролемъ группы и сожительствующаго съ женщиной въ хозяйственномъ единеніи мужчины. Женщина имѣетъ право располагать свободно только тѣми изъ предметовъ, сработанными ею, которые не нужны для хозяйственной группы: она можетъ ихъ, напримѣръ, вымѣнивать на украшенія, считающіяся ея личной собственностью. Но въ отношеніи къ труду, потраченному ею на добычаніе пищи, выступаетъ уже другой принципъ: она можетъ воспользоваться доставленными ею продуктами питанія только по удовлетвореніи

аппетита мужа и другихъ членовъ группы, раздѣляющихъ съ нимъ столъ. Здѣсь, такимъ образомъ, ярко выступаетъ двойное подчиненіе женщины мужчиной: какъ членомъ группы и какъ индивидуальнымъ обладателемъ женщины, для котораго она является прежде всего рабочей силой, обязанной служить его интересамъ.

Пока группа не опредѣлилась въ единое хозяйственное цѣлое, имущественное положеніе мужчинъ и женщинъ не представляетъ, такимъ образомъ, рѣзкихъ различій. Въ этомъ отношеніи не замѣчается также существенной, по крайней мѣрѣ, переменны и тогда, когда группа, образуя единое хозяйственное цѣлое, ведетъ счетъ по женской линіи. Материнскій родъ въ тѣхъ случаяхъ, когда родственники живутъ въ совмѣстномъ хозяйствѣ, не расширяетъ имущественныхъ правъ женщинъ. Эти послѣднія продолжаютъ служить рабочей силой, эксплуатируемой въ пользу группы. Если же въ извѣстныхъ случаяхъ роль женщины въ такомъ хозяйствѣ даетъ ей возможность приобрести нѣкоторую личную свободу, эта послѣдняя не находитъ себѣ выраженіе въ развитіи правъ на индивидуальную собственность. Женщина слишкомъ тѣсно связана съ родственной группой, въ которой она живетъ, и группа для своего существованія требуетъ отъ нея слишкомъ большого напряженія силъ на пользу общую, чтобы индивидуальная собственность имѣла возможность развиваться. Какъ и на болѣе низкой ступени культуры, женщина имѣетъ право индивидуальной собственности лишь на одежду, украшенія и пр., однимъ словомъ, на ненужные для существованія группы предметы. Количество ихъ становится иногда больше, но это объясняется развитіемъ экономического быта, позволяющаго женщинамъ, какъ и мужчинамъ, обращать излишекъ въ свою пользу въ болѣе мѣрѣ, чѣмъ это возможно на болѣе низкихъ ступеняхъ экономического роста племени. Женщина, какъ членъ хозяйственной единицы, въ которой она живетъ и къ которой принадлежитъ по происхожденію, пользуется наравнѣ съ остальными членами родственно-хозяйственной группы общимъ имуществомъ. Вопросъ, въ какой мѣрѣ женщина имѣетъ право на обще-семейное имущество, не можетъ даже возникнуть, такъ какъ она не покидаетъ своей группы. Много было писано о личномъ имущественномъ безправіи мужчинъ при господствѣ материнскаго рода. Извѣстны факты изъ жизни дикарей, когда мужчины, напримѣръ, не имѣютъ права безъ разрѣшенія женщинъ воспользоваться малѣйшей долей сохраняемыхъ запасовъ и т. п. Но при материнскомъ родѣ, тамъ, гдѣ онъ сложился въ стройную, родственную и хозяйственную организацію, мужчина, какъ чужеродецъ, является безправнымъ въ отношеніи родового имущества

только рода своей жены: внутри своей собственной материнской родовой группы онъ вполне полноправенъ. Материнскій родъ управляется не женщинами, а мужчинами. Женщины, которыя на этой стадіи развитія, являются центромъ хозяйственной дѣятельности группы, имѣютъ право распоряженія запасами. Но это право, въ которое не можетъ вмѣшиваться мужъ - чужеродецъ, отнюдь нельзя смѣшивать съ правомъ собственности женщинъ на семейное имущество. Это послѣднее—собственность родовой группы, и женщины распоряжаются только той его частью, которая необходима для хозяйства. Права индивидуальной собственности она на него не имѣетъ: она находится въ тѣснѣйшей связи съ своей родственной группой, отъ нея она зависитъ и лично, и имущественно.

Такимъ образомъ, при развитіи материнскаго рода имущественныя права женщинъ не отличаются въ существенномъ отъ таковыхъ же правъ мужчинъ, поскольку эти послѣдніе оказываются членами своей родственной группы, все равно будетъ ли группа основана на утробномъ или отцовскомъ родствѣ. Это отношение индивидуальной собственности къ групповой продолжаетъ господствовать для мужчинъ и по развитіи отцовскаго рода и семейныхъ общинъ; но для женщинъ оно рѣзко видоизмѣняется съ момента, когда при развитіи агнатическаго рода женщина послѣ брака уходится въ группу своего мужа. Женщина является товаромъ купленнымъ, вымѣненнымъ или полученнымъ за работу или предметомъ похищеннымъ. Она считается собственностью своего мужа. Вслѣдствіе тѣсной связи, соединяющей родичей, и благодаря тому, что въ покупкѣ или похищеніи родичъ дѣйствуетъ не одинъ, а совместно съ своей группой, приобретенная женщина считается также собственностью рода или семейной общины, къ которой принадлежитъ и въ которую ввелъ ее мужъ. Личная зависимость женщины отъ мужа усиливается. Хотя случаи покупки себѣ женъ извѣстны и при материнскомъ родѣ, но мужъ при этомъ обыкновенно остается жить въ группѣ жены, и послѣдняя, такимъ образомъ, находится прежде всего подъ защитой своихъ родственниковъ. Оторванная же при уходѣ въ группу мужа отъ своей родни, женщина совершенно беззащитна. Личная ея зависимость, усиливающаяся при патриархальномъ строѣ, естественно, не можетъ содѣйствовать развитію ея правъ на индивидуальную собственность. Къ тому-же она чужеродка въ группѣ мужа, а, слѣдовательно, безправна относительно имущества чуждой ей родственной группы. Собственностью женщинъ считается только то, что она принесла съ собою изъ своей группы. Это имущество можетъ быть раздѣлено на двѣ главныя

категории: 1) ее личное дѣвичье имущество и 2) приданое, понимая подъ послѣднимъ только то, что группа женщины дала при выходѣ ее замужъ. Оба вида собственности, особенно въ началѣ представляютъ рѣзкое отличіе другъ отъ друга, какъ по своему содержанію, такъ и по своему происхожденію; однако, они часто смѣшиваются другъ съ другомъ, такъ какъ и то, и другое составляетъ собственность женщины и выдѣляется, какъ таковое, изъ группового имущества мужа въ отдѣльный разрядъ.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію происхожденія обоихъ видовъ женскаго имущества и отношенія къ нимъ обѣихъ группъ: жениной и мужниной, необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ положеніи, въ которое женщина при выходѣ замужъ становится къ своей родственной группѣ. При этомъ, конечно, имѣются въ виду лишь патріархальныя группы, такъ какъ при господствѣ материнскаго рода дѣвушка при замужествѣ обыкновенно не покидаетъ своей группы. Безъ этого отступленія институтъ женской собственности не можетъ быть въ достаточной мѣрѣ выясненъ.

Разъ родовая группа призываетъ исключительной связью родственное отношеніе по отцу, естественно, что женщина, выходящая замужъ въ чужой родъ, не можетъ быть продолжательницей рода. Если-бы женщина имѣла имущественныя права на собственность своей группы въ той-же мѣрѣ, какъ ихъ имѣютъ мужчины, ее братья, всякій выходъ замужъ сокращалъ бы значительно благосостояніе ее рода или семьи, а такое уменьшеніе избѣгается тщательно всѣми первобытными группами. Вслѣдствіе этого, женщина всюду устраняется отъ наслѣдованья или допускается къ нему въ меньшей степени, чѣмъ ее братья и другіе мужчины родственники. Этотъ принципъ, согласно которому нарушается равноправіе мужчинъ и женщинъ въ отношеніи правъ на семейное имущество, является характерной чертой патріархальнаго строя, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ проявленія группового эгоизма патріархальныхъ группъ. Исследователь встрѣчается съ нимъ почти всюду, гдѣ сталкивается съ патріархальнымъ строемъ.

Женщина допускается въ качествѣ полной наслѣдницы семейнаго имущества только тогда, когда нѣтъ мужчинъ-родственниковъ, имѣющихъ ближайшее право на него. Но даже и въ этихъ случаяхъ она часто ограничена въ своихъ правахъ. Какъ старательно родъ-семья ограждалъ имущество свое отъ перехода въ руки чужеродцевъ, можно видѣть изъ нѣсколькихъ нормъ наслѣдственнаго права даже такой культурной народности, какъ аеиняне. «У аеинянь, шипеть

Мэнъ (Maine), въ ту эпоху, когда мы впервые знакомимся съ ихъ правомъ, есть уже завѣщаніе, хотя его роль еще очень ограничена. Афинянинъ-отецъ, въ случаѣ опасенія, что у него не будетъ сыновей, можетъ присвоить себѣ сына, рожденнаго его дочерью, и наиболѣе употребительнымъ способомъ такого обезпеченія мужского потомства было завѣщаніе имущества—или, выражаясь точнѣе, и имущества и дочери вмѣстѣ—въ пользу избраннаго завѣщателемъ лица, подѣ условіемъ брака съ нею. Сынъ, рожденный отъ такого брака, достигнувъ извѣстнаго возраста, вводился въ семью своего дѣда со стороны матери... и принималъ его родовое имя, дѣлаясь въ то-же время юридическимъ представителемъ (Κύριος) своей собственной матери... У афинянъ... дочь человѣка, оставившаго имущество, но не имѣющаго сыновей, не была, строго говоря, наслѣдницей его. Она была, какъ указываетъ и самое слово, обозначающее этотъ порядокъ *Επίκληρος*, «лицомъ, переходящимъ вмѣстѣ съ имуществомъ». Если отецъ умиралъ безъ завѣщанія, на дочери лежало другое обязательство: именно выйти замужъ за ближайшаго родственника съ тѣмъ, чтобы семейное имущество не перешло въ руки чужеродцевъ. Принципъ сохраненія имущества въ семьѣ имѣлъ одно еще болѣе замѣчательное приложение. По смерти отца братъ могъ жениться на сестрѣ (единокровной, но не единоутробной). Этимъ сохранялась та часть семейнаго имущества, которое, если-бы братъ выдалъ свою сестру замужъ, перешла бы въ видѣ приданаго въ собственность чужого рода. Аналогія приведеннымъ нормамъ греческаго права можно найти и въ другихъ мѣстностяхъ. По словамъ Мэна желаніе воспрепятствовать дочерямъ переносить отцовское имущество въ чужую семью сказывается и въ индусскомъ правѣ. Напримѣръ, въ Пенджабѣ, дочь, при отсутствіи сыновей, наслѣдуетъ нѣкоторую часть отцовскаго имущества; если же она выходитъ замужъ, она не имѣетъ на него права. Обыкновенно, впрочемъ, зять въ такихъ случаяхъ усыновляется тестемъ. То же стремленіе оградить общее имущество отъ перехода въ чужія руки сказывается и долго спустя послѣ паденія родового быта. Оно наглядно наблюдается въ русской крестьянской семьѣ. Основаніе здѣсь совершенно то-же, какъ и у народностей, живущихъ въ родовомъ строѣ, именно экономическій принципъ, объединяющій группу. Являясь прежде всего хозяйственной единицей, русская крестьянская семья старается сохранить право на общее имущество только за мужчинами, ограничивая и даже иногда сводя на нѣтъ право женщинъ на семейное имущество. Этимъ объясняются всѣ нормы обычнаго наслѣдственнаго права, опредѣляющія право дочерей на общее

имущество семьи послѣ смерти отца. Въ тѣхъ случаяхъ, когда можно наблюдать эти нормы въ ихъ чистомъ видѣ, безъ примѣси постороннихъ влiяній, оказывается, что дочери совершенно устраниются отъ наследованья послѣ отца, если у умершаго остались и сыновья: «дочь при сынѣ въ наследствѣ не участвуетъ, что выражается, говорить Пахманъ, общей формулой: *сестра при братьяхъ не наследница*». Крестьяне приводятъ различныя объясненія этому правилу: указывается обыкновенно или на экономическую необеспеченность семьи, на неспособность женщины вести хозяйство или, наконецъ, на то, что женщины вообще «не имѣютъ правъ, а могутъ только надѣяться на милость». Въ общемъ отказъ женщинамъ въ правахъ наследства объясняется желанiемъ сохранить имущество въ рукахъ продолжателей семьи, мужчинъ. «Дочь въ семьѣ какъ-бы чужая», во всякое время готовая войти въ другую семью; выдѣленiе ей части изъ имущества умершаго было-бы потерей для прочихъ членовъ семьи, продолжающихъ хозяйство послѣ покойнаго. Взамѣнъ наследства дочь получаетъ содержанiе отъ братьевъ. Обыкновенно она остается на жительство у одного изъ нихъ, и онъ обязанъ кормить и одѣвать ее, а при выходѣ замужъ снабдить приданымъ по своему состоянiю; братъ заступаетъ сестрѣ мѣсто отца. Впрочемъ, эта обязанность братьевъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ признается не столько юридическою, сколько нравственною. Брату, взявшему на себя заботу о сестрѣ при раздѣлѣ наследства, выдаютъ большую противъ остальныхъ братьевъ долю. Таковы архаическiе взгляды крестьянъ на права женщины на семейное имущество. Даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ народное правосознанiе признаетъ уже за братьями обязанность выдѣлять по смерти отца своимъ сестрамъ нѣкоторую долю имущества, эта послѣдняя далеко не вездѣ точно установлена. Размѣръ ея зависитъ отъ воли братьевъ, и она опредѣляется выраженiями: дано «по усмотрѣнiю», «изъ милости», «малость», «малая часть», «малая толика» и пр. Стремленiе сохранить состоянiе въ родѣ умершаго и уничтожить возможность перехода семейнаго имущества въ руки чужеродцевъ находитъ себѣ яркое выраженiе и въ слѣдующей архаичной нормѣ обычнаго права русскихъ крестьянъ. Хотя въ настоящее время, какъ общее правило, дочь, при отсутствiи сыновей, наследуетъ обыкновенно все имущество отца, случается, однако, что «послѣ умершаго безъ сыновей наследство (вмѣстѣ съ хозяйствомъ) получаетъ его братъ, т. е. дядя дочери, а дочерямъ иногда даютъ $\frac{1}{4}$ часть, а иногда и ничего не даютъ, или-же, при братьяхъ умершаго, дочерямъ дается лишь незначительная часть на прокормленiе». Такимъ образомъ, болѣе

отдаленные наследники - мужчины устраняют от наследства дочерей. Все эти правила, сохранившиеся в быт русских крестьян, как воспоминание о бывшем родовом строе, встречаются часто с более определенным характером у народностей, у которых нормы родового строя более жизненны, чем среди русского крестьянства.

Принадлежа по крови к известной родственно-хозяйственной группе, женщина имеет право пользования семейным имуществом на равных правах с мужчинами. Но она должна рано или поздно войти в состав другой родственно-хозяйственной единицы, а, следовательно, она не может иметь права собственности на семейное имущество. Таким образом, при патриархальном режиме девушка имущественно безправна. Но в отношении индивидуальной собственности, добытой утилизацией своего труда, излишнего для группы, ее права также полны, как и права мужчин, входящих в состав семейной группы. Девушка этим путем накапливает себе платье, украшения и другие предметы, которые составляют ее неотъемлемую собственность, и которую она при выходе замуж уносит с собой в род или семью своего мужа. Это личное имущество женщины является в течение долгого времени единственным, которым она может располагать совершенно по своему усмотрению. Лишенная имущественных прав внутри своей родственной группы, женщина, по выходе замуж, не приобретает и новых прав на собственность в группе своего мужа. Она в отношении последней является чужеродкой и, как таковая, отстраняется от прав на семейное имущество группы мужа. Пока жив последний, она пользуется его имуществом или семейной собственностью мужа и совершенно безправна; после смерти его, она переходит, как объект наследования, к его ближайшим родственникам, которые берут ее, принимая на практике широко распространенный у некультурных народов институт левирата. Если она, оставшись вдовой с детьми от первого брака, не перейдет в руки родственников умершего, ей в некоторых местностях разрешается жить с ее детьми обособленным хозяйством. При этом обыкновенно назначается над ней опекуны из родственников умершего, наблюдающий, чтобы родовое имущество не расточалось вдовой. Иногда ей предоставляется вести хозяйство самостоятельно; но и в этом случае она не является собственницей имущества умершего своего мужа, а получает лишь временное право пользования и распоряжения им до совершеннолетия сыновей; эти последние, придя в возраст, стано-

вятся собственниками имущества и часто опекунами своих матерей. Имуществом женщины признаются обыкновенно лишь тѣ немногіе предметы украшенія и одежды, которые она успѣла приготовить себѣ въ теченіе своего дѣвчества. Имущество это обыкновенно настолько ничтожно, что группа мужа и родъ-семья женщины не заинтересованы въ немъ, и оно идетъ вмѣстѣ съ ней въ могилу.

Къ этому разряду женской собственности принадлежить и такъ называемые «коробья», «сундукъ», «скриня» великоруссовъ и малоруссовъ, которую въ разныхъ видахъ и размѣрахъ можно встрѣтить почти у всѣхъ народовъ. Основаніемъ коробки является имущество, накопленное дѣвушкой путемъ примѣненія личнаго труда въ предѣлахъ, разрѣшаемыхъ семьей. Въ настоящее время къ ней присоединяются и подарки родственниковъ и предметы, унаслѣдованные дѣвушкой отъ матери. Иногда даже семья отводитъ участокъ земли, который она предоставляетъ дѣвушкѣ воздѣлывать съ тѣмъ, чтобы результаты обработки шли на пополненіе дѣвичьяго имущества. Такъ, у болгаръ, по свидѣтельству Майнова, всякой дѣвушкѣ въ задругѣ предоставляется собственный огородъ или садъ. Она продаетъ продукты съ своего клочка земли, а полученные деньги нанизываетъ себѣ на ожерелье. Въ Владимірской губерніи, пишетъ Добротворскій, «когда минетъ дѣвушкѣ 13—14 лѣтъ, мать заявляетъ отцу, что пора ей дать «собину», и отецъ при посѣвѣ ярового начинаетъ оставлять каждый разъ для нея гдѣ нибудь на заднихъ загонахъ шматокъ земли отъ $\frac{1}{8}$ и до $\frac{1}{4}$, даже до $\frac{1}{2}$ десятины и засѣваетъ его льномъ». Ленъ съ этой полосы считается исключительной собственностью дочери. Она продаетъ сама или съ помощью матери сѣмя и волокно и покупаетъ себѣ платковъ, матеріи, бусъ и т. п. Такимъ образомъ въ теченіе пяти — десяти лѣтъ дѣвушка копитъ себѣ имущество, на которое ни отецъ, ни другіе семейные не имѣютъ никакихъ правъ. Степень, въ которой семья позволяетъ примѣнять дѣвушкѣ свой трудъ для накопленія коробки, находится въ непосредственной зависимости какъ отъ экономическаго благосостоянія группы, такъ и отъ развитія этическихъ началъ, заставляющихъ смотрѣть на имущественное безправіе женщинъ, какъ на актъ несправедливый. Чѣмъ выше экономическій ростъ группы, чѣмъ больше развитіе этическихъ взглядовъ на женщину, тѣмъ легче дѣвушкѣ составлять свое имущество.

Фактическое невмѣшательство группы мужа въ имущество жены переходитъ постепенно въ юридическія отношенія. Если на низшихъ ступеняхъ культуры группа мужа считаетъ себя въ правѣ распоряжаться имуществомъ купленной или похищенной жен-

щины, но не дѣлаетъ этого оттого, что это имущество не нужно ей, на болѣе высокихъ ступеняхъ группа мужа уже лишается этого права. Этому переходу фактическихъ отношеній въ юридическія содѣйствуетъ не только сила традиціи, но и измѣнившееся отношеніе къ дѣвичьей собственности въ группѣ дѣвушки. Пока дѣвушка имѣла возможность уносить съ собой лишь ничтожное имущество, ея родственная группа относилась къ этому безразлично, такъ какъ ничего не теряла отъ этого. Но, когда группа расширяла права дѣвушки на приобрѣтеніе собственности, когда послѣдняя получала известную цѣнность для семьи, родъ-семья дѣвушки, вышедшей замужъ, старательно оберегалъ ее отъ посягательствъ группы мужа. Отсюда возникло общее правило, согласно которому, если мужъ овдовѣетъ въ скоромъ времени послѣ брака, и умершая не оставитъ дѣтей, бывшее дѣвичье имущество ея должно быть возвращено въ родственно-хозяйственную группу покойной. Эта норма, чрезвычайно широко распространенная у множества народностей, сохраняется живо и въ русскомъ крестьянскомъ быту. Во многихъ мѣстностяхъ, коробыя, въ случаѣ непродолжительнаго, напримѣръ, одного-или двухлѣтняго брака и отсутствія дѣтей, должна быть возвращена мужемъ въ семью умершей жены. Мужъ иногда получаетъ только что-нибудь на память, напримѣръ, икону, постель и т. п. изъ предметовъ, принадлежавшихъ женѣ, иногда, какъ въ Владимірской губерніи, только пустую коробыю, «за которую мужъ заплатилъ свахѣ и бывшимъ подругамъ своей жены во время свадьбы». Исключеніе дѣлается когда послѣ жены остались дѣти. Въ такомъ случаѣ семья жены не вправе требовать возвращенія коробыи, такъ какъ ближайшими наследниками считаются дѣти. Мать можетъ распорядиться своимъ имуществомъ по усмотрѣнію. Если завѣщанія не было, наследниками юридически являются всѣ ея дѣти; но, такъ какъ само имущество состоитъ обыкновенно изъ предметовъ, нужныхъ только женщинамъ, сыновья на практикѣ исключаются изъ наследованья; имущество матери переходитъ къ дочерямъ, которыя и присоединяютъ полученные предметы къ своему дѣвичьему имуществу.

Приданымъ, въ отличіе отъ коробыи, считается имущество, которое дается дѣвушкѣ ея родней при выходѣ ея замужъ. Коробыя и приданое настолько тѣсно связаны на практикѣ другъ съ другомъ, что часто не дѣлается различія между тѣмъ и другимъ; коробыя, напримѣръ, у русскихъ крестьянъ, часто называется приданымъ и наоборотъ. Между тѣмъ, между этими обоими

разрядами имущества существуетъ значительная разница. Коробья, въ своемъ чистомъ видѣ—индивидуальная дѣвичья собственность, на которую никто, кромѣ дѣвушки, права не имѣеть. Во Владимірской губерніи, напимѣръ, дѣвушка, умирая, можетъ передать, кому пожелаетъ накопленное ею добро, свою «коробью», не только въ предѣлахъ своей семьи, но и чужимъ, подругамъ и пр. «Родители, пишетъ Добротворскій, обыкновенно не протестуютъ противъ того». Приданое въ чистомъ видѣ—имущество, отдаваемое добровольно или въ силу условія родней дѣвушки при выходѣ ея замужъ, имущество, на которое дѣвушка до замужества правъ собственности не имѣеть. Коробья—дѣвичья собственность женщины, приданое—ея собственность, какъ невѣсты и жены. Личное имущество дѣвушки, коробья, встрѣчается почти у всѣхъ народностей, какъ естественное слѣдствіе разрѣшенія со стороны семьи всѣмъ членамъ своимъ обращаться въ индивидуальную собственность предметы, ненужные группѣ, какъ цѣлому; приданое же, даваемое дѣвушкѣ при отдачѣ ея въ чужую семью, не можетъ считаться общимъ институтомъ. Оно встрѣчается далеко не всюду; даже въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи у великоруссовъ приданое неизвѣстно; коробья составляетъ единственное имущество выходящей замужъ женщины. Въ другихъ мѣстахъ, наоборотъ, и притомъ у народностей далеко не всегда болѣе культурныхъ, институтъ приданого достигъ значительнаго развитія.

Вопросъ о происхожденіи этого института едва ли можетъ быть вполне увѣренно рѣшенъ въ настоящее время. Оба предположенія, что приданое возникло самостоятельно, и что оно развилось изъ коробья, имѣютъ за себя извѣстную долю вѣроятія. Трудно также опредѣлить, какое имущество первоначально составляло приданое: отдавалась ли дѣвушкѣ при выходѣ замужъ часть семейнаго имущества, или жениху и его группѣ возвращалась доля калыма, покупной цѣны дѣвушки. Тѣ и другіе случаи извѣстны у различныхъ народовъ. Отдѣльныя народности могли разнымъ путемъ развивать институтъ приданого, такъ что эти вопросы, при современномъ состояніи знакомства съ нормами первобытнаго права, относятся, пожалуй, скорѣе къ мѣстной, чѣмъ къ общей этнографіи. Относительно психологической основы приданого, изслѣдователи, повидимому, правы, утверждая, что ее слѣдуетъ искать въ стремленіи родни выходящей замужъ дѣвушки обезпечить ее имуществомъ и этимъ сдѣлать ей жизнь въ чужой группѣ легче. Этотъ взглядъ ярко выраженъ, между прочимъ, въ одной свадебной пѣснѣ кареловъ, гдѣ дѣвушка, получая приданое, высказываетъ, что оно

дается ей съ тѣмъ, чтобы въ замужествѣ, въ чужой семьѣ ей бы лучше жилось.

Какъ бы то ни было, но приданое, разъ возникнувъ, дѣлается институтомъ чрезвычайно жизненнымъ. Оно развивается въ непосредственной зависимости отъ развитія народности, причемъ въ соответствіи съ этимъ стоитъ и само отношеніе къ приданому. При разсмотрѣніи этого важнаго института предстоитъ прежде всего рѣшить вопросы: 1) кто даетъ приданое, 2) какое имущество дается въ качествѣ его, а затѣмъ перейти и къ вопросу 3) объ отношеніи къ нему группъ мужа и жены и самихъ супруговъ.

За общее правило можно признать, что приданое дается группой дѣвушки и, слѣдовательно, распорядителемъ групповаго имущества, т. е. большакомъ. Таковымъ можетъ быть или родовой старѣйшина, или, въ семейныхъ общинахъ, отецъ, дѣдъ, дядя дѣвушки, однимъ словомъ, распорядитель хозяйственной группы, къ которой принадлежитъ выходящая замужъ. Приданое въ этихъ случаяхъ зависитъ естественно отъ доброй воли распоряжающихся судьбой дѣвушки лицъ или отъ условія, заключеннаго съ женихомъ или его группой. Часто въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ приданое не получило развитія, и гдѣ оно смѣшивается съ коробьей, оно дается по односторонней воли матери; эта послѣдняя, имѣя право распоряжаться собственнымъ своимъ приданнымъ, назначаетъ, на примѣръ, половину его дочери, или пріобрѣтаетъ собственными средствами имущество, которое должно пойти за дочерью. Такіе случаи извѣстны и среди великоруссовъ; они являются не болѣе, какъ выраженіемъ заботливости матери о судьбѣ дочери въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ имущественное безправіе дѣвушки на семейное имущество выступаетъ рѣзко. Среди русскихъ Сарапульскаго уѣзда Вятской губерніи, на примѣръ, приданое дѣвушки составляется «почти цѣликомъ изъ средствъ ея матери». На общей землѣ, по свидѣтельству В. П. Тихонова, отдѣляется кусокъ, который засѣваютъ льномъ, сѣменами, купленными на деньги матери. Холстъ, напряденный изъ этого льна, откладывается для дочери. Мать покупаетъ ей также на свои деньги два—три сарафана или даетъ ей изъ своихъ. Деньги выручаются матерью отъ продажи холстовъ, льянаго сѣмени, картофеля, посаженнаго на ея долю, лука и т. д. Во Владимірской губерніи, гдѣ семья заботится отчасти о приданомъ дочери, даетъ ей орудія, хозяйственныя принадлежности, даже иногда корову, право жены на излишки отъ молочнаго хозяйства, птицеводства и огородничества основывается отчасти на томъ, что «жева должна помогать своей дочери въ составленіи ея приданаго». Въ отдѣль-

ныхъ случаяхъ приданое, однако, дается не родителями. «Другіе родственники, говоритъ Пахманъ, которые воспользовались имуществомъ родителей невесты или перваго мужа невесты, также надѣляютъ ее приданымъ, каковы: дяди, братья родные и двоюродные, зятья, свѣкры, девери и пр. Роль всѣхъ этихъ родственниковъ обыкновенно иная, чѣмъ роль самихъ родителей. Назначеніе приданого со стороны родителей обуславливается вполнѣ ихъ усмотрѣніемъ. На другихъ же лицахъ лежитъ болѣею частью обязанность выдать невестѣ приданое, причеиъ и самый размѣръ получаемаго ею приданого не всегда зависитъ отъ произвола, а опредѣляется заранѣе или родителями невесты, при передачѣ имущества, или размѣромъ причитающейся невестѣ доли изъ имущества. Такъ въ особенности братья, получающіе наследство, обязаны.... снаряжать сестеръ приданымъ при выдачѣ ихъ въ замужество». Обязанность давать приданое, однако, не можетъ быть признана первобытнымъ правиломъ. Она возникаетъ, какъ естественное послѣдствіе упадка родовыхъ отношеній, съ одной стороны, и укоренившагося обычая не отпускать женщину замужъ безъ приданого, съ другой. Отсюда, такимъ образомъ, одинаково можетъ возникнуть договоръ, согласно которому, напримѣръ, свекръ или деверь при вторичномъ замужествѣ обязанъ дать приданое, и обязанность, напримѣръ, братьевъ награждать приданымъ своихъ сестеръ. Болѣе первобытныя отношенія рисуютъ институтъ приданого, какъ актъ добровольный, не перешедшій еще въ обязанность; и здѣсь, какъ и всюду въ первобытномъ правѣ, фактическія отношенія предшествуютъ установленію юридическихъ. Вслѣдствіе этого господства фактическихъ отношеній встрѣчается норма, что, хотя приданое и зависитъ отъ доброй воли распоряжающагося судьбой дѣвушки лица (отца или главы семейной общины), однако, въ составленіи приданого могутъ участвовать и остальные родичи, какъ члены семьи, такъ и члены другихъ родственныхъ хозяйственныхъ единицъ. Солидарность родственниковъ находитъ себѣ здѣсь выраженіе въ правѣ, иногда переходящемъ въ обязанность, дѣлать свадебные подарки невестѣ, которые и обращаются въ ея приданое.

Относительно имущества, изъ котораго составляется приданое, общимъ принципомъ можно признать, что оно состоитъ, главнымъ образомъ, изъ движимости. Недвижимость дается лишь крайне рѣдко, только послѣ упадка родовыхъ отношеній и при разложеніи семейныхъ общинъ. Это объясняется отношеніемъ первобытной группы къ землѣ, какъ къ главному и необходимому источнику благосостоянія. Только съ упадкомъ родовыхъ отношеній, ослабленіемъ узъ,

связующихъ въ единое экономическое цѣлое родственниковъ, становится возможнымъ отчужденіе недвижимости въ качествѣ приданого. Но даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно встрѣчается, отдача недвижимости обыкновенно стѣсняется рядомъ правилъ, затрудняющихъ пользованіе и обращеніе въ собственность мужемъ и его группой отданныхъ въ качествѣ приданого земельныхъ участковъ. Стремленіе сохранить наиболѣе цѣнное имущество въ рукахъ хозяйственно-родственной группы сказывается еще долго. Известное древне-греческое постановленіе, приписываемое Солону, согласно которому невѣсть запрещалось приносить въ приданое болѣе трехъ платевъ и нѣкоторыхъ предметовъ движимости, было направлено именно противъ передачи въ приданое недвижимости. Въ Индіи, даже тѣ изъ древнихъ памятниковъ права, которые наиболѣе сурово относятся къ имущественнымъ правамъ женщинъ, признаютъ, однако, за ними нѣкоторыя права собственности. Какъ общее правило брачная доля женщины, ея приданое «обыкновенно равняется известной определенной дроби той части, какую получили бы при раздѣлѣ» ея братья. Мало того, въ Индіи-же, гдѣ при распредѣленіи собственности нераздѣльной семьи «на каждую долю возлагается по закону обязанность «поддерживать» незамужнихъ женщинъ и вдовъ», гдѣ обезпеченіе женщинъ «считается не только справедливымъ и разумнымъ, но и настолько необходимымъ и обязательнымъ, что отказъ въ немъ былъ бы сочтенъ за нарушеніе долга благопристойности и легъ-бы позорнымъ пятномъ на фамиліи чести», женщинамъ не позволено, однако, «переносить на своихъ мужей... никакихъ правъ на ту собственность, на которой... какова земля, основывается и которой поддерживается совмѣстная жизнь общины». Примѣръ Индіи вполнѣ иллюстрируетъ отношеніе населенія къ участкамъ земли, даваемымъ въ приданое. Отдача въ приданое земельныхъ участковъ почти неизвѣстна и въ Россіи, ни у инородцевъ, ни у русскихъ. Она встрѣчается очень рѣдко и только тамъ, гдѣ родовые устои успѣли уже рухнуть, или гдѣ установилось подворное землевладѣніе. Такъ, напримѣръ, она имѣетъ мѣсто въ Малороссіи, иногда и на сѣверѣ Россіи. Здѣсь она наблюдалась часто особенно въ прежнее время, когда подворное землевладѣніе еще не было замѣнено общиннымъ. При этомъ встрѣчаются случаи отчужденія участка не въ полную собственность зятя, а лишь въ болѣе или менѣе долговременное пользованіе. Недвижимость въ качествѣ приданого появляется вообще сравнительно поздно.

Характеръ движимыхъ предметовъ, входящихъ въ составъ приданого, стоитъ въ зависимости отъ быта и хозяйственного строя

населенія. Въ этомъ отношеніи рѣзкую разницу можно провести между бытомъ скотоводческихъ и земледѣльческихъ народностей. У первыхъ приданое часто встрѣчается въ болѣе развитомъ видѣ, и оно болѣе богато, чѣмъ у земледѣльцевъ. Это объясняется тѣмъ, что у скотовода болѣе имущества, безъ котораго онъ можетъ обойтись, и что само имущество его болѣе легко дробится. Въ приданое у скотоводовъ обыкновенно идетъ большее или меньшее количество головъ скота; земледѣлецъ же часто условіями своего быта вынужденъ ограничить приданое только предметами домашняго обихода и рѣдко можетъ прибавить къ этому одну корову и нѣсколько овецъ. Киргизъ степнякъ, напримѣръ, кромѣ платья даетъ иногда въ приданое за дочью нѣсколько верблюдовъ, нѣсколько коровъ и лошадей и кромѣ того предметы домашняго обихода; земледѣлецъ крестьянинъ великорусскій отпускаетъ съ дочерью лишь одну корову. Иногда скотъ, притомъ всегда въ очень ограниченномъ количествѣ, составляетъ единственное приданое у великоруссовъ; но обыкновенно дѣвухи даются предметы, имѣющіеся въ семьѣ въ излишкѣ, или деньги. Если сравнить инвентарь приданого средняго степняка, напримѣръ: семь верблюдовъ, столько-же коровъ, скаковую лошадь, семь тулузовъ на лисьимъ мѣху, семь одѣялъ и двадцать пять халатовъ, съ обыкновеннымъ инвентаремъ крестьянскаго приданого, сравненіе окажется въ пользу степняка и не столько по количеству, сколько по разнообразію предметовъ. Дѣвушка у великоруссовъ, напримѣръ, за исключеніемъ коровъ или овецъ, денегъ и коробьи, увозитъ съ собою зачастую лишь икону, постель, иногда хлѣбъ и столовый приборъ.

Скотоводскій бытъ содѣйствуетъ, наконецъ, появленію и развитію правила, встрѣчающагося у многихъ народовъ, въ томъ числѣ и у нѣкоторыхъ русскихъ кочевыхъ инородцевъ, согласно которому дѣвочки, еще малолѣтней, дарится корова, самка оленя, коза и пр.; весь приплодъ, накопившійся отъ нихъ до момента замужества, считается ея приданымъ. Лопарскія невѣсты такимъ образомъ составляли себѣ приданое иногда въ нѣсколько сотъ оленей.

Размѣръ приданого зависитъ отъ усмотрѣнія дающихъ его лицъ. Условія относительно его появляются лишь съ упадкомъ родового-семейнаго строя и не могутъ быть признаны за архаичныя формы. Но какъ общее правило, особенно въ мѣстностяхъ, гдѣ за невѣсту вносится покупная плата (калымъ), обычай требуетъ, чтобы количество приданого стояло въ извѣстномъ соотноствіи съ размѣромъ калыма. Это требованіе можетъ возникнуть только тогда, когда самъ калымъ, какъ покупная плата, начинаетъ утрачивать свой

первоначальный смысл и держится по традиціи. Семья или родъ жениха, внося плату за невѣсту, требуютъ, чтобы ихъ затрата была имъ возвращена въ видѣ приданого. Сила этого обычая настолько велика, что боязнь укоровъ и осужденія въ недостаточномъ размѣрѣ приданого сравнительно съ калымомъ заставляетъ иногда давать приданого даже на большую сумму. Калымъ, такимъ образомъ, утрачиваетъ свой реальный смыслъ; онъ продолжаетъ сохраняться лишь въ качествѣ переживанія, какъ, на примѣръ, въ требованіи по обычному праву великоруссовъ кладки за невѣсту со стороны жениха. Кладка, бывшая прежде платой за невѣсту, перешла мѣстами постепенно въ требуемый отъ жениха денежный взносъ, который, однако, идетъ не въ семью дѣвушки, а на свадебные расходы и на покупку нарядовъ для невѣсты.

Первобытное право выработало два разныхъ отношенія къ приданому. Въ однихъ случаяхъ группа женщины, выдавъ приданое изъ своего имущества, продолжаетъ считать его своей собственностью, вслѣдствіе чего мужъ и его группа не могутъ имъ распоряжаться. Въ другихъ, приданое дается въ неограниченное пользованіе мужа и его группы, и женщина, сохраняя право пользованія имъ, не имѣетъ относительно его права распоряженія. Отсюда два главныхъ теченія въ области развитія женской собственности. Первое приводитъ къ имущественной раздѣльности супруговъ, второе, наоборотъ, къ имущественной общности. Не прослѣживая, гдѣ и при какихъ условіяхъ развивается то и другое, слѣдуетъ отмѣтить, что о собственности женщины на приданое рѣчь можетъ быть только тамъ, гдѣ развилась имущественная раздѣльность. Гдѣ восторжествовало противоположное начало, тамъ часто и коробья сливается съ приданнымъ, и женщина оказывается вполне безправной имущественно, какъ въ отношеніи къ мужу, такъ и его родственной группы. Начало раздѣльности въ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ выработало и обычное право русскихъ крестьянъ. «Родовая семья, пишетъ А. Я. Ефименко, давая приданое за дѣвушкой, выходящей замужъ, имѣетъ свой интересъ въ томъ, чтобы оградить это приданое отъ покушеній той семьи, въ которую дѣвушка вступаетъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дѣлаютъ открыто перечень всѣхъ вещей, которыя даются за дѣвушкой, чтобы она могла принести ихъ въ цѣлости назадъ, если случится ей вернуться въ родную семью. Изъ этого возникъ обычай, по которому приданое стало считаться неприкосновенною собственностью жены т. е. неприкосновенною для той семьи, въ которую вошла женщина, и гдѣ она въ огромномъ большинствѣ случаевъ и оставалась навсегда». При

жизни жены никто, ни мужъ, ни свекръ не имѣютъ права распоряжаться приданымъ; послѣ смерти оно идетъ дѣтямъ, и, если послѣднїя несовершеннолѣтнїи, приданое сдается опекунамъ, избраннымъ обществомъ, для сохраненїя его въ цѣлости. «Въ Архангельской губерши, напримѣръ, по свидѣтельству Пахмана, соблюдается такой порядокъ: отецъ умершей приводитъ приданое въ извѣстность, составляетъ опись и самъ наблюдаетъ, чтобы мужъ его умершей дочери не растратилъ приданого», иногда запираетъ его въ сундукъ и ключъ беретъ себѣ. Въ случаѣ, если дѣтей не остается, приданое возвращается въ семью умершей.

Таковы общїя нормы обычнаго права относительно приданого при имущественной раздѣльности супруговъ. Онѣ терпятъ нарушенїя лишь вслѣдствїе исключительныхъ, экономически неблагоприятныхъ обстоятельствъ, которыя заставляютъ семью мужа путемъ воздѣйствїя на жену побудить ее вложить наиболѣе важные предметы, составляющїе приданое, напримѣръ, скоть, деньги, въ общее семейное имущество.

Коробей и приданымъ естественно не исчерпываются объекты собственности женщинъ. Въ нее входятъ также подарки жениха и мужа; далѣе, она можетъ и въ чужой семьѣ обращать въ свою пользу излишекъ своего труда и пр. Но коробка и приданое могутъ считаться основными источниками собственности женщинъ на низшихъ ступеняхъ культуры. Разнообразныя правила, которыя первобытное право выработало у разныхъ народовъ, стоящихъ на различныхъ стадїяхъ цивилизаціи, относительно имущественныхъ правъ женщинъ, представляютъ вѣхи на пути исторїи развитїя ея собственности. Они же одновременно служатъ показателями постепенной *имущественной* эманципаціи женщины, являющейся основой для юридическаго освобожденїя ея личности изъ подъ опеки мужа и его группы, равно и отъ контроля ея родственниковъ. Въ началѣ, при господствѣ патріархальныхъ основъ, совершенно безправная женщина-товаръ постепенно прїобрѣтаетъ права на индивидуальную собственность. Въ зависимости отъ направленїя, которое принимаетъ дальнѣйшее развитїе права у каждой данной народности, она при имущественной раздѣльности становится самостоятельнымъ собственникомъ своего имущества, а при имущественной общности вырабатывается постепенно въ товарища-пайщика въ хозяйствѣ мужа. Это послѣднее, въ свою очередь, даетъ ей право на наслѣдованье послѣ мужа, дѣлаетъ ее вполнѣ равноправной.

XI. Признаки государства.

Вопросъ о развитіи государства можетъ считаться однимъ изъ самыхъ сложныхъ и неопредѣленныхъ. Поэтому слѣдуютъ прежде всего, такъ же, какъ при изложеніи исторіи развитія нормъ первобытнаго права, указать границы предстоящаго изслѣдованія. Предметомъ этнографіи не можетъ служить изученіе ни государственныхъ организмовъ вообще, ни развитія государственныхъ формъ у цивилизованныхъ народностей древности или современности. Задача этнографа гораздо скромнѣе. Онъ изучаетъ эмбриологию государства на основаніи этнографическихъ данныхъ; онъ старается прослѣдить элементы и основы, изъ которыхъ впоследствии эволюционировали тѣ государственные организмы, которые еще въ своихъ сравнительно неразвитыхъ формахъ освѣщаются первыми лучами исторіи въ Европѣ, Азіи и на берегахъ Нила.

Такимъ образомъ, этнографъ прежде всего ограниченъ въ матеріалѣ, подлежащемъ его изслѣдованію. Ему придется выключить изъ него государственныя формы, какъ бы онѣ ни были примитивны, у народностей, которымъ впоследствии было суждено играть выдающуюся роль въ исторіи цивилизаціи Европы въ древности и въ настоящее время. Но изученіе эмбриологіи государства на основаніи данныхъ описательной этнографіи будетъ, внѣ всякаго сомнѣнія, содѣйствовать уясненію и древнихъ, первоначальныхъ формъ государства у историческихъ народовъ. Эти послѣдніе, какъ мы видѣли, ни въ ходѣ развитія матеріальной культуры, ни въ эволюціи семьи и собственности не представили рѣзкихъ отличій отъ примитивныхъ ступеней цивилизаціи такъ называемыхъ дикарей. Исслѣдователь поэтому вправѣ ожидать, что рудиментарныя основы государственной жизни внѣ-историческихъ народовъ должны встрѣтиться и въ первобытныхъ государственныхъ формахъ великихъ монархій Месопотаміи, Египта,

въ государствахъ Греціи, Италиі, у кельтовъ, германцевъ и славянъ. Новѣйшія изысканія въ этомъ направлеши, дѣйствительно, лишь подтвердили это апіорное предположеніе. Цивилизованныя народности древности и современности невозможно выдѣлять въ особую группу и въ ходѣ развитія государства, какъ ихъ нельзя обособлять и въ другихъ отношеніяхъ.

Количество данныхъ о зачаткахъ государственной жизни у внѣ-историческихъ племенъ и народностей настолько значительно, что вполне возможно, не прибѣгая къ займу у историческихъ выводовъ, намѣтить важнѣйшіе элементы первобытной государственной организаціи. Различіе этнографическаго изученія государства отъ такового же съ исторической точки зрѣнія будетъ, такимъ образомъ, заключаться преимущественно въ матеріалѣ, надъ которымъ оперируетъ этнографъ въ отличіе отъ историка.

Государство служитъ виднымъ предметомъ изслѣдованія и со стороны юриста. Этотъ послѣдній изучаетъ его съ правовой-теоретической точки зрѣнія. Главную задачу юриста, если онъ не становится одновременно историкомъ, составляютъ теоретическое обоснованіе и опредѣленіе признаковъ государства. Этимъ самымъ юристъ отличается при изученіи государства отъ историка и этнографа. Для этнографа задача оканчивается тамъ, гдѣ начинается работа историка. Этотъ послѣдній въ свою очередь уступаетъ мѣсто юристу.

Этнографъ отвѣчаетъ на первый и существенно важный вопросъ, какъ зародилось государство, и прослѣживаетъ различныя формы его у внѣ-историческихъ племенъ и народовъ; историкъ изучаетъ его съ момента, когда государства историческихъ расъ освѣщаются свѣтомъ документальныхъ памятниковъ. Задача юриста заключается въ построеніи высшихъ теоретическихъ обобщеній на почвѣ, приготовленной этнографическими и историческими изслѣдованіями и розысканіями. Однимъ словомъ, юристъ изучаетъ, что есть государство, историкъ и этнографъ—какъ оно развивается.

Прежде, чѣмъ рѣшать вопросъ, какъ появилось государство, слѣдуетъ условиться, какую форму общежитія возможно называть этимъ именемъ. Общепринятый терминъ «государство» кажется вполне яснымъ и опредѣленнымъ, поскольку рѣчь идетъ о цивилизованныхъ расахъ. Никто не затруднится назвать государствами ни древній Египетъ, ни древне-греческія республики, ни республику или имперію древняго Рима. Но едва ли этимъ словомъ въ смыслѣ, который ему принято придавать, возможно будетъ опредѣлить, напримѣръ, неустойчивые союзы древнихъ германцевъ или кочевья, подвижныя орды

скиноевъ, сосѣдей древнихъ римлянъ и грековъ. Съ тѣмъ меньшей увѣренностью возможно говорить о государствѣ у папуасовъ или у краснокожихъ Америки. Вслѣдствіе неустойчивости термина давно уже стали стремиться дать точное опредѣленіе понятію о государствѣ. Какъ бы ни различались въ частностяхъ многочисленныя опредѣленія, они всё сходятся въ одномъ: для того, чтобы признать за извѣстной формой человѣческаго общежитія названіе государства, члены этого общежитія должны обладать опредѣленнымъ географическимъ райономъ и быть объединенными одной верховной властью. Такимъ образомъ, для понятія о государствѣ требуются три признака: *населеніе, территория и власть*.

Очевидно, однако, что эти признаки, взятые какъ таковые, встрѣчаются почти всюду въ человѣческихъ общежитіяхъ. Слѣдовательно, ихъ слѣдуетъ болѣе точно опредѣлять. Это и занимало, въ связи съ вопросомъ о происхожденіи государства, многіе выдающіеся умы, начиная съ древности. Дедуктивный методъ при разрѣшеніи этой задачи оказался мало удачнымъ. М. М. Ковалевскій справедливо замѣчаетъ: «Вопросъ о происхожденіи государства до сихъ поръ остается однимъ изъ самыхъ темныхъ и невьясненныхъ вопросовъ. Нельзя считать серьезными попытками къ его освѣщенію тѣ, которыя сдѣланы были въ XVII—XVIII в.в. школою естественнаго права, такъ какъ авторы отправлялись не отъ изученія фактовъ дѣйствительности, а отъ апіорныхъ положеній о природѣ человѣка и природѣ государственнаго союза. Онѣ интересны только подъ историческимъ угломъ зрѣнія, такъ какъ знакомятъ съ тѣми гипотезами, какія въ разное время приводили въ оправданіе своихъ социальныхъ и политическихъ тенденцій защитники теократій, абсолютныхъ монархій, аристократій и демократій... (Но) знакомство съ родоначальниками школы естественнаго права (Томомъ Аквинскимъ, Гоббсомъ, Руссо и т. д.) надо предпочесть чтенію тѣхъ многочисленныхъ курсовъ и трактатовъ, которые, начиная отъ Аренса (*Droit naturel*) и оканчивая Блаунчли (*Allgemeines Statsrecht*), подгоняютъ плохо изученные и взятые на вѣру историческіе факты подъ апіорныя теоріи, обыкновенно заимствованныя ими у предшественниковъ. Исторія застаётъ государства уже возникшими и потому не у нея, а у сравнительной этнографіи приходится искать разгадки этого явленія.... Совершенно праздными, заключаетъ Ковалевскій, можно считать тѣ разсужденія о цѣли или цѣляхъ государства, которымъ авторы общихъ трактатовъ по публичному праву и политикѣ отводятъ обыкновенно весьма широкое мѣсто». Въ самомъ дѣлѣ, не

априорныя размышленія могутъ содѣйствоватьъ точному опредѣленію государства, а свѣдѣнія, основанныя на изученіи жизни. Такъ какъ зачатки государства кроются всегда во внѣ-историческомъ еще періодѣ жизни народовъ, изученіе этихъ зачатковъ составляетъ прямую задачу этнографіи. Таковъ былъ взглядъ Летурно, Поста и Спенсера, поставившихъ вопросъ объ изученіи государства на правильную почву. Обращаясь къ даннымъ этнографіи, слѣдуетъ прежде всего разобрать указанныя выше признаки государства: населеніе, территорію и власть. Соотношеніе, въ которомъ находятся группа, семья или индивидуальный союзъ лицъ разнаго пола на первой ступени общественнаго развитія, подчиненіе индивида группѣ въ цѣляхъ сохраненія этой послѣдней были подробно рассмотрѣны въ отдѣлѣ о семьѣ и родѣ и формахъ первобытной собственности. Вопросъ, какиимъ образомъ человечество дошло до сознанія, что для благополучія цѣлаго отдѣльные индивиды должны поступаться личными интересами, могъ волновать только тѣхъ мыслителей XVII—XVIII-хъ вв., которые представляли себѣ первобытнаго человѣка одиокоимъ, живущимъ отдѣльно отъ подобныхъ себѣ. Подчиненіе личности интересамъ общей организаціи представлялся для нихъ крупнымъ шагомъ на пути прогресса, рисовалъ ли себѣ мыслитель идиллическую картину жизни свободнаго дикаря среди богатой природы, какъ это дѣлалъ Руссо, или первобытную эпоху жизни въ видѣ *bellum omnium contra omnes*, какъ предполагалъ Гоббсъ. Въ свѣтѣ современныхъ этнографическихъ данныхъ, какъ было указано не разъ, человѣкъ, оказывается, нигдѣ и никогда не живетъ изолированно: всюду онъ, борясь за существованіе, образуетъ группы. Является ли человѣкъ по природѣ своей «общественнымъ животнымъ» (*ζῷον πολιτικόν*), какъ его называлъ Аристотель, или нѣтъ, важно то, что только въ качествѣ такового онъ могъ отстоять свое существованіе на землѣ и сдѣлаться владыкой окружающихъ его силъ природы. Тѣ же отношенія между личностью и группой, которыя можно наблюдать въ обществахъ дикарей, еще недоразвившихся до понятій о родствѣ, были прослѣжены въ предыдущемъ изложеніи и въ союзахъ болѣе высокаго порядка, въ организаціяхъ, основанныхъ на счетѣ родства по женской линіи и въ патриархальномъ родѣ. Принудительное отрѣшеніе индивида отъ исключительно эгоистическихъ побужденій въ пользу цѣлаго, въ виду той же борьбы за существованіе, изслѣдователь встрѣчаетъ и въ другихъ гораздо болѣе развитыхъ агрегацияхъ человечества, включая современное, цивилизованное государство. Борьба за жизнь, которая прежде велась территоріальной группой, впоследствии родомъ или племенемъ, переходитъ на государство, употребляя послѣдній тер-

минъ въ общепринятомъ значеніи. Если для понятія о государствѣ необходимо прежде всего население, то подъ послѣднимъ разумѣется, естественно, не случайная группа людей, а совокупность лицъ, объединенныхъ въ одно цѣлое известными интересами. При этомъ интересы общей организаціи подчиняютъ себѣ таковыя отдѣльныхъ личностей, если послѣдніе приходятъ въ столкновение съ первыми. Будутъ ли интересы, объединяющіе группу людей, основаны на общности экономической жизни, на сознаніи общности происхожденія, на болѣе высокихъ началахъ, коренившихся въ этическихъ, религиозныхъ или культурныхъ причинахъ, изслѣдователь будетъ имѣть передъ собой первое условіе, которое требуется для государства т. е. население, въ которомъ индивидъ вынужденъ въ цѣляхъ самосохраненія подчинять свои эгоистическіе побужденія интересамъ общимъ. Этотъ первый признакъ государства существуетъ, такимъ образомъ, уже на низшей ступени культуры, у племенъ, не доразвившихся до понятій о кровномъ родствѣ. Таковыми въ настоящее время являются нѣкоторыя австралійскія племена, наиболее низко стоящія въ культурномъ отношеніи. Въ этомъ смыслѣ нѣтъ основной разницы между населеніемъ государства цивилизованнаго и населеніемъ территориальной орды; въ обоихъ случаяхъ отдѣльные индивиды принуждаются приносить въ жертву часть своихъ интересовъ въ пользу цѣлаго, внѣ котораго ихъ существованіе немислимо.

Внѣ территоріи нельзя представить себѣ государство. Но невозможно вообразить себѣ и ни одного человѣческаго обществѣ, которое стояло бы внѣ опредѣленной территоріи. Эта послѣдняя необходима для существованія первобытной группѣ, питающейся охотой и собираніемъ растений. Примитивная группа, не признающая еще кровныхъ узъ между своими сочленами, объединена, однако, уже известной территоріей. Связь территориальная предшествуетъ другимъ узамъ, соединяющимъ человечество въ группы: къ этому приводятъ группу экономическіе интересы, которые, благодаря своей рудиментарности и важному значенію, являются наиболее понятными для первобытнаго дикаря. Отъ особенностей населенной известной группой территоріи получаетъ свое наименованіе и сама группа, и съ перемѣной территоріи мѣняется иногда и ея названіе. Территориальное наименованіе предшествуетъ, такимъ образомъ, родовому имени. Дѣйствительно, группа въ поискахъ за пропитаніемъ стоитъ въ столь тѣсной связи съ территоріей, что, лишняя послѣдней, она осуждена была бы на вымирание и, слѣдовательно, не могла бы принимать участіе въ борьбѣ человечества за существованіе. Когда на смѣну

территориальной группѣ является родовая, экономическій принципъ долгое время держится еще въ обществѣ, и члены разныхъ родовыхъ союзовъ объединяются еще долго территориальнымъ экономическимъ принципомъ. Лишь послѣ того, какъ родовыя группы дѣлаются постепенно и самостоятельными хозяйственными единицами, первоначальная территориальная группа исчезаетъ. На группу родовую переходитъ центръ тяжести экономической жизни народа, и экономическая связь совпадаетъ съ кровной. Но родовая община представляетъ изъ себя выѣтъ съ тѣмъ и хозяйственную единицу, и члены, входящие въ нее, связаны въ равной мѣрѣ какъ узами кровными, такъ и экономическими. Та же территориальная связь объединяетъ людей и при дальнѣйшемъ разрастаніи группы въ племя или національность. Территорія является связующимъ звеномъ и для населенія государства.

Естественно, что представленія о территоріи на низшихъ ступеняхъ культуры иныя, чѣмъ при высокомъ государственномъ развитіи у современныхъ цивилизованныхъ расъ. Но и на зарѣ челоувѣчества территорія такъ же необходима для жизни первобытной группы, какъ и при расцвѣтѣ государства. Дикарь несомнѣнно въ меньшей степени связанъ съ своей территоріей, чѣмъ культурный челоувѣкъ. Онъ смотритъ на нее только съ утилитарной точки зрѣнія; нравственная связь, которая его могла бы удерживать въ территоріи, появляется лишь впоследствии, и первыми узами этого рода оказываются могилы предковъ. Если территорія не въ состояніи удовлетворять потребности первобытной группы въ пропитаніи, эта послѣдняя легко оставляетъ неблагоприятное мѣсто и ищетъ другого, болѣе подходящаго. Если въ предѣлахъ извѣстнаго участка земли, населеннаго группой, начинаются болѣзни или несчастія, группа объясняетъ это дѣйствіемъ враждебныхъ ей духовъ данной мѣстности. Она уходитъ отсюда, и, если она уже доразвилась до поклоненія предковъ, уноситъ съ собой, если возможно, и останки предшествующихъ поколѣній, или часть ихъ. Группа ищетъ себѣ лучшихъ мѣстъ и находитъ таковыя, или занимая свободный участокъ земли, которыхъ въ начальномъ періодѣ челоувѣческаго развитія, при рѣдкости населенія, всегда много, или вытѣсняя съ насильственныхъ мѣстъ своихъ болѣе слабыхъ сосѣдей. Она переселяется цѣлкомъ: немногочисленный составъ первобытныхъ группъ облегчаетъ поголовное выселеніе, а тѣсная связь индивида съ цѣлымъ не даетъ возможности отдѣльнымъ лицамъ дѣйствовать наперекоръ большинству. Эти переселенія съ размноженіемъ группы становятся рѣже; частыя въ группахъ первобытныхъ, у группъ разившихся численно они встрѣчаются въ качествѣ исключенія.

Кромѣ того, къ территоріи привязываетъ человѣка и степень затраченнаго на ея обработку труда. Вслѣдствіе этого, легче и чаще покидаютъ свою территорію группы, живущія охотой, рыболовствомъ или скотоводствомъ, чѣмъ первобытные земледѣльцы, положившіе трудъ на воздѣлыванье земли. Съ численнымъ увеличеніемъ группы переселенія перестаютъ также быть общими. Часть населенія болѣе инертная, болѣе обеспеченная или дорожащая насиженными мѣстами, всегда остается въ прежней мѣстности, образуя часто метрополию въ отношеніи къ своимъ ушедшимъ собратьямъ. Частичныя массовыя передвиженія, какъ извѣстно, не чужды и культурнымъ гоеударствамъ, которыя естественно не знаютъ общаго выселенія. Развитие культуры научило человѣка бороться за свое существованіе, при неблагоприятныхъ условіяхъ не покидая территоріи: усовершенствованныя орудія, раздѣленіе труда, развитіе промышленности и пр. позволяютъ населенію сохранять за собою территорію и переживать успешно тяжелыя кризисы. Этого не можетъ сдѣлать дикарь, если дичь на его территоріи уменьшится, или рыба отойдетъ отъ занимаемыхъ имъ береговъ. Но мѣняетъ ли первобытная группа часто свой участокъ, или она остается на немъ въ теченіе вѣковъ, территорія является неизбѣжнымъ условіемъ существованія группы. Территорія каждой группы, начиная съ низшихъ ступеней развитія, всегда точно опредѣлена, и границы ея всегда ясны. Путемъ взаимныхъ враждебныхъ столкновеній устанавливается *modus vivendi* между сосѣдними другъ другу группами, овредѣляется точно пограничная линия области, въ предѣлахъ которой данная группа имѣетъ право производить охоту или рыбную ловлю. Не только тамъ, гдѣ условія рельефа страны благопріятствуютъ установленію границъ, встрѣчается обособленность территоріи, но даже въ степныхъ и лѣсныхъ мѣстностяхъ. Какъ ни однообразны лѣса Бразиліи, каждое изъ многочисленныхъ дикихъ племенъ, населяющихъ ихъ, точно знаетъ свою племенную область. Выдающееся по своей формѣ дерево, маленькая рѣчка, камень и т. д. вполне достаточны для отличающагося удивительной наблюдательностью дикаря, чтобы намѣтить границы территоріи своего племени; вторженіе въ нее со стороны чужеродца онъ считаетъ нарушеніемъ права, за которое онъ метитъ войной и убійствомъ. У затеряннаго въ лѣсахъ бѣднаго племени карагасовъ охотничьи участки строго распредѣлены съ давнихъ поръ, какъ охотились стариги; они «не находятся въ вѣдѣніи начальника». Охотиться на чужомъ участкѣ можно только съ разрѣшенія его хозяина. «Если не спросится его, говорили карагасы Н. Θ. Катанову, то—худо, и хозяинъ будетъ сердиться». Даже въ однообразной

степи, гдѣ европейцу не бросается въ глаза ничего, на чемъ онъ могъ-бы остановить свое вниманіе для опредѣленія границъ, кочевникъ знаетъ точно районъ, въ которомъ онъ можетъ ночевать. Масса тропинокъ ведетъ, напримѣръ, отъ киргизской родовой зимовки къ лѣтнимъ стойбищамъ, и каждая киргизская семья знаетъ съ точностью, гдѣ находятся границы ея семейнаго участка на обще-родовой территоріи. Однимъ словомъ, территорія у первобытныхъ группъ оказывается точно опредѣленною обычаемъ, хотя, конечно, и меньше, чѣмъ у культурныхъ государствъ. Но неприкосновенность границъ охраняется нормами междугруппового обычнаго права, какъ она гарантируется у цивилизованныхъ народовъ международными трактатами.

Такимъ образомъ, и второй признакъ государства, территорія, не даетъ точки опоры, на основаніи которой можно было-бы провести опредѣленную черту между внѣ-государственными и государственными формами общенія. Оба признака государства: населеніе, вынужденное отказываться отъ части своихъ эгоистическихъ, личныхъ интересовъ въ пользу общей организаціи, и территорія, опредѣленная въ своихъ границахъ, встрѣчается съ значительной отчетливостью еще на низшихъ ступеняхъ культуры. Какъ-бы ни разнился составъ населенія въ государствѣ отъ состава населенія въ первобытной группѣ, какъ-бы ни отличались по своему протяженію и по формѣ защиты границы государства отъ границъ первобытныхъ группъ, очевидно, что эти различія не будутъ основными, и на нихъ нельзя построить, для непродвинутаго изслѣдователя, теории опредѣленія государства.

Для понятія о государствѣ требуется прежде всего, чтобы власть, этотъ третій признакъ государства, объединяющая населеніе на опредѣленной территоріи, была бы верховной, т. е. не зависящей ни отъ какой другой власти. Ни одну группу человѣческаго общенія научное изслѣдованіе не застаётъ въ періодѣ безначалія. Мнѣніе, что первобытныя группы живутъ въ анархіи, явилось результатомъ неправильнаго пониманія условій жизни дикаря. Группа должна быть организована для того, чтобы дѣйствовать солидарно во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни. Но на низшей ступени развитія не организованная власть, а экономическіе, религіозные или иные интересы являются связующимъ звеномъ для ея отдѣльныхъ членовъ. Они регулируютъ общеніе, и власть въ мирное время лежитъ въ молчаливомъ согласіи большинства или болѣе сильныхъ, вліятельныхъ членовъ на поступки отдѣльныхъ лицъ; органы власти еще не дифференцировались отъ случайнаго состава группы, не отличились въ опредѣленный институтъ первобытнаго права.

Гарантией правъ каждаго отдѣльнаго лица оказывается его физическая сила; если онъ уступаетъ случайному большинству, то только въ виду невозможности бороться противъ членовъ группы. Въ мирное время, однимъ словомъ, въ группѣ господствуетъ право сильнаго, а сильнымъ оказывается тотъ, на чьей сторонѣ въ данный моментъ большинство.

Такимъ образомъ, хотя верховная власть въ лицѣ большинства членовъ группы въ каждый данный моментъ жизни этой послѣдней и существуетъ, но она проявляетъ себя во внѣ непостоянно и неорганизованно. Третій признакъ государства, власть, существуетъ, слѣдовательно, и на нижней ступени культуры; но органы ея находятся въ эмбриональномъ, хаотическомъ состояніи, которое не позволяетъ говорить о нихъ, какъ о непремѣнной характерной чертѣ организациі первобытной группы. Индивидъ совершенно свободенъ. Онъ подчиняется власти большинства только оттого, что онъ не можетъ поступить иначе въ виду собственной пользы. Группа проявляетъ свою власть только въ случаяхъ, когда задѣваются ея интересы. Определенныхъ носителей власти нѣтъ; группа выступаетъ только подъ влияніемъ экономическихъ соображеній необходимости борьбы за свое существованіе. Слѣдовательно, на первыхъ шагахъ эволюціи человѣчества о власти, въ развитомъ видѣ, не можетъ быть рѣчи. Ей не хватаетъ слѣдующихъ чертъ, необходимыхъ для понятія о власти въ государствѣ: 1) постоянства, 2) организациі и 3) объединяющаго индивидовъ начала. Эти три признака необходимо имѣть въ виду, чтобы составить ясное представленіе о государствѣ. Не всякая верховная власть можетъ считаться властью государственной. Анархія устраняется не тѣмъ или другимъ постояннымъ органомъ власти, а соображеніями отдѣльныхъ личностей относительно своихъ выгодъ и невыгодъ. Чтобы власть получила характеръ государственной, она должна быть постоянной, организованной и служить объединительнымъ началомъ для отдѣльныхъ индивидовъ.

На нижней ступени культуры не существуетъ власти съ указанными чертами. Власть здѣсь прежде всего не постоянна. Въ территоріальной группѣ она совпадаетъ съ волей большинства, но эта послѣдняя проявляетъ себя во внѣ лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Индивидъ, если онъ можетъ съ оружіемъ въ рукахъ отстоять себя или переселиться въ другую группу, такъ или иначе, однимъ словомъ, противостать большинству, не обязанъ ему подчиняться. Правда, условія жизни вынуждаютъ первобытныхъ дикарей пріобрѣтать иногда

къ установленію власти. Охоты, войны, которыя они ведутъ сообща, заставляютъ ихъ группироваться въ артели, которыя для успѣшности предпріятія подчиняются одному лицу, обыкновенно наиболѣе сильному или опытному старому охотнику или воину. Власть этого послѣдняго поκειται частью на правѣ сильного, частью на выборѣ молчаливомъ или гласномъ членовъ артели. Но по завершеніи предпріятія власть прекращается *eo ipso*. Взаимныя столкновенія вызываютъ также организованную защиту. Извѣстный своей храбростью и силой членъ группы объединяетъ иногда вокругъ себя желающихъ принять участіе въ набѣгѣ и войнѣ и тѣмъ самымъ дѣлается предводителемъ, какъ это имѣло мѣсто до послѣдняго времени, напримѣръ, у алеутовъ; или группа избираетъ себѣ предводителя для даннаго похода или битвы. По окончаніи враждебныхъ дѣйствій уничтожается и власть предводителя. Въ приведенныхъ случаяхъ власть организована, но не постоянна. Наконецъ, она не служитъ объединяющимъ все населеніе принципомъ. Такимъ образомъ, въ первобытной группѣ нѣтъ еще государственной власти, хотя зачатки ея уже опредѣляются. Верховная власть въ территориальной группѣ лежитъ въ индивидуальной волѣ отдѣльныхъ членовъ; органы власти въ лицѣ случайныхъ предводителей уже намѣчаются. Если такую первобытную группу еще нельзя называть государствомъ, ее, во всякомъ случаѣ, можно считать эмбриономъ государства. Имѣя два первыхъ признака государства, она обладаетъ и третьимъ признакомъ, но въ неразвитомъ видѣ. Съ болѣе опредѣленными и развитыми чертами выступаетъ власть послѣ того, какъ территориальный принципъ, объединяющій группы на низшей стадіи культуры, замѣняется принципомъ кровнымъ, когда территориальная группа уступаетъ мѣсто родовой-хозяйственной общинѣ.

Во всѣхъ родовыхъ-хозяйственныхъ общинахъ, главнымъ объединяющимъ принципомъ оказывается общность происхожденія отъ легендарнаго или дѣйствительнаго родоначальника. Большое или меньшее значеніе члена рода основывается на большей или меньшей близости его къ родоначальнику. Вслѣдствіе этого, главой рода, распорядителемъ родового имущества и хозяйства оказывается обыкновенно старѣйшій членъ общины родичей. Въ этомъ отношеніи не замѣчается никакой разницы между материнскимъ и отцовскимъ родомъ: въ первомъ случаѣ власть переходитъ къ старѣйшему когнату, во второмъ — старѣйшему агнату. Иногда принципъ старшинства замѣняется выборнымъ началомъ. Мѣстами родовой старѣйшина является собственникомъ родового имущества и безапелляционнымъ владыкой

надъ сородичами; иногда, наоборотъ, онъ ограниченъ родовымъ совѣтомъ или юридически, или фактически. Не разсматривая пока объема власти и функций родового старѣйшины важно будетъ только отмѣтить интересную черту, что въ родовой организаціи существуетъ постоянный органъ власти. Суверенитетъ и здѣсь лежитъ въ волѣ всѣхъ сородичей, какъ въ государствѣ въ волѣ населенія. Но, въ отличие отъ первобытной группы, власть дифференцировалась здѣсь въ самостоятельный органъ, выразителя и носителя верховной власти. Эта послѣдняя, въ отличие отъ таковой въ территориальныхъ группахъ, не только постоянна, такъ какъ послѣ смерти одного родо-правителя онъ замѣняется немедленно другимъ, но и вполне организована. Если функции власти родопрарителя еще смѣшаны, это объясняется несложностью быта, отличающей родовую общину. Но въ своей дѣятельности онъ находится подъ контролемъ сородичей, онъ связанъ традиціями и обычаями; онъ, одновременно, носитель и хранитель обычныхъ правовыхъ нормъ и выразитель правосознанія группы. Часто онъ является не только администраторомъ и судьей, но и жрецомъ, блюстителемъ обрядовъ, ходатаемъ предъ божествами и дѣлами о нуждахъ своихъ сородичей. Онъ не творитъ закона, какъ его не создаетъ и не можетъ создать никакая власть: новые взгляды на правоотношенія творятся самой жизнью, условиями вѣшняго и нравственного быта, находящимися въ постоянномъ движеніи и подверженными измѣненіямъ. Но, какъ всякій носитель власти, онъ не только примѣняетъ старый обычай; онъ формулируетъ новый, такъ какъ въ качествѣ верховнаго судьи, жреца и администратора онъ выступаетъ выразителемъ общаго правового сознанія группы на каждый данный, отдѣльный случай.

Родопраритель въ родовой-хозяйственной общинѣ пользуется почетомъ и уваженіемъ; его голосъ является всѣмъ, часто рѣшающимъ исключительно потому, что онъ носитель власти. Вчера равноправный со всѣми сородичами, онъ сегодня окружается почетомъ; его слушаются, оказываютъ ему знаки уваженія, только оттого, что онъ унаслѣдовалъ власть старѣйшины. При этомъ въ началѣ, по крайней мѣрѣ, при меньшемъ разрастаніи родовой-хозяйственной общины, онъ получаетъ власть не въ силу личныхъ, выдающихся качествъ, а единственно вслѣдствіе своего старѣйшества, съ которыми сопряжены и изъ котораго вытекаютъ всѣ его права и прерогативы.

Въ родовыхъ-хозяйственныхъ общинахъ власть пріобрѣтаетъ уже многіе признаки, которые она имѣетъ въ цивилизованныхъ госу-

дарствахъ. 1) Она верховная, потому что родовая-хозяйственная община представляетъ, въ начальномъ періодѣ своего развитія, по крайней мѣрѣ, обособленное цѣлое, независимое отъ другой организаціи; слѣдовательно, и власть, какъ бы она ни была организована, и каковы бы ни были ея функціи, не зависятъ отъ какой либо другой власти. 2) Она постоянна, потому что смѣна родоправителей не прерываетъ власти, а старѣйшина при жизни проявляетъ ее разносторонне и постоянно. 3) Она организована, потому что функціи ея въ каждый данный моментъ развитія группы опредѣлены точно господствующими нормами обычнаго права.

Такимъ образомъ, родовая хозяйственная община, имѣющая опредѣленное население, вынужденное отказаться отъ извѣстной части своихъ индивидуальныхъ эгоистическихъ интересовъ въ пользу группы, обладающая опредѣленной территоріей и верховной, постоянной, организованной властью, близко подходитъ къ новитію государства. Между тѣмъ, придать ей это названіе затруднительно. Причина лежитъ не въ предвзятомъ взглядѣ, не позволяющемъ сопоставить государство съ родовой общиной. Власть въ родовой-хозяйственной общинѣ не имѣетъ важнаго признака, необходимаго для признанія за ней названія государственной. Она не является еще началомъ, объединяющимъ членовъ родовой группы въ одно цѣлое. Сородичи связаны не властью родоправителя, а общностью экономическихъ интересовъ. Эти послѣдніе вынуждаютъ ихъ жить въ общемъ помѣщеніи, совместно работать и подчиняться распоряженіямъ родоправителя. Само возникновеніе и поддержаніе власти послѣдняго вытекаетъ, лишь какъ неизбежное слѣдствіе изъ общности хозяйственныхъ интересовъ, заставляющихъ сородичей держаться другъ друга для болѣе успѣшнаго веденія борьбы за существованіе. Власть можетъ служить объединяющимъ началомъ только тамъ, гдѣ экономическіе интересы не связываютъ отдѣльныхъ индивидовъ въ одно хозяйственное цѣлое. Это же въ свою очередь является обыкновенно только при раздѣленіи группы, территоріальной или родовой, на отдѣльныя хозяйственныя единицы. Такимъ образомъ, о государственной власти возможно говорить лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда она, будучи верховной, постоянной и организованной, является ферментомъ, соединяющимъ въ одно цѣлое не отдѣльныхъ индивидовъ, а отдѣльныя хозяйства, объединенныя силой этой власти.

Только при хозяйственной раздѣльности населенія получается возможность говорить о народѣ, о солидарности индивидовъ, составляющихъ народъ, основанной на иныхъ принципахъ, чѣмъ необходимость держаться въ тѣсномъ союзѣ изъ за добыванія себѣ пищи.

Это коренное различіе, и оно должно быть поставлено основой при отдѣленіи государства отъ другихъ аналогичныхъ формъ общежитія.

Государство выступаетъ въ жизни только при распаденіи родовыхъ-хозяйственныхъ общинъ или при соединеніи ихъ въ большіе союзы, будь они основаны на добровольномъ согласіи или на принудительной силѣ. Поэтому, въ дальнѣйшемъ изложеніи государствами будутъ называться только такія формы общежитія, которыя представляютъ собой населеніе, состоящее изъ обособленныхъ хозяйствъ, объединенное общей территоріей и верховной, постоянной, организованной властью.

Отдѣльные признаки, однако, характеризующіе государство, какъ было указано, выражаются съ большей или меньшей рельефностью въ общежитіяхъ болѣе примитивныхъ. Въ эмбриональномъ состояніи даже среди территориальныхъ группъ, не знающихъ счета родства или не обращающихъ вниманія на кровныя узы, можно отмѣтить уже понятіе о власти; оно шатко и неопредѣленно, но въ немъ лежатъ уже зародыши болѣе высокихъ идей и представлений. Хозяйственная разобщенность въ томъ же зародышевомъ состояніи существуетъ и на низшихъ культурныхъ ступеняхъ, но крайней мѣрѣ, въ качествѣ стремленія индивида освободиться отъ опеки группы. Поэтому, при изложеніи свѣдѣній о государствѣ прежде всего предстоитъ сдѣлать экскурсъ въ область понятій, тишичныхъ для внѣ-государственныхъ союзовъ. Въ жизни человѣчества, какъ и въ жизни всего органическаго міра, ничего не является новаго, чтобы не было тѣсно связано съ предшествующими формами.

ХІІ. Власть во вѣхъ государственныхъ организаціяхъ.

Несложные на первый взглядъ типы первобытныхъ государствъ прежде всего чрезвычайно разнообразны. Хотя всѣ извѣстныя формы ихъ могутъ быть болѣе или менѣе удачно подведены подъ главныя рубрики установленной издавна классификаціи государствъ, тѣмъ не менѣе, въ предѣлахъ каждой изъ нихъ получится значительное разнообразіе. Это вполнѣ понятно. Какъ ни рудиментарна, съ современной точки зрѣнія, организація первобытныхъ государствъ, послѣднія представляютъ, тѣмъ не менѣе, высшую и наиболѣе сложную форму общежитія, до которой развились нѣкоторые представители человѣчества. Между тѣмъ, чѣмъ выше и сложнѣе форма человѣческой агрегаціи, тѣмъ сильнѣй и разнороднѣй дѣйствія на нее различныхъ условій, внѣшнихъ и внутреннихъ. Климатъ и рельефъ, расовыя особенности, наконецъ, самый способъ возникновенія государства, который можетъ быть крайне различнымъ, все налагаетъ особый отпечатокъ на него, даетъ возможность развиваться то однимъ, то другимъ зародышамъ, намѣчаемымъ въ первобытномъ обществѣ. Не всегда возможно разобрать въ этомъ сплетеніи сложныхъ и многообразныхъ вліяній, дѣйствующихъ иногда въ различномъ направленіи. Наконецъ, еще одна трудность препятствуетъ детальному изученію исторіи развитія государства на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи. Прошлое большинства государствъ первобытныхъ народовъ неизвѣстно; его раскрытію мѣшаетъ отсутствіе письменныхъ памятниковъ, а народныя преданія оказываются для даннаго вопроса источникомъ далеко не достовернымъ. При этихъ условіяхъ не представляется возможнымъ начертать законы развитія первобытныхъ государственныхъ формъ. Ислѣдователь, при современномъ состояніи науки, можетъ только намѣтить главные факторы, которые въ своемъ взаимномъ вліяніи образовали тотъ

или иной типъ государства у некультурныхъ народовъ. Отъ установленія общихъ законовъ для всего первобытнаго человѣчества онъ долженъ пока отказать.

Согласно тремъ признакамъ, входящимъ въ опредѣленіе государства, именно населеніе, территорія, и власть, изученіе первобытныхъ государствъ должно было бы направиться постепенно на изслѣдованіе развитія и взаимной комбинаціи этихъ трехъ признаковъ. Но, въ виду необходимости за недостаткомъ времени сократить настоящее изложеніе, придется остановиться преимущественно на развитіи власти и на главныхъ формахъ, въ которыя отливаются первобытныя государства. Такое сужженіе задачи дастъ возможность отвѣтить, по крайней мѣрѣ, на слѣдующіе вопросы первой важности: 1) какъ возникаетъ первобытное государство, 2) при какихъ условіяхъ власть принимаетъ ту или другую форму и, наконецъ, 3) какъ комбинируются различные элементы подъ вліяніемъ разныхъ условій въ государствахъ низшаго порядка.

Появленіе и развитіе власти въ первобытныхъ государственныхъ организмахъ едвали возможно объяснить себѣ, не входя въ разсмотрѣніе тѣхъ элементовъ, которые въ зачаточномъ состояніи можно наблюдать среди первобытныхъ внѣ-государственныхъ союзахъ примитивнаго человѣчества.

Человѣческое общество въ своей постепенной эволюціи представляетъ стройное цѣлое: зачатки культурныхъ формъ, съ которыми выступаютъ представители цивилизованныхъ расъ, кроются уже въ обществахъ дикарей. Какъ выяснилось изъ предыдущаго изложенія, въ нихъ уже на низшей ступени развитія существуютъ элементы, которые постепенно приводятъ къ развитію семьи, есть зародышъ индивидуальной собственности и пр. Историческій и культурный ростъ племени, совершающійся подъ вліяніемъ совокупности различныхъ условій, даетъ возможность развиваться однимъ сторонамъ, уничтожая или атрофируя другія. Афоризмъ, что въ цивилизованномъ человѣчествѣ нѣтъ ничего, чего нельзя было бы въ эмбриональномъ состояніи встрѣтить у дикарей, имѣетъ значительную долю правды. Совершенно такъ же, какъ въ области матеріальной культуры, современныя орудія можно свести къ рудиментарнымъ орудіямъ дикарей, и общественныя формы сводятся, не смотря на все ихъ разнообразіе и сложность, къ немногимъ основнымъ элементамъ, встрѣчаемымъ у низшихъ расъ. Если для изученія этого эмбриона, его составныхъ элементовъ, обратиться къ племенамъ, находящимся еще на низшей ступени культуры, окажется, что въ немъ кроются уже элементы для

развитія государственной формы, именно власть, и что эта власть находится въ рукахъ или всей группы, или одного лица.

Правда, показанія путешественниковъ, въ особенности прежнихъ временъ, подходившихъ къ изученію быта дикарей съ предвзятой точки зрѣнія, стремившихся отыскать въ немъ аналогіи европейскому строю, заставляли думать, что встрѣчаются общества дикарей, не знакомыхъ съ идеей о власти. Это позволяло говорить о существованіи на низшей культурной ступени анархіи, и нѣкоторымъ народамъ давать названіе *племенъ, не знающихъ власти*, анархистическихъ. Кукъ, напримѣръ, говоря о жителяхъ Огненной Земли, замѣчалъ, что различныя группы ихъ будто не имѣютъ понятія о субординаціи. Дарвинъ (Darwin), посѣтившій ихъ вѣкомъ спустя, указывалъ, что они не знаютъ правленія, не имѣютъ вождей. Наконецъ, одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ на Огненную Землю слѣдующими словами характеризуетъ общественный строй населенія: «У нихъ, пишетъ онъ, нѣтъ ни короля, ни вождя, ни аристократіи, ни кастъ, ни общественной іерархіи, ни рабовъ: это въ самомъ чистомъ видѣ режимъ равенства». Аналогичныя свѣдѣнія сообщались и о нѣкоторыхъ другихъ народностяхъ. О населеніи Калифорніи одинъ изъ миссіонеровъ писалъ, что оно не знаетъ ни управленія, ни законовъ. «Каждая семья, пишетъ другой миссіонеръ о калифорнійцахъ, создаетъ себѣ законы по своему усмотрѣнію и это, повидимому, добавляетъ онъ, заставляетъ ихъ такъ часто вступать между собой въ драку». Австралийцы, эскимосы и др. причислялись къ *племенамъ, не знающимъ власти* (Летурно). Широкое примѣненіе имущественнаго коммунизма еще болѣе сбивало изслѣдователей. Даже нѣкоторые новѣйшіе этнографы какъ, напримѣръ, Летурно были склонны считать, что общественная жизнь человѣчества начинается съ равенства и анархіи.

Ближайшее ознакомленіе съ низшими расами проливаетъ, однако, совершенно иной свѣтъ на отношенія дикарей. Приведенныя мнѣнія, являясь лишь результатомъ недостаточно яснаго пониманія ихъ быта, напоминаютъ многія другія бывшія въ ходу научныя суевѣрія, напримѣръ, убѣжденіе въ существованіи людей, не имѣющихъ вѣрованій, не знающихъ членораздѣльной рѣчи и пр. Дѣйствительно, ни королей, ни вождей, ни кастъ и пр. не было встрѣчено у многихъ дикарей; но это еще не обрисовываетъ состоянія отсутствія власти. У эскимосовъ она находится въ рукахъ родового старѣйшины и совокупности родичей, у австралийцевъ она покоится въ волѣ большинства членовъ группы или совѣтъ стариковъ, у жителей Огненной Земли на мнѣніи стариковъ и другихъ членовъ группы. Свидѣтельства тѣхъ самыхъ

путешественниковъ, которые приписываютъ нѣкоторымъ народностямъ состояніе анархіи, служатъ опроверженіемъ ихъ же поспѣшныхъ выводовъ. Рядъ свѣдѣній доказываетъ, что среди жителей Огненной Земли внутренніе распорядки группы зависятъ въ исключительныхъ случаяхъ отъ старшихъ членовъ ея. Авторитетъ стариковъ стоитъ очень высоко: молодые люди принимаютъ, по выраженію одного изъ изслѣдователей, слова старика, какъ законъ; въ періоды голоданія старики распределяютъ между членами группы куски мертвыхъ китовъ, въ поиски за которыми посылаютъ молодежь. У эскимосовъ родъ-группа, подчиненная патриархальному режиму, имѣетъ право принимать или не принимать чужеродца, и рѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ общаго собранія. Роль, которую играютъ старики въ ходѣ общественныхъ дѣлъ въ группахъ австралийцевъ, признается всѣми изслѣдователями. Наконецъ, туземцы Калифорніи управляются главой хозяйственной группы, который и оказывается безконтрольнымъ распорядителемъ надъ личностью членовъ. Такимъ образомъ, какъ бы ни былъ низокъ уровень группы, нигдѣ не встрѣчается безвластіе и безначаліе. Напротивъ того, каждая суверенная хозяйственная группа имѣетъ извѣстное управленіе; но власть находится часто въ рукахъ не одного лица и вообще не организована и непостоянна. Это и смущало изслѣдователей. Сбивчивости понятій содѣйствовало еще одно обстоятельство. Каждая территориальная и хозяйственная группа была самостоятельнымъ цѣлымъ, ничѣмъ не связаннымъ съ другими группами. Отсюда возникали частыя столкновенія между ними, и это заставляло видѣть въ общественной организаціи такихъ народностей полное безначаліе. Но, какъ было уже сказано, первобытной ячейкой развитія общественной жизни является хозяйственная единица, которая можетъ складываться различнымъ образомъ на основаніи или территориальнаго, или родственнаго принципа. Что каждая изъ хозяйственныхъ единицъ оказывается одновременно и сувереннымъ организмомъ, не зависящимъ отъ другихъ, есть естественное послѣдствіе формы, принимаемой хозяйственной жизнью первобытнаго человѣка. Для понятія государства въ нихъ недостаетъ только, чтобы отдѣльныя экономическія единицы образовали единое цѣлое. Поэтому, если между отдѣльными хозяйственными союзами и господствуютъ безначаліе, насилія, частыя распри и войны, т. е. если отдѣльныя хозяйства на низшихъ ступеняхъ культуры переживаютъ ту же нерегулированность во взаимныхъ отношеніяхъ, которая въслѣдствіе долгое время имѣетъ мѣсто въ отношеніяхъ государствъ на низшихъ ступеняхъ цивили-

лизации, это безначаліе не должно быть распространяемо на внутренне распорядки группы, которая всегда имѣетъ определенное управление. Власть находится въ рукахъ или вождя, или собранія всѣхъ или части членовъ обществѣ и имѣетъ принудительную силу въ отношеніи къ членамъ группы. Тамъ же, гдѣ есть такая власть, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась, единичной личности или группы, не можетъ быть рѣчи объ анархіи.

Признавая, такимъ образомъ, что каково бы ни было устройство самостоятельной хозяйственной единицы, она всегда является упорядоченной и имѣетъ власть, хотя бы и не организованную прочно и функционирующую не постоянно, слѣдуетъ имѣть въ виду, что, уже на низшихъ ступеняхъ культуры, эта власть можетъ быть двоякаго рода. 1) Она можетъ быть единоличной, т. е. находится въ рукахъ временнаго или постояннаго вождя, занимающаго эту должность по избранію или по старшинству. 2) Она можетъ быть коллективной, т. е. находится въ рукахъ всѣхъ или старшихъ членовъ группы. Эмбрионъ органовъ власти обнаруживаетъ уже во внѣгосударственный періодъ жизни народности двойственность; въ однихъ случаяхъ перевѣсъ имѣетъ коллективное, въ другихъ единоличное начало власти. Когда хозяйственные организмы объединяются въ единое цѣлое, т. е. когда группа переходитъ къ государственной жизни, она уже имѣетъ ясное представленіе о власти и организована въ союзъ, въ которомъ преобладаетъ одно изъ этихъ двухъ началъ. Дальнѣйшее развитіе государства, въ связи съ цѣлымъ рядомъ внѣшнихъ и внутреннихъ условий, опредѣляетъ и вырабатываетъ отношенія, въ зародышѣ находящіяся въ хозяйственной группѣ; оно даетъ, въ зависимости отъ условий, преобладаніе или первому или второму принципу власти, или, наконецъ, вырабатываетъ между этими противоположными началами извѣстный компромиссъ.

Придется временно оставить въ сторонѣ развитіе коллективной власти и формъ, принимаемыхъ общественнымъ устройствомъ подъ вліяніемъ противоположныхъ теченій коллективной и единоличной власти, и прежде всего остановиться на этой послѣдней. Знакомство съ эмбриональнымъ развитіемъ власти вождя во внѣгосударственныхъ организмахъ облегчитъ въ значительной степени уясненіе развитія другихъ элементовъ первобытнаго общества. Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на случаи появленія единоличной власти при началѣ агрегации самостоятельныхъ хозяйственныхъ единицъ въ высшіе союзы. Разсматривая эмбрионы единоличной власти, придется про-

слѣдить: 1) появленіе вождей временныхъ, 2) появленіе вождей постоянныхъ и 3) отношенія ихъ къ группѣ.

Спенсеръ, хотя и преувеличиваетъ безусловно значеніе войны, возводя ее въ главный факторъ сложенія первобытнаго государства, совершенно правъ, однако, указывая, что необходимость самозащиты заставляла часто самостоятельныя единицы складываться въ единое цѣлое на время военныхъ дѣйствій. Это—эмбриональная политическая интеграція, соединеніе меньшихъ группъ въ большую для преслѣдованія общихъ цѣлей. Быть дикарей представляетъ многочисленныя примѣры частыхъ соединеній хозяйственныхъ единицъ во время противодѣйствія непріятелямъ. Подвергаясь общей опасности и соединяясь для встрѣчи ей, они въ это время связаны болѣе тѣсно другъ съ другомъ. Такъ, напримѣръ, у кареновъ «каждая деревня составляетъ независимую общину и питаетъ застарѣлую вражду ко всякой другой изъ близлежащихъ деревень своего же собственнаго народа». Частыя войны, междоусобія и распри дали бы возможность утверждать, что здѣсь господствуетъ полное безначаліе; между тѣмъ, не только каждая община управляется внутри себя, но вообще общая опасность и общіе интересы часто заставляютъ нѣсколько деревень соединяться для защиты и нападенія. Совершенно то же дѣлаютъ овагереросы: раздробленные на мелкія группы, весьма слабо управляемыя вождями, они иногда во время опасности объединяются подъ властью одного изъ многочисленныхъ вождей этихъ группъ.

Для веденія совмѣстныхъ военныхъ дѣйствій обыкновенно избирается вождь, или какое нибудь лицо признается таковымъ путемъ молчаливаго согласія. Власть по окончаніи войны прекращается сама собой. Калифорнійскія племена, которыя были причислены къ безначальнымъ ордамъ, гдѣ «всякій поступаетъ такъ, какъ ему заблагоразсудится», которыя, по словамъ одного наблюдателя, походятъ «на стада дикихъ свиней, мечущихся изъ стороны въ сторону, руководясь своими единичными желаніями, собираясь сегодня вмѣстѣ, а завтра разъединяясь, пока снова какая нибудь случайность не заставитъ ихъ соединиться», управляются, однако, въ теченіе охоты и войны однимъ или нѣсколькими вождями, выбираемыми только на время этихъ дѣйствій. Было бы, однако, ошибочно думать, что вождь съ своей эфемерной властью появляется только при соединеніи хозяйственныхъ группъ въ единицу въ цѣляхъ самозащиты или войны. Вожди съ властью временной встрѣчаются у всѣхъ низшихъ расъ, даже въ предѣлахъ одного хозяйственнаго цѣлага. У австралійцевъ, напримѣръ, когда набѣги или охота дѣлаются не совокупностью племенъ,

а частью членовъ группы, избирается на время вождь, власть котораго прекращается по окончаніи охоты или войны. Естественна кооперация людей на низшихъ ступеняхъ для достиженія совокупными усиліями болѣе суммы матеріальныхъ благъ; столь же неизбежно избраніе или молчаливое признаніе руководителя на время, пока длится кооперация. Временная власть его нисколько не нарушаетъ въ началѣ, по крайней мѣрѣ, внутреннихъ распорядковъ группы. По окончаніи общаго предпріятія кооперация распадается сама собой, и вождь или правильнѣе руководитель кооперативныхъ дѣйствій переходитъ въ разрядъ простыхъ членовъ группы, которая продолжаетъ управляться или коллективной властью всѣхъ своихъ членовъ или постояннымъ старѣйшиной. Но, если военный бытъ окажется главнымъ элементомъ жизни населенія, въ этомъ временномъ вождѣ, въ его преходящей власти лежитъ уже зачатокъ развитія власти единоличной. Процессъ этотъ совершается чрезвычайно медленно, и группа, въ началѣ, по крайней мѣрѣ, стараясь сохранить суверенитетъ въ своихъ рукахъ, усиленно оберегаетъ себя отъ перехода власти временной въ постоянную. Часто даже не имѣется особаго названія для такихъ временныхъ вождей; въ отвѣтахъ дикарей путешественникамъ европейцамъ ясно сказывалось, какъ мало они могутъ представить себѣ постоянной единоличной власти надъ нѣсколькими хозяйственными группами.

Условіями, дающими въ первобытной общественной и государственной агрегации преобладаніе одному лицу надъ другими, ему равными, всегда оказываются извѣстныя качества лица, выдвигающія его изъ толпы и обезпечивающія за нимъ авторитетъ среди сочленовъ. Наиболѣе естественнымъ условіемъ вліянія на окружающихъ является преклонный возрастъ. «Хотя старость, говоритъ Спенсеръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда ведетъ за собой неспособность, настолько не почитается дикими народами, что у нихъ стариковъ убиваютъ или оставляютъ умирать безъ всякаго призрѣнія, но за то большая опытность, соединенная съ годами и не угасшими еще способностями, обыкновенно пользуется вліяніемъ». Даже у народовъ, которые считались непризнающими власти, старики, по наблюденіямъ изслѣдователей, окружаются почетомъ. Эскимосы, карибы, ведды, австралійцы, которые охотно ставились въ разрядъ племенъ, живущихъ въ анархіи, оказываютъ, со словъ путешественниковъ, «уваженіе старымъ и сильнымъ людямъ»; старики пользуются у нихъ до нѣкоторой степени правомъ вождей. У веддовъ каждая часть племени признаетъ вождемъ самаго дѣятельнаго старика изъ своей среды, а карибы, эта будто бы безвластная народность, считаются, какъ указываютъ даже болѣе при-

страстные писатели, съ авторитетомъ стариковъ. Но для того, чтобы старость пользовалась уваженіемъ, требуется, чтобы она была соединена съ *физической силой*. Эта послѣдняя является условіемъ, благодаря которому лицо можетъ сдѣлаться вождемъ, и оно часто отодвигаетъ на второй планъ авторитетъ старости. Такъ, «независимо отъ вліянія старшинства» одна физическая сила доставляетъ у бушменовъ болѣе высокое положеніе. Вымершее теперь населеніе Тасмани, у котораго, по свидѣтельству нѣкоторыхъ путешественниковъ, будто бы не было вождей въ собственномъ смыслѣ слова, ни законовъ, по указаніямъ другихъ, имѣло вождей, «главъ отдѣльныхъ семей, отличающихся особенной храбростью». «Каждое племя, или частица племени, говоритъ одинъ изслѣдователь, управляется вождемъ, который получаетъ свою власть повидимому не по наслѣдству, но благодаря смѣлости, обнаруженной имъ на войнѣ». «Возвышеніе самаго сильнаго и храбраго изъ воиновъ по пути къ власти, пишетъ Спенсеръ, вначалѣ является само собой..., а впослѣдствіи зависитъ отъ болѣе или менѣе опредѣленнаго соглашенія. Гдѣ, какъ въ Австраліи «уваженіе со стороны группы обусловливается степенью ловкости при метаніи копья и умѣнья отклониться отъ удара», тамъ такая высшая воинская способность является сама по себѣ достаточной причиною для происхожденія временнаго главенства. У команчей всякій выдѣляющийся изъ толпы приобрѣтеніемъ большаго количества «лошадей или скальповъ можетъ рассчитывать на честь главенства, которое достигается постепенно молчаливымъ народнымъ согласіемъ». У оагереросовъ личныя качества даютъ преобладаніе тому или другому вождю. Изъ группы слабого вождя уходятъ и присоединяются къ сильному. *Хитрость, ловкость, смѣлливость* составляютъ черты, необходимыя для дикаря въ его борьбѣ за существованіе: въ связи съ указанными выше онѣ гарантируютъ ему преобладающее положеніе въ группѣ. Кромѣ личныхъ качествъ *большее богатство* даетъ право на уваженіе и облегчаетъ отдѣльнымъ лицамъ достиженіе власти. У тлинкитовъ, на примѣръ, пишетъ Краузе (Краузе), «власть вождя связана съ большимъ богатствомъ, заключающимся въ большомъ количествѣ рабовъ». Относительно краснокожей народности такулиевъ (изъ группы атапасковъ) извѣстно, что «всякій можетъ сдѣлаться мѣоти или вождемъ, кто только въ состояніи устроить на свои средства деревенское празднество». У тунгусовъ вождь долженъ обладать богатствомъ и отличаться силой и ловкостью на охотѣ. Мало того, иногда при выборѣ вождя играютъ роль чисто внѣшнія качества, на примѣръ, дородность, какъ у нѣкоторыхъ краснокожихъ племенъ,

мѣстами въ Полинезiи и въ Африкѣ по р. Конго. Это объясняется тѣмъ, что дородность, по мнѣнiю некультурныхъ народовъ, лучшее доказательство имущественной обезпеченности лица, а, слѣдовательно, и того, что оно по своему богатству имѣетъ возможность сдѣлаться вождемъ.

«Естественно, справедливо замѣчаетъ Спенсеръ, что въ обществахъ, не развитыхъ въ политическомъ отношенiи, признаваемое главенство за однимъ изъ членовъ группы не исключаетъ возможности совместнаго существованiя или даже замѣщенiя его другою властью, возникшею самостоятельно». Бедуинъ, успѣшно совершившiй въ сопровожденiи нѣкоторыхъ родственниковъ хищническiе набѣги на непрiятеля, легко собираетъ вокругъ себя друзей и постепенно начинаетъ прибрѣтать влiянiе и власть въ своемъ племени при существованiи и другой власти. «Повелительный видъ, располагающее обхожденiе, плавная рѣчь, умѣнье и провицательность, высказанныя при разборѣ ихъ малозапутанныхъ дѣлъ, пишетъ одинъ изъ изслѣдователей населенiя Суматры, — вотъ качества, которыя почти всегда закрѣпляютъ за ихъ обладателемъ уваженiе и влiянiе на другихъ; последнее иногда можетъ быть даже болѣе сильнымъ, чѣмъ у признаваемого вождя». У нѣкоторыхъ краснокожихъ народностей избранiя въ вожди домогались, какъ высшей почести. Лица, желавшiя избранiя, старались заравѣ расположить къ себѣ сородичей разсказами о своихъ военныхъ и охотничьихъ подвигахъ и показыванiемъ своихъ трофеевъ, чѣмъ достигали до выборовъ большого значенiя. Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что всѣ эти временные вожди, пользующiеся властью въ теченiе войны и уваженiемъ въ мирное время, не обладаютъ ни постоянной властью, ни большимъ объемомъ ея. Ихъ выдающееся положенiе вытекаетъ изъ личныхъ свойствъ, ставящихъ ихъ выше сочленовъ по группѣ, и продолжается оно до тѣхъ поръ, пока эти качества признаются окружающими. Эти отношенiя носятъ еще чисто фактичeskiй, случайный характеръ и не могутъ быть признаны за юридическiя. Свою популярность вожди должны поддерживать воинскими или охотничьими подвигами, или широкимъ гостепрiимствомъ, даже расточительностью. Поэтому, когда качества, давшiя лицу выдающееся положенiе, исчезаютъ, если, напримѣръ, вождь обѣднѣетъ, потеряетъ физическую силу, если, наконецъ, въ группѣ появится другой болѣе сильный, богатый или ловкiй человекъ, обаянiе прежняго вождя исчезаетъ само собой, и лица, соединившiяся вокругъ него, переходятъ къ другому. Новый вождь охотно принимаетъ пришельцевъ, такъ какъ они содѣйствуютъ развитiю его власти и могутъ

щества. Вокруг лица, дѣлающагося вождемъ, возникаетъ такъ сказать дружина, которую новый вождь старается удержать всеми силами. Таковы отношенія у нѣкоторыхъ краснокожихъ племенъ, во многихъ мѣстахъ Океаніи, въ Африкѣ у нѣкоторыхъ кафрскихъ народностей, равно и у племенъ, живущихъ по р. Конго.

Временные вожди представляютъ эмбрионъ дальнѣйшаго развитія организованной власти въ первобытныхъ государствахъ. Для того, чтобы фактическія отношенія сочленовъ по группѣ къ выдающемуся по своимъ качествамъ лицу перешли въ юридическія, требуются, какъ будетъ указано, особыя условія. Пока достаточно будетъ отмѣтить, что появленіе временныхъ вождей въ предѣлахъ группы идетъ параллельно съ развитіемъ групповой организаціи и болѣе или менѣе прочной власти въ ней. Временная власть вождя и власть постоянная, будь-ли она въ рукахъ старѣйшины или группы, свободно уживаются другъ съ другомъ. Временный вождь, даже если онъ пользуется вліяніемъ и въ теченіе мирнаго періода, не нарушаетъ порядка внутренняго управленія группы. Индивидъ, примкнувшій къ вождю, продолжаетъ оставаться въ зависимости отъ своей родовой или семейной группы; онъ связанъ съ вождемъ только на время совмѣстныхъ дѣйствій. Сама жизнь первобытныхъ группъ дѣлаетъ существованіе этихъ временныхъ вождей неизбѣжнымъ. 1) На низшихъ ступеняхъ культуры не всѣ предпріятія совершаются всеми силами группы одновременно; напротивъ того, обыкновенно нѣкоторые только члены ея участвуютъ въ извѣстныхъ походахъ, войнахъ и охотахъ, въ то время какъ остальные продолжаютъ свои обыкновенныя занятія. 2) При развитіи племени, когда отдѣльныя хозяйственныя единицы живутъ на одной территоріи, общность интересовъ заставляетъ соединяться въ коопераціи представителей разныхъ хозяйственныхъ группъ для достиженія опредѣленныхъ цѣлей. Родственный экономическій принципъ при этомъ терпитъ нарушеніе, а соединеніе чуждыхъ другъ другу элементовъ требуетъ для своего существованія объединенія вокругъ наиболѣе подходящаго руководителя. Этимъ путемъ развиваются фактическія отношенія, въ которыхъ можно усмотрѣть въ зачаточномъ состояніи организацію, состоящую изъ князя и дружины.

Гораздо болѣе прочной и постоянной представляется власть старшинъ, развивающаяся благодаря естественному росту группы. Когда послѣдняя переходитъ изъ территоріальной въ родственную, въ особенности, если послѣдняя образуетъ одновременно и хозяйственное цѣлое, власть лицъ, стоящихъ во главѣ группы, очерчивается уже вполне ясно еще во внѣгосударственный періодъ ея жизни. Вслѣд-

стве этого, при переходѣ къ государственному строю, группа выступаетъ уже совершенно опредѣленной. Родовые вожди, какъ было сказано, свободно сосуществуютъ съ вождями временными. Временный вождь часто является и представителемъ своей родственно-хозяйственной группы; если же онъ и принадлежитъ къ числу младшихъ членовъ рода, то, являясь вождемъ временнымъ въ отношеніи къ собирающимся вокругъ него лицамъ, онъ продолжаетъ сохранять отношенія зависимости къ главѣ той родственно-хозяйственной группы, къ которой онъ принадлежитъ по рожденію.

Право старѣйшества можетъ быть признано основнымъ принципомъ при переходѣ власти въ родовыхъ группахъ. Поэтому умершему родоправителю наследуетъ не сынъ его, а слѣдующій по старшинству братъ, затѣмъ послѣ смерти послѣдняго слѣдующій братъ и т. д. и, только по прекращеніи боковой линіи, оно переходитъ къ племянникамъ, причѣмъ также въ порядкѣ старшинства: сначала къ дѣтямъ старшаго брата по очереди, затѣмъ къ дѣтямъ слѣдующаго брата и т. д. Этотъ основной принципъ права старѣйшества часто терпитъ видоизмѣненія еще во внѣгосударственный періодъ жизни народа. Ограниченія идутъ въ двоякомъ противоположномъ направленіи. 1) Запутанность вычисления родства черезъ нѣсколько поколѣній послѣ родоначальника даетъ возможность родоправителю, если онъ пользовался уваженіемъ и авторитетомъ, стремиться къ передачѣ власти своему сыну, что получаетъ особенное развитіе при распаденіи рода изъ одной хозяйственной единицы въ нѣсколько семейныхъ общинъ. Этимъ путемъ устанавливается наследованіе власти по прямой линіи отъ отца къ сыну, съ устраненіемъ дядей. 2) Съ другой стороны, необходимость имѣть энергичнаго и дѣльнаго родоправителя заставляетъ членовъ рода нарушать принципъ старѣйшества и замѣнять его сначала спорадически, а затѣмъ и постоянно принципомъ избирательнымъ. Эти видоизмѣненія въ способахъ наследованія власти появляются внутри родовъ весьма рано, когда родовое устройство еще вполне жизненно; они не свидѣтельствуютъ непременно объ упадкѣ родового строя. Примѣромъ этого могутъ служить малайскія народности, живущія въ родовыхъ общинахъ, образующихъ единое хозяйственное цѣлое. Въ общинахъ, считающихъ родство по женской линіи, и въ тѣхъ, которыя соблюдаютъ мужскую филіацію, одинаково можно наблюдать всѣ три порядка передачи власти: право старшинства, наследованіе по прямой линіи и по избранію.

Такимъ образомъ, еще во внѣгосударственный періодъ жизни народности намѣчаются три принципа перехода власти. При развитіи

государственной жизни всѣ три эмбриона являются уже вполне готовыми, и, въ зависимости отъ условій, одинъ или другой можетъ получить развитіе въ ущербъ остальнымъ.

Тоже слѣдуетъ сказать и относительно объема власти родоправителя. Онъ не только руководитъ общей жизнью группы; на обязанности его лежитъ творить судъ, а также и предводительство въ международныхъ столкновеніяхъ. Къ этимъ функціямъ присоединяется еще одна, играющая существенную роль въ исторіи развитія власти родоправителя; она вытекаетъ естественно изъ того значенія, которое имѣетъ культъ родоначальника и родовыхъ духовъ на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи. Глава рода служитъ юридическимъ представителемъ своей группы во всѣхъ международныхъ отношеніяхъ. Онъ выступаетъ въ той же роли и передъ родовыми божествами; часто онъ одинъ имѣетъ право приносить имъ жертвы, чтобы обезпечить за своей группой благосостояніе и милость предковъ, постоянно нуждающихся для поддержанія своего загробнаго существованія въ обильномъ кормленіи. Родоправитель дѣлается, такимъ образомъ, не только свѣтскимъ властителемъ, но одновременно и жрецомъ; Привилегированныя отношенія къ божеству гарантируютъ ему особенное почитаніе со стороны сородичей. Благодаря священному характеру, который при появленіи и развитіи культа предковъ пріобрѣтаетъ должность родоправителя, крѣпнуть такъ называемыя патріархальныя начала; они нерѣдко характерны для главъ государственныхъ организацій, возникшихъ естественнымъ путемъ размноженія рода или соединенія нѣсколькихъ родственныхъ единицъ въ одно цѣлое. Такой глава является облеченнымъ патріархальной властью свѣтскимъ и духовнымъ главой. Окружающій его ореолъ служитъ лучшимъ поводомъ для него проявлять самостоятельно свою волю, не стѣсняясь желаніемъ членовъ своей группы.

Всѣ вышеизложенныя свѣдѣнія приводятъ къ слѣдующимъ заключеніямъ относительно развитія единоличной власти вождей. 1) Эта власть появляется и развивается изъ двухъ различныхъ началъ: изъ силы и значенія а) временныхъ вождей, руководителей кооперацій переходящихъ, требующихъ для достиженія намѣченныхъ цѣлей подобнаго руководства и б) родоправителей съ постоянной властью, необходимыхъ для существованія и преуспѣянія родовой-хозяйственной, а впоследствии и просто родовой группы. 2) Вождь признается таковымъ въ первомъ случаѣ благодаря молча или гласно выраженному согласію сочленовъ и сохраняетъ свою власть до тѣхъ поръ, пока онъ удовлетворяетъ требованіямъ объединенныхъ вокругъ него лицъ. 3) Власть

родоправителя, основанная на правѣ старшинства, прямого наследованія или выборѣ, иногда освѣщается еще религіозной основой; власть родоправителя можетъ при такихъ условіяхъ перейти въ неограниченную патриархальную.

Таковы главныя основы, выработанныя первобытнымъ обществомъ въ отношеніи къ единоличной власти вождей. Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что этимъ не ограничивается эмбриональное развитіе власти у первобытнаго человѣчества. Вождь временный или постоянный старѣйшина находится всегда въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ своей группѣ. Эта послѣдняя считаетъ себя суверенной. Она обыкновенно стоитъ надъ вождемъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда таковымъ оказывается родоправитель, облеченный хотя-бы и жреческой властью. Эти отношенія вождей къ группѣ на первобытныхъ шагахъ государственнаго развитія выясняются изъ слѣдующихъ примѣровъ. Въ Австраліи, гдѣ одно и то же племя состоитъ часто изъ представителей различныхъ материнскихъ родовъ, не сложившихся еще въ обособленныя хозяйственныя единицы, дѣятельностью племенной группы, населяющей определенную территорію, руководятъ старики. У племени нарриньеры правящій совѣтъ носитъ названіе *tendi*; онъ состоитъ изъ лицъ пожилыхъ, сохранившихъ еще физическія силы. Совѣтъ имѣетъ одновременно распорядительную, законодательную и судебную власть. Какой бы вопросъ ни стоялъ на очереди: судебное ли разбирательство, снятіе и перенесеніе лагеря, бракъ члена группы, обряды обрѣзанія молодежи, совершеніе суевѣрныхъ обрядовъ для вызванія дождя и т. п., собирается совѣтъ, который и постановляетъ рѣшеніе, обязательное для всѣхъ членовъ группы. Власть *tendi* прекращается только на время войны: тогда нарриньеры избираютъ себѣ общаго вождя, обыкновенно человѣка извѣстнаго также въ качествѣ опытнаго колдуна. Этого вождя охраняютъ во время военныхъ дѣйствій. Въ мирное время онъ пользуется всеобщимъ уваженіемъ, но, по окончаніи войны, онъ долженъ, под страхомъ смерти, подчиняться рѣшеніямъ совѣта, какъ и всѣ остальные члены племени.

На примѣрѣ австралійцевъ ясно видно ограниченіе власти военнаго вождя волей группы, выразителями которой являются пожилые члены ея. Съ развитіемъ родовыхъ союзовъ власть временнаго вождя ограничивается членами этихъ союзовъ, или всѣми, или только собраніемъ представителей родовъ, т. е. родоправителей. Наконецъ, самъ родоправитель въ началѣ совершенно не облеченъ той неограниченной властью, покоящейся на патриархальныхъ началахъ, какъ обыкновенно принято думать. Группа родовъ у нѣсколькихъ краснокожихъ племенъ

Сѣверной Америки, напримѣръ, объединена часто въ единое общественное, отчасти и хозяйственное цѣлое. Такая группа управляется совѣтомъ родоправителей, и избираемый этимъ совѣтомъ на случай войны вождь находится въ непосредственной зависимости отъ избраннаго его совѣта, постановленія котораго для него обязательны. Сами родоправители во многихъ мѣстахъ, какъ у краснокожихъ племенъ Америки, такъ и у малайцевъ и у цѣлага ряда другихъ народностей, не являются безконтрольными распорядителями личностью и имуществомъ родовой группы; они ограничены родовымъ совѣтомъ, въ составъ котораго входят или всѣ члены рода, или только пожилые мужчины и женщины (последнее при материнской организаци группы). У индѣйцевъ сіу, напримѣръ, повелѣнія вождей строго соблюдаются лишь во время войны. Неослушаніе вождь имѣетъ право наказать тѣмъ, что сломаеть у виновнаго ружье. Но въ мирное время онъ не пользуется большимъ значеніемъ; не имѣетъ права, напримѣръ, своей властью заключать какіе бы то ни было договоры. Ничтожна власть вождя и у мало развитыхъ такулѣвъ. Власть группы надъ родоправителемъ выражается наглядно въ правѣ группы смѣнить неспособнаго родоправителя и замѣнить его другимъ.

Патріархальная власть, когда она дѣлается государственной, ни въ одномъ первобытномъ обществѣ не является ничѣмъ неограниченной. Писатели, выводящіе абсолютную власть изъ патріархальныхъ началъ, придавая слишкомъ большое значеніе переносу правъ отца и жреца на государство, ошибочно принимали явленія позднѣйшаго порядка за первоначальныя. Изъ роли патріарха, безконтрольнаго властителя надъ своими домочадцами, и домашняго жреца можетъ возникнуть идея неограниченной власти, такъ называемая патріархальная монархія. Но для того, чтобы власть главы семьи распространилась и на всѣхъ членовъ государства, требуются особыя условія. Въ родовой общинѣ есть только зародышъ этой власти, который можетъ развиваться, можетъ и заглохнуть въ зависимости отъ внѣшнихъ обстоятельствъ.

Такимъ образомъ, рядомъ съ зачинающейся властью вождя въ первобытныхъ обществахъ существуетъ и господство власти группы. Въ началѣ, при несложныхъ формахъ жизни, при господствѣ имущественной общности, при мирномъ развитіи группы эти виды власти уживаются другъ съ другомъ. Въ случаѣ возникающихъ коллизій побѣда остается на сторонѣ группы: воля последней въ силу простого физическаго превосходства массы надъ отдѣльными лицами всегда одерживаетъ верхъ. Поэтому въ низ-

шихъ организаціяхъ сосуществуютъ и временный вождь, и родо-правитель-жрецъ, и совѣтъ стариковъ, и совѣтъ представителей отдѣльныхъ родовъ, если послѣдніе образуютъ единое хозяйственное цѣлое. Лишь съ постепеннымъ развитіемъ быта, усложненіемъ формъ жизни, эти элементы начинаютъ дифференцироваться другъ отъ друга и становятся во враждебное другъ къ другу положеніе, стараясь уничтожить противоположное начало. Первобытное общество, переходя къ государственному строю, имѣетъ въ себѣ зачатки, которые могутъ одинаково привести къ развитію деспотіи, къ монархіи умѣренной, ограниченной и, наконецъ, къ различнымъ видамъ народоправствъ. Они могутъ содѣйствовать развитію сословій, классовъ общества и наоборотъ. Все зависитъ отъ совокупности условій, подъ вліяніемъ которыхъ происходитъ развитіе зачинающагося государственнаго организма. Если же непременно сводить многообразныя условія государственнаго роста на примитивныхъ ступеняхъ къ немногимъ дѣйствующимъ силамъ, придется отмѣтить, что въ общемъ и здѣсь дѣйствуютъ въ двухъ противоположныхъ другъ другу направленіяхъ *два начала*: тенденція группы сохранить власть и стремленіе лица или нѣсколькихъ лицъ сосредоточить власть въ своихъ рукахъ въ ущербъ группѣ. Это послѣднее стремленіе выражается въ двухъ направленіяхъ. Лицо, захватывающее власть, дѣйствуетъ или съ единовличными цѣлями, или оно является представителемъ извѣстной групповой единицы, т. е. къ власти стремится или индивидъ или группа, напримѣръ, родовая или семейная община. Вслѣдствіе этого, власть переходитъ или къ одному лицу, или къ роду наиболее богатому, сильному и могущественному. Результатъ этой борьбы эмбрионовъ различныхъ типовъ власти находится въ тѣсной связи съ исторіей каждаго даннаго государства и въ частности со способомъ его возникновенія. Для опредѣленія типа и характера первобытнаго государства является не безразличнымъ вопросъ, основано ли оно путемъ естественнаго роста или обязано своимъ возникновеніемъ покоренію. Предстоитъ разсмотрѣть, къ какимъ типамъ приводятъ на низшихъ культурныхъ ступеняхъ важнѣйшіе факторы, дѣйствующіе при образованіи государствъ.

ХIII. Власть въ родовыхъ государствахъ.

Какъ бы ни различались частныя, случайныя причины возникновенія государства, всегда и всюду основаніемъ перехода извѣстной народности къ государственнымъ формамъ жизни и одновременно началомъ государства служить такъ называемая *политическая интеграція*, т. е. соединеніе отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ въ одно цѣлое въ цѣляхъ достиженія извѣстныхъ благъ общезжитія. Примеры такихъ зачаточныхъ политическихъ интеграцій можно видѣть въ указанныхъ выше временныхъ соединеніяхъ самостоятельныхъ хозяйственныхъ единицъ подъ властью временнаго вождя въ цѣляхъ самозащиты. Но племя только тогда можетъ быть признаннымъ перешедшимъ къ государственной жизни, когда эта временная интеграція сдѣлалась постоянной, т. е. когда разъ соединившіяся хозяйственныя единицы уже больше не расходятся. Развитие же государственнаго цѣлага совершается путемъ такъ называемой *политической дифференціаціи*, т. е. развитія тѣхъ, находящихся въ населеніи государства, отдѣльныхъ элементовъ развитія, регулируемаго взаимной конкуренціей этихъ элементовъ.

Политическая интеграція возникаетъ обыкновенно какъ естественный результатъ необходимости: она можетъ быть добровольной или насильственной. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ интеграція разъединенныхъ хозяйственныхъ единицъ происходитъ послѣднимъ путемъ. Она является слѣдствіемъ покоренія, когда племя или родъ побѣдителей насильственно объединяетъ вокругъ себя сдѣлавшіеся подвластные ему элементы. Побѣдители играютъ въ этомъ случаѣ роль фермента, объединяющаго самостоятельныя хозяйства. Но хотя множество государствъ и создались въ качествѣ результата взаимной борьбы человѣческихъ группъ, было бы ошибочнымъ думать, что покореніе одного племени другимъ есть единственный факторъ возникно-

венія государственнаго организма. Если война приводитъ часто къ слиянію разрозненныхъ элементовъ группъ подъ объединяющимъ господствомъ побѣдителей, то, наоборотъ, и стремленіе къ самозащитѣ заставляетъ группы прибѣгать къ кооперативнымъ дѣйствіямъ противъ враговъ, вырабатывать первоначальную политическую интеграцію. Только въ этомъ двойномъ своемъ значеніи война можетъ быть признана однимъ изъ главныхъ факторовъ, влияющихъ на образованіе государства. Такимъ образомъ, благодаря войнѣ политическая интеграція можетъ принять два совершенно различныхъ пути: насильственный и добровольный.

Характеръ государственнаго строя въ зачаточномъ первобытномъ государствѣ, независимо отъ его происхожденія, стоитъ естественно прежде всего въ тѣсной и непосредственной связи съ формой хозяйственнаго обществѣ племени. Политическая интеграція, въ началѣ, но крайней мѣрѣ, не нарушаетъ господствующаго строя; напротивъ, сама власть обыкновенно образуется по типу власти, работавшей въ хозяйственныхъ единицахъ. Отсюда получается существенное различіе между политическими интеграціями, возникающими на почвѣ родового быта или, напримѣръ, семейныхъ общинъ. Политическія интеграціи, основанныя на родовомъ строѣ, какъ наиболѣе простые, легче всего поддаются изученію и потому должны быть разсмотрѣны сначала. Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что эти такъ называемыя *родовыя государства*, будучи весьма несложными, далеко не всегда оказываются и наиболѣе первобытными, такъ какъ политическая интеграція можетъ наступить иногда и до момента развитія рода или возникнуть тамъ, гдѣ родъ не могъ или не успѣлъ еще образовать родовой, хозяйственной общины.

Родовыхъ государствъ извѣстно довольно большое количество. Они представляютъ значительное разнообразіе и могутъ быть подведены подъ два главныхъ типа: 1) государства, основанныя естественнымъ путемъ разростанія рода и объединенія этихъ родовъ и 2) государства, основанныя на покореніи. Интересно намѣтить главнѣйшіе моменты развитія этихъ двухъ типовъ.

Наиболѣе простой типъ представляютъ родовыя государства, до которыхъ развились нѣкоторыя племена индѣйцевъ Сѣверной Америки. Большинство краснокожихъ племенъ Сѣверной Америки, какъ извѣстно, раздѣлены на родовыя общины; до сравнительно недавняго времени каждая община, состоявшая часто изъ нѣсколькихъ десятковъ семействъ, жила иногда въ общемъ помѣщеніи, какъ, напримѣръ, проказы въ своихъ такъ называемыхъ *длиныхъ домахъ*. Каж-

дый изъ этихъ родовъ держался женской филіаціи, былъ связанъ почитаніемъ одного духа родоначальника, своего тотема и представлялъ изъ себя, наконецъ, экзогамную единицу общественную и хозяйственную. Нѣсколько такихъ родовъ, которые въ свою очередь признаютъ свое общее происхожденіе, составляютъ обособленную группу — племя, объединенное общимъ тотемомъ и составляющее самостоятельную общественную единицу. Каждый родъ имѣетъ своего старѣйшину, а совокупность родовыхъ старѣйшинъ одного и того же племени образуетъ племенной совѣтъ, надъ которымъ стоитъ особый старѣйшина, племенной. Уже въ этой племенной организаціи можно видѣть государственную форму, основанную на родовомъ-когнатическомъ строѣ. Но нѣкоторыя краснокожія племена подъ вліяніемъ необходимости защиты отъ вѣншихъ враговъ пошли дальше. Политическая интеграція не ограничилась однимъ племенемъ. Всѣ племена, входившія въ составъ народности, объединились въ одно государственное цѣлое, въ которомъ каждое племя составляло какъ бы самостоятельную единицу. Таковъ былъ союзъ пяти племенъ ирокезовъ (могоуки, онеиды, оюндаги, сенеки и кайюги), къ которымъ позднѣ примкнули тускароры. Каждое племя, сохраняя свою самостоятельность, посылало своихъ представителей на ежегодное общее собраніе; на немъ рѣшались всѣ важнѣйшія дѣла, и оно сопровождалось обильнымъ пиршествомъ, имѣвшимъ религіозный и общественный характеръ. Такимъ образомъ, родовое государство краснокожихъ, результатъ частью естественнаго разростанія рода, частью добровольнаго союза, представляло собой простое соединеніе самостоятельныхъ родовыхъ общинъ, связанныхъ единой властью. Последняя распределялась между различными элементами, входившими въ государство.

Однимъ изъ главныхъ органовъ власти, какъ у ирокезовъ и гурановъ, такъ и у нѣкоторыхъ другихъ народностей Сѣверной Америки, былъ постоянный совѣтъ воиновъ и стариковъ. Этотъ совѣтъ въ количественномъ отношеніи былъ неограниченъ: достаточно было достигнуть извѣстнаго возраста, чтобы тѣмъ самымъ имѣть право войти въ его составъ. Классъ воиновъ состоялъ изъ всѣхъ лицъ молодыхъ, способныхъ носить оружіе. Въ совѣтъ лишь старики имѣли право голоса; вожди должны были подчиняться рѣшенію совѣта и имѣли право говорить только тогда, если они сами были стариками. Эти племенные совѣты собирались иногда въ опредѣленные сроки, какъ, на примѣръ, у команчей. При выдающемся значеніи женщинъ въ хозяйственной жизни когнатическихъ общинъ, удивительно, что онѣ образовывали иногда собственныя собранія,

на которыхъ онѣ вершили хозяйственныя дѣла; свои рѣшенія онѣ сообщали вождю, а этотъ послѣдній переносилъ ихъ на обсужденіе собранія стариковъ. Нѣкоторые писатели, заставшіе описанную организацію у краснокожихъ, сообщаютъ много интересныхъ подробностей о ходѣ народныхъ собраній, о господствовавшемъ на нихъ порядкѣ, о длинныхъ рѣчахъ уважаемыхъ стариковъ, любившихъ блестяще своимъ оригинальнымъ, образнымъ краснорѣчіемъ.

Наряду съ народнымъ собраніемъ власть находилась и въ рукахъ вождей родовыхъ и племенныхъ. Родовыми вождями были родовые старѣйшины, получавшіе власть обыкновенно по наслѣдству, въ силу своего старѣйшества (преемственность власти шла по женской линіи). Обязанности ихъ заключались въ управленіи родовой общиной. Они были представителями своихъ родовъ на собраніи, выразителями ихъ мнѣній и интересовъ. Власти внутри своей группы они имѣли очень мало, такъ какъ находились въ непосредственной зависимости отъ прочихъ взрослыхъ родичей, также и отъ женщинъ, въ виду роли, которую послѣднія играли въ экономическихъ интересахъ общины. Они были не столько властителями родовъ, сколько распорядителями внутренней жизни ихъ. Этой ограниченностью власти старѣйшины слѣдуетъ объяснить, что во многихъ случаяхъ принципъ наслѣдственности власти, начало старѣйшества, былъ замѣненъ началомъ выборнымъ. Родовой старѣйшина избирался часто изъ числа болѣе способныхъ, болѣе удобныхъ роду сочленовъ. При выборѣ голоса женщинъ за частую имѣли большое значеніе, что давало поводъ къ неосновательнымъ и во всякомъ случаѣ преувеличеннымъ толкованіямъ о роли женщинъ, матриархатѣ и даже гинекократіи у краснокожихъ.

Племенной старѣйшина выбирался общимъ собраніемъ или на извѣстный срокъ или на время предстоящаго предпріятія: войны или охоты. Личныя выдающіяся качества давали ему шансы на избраніе, которое производилось посредствомъ поднятія рукъ. Власть его была обыкновенно крайне ограничена: 1) совѣтомъ и 2) второстепенными вождями, которые избирались ему въ помощники.

Государственный строй краснокожихъ Сѣверной Америки представляетъ типичный образецъ народовѣдства на родовой основѣ. Различныя зародыши власти первобытной группы привели къ господству группы надъ вождями. Но этотъ государственный строй, сохранившійся еще у нѣкоторыхъ племенъ Америки, подвергся значительнымъ измѣненіямъ у другихъ. Столкновенія между группой и вождями должны были вести за собой видоизмѣненія, которыя почти всюду совер-

шились въ пользу вождей. Этому содѣйствовало прежде всего разро-
станіе родовой группы; при болѣе численности ея созывъ народ-
наго собранія дѣлался затруднительнымъ. Кромѣ того, на собра-
ніяхъ право голоса имѣли только старики; воины-молодежь лишь при-
сутствовали. Фактически, такимъ образомъ, власть находилась въ
рукахъ стариковъ, въ которыхъ она постепенно всецѣло и перешла.
Воины, вообще масса, перестала допускаться на собранія, какъ, на-
примѣръ, у омагасовъ. Быть можетъ, постепенный переходъ къ
патріархальному строю содѣйствовалъ развитію власти родовыхъ старѣй-
шинъ. Родовые старѣйшины составляютъ обособленный совѣтъ, который
рѣшаетъ все дѣла и выбираетъ самъ племенного вождя, безъ участія
народной массы. Въ свою очередь вождь, не ограниченный, какъ прежде,
народнымъ собраніемъ и выбираемый только немногими лицами, имѣетъ
возможность постепенно присваивать себѣ и болѣшую власть, и боль-
шее количество прерогативъ. Изъ органа, подчиненнаго собранію, онъ
постепенно превращается въ владыку, съ болѣе или менѣе неограни-
ченной властью. Личныя выдающіяся качества, между прочимъ, широкое
гостепримство и щедрость, частыя войны въ значительной степени
облегчаютъ этотъ переходъ. Такъ, на примѣръ, у омагасовъ въ рукахъ у
совѣта старшинъ находится еще законодательная, административная и
судебная власть; у каждаго вождя имѣются прислужники, испол-
няющіе ихъ приказанія. Племенной, главный вождь избирается собра-
ніемъ вождей. Онъ имѣетъ право занимать главное мѣсто на собра-
ніяхъ, объявлять постановленія совѣта, приказать устроить пиршество,
подвергать взысканіямъ ослушниковъ. Въ другихъ мѣстахъ даже право
созывать совѣтъ старшинъ принадлежитъ ему. Нѣкоторые изъ такихъ
выборныхъ главъ прославились своей жестокостью. Власть ихъ почти
ничѣмъ не ограничена, если не считать жрецовъ-шамановъ, хранителей
священныхъ палатокъ, которые, въ слѣдствіе религіозныхъ функцій,
выпадающихъ имъ на долю, играютъ извѣстную роль въ жизни пле-
мени, и безъ согласія которыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ не можетъ
быть созвано общее собраніе. Дальнѣйшимъ шагомъ по пути развитія
власти вождя можно считать избраніе пожизненное. Наконецъ, отъ
пожизненнаго избранія лишь одинъ шагъ до установленія наследствен-
ной власти вождя. Пути, которыми различныя краснокожія племена
пришли къ установленію наследственной власти вождя, были разнообразны.
Въ пуэбло Новой Мексики установилось нѣчто среднее между избраніемъ
и наследованіемъ: вождь избирается, но всегда изъ числа лицъ, при-
надлежащихъ къ одной семьѣ. Власть стремится, такимъ образомъ,
сосредоточиться въ одной хозяйственной группѣ. Одновременно съ этими

вождями избираются нерѣдко и вожди временные. У гуроновъ власть вождя переходитъ по женской линіи, такъ что наслѣдникомъ вождя дѣлается или сынъ его сестры, или ближайшій родственникъ по женской линіи. Въ случаѣ несовершеннолѣтія преемника его замѣняетъ дядя съ материнской стороны. Наконецъ, въ Калифорніи вождь, достигнувъ старости, обыкновенно при жизни еще отказывается отъ власти въ пользу своего сына; торжественный пиръ сопровождаетъ этотъ переходъ (Вайцъ, Морганъ, Летурно).

Въ такихъ чертахъ рисуется процессъ развитія родового государства у краснокожихъ племенъ Сѣверной Америки. Отдѣльные типы его служатъ различными ступенями, на основаніи которыхъ можно изучать его эволюцію. Борьба различныхъ органовъ власти: народной массы, родовыхъ и племенныхъ вождей приводитъ постепенно къ побѣдѣ послѣднихъ. Племенной же вождь, сначала выбираемый, стремится упрочить свою власть въ предѣлахъ своей родственной группы, рода или семьи; однимъ словомъ, онъ старается перенести на себя и свой родъ объемъ и прерогативы власти родового старѣйшины и дать своему роду преобладаніе надъ другими родами своего племени.

Интересно прослѣдить, подтверждаются ли эти выводы свѣдѣніями объ эволюціи государства у другихъ народовъ, начавшихъ также свое государственное развитіе съ государства родового. Богатый и разнообразный матеріалъ по данному вопросу даютъ нѣкоторые государственные организмы Африки. Каждое селеніе готтентотовъ, крааль, состоящее изъ обособленныхъ хозяйственныхъ единицъ, имѣетъ опредѣленнаго вождя. Власть этого послѣдняго иногда почти номинальна, и главные моменты жизни крааля регулируются обычаями, помимо воли вождя. Вождь обыкновенно выборный: имъ дѣлается человѣкъ, отличающійся своей физической силой, опытомъ, предусмотрительностью и богатствомъ, заключающемся въ скотѣ. Имена многихъ вождей до сихъ поръ живы въ народной памяти. У готтентотскихъ вождей нѣтъ никакихъ внѣшнихъ знаковъ власти. Привилегія ихъ ничтожны; одна изъ главныхъ, пожалуй, заключается, въ томъ, что вождь освобожденъ отъ обязанности пасти скотъ, что обитатели крааля дѣлаютъ по очереди. Онъ сильно ограниченъ совѣтомъ старѣйшихъ представителей отдѣльныхъ семей, въ которомъ онъ состоитъ председателемъ. Судъ и расправа, рѣшенія перемѣнить мѣстожительство, сношенія съ сосѣдними племенами и европейцами, жертвоприношенія, устройство празднествъ—все вершится вождемъ совместно съ совѣтомъ старѣйшихъ. Вождь пользуется властью обыкновенно лишь до тѣхъ поръ, пока онъ продолжаетъ оставаться самымъ богатымъ человекомъ крааля и пока

сохраняет свою физическую силу. Но даже в этом, так сказать, эмбриональном государстве готтентотов, весьма ясно сказывается тенденция к упрочению власти вождя, к тому, чтобы сделать ее наследственной, а именно от отца к сыну. Переход к власти совершается иногда следующим способом: когда сын вождя подростет, отец вступает с ним время от времени в единоборство и в день, когда сын победит отца, последний признает его своим наследником.

В Габои государственные формы позволяют предполагать, что процесс развития власти вождя в родовом государстве совершался аналогичным путем. Племена Габои разделены на рода, а эти последние распадаются на селения; вождь избирается советом стариков, который ограничивает власть вождя. Старики собираются по смерти этого последнего на совет и выбирают будущего владыку, которому, однако, сообщают решение лишь через несколько дней. Избрание совершается пожизненное. Между тем, этот более древний порядок управления замнен уже у многих племен Габои наследственной властью. Так как там местами господствует еще материнский род, наследование идет по женской линии, и преемником вождя является его брат или племянник, сын сестры. Однако, совет старших имеет право наложить свое veto, если они считают наследника умершего вождя не подходящим по личным качествам. Он может исключить ближайшего наследника от права наследования власти и выбрать другого; но это избрание должно быть подтверждено народным собранием. Вождь имеет ограниченную власть, он решает только мелкие текущие дела. Вопросы о мире и войне, о переносе селения на новое место и пр. обсуждаются старейшинами и утверждаются народными собраниями.

Если у готтентотов и туземцев Габои исследователь застаёт господство группы, и еще сравнительно неразвитую власть вождя, причём эта последняя начинает только освобождаться от группы и совета старших путем перехода в наследственную власть, у народов банту этот процесс еще более продвинулся вперед и местами почти завершился. «Строй правления у амаксосов (и родственных им племен), по справедливому замечанию Фрича, проникнуть патриархальными началами». В каждом селении есть особый вождь, власть которого обыкновенно наследственна по прямой линии. Но власть над всем племенем концентрируется в руках одного главного вождя, которому также наследует его сын от главной жены (и только в исключительных случа-

яхъ отъ второстепенныхъ, второй или третьей жены). При крѣпкомъ агнатическомъ строѣ амакесовъ страной управляютъ иногда во время несовершеннолѣтія прямого наследника его мать и старшіе братья (отъ второстепенныхъ женъ). Главному вождю подчиняются выборные вожди, уступающіе ему во власти, стоящіе надъ извѣстными округами страны; имъ подвѣдомственны начальники отдѣльныхъ селеній ихъ округовъ; этимъ послѣднимъ — главы отдѣльныхъ семействъ. Вожди округовъ и селеній образуютъ особый совѣтъ, ограничивающій власть вождя. Главный вождь рѣдко рѣшается поступать вопреки ихъ мнѣнію; иначе ему поставили бы въ вину, говоритъ Кропфъ, что онъ не знаетъ обычая, а это грозило бы ему смѣщеніемъ. Во всѣхъ дѣлахъ они имѣютъ совѣщательный голосъ, вождь же право рѣшенія. Вождь у народовъ банту еще не успѣлъ стать совершенно особнякомъ отъ своихъ подданныхъ; эти послѣдніе часто сидятъ съ нимъ за однимъ костромъ, курятъ одну и ту же трубку. У бечуавъ и басутозовъ по вечерамъ, вождь и приближенные къ нему люди собираются на особое отгороженное мѣсто, кхотла. Совершенно свободно разбираются дѣла присутствующими, высказываются мнѣнія. У нѣкоторыхъ кафрскихъ племенъ совѣтъ можетъ обсуждать даже особу вождя. Извѣстный изслѣдователь ихъ быта, англійскій миссіонеръ Моффатъ (Moffat) сообщаетъ любопытный примѣръ, какъ на одномъ изъ такихъ собраній было предложено осмотрѣть тѣло вождя, такъ какъ, по мнѣнію говорившаго, его толщина доказываетъ, что онъ мало посвящаетъ заботъ общественнымъ дѣламъ. На подобныя собранія всѣ являются вооруженными. Несмотря на господствующую свободу слова, вождь можетъ прекратить пренія, бросивъ въ средину собранія свой кистень.

Описанный государственный строй племенъ банту, однако, во многихъ мѣстахъ видоизмѣнился въ направленіи развитія власти вождя. Вокругъ послѣдняго группируется мѣстами особый классъ именуемый необезпеченныхъ лицъ, живущихъ его подаваніями. Государственная власть у южно-африканскихъ народовъ носитъ патріархальный характеръ. Вождь, будь то правитель племени, округа, селенія, не имѣетъ права ни въ чемъ отказать неимущему. Всякій подданный, нуждающійся въ пропитаніи, можетъ потребовать у своего вождя корову для молока, быка для закланія. Если вождь не можетъ удовлетворить его просьбы, что иногда случается, онъ остается жить при дворѣ вождя и кормится на его счетъ. Такимъ образомъ, вокругъ каждаго вождя составляетъ кружокъ лицъ, тѣсно связанныхъ съ

нимъ и болѣе или менѣе искренно преданныхъ ему. Кромѣ того, существуетъ обычай у амаксосовъ, напримѣръ, по которому отдѣльныя лица на нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ покидаютъ свои селенія и приходятъ жить ко двору вождя, гдѣ они исполняютъ различныя услуги: доятъ коровъ, ставятъ изгороди, ходятъ гонцами и т. д. Начальники округовъ и селеній проводятъ также нѣсколько мѣсяцевъ въ году близъ главнаго вождя. Этотъ послѣдній, отдавая иногда очень щедро своихъ подданныхъ за оказанныя услуги, заботится особенно о членахъ своего совѣта. За все время своего пребыванія при дворѣ они кормятся на счетъ главы государства. Кромѣ того, онъ снабжаетъ ихъ временными женами, для чего разсылаются по округамъ юноши, которые должны разыскивать взрослыхъ дѣвушекъ и представить ихъ ко двору. Такъ какъ у большинства южно-африканскихъ племенъ, всякій недовольный своимъ вождемъ имѣетъ право оставить его и перейти къ другому, вожди заинтересованы въ томъ, чтобы вслѣдствіе задабривать своихъ подданныхъ. Это съ одной стороны сдерживаетъ проявленія деспотизма, съ другой скрѣпляетъ связь между вождемъ и его приближенными и создаетъ классъ лицъ, которыми вожди могутъ располагать по своему усмотрѣнію.

Опираясь на окружающій штатъ, вожди у народовъ банту мѣстами достигли совершенно неограниченной власти и проявляютъ ее самымъ дикимъ образомъ. Вождь постепенно переходитъ въ существо, стоящее внѣ закона и обычнаго права; ему все позволительно, а учрежденія, стѣсняющія его власть, прекращаютъ дѣйствія: совѣтъ старшинъ, напримѣръ, перестаетъ собираться. Извѣстна жестокость зулусскаго вождя Тшакки, который ввелъ суровую военную дисциплину среди своего народа, съ военными поселеніями, отсутствіемъ правильной семейной жизни, убіеніемъ младенцевъ (не исключая и его собственныхъ), строй, который могъ держаться, только поддерживаемый его неограниченной жестокостью. Извѣстенъ также его приказъ умертвить 7000 людей на могилѣ его матери. Одинъ изъ бечуанскихъ вождей за совершенную кражу, караемую обыкновенно пещей въ нѣсколько головъ скота, велѣлъ сбросить виновныхъ со скалы; вождь банангватовъ подъ ничтожнымъ предлогомъ сумѣлъ предать смерти всѣхъ враждебныхъ ему лицъ. При преемникѣ Тшакки, Моссекегати, имѣніе и личность подданныхъ составляли собственность властителя. Къ владыкѣ вельзя было приближаться иначе, какъ ползкомъ; когда онъ ложился спать или садился отдыхать, толпа его приближенныхъ окружала его и пѣла хвалебныя пѣсни его могуществу. Такимъ образомъ, на при-

иѣръ африканскихъ народовъ, можно, какъ у краснокожихъ, наблюдать постепенный процессъ побѣды вождя надъ другими органами власти въ родовомъ государствѣ.

Дѣйя выходки нѣкоторыхъ вождей африканскихъ и краснокожихъ народностей, ихъ жестокость и кровожадность часто являются, однако, лишь внѣшнимъ выраженіемъ мѣстныхъ обычаевъ и привычекъ, которыя вожди могутъ практиковать чаще и въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ ихъ подданные. Ихъ нельзя принимать за непремѣнное слѣдствіе развитія власти вождей въ ущербъ власти группы. Дѣйствительно, хотя развитіе родового государства идетъ и въ другихъ мѣстностяхъ тѣмъ-же путемъ, какъ въ Африкѣ и Америкѣ, злоупотребленія вождями властью не всегда являются характерными для такихъ государствъ. Въ доказательство можно привести два типа родовыхъ государствъ, развившихся естественнымъ путемъ: у монголовъ и южныхъ славянъ. Племя послѣднихъ представляло до недавняго времени самостоятельную государственную единицу, причемъ иногда нѣсколько племенъ на подобіе ирокезскихъ составляли особое государство (Черногорія). Монголы дѣлятся на рода, изъ которыхъ каждый управляется своимъ родовымъ старѣйшиной. Совокупность нѣсколькихъ родовъ составляетъ племя, и, наконецъ, нѣсколько племенъ образуютъ народность. Всѣ рода, входящіе въ составъ племени, считаютъ другъ друга родственниками и обыкновенно имѣютъ общаго родоначальника. Всѣ племена, въ свою очередь, ведутъ происхождение отъ одного предка. Монголы, такимъ образомъ, дѣлятся на девять племенъ, считающихъ своимъ предкомъ волка. Совершенно тоже можно наблюдать и у кочевыхъ и полукочевыхъ тюрковъ, гдѣ рода объединяются въ группы, племена, а эти послѣднія въ народность, имѣющую легендарнаго родоначальника. Монгольскіе и тюркскіе племенные старѣйшины, князья, ханы, какъ ихъ было принято называть, были выборными. Они ставились на общемъ собраніи, и обрядъ избранія заключался въ томъ, что новое должностное лицо сажали на кошму. Но выборамъ подлежали только лица, принадлежація по происхожденію къ одному изъ родовъ, ведущихъ себя отъ Чингисъ-хана, который самъ, какъ представитель своего рода, далъ послѣднему преобладаніе надъ остальными родами. Такимъ образомъ, въ монгольскомъ родовомъ государствѣ одинъ родъ является господствующимъ надъ остальными. Потомки Чингиса считаютъ себя «бѣлой костью» въ отлчіе отъ другихъ родовъ, известныхъ подъ общимъ названіемъ «черной кости». Въ настоящее время должность племенного старѣйшины переходитъ уже по наследству отъ отца къ сыну или ближайшему родственнику по мужской линіи

умершаго, такъ что изъ границъ господствующаго рода власть стремится перейти въ предѣлы одной семьи. Племенной старѣйшина, въ настоящее время давно уже эманципировавшійся отъ вліянія группы, является почти вполнѣ неограниченнымъ въ своей власти; аксакалы, т. е. родовые старѣйшины, которые въ прежнее время составляли совѣтъ, ограничивавшій власть вождя, потеряли въ настоящее время свое значеніе. Здѣсь, слѣдовательно, процессъ не представляетъ отличій отъ описанныхъ выше. Родовые старѣйшины, облеченные патриархальной властью внутри рода, при соединеніи родовъ избирали себѣ вождя, власть котораго была ограничена ихъ совѣтомъ и народнымъ собраніемъ. Постепенно одинъ родъ получаетъ преобладаніе, и вожди избираются только изъ этого рода; а затѣмъ власть дѣлается наследственной въ предѣлахъ одной семьи. Сначала падаетъ власть народнаго собранія, а затѣмъ и власть родовыхъ старѣйшинъ. Племенной князь дѣлается неограниченнымъ; онъ выступаетъ съ тѣмъ же объемомъ власти надъ племенемъ, какую имѣетъ обыкновенный родовой старѣйшина въ отношеніи къ своему роду. Но господство патриархальныхъ началъ не даетъ вождю возможность развить деспотизмъ въ отношеніи къ подданнымъ. Злоупотребленіе властью имѣетъ мѣсто только въ отношеніи безправнаго класса рабовъ, а не членовъ той или иной родовой группы, входящей въ племя.

Съ тѣмъ же характеромъ умѣренной патриархальной власти выступали и племенной старшина, воевода, князь у южныхъ славянъ, именно въ Черногоріи и Герцеговинѣ до послѣдняго времени. Нѣсколько родственныхъ другъ другу семейныхъ общинъ, задругъ, образуютъ родъ, такъ называемое братство. Нѣсколько родовъ-братствъ, ведущихъ происхожденіе отъ одного родоначальника, составляютъ племя. Каждая задруга стоитъ подъ управленіемъ большака; каждый родъ подъ управленіемъ родового старѣйшины, обыкновенно выборнаго; наконецъ, племя имѣетъ своего выборнаго вождя, воеводу. Но у южныхъ славянъ, гдѣ еще сохранилось до недавняго прошлаго племенное устройство, выборъ главара—воеводы всегда совершался въ границахъ определенной семьи, которая успѣла уже сосредоточить власть въ своихъ рукахъ. Воеводой дѣлался, по общему правилу, сынъ умершаго. Актъ избранія совершался торжественно въ присутствіи всѣхъ мужчинъ племени, способныхъ носить оружіе; молодой воевода инвестировался въ своей власти старѣйшинами рода-братства. Такимъ образомъ, принципъ избранія и элементъ народопреемства у южныхъ славянъ также уступилъ власти вождя, сосредоточившейся въ определенной семьѣ. Но власть группы символически сказывалась въ актѣ

избранія, а фактически въ правѣ смѣщать воеводу. Последнее имѣло мѣсто, однако, лишь въ томъ случаѣ, если воевода оказывался неспособнымъ къ военнымъ дѣйствіямъ или трусомъ. Соединеніе нѣсколькихъ племенъ въ родовое государство извѣстно и у южныхъ славянъ. Наиболее наглядный примѣръ тому представляетъ Черногорія, гдѣ нѣсколько племенъ съ своими воеводами объединились подъ властью одной, болѣе выдающейся, семьи, и гдѣ и до настоящаго времени родовыя традиціи отличаются живучестью.

Слѣдовательно, въ примитивныхъ государствахъ, основанныхъ на родовомъ принципѣ и естественно развившихся изъ родовой организаціи, какъ общее правило, замѣчается стремленіе къ усиленію власти вождя въ ущербъ республиканскимъ тенденціямъ первоначальныхъ группъ. Вождь одерживаетъ побѣду, и власть его вырабатывается въ болѣе или менѣе абсолютную. Остальные зародыши власти атрофируются. Но слѣдуетъ отмѣтить, что такого рода процессъ наблюдается только въ тѣхъ примитивныхъ государствахъ, въ которыхъ политическая дифференціація не успѣла еще пустить болѣе или менѣе прочныхъ корней, гдѣ всѣ индивиды, входящіе въ государство, болѣе или менѣе равны между собой, гдѣ почетъ и власть даются или личными качествами, или лѣтами. Это отсутствіе политической дифференціаціи даетъ возможность вождю стать надъ родовой организаціей и свести ея основы на нѣтъ: онъ становится патріархомъ, безапелляционнымъ распорядителемъ народа.

Въ случаяхъ, когда политическая интеграція въ родовомъ государствѣ совершается насильственно, когда одинъ родъ покоряетъ другіе, власть вождя сама по себѣ, понятно, не встрѣчаетъ тѣхъ препятствій, которыя ей приходится преодолевать при естественномъ мирномъ развитіи. Представитель рода-покорителя, патріархъ съ болѣе или менѣе неограниченной властью, одновременно и военный вождь, распространяетъ свою силу и власть на покоренные рода. Характерной чертой такихъ государствъ является то, что родъ, подчинившій себѣ другія родовыя группы, обыкновенно не нарушаетъ внутреннихъ распорядковъ покоренныхъ родовъ. Какъ образецъ подобнаго родового государства, основаннаго на покореніи, можно указать на монархію древняго Перу, бывшую до недавняго времени предметомъ восторженныхъ и мало обоснованныхъ отзывовъ. Однимъ изъ главныхъ источниковъ для изученія древняго Перу и его государственнаго строя до покоренія испанцами былъ трудъ извѣстнаго Гарсиласо-де-ла-Вега о перуанской монархіи. Гарсиласо, потомокъ инковъ, начерталъ строй и культурную дѣятельность инковъ въ такихъ идиллическихъ краскахъ, что

позднѣйшіе писатели были склонны видѣть въ древнемъ Перу образецъ социалистической монархіи, осуществленіе среди дикарей, едва вышедшихъ изъ періода каменнаго вѣка, идеаловъ, которые проповѣдывались, начиная съ Кампанелла и Мура и кончая Фурье и Каба. Такого же взгляда на Перу держался Летурио. Государственный строй перуанской монархіи, вызывавшій удивленіе европейскихъ ислѣдователей, рисовался въ слѣдующихъ общихъ чертахъ. Во главѣ государства стоитъ инка, свѣтлый сынъ бога солнца, олицетвореніе справедливости и верховный носитель культуры; около него группируются жрецы, завѣдующіе храмами, посвященными главнымъ образомъ солнцу. Вся масса населенія равна передъ инкой; она раздѣлена на общины, въ которыхъ господствуетъ широкій коммунизмъ. Каждый обязанъ работать, и результаты его трудовъ идутъ на пользу общины. Земля раздѣлена на три части: одна принадлежит инкѣ, другая—духовенству, третья—народу. Этотъ послѣдній, совмѣстными усиліями каждой данной общины, сначала обрабатываетъ поля, урожай съ которыхъ идетъ въ пользу инки и на пополненіе государственной казны, затѣмъ землю, назначенную для содержанія храмовъ, и, наконецъ, свои участки для поддержанія общины. Частной собственности нѣтъ. На счетъ инковъ устроены государственныя школы, гдѣ обучаются отдѣльно мальчики и дѣвочки; первые затѣмъ занимаютъ различныя должности, а вторыя образуютъ монашескую классъ дѣвицъ, посвященныхъ солнцу и пользующихся особымъ почетомъ. Монархія Перу окружена дикими народами, и инки совершаютъ противъ нихъ походы, имѣющіе не корыстный цѣль, но культурное значеніе. Покоривъ ихъ, они распространяютъ на нихъ свою цивилизацію: обучаютъ ихъ земледѣлію и коммунистическому режиму. Инка, сынъ солнца, всюду несетъ за собой свѣтъ и просвѣщеніе. Въ его монархіи нѣтъ богатыхъ и бѣдныхъ, есть только члены коммунистическихъ общинъ, обязанныхъ трудиться на пользу государства и своей общины.

За послѣднее время, однако, было опубликовано много дневниковъ и описаній, принадлежащихъ испанцамъ, заставшимъ еще учрежденія Перу не вполне разрушенными. Этими новыми и обширными матеріалами воспользовался Куновъ (Cunow). Въ своемъ, вышедшемъ въ 1896 г., сочиненіи: *Соціальное устройство государства инковъ* (*Die sociale Verfassung des Inkareichs*) онъ доказалъ, какъ много сказочнаго было внесено въ описанія государственнаго строя древняго Перу. Разрушивъ старыя суевѣрія о социалистической монархіи, онъ

раскрылъ передъ наукой чрезвычайно интересную форму первобытнаго родового государства.

Туземцы древняго Перу, равно и мѣстностей, вошедшихъ впоследствии въ составъ государства инковъ, какъ оказывается по новымъ даннымъ, вовсе не были тѣми дикарями, которые, по описанію Гарсиласо, вели будто бы жизнь, мало чѣмъ отличающуюся отъ жизни животныхъ, и просвѣщеніе которыхъ составляло культурную миссію инковъ. Напротивъ того, эти народы достигли уже значительной цивилизаціи, мѣстами даже болѣе высокой, чѣмъ та, которую привнесли съ собою инки. Инки, лѣтъ за 400—500 до прихода испанцевъ подчинившіе себѣ туземцевъ, представляли изъ себя родъ, раздѣленный на четыре отдѣла, вѣрнѣе племя, союзъ четырехъ родовъ, имѣвшихъ общаго родоначальника. Покореніе туземныхъ племенъ совершилось въ нѣсколько приемовъ. Сдѣлавъ ихъ себѣ подвластными, инки продолжали жить въ родовомъ устройствѣ. Инка былъ наследственнымъ родовымъ старѣйшиной, власть котораго нашла себѣ укрѣпленіе и санкцію въ родовомъ культѣ инковъ, такъ какъ послѣдніе вели свою родословную отъ одного изъ главныхъ божествъ—солнца.

Инки при завоеваніи встрѣтили у покоренныхъ племенъ слѣдующую организацію. Населеніе Перу дѣлилось на довольно многочисленныя племена. По крайней мѣрѣ, когда въ 1571—72 гг. вице-король Перу, донъ Франциско-де-Толедо, составилъ перепись населенія, оказалось, что нѣкоторыя племена могли выставить 5—7 тысячъ воиновъ, т. е. мужчинъ отъ 18—55 лѣтъ. Это даетъ общее населеніе приблизительно въ 25—35 тысячъ. Въ виду того, что по покореніи Перу испанцами туземное населеніе быстро стало уменьшаться, слѣдуетъ полагать, что цифра эта должна быть значительно увеличена для прежняго времени, когда общая численность перуавскихъ племенъ вѣроятно достигала 50—60 тысячъ. Каждое племя жило на определенной территоріи. Населеніе было сравнительно густо, такъ какъ равнялось въ предѣлахъ нѣкоторыхъ племенныхъ территорій 130-ти чел. на одну нѣмецкую квадратную милю. Каждое изъ этихъ племенъ образовывало до покоренія инками самостоятельное цѣлое. Въ основѣ племени лежала деревенская община, представлявшая одновременно и родовую общину, такъ называемую *ayllu* или *hatha*, что въ переводѣ собственно значитъ *родъ, семья*; каждый изъ этихъ родовъ имѣлъ особое названіе или по имени предка или по мѣстности, гдѣ онъ жилъ. Во главѣ *ayllu* или *hatha* стоялъ старѣйшина. Родъ, *ayllu*, обыкновенно имѣлъ и другое названіе, именно *rachaca*, т. е. сотня, такъ какъ такой родъ могъ выставить сотню воиновъ. Старѣйшина или

сотнигъ всегда принадлежалъ къ тому же роду, т. е. онъ былъ простымъ родовымъ старѣйшиной, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наслѣдственнымъ, въ нѣкоторыхъ выборнымъ. Обыкновенно нѣсколько *ayllu* образовывали союзъ. Это было соединеніе нѣсколькихъ родовыхъ единицъ, выросшихъ изъ развѣтвленія главнаго рода, население которыхъ производило себя отъ общаго дѣйствительнаго или фиктивнаго предка; это была фратрія, объединенная и общимъ происхожденіемъ, и общимъ владѣніемъ извѣстной территоріи. Во главѣ союза родовъ стоялъ оцять таки старшина, функціи котораго, впрочемъ, не могутъ быть точно установлены. Эти разросшіеся рода, *ayllu*, были объединены и религиозными узами; они имѣли общее родовое божество, для празднованія котораго время отъ времени они устраивали общія пиршества. Наконецъ, нѣсколько фратрій составляли племя, объединенное обыкновенно обязанностью взаимной защиты. Военные племенные вожди частью избирались, частью же вождемъ становился одинъ изъ наиболѣе выдающихся родовыхъ вождей; наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ власть вождя обратилась въ постоянную и наслѣдственную.

Внутренняя организація племенъ до покоренія инковъ рисуется въ слѣдующихъ чертахъ. Каждый родъ, сотня, *ayllu* имѣлъ право собственности на извѣстный участокъ родовой земли, марку. Марка, составляя собственность рода, носила обыкновенно и родовое названіе. Первоначально марка составляла собственность родовой-хозяйственной общины, но со временемъ она постепенно измѣнила свой исключительный характеръ и перешла, если такъ можно выразиться, въ общину волостную. Именно, на родовой землѣ, отъ главной, родовой деревни отдѣлялись и основывались меньшія родовыя-хозяйственные единицы, нѣчто въ родѣ семейныхъ общинъ. Одновременно допускались сюда и хозяйственные группы не родственныя. Въ общемъ, однако, марки даже по покореніи испанцами продолжали сохранять свой родовой характеръ. Марка часто состояла изъ одного селенія родственниковъ; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда на общей родовой территоріи было нѣсколько селеній, эти послѣднія не имѣли самостоятельнаго значенія и составляли съ главной деревней одно цѣлое. Около главнаго селенія находилось обыкновенно укрѣпленное мѣсто, *рисага*, служившее сборнымъ пунктомъ на случай частыхъ въ Перу междуродовыхъ войнъ; сюда спасались жители съ женами и дѣтьми.

Въ то время, какъ одна часть населенія, сохраняя родовой строй, дѣлилась мѣстами на семейныя общины, часто довольно значительныя, другая часть продолжала жить въ родовыхъ-хозяйственныхъ общи-

нахъ. Эту форму общежитія сохраняло древнее населеніе Перу внутри страны, такъ называемое Уипса, достигшее сравнительно высокой культуры еще до прихода инковъ. Дѣленіе на родовыя-хозяйственныя общины легло даже въ основаніе постройки городовъ, какъ, напримѣръ, древняго Куско и Кахамарки, гдѣ нѣсколько родовъ обосновались другъ подле друга. И здѣсь каждый родъ селится особнякомъ, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ; но онъ не былъ разсѣянъ по отдѣльнымъ жилищамъ, а, напротивъ того, строилъ себѣ общее помѣщеніе.

Такимъ образомъ, населеніе древняго Перу представляется конгломератомъ родовъ, въ значительной степени не вышедшихъ еще изъ стадіи родовыхъ и хозяйственныхъ общинъ, частью раздѣленныхъ при господствѣ родовъ надъ земельными участками на семейныя общины. При коммунистическомъ характерѣ родовыхъ хозяйственныхъ общинъ на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи, неудивительно, что частная собственность не была развита въ древнемъ Перу, и что сельскія работы исполнялись общими силами всѣхъ членовъ хозяйственной группы, жившихъ въ общихъ помѣщеніяхъ. Этотъ коммунизмъ не былъ результатомъ развитія началъ, внесенныхъ инками; онъ былъ естественнымъ слѣдствіемъ господства родовыхъ общинъ, которыя инки застали при покореніи туземныхъ племенъ.

Обширная область современнаго Перу, Боливии и Эквадора, составлявшая территорію монархіи инковъ, была, слѣдовательно, населена рядомъ племенъ, образующихъ самостоятельныя родовыя государства; изъ нихъ одни сохранили еще выборное начало при назначеніи старѣйшины, а другія уже перешли къ правильной системѣ наслѣдованія власти вождя отъ отца къ сыну. Эта совокупность государствъ, носившихъ болѣе или менѣе характеръ родовыхъ, была покорена постепенно родомъ инковъ, вождь которыхъ, въ силу самаго факта покоренія, явился абсолютнымъ монархомъ въ отношеніи къ прочимъ покореннымъ родовымъ вождямъ. Внутри своего рода инка былъ родовымъ старѣйшиной; власть его переходила отъ отца къ сыну отъ главной жены, которая часто бывала одновременно и сестрой инки. Наслѣдованье по прямой линіи, сосредоточиванье его въ предѣлахъ одной семьи усиливаетъ, какъ общее правило, власть вождя. Инка, членъ старшей семьи своего рода, являлся наиболѣе прямымъ потомкомъ солнца, отъ котораго весь родъ инковъ велъ свое происхожденіе. Онъ олицетворялъ своего прародителя солнце; поэтому, власть его, покоившаяся на религіозной основѣ, могла даже въ предѣлахъ своего рода развиться до огромныхъ размѣровъ.

Даже наиболѣ выдающіеся члены рода инковъ, поставленные выше представителей покоренныхъ родовъ, могли приближаться къ властелину только съ босыми ногами и неся какую нибудь тяжесть на плечахъ. Въ извѣстныхъ торжественныхъ случаяхъ родичи инки исполняли священную пляску передъ главой рода и государства. Сложный церемоніаль окружалъ властителя Перу; его носили на носилкахъ съ золотыми ручками, его одежда была изъ тонкой шерстяной матеріи, украшена золотомъ и камнями; онъ одинъ имѣлъ право носить головной уборъ изъ двухъ перьевъ особенной птицы и т. д.; приближаться къ нему и прикасаться безъ исполненія цѣлаго ряда ритуальныхъ приемовъ считалось святотатствомъ. Инкѣ воздавались божескія почести, и этотъ вѣщій блескъ его власти заставлялъ большинство писателей упускать изъ виду истинное ея значеніе. Инки были не болѣе, какъ главами своего рода, наследственными родовыми вождями, которымъ богатство, побѣды надъ другими родами и религиозныя основы жизни населенія дали возможность развить свою власть до крайнихъ предѣловъ. Впрочемъ, рядомъ съ инкой стоялъ родовой жрецъ, власть котораго ограничивала свѣтскаго владыку. Инка былъ лишь главой родового государства, объединившаго принудительно другія родовыя государства туземцевъ. Дѣйствительно, покореніе инковъ не внесло существенныхъ перемѣнъ въ строй перуанской монархіи. Родовая организація отдѣльныхъ племенъ, входившихъ въ ея составъ, продолжала оставаться почти всюду неизмѣнной: разница заключалась лишь въ томъ, что родовые и племенные вожди перестали быть вполнѣ самостоятельными, что они должны были слѣдить за правильнымъ исполненіемъ повинностей, наложенныхъ инками на ихъ родовыя или племенные группы. Родовые и племенные старѣйшины, какъ общее правило, оставались съ тѣмъ-же объемомъ власти и получали свою власть прежнимъ порядкомъ. Племя, составлявшее прежде самостоятельное родовое государство, сдѣлалось только зависимымъ отъ инковъ; оно было переименовано въ *huni*, т. е. десять тысячъ, такъ какъ племенная единица могла доставить 10,000 воиновъ, фратрія, меньшій родовой союзъ, переименованъ въ тысячу, а родъ, сотня, осталась неизмѣнной. Только тамъ, гдѣ родъ туземцевъ не успѣлъ еще объединиться въ фратрію или племя, инки устраивали въ цѣляхъ административныхъ объединеніе на десятки тысячи и тысячи, искусственно перенося родовое устройство на разъединенныя группы. Лишь небольшія измѣненія административнаго строя Перу были сдѣланы инками, напримѣръ, введены чиновники, надзиратели за родовыми и племенными старѣйшинами. Покоренные туземцы должны были обраба-

тывать часть родовой земли въ пользу инковъ, часть на содержаніе храмовъ различныхъ божествъ и ихъ жрецовъ. Обработка велась общими силами родовой группы оттого, что другой формы веденія сельскаго хозяйства большинство туземцевъ, раздѣленныхъ на родовыя хозяйственныя общины, не знало. Они обязаны были ставить извѣстное число воиновъ для походовъ инковъ и, наконецъ, нѣкоторыя племенные группы должны были время отъ времени доставлять определенное количество мальчиковъ и дѣвушекъ. Первые становились такъ называемыми янакуна, служителями инковъ и ихъ родственниковъ, занимавшихъ высшія государственныя мѣста, и затѣмъ сами получали должности. Дѣвушки воспитывались въ особыхъ домахъ; часть ихъ дѣлалась служительницами въ храмахъ солнца, часть поступала къ инкамъ въ качествѣ второстепенныхъ женъ и наложницъ; нѣкоторыя, наконецъ, отдавались въ жены и наложницы янакунамъ. Зависимость родовъ и племенъ отъ инковъ не шла далѣе этихъ повинностей. Судебныя и административныя функціи сосредоточивались въ рукахъ старѣйшинъ. Общинный строй и коммунистическіе порядки, столь прославляемые нѣкоторыми писателями, не были дѣломъ мудрости правителей, но естественнымъ результатомъ господства родовыхъ общинъ. Отсутствіемъ связи между составными частями государства Перу, которое являлось агрегатомъ чуждыхъ и часто враждебныхъ другъ другу родовыхъ и племенныхъ единицъ, объясняется какъ самый фактъ легкости покоренія монархіи инковъ испанцами, такъ и быстрое распаденіе перуанской монархіи на ея составныя части.

XIV. Свѣтскія и религіозныя функціи власти.

Наряду съ вышеприведенными факторами, развитію единоличной власти вождя способствуетъ весьма существенно и суевѣрное предположеніе о тѣсномъ единеніи вождя съ духами, которые даютъ ему будто бы сверхъестественную силу и ставятъ его въ ближайшее отношеніе къ божествамъ, гарантируя ему побѣды и успѣхи.

Ореоломъ сверхъестественной власти можетъ быть окруженъ одинаково родовой старѣйшина и временный вождь, будь то въ государствѣ, возникшемъ на родовой основѣ, или въ политической интеграціи, появившейся до родового строя или при распаденіи родовъ, наконецъ, въ государствѣ, основанномъ на добровольномъ или насильственномъ единеніи хозяйственныхъ группъ. Вопросъ, къ какимъ результатамъ приводитъ объединеніе свѣтскихъ и религіозныхъ функцій въ лицѣ вождя, и какъ видоизмѣняется оно подъ вліяніемъ различныхъ факторовъ, весьма интересенъ. Представленіе о способности вождя становиться въ особо близкія отношенія къ духамъ не составляетъ характерной черты одного какого-нибудь типа первобытныхъ государствъ. Вслѣдствіе этого, въ дальнѣйшемъ изложеніи не будутъ разграничены родовыя государства и государства, возникшія не на родовой основѣ.

Чтобы уяснить себѣ, какимъ образомъ вождь можетъ быть облеченъ и религіозными функціями, слѣдуетъ вспомнить, что нѣтъ ни одного племени, лишеннаго вѣры въ существованіе духовъ. Первобытный анимизмъ, составляющій основу религіозныхъ вѣрованій дикарей, заставляетъ населять весь видимый міръ духами, стоящими въ томъ или другомъ отношеніи къ людямъ. Нѣкоторые лица, по мнѣнію дикаря, имѣютъ власть надъ ними, слѣдовательно, обладаютъ сверхъестественной силой, отличающей ихъ отъ другихъ людей: это заклинатели, шаманы, врачеватели и т. д., которыхъ въ томъ или иномъ видѣ можно встрѣтить рѣшительно среди всѣхъ первобыт-

ныхъ народностей. Если подобныя лица одарены другими качествами, необходимыми для вождя, то обыкновенно, уже на низшихъ ступеняхъ культуры, они соединяютъ въ себѣ функціи и вождя, и шамана-колдуна. Среди австралійцевъ, у которыхъ группа, какъ было сказано, управляется совѣтомъ, во временные вожди всегда избирается наиболее опытный и пользующійся извѣстностью заклинатель. Населеніе Тасманіи, по свидѣтельству путешественниковъ, трепетало передъ знахарями и подчинялось ихъ вліянію. Въ Америкѣ у дакотовъ, знахари, со словъ одного изслѣдователя, имѣютъ безграничное вліяніе надъ молодежью, воспитанной въ довѣріи къ ихъ сверхъестественному могуществу. «Вождь, командующій войскомъ на войнѣ, принадлежитъ всегда къ числу такихъ знахарей, и относительно его существуетъ мнѣніе, что онъ обладаетъ силою обезпечить успѣхъ за своимъ войскомъ или спасти его отъ пораженія». Мексиканскіе короли, при вступленіи на престолъ, должны были дать клятву, что въ ихъ царствованіе «солнце будетъ идти по своему обычному пути, облака будутъ изливать дождь на землю, рѣки будутъ течь и плоды созрѣвать». Вожди чибчи также обыкновенно были чародѣями: одинъ изъ нихъ, недовольный своими подданными, заявлялъ, что «въ его власти лежитъ возможность наслать на нихъ чуму, оспу, ревматизмъ и лихорадку, также и заставить произрастать траву, овощи и растенія въ томъ количествѣ, какое для нихъ желательно».

Подобныя же вожди, являющіеся одновременно и знахарями-колдунами, извѣстны во многихъ мѣстностяхъ Африки. «Одна изъ важнѣйшихъ обязанностей вождя, говоритъ Ратцель, заключается въ томъ, чтобы по возможности лучше колдовать въ пользу своего народа». У зулусовъ вождь передъ сраженіемъ насылаетъ чары на вождя противной стороны; «войско имѣетъ тѣмъ больше довѣрія къ нему, чѣмъ болѣе онъ пользуется извѣстностью въ области чародѣйства». Вожди почти всѣхъ африканскихъ народовъ твердо вѣрятъ; что они могутъ управлять погодой, и такая власть надъ стихіями признается за ними въ народѣ. Они нерѣдко своекорыстно пользуются этимъ: подъ угрозой послать на своихъ подданныхъ бѣдствія засухи или слишкомъ продолжительныхъ дождей они вымогаютъ различныя приношенія. Трудно, конечно, сказать, насколько въ каждомъ данномъ случаѣ играетъ роль грубый обманъ и стремленіе пользоваться непросвѣщенностью населенія, и насколько самъ вождь оказывается жертвой собственнаго суевѣрія, искренне признавая за собой сверхъестественныя силы. Фактъ, что вождь зулусовъ иногда выпытываетъ у знахаря тайны его искусства и затѣмъ убиваетъ его,

желая освободиться от конкурента, доказывает, что часто сами вожди не меньше подданных находятся всецѣло во власти суевѣрія.

Соединеніе власти свѣтской и такъ сказать духовной встрѣчается у временныхъ и постоянныхъ вождей. Надѣленіе вождя сверхъестественными способностями само по себѣ еще не можетъ упрочить наслѣдственности власти; обаяніе и власть вождя - знахаря длится только до тѣхъ поръ, пока онъ можетъ поддерживать свой авторитетъ суевѣрными дѣйствіями. Поэтому, часто случается, что вождь, который не въ состояніи исполнить требованій народной массы о ниспосланіи или прекращеніи дождя и пр., теряетъ свой престижъ и смѣщается. Иногда даже, какъ это имѣетъ мѣсто въ Африкѣ, тамъ, гдѣ вожди еще выборные, его умерщвляютъ и замѣняютъ другимъ, болѣе способнымъ знахаремъ. Только тогда, когда власть вождя утвердилась и стала наслѣдственной, искусство колдовства выступаетъ могучимъ факторомъ усиленія власти. Упроченію наслѣдственности содѣйствуетъ, главнымъ образомъ, развитіе семейно-родового строя и связаннаго съ послѣднимъ культа родовыхъ духовъ умершихъ. Усопшіи патриархъ дѣлается иногда семейнымъ божествомъ: отъ него зависитъ счастье и благополучіе рода, племени и, наконецъ, государства. Культъ предковъ усиливаетъ власть вождя, однако, только въ тѣхъ случаяхъ, когда вождь является одновременно и родовымъ старѣйшиной, единственно имѣющимъ право приносить жертву духамъ усопшихъ предковъ, или когда, при установившемся обычаѣ наслѣдованья по прямой линіи, самый фактъ происхожденія отъ предка-бога даетъ и сверхъестественныя качества его прямымъ потомкамъ. Переходъ временной власти вождя въ наслѣдственную въ предѣлахъ одного рода или семьи служитъ факторомъ къ упроченію власти; съ другой стороны и могущество извѣстнаго знахаря-вождя содѣйствуетъ переходу къ наслѣдованью власти въ границахъ извѣстнаго рода или семьи. «Происхожденіе отъ правителя, справедливо замѣчаетъ по этому вопросу Спенсеръ, который при жизни своей отличался превосходствомъ надъ остальными, и духъ котораго послѣ смерти продолжаетъ внушать страхъ до такой степени, что ему воздается поклоненіе въ большей мѣрѣ, чѣмъ всѣмъ остальнымъ духамъ предковъ, такое происхожденіе усиливаетъ и поддерживаетъ власть его потомка двумя путями. Во первыхъ, потомокъ считается унаслѣдовавшимъ отъ своего великаго прародителя большую или меньшую часть его отличительныхъ свойствъ, признаваемыхъ сверхъестественными и послужившими къ упроченію за нимъ власти; во вторыхъ, онъ, принося жертвы своему великому прародителю, счи-

тается въ силу этого поддерживающимъ съ нимъ такия сношенія, которыя обезпечиваютъ за нимъ божеское содѣйствіе». Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда, съ развитіемъ культа предковъ, власть вождя и жреца дифференцируется, о чемъ придется сказать нѣсколько ниже, за первымъ безразлично признается божеское происхожденіе, что ставитъ его неизмѣримо выше всѣхъ остальныхъ жителей страны. Когда же за вождемъ сохраняются жреческія функціи, эта власть еще болѣе усиливается. О значеніи для власти инковъ вѣры въ ихъ божественное происхожденіе было уже говорено. Въ Полинезіи власть вождей зиждется именно на этомъ же основаніи. На многихъ островахъ Тихаго океана вожди считаются воплощеніемъ божества. На о. Раіатеа королю воздавали божескія почести, его вопрошали какъ оракула. На Фиджи вожди считались священными особами, и они сами признавали себя за боговъ. На Тонго наследственные вожди называли себя потомками главныхъ божествъ, которые нѣкогда носѣтили Тонго.

Представленіе о вождѣ, какъ о существѣ сверхъестественномъ, будь то вслѣдствіе его способностей знахаря, будь то благодаря его божественному происхожденію, сильно способствуетъ развитію неограниченной власти. Она проявляется иногда въ дикихъ выходкахъ властителей и въ рабской покорности подданныхъ. Африка въ этомъ отношеніи даетъ множество яркихъ примѣровъ.

Почти суевѣрное уваженіе передъ вождями составляетъ, по словамъ Ратцеля, характерную черту строя африканскихъ государствъ. Какимъ бы способомъ ни достигли вожди власти, являются ли они ограниченными въ вопросахъ внутренняго управленія, или уже успѣли ввести начало личной воли въ общественный и государственный строй, ихъ всегда окружаетъ почитаніе, дѣлающее ихъ почти богами въ глазахъ ихъ подданныхъ. Приниженность характеризуетъ послѣднихъ. «Прежде, говорилъ одинъ изъ вождей кафровъ Ливингстону, если вождь любилъ охоту, всѣ его люди прибрѣтали собакъ и также начинали любить охоту; если онъ любилъ музыку и пляску, всѣ предавались этимъ удовольствіямъ, любилъ онъ пиво— всѣ упивались крѣпкими напитками». Вожди африканскихъ племенъ любятъ лесть, вожди бечуанъ даже платятъ за таковую. Среди бечуанскихъ племенъ существуютъ личности, умѣющія слагать хвалебныя пѣсни въ честь вождей. Они встаютъ рано, идутъ къ хижинѣ вождя и встрѣчаютъ его пробужденіе лстивыми рѣчами и пѣнями. Вождь за это даритъ имъ быковъ и овецъ. Придворная поэзія кафрскихъ народностей отличается сервиллизмомъ. Качества вождей

превозносятся въ нихъ безъ всякой мѣры. Моффатъ приводитъ образецъ подобной пѣсни, обращенной къ одному изъ деспотическихъ кафрскихъ вождей. «Царь царей, царь небесъ, кто не дрожитъ передъ сыномъ Махобанэ, сильнаго въ битвахъ? что значать сильныя земли въ присутствіи нашего великаго вождя? Что значить крѣпость лѣсовъ предъ великимъ слономъ? Хоботомъ своимъ онъ ломаетъ лѣсныя вѣтви; таковъ шумъ отъ щитовъ сына Махобанэ. Дыханіе его на лицо враговъ его—словно огонь, падающій на сухую траву; враги уничтожены имъ, царемъ царей; отецъ огня, онъ поднимается къ синевѣ небесъ; онъ бросаетъ свои молніи въ облака и заставляетъ идти дождь» и т. д. Владыку одного изъ государствъ Судана, при приѣмѣ европейскаго путешественника, окружала толпа женщинъ, которыя хоромъ пѣли въ честь его импровизированныя пѣсни. Отъ времени до времени онъ униженно бросался передъ властителемъ на колѣни и посыпалъ себѣ голову и плечи пылью.

Особенное значеніе приобрѣла власть вождя въ тропической Африкѣ. Государства здѣсь обыкновенно очень невелики и мало населены; но власть вождей, покоящаяся на вѣрѣ въ ихъ силу, какъ чародѣевъ и въ ихъ божественное происхожденіе, чрезвычайно велика, причемъ проявленія ея находятся въ полномъ соответствіи съ низкимъ культурнымъ уровнемъ африканскихъ народовъ. Въ Лоанго, напримеръ, когда подданные нуждались въ дождѣ, они извѣщали объ этомъ вождя, и онъ стрѣлялъ изъ лука въ небо, чтобы разверзнуть облака. Въ присутствіи вождя въ Лоанго всѣ, даже высшія должностныя лица, должны были бросаться на землю и кататься въ пыли. Поднимать глаза на него считалось величайшимъ преступленіемъ; за нарушеніе этого правила однажды были умерщвлены нѣсколько дѣтей, въ томъ числѣ и одиннадцатилѣтній сынъ вождя. Наконецъ, даже собака была убита за то, что она приласкалась къ вождю въ то время, какъ онъ шелъ. Правитель государства Лунда во время трапезы покрываетъ себѣ лицо, чтобы никто не могъ увидать его. Если онъ плюнетъ, придворные рукою затираютъ это мѣсто; если чихнетъ, дворъ привѣтствуетъ его криками и свистомъ. Въ другихъ маленькихъ африканскихъ государствахъ вождю подавались блюда колѣноуклоненно; самимъ блюдамъ оказывали почетъ, пока ихъ несли къ столу или отъ стола вождя; не разрѣшалось даже смотрѣть на содержимое ихъ. Просители, имѣющіе просьбы къ вождю, по этикету многихъ африканскихъ племенъ, должны находиться во дворѣ совершенно обнаженными, съ головой, наклоненной къ землѣ, причемъ пылью они покрываютъ голову и плечи; они подползаютъ къ вождю, обсыпая себя пылью.

Въ другихъ мѣстахъ, во время пріема у вождя, представляющійся распростирается на землѣ, и два служителя обсыпаютъ его тѣло пылью; потомъ онъ долженъ взять въ ротъ песокъ, подползти къ вождю, выплюнуть песокъ, послѣ чего только онъ получаетъ право начать свою рѣчь.

Много типичныхъ чертъ для африканскихъ государствъ представляли монархіи ашантиевъ и въ Дагомеѣ. Хотя власть короля у ашантиевъ до известной степени была ограничена совѣтомъ вождей, его личность пользовалась тѣмъ не менѣе божескимъ поклоненіемъ. Его выходъ къ народу обставлялся чрезвычайной торжественностью. На аудіенціяхъ онъ возсѣдалъ, окруженный второстепенными вождями, на высокомъ помостѣ. Его тронъ былъ украшенъ рѣзбой и позолотой. Вокругъ помоста стояли переводчики, должностныя лица, палачи. Говорить лично съ главой государства считалось немислимымъ; получившій аудіенцію обращаясь къ переводчику и черезъ него получалъ отвѣтъ короля. Властитель ашантиевъ не выходилъ иначе, какъ въ сопровожденіи малолѣтнихъ служителей, которые несли за нимъ рядъ фетишей, луковъ и стрѣлъ; эти служители имѣли право брать все на своемъ пути. Далѣе, король могъ пользоваться особыми вѣсовыми единицами, которыя были на одну треть тяжелѣе вѣсовыхъ единицъ, употреблявшихся его подданными. Онъ имѣлъ гаремъ, состоявшій изъ 333 женщинъ; это священное число постоянно поддерживалось. Сестрамъ короля оказывалось особое уваженіе, такъ какъ право наслѣдованія шло по боковой линіи. Онъ могли выходить замужъ по собственному выбору, но мужья ихъ считались ихъ рабами и, овдовѣвъ, обязаны были покончить жизнь самоубійствомъ.

Неограниченная власть дагомейскихъ королей и кровожадныя проявленія ея хорошо известны. Всѣ люди—рабы короля и бдльшая часть женщинъ—его жены, гласилъ государственный законъ дагомейцевъ. Король, пользовавшійся обоготвореніемъ, назывался духомъ. Всѣ виды имущества, движимаго и недвижимаго, составляли собственность короля, который разрѣшалъ подданнымъ только пользоваться ими. Даже дѣти принадлежали ему, а не родителямъ; отъ его доброй воли зависѣло оставлять имъ ихъ. Личность короля, пишетъ Эллисъ, была священна; если ему случалось пить передъ кѣмъ нибудь, присутствующіе должны были отвернуться; придворныя женщины держали въ это время передъ нимъ одежду, загораживая его. Король никогда не принималъ пищи въ чьемъ либо присутствіи; подданные должны были дѣлать видъ, что твердо вѣрятъ, будто онъ никогда не ѣстъ и не спитъ. Даже высшіе сановники обязаны были передъ королемъ падать ницъ и осыпать себѣ пескомъ голову, плечи и руки. Для устрашенія полъ

въ домѣ властителя былъ вымощенъ черепами убитыхъ враговъ. Послѣ его смерти еще въ 70-хъ годахъ XIX-го в. совершались человѣческія жертвоприношенія, во время которыхъ предавалось смерти до 500 человѣкъ. Окруженный безчисленнымъ количествомъ разнообразныхъ служителей, король Дагомеи былъ одновременно и существомъ божественнаго происхожденія, и военнымъ вождемъ. Его окружало постоянное войско, при помощи котораго онъ совершалъ побѣдоносныя войны на сосѣднія племена, частью въ цѣляхъ покоренія, частью въ цѣляхъ грабежа и добычи невольниковъ. Усиленію власти владыки Дагомеи содѣйствовала и военная организация государства. Основанное путемъ покоренія, оно поддерживалось и развивалось благодаря постояннымъ походамъ на окрестныя племена. Самый фантъ покоренія заставлялъ эти послѣднія смотрѣть съ особымъ уваженіемъ на короля; онъ же, въ свою очередь, считая себя властелиномъ личности и имущества подданныхъ, находилъ необходимымъ устрашать ихъ жестокими дѣяніями, о которыхъ съ таинимъ справедливымъ ужасомъ повѣствовали путешественники по Дагомеѣ.

Дагомейскій король во всемъ своемъ кровожадномъ величій не представляетъ, однако, исключенія изъ цѣлой массы вождей большихъ и малыхъ африканскихъ государствъ, иногда даже уступалъ имъ въ своемъ могуществѣ. Вожди племени нямъ - нямъ, живущаго въ долинѣ Верхняго Нила, напримѣръ, иногда забавлялись тѣмъ, что бросали на шею кому нибудь изъ своихъ подданныхъ веревку и приказывали тутъ же своимъ служителямъ отрубить ему голову. Это дѣлалось для поддержанія авторитета, чтобы показать, какъ мало значать для владыки его подданные. У монбутту вождь окруженъ поклоненіемъ. Никто не можетъ коснуться предметовъ, побывавшихъ хоть разъ въ его рукахъ; смертная казнь постигаетъ того, кто рѣшится закурить трубку отъ огня трубки, постоянно горящей передъ мѣстомъ вождя.

Типъ вождя съ крайнимъ предѣломъ власти представляли и владыки Уганды. Рядъ путешественниковъ, посѣтившихъ это государство, оставили много интересныхъ подробностей о деспотическомъ правленіи Мтезы, послѣдняго могущественнаго властителя Уганды до занятія страны англичанами. Когда правитель Уганды вступилъ на престолъ, всѣ родственники его были умерщвлены или сожжены живыми изъ предосторожности, чтобы кто нибудь изъ нихъ не оспаривалъ у него власти; двухъ родственниковъ, однако, оставили въ живыхъ, на случай необходимости замѣны короля. Сыновья его содержались закованными по рукамъ и ногамъ, съ цѣпью на шеѣ. Мтеза ничѣмъ не стѣ-

снялся въ проявленіи своей жестокости. Онъ свободно распоряжался жизнью своихъ подданныхъ, предавалъ ихъ десятками смерти, слѣдуя единственно случайному капризу. Его гаремъ состоялъ изъ 7000 женщинъ. Нерѣдко онъ приказывалъ убивать по три—четыре наложницы заразъ; онъ сотнями раздаривалъ ихъ своимъ подданнымъ; никто не могъ отказаться отъ такого подарка. Во время приема европейскихъ путешественниковъ Мтеза приказывалъ схватывать то одного, то другого изъ окружавшихъ его и отрубать имъ голову тутъ же, чтобы доказать европейцамъ свое неограниченное владычество надъ жизнью туземнаго населенія. Одинъ изъ первыхъ путешественниковъ въ Уганду передаетъ, что во время первой аудіенціи его у Мтезы такимъ путемъ было умерщвлено около десятка человѣкъ. Всякое нарушеніе этикета во время торжественныхъ приемовъ также наказывалось смертью. Казни, самоубійства приближенныхъ должностныхъ лицъ, изгнаніе были явленіями заурядными. Когда путешественникъ Спикъ (Speke) подарилъ Мтезѣ ружье, тотъ приказалъ испытать его, выстрѣливъ въ одного изъ своихъ придворныхъ. При дворѣ устраивались охоты, причемъ охотники должны были выходить на дикихъ звѣрей и даже нападать на слоновъ, не имѣя при себѣ никакого вооруженія. Властитель Уганды управлялъ своимъ государствомъ при помощи особыхъ знатныхъ чиновниковъ; нѣкоторымъ изъ нихъ онъ въ видѣ милости разбѣивалъ время отъ времени захватывать у своихъ подданныхъ дѣтей и обращать ихъ въ рабство. Къ властителю можно было подходить не иначе, какъ ползая въ пыли и издавая радостные возгласы. Естественно, что въ Угандѣ власть властителя была настолько сильна, что всѣ учрежденія, имѣющія совѣщательный или рѣшающій характеръ, въ видѣ совѣта старшинъ или совѣта военачальниковъ не могли существовать. Сынъ Мтезы Муанга отличался подобной же жестокостью.

Потеченію Нигера и въ Суданѣ изслѣдователь также встрѣчаетъ цѣлый рядъ государствъ съ деспотической властью вождя, даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ произошло смѣшеніе туземной крови съ арабской и берберской, и гдѣ населеніе уже исповѣдуетъ исламъ; перемѣна религіи не измѣнила отношенія населенія къ власти вождей. О прошломъ государственнаго развитія этихъ маленькихъ деспотій Африки можно судить по пережившимъ до настоящаго времени обычаямъ и обрядамъ; у нѣкоторыхъ сохранилось, напримѣръ, только фиктивное избраніе вождя, у другихъ встрѣчается лишь подобіе народныхъ собраній. Нахтигаль (Nachtigal) наблюдалъ въ Борну засѣданія совѣта, который очевидно раньше призванъ былъ ограничивать волю власти-

теля; въ 70-хъ годахъ XIX-го столѣтія онъ только соглашался съ мнѣніемъ его. Большую роль играли лица, пользующіяся благоволеніемъ владыки, и свободнымъ приходилось нерѣдко унижаться передъ рабами, если эти послѣдніе были въ милости у него. Члены совѣта держались униженно въ залѣ засѣданія. Владыка появлялся, окруженный своими родственниками и евнухами, восклицавшими: «Побѣдоносный! Левъ! Мудрость! и т. д.». Сановники спѣшили посыпать себѣ пылью голову, и, низко наклонивъ къ землѣ лица, привѣтствовали его пожеланіями.

Религіозный ореолъ, окружающій вождя, въ связи съ его фактической силой и богатствомъ, далъ ему возможность уничтожить прежнія ограничивающія его учрежденія и достигъ абсолютной власти надъ жизнью и имуществомъ населенія. Вожди африканскихъ деспотій стремятся поэтому всѣми силами поддержать свое богатство; для умноженія его прибѣгаютъ къ разнообразнѣйшимъ средствамъ. Они часто отнимаютъ понравившееся имъ имущество подданныхъ, завистливо блюдутъ, чтобы никто не былъ богаче ихъ. Далѣе слѣдуетъ система добровольныхъ подарковъ со стороны населенія. Существуютъ и постоянные, регулированные доходы. Напримѣръ, населеніе обязано въ видѣ повинности обрабатывать извѣстный участокъ земли, доходъ съ котораго поступаетъ вождю. Установлено право взиманія съ людей и товаровъ, слѣдующихъ черезъ территорію извѣстнаго государства, нѣчто вродѣ транзитной пошлины; при ничтожныхъ размѣрахъ африканскихъ государствъ торговому каравану приходится пересѣкать на своемъ пути нѣсколько владѣній различныхъ вождей. Мѣстами установлена судебная пошлина, въ другихъ мѣстностяхъ вождь беретъ себѣ извѣстную часть съ продаваемыхъ въ его деревнѣ товаровъ. Больше всего содѣйствуютъ обогащенію вождя военные походы, которые время отъ времени (въ Дагомеѣ ежегодно) устраиваются на сосѣднія болѣе слабыя народности, причѣмъ львиная доля добычи, напримѣръ, половина ея, идетъ вождю. Размѣръ подобныхъ доходовъ зависитъ исключительно отъ доброй воли вождя: онъ по произволу можетъ увеличить или убавить судебныя пошлины, штрафы, усилить или уменьшить часть взимаемыхъ съ продавцовъ и ремесленниковъ товаровъ и предметовъ производства. Но, при всемъ отсутствіи правильности въ этихъ мѣропріятіяхъ, можно уже видѣть въ нихъ зародышъ государственныхъ доходовъ. Такъ какъ сама идея государства сливается съ понятіемъ о вождѣ, естественно, не дѣлается еще различій между доходами государственными и личными.

Обоготвореніе вождя встрѣчается всюду, гдѣ вождь-колдунъ или

вождь-родопрavitель и родовой жрецъ успѣли развить свою власть. Независимо отъ характера строя первобытнаго государства, вождь въ силу религіознаго почитанія, окружающаго его, можетъ неограниченно проявлять свою волю во всѣхъ или въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Типъ власти вождя, близко подходящій къ описанному въ Африкѣ, представляютъ нѣкоторыя государства Мела-и-Полинезій. До сихъ поръ, пишетъ Кодрингтонъ (Codrington), власть вождей въ Меланезіи покоится на вѣрѣ въ ихъ сверхъестественное могущество, которое они пріобрѣтаютъ, сообщаясь съ духами. Во многихъ мѣстностяхъ Меланезіи вождь произвольно налагаетъ смертную казнь. Въ нѣкоторыхъ островныхъ группахъ власть его пріобрѣтаетъ почти неограниченные размѣры. На Фиджи, на примѣръ, «всякій подданный составляетъ собственность короля», а на Сандвичевыхъ о-вахъ «власть короля простирается на собственность, свободу и жизнь его народа». Не смотря на то, что, на примѣръ, на Фиджи политическая дифференціація уже сдѣлала значительные шаги впередъ, что тамъ извѣстны уже сословія, вождь, которому приписываютъ божественное происхожденіе, обладаетъ неограниченной во многихъ отношеніяхъ властью. При приближеніи правителя встрѣчные падаютъ лицомъ на землю; титулы вождей, какъ и въ Африкѣ, стремятся гиперболически выразить его могущество: его называютъ богомъ, корнемъ войны и пр. Вожди располагаютъ по усмотрѣнію жизнью и имуществомъ подданныхъ; они имѣютъ сотни наложницъ, которыхъ иногда раздражаютъ своимъ вниманіемъ. Вождямъ вносится налогъ со стороны населенія всѣмъ, что составляетъ богатство послѣдняго: рыбьимъ зубомъ, мѣстной ходячей монетой, лодками, дѣвушками, тканями изъ древесныхъ веществъ, циновками, бананами, курицами, поросятами и пр.; однимъ словомъ, отъ всѣхъ производствъ и доходовъ своихъ подданныхъ они получаютъ опредѣленную часть. Вожди по собственному усмотрѣнію возбуждаютъ войну или назначаютъ повинности въ свою пользу.

Въ Полинезій также признавалось божественное происхожденіе вождей. Въ Новой Зеландіи вождя называли богомъ. По смерти его обоготворяли и приносили ему жертвы, въ томъ числѣ и чело-вѣческія. Вдова вождя не могла выходить вновь замужъ: никто не посмѣлъ бы прикоснуться къ ней, изъ страха вызвать кару со стороны раздраженнаго духа. Вожди, повидимому, сами вѣрили въ свою божественность, и одинъ изъ нихъ утверждалъ, что на его лбу мѣсто пребыванія бога грома. На Таити, гдѣ вождя окружалъ тотъ же суевѣрный страхъ, онъ имѣлъ полное право убить

любого изъ подданныхъ низшаго класса. Полинезійскій вождь, признаваемый за олицетвореніе божества, былъ окруженъ знаками вѣщнаго почета. При вступленіи его во власть все подданные должны были мѣнять свои имена; самъ онъ не дотрагивался до пищи, женщины должны были подносить ему куски ко рту. На Тонга предъ вождемъ падали ницъ и клали свою голову ему подъ ноги. Руки, коснувшіеся ногъ вождя, его священной особы, тѣмъ самымъ становились табу; слѣдовало прежде, чѣмъ взять послѣ этого что нибудь въ руки, подвергнуть ихъ омовенію.

Во многихъ мѣстахъ Азіи встрѣчаются аналогичные изложеннымъ факты. Титулы различныхъ азіатскихъ правителей указываютъ на ихъ божескія происхожденіе и свойства. Отчеты путешественниковъ полны рассказовъ о примѣненіи неограниченной власти азіатскихъ владыкъ, подчасъ мало уступающимъ въ жестокости и кровожадности вождямъ африканскихъ государствъ и острововъ Тихаго океана.

Такимъ образомъ, почти всюду власть вождя получаетъ особенно сильное развитіе тамъ, гдѣ существуетъ вѣра въ его божественность. Близость его къ духамъ покровителямъ въ качествѣ родового жреца или шамана даетъ ему возможность освободиться отъ сдерживающихъ его власть элементовъ и достигъ полнаго, ничѣмъ не стѣняемаго, объема власти. Грубые проявленія власти вождей въ первобытныхъ государствахъ приводятъ въ ужасъ культурнаго челоуѣка. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что они являются, какъ было сказано, лишь отраженіемъ нравовъ всего населенія; простой смертный выступаетъ съ тѣми же кровожадными инстинктами въ предѣлахъ своей сферы, въ отношеніяхъ къ своей семьѣ и рабамъ. Вотъ почему населеніе спокойно смотритъ на безумства своихъ вождей. Въ общемъ, говоритъ Спенсеръ, «тамъ, гдѣ политическій глава пріобрѣлъ неограниченную власть, которая является результатомъ признаваемыхъ за нимъ божескихъ свойствъ или божескаго происхожденія или порученія, полученнаго имъ отъ бога, тамъ весьма естественно не существуетъ предѣловъ для усиленія этой власти. Въ теоріи, и даже въ большинствѣ случаевъ на практикѣ, онъ является собственникомъ своихъ подданныхъ и той территоріи, на которой эти послѣдніе живутъ». Такимъ полнымъ представителемъ божества на землѣ былъ властитель въ монархіяхъ древняго Египта и Месопотаміи, которыми до недавняго еще времени было принято открывать историческое изученіе челоуѣчества. То, что въ этихъ первыхъ культурныхъ государствахъ древности изслѣдователь видитъ уже въ периодъ

своего завершения, есть лишь продукт долгаго развитія племени, результатъ взаимодѣйствія цѣлой серіи противоположныхъ другъ другу началъ.

Этотъ факторъ развитія власти вождя въ неограниченную, единичную власть находитъ себѣ особо благоприятную почву въ тѣхъ случаяхъ, когда государство основано на покореніи, и когда оно продолжаетъ отстаивать свое существованіе съ оружіемъ въ рукахъ. Ничто, дѣйствительно, не даетъ большей возможности вождю проявлять свою силу, отдѣляться отъ своей родственной группы и стать особнякомъ, какъ война. Божество вождя и его рода естественно дѣлается главнымъ богомъ новаго государства. Это въ значительной степени увеличиваетъ ореолъ божественности, которымъ первобытные народы надѣляютъ своего вождя.

Вполнѣ естественно, что такой вождь, окруженный почетомъ и ничѣмъ нестѣняемый въ проявленіяхъ своей воли, исполняетъ, пока государство не разрослось, всѣ обязанности своего сана. Онъ является военачальникомъ въ походахъ, судьей въ тяжбахъ своихъ подданныхъ, онъ приноситъ жертвы, слѣдитъ за торговыми сношеніями и т. д. Но, когда подчиненная ему область значительно расширяется, единоличная власть не можетъ обнять ее всю. Оставаясь верховнымъ владыкой, вождь вынужденъ имѣть подъ руками органы власти. Въ зависимости отъ самаго строя первобытнаго государства это раздѣленіе власти идетъ по двоякому направленію. При господствѣ родового строя, подчиненнымъ родовымъ или племеннымъ старѣйшинамъ во внутреннихъ распорядкахъ ихъ группъ предоставляется прежній объемъ власти, принадлежавшей имъ до покоренія; за ихъ дѣятельностью назначается только надзоръ. Такой типъ представляла монархія инковъ. Но тамъ, гдѣ покоряемая племена достигли уже другихъ формъ общежитія, гдѣ само покореніе приняло болѣе рѣзкія формы, и власть вождя значительно развилась, тамъ назначаются представители вождя, въ качествѣ начальниковъ надъ отдѣльными племенами. Это чиновники, власть которыхъ истекаетъ изъ власти правителя, въ томъ же полномъ объемѣ, какъ и у главы государства; они являются подчиненными верховной власти и часто болѣе или менѣе чуждымъ элементомъ въ отношеніи къ населенію, надъ которымъ они поставлены. Такова система управленія, господствующая въ нѣкоторыхъ африканскихъ государствахъ. Каждый округъ и каждое селеніе имѣетъ своихъ начальниковъ, назначаемыхъ владыкой, частью изъ мѣстныхъ жителей, частью изъ его приближенныхъ, и пользующихся своей властью съ наименьшей жестокостью, чѣмъ верховный глава государства.

Этимъ путемъ полагается начало дифференціаціи власти въ первобытномъ государствѣ. Для того, чтобы она началась, требуется только два условія: 1) власть вождя должна упрочиться и 2) территория и населеніе должны достигь размѣровъ достаточно большихъ, чтобы одному лицу было трудно всюду проявлять непосредственно личную волю. Вождь иногда остается попрежнему носителемъ верховной власти духовной и свѣтской; часто же за нимъ сохраняется значеніе или чисто духовнаго, или чисто свѣтскаго вождя. Дѣло въ томъ, что хотя въ значительномъ количествѣ случаевъ вождь на первобытныхъ ступеняхъ государственнаго развитія и объединяетъ въ своемъ лицѣ функціи вождя и жреца, это явленіе не можетъ быть признано непременно обязательнымъ для начальнаго развитія его власти. Далѣе, хотя вождь, укрьпившій свою власть, часто окружается ореоломъ божественности, функціи верховнаго жреца далеко не всегда принадлежатъ ему. Наконецъ, при развитіи власти вождя религіозное почитаніе его иногда приводитъ къ тому, что за нимъ сохраняются только функціи жреца, а свѣтская власть сначала *de facto*, а затѣмъ и *de jure* переходитъ къ другимъ лицамъ. Такимъ образомъ верховная власть вождя дифференцируется; свѣтская и духовная власть, находящаяся въ разныхъ рукахъ, стремится сначала уравновѣсить, а затѣмъ и подчинить одна другую. Указать детально, какими путями происходитъ первоначальное отдѣленіе свѣтской власти отъ духовной, затруднительно, тѣмъ болѣе, что различные первобытные народы представляютъ въ этомъ отношеніи значительное разнообразіе. При современномъ знаніи первобытныхъ государствъ можно намѣтить только нѣкоторыя общія основы, благодаря которымъ происходитъ эта дифференціація.

Прежде всего, хотя вождь, какъ было сказано выше, часто избирается изъ числа людей, не только отличающихся силой, ловкостью и пр., но и почитаемыхъ за колдуновъ - чародѣевъ, нерѣдки случаи, когда онъ и не обладаетъ послѣдними качествами. Если даже предположить, что при избраніи временнаго вождя можно всегда соединить оба требованія въ лицѣ избираемаго, это становится почти невозможнымъ при стремленіи сдѣлать власть наследственной въ предѣлахъ одной семьи или рода. Случаи, когда при наследственной власти вожди стремятся получить и сверхъестественныя качества своихъ предшественниковъ, извѣстны, напримѣръ, среди африканскихъ народовъ; но нельзя считать ихъ общимъ явленіемъ. Нѣкоторые кафрскіе вожди, какъ было сказано, выпытывали тайны врачеванія у мѣстныхъ знахарей; они этимъ путемъ стремились

приобрести недостающія имъ качества, и явиться передъ толпой представителями сверхъестественной силы. Нѣкоторые правители стремились упрочить за собой репутацию чародѣевъ не менѣе сильныхъ; чѣмъ ихъ предшественники, объявляя, напримѣръ, всенародно при своемъ вступленіи въ должность, что покойный вождь «сдѣлалъ его наслѣдникомъ всѣхъ своихъ божественныхъ свойствъ, и что онъ имѣетъ такую-же силу заставлять идти дождь по своему произволу и давать здоровье или насылать болѣзни». Но въ общемъ, по справедливому замѣчанію Спенсера, «вождь, связи котораго съ сверхъестественнымъ міромъ ограничиваются предѣлами связей чародѣя, не передаетъ ихъ своимъ наслѣдникамъ». Вслѣдствіе этого, если новый вождь тѣмъ или другимъ путемъ не сможетъ укрѣпить за собой авторитетъ чародѣя, онъ, оставаясь свѣтскимъ властителемъ, долженъ окружать себя лицами, которыя за него вступали-бы въ общеніе съ духами, узнавали желанія и требованія послѣднихъ и руководили бы жертвоприношеніями. Такъ, у нѣкоторыхъ краснокожихъ племенъ Сѣверной Америки, у которыхъ власть вождя достигла уже развитія въ ущербъ элементамъ народоправства, вождь является совершенно или почти неограниченнымъ властителемъ племени. Иногда, однако, какъ, напримѣръ, при созывѣ народнаго собранія, въ военныхъ походахъ и другихъ важныхъ случаяхъ племенной жизни, онъ обязанъ получить согласіе знахарей - шамановъ; эти послѣдніе опредѣляютъ, какъ взглянуть духи на предполагаемое вождемъ дѣйствіе, и что нужно сдѣлать для того, чтобы обезпечить предпріятію ихъ содѣйствіе. Гадателями, ворожцами, врачевателями и шаманами весьма часто окружены и вожди въ африканскихъ деспотіяхъ. Они необходимы имъ: 1) для огражденія ихъ личности отъ посягательствъ недоброжелательныхъ лицъ, могущихъ наслатъ на нихъ болѣзни и неудачи; 2) для того, чтобы вселять суевѣрный страхъ населенію и имѣть совѣтниковъ и помощниковъ, когда народъ обращается къ нимъ съ требованіями о дождѣ, урожаѣ и пр. Дворъ африканскихъ властителей населенъ колдунами - жрецами, готовящими имъ амулеты, гадающими для нихъ, приносящими для нихъ жертвы или, по крайней мѣрѣ, руководящими послѣдними. Главный гадатель представляетъ изъ себя весьма уважаемую личность, которую всѣ боятся. Одна близость къ вождю дѣлаетъ его полусвященной особой; имѣя возможность вступать въ сношенія съ сверхъестественными силами, онъ опасенъ и могучъ. При частыхъ гаданіяхъ, ему стоитъ указать лицо, которое онъ считаетъ причиной явленія, возбудившаго неудовольствіе владыки, и обвиненный имъ предается смерти. Не лишено интереса, что въ

тѣхъ государствахъ Африки, гдѣ покорители, не умѣя сами выдѣлывать желѣзо, подчинили себѣ народность, знакомую съ кузнечнымъ мастерствомъ, кузнецы считаются, вслѣдствіе исключительности своего искусства, стоящими въ близкихъ отношеніяхъ къ духамъ и часто являются главными гадалеями при вождѣ. Они играютъ, такимъ образомъ, хотя и принадлежать къ покоренной безправной массѣ, существенную роль какъ въ жизни вождя, такъ и въ общегосударственной жизни.

Эти ворожцы, прорицатели и жрецы стоятъ выше всего населенія и до извѣстной степени фактически ограничиваютъ власть вождя. Суевѣрный страхъ сдѣлать что нибудь непріятное божествамъ, за что должна послѣдовать кара, всегда очень силенъ у дикаря, и ему поэтому приходится часто обращаться къ совѣтамъ гадалъщиковъ-жрецовъ. Такимъ образомъ, рядомъ съ самовластнымъ вождемъ, окружаемымъ божескимъ почитаніемъ, является и главный гадалъщикъ-жрецъ, лично зависимый отъ вождя, но фактически обладающій влияніемъ надъ нимъ. При общемъ въ некультурныхъ государствахъ стремленіи обратить случайныя выгоды, результаты извѣстныхъ выдающихся качествъ лица въ наслѣдственные въ предѣлахъ рода или семьи, эти гадалеи и жрецы стараются передать свое искусство и мѣсто своимъ потомкамъ, т. е. сосредоточить духовную власть въ границахъ рода или семьи. Это дѣлается тѣмъ болѣе охотно, что: 1) сама должность выгодна, такъ какъ ворожцы получаютъ содержаніе отъ вождя и стоятъ выше толпы, а 2) искусству гаданія, знахарства и т. д., однимъ словомъ дѣйствіямъ, которыя даютъ возможность стать близко къ духамъ, можно научиться. Этимъ путемъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ можетъ возникнуть жреческое сословіе. Потомки случайныхъ гадалъщиковъ-шамановъ становятся наслѣдственными жрецами. Въ отношеніи жрецовъ, такимъ образомъ, повторяется тотъ же процессъ, который можно было намѣтить въ развитіи власти вождя изъ временной въ наслѣдственную.

XV. Дифференціація первобытнаго общества и власти.

Возникновеніе и развитіе жрецовъ и появленіе рядомъ съ свѣтскимъ владыкой могущественной личности верховнаго жреца совершается не только путемъ сосредоточиванья жреческой власти въ потомствѣ случайныхъ знахарей и ворожцовъ. Развитіе родовой религіи и связанной съ нею власти начальника рода играетъ при этомъ также важную роль. Родоправитель, какъ было сказано, является обыкновенно и верховнымъ родовымъ жрецомъ; это въ свою очередь въ значительной степени содѣйствуетъ при развитіи государственной жизни соединенію свѣтскихъ и жреческихъ функцій въ рукахъ вождя-начальника рода и даетъ ореолъ божественности вождю. Вождь въ качествѣ начальника рода, а затѣмъ и племени, получаетъ исключительное право приближаться съ жертвоприношеніями къ родовому-племенному божеству. Этотъ порядокъ весьма характеренъ для родового быта. Онъ сохраняется при жизнениости родового строя и тогда, когда должность родового или племенного вождя начинаетъ переходить по наслѣдству въ прямой линіи отъ отца къ сыну. Но отклоненія, допускаемыя этимъ порядкомъ, могутъ приводить къ развитію жреческой власти, не зависимой отъ свѣтской власти вождя.

Неоднократно было указано, что даже въ родовыхъ общинахъ, гдѣ, какъ общее правило, званіе родового старѣйшины переходитъ по наслѣдству въ боковой линіи, т. е. отъ старшаго въ родѣ къ слѣдующему старшему по годамъ, встрѣчаются исключенія, вначалѣ случайныя, но постепенно становящіяся общимъ правиломъ. Власть родового старѣйшины начинаетъ передаваться не по наслѣдству, а по избранію. Это измѣненіе порядка вызвано чувствомъ самосохраненія родовой общины. Вслѣдствіе этого, власть пріобрѣтаетъ не старѣйшій по лѣтамъ, а наиболѣе способный. Тотъ же порядокъ, какъ мы видѣли, устанавливается и при объединеніи родовъ въ племя, въ

родовое государство. Выборные вожди стремятся постепенно, въ особенности при распаденіи родовой единицы на семейныя общины, сосредоточить власть въ предѣлахъ своего нисходящаго потомства и сдѣлать ее наследственной. Когда родовой-племенной вождь начинаетъ избираться, на него иногда переносятся всѣ функціи родоправителя, т. е. онъ дѣлается и свѣтскимъ владыкой, и жрецомъ. Иногда же функціи жреца не переходятъ на выборного вождя. Это послѣднее часто имѣетъ мѣсто при военномъ бытѣ родовой группы или родового государства. Военный вождь долженъ удовлетворять особымъ требованіямъ, которыя не являются необходимыми родовому жрецу. Кроме того, родовыя божества, строго относящіяся къ исполненію мельчайшихъ правилъ жертвеннаго ритуала, требуютъ, чтобы власть родового жреца переходила въ порядкѣ преемственности, установленномъ издревле, т. е. отъ старшаго къ старшему. При консерватизмѣ, отличающимъ вообще языческой культъ, результатомъ взаимодействія двухъ насущныхъ потребностей жизни рода-племени: имѣть дѣятельнаго военного вождя и одновременно исполнять по старымъ традиціямъ культъ предковъ, появляется раздѣленіе власти. Наиболее сильный и способный родичъ выбирается въ военные вожди, а старшій сохраняетъ за собой функціи родового жреца. Свѣтская власть, такимъ образомъ, отдѣляется отъ духовной.

Дальнѣйшее развитіе этой первоначальной дифференціаціи можетъ идти слѣдующими путями. Если наступаетъ разложеніе родового быта, и семейныя общины побѣждаютъ родовой строй, власть вождя и жреца можетъ снова сосредоточиться, при развитіи наследственной власти, въ рукахъ вождя. Семейное божество постепенно оттѣсняется на второй планъ и даже заставляеть забывать божество родовое. Вождь, вслѣдствіе этого, какъ представитель господствующей семьи, является и жрецомъ, ближайшимъ къ семейному божеству и верховнымъ свѣтскимъ главой. Въ случаяхъ же, когда родовой строй сохраняетъ жизненность, и родовое божество пребываетъ въ силѣ, дѣлается племеннымъ или въ послѣдствіи национальнымъ, жреческія функціи постепенно сосредоточиваются въ рукахъ старѣйшихъ родичей. Вождь, тѣсно связанный съ родомъ и родовымъ культомъ, въ известной степени подчиненъ родовому-племенному жрецу. Этотъ послѣдній играетъ важную роль въ государственной жизни, такъ какъ благословеніе предковъ, получаемое жрецомъ, необходимо для благопріятнаго исхода предпріятій, начинаемыхъ вождемъ. Но такъ какъ фактически власть вождя находитъ себѣ больше примѣненія, она обыкновенно и одерживаетъ верхъ надъ властью

жреца, который сохраняет только моральное влияние на волю и действия вождя. Победа вождя замѣчается обыкновенно въ обществахъ, гдѣ военная жизнь играетъ видную роль въ бытѣ народности. Разростаніе племени, смѣшеніе его съ побѣжденными элементами приводитъ къ упадку родового строя. Это облегчаетъ сосредоточиванье власти въ рукахъ семьи жреца; жреческія обязанности переходятъ уже не къ старѣйшему родичу, а къ старшему представителю семьи верховнаго жреца. Такимъ путемъ возникаетъ въ первобытныхъ государствахъ самостоятельная жреческая власть, лишь въ большей или меньшей степени влияющая на ходъ государственной жизни.

Родъ верховнаго жреца, при разростаніи, образуетъ болѣе или менѣе замкнутый классъ, обладающій исключительнымъ правомъ вступать въ общеніе съ духами. Такого рода жреческій классъ образовался, между прочимъ, въ древнемъ Перу. Верховный жрецъ, правитель рода, сосредоточившаго въ своихъ рукахъ жреческія функціи главному родовому божеству инковъ, солнцу, стоялъ наряду съ инкой, свѣтскимъ властителемъ Перу, и ограничивалъ его. Этотъ главный жрецъ назывался *huillcauma*. Испанцы, принимая во вниманіе его значеніе, называли его *pontifex*, *pontifex maximus*. Есть свѣдѣнія, что нѣкогда *huillcauma* былъ действительнымъ главой государства, и что инка былъ ему подвластенъ. Въ послѣднее время передъ приходомъ испанцевъ инки, очевидно, подчинили себя власть верховнаго жреца. Роль *huillcauma* ограничивалась исключительно жреческими обязанностями. Но влияние главнаго жреца, хотя и было отодвинуто на второй планъ, благодаря той роли, которую играла война въ жизни древняго Перу на развитіе власти военныхъ вождей, не вполне исчезло. Даже послѣ покоренія Перу испанцами *huillcauma* постоянно вмѣшивался въ дѣла государства, какъ свѣтскія, такъ и духовныя, что давало поводъ испанцамъ сравнивать его иногда съ папой, иногда съ верховнымъ вождемъ.

Наконецъ, жреческій классъ образуется изъ родовыхъ жрецовъ покоренныхъ родовъ, вошедшихъ въ составъ первобытнаго государства. Ходъ сосредоточиванья власти въ предѣлахъ каждой изъ подчиненныхъ родовыхъ или племенныхъ группъ въ рукахъ одной изъ семей каждаго рода ничѣмъ не отличается отъ аналогичнаго процесса въ предѣлахъ рода или племени побѣдителя. Не только въ родовомъ государствѣ, гдѣ внутренніе порядки рода при покореніи не подвергаются существеннымъ измѣненіямъ, но и во всѣхъ другихъ формахъ первобытныхъ государствъ, основанныхъ на покореніи, почва для развитія жреческаго сословія вполне готова. Покоритель при-

знаеть боговъ побѣжденныхъ имъ родовыхъ или территориальныхъ единицъ. Покоренныя божества оказываются ниже бога покорителя, но изъ служителей этихъ второстепенныхъ божествъ, принятыхъ въ національный пантеонъ, образуется обширный классъ жрецовъ. Такимъ образомъ, свѣтскій вождь можетъ, при фактическомъ вліяніи жрецовъ, оказаться ограниченнымъ одной свѣтской властью. Это, однако, не отражается на его божественномъ ореолѣ: онъ имъ пользуется, какъ потомокъ боговъ, но совершаетъ служеніе имъ не самъ, а черезъ специальныхъ представителей-жрецовъ.

Дифференціація власти, оставляя въ нѣкоторыхъ случаяхъ вождю одну власть свѣтскую, можетъ иногда повести и къ противоположнымъ явленіямъ. Свѣтское могущество постепенно отпадаетъ и переходитъ въ другія руки отъ главы государства, окруженнаго ореоломъ божественности. Вѣроятной причиной этого явленія слѣдуетъ считать то, что вождь, пользуясь божескимъ поклоненіемъ, стѣсняетъ этикетомъ, затрудняющимъ къ нему доступъ, и вынужденъ все болѣе отдѣляться отъ своихъ подчиненныхъ. Какъ богъ, онъ недоступенъ простымъ смертнымъ, долженъ имъ рѣдко показываться. Отходя, такимъ образомъ, отъ жизни, онъ даетъ возможность усилиться власти свѣтскихъ правителей, будь то лица, непосредственно имъ назначаемыя, или родовые или племенные старѣйшины, поднявшіеся до разряда политическихъ главъ. Переходъ вождя - бога въ исключительно духовнаго главу безъ фактической власти совершается не сразу. Первобытныя государства показываютъ нѣсколько ступеней этого процесса. Въ Дагомеѣ, напримѣръ, власть короля-бога еще соединяла въ себѣ и свѣтскую, и духовную власть. У тонговъ (юговосточная Африка) «существуетъ наследственный вождь божескаго происхожденія, который вначалѣ былъ единственнымъ вождемъ, обладающимъ какъ земнымъ, такъ и небеснымъ могуществомъ», но который въ настоящее время совершенно безсиленъ въ политическомъ отношеніи. Въ Абиссиніи верховный владыка въ недалекомъ еще прошломъ былъ окруженъ божескимъ почитаніемъ. Онъ не приходилъ въ непосредственныя столкновенія съ своими подданными, принималъ нищу незримо отъ другихъ, въ совѣтѣ присутствовалъ невидимо для засѣдавшихъ. «Въ Гондарѣ, писалъ Спенсеръ о недавнемъ стрѣѣ Абиссиніи, король долженъ принадлежать къ царственному дому Соломона; но всякій изъ непокорныхъ вождей, получившій преобладаніе надъ другими силою оружія, дѣлается *расомъ*, первымъ министромъ, настоящимъ монархомъ, хотя нужно содѣйствіе титулованнаго императора для выполненія необходимой церемоніи назначенія раса, такъ какъ, по меньшей

мѣръ, имя императора «считается необходимымъ для приданія дѣйствительности этому титулу». Военный бытъ Абисиніи, однако, не далъ возможности монарху совершенно утратить свѣтскую власть; въ примѣненіи ея въ государственныхъ дѣлахъ онъ лишь сильно былъ ограниченъ волею вождей племенныхъ или территориальныхъ. Въ некоторыхъ другихъ государственныхъ организацияхъ этотъ процессъ пошелъ значительно дальше. Такъ было, напримѣръ, въ древнемъ государствѣ хазарь, у которыхъ, на ряду съ юридическимъ владыкой *каганомъ*, окруженнымъ божескимъ поклоненіемъ, стоялъ фактический глава государства, власть котораго исходила отъ кагана. Этотъ послѣдній рѣдко входилъ въ правительственные дѣла; ими завѣдывалъ замѣститель его, къ которому постепенно перешла вся власть въ странѣ. Еще болѣе наглядный примѣръ обоготворенія властителя и низведенія послѣдняго до роли номинальнаго владыки представляетъ теократическая государственная организація Тибета, гдѣ далай-лама, выборный глава, считается воплощеніемъ божества и въ то же время совершенно безвластенъ.

Самый замѣчательный примѣръ того, что обоготвореніе вождя, такъ сильно вліяющее на развитіе власти послѣдняго, можетъ, доведенное до крайности, привести къ противоположнымъ результатамъ, т. е. къ дифференціаціи функций политическаго главы, представляетъ дореформенная Японія. Микадо, верховный властитель Японіи, какъ существо божественное, неизмѣримо далеко стоялъ отъ своихъ подданныхъ. У него не было имени: оно было ему ненужно, такъ какъ онъ стоялъ выше всѣхъ остальныхъ людей. По смерти своей онъ присоединялся къ остальнымъ богамъ, и ему оказывали поэтому божескія почести. Фактическая власть находилась въ рукахъ другого лица, столь могущественнаго, что многіе путешественники ошибочно заключали о совмѣстномъ существованіи двухъ владыкъ въ Японіи. Но и этотъ свѣтскій властитель постепенно, благодаря своей недоступности, дѣлался лишь номинальнымъ правителемъ. Въ дѣйствительности страной управлялъ военный классъ. Постепенно, съ утратой фактической власти, микадо все болѣе отдѣлялся отъ простыхъ смертныхъ и окружался стѣснительнымъ этикетомъ. Онъ не появлялся въ народѣ. Его подданные, кромѣ жены, наложницъ и высшихъ чиновниковъ, никогда не видѣли его лица. На тронѣ онъ возсѣдалъ, скрытый отъ взоровъ занавѣсой, по городу разъѣзжалъ въ закрытой повозкѣ. Ему не дозволялось ступать ногой на землю, и солнце и луна не должны были свѣтить на него. Ему готовили пищу каждый разъ въ новыхъ сосудахъ, а

прежніе уничтожали, такъ какъ простому смертному вкушать пищу изъ служившей ему посуды было опасно для здоровья.

Въ Явоніи, слѣдовательно, развится государственный строй своеобразнаго характера, гдѣ при номинальной абсолютной монархіи, основанной на божественности верховнаго правителя, дѣйствительная власть находилась въ рукахъ военныхъ вождей, областныхъ и племенныхъ. Лишеніе главы государства фактической власти дало толчекъ къ развитію мѣстныхъ элементовъ народоправства, проникнутыхъ съ одной стороны военнымъ духомъ, съ другой родовымъ строемъ. Такимъ образомъ, раздѣленіе жреческихъ и свѣтскихъ функций, которыя часто въ началѣ государственнаго развитія оказываются соединенными въ рукахъ вождя временнаго или родового, приводитъ къ политической дифференціаціи и можетъ дать два противоположныхъ результата: развитіе или класса жрецовъ, фактически, а впоследствии иногда и юридически ограничивающихъ власть вождя, или формъ мѣстнаго самоуправленія, путемъ отнятія у вождя функций свѣтскаго владыки или низведенія ихъ до номинальнаго значенія.

Не вездѣ, однако, вождь, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ выступаетъ одновременно въ качествѣ военнаго начальника и племеннаго жреца, когда ему приписывается божественное происхождение, имѣетъ возможность развить свою власть до безиредѣльности, какъ, напримѣръ, въ афринавскихъ деспотіяхъ. Борьба, которая завязывается между элементами народоправства и властью вождя, не всегда и не всюду приводитъ къ побѣдѣ послѣдняго. Въ первобытныхъ государственныхъ группахъ есть одинаково зачатки къ развитію народоправства и единовластія вождя. Родовой бытъ, усиленіе одного рода среди другихъ, частыя войны, для веденія которыхъ необходимъ предводитель, имѣющій ореолъ божественности или, по крайней мѣрѣ, сльвущій за колдуня - шамана, могутъ считаться причинами развитія абсолютной власти вождя въ родовомъ государствѣ и въ государствахъ не родовыхъ, основанныхъ на объединеніи добровольномъ или насильственномъ общинныхъ или территоріальныхъ группъ. Значительно труднѣе отыскать вѣроятные факторы, содѣйствующіе развитію элементовъ народоправства въ первобытныхъ государственныхъ организаціяхъ. Если оставить въ сторонѣ случайныя причины, наиболѣе вѣроятной слѣдуетъ признать наступленіе политической дифференціаціи въ то время, когда власть вождя не успѣла еще достигнуть расцвѣта, дающаго ему возможность сдѣлаться единоличнымъ представителемъ власти въ государствѣ. Тамъ,

гдѣ въ родовомъ государствѣ происходитъ еще борьба между вождемъ и совѣтомъ старшинъ или народнымъ собраніемъ, побѣда остается на сторонѣ вождя только тогда, когда не наступила еще политическая дифференціація въ населеніи. Въ противоположномъ случаѣ элементы народоправства одерживаютъ верхъ и иногда даже уничтожаютъ власть вождя. Война и родовой строй, на почвѣ которыхъ можетъ развиться власть вождя въ недифференцированномъ обществѣ, могутъ имѣть при дифференціаціи его какъ разъ обратное значеніе.

Подъ дифференціаціей первобытнаго общества слѣдуетъ имѣть въ виду развитіе классовъ населенія, тѣмъ бы оно ни обуславливалось: войной ли, полагающей первое существенное дѣленіе на побѣдителей и побѣжденныхъ, увеличеніемъ ли экономическаго благосостоянія, кладущимъ начало имущественному неравенству между отдѣльными элементами первобытнаго государства, или завистливой борьбой родовъ и семей другъ съ другомъ, препятствующей одной группѣ утвердить свое господство среди другихъ, равныхъ ей по значенію. Дифференціація общества, нарушая первоначальную простоту быта, даетъ развитіе индивидуальнымъ интересамъ. Борьба этихъ послѣднихъ можетъ кончиться уничтоженіемъ или, по крайней мѣрѣ, сокращеніемъ объема власти вождя. Древне-греческія республики, древній Римъ, средневѣковые итальянскіе города представляютъ цѣлый рядъ примѣровъ этой борьбы власти вождя съ элементами народоправства и даютъ возможность уяснить частныя причины, почему борьба кончалась побѣдой то одного, то другого противника. Въ нѣкоторыхъ древне-греческихъ государствахъ и въ древнемъ Римѣ побѣда выпала на долю элементовъ народоправства, и она закончилась уничтоженіемъ власти вождей - царей, которые, слѣдуетъ замѣтить, въ нѣкоторыхъ классическихъ государствахъ приписывали себѣ такое же божественное происхожденіе, какъ и вожди многихъ такъ называемыхъ дикарей. Въ задачи настоящаго изложенія не входитъ разсмотрѣніе исторіи развитія первоначальныхъ государственныхъ организацій древней Греціи и Рима. Указать на нихъ можно было только, какъ на общезвѣстные примѣры побѣды надъ властью вождей элементовъ народоправства. Что эти примѣры далеко не стоятъ изолированно, доказывается исторіей развитія первобытныхъ государственныхъ организмовъ въ другихъ мѣстностяхъ земного шара, хотя бы въ Сванетіи, на Кавказѣ. Сванеты были подчинены грузинамъ и управлялись наместниками, которые съ XIV-го в. обыкновенно принадлежали къ семейству Геловани. «Выходцы изъ Грузіи, они, разумѣется, оказывали всякую поддержку

пришлому грузинскому элементу и не удивительно, поэтому, если при нихъ изъ среды населенія стали постепенно выдвигаться нѣкоторыя семьи дворянъ, азнауровъ». Въ областяхъ, занимаемыхъ такъ называемой Вольной Сванетіей, таковой семьей была, между прочимъ, семья Джанаридзе; она постепенно подчинила себѣ населеніе аула Мести и обратило его въ крѣпостную зависимость, наложивъ на него различныя подати и повинности. Господствующая семья-родъ Джанаридзе имѣла своего старѣйшину-вождя, которому повиновались какъ остальные родичи, такъ и зависимое отъ господствующаго рода населеніе. Но борьба между населеніемъ и вождемъ привела постепенно къ тому, что Местійское общество свергло господствующій родъ и перешло къ республиканскому, «сходясь съ этой цѣлью на народные сходы.... и выбирая на нихъ особаго старѣйшину, занимавшаго должность безсрочно, до тѣхъ поръ, пока дурное поведение его не заставило бы народъ подумать о новомъ выборѣ. Старшина этотъ носилъ одно названіе съ тѣмъ, какое принадлежитъ доселѣ старѣйшему во дворѣ (махвши)», т. е. старшій. «Кромѣ старшины, сходы выбирали еще двѣнадцать человекъ такъ называемыхъ «мыбари» (выборные), обязанностью которыхъ было слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не работалъ по пятницамъ, субботамъ и воскресеньямъ.... Народные сходы созываемы были съ помощью особыхъ почти саженныхъ трубъ.... Участіе въ собраніи принимали всѣ совершеннолѣтніе, не только мужчины, но и женщины. Для постановки рѣшенія требовалось единогласіе». Последняго, однако, нелегко было достигнуть, тѣмъ болѣе, что «наиболѣе вліятельные граждане являлись въ собраніе въ полномъ вооруженіи, въ сопровожденіи своей партіи»; вслѣдствіе этого, часто результатомъ собраній была между-родовая война. То же самое повторялось и въ другихъ обществахъ Вольной Сванетіи. «Въ каждомъ возникаетъ со временемъ народный сходъ...., постоянно собирающійся на специально отведенной для этого площади, своего рода форумъ или агора, по сванетски лахоръ. Народное собраніе каждаго общества выбираетъ своего старшину» на тѣхъ же условіяхъ, какъ и Местійское общество.

Первоначальная дифференціация общества, вражда между привилегированнымъ сословіемъ и подчиненными ему родовыми единицами привела къ уничтоженію наследственной власти вождя и къ побѣдѣ элементовъ народоправства. Часто, однако, эта борьба двухъ элементовъ, при дифференціации общества, приводитъ къ болѣе сложнымъ политическимъ устройствамъ. Оставаясь исключительно въ предѣлахъ этнографіи, можно указать на главные элементы, приводящіе къ общественной дифференціации, которая въ свою очередь въ различныхъ ком-

бинаціяхъ даетъ различные типы первобытнаго государственнаго устройства и не позволяетъ развиться власти вождя до полнаго уничтоженія элементовъ народоправства, или, если таковая развилаея, то стремится въ ея ограниченію.

Первое различіе вносится въ населеніе войной и послѣдствіемъ ея, введеніемъ рабства. Это послѣднее встрѣчается у всѣхъ некультурныхъ народностей, вышедшихъ изъ стади, когда побѣжденный на войнѣ непременно убивался или уводился рабомъ не для домашнихъ услугъ, а только какъ матеріалъ для пищи въ прокъ, за невозможностью съѣсть всѣхъ побѣжденныхъ послѣ битвы. Рабство не играетъ существенной роли въ дифференціаціи сословій, когда побѣдители уводятъ рабовъ къ себѣ. Рабы составляютъ въ такомъ случаѣ безправный классъ; они сами или ихъ потомство постепенно сливаются съ побѣдителями, умножая численный составъ родовой группы, взявшей ихъ; иногда они отпускаются на волю, иногда умерщвляются носѣ смерти господина на его могилѣ. Другое дѣло, когда народъ побѣдитель переходитъ жить на территорию покореннаго племени или, оставаясь жить у себя, налагаетъ на него какія-нибудь обязательства въ пользу покорителей. Въ этихъ случаяхъ получается рѣзкое различіе между свободнымъ и несвободнымъ населеніемъ, полно- и неполноправнымъ. На этой почвѣ развивается государственнй строй, дающій возможность побѣдителямъ образовать классъ привилегированныхъ лицъ. Послѣднія, если власть вождя еще не успѣла развиться въ единичную, ограничиваютъ вождя и иногда подчиняютъ его себѣ. Это придаетъ государственному строю аристократическій характеръ, чему нѣкоторые типы первобытныхъ государствъ представляютъ чрезвычайно интересные примѣры. Покореніе одного племени другимъ можетъ совершаться различнымъ путемъ; наиболѣе простой подчиненіе одного или нѣсколькихъ племенъ однимъ родомъ, который составляетъ въ отношеніи къ покореннымъ привилегированный классъ. Таковымъ былъ, напримѣръ, родъ инновъ, побѣдителей древняго разноплеменнаго населенія Перу. Всѣ рода инковъ пользовались многими правами и прерогативами сравнительно съ остальнымъ населеніемъ; они получали, напримѣръ, всѣ государственныя должности. Къ этой аристократіи примыкали чиновники, назначаемые инкой, въ качествѣ завѣдующихъ извѣстными территориальными единицами; они были личными слугами государя и считались ниже родичей его, которые и составляли, строго говоря, единственный привилегированный классъ. Власть инки-вождя, благодаря постояннымъ войнамъ, развилаея до широкихъ размѣровъ; аристократія поэтому не могла обратиться въ силу, ограничивающую волю вождя.

Совершенно другое имѣть мѣсто, наприѣръ, у туареговъ. Туареги на сѣверѣ Сахары, принадлежаще къ числу берберскихъ племенъ, подчинили себѣ нѣсколько народностей; очевидно, что покореніе совершалось отдѣльными родами, такъ какъ до сихъ поръ сфера распространенія власти каждаго отдѣльнаго рода образуетъ самостоятельное государство. Въ прежнее время туарегскіе рода управлялись вождями съ деспотическою властью; но родичи постепенно ограничили ихъ власть. Совокупность семейныхъ общинъ, производящихъ себя отъ вождя - покорителя, образуетъ привилегированный классъ. Потомки вождя - родоначальника и покорителя стоятъ подъ главенствомъ шейка. Онъ избирается или получаетъ власть по наслѣдству, но долженъ непременно принадлежать къ числу потомковъ вождя-покорителя. Господствовавшій нѣкогда у туареговъ матриархатъ далъ возможность женщинамъ приобрести известную долю свободы; ею пользуются, однако, только принадлежащая къ потомкамъ вождя - предка, къ тому роду, который образуетъ аристократію, именно *Imanân*. Какъ результатъ высокаго сравнительно положенія женщинъ, женщина иногда избирается въ шейки и править государственными дѣлами. Шейкъ не является вождемъ съ абсолютной властью. Въ настоящее время онъ крайне ограниченъ прежде всего обычаемъ, которымъ регулируются взаимоотношенія туареговъ. Кромѣ того, онъ управляетъ съ помощью совѣта, состоящаго изъ родичей. Только образующіе аристократію туареги имѣютъ политическія права, только они обладаютъ правомъ присутствовать на собраніи и высказывать свое мнѣніе. Въ этотъ совѣтъ допускается туарежь по достиженіи имъ сорокалѣтняго возраста. До этого онъ можетъ быть призванъ къ обязанностямъ военачальника, къ исполненію различныхъ должностей, но не можетъ засѣдать въ совѣтъ. Правящій классъ считаетъ для себя позорнымъ заниматься какимъ-либо ручнымъ трудомъ; ихъ дѣятельность заключается въ наступательныхъ и оборонительныхъ войнахъ. Туарегская аристократія имѣетъ въ лицѣ подвластнаго населенія обширный классъ зависимыхъ людей. Свободнымъ, политически полноправнымъ родамъ, противопоставлены несамостоятельные рода крѣпостныхъ; они составляютъ основу, на которой покоится государственная организація туареговъ. Зависимый классъ обрабатываетъ землю въ оазисахъ, пасть стада, сопровождаетъ своихъ господъ во время войны. Вооруженіе лицъ этого класса состоитъ только изъ кинжала и деревяннаго копья; военная одежда ихъ должна быть сдѣлана изъ кожи. Больше богатое и разнообразное оружіе составляетъ привилегію пра-

вѣщаго класса. Кромѣ этого несамостоятельнаго, полусвободнаго населенія государство туареговъ знаетъ еще особый классъ или вѣрнѣе касту кузнецовъ; кузнецы стоятъ въ общественномъ отношеніи ниже аристократіи, но выше земледѣльцевъ. Происхождение этой касты объясняется тѣмъ, что бродячіе скотоводы туареги незнакомы лично съ кузнечнымъ мастерствомъ. Кузнецы, которыхъ они встрѣтили при своемъ покореніи, естественно выдѣлялись въ особый классъ, а необходимость въ нихъ для воинственныхъ туареговъ дала имъ возможность получить сравнительную независимость. На нихъ обязанности лежатъ приготовленіе неваго оружія и починка стараго для правящаго населенія. Наконецъ, существуетъ у туареговъ еще классъ рабовъ, преимущественно негровъ, получаемыхъ или покупкой, или въ качествѣ военной добычи при частыхъ походахъ. Рабы почти исключительно приставлены къ домашнимъ работамъ. Отношеніе къ нимъ въ общемъ не отличается жестокостью, хотя злоупотребленія властью господъ надъ совершенно безправными рабами не чужды туарегамъ. Рабовъ часто отпускаютъ на волю при смерти господина. Получивъ личную свободу, черные рабы присоединяются къ классу полусвободнаго населенія, живущаго разсѣянными въ государствѣ туареговъ. Они получаютъ также право жениться на женщинахъ, принадлежащихъ къ бѣлой расѣ; этимъ, очевидно, объясняется многочисленность метисовъ, полуберберовъ, полунегровъ, столь распространенныхъ въ средней Африкѣ. Наконецъ, въ особыхъ отношеніяхъ стоятъ туареги къ некоторымъ побѣжденнымъ ими сосѣднимъ народностямъ. Эти послѣднія, оставаясь совершенно независимыми во внутреннихъ своихъ распорядкахъ, имѣя собственное управленіе, обязаны только вносить опредѣленную дань побѣдителямъ. Они составляютъ, такимъ образомъ, нѣчто вродѣ вассальныхъ государствъ. Главной основой благосостоянія туареговъ служатъ зависимые земледѣльцы. Обыкновенно туареги, блуждающій и кочующій по пустынѣ, позволяютъ зависимому земледѣльцу свободно обрабатывать оазисъ. Но въ періодъ жатвы онъ возвращается, чтобы получить десятину отъ жатвы и потребное ему количество верблюдовъ и другаго скота. Кромѣ того, ему заготавливаютъ съѣстные припасы: масло и сыръ отъ десяти овецъ или козъ. Далѣе, часть стада принадлежитъ также господину, и земледѣльцы обязаны пасти и охранять ихъ.

Такимъ образомъ, въ государствѣ туареговъ можно видѣть типъ первобытной монархіи, причемъ вождь, наследственный или выборный, ограниченъ родовой аристократіей. Этотъ аристократическій строй покоится на покоренной оружіемъ безправной массѣ прежняго осѣд-

лаго населения. Элементъ народоправства, подчинившій себя власть вождя, представляеть здѣсь родами покорителями; онъ поддерживается и получилъ развитіе отчасти вслѣдствіе крѣпости родовыхъ устоевъ, отразившихся и въ патриархальной власти начальниковъ семейныхъ общинъ, отчасти благодаря военному быту господствующаго населенія. Вождь вынужденъ дѣлать свою власть съ родичами, представляющими одновременно и классъ воиновъ, безъ которыхъ онъ остался бы безсильнымъ.

Появленіе военной аристократіи въ первобытномъ государствѣ можетъ идти и другимъ путемъ, чѣмъ это имѣло мѣсто у туареговъ и въ другихъ аналогичныхъ государственныхъ организацияхъ. Далекю не всегда покореніе одной народности другой совершается однимъ родомъ. Часто вождь родовой объединяетъ вокругъ себя нѣсколько родовыхъ группъ; или вокругъ временнаго вождя соединяются элементы, принадлежащіе къ различнымъ хозяйственнымъ группамъ. Покореніе чуждой народности и военный бытъ при такихъ условіяхъ не всегда приводятъ къ усилению власти вождя, къ окруженію его ореоломъ божественности. Напротивъ того, при начавшейся дифференціаціи общества власть его можетъ уменьшиться. Онъ находится въ зависимости отъ окружающихъ его лицъ: родовыхъ старѣйшинъ, помогавшихъ ему въ войнѣ, или отъ лицъ, случайно объединенныхъ имъ, отъ своихъ дружинниковъ, которые, послѣ покоренія, назначаются правителями, сначала только временными, завоеванныхъ областей. Правители, будутъ-ли они начальниками родовъ или лицами, поставленными вождемъ, стремятся обратить свою власть въ наследственную въ своемъ родѣ или своей семьѣ. Слабое развитіе государственныхъ понятій, характеризующее все первобытныя государства, непрочность узъ между отдѣльными частями ихъ даютъ возможность этимъ отдѣльнымъ вождямъ усилить свою власть въ ущербъ верховному вождю. Развитію власти отдѣльныхъ территориальныхъ вождей содѣйствуетъ военный бытъ первобытнаго государства, иногда также обоготвореніе вождя, который все болѣе отдаляется отъ фактическаго управленія государствомъ. Этими путями въ нѣкоторыхъ случаяхъ возникаетъ феодальный строй; иногда же элементы народоправства одерживаютъ окончательную побѣду надъ властью вождя.

Феодальный строй не является исключительнымъ достояніемъ средне-вѣковой западной Европы. Въ болѣе или менѣе развитомъ видѣ онъ встрѣчается у цѣлаго ряда народностей, гдѣ оказались благоприятныя условія для его развитія. Онъ уже довольно рельефно выступаетъ, напримѣръ, въ Абиссиніи. Расы, утвержденные верховнымъ

владыкой страны въ качествѣ территориальныхъ правителей, въ сущности почти самостоятельные властители; они связаны съ главой государства только формальнымъ признаніемъ ихъ власти, обязанностью являться на службу и вносить извѣстную подать. Въ свою очередь, въ зависимости отъ расъ находится цѣлый рядъ такихъ-же самостоятельныхъ вождей, связанныхъ съ ними подобными-же обязательствами. Въ Абиссиніи не всюду еще процессъ феодализаціи достигъ своего завершенія. Санъ расы и зависящихъ отъ него вождей не вездѣ сдѣлались наследственными; постоянная вражда между отдѣльными вождями давала возможность по смерти расы получить эту должность другому лицу, не прямому наследнику умершаго. Но въ Абиссиніи уже чувствуется тенденція къ обращенію этихъ должностей въ наследственные.

Черты, характеризующія феодальный режимъ, слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы оставаться на ихъ общей характеристикѣ. Возрастаніе власти феодальныхъ владѣльцевъ пропорціонально уменьшенію власти главы государства. Оно можетъ привести къ полному отпаденію меньшихъ единицъ, къ выдѣленію послѣднихъ въ самостоятельныя государственныя цѣлыя, иногда только номинально связанныя съ верховнымъ властителемъ; послѣдній, лишенный военной силы, находится въ зависимости отъ феодаловъ, ограничивающихъ его власть или юридически, или фактически. Подобный примѣръ феодальнаго государства представляла въ прежнее время Японія. Верховная власть, какъ было уже сказано, раздѣлялась въ Японіи между духовной владыкой (микадо) и его замѣстителемъ, свѣтскимъ государемъ (шогуномъ). Вокругъ нихъ группировались могущественные вассалы, жившіе въ городахъ, центрахъ своихъ владѣній. Они, несмотря на наружный блескъ, ихъ окружавшій, находились въ тѣсной зависимости отъ верховныхъ владыкъ; отъ послѣднихъ вассалы получали свои земли, которыя переходили по наследству, однако, лишь съ разрѣшенія императоровъ. Борьбой между императорскою властью и феодалами наполнена вся предшествующая исторія Японіи. Императоры имѣли достаточно власти иногда, чтобы отнять у феодала, сдѣлавшагося слишкомъ могущественнымъ, часть его владѣній и отдать ихъ другому. Стремленіе сдѣлать вассаловъ безопасными заставляло императоровъ прибѣгать къ самымъ разнообразнымъ мѣрамъ: они вынуждали ихъ жить извѣстное время при дворѣ, дѣлали къ нимъ наѣзды и уменьшали ихъ богатство путемъ тратъ, необходимыхъ для торжественныхъ пріемовъ, выдавали за нихъ замужъ своихъ родственницъ и т. д. Но они не были достаточно сильны, чтобы побѣдить

установившийся феодальный строй; фактически они зависѣли отъ своихъ вассаловъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточивалась вся военная власть и управление территориальными единицами. Вассалы, за право имѣть владѣнія, исполняли различные обязательства въ отноше- нии къ императорамъ: они не только оказывали имъ внѣшніе знаки почета, но кромѣ того поставляли еще въ случаѣ войны опре- дѣленное количество вооруженныхъ людей. Дѣти ихъ воспитыва- лись при дворѣ шогуна, служа заложниками, гарантирующими вѣр- ность отцовъ. Императоръ, наконецъ, имѣлъ право содержать при дворѣ феодала своего чиновника, обязаннаго слѣдить и доносить о проступкахъ вассала. Аристократія японская дѣлилась на нѣсколько классовъ, причѣмъ второстепенные изъ этихъ послѣднихъ группо- вались вокругъ крупныхъ феодаловъ, составляя ихъ свиту. Этотъ ари- стократическій строй покоился на массѣ земледѣльческаго несвобод- наго населенія, зависимаго отъ феодальныхъ владѣльцевъ и обременен- ныхъ, за право пользованія землей, многочисленными поборами и нало- гами, отчасти шедшими въ государственную казну, отчасти въ казну феодальнаго владѣльца. Наконецъ, классы ремесленниковъ, купцовъ и пр. были также не свободными и зависѣли отъ феодаловъ, на землѣ ко- торыхъ они жили. Феодальный строй Японіи достигъ полнаго развитія. Сами феодалы возникли, главнымъ образомъ, изъ числа военныхъ вождей, эманципировавшихся отъ центральной власти, представителя которой, сначала одинъ микадо, а впослѣдствіи и шогунъ, были факти- чески совершенно безвластны. Изъ потомковъ дружинниковъ вождя покорителя и изъ родовыхъ вождей, сопровождавшихъ послѣдняго при покореніи страны, выросъ могущественный и многочисленный классъ привилегированныхъ лицъ. Эта родовая служебная аристократія подчинила себѣ власть вождя, которому приписывалось божественное происхождение.

Въ Японіи, Абиссиніи и въ другихъ крупныхъ некультурныхъ государствахъ можно наблюдать феодальный строй почти или совер- шенно сложившимся. Сами государства достигли большого или меньшаго могущества; феодалы окружены въ нихъ такими внѣшними атри- бутами власти — результатами сравнительно высокой культуры, что иногда съ трудомъ вѣрится, что феодальный строй можетъ раз- виться въ небольшихъ по своему объему и не блестящихъ внѣшней культурой первобытныхъ государствахъ. Между тѣмъ феодальную организацію въ ея первоначальной формѣ можно найти и среди первобытныхъ государствъ, не доразвившихся еще до крупныхъ тер- риториальныхъ единицъ. Государственные организмы на Кавказѣ

даютъ яркіе примѣры подобныхъ примитивныхъ государствъ съ феодальнымъ строемъ. Возникновеніе его объясняется фактомъ покоренія известной территоріи родовымъ вождемъ и его дружинниками. Феодальный строй на сѣверѣ Кавказскаго хребта представляетъ интересную форму государственнаго развитія, при которой власть вождя оказывается ограниченной его дружинниками, но вліяніе послѣднихъ не успѣло еще дифференцироваться настолько, чтобы свести на нѣтъ роль вождя. Чрезвычайно типичной феодальная организація выступаетъ среди кабардинцевъ до покоренія ихъ русскими. Во главѣ отдѣльныхъ подраздѣленій, на которыя распадается кабардинцы, стоятъ наследственные князья. Около каждаго изъ нихъ группируются дружинники (уздени), феодалы, лично свободные, связанные съ княземъ обязанностью выступать по его призыву на войну и обязанностью нести въ пользу князя известныя повинности. Князь и уздени-феодалы (уздени у кабардинцевъ дѣлятся на нѣсколько степеней) образуютъ свободное, господствующее сословіе; они имѣютъ земли, на которыхъ живетъ крѣпостное населеніе, зависимое отъ владѣльца земли. Свободный классъ образуется также изъ вольноотпущенныхъ и пришельцевъ—ремесленниковъ, купцовъ и пр.; но они, живя на землѣ князя или уздени, обязаны выплачивать ему нѣкоторыя подати и нести известныя повинности. Наконецъ, рабы изъ военнопленныхъ составляютъ безправную массу. Таковъ въ общихъ чертахъ строй прежнихъ кабардинскихъ государствъ, встрѣчающійся и въ другихъ мѣстностяхъ Кавказа; онъ известенъ въ различныхъ вариантахъ въ Грузіи, Дагестанѣ, Карачаѣ и до известной степени у осетинъ. Богатый матеріалъ и блестящее изложеніе феодальнаго строя на Кавказѣ можно найти въ трудахъ Ковалевскаго и Леонтовича («Адаты кавказскихъ горцевъ»).

При разсмотрѣніи послѣдствій, вызываемыхъ дифференціаціей общества и власти, имѣавсь въ виду тѣ случаи, когда эта дифференціація происходитъ уже по сложеніи первобытнаго государства. Но она можетъ начаться и завершиться въ низшихъ государственныхъ организаціяхъ, вносясь въ объединенныхъ въ болѣе обширное государственное цѣлое. Чтобы видѣть результаты, въ которыхъ оно въ такомъ случаѣ приводитъ, предпочтительно остановиться на частномъ примѣрѣ.

Въ Поли - и Микронезіи государства скомбинированы изъ взаимодействія власти вождя, жрецовъ, привилегированнаго класса, свободнаго и несвободнаго населенія. Ознакомленіе съ различными типами государственнаго устройства Поли - и Микронезіи весьма важно для опредѣленія сложнаго типа государства, тѣмъ болѣе,

что у полинезийцев исследователь находит и наиболее сложные организации, до которых развились первобытные народы. Известно, что, по крайней мере, многия из полинезийских государств имѣли основаніемъ покореніе туземцевъ малайскимъ пришлымъ элементомъ. Какъ совершалось постепенное занятіе острововъ малайскими пришлецами неизвѣстно; но, послѣ покоренія, родовыя группы, осѣвшія на томъ или другомъ островѣ, составляли самостоятельныя простыя государственныя единицы, въ предѣлахъ которыхъ произошла уже дифференціация власти. Такъ, на Маркизскихъ островахъ каждая долина образовывала въ прежнее время обособленное государство, въ которомъ были уже свои вожди, свои жрецы и свой привилегированный классъ, своего рода аристократія, гордившаяся своими родословными, причемъ нѣкоторые насчитывали до восьмидесяти слишкомъ предковъ. Власть вождей была ограничена; она основывалась преимущественно на возрастѣ, на личномъ вліяніи, величинѣ подвластной имъ территоріи, количествѣ кокосовыхъ пальмъ и хлѣбныхъ деревьевъ, которыми обладалъ каждый изъ нихъ. Аристократическій классъ, состоявшій изъ представителей наиболее богатыхъ родовъ, ограничивалъ власть вождя и властвовалъ надъ остальнымъ населеніемъ, которое находилось отъ нихъ въ зависимости. Эти небольшія государства постоянно воевали другъ съ другомъ, и подчиненіе однимъ изъ нихъ нѣсколькихъ другихъ приводило къ установленію болѣе обширнаго государственнаго цѣлаго. То же явленіе, именно объединеніе нѣсколькихъ государствъ съ дифференцированной властью въ одно болѣе обширное, можно отмѣтить въ большинствѣ другихъ мѣстъ Полинезіи, въ Новой Зеландіи, Самоа, Таити и т. д. Интересно прослѣдить, какъ ужились всѣ эти элементы другъ съ другомъ и къ какому государственному строю они привели. Въ объединенномъ государствѣ всѣ главныя элементы слялись въ обширныя сословія. Почти всюду существуетъ дѣленіе на вождей, свободныхъ и несвободныхъ. Но въ различныхъ мѣстностяхъ въ предѣлахъ каждаго изъ этихъ классовъ существуютъ подраздѣленія. На Тонга, на примѣръ, различаются: 1) *hoi*—члены королевской семьи, 2) *haueiki*—вожди, 3) *hia*—землевладельцы, 4) *atabule*—слуги благороднаго происхожденія, 5) *ua*—народная масса и, наконецъ, 6) *bobula*—рабы, набираемые изъ военнопленныхъ. Элементомъ, составляющимъ какъ-бы переходную ступень между землевладельцами и такъ называемыми слугами благороднаго происхожденія — *hia* и *atabule*, съ одной стороны, и просто народомъ — *ua*, съ другой, составляютъ ремесленники. Они причисляются то къ высшему, привиле-

гированному классу, то, наоборотъ, къ простолюдинамъ, въ зависимости отъ того, искусенъ ли данный ремесленникъ, и требуетъ ли само ремесло искусства или нѣтъ. При этомъ, потомство выдающагося ремесленника причисляется къ привилегированному классу. Такъ напримѣръ, кораблестроители, искусные рѣзчики на деревѣ, лица, приготовляющія могилы, гроба, рыбныя сѣти, рыболовы и умбющие строить дома причисляются къ высшему классу. Земледѣльцы, повара и цирюльники обыкновенно относятся къ классу низшему; татуировщики же и изготовляющіе палки принадлежатъ сообразно съ искусствомъ каждаго отдѣльнаго мастера то къ одному, то къ другому классу. На Новой Зеландіи общественные классы распадаются: 1) на агікі—или вождей и жрецовъ, 2) тапа—родственники вождей, 3) гапгаіга—остальные вожди и привилегированные вообще, 4) тутуа—средній классъ, 5) ваге—низшій классъ и 6) топонга—рабы. Весь аристократическій классъ связанъ узами родства. Особые палки съ определенными на нихъ знаками служатъ какъ бы генеалогическими таблицами. Счетъ родства ведется точно: при освященіи на Гаваи новаго дома короля, напримѣръ, допускались къ празднеству только тѣ, которые могли доказать свое родство съ королемъ хотя-бы въ десятомъ колѣнѣ.

Вполнѣ естественно, что въ полинезійскихъ и микронезійскихъ объединенныхъ государствахъ вождь рода или племени-покорителя считался главой всего государства. Ему приписывалось обыкновенно божественное происхождение, и онъ окружался божескимъ поклоненіемъ. Къ приведеннымъ выше свѣдѣніямъ этого рода можно добавить еще нѣкоторыя. Короли, какъ общее правило, окружены были сложнымъ церемоналомъ; они имѣли имъ однимъ присущіе знаки отличія, напримѣръ, особые плащи изъ перьевъ птицъ, ожерелье изъ зубовъ определенной породы рыбы, военную трубу изъ раковины и пр. При проходѣ короля встрѣчные должны были бросаться на землю, открывать плечи или даже совѣмъ сбрасывать съ себя одежду; его нужно было привѣтствовать, обнюхивая его руки и ноги; король не самъ отвѣчалъ на вопросы, но при помощи определенныхъ сановниковъ. На Гаваи при дворѣ короля былъ въ употребленіи особый языкъ, который долженъ былъ оставаться неизвѣстнымъ простолюдинамъ; если послѣдніе начинали понимать его, придворные мѣняли языкъ. Названія предметовъ, входящихъ въ составъ имени вождя и сдѣлавшіяся вслѣдствіе этого священными, должны были быть измѣнены на другія. Въ Микронезіи имя вождя никогда не должно было быть произносимо, а потому вождь при

вступленіи въ должность принималъ другое имя, которое ему замѣняло титулъ. Избѣгаютъ даже употреблять слова, представляющія созвучіи съ именемъ вождя. На Палаузскихъ о-вахъ говорящій съ королемъ долженъ заложить руки за спину, присѣсть и во время разговора повернуть лицо въ сторону; онъ не имѣетъ права смотрѣть на земного представителя божества—короля. Этотъ послѣдній не можетъ употреблять посуду, принадлежащую другому лицу, и, обратно, никто не смѣетъ пользоваться сосудами, служащими королю. Самое пребываніе короля на землѣ считается лишь эпизодомъ въ жизни этихъ происшедшихъ отъ боговъ лицъ. Онъ — воплощеніе бога и одинъ имѣетъ право клясться божествомъ; другіе могутъ приносить клятву только королемъ, схватывая ноги послѣдняго. Все, до чего касается король, становится табу, т. е. неприкосновеннымъ. Въ прежнее время онъ не могъ входить въ домъ своего подданнаго, стать на его землѣ. Домъ или земля вслѣдствіе пребыванія въ нихъ короля дѣлались табу, не могли принадлежать простымъ смертнымъ и становились собственностью короля. Этотъ послѣдній имѣлъ свои дома, и на Таити при переходѣ короля изъ дома въ домъ его переносили на плечахъ, чтобы онъ, прикоснувшись ногой къ землѣ, не сдѣлалъ землю недоступной для остального населенія. Эти правила естественно стѣсняли самихъ носителей святости, королей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они стремились получить свободу движеній: они переносили право табу на своихъ наслѣдниковъ, тотчасъ по рожденіи послѣднихъ и сами послѣ этого могли двигаться свободно. Ближайшими къ королю лицами были его братья; лишь за отсутствіемъ послѣднихъ престолъ переходилъ къ сыну короля. При королѣ состояло лицо, напоминающее по роли главнаго министра. Въ Самоа онъ былъ одновременно старѣйшиной одного изъ самоанскихъ родовъ. На его обязанности лежало созывать собранія, распредѣлять между старѣйшинами родовъ, при прибытіи иностранцевъ, въ какой мѣрѣ они должны были оказывать имъ гостепріимство. На Гаваи эта должность принадлежала верховному жрецу.

Божественное почитаніе, окружающее вождя, привело въ Поли- и Микронезіи къ результатамъ, аналогичнымъ тѣмъ, которые можно наблюдать и въ другихъ первобытныхъ государствахъ. Въ большинствѣ мѣстностей короли, оставаясь номинальными владѣльцами, сохранили за собой только духовную власть, въ то время какъ свѣтская перешла въ руки военнаго вождя. Во многихъ мѣстахъ Полинезійи рядомъ съ королемъ, продолжающимъ считаться властителемъ и духовной главой государства, играющимъ роль только въ мирное

время, уже появился военный вождь, ограничивающій власть короля. Въ микронезійскихъ государствахъ изслѣдователь встрѣчаетъ такія же отношенія. Рядомъ съ королемъ мѣстами стоитъ фактически управляющій дѣлами военный вождь или высшій государственный сановникъ. Иногда же, наоборотъ, духовная власть переходитъ къ жрецамъ, а за королемъ, хотя бы и окруженнымъ почитаніемъ, сохраняется власть свѣтская. О вполнѣ точномъ разграниченіи власти рѣчи еще быть не можетъ. На о. Япѣ, напримеръ, рядомъ съ выразителемъ власти свѣтской, вождемъ, *пилуномъ*, стоитъ и представитель духовной власти, такъ называемый *матраматы*. Матраматы—посредники между божествами и людьми: они сообщаютъ послѣднимъ волю боговъ. Хотя матраматы является верховнымъ жрецомъ и представляетъ духовную сторону власти, тѣмъ не менѣе, онъ облеченъ до извѣстной степени и свѣтской властью, подобно верховному жрецу *huilcauma* въ древнемъ Перу. Эта дифференціация власти *пилуна* и *матраматы* проникаетъ все государственное устройство названнаго острова. Каждая деревня, входящая въ составъ государства, имѣетъ своего свѣтскаго вождя и наряду съ нимъ своего жреца, *матраматы*. Но надъ всѣми вождями стоитъ верховный вождь, и всѣ *матраматы* подчиняются верховному жрецу, оказывающему влияніе на весь островъ. Эта организація встрѣчается и на другихъ островахъ тихоокеанскихъ архипелаговъ. Борьба между свѣтской властью вождей и духовной жрецовъ не вездѣ достигла одинаковыхъ результатовъ. Мѣстами вождь подчинилъ себѣ жреца; въ другихъ, наоборотъ, верховный жрецъ играетъ большую роль, чѣмъ свѣтскій.

Въ общей сложности власть вождя уже дифференцировалась отъ власти жреца въ большинствѣ мѣстностей Поли-и Микронезіи, хотя дифференціация ея и привела къ различнымъ результатамъ. Уже существовавшее дѣленіе на свѣтскихъ вождей и жрецовъ въ государствахъ тихоокеанскихъ архипелаговъ до соединенія этихъ простыхъ государствъ въ болѣе обширныя государственныя организаціи дало возможность развиться классу жрецовъ и такъ или иначе подчинить себѣ свѣтскаго главу или стать рядомъ съ нимъ во главѣ управленія. На Новой Зеландіи установились даже любопытныя отношенія между тремя представителями власти: такъ называемыми *арики* или вождями божественнаго происхожденія, свѣтскими вождями, не облеченными духовной властью и, наконецъ, жрецами. *Арики*, вождь божественнаго происхожденія, обучался обыкновенно у своего дѣда или отца священному преданію полинезійцевъ: онъ соединялъ въ себѣ

функции верховнаго свѣтскаго владыки и главнаго жреца; онъ могъ налагать или снимать табу, опредѣлять время полевыхъ работъ и назначать мѣста для погребенія т. е. соединялъ въ себѣ власти свѣтскаго властителя и жреца. Рядомъ съ нимъ стоялъ, однако, и свѣтскій вождь и жрецъ. Если оба они не были одновременно и арики, власть и сила свѣтскаго вождя зависѣла отъ вліянія его личности, достоинствъ и пр., а власть жреца обусловливалась степенью близости его къ богамъ и его вліяніемъ надъ послѣдними.

Такимъ образомъ, въ Поли-и Микронезіи власть вождя, возникшая на почвѣ между-родовой и между-племенной войны, имѣетъ тѣже признаки, что и власть вождя въ африканскихъ деспотіяхъ. Но дифференціація общества, болѣе прогрессировавшая на островахъ Тихаго океана, чѣмъ въ африканскихъ государствахъ, не дала въ огромномъ большинствѣ случаевъ развитія этой власти въ неконтрольную деспотію, какъ въ Африкѣ или въ Меланезіи. Первымъ ограничивающимъ, хотя бы мѣстами только фактически, элементомъ явился классъ жрецовъ. Поэтому, за немногими исключеніями, полинезійскіе или микронезійскіе правители не доходили до такихъ безумствъ, какъ вожди въ Африкѣ, хотя объемъ ихъ власти юридически часто не отличается ничѣмъ отъ объема власти африканскихъ владыкъ.

Власть полинезійскаго короля ограничивалась, пожалуй, въ большей степени, чѣмъ жрецами, сословіями свободныхъ лицъ или мѣстной аристократіей. Конечно, не всюду встрѣчались такія опредѣленные подраздѣленія, какъ въ Новой Зеландіи и на Тонга. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Микронезіи населеніе дѣлится на аристократовъ, свободныхъ и рабовъ. Наиболѣе вліятельными, наравнѣ съ жрецами, оказываются первые; наиболѣе многочисленными классъ свободныхъ. Иногда классы благородныхъ и свободныхъ не дифференцировались и составляютъ одинъ; иногда, наоборотъ, внутри каждаго класса существуютъ еще подраздѣленія. Такъ, напримѣръ, на Понапе вожди и мелкая аристократія образуютъ одинъ классъ *aroi* или *iroy*, отличный отъ остальнаго населенія. Аристократическій классъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ основанъ на происхожденіи отъ извѣстныхъ родоначальниковъ, въ другихъ, наоборотъ, на богатствѣ и обширности владѣній. Такъ помянутые *aroi* на Понапе, или *urosse* на Каролинскихъ о-вахъ представляютъ лишь наиболѣе богатый классъ, изъ которыхъ выходятъ вожди. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, на Каролинскихъ о-вахъ, короли подчиняютъ себѣ классъ благородныхъ, дѣлая изъ нихъ верховныхъ сановниковъ, которыхъ они рассылаютъ въ качествѣ управителей на под-

чиненные имъ острова. Въ другихъ мѣстахъ главы аристократическихъ родовъ образуютъ самостоятельный совѣтъ, и правленіе принимаетъ олигархическій характеръ съ уничтоженіемъ власти вождя. Главы другихъ, менѣе вліятельныхъ родовъ получаютъ различныя второстепенныя государственныя должности. Въ одномъ изъ государствъ на Палаузскихъ о-вахъ власть сосредоточивалась въ рукахъ семи главныхъ вождей, объединившихъ свои бывшія прежде независимыя государства въ олигархическую республику. Обыкновенно, однако, аристократія составляетъ совѣтъ вокругъ короля и въ значительной степени ограничиваетъ его власть. Родъ или племя, объединившее вокругъ себя рядъ небольшихъ государствъ съ дифференцированной властью, мѣстами оказались во власти покоренныхъ. Неудивительно, что усилившаяся аристократія въ Полинезіи иногда сохранила за собой право выбора короля (впрочемъ, обыкновенно изъ семьи предшественника), хотя переходъ власти по наслѣдству и составляетъ господствующее явленіе. Аристократическій классъ развился изъ двухъ элементовъ: 1) изъ наиболѣе обеспеченныхъ родовъ, получившихъ преобладаніе надъ остальнымъ, свободнымъ населеніемъ и 2) изъ потомковъ вождей, объединившихъ государства, и потомства ихъ воиновъ. Оба элемента, какъ мѣстный, такъ и утвердившійся въ странѣ благодаря покоренію, являются пришлыми: это колонизаторы малайскаго происхожденія, подчинившіе себѣ мѣстныхъ туземцевъ, что налагаетъ до настоящаго времени различіе между классами свободныхъ и аристократовъ съ одной стороны, и несвободныхъ съ другой. Антропологическія различія, выражающіяся въ физическомъ типѣ и въ цвѣтѣ кожи, не исчезли до настоящаго времени. Покоренный элементъ послужилъ базисомъ для развитія государства въ Поли-и Микронезіи; онъ былъ обращенъ въ зависимое, несвободное состояніе, поддерживающее, путемъ взимаемыхъ съ него поборовъ, существованіе свободного класса. Этотъ подчиненный элементъ далъ возможность свободнымъ, въ частности мѣстной аристократіи, достигнуть матеріальнаго благосостоянія и увеличить свое могущество. Отношеніе высшихъ классовъ къ низшимъ было различно. На Сандвичевыхъ о-вахъ, напримѣръ, установилась крѣпостная зависимость: несвободное населеніе было прикрѣплено къ землѣ и вмѣстѣ съ землей переходило отъ одного вождя къ другому.

Представители аристократическихъ родовъ образуютъ вокругъ короля постоянный совѣтъ, безъ согласія котораго ни одно важное предпріятіе не можетъ быть рѣшено. Мѣстами власть находится только въ рукахъ вышшаго аристократическаго класса, напримѣръ,

на Новой Зеландіи у представителей высшей родовой аристократіи, такъ называемыхъ *gangatiga*, которые избирали изъ своего числа короля и свѣтскаго вождя. На о-вахъ Мореплавателей король ограничѣнъ властью другихъ второстепенныхъ вождей, а каждая провинція управляется собраніемъ изъ вождей и землевладельцевъ. Несмотря на признаваемое мѣстами божественное происхожденіе вождя, на божескія почести, воздаваемые ему, власть полинезійскихъ королей, какъ явствуетъ изъ вышеизложеннаго, довольно ограничена дифференцировавшимися элементами общества: она раздѣлена между королемъ, жрецами (иногда и вождями) и аристократическимъ и свободнымъ классами. Взаимодѣйствіе этихъ разнообразныхъ элементовъ привело къ цѣлому ряду комбинацій, начиная отъ абсолютной власти короля-жреца и кончая олигархіей, отъ наследственнаго вождя до выборнаго, и, наконецъ, отъ ограниченнаго аристократіей короля-вождя до безправнаго номинальнаго владыки, имѣющаго исключительно духовную власть. Почти всѣ формы, которыя выработали первобытныя государственныя организаціи, можно встрѣтить болѣе или менѣе ясно выраженными въ Поли-и-Микронезіи. Если тамъ могли развиться въ почти неисчислимыхъ отбѣнкахъ первобытныя государственныя формы, это объясняется дифференціаціей общества, которая происходила быстро въ небольшихъ территориальныхъ единицахъ, сплоченныхъ впоследствии въ одно государственное цѣлое. Въ заключеніе слѣдуетъ еще замѣтить, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Тихаго Океана вожди и аристократія вправѣ смѣстить короля, если онъ имъ не угоденъ, не исполняетъ требованій обычая или, напримѣръ, какъ это имѣло мѣсто въ одномъ изъ государствъ на Палаузскихъ о-вахъ, въ Коррорѣ, если онъ, для обогащенія своей казны и лстясь на подарки, оказываетъ слишкомъ много вниманія иностранцамъ. Въ Коррорѣ совѣтъ старшинъ послѣ долгихъ переговоровъ съ королемъ, послѣ убѣжденій измѣнить образъ дѣйствій постановилъ, что не существуетъ болѣе короля. Звукъ трубъ возвѣстилъ эту новость во всѣхъ углахъ государства, послѣ чего послѣдовало избраніе другого короля.

XVI. Обще выводы относительно развитія первобытнаго государства.

Бѣглый обзоръ различныхъ типовъ первобытныхъ государствъ въ разныхъ частяхъ земнаго шара, даетъ возможность выставить нѣкоторые обще выводы. Если, какъ было сказано, и затруднительно въ настоящее время отыскать обще законы развитія государственныхъ формъ на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи, то во всякомъ случаѣ можно прослѣдить нѣкоторыя общія нити. Значеніе ихъ не можетъ быть признано непремѣннымъ, обязательнымъ; они свидѣтельствуютъ только о томъ, что известныя явленія государственной жизни повторяются во многихъ мѣстахъ совершенно одинаково, гдѣ для этого существуютъ однородныя условія. Начало государственнаго развитія должно искать тамъ, гдѣ группа людей объединяется въ единое цѣлое не на основаніи хозяйственныхъ интересовъ, т. е. гдѣ нѣсколько экономическихъ единицъ составляютъ кооперацію для другихъ цѣлей, чѣмъ хозяйственныя. Государственная жизнь можетъ начаться съ низшихъ ступеней культуры, когда первобытная территориальная единица, распавшаяся уже на родственные союзы, не сложилась, однако, еще въ родовыя общины, преслѣдующія каждая свои экономическіе интересы. Иногда, напротивъ, населеніе развивается до родовыхъ общинъ и только послѣ этого переходитъ къ государственной жизни. Наконецъ, переходъ къ этой послѣдней можетъ произойти послѣ распадѣнія родовыхъ единицъ на меньшія экономическія группы. Такимъ образомъ, моментъ перехода отъ хозяйственной жизни къ государственной можетъ быть различенъ для каждой данной группы человѣчества. Самый переходъ объясняется политической интеграціей, которая вызывается необходимостью удовлетворить народившимся новымъ условіямъ быта. Она можетъ происходить добровольно, подъ вліяніемъ соображеній самозащиты отъ окружающихъ враждебныхъ племенъ, и въ этихъ случаяхъ она является естественнымъ послѣдствіемъ борьбы за существованіе. Она

можетъ быть принудительной, когда одно племя или другая какая нибудь общественная группа подчиняетъ себѣ одну или нѣсколько другихъ группъ, образуя такимъ образомъ новыя формы общежитія. Эта двойственность условий, приводящихъ къ появленію государства, не остается безъ вліянія на самый строй его и на форму, въ которую въ немъ отливается верховная власть и отношенія между ней и населеніемъ. Къ этимъ двумъ причинамъ, опредѣляющимъ верховную власть, присоединяется третья, весьма существенная для развитія государства. Большое значеніе имѣетъ вопросъ, произошла ли уже дифференціація общества въ предѣлахъ единицъ, вошедшихъ въ новое государство или нѣтъ, т. е. объединяетъ-ли государство принудительно или добровольно хозяйственныя единицы или государства. Какъ-бы, однако, ни происходило возникновеніе государственной жизни, какую-бы форму она ни приняла въ началѣ своего развитія, переходъ къ ней всегда знаменуетъ огромный шагъ впередъ въ дѣлѣ человѣческаго прогресса, такъ какъ государство есть высшая форма общежитія, до котораго развилося человѣчество.

Что касается верховной власти, то въ первобытныхъ государствахъ она покоится въ элементахъ народоправства, характернаго для первобытныхъ группъ вообще. Является ли выразителемъ верховной власти совѣтъ всѣхъ членовъ группы или всѣхъ родичей или, наконецъ, только старшихъ членовъ группы, рядомъ съ этими элементами народоправства возникаетъ почти одновременно другой органъ власти, именно вождь. Сначала онъ фактически существуетъ на ряду съ совѣтомъ, и появленіе его неизбежно въ виду самихъ условий жизни первобытной группы: вождь нуженъ группѣ для временнаго руководства ею при осуществленіи нѣкоторыхъ предпріятій (охоть или война); онъ же является необходимымъ временнымъ руководителемъ предпріятія, въ которомъ участвуютъ не всѣ члены группы, а лишь извѣстная часть ея. Первоначально вождь всегда обладаетъ лишь временной властью; она прекращается по осуществленіи предпринятаго дѣйствія, и онъ находится, какъ и всѣ члены первобытнаго государства, въ зависимости отъ элементовъ народоправства, управляющихъ жизнью государства. Вождь еще подчиненъ группѣ, и власть его, какъ предводителя, вполне уживается съ республиканскими учрежденіями группы. Осуществленію на практикѣ этихъ республиканскихъ учрежденій въ значительной степени содѣйствуетъ немногочисленность группъ съ одной стороны и недифференцированность населенія съ другой.

Однако, разъ появившись, власть вождя стремится упрочиться

Она становится въ большій или меньшій антагонизмъ съ элементами народоправства, и борьба этихъ двухъ противоположныхъ началъ составляетъ обыкновенно исторію развитія государственной жизни на примитивныхъ ступеняхъ цивилизаціи. Въ зависимости отъ большей простоты и сложности борющихся другъ съ другомъ элементовъ и отъ ихъ взаимной комбинаціи стоитъ и форма государственной власти, которую принимаетъ послѣдняя въ различныхъ мѣстностяхъ. Увеличенію власти вождя безусловно содѣйствуетъ въ наибольшей степени военный бытъ и религіозное почитаніе, окружающее вождя. Развитіе элементовъ народоправства, понимая подъ послѣднимъ всѣ элементы, къ которымъ переходитъ власть въ ущербъ государству вождя, обуславливается въ наиболѣ видной степени дифференціаціей общества, приводящей къ политической дифференціаціи верховной власти. Поэтому, власть вождя имѣетъ болѣе почвы для своего крайняго развитія именно въ тѣхъ государствахъ первобытныхъ народовъ, у которыхъ, при появленіи и во время развитія власти вождя, дифференціація общества еще не началась или находится на низкой ступени. Это объясняетъ, почему власть вождя увеличивается до чрезвычайныхъ предѣловъ въ родовыхъ государствахъ, основанныхъ путемъ естественной интеграціи. Въ томъ и другомъ типѣ государства, при условіи отсутствія дифференціаціи въ обществѣ, власть вождя обыкновенно усиливается въ ущербъ элементамъ народоправства и часто кончается полной побѣдой вождя надъ остальными органами власти.

Усиленіе власти вождя совершается двоякимъ путемъ.

1) Временный вождь, признаваемый за такового избраніемъ или молчаливымъ согласіемъ, стремится прежде всего продлить свою власть. Въ лицѣ его часто соединяются данныя, дающія ему право быть вождемъ: храбрость, ловкость, сила и пр. съ качествами шамана-колдуна и знахаря. Обнаруживая первыя свойства во время частыхъ войнъ, окруженный суевѣрнымъ страхомъ населенія, какъ лицо, стоящее въ близкихъ отношеніяхъ къ духамъ, дающимъ ему успѣхъ, онъ проявляетъ черты шамана-знахаря и въ мирное время. Этими онъ упрочиваетъ свое господство и силу своего вліянія на окружающую массу и по прекращеніи военныхъ дѣйствій. Такие вожди изъ временныхъ часто становятся пожизненными. По крайней мѣрѣ, ихъ власть продолжается до тѣхъ поръ, пока вождь можетъ личными подвигами или дѣйствіями, вліяющими на суевѣріе жителей, поддерживать свой авторитетъ. Хотя въ исторіи развитія власти вождя такой переходъ отъ власти временной и случайной въ длительную, иногда пожизненную,

и представляет уже огромный шагъ впередъ, онъ все еще не нарушаетъ элементовъ народоправства. Группа или ея представители—старѣйшины, сохраняютъ за собой верховное право смѣнить вождя и назначить новаго. Кромѣ того, при существованіи таковаго вождя, всякое другое лицо, болѣе сильное, какъ воинъ и какъ управитель духовъ, имѣетъ возможность сдѣлаться также вождемъ и нанести окончательный ударъ господству стараго вождя. Дальнѣйшій шагъ въ развитіи власти вождя, съ котораго начинается борьба ея съ элементами народоправства, заключается въ томъ, что вождь стремится сдѣлать свою власть наследственной въ предѣлахъ своего рода и впослѣдствіи семьи. Для введенія наследственности власти употребляются различныя средства, на примѣръ, передача своихъ сверхъестественныхъ качествъ члену своего рода или семьи. Но важнѣе то, что вождь, получающій и большую долю военной добычи и обогащающій такимъ образомъ свою родовую или семейную группу, является и наиболѣе богатымъ, а, слѣдовательно, и наиболѣе могущественнымъ лицомъ группы. Сильно дѣйствуетъ и страхъ населенія не исполнить волю вождя-колдуна, который послѣ своей смерти будетъ мстить оставшимся въ живыхъ непокорнымъ его волѣ. Постепенно власть вождя дѣлается наследственной, причемъ отъ формы общежитія группы зависитъ, переходитъ ли власть по женской линіи или къ агнатическимъ родичамъ или, наконецъ, по прямой линіи отъ отца къ сыну. Юридически власть народнаго собранія или совѣта старѣйшинъ вначалѣ не умаляется: они сохраняютъ право избранія, и санкція народа необходима для признанія власти вождя. Но на практикѣ собраніе избираетъ всегда властителя изъ числа потомковъ или родственниковъ умершаго вождя. Право избранія часто становится, такимъ образомъ, номинальнымъ. Вождя продолжаетъ еще окружать совѣтъ старшинъ или народное собраніе; если дифференціация общества не успѣла наступить въ это время, онъ вступаетъ въ борьбу съ стѣсняющимъ и ограничивающимъ его власть элементомъ. Онъ собираетъ совѣтъ или собраніе все рѣже, дѣйствуетъ страхомъ и казнями на окружающихъ и цѣлымъ рядомъ другихъ мѣръ съуживаетъ власть старѣйшинъ и собранія и часто уничтожаетъ ихъ власть окончательно.

2) Много общаго съ этимъ процессомъ упроченія власти временнаго, выборнаго вождя имѣетъ и ходъ развитія власти, наблюдаемый во многихъ первобытныхъ государствахъ, слагающихся благодаря естественному разростанію племени и распаденію родовыхъ хозяйственныхъ общинъ въ общины семейныя. Культъ предковъ, развившійся въ стройную систему, облегчаетъ переходъ власти прежде

всего къ родовымъ старѣйшинамъ. Они, соединяя въ своемъ лицѣ функціи свѣтскаго владыки и верховнаго родового жреца, укрѣпляютъ свою власть, носящую патриархальный, абсолютный характеръ. Культъ предковъ, ставящій родового жреца на высшую ступень сравнительно съ остальными родичами, позволяетъ старѣйшинѣ легче покорить и подчинить себѣ своихъ родичей, власть которыхъ, какъ органа сначала рѣшающаго, а затѣмъ совѣщательнаго постепенно падаетъ.

Появилась-ли власть вождя до или послѣ развитія патриархальнаго строя, она, при отсутствіи дифференціаціи, имѣетъ всѣ основанія къ постепенному усилению. Происхожденіе отъ извѣстнаго шамана-знахаря или отъ божественнаго предка (при родовомъ бытѣ) даетъ ей священный ореолъ. Если даже вождь не является одновременно жрецомъ, одно его божественное происхожденіе уже гарантируетъ ему безконтрольность власти, и, въ зависимости отъ общественныхъ нравовъ, эта послѣдняя проявляетъ себя болѣе или менѣе жестоко. Естественно, что при завоеваніи власть вождя только усиливается. Если даже элементы народовластія не побѣждены еще въ группѣ, изъ которой происходитъ вождь, эта побѣда въ недифференцированномъ обществѣ почти обезпечена вождю въ государствѣ, основанномъ на покореніи. Вождь является богомъ или лицомъ божественнаго происхожденія, неизмѣримо выше стоящимъ надъ остальнымъ населеніемъ; онъ окруженъ поклоненіемъ, и воля его ничѣмъ юридически не ограничена.

Дифференціація общества, въ первобытныхъ государственныхъ организаціяхъ, начинается ли она до возникновенія неограниченной власти вождя или уже послѣ того, какъ эта послѣдняя достигла своего апогея, стремится прійти и къ дифференціаціи власти вождя. При этомъ отъ условій мѣстныхъ будетъ зависѣть, окажутся-ли органы власти зависимыми отъ вождя или, наоборотъ, одержать надъ нимъ побѣду. Наиболѣе простой видъ дифференціаціи представляетъ появленіе и развитіе жреческаго сословія. Это послѣднее старается или отдѣлить отъ верховной власти вождя жреческія функціи и оставить вождю только свѣтскую власть, или, наоборотъ, сохранить за нимъ власть только духовную. Въ первомъ случаѣ рядомъ съ вождемъ возникаетъ власть верховнаго жреца и жреческаго класса. Борьба между этими двумя элементами приводитъ или къ подчиненію жрецовъ вождямъ, особенно часто въ государствахъ, въ жизни которыхъ война играетъ существенную роль; или, наоборотъ, верховный жрецъ стремится присвоить себѣ и свѣтскія функціи и иногда подчиняетъ себѣ вождя, который является орудіемъ въ рукахъ жрецовъ, юридически или

только на практикѣ завладѣвающихъ верховной властью въ государствѣ. Тамъ, гдѣ за вождемъ признается только духовныя функции, онъ постепенно утрачиваетъ свѣтскую власть и, окруженный божескимъ почитаніемъ, становится лишь номинальнымъ властителемъ; дѣйствительная же власть переходитъ къ свѣтскимъ вождямъ и жрецамъ. Примѣры древняго Перу и нѣкоторыхъ государствъ Микро-и Полинезіи представляютъ образцы перваго рода государствъ; Абиссинія, Японія, Тибетъ и нѣкоторые другія государства Поли-и Микронезіи служатъ примѣрами втораго типа.

Дифференціація власти свѣтской и духовной вождя можетъ идти параллельно съ дифференціаціей общества; однако, возможно, что послѣдняя наступитъ и раньше, чѣмъ функции духовныя и свѣтскія будутъ подѣлены между вождемъ и жрецомъ. Борьба дифференцирующихся элементовъ населенія съ властью вождя можетъ, конечно, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, имѣть результатомъ побѣду послѣдняго. Но она въ состояніи, однако, привести и къ противоположнымъ послѣдствіямъ, именно къ ограниченію власти его и даже къ уничтоженію послѣдней т. е. къ полной побѣдѣ элементовъ народовластія, какъ это было, на примѣръ, въ республикахъ Вольной Сванетіи и въ нѣкоторыхъ государствахъ древней Греціи и въ Римѣ. Если, однако, власть вождей уже развилась, если она уже окрѣпла и окружена ореоломъ божественности, дифференцирующіеся элементы стремятся выработать *modus vivendi*. Въ такомъ случаѣ изъ взаимодействія различныхъ силъ появляется, въ зависимости отъ преобладанія въ данный моментъ того или другаго элемента, самые разнообразные типы первобытныхъ государствъ. Рядомъ съ сословіемъ жрецовъ возникаетъ аристократія, которая имѣетъ свои корни или въ имущественномъ неравенствѣ отдѣльныхъ семейныхъ или родовыхъ общинъ, или въ самомъ фактѣ покоренія. Ближайшіе родичи, а затѣмъ и весь родъ вождя составляютъ первый аристократическій элементъ первобытныхъ государствъ, особенно рѣзко выступающій въ государствахъ, основанныхъ на покореніи. Потомство дружинниковъ или родовъ, участвовавшихъ въ покореніи, являются вторымъ элементомъ, образующимъ аристократическій классъ. Наконецъ, потомки лицъ, которые при абсолютномъ вождѣ посылаются для управленія отдѣльныхъ частей государства, составляютъ третій элементъ, дающій возможность образоваться привилегированному классу. Въ началѣ зависимые отъ вождя, иногда совершенно безправные передъ нимъ, они стремятся къ самостоятельности; они смѣшиваются съ покореннымъ привилегированнымъ классомъ и образуютъ сословіе,

болѣе или менѣе замкнутое. Оно стремится урѣзать власть вождя и часто успѣваетъ въ этомъ.

Ограниченіе власти главъ государства происходитъ двоякимъ путемъ и можетъ быть юридическимъ или фактическимъ. Съ одной стороны, рода покорители и родъ вождя, служащіе для него опорой въ покоренной странѣ, добиваются постепенно участія во власти. Изъ совѣта старшинъ или народнаго собранія, согласіе которыхъ необходимо для вождя при его дѣйствіяхъ въ покоренномъ государствѣ, развивается при благоприятныхъ условіяхъ постоянный совѣтъ, который состоитъ или изъ всѣхъ родичей или только изъ старѣйшинъ. Власть вождя, такимъ образомъ, часто становится вполнѣ зависимою отъ этихъ совѣтовъ, какъ, напримѣръ, въ государствахъ туареговъ; то же имѣло мѣсто и въ древнемъ государствѣ татаръ, въ началѣ развитія ихъ господства. Наслѣдственный вождь, окруженный ореоломъ божественности, постепенно дѣлается выборнымъ; онъ долженъ дѣлить свою власть съ собраніемъ родичей, составляющихъ привилегированный и одновременно единственно-свободный классъ населенія въ первобытномъ государствѣ. Съ другой стороны, потомки дружинниковъ или лицъ, посланныхъ для управленія отдѣльными частями государствъ, получая или земельные надѣлы въ покоренной странѣ за службу или управленіе отдѣльными частями государствъ, стремятся обратить свою власть въ наследственную и достигнуть самостоятельности въ ущербъ власти вождя. Возникаетъ феодальный строй, блестящіе примѣры котораго въ разныхъ фазисахъ развитія представляютъ Кавказъ, Абиссинія и дореформенная Японія. Фактическое ограниченіе власти вождя могущественными вассалами, сосредоточившими власть въ своихъ рукахъ, можетъ перейти въ юридическое и доразвиться до права выбора вождя. Усиленіе привилегированнаго элемента въ первобытныхъ государствахъ можетъ привести къ уничтоженію власти вождя, къ олигархіи или аристократической республикѣ, какъ можно видѣть на примѣрахъ нѣкоторыхъ государствъ Поли-и Микронезіи.

Разница между привилегированнымъ и просто свободнымъ населеніемъ не существуетъ на низшихъ ступеняхъ развитія. Покорители и ихъ потомки являются свободными и привилегированными, покоренное населеніе—несвободнымъ или, по крайней мѣрѣ, полусвободнымъ. Но промежуточный классъ между представителями привилегированныхъ классовъ и несвободнымъ населеніемъ уже намѣчается въ нѣкоторыхъ первобытныхъ государствахъ, какъ, напримѣръ, въ классѣ кузнецовъ во многихъ мѣстахъ Африки, въ лицѣ ремесленниковъ въ Полинезій, въ лицѣ, наконецъ, заѣзжихъ иностранныхъ кузцовъ въ

государствахъ сѣверной Африки. Но первобытныя государства еще не выработали определенной границы между этимъ классомъ и двумя остальными.

Общій обзоръ исторіи развитія власти въ первобытныхъ государствахъ показываетъ, такимъ образомъ, что уже на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи намѣчаются и получаютъ развитіе важнѣйшіе типы государственныхъ формъ, съ которыми выступаютъ на зарѣ исторіи въ разное время цивилизованные народы современности и древности. Абсолютныя монархіи, покоющіяся на патриархальныхъ основахъ, теократіи, различные виды ограниченныхъ фактически или юридически монархій, олигархій, разные типы республикъ—все это изслѣдователь находитъ въ болѣе или менѣе зачаточной формѣ среди первобытныхъ народовъ, и невольно эти первобытныя формы у такъ называемыхъ цвѣтныхъ расъ напрашиваются на сравненіе съ государственными организаціями древняго и германскаго міра въ началѣ его развитія. Хотя на низшихъ ступеняхъ культуры не существуетъ однообразія въ эволюціи государственныхъ формъ, однако, чѣмъ ниже формы общежитія группъ, переходящихъ къ государственному строю, тѣмъ больше чертъ сходства между первобытными государствами. Чѣмъ дальше отъ первобытныхъ формъ, тѣмъ государственныя организаціи становятся сложнѣе, получаютъ своеобразные оттѣнки и мѣстныя особенности. Рѣшеніе же вопросовъ, почему при прочихъ, почти равныхъ подчасъ условіяхъ въ первобытныхъ государствахъ одерживаетъ верхъ одинъ или другой элементъ власти надъ другими, составляетъ уже задачу мѣстной этнографіи.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Указатель источниковъ.

- Крашенинниковъ.—Описание земли Камчатки. 2 т. С.-П.-Б., 1786.
- Martius, C. F.—Von dem Rechtszustande unter den Ureinwohnern Brasiliens. München, 1832.
- Гакстгаузенъ, баронъ А.—Закавказскій край. Забѣтки о семейной и общественной жизни и отношеніяхъ народовъ, обитающихъ между Чернымъ и Каспійскимъ морями. 2 ч. С.-П.-Б., 1857. (Haxthausen, Transcaucasia. Leipzig, 1856).
- Waitz, Th. u. Gerland.—Anthropologie der Naturvölker. Leipzig, 1859—64; 1867—71. (Т. I, вып. I, пер. по русски А. Федченко).
- Чубинскій, П. П.—Очеркъ народныхъ юридическихъ обычаевъ въ Малороссіи. З. И. Р. Г. О. Т. II. 1869.
- Ефименко, П. С.—Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ Архангельской губерніи. Тр. Арх. Губ. Стат. Ком. за 1867 и 68 г.г. В. 3. Архангельскъ. 1869.
- Дубровинъ, Н.—Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. 2 т. С.-П.-Б., 1871.
- Майновъ, В. Н.—Юридическій бытъ болгаръ (по Богшячу) З. И. Р. Г. О. по Отд. Этн. IV. С.-П.-Б. 1871.
- Fritsch, G.—Die Eingeborenen Süd-Afrikas. Breslau, Hirt, 1872.
- Jagor, F.—Reisen in den Philippinen. Berlin, Weidmann, 1873.
- Лавеле, Э. де.—Первобытная собственность. С.-П.-Б. Изд. «Русск. Ки. Торг.» 1875. (Laveleye, E. de. De la propriété et de ses formes primitives. P. 1874. 4 éd. 1891.
- Леонтовичъ, О. И.—Задружно-общинный характеръ. Журн. Мин. Нар. Пр. 1874, № 3; 4.
- Рост, А.—Die Geschlechtsgenossenschaft der Urzeit und die Entstehung der Ehe. Oldenburg, 1875.
- Бравина, М. В.—Село Оленино, Горбатовскаго у. Нижегородской г. Нижегород. Сборникъ, V. 1875.
- Самоковасовъ, Д. Я.—Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ. Варшава, 1876.
- Пахманъ, С. В.—Обычное гражданское право Россіи. 1877 и 79.
- Соколовскій, П. А.—Очеркъ исторіи сельской общины на Сѣверѣ Россіи. С.-П.-Б. 1877.
- Матвѣевъ, П. А.—Очерки народнаго юридическаго быта Самарской губ. З. И. Р. Г. О. Отд. Этн. Т. VIII. С.-П.-Б. 1878.

- Ефименко, А. Я. Юридическіе обычаи лопарей, кореловъ и самоѣдовъ Архангельской губ. З. И. Р. Г. О. Отд. Этн. Т. VIII. Подъ ред. П. А. Матвѣева. С.-П.Б. 1878.
- Костровъ, Н. А. кн.—Юридическіе обычаи якутовъ. З. И. Р. Г. О. Отд. Этн. Т. VIII. С.-П.Б., 1878.
- Ковалевскій, М. М.—Общинное землевладѣніе, причины, ходъ и послѣдствія его разложенія. Ч. I. М. 1879.
- Nachtigal, G.—Sahara und Sudan. Berlin, Wiegandt, 1879—1881.
- Niekisch, O.—Die Tungusen. Eine ethnologische Monographie. S. Pt., 1879.
- Спенсеръ, Г. Развитие политическихъ учреждений. С.-П.Б. Изд. «Мысли», 1882.
- Felix, L.—Entwicklungsgeschichte des Eigenthums unter kulturgeschichtlichem u. wirtschaftlichem Gesichtspunkte. 4 B. Lpz. 1883, 86, 89, 96.
- Зиберъ, Н. И.—Очерки первобытной экономической культуры. М. Изд. Солдатенкова. 1883.
- Леонтовичъ, О. И.—Алаты Кавказскихъ горцевъ. 2 вып. Одесса. 1883.
- Ефименко, А. Я.—Исследования народной жизни. В. I. Обычное право. М., 1884.
- Radlow, W.—Aus Sibirien. Leipz., Weigel, 1884.
- Манъ, Г. С.—Древній законъ и обычай. Исследования по исторіи права. Пер. А. Аммоша и В. Дерюжинскаго подъ ред. М. Ковалевскаго. М. Изд. Юрид. Вѣстн., 1884. (Maine, Early Law a. Custom, 1883).
- Turner, G.—Samoa. A hundred years ago and long before. London, Macmillan, 1884.
- Майновъ, В. Н.—Очеркъ юридическаго быта Мордвы. З. И. Р. Г. О. Отд. Этн. Т. XIV, в. 1. С.-П.Б., 1885.
- Харузинъ, М. Н.—Свѣдѣнія о казацкихъ общинахъ на Дону. В. I. М. 1885.
- Гельвальдъ, Ф.—Естественная исторія племенъ и народовъ. 2 т. С.-П.Б. Изд. Суворина. 1885. (Hellwald, Naturgeschichte des Menschen. 1880—85).
- Краусъ, F.—Sitte u. Brauch der Südlawen. Wien, Hölder. 1885.
- Feschel, C.—Völkerkunde. 6 Auf. Leipz. Duncker u. Humblot. 1885 (русск. пер. подъ ред. Э. Ю. Петри. С.-П.Б., изд. Суворина, 1890).
- Krause, A.—Die Tlinkit-Indianer. Jena, Costenoble, 1885.
- Ratzel, Fr. Völkerkunde. В. I и II. Leipzig, 1885—86.
- Ковалевскій, М. М.—Современный обычай и древній законъ. 2 т. М. 1886.
- Steinen, K. von den.—Durch Central Brasilien, Leipzig, Brockhaus, 1886.
- Кулишеръ, М. И.—Очерки сравнительной этнографіи и культуры. С.-П.Б. 1887.
- Ellis, A. B.—The Tshi-speaking Peoples. London, Chapman, 1887.
- Мухинъ, В. Ф.—Обычный порядокъ наследованія у крестьянъ. С.-П.Б. 1888.
- Богаевскій, П. М.—Очеркъ быта Сарапульскихъ вотяковъ. Сб. мат. по Этн., изд. при Дашк. Этн. Музеѣ подъ ред. В. Ф. Миллеръ. В. III. М. 1888.
- Добротворскій, Н.—Юридическіе обычаи Владимирской губ. Юрид. Вѣстн. 1888, № 6 и 7.
- Харузинъ, Н. Н.—Замѣтки о юридическомъ бытѣ чеченцевъ и ингушей. Сб. мат. по этногр., изд. при Дашковск. Этн. Музеѣ. В. III. М., 1888.
- Voas, Fr.—The Central Eskimo. VI. An Report of the Bureau of Ethnology. 1884—85. Washington, 1888.
- Верещагинъ, Г.—Вотяки Сарапульскаго уѣзда Вятской губ. З. И. Р. Г. О. Отд. Этн. Т. XIV, в. 3. С.-П.Б., 1889.
- Смирновъ, И. Н.—Черемисы. Тр. Каз. Об. Арх. Ист. и Этн. Т. VII. Казань, 1889.
- Letourneau, Ch.—L'évolution de la propriété. Paris, Lecrosnier et Babé, 1889. (русск. пер.: Летуэрно, Эволюція собственности).
- Kropf.—Das Volk der Hosa-Kaffern. Berlin, 1889.
- Novelacque, A.—Les Nègres de l'Afrique sus-équatoriale. Paris, 1889.
- Ковалевскій М. М.—Законъ и обычай на Кавказѣ. 2 т. М. 1890.
- Петри, Э. Ю.—Антропология. С.-П.-Б. 1890.

- Смирновъ, И. Н.—Вотяки. Казань. 1890.
- Назаровъ, П.—Къ этнографіи башкиръ. Этн. Об. кн. IV. 1890, 1.
- Post, A.—Studien zur Entwicklungsgeschichte des Familienrechts. Oldenburg u Leipzig. 1890.
- Letourneau, Ch.—L'évolution politique dans les diverses races humaines. Paris, Lescrosnier et Babé, 1890.
- Ling Roth, H.—The Aborigines of Tasmania. London, Kegan-Paul, Trench, Trübner, 1890.
- Ellis, A.—The Ewe-Speaking Peoples of the Slave Coast of West Afrika. London, Chapman, 1890.
- Frazer, J. G.—The Golden Bough. 1 ed. London, Macmillan, 1890. (2 ed. L. 1901; ср. пер. Le gameau d'or, P. 1903).
- Naarhoff, B.—Die Bantustämme Süd-Afrikas. Leipzig, Fock, 1890.
- Dodge, B. J.—Our Wild Indians. Hartford, 1890.
- Якушкинъ, Е. И.—Замѣтка о вліяніи религіозныхъ вѣрованій и предрасудковъ на народные юридическіе обычаи и понятія. Э. О. кн. IX, 1891, 2.
- Смирновъ, И. Н.—Пермяки. Казань, 1891.
- Тихоновъ, В. П.—Матеріалы для изученія обычнаго права среди крестьянъ Саранульскаго у. Вятской г. Сб. свѣд. для изуч. быта крест. нас. Россіи подъ ред. Н. Харузина. В. III. Из. И. О. Л. В. А. и Этн. Т. LXIX, Тр. Э. О. Т. XI. Вып. II. М. 1891.
- Вруцевичъ, М. С.—Обитатели, культура и жизнь въ Якутской области. *З. И. Р. Г. О. Отд. Этн. Т. XVII. В. 2. С.-П.Б., 1891.
- Катановъ, Н. Ф.—Поѣздка къ карагасамъ въ 1890 г. З. И. Р. Г. О. Отд. Этн. Т. XVII. Вып. 2. С.-П.Б. 1891.
- Троновъ, В. Д.—Обычай и обычное право киргизъ. З. И. Р. Г. О. Отд. Этн. Т. XVII. В. 2. С.-П.Б., 1891.
- Малаякинъ, Г.—Станица Червленая Кизлярскаго отдѣла Терской области. Э. О. кн. VIII—X. 1891. 1—3.
- Хахановъ, А. О.—Месхи (этнографическій очеркъ). Э. О. кн. X. 1891. 3.
- Codrington, B. H.—The Melanesians. Oxford, Clarendon Press. 1891.
- В. В. (Ворожцовъ, В. П.).—Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи. Т. I. Крестьянская Община. М. 1892.
- Weichard, P.—Deutsch-Ostafrika. Leipzig, Spamer, 1892.
- Ивановскій, А. А.—Монголы-торгоуты. Из. И. О. Л. В. А. и Этн. Т. LXXI. Тр. Антр. Отд. Т. XIII. М., 1893.
- Труды 3-го Хабаровскаго Съѣзда. Хабаровка, 1893.
- Штернбергъ, Л. Я.—Сахалинскіе гилъки. Э. О. 1893, № 2, кн. XVII. ✓
- Finsch, O.—Ethnologische Erfahrungen u. Belegstücke aus der Südsee. Wien, Hölder, 1893.
- Крестьянское землепользованіе и хозяйство въ Тобольской и Томской губ. Изд. Деп. Общ. Дѣлъ Мин. Госуд. Имущ. С.-П.Б., 1894.
- Куликовскій, Г. И.—Олонецкія помочи. Олонецкій Сборникъ, в. III. Петрозаводскъ. Изд. Ол. Губ. Ст. Ком. 1894.
- Герасимовъ, М. К.—Нѣкоторые обычаи, обряды, примѣты и поговорки крестьянъ Череповецкаго у. Новгородской губ. Э. О. кн. XX. 1894, 1.
- Steinen, K. v. d.—Unter den Naturvölkern Zentral-Brasiliens. Berlin, 1894.
- Schmidt, E.—Reise nach Südindien. Leipzig, Engelmann, 1894.
- Fréville, A. de.—Les sociétés africaines, leur origine, leur évolution, leur avenir. Paris, Didot, 1894.
- Ellis, A.—The Joruba-Speaking Peoples of the Slave Coast of West Africa. London, Chapman, 1894.
- Letourneau Ch.—L'évolution littéraire dans les diverses races humaines. Paris, Bataille, 1894.

- Cunow, H.**—Die Verwandtschafts-organisation der Australneger. Stuttgart. Dietz, 1894.
- Харузинъ, Н. Н.**—Очеркъ исторіи развитія жилища у финновъ. М. 1895.
- Griffis, W.**—The Mikado's Empire. N.-York, 1895.
- Letourneau, Ch.**—La guerre dans les diverses races humaines. Paris, Bataille, 1895.
- Post, A. H.**—Grundriss der ethnologischen Jurisprudenz. 2 B. Oldenburg u. Leipzig, 1895.
- Westermarck, E.**—Origine du mariage dans l'espèce humaine, trad. par. H. de Varigny. Paris, Guillaumin, 1895. (Westermarck, E. History of human marriage).
- Якушкинъ, Е. И.**—Обычное право. В. 2. Ярославль, 1896.
- Сърошевскій, В. Л.**—Якуты. С.-П.Б., 1896.
- Колеръ.**—Право какъ элементъ культуры. Пер. А. Э. Вормса. М., 1896.
- Cunow, H.**—Die soziale Verfassung des Inkareichs. Stuttgart, 1896.
- Кауфманъ, А. А.**—Крестьянская община въ Сибири. По мѣстнымъ изслѣдованіямъ 1886—1892 гг. С.-П.Б., 1897.
- Куликовскій, Г. И.**—Изъ общинно-артельной жизни Олонецкаго края. Петрозаводскъ. 1897.
- Программа чтенія для самообразованія, изд. Отд. для содѣйствія самообразованію къ Ком. Педаг. музея военно-учебныхъ заведеній. С.-П.Б., 1897.**
- Me yer, El. H.**—Deutsche Volkskunde. Strassburg, Trübner, 1898.
- Seidel, H.**—Die Baronga an der Delagoabai. Globus. LXXII. № 12. 1898.
- Якушкинъ, Е. И.**—Обычное право русскихъ инородцевъ. М. 1899.
- Потанинъ, Г. Н.**—Этнографическія замѣтки по пути отъ г. Никольска до г. Тотмы. Живая Старина. 1899, II.
- Васильевъ, А. Т.**—Казикумукцы. Э. О. кн. XLII, 1889, 3.
- Batzel, Fr.**—Anthropogeographie. 2 Aufl. Stuttg, Engelhorn, 1899.
- Морганъ, Л.**—Первобытное общество. Пер. Румянцова, подъ ред. Худрявскаго, съ пред. М. Ковалевскаго. С.-П.Б., Изд. Пантелѣева. 1900. (Morgan L., Ancient Society, N.- York. London. 1877.
- Weise, D.**—Die deutschen Volksstämme u. Landschaften. Leipzig. Teubner, 1900.
- Щербина, Ф.**—Земельная Община Кубавскихъ казаковъ. Кубанскій Сборникъ, II.
- François, H. S.**—Nama u. Damara. Deutsch Süd-West-Afrika. Magdeburg.

П.

Алфавитный указатель именъ и предметовъ.

Абиссинія: суевѣрное почитаніе правителя—258; объемъ его власти — 258—259; 282; феодальный строй—266—267; 268; 283 (см. также: *Гондара*).

австралійцы: дареніе—10; 11; мѣна—10; наследованіе—10; 18; 17; 82—83; значеніе обычнаго права а. для обрисовки первобытнаго правовоззрѣнія—11; индивидуальное право собственности у а.—11; сходство даренія съ мѣной—11—12; мѣновая торговля—13; обычай положенія съ покойникомъ различныхъ предметовъ—15; находка—20; столкновенія на охотничьей территоріи—25; каннибализмъ—26; отрицаніе права собственности у а. (Фелникъ)—30; право пользованія участкомъ групповой территоріи—33; наследственное право пользованія охотничьимъ участкомъ—34; коллективная и индивидуальная собственность—38; 39; признаніе трудового начала—39; нормы охотничьяго права—39; взглядъ на владѣніе и пользованіе территоріей—68; коллективная собственность на продукты охоты—69; населеніе, какъ признакъ государства—198; свидѣтельство объ отсутствіи власти у а.—209; 213; власть совѣта стариковъ—209; 210; 241; временные вожди—212—213; уваженіе къ старикамъ—213; ограниченіе групповой власти вождя—219; вожди-заклинатели—241.

Австрія: источники собственности: дареніе, мѣна, находка, захватъ, трудъ, наследованье—10; наследованіе—16—17; находка—20; ничтожное количество жертвъ въ войнахъ—29; отдѣленіе отъ группы—33; физическая сила, какъ условіе вліянія на окружающихъ—124; авторитетъ стариковъ—219 (см. также: *австралійцы, камиларои, Кенселенгов, нарриньери, татіара, уаллару*).

адаты: отношеніе а. къ коллективной и индивидуальной собственности—51.

Азія: общія жилища—84; общіе амбары—94; изученіе этнографіей основъ историческихъ государствъ А.—194; характеръ власти правителей—250 (см. также: *Амурская обл., арктическія народности, Ассамъ, Бантамъ, бедуины, Бирманъ, Борнео, буряты, ведды, Вертоянскій окр., чиляки, даяки, Енисейская губ., Жиланскій улусъ, Индія, Индонезія, Иркутская губ., Ишимскій окр., жалмыки, камчадалы, киргизы, Китай, коты, Краванъ, кубу, Малабарскій бер., Малайскій арх., малайцы, Менанкабау, Месопотамія, монголы, наиры, Пенджабъ, Приморская обл., самоеды, Семипалатинская обл., Сибирь, Суматра, симфосы, Талашъ, тамуль, татары, Тибетъ, тунгусы, Филиппинскіе о-ва, Херибонъ, Цейлонъ, Целебесъ, юкамыры, Ява, яванцы, Якутская обл., якуты, Японія*).

алеуты: общія жилища—86; власть временнаго предводителя—203.

амаксосы: собственность женщин—44; коллективное право собственности и индивидуальное право владения на землю—117; власть вождя—228; периодическое пребывание при дворе вождя—230.

амбары см. общие амбары.

Америка: входъ въ чужую территорию у патагонцев—26; количественное отношение мужчинъ и женщинъ—29; гордость краснокожихъ троеями—35; общность на продукты питания у нихъ же—69—70; отсутствие воровства—76; слѣды имущественнаго коммунизма въ погребальныхъ обрядахъ—83; общія жилища—84; 86; общие амбары—94; переходная стадія отъ охотничьяго къ земледѣльческому быту—99; 100; коллективное землевладение—100; Flurzwang—106; переходъ родовой общины въ сельскую—108; обязательныя коллективныя охоты—109; индивидуальное владение обработаннымъ участкомъ—118; неприложимость термина «государство» къ краснокожимъ—196; власть совета и вождя—219—220; родовыя государства—223; 227; родовыя общины—223; постоянный советъ—224; народоправство на родовой основѣ—225; измѣненіе строя у нѣкоторыхъ племенъ—225; однородность развитія родовыхъ государствъ во всѣхъ частяхъ свѣта—231; влияние знахарей—241; 253; вожди - шаманы—241 (см. также: *алеуты, арктическія нар., Аризона, атапаски, бакаиры, Боливія, бороро, Бразилія, Ванкуверовы о-ва, Венесуэла, Гренландія, гуараны, Гудзоновъ зал., Гуйяна, гуроны, дакоты, делавары, индѣйцы, инки, ирокезы, кайюи, калифорнійскія племена, Калифорнія, Канада, карибы, Казамарка, команчи, конки, крики, Куско, майя, Мексика, минетарки, миранки, могоуки, натчезы, Н. Мексика, нутка, Огненная Земля, омачасы, онанды, онондати, Ориноко, Панамскій пер., патагонцы, Перу, якуи, публо, сенеки, сиу, суйя, тагулли, тлинкиты, тускароры, чибчи, чинукки, Эваторь, эскимосы).*

Амурская область: общинное и заночное землевладение—125.

анархія: отсутствие а. въ первобытныхъ группахъ—201; 209—210; устранение а. тамъ же—202; мнѣніе о существованіи а. у нѣкоторыхъ племенъ, у туземцевъ Огненной Земли, Калифорніи—209; у австралийцевъ, эскимосовъ—209; 213; мнѣніе Летурно объ а. на низшихъ ступеняхъ—209.

Англія: упадокъ общины—134.

арабы: смѣшеніе съ туземцами въ Суданѣ и по Нигеру—247.

Аренсъ: оценка Ковалевскимъ его теорія о происхожденіи государства—196.

Аризона: общія жилища—85.

аристократическій строй: при возвышеніи привилегированнаго класса—263; у туареговъ—265—266.

аристократія: свидѣтельство объ отсутствіи а. у огнеземельцевъ—209; а. въ др. Перу—263; у туареговъ—264; 265; 266; возникновение военной а.—266; а. въ Японіи—268; на Маркизскихъ о-вахъ—270; на Н. Зеландіи—271; ограниченіе а-ей власти короля въ Полинезійи и Микронезіи—274—275; 275—276; 276; на о. Понапе—274; элементы а. въ Поли-и Микронезіи—275; власть а. на Н. Зеландіи—276; на Тихоокеанскихъ арх.—276; возникновение а. и элементы ея—282—283.

арктическія народности: объекты наследованія—18.

армяне: имущественный коммунизмъ на движимую собственность—75.

артели: для обработки земли у якутовъ—48; а.—общины для рыбной ловли въ Сибиріи—60; а. въ цѣляхъ воровства у туземцевъ Сахары—80; для запашки у чеченцевъ—111; сходство супраги съ а.—113; а. для веденія охоты, войны—203.

Ару, о.: запрещеніе отчуждать землю—119.

Архангельская губ.: коллективная и индивидуальная собственность—53; собственность женщинъ—54; община—137; приданое, какъ объектъ наследованья—193.

Ассамъ: общія жилища у сингосовъ—87;

атапаски: богатство, какъ средство достиженія власти—214 (см. также *тагулли*).

Африка: мѣновая торговля—13; нормы, регулируюшія междуплеменные отношенія—27; количественное отношеніе мужчинъ и женщинъ—29; коллективная и индивидуальная собственность—43—44; отношеніе къ воровству—80; общіе амбары—94; помочи у баронговъ—96; коллективная обработка земли—101; переживанія ея—102; Flugzwang—106; переходъ родовой общины въ сельскую—108; индивидуальное право владѣнія обработаннымъ участкомъ—117; дородность, какъ средство для достиженія власти—215; дружина—216; родовыя государства—227; однородность развитія родовыхъ государствъ во всѣхъ частяхъ свѣта—231; вожди-заклинатели—241; умерщвленіе неискусныхъ вождей - заклинателей—242; деспотизмъ влaстителей—243; власть вождя въ тропической А.—244; деспотія—247; 274; льстивые титулы вождей—249; вѣра въ сверхестественное могущество кузнецовъ—254; власть вождя у торговъ—258; многочисленность метисовъ въ средней А.—265; классъ кузнецовъ и купцовъ—283—284 (см. также: *амассосы, арабы, африканскія народности, ашантїи, баланты, бамангваты, банту, баронги, басугосы, бечуаны, Борну, бушмены, вамадшамы, ваньямузы, Габонъ, Гондаръ, хотентоты, тробосы, даюмейцы, Даюмея, дамара, евелле, Екваторъ, сичтале, Замбези, зулусы, юрубане, кабилы, кафры, Конго, кру, кури, Лавосъ, Леанго, Лунда, монбутту, муссоронги, Нигерь, Ниль, ньям-нья, овалереросы, Сахара, Сьерра Леоне, Суданъ, тонки, туарегн, турки, Уганда, Уніоро, оз. Чадъ, шилуки.*

африканскія народности: сравнительно высокой культурный уровень а. н.—29; общія помѣщенія для собраній—90; повинность по обработкѣ полей вождя—106; патриархальный характеръ государства у южно-а. н.—229; право перехода отъ одного вождя къ другому у нихъ же—230; деспотизмъ вождей и правителей—231; 246; 250; 260; вожди-заклинатели—241; приниженное и суевѣрное уваженіе передъ вождями—243; 244—245; стремленіе вождей къ обогащенію—248; дифференціація власти вождя—251—252; стремленіе вождей быть чародѣями—252—253; шаманы и жрецы при дворѣ правителей—253—254 (см. также: *Африка*).

Ахалцихскій у.: супряги—110—111.

Ачинскій округъ: вольное пользованіе покосами—171.

ашантїи: суевѣрное и приниженное почитаніе короля—245.

авиняне: нормы наследственнаго права—181—182.

бакаври: мѣновая торговля—13; перенесеніе земледѣлія женщинами б. къ суйя—28.

баланты: воровство—80.

Балканскій пол.: коллективная обработка земли—102 (см. также: *авиняне, болгары, Герцеговина, греки, Греція, славяне, спартанцы, турки, Черногорія, южные славяне*).

бамангваты: деспотизмъ вождя—230.

Бантамъ: индивидуальное право владѣнія землей—117.

банту: индивидуальное право владѣнія обработаннымъ участкомъ—117; власть вождя—228—229; усиленіе власти вождя—229—231.

баронги: помочи при постройкѣ жилища—96.

басугосы: общія охоты—43—44; собранія для обсужденія дѣлъ—229.

Бахофенъ: значеніе трудовъ Б. для этнографіи—4.

башкиры: отсутствіе воровства—77.

бедуны: качества, способствующія достиженію власти—215.

Бенкрофтъ: свидѣтельство о сосѣдскомъ правѣ на пользованіе продуктами питанія у нутка—74.

берберы: смѣшеніе съ туземцами въ Суданѣ и по теченію Нигера—247; государственный строй туареговъ—264—265; метисы-полуберберы—265. (см. также: *кабилы, туарегн*).

*

- бечуаны:** собранія для обсуждения дѣлъ—229; деспотизмъ вождя—230; пристрастіе вождей къ лесті—243; придворные поэты-льстецы—243.
- Барманъ:** право первой покупки—119.
- Блунчди:** оцѣнка Ковалевскимъ его теоріи о происхожденіи государства—196.
- Боастъ:** о вліяніи старшаго въ эскимосскомъ обществѣ жилищъ—86.
- болгары:** накапливанье дѣвничьяго имущества—185.
- Болгарія:** родовыя государства—237.
- большакъ:** власть б. у пермяковъ—49; у вотяковъ—50; б., какъ распорядитель семейнаго имущества у русскихъ крестьянъ—52; обязанность б. выдавать приданое—188, управление б.—мъ задруги у южныхъ славянъ—232.
- большая семья:** кровное начало въ б. с. русскихъ крестьянъ—52; отношеніе б. с. къ труду, какъ источнику собственности—57; къ индивидуальной собственности—58; причины жизненности б. с.—58; право собственности на жилище въ б. с. калмыковъ—90; общая кухня при раздѣльности жилищъ помѣщеній въ русской б. с.—90—91; б. с. у кабыловъ—134—135; возникновеніе общины изъ разложенія б. с. на сѣверѣ Россіи—146.
- Борнео:** гордость даяковъ трофеями—35.
- Борну:** приниженное положеніе совѣта—247—248.
- бороро:** вознагражденіе охотника за убійство ягуара—43.
- Бразилія:** столкновенія на охотничьей территоріи—25; участь женщинъ при набѣгахъ—28; результаты набѣговъ—29; трудовое начало—41—43; право собственности на землю и право пользованія ею—41—42; отношеніе къ трофеямъ—42—43; пользование продуктами общаго охоты и рыбной ловли—69; общія жилища—87; общее помѣщеніе для собравій—90; коллективная заготовка припасовъ—100—101; 106; индивидуальное владѣніе обработаннымъ участкомъ—118; 120; точное разграниченіе племенной территоріи—200 (см. также: *бакаври, бороро, туарамы, миранжа, пуні, суйя*).
- буряты:** отношеніе къ находкѣ—18; общій столъ—71; право сосѣдей на продукты пѣтанія—72; помочи—111; регулированье индивидуальнаго права владѣнія землей—121.
- бушмены:** коллективная собственность на продукты охоты—70; физическая сила, какъ условіе вліянія на окружающихъ—214.
- В. В.:** взглядъ на индивидуалистическія стремленія въ современной русской общинѣ—174—176.
- Вайцы:** о землевладѣніи у индѣйцевъ С. Америки—100.
- вамадшамы:** нейтральные участки—27.
- Ванкуверовы о-ва:** общія жилища у чинукровъ—86.
- ваньянгузы:** Flurzwang—102.
- Васильевъ:** о празднествѣ общественной запашки у казакумукцевъ—107.
- вассальныя государства:** у туареговъ—265.
- вассалы:** въ Японіи—267—268; ограниченіе в-ми власти вождя—283.
- Васюганская тундра:** общій котель у остяковъ—70.
- Воды:** наименованіе воинствъ и сраженія—30; ошибка Феликса въ пользованіи В., какъ источникомъ—31.
- водды:** уваженіе къ старикамъ—213; вожди-старики—213.
- Великорусія:** взглядъ на принадлежность бортянаго дерева и лѣса—129 (см. также: *Архангельская т., великоруссы, Владимірская т., Вологодская т., Витская т., Горбатовскій у., Двинскій край, Нижегородская т., Новгородская т., Олонецкая т., Пошехонскій у., русскіе, Самарская т., Сараньскій у., Сибирь, Тотемскій у., Череповецкій у., Ярославская т.*).

Великорусы: общий столъ при раздѣльности хозяйства—73; обычай продавать уловъ преимущественно однообщественникамъ—73; помочи—111; коммунистическіе взгляды на землю, дѣсь, рыбныя мѣста—129; составленіе «коробья»—185; отсутствіе мѣстами института приданаго—187; составленіе приданаго изъ средствъ матери—188; составъ приданаго—191 (см. также: *Великороссія*).

Венесуэла: трудовое начало—42.

Верещагинъ: о помочахъ у вотяковъ при постройкѣ избы—96.

Верхне-Куршюрская станція: уравненіе землевладѣнія посредствомъ раздѣла—150.

Верхоянскій округъ: коллективная собственность на продукты охоты—71.

Владимірская губ.: накапливанье дѣвичьяго имущества—185; наследованье мужемъ пустой коробья—186; право дѣвушки завѣщать коробью—187; составленіе приданаго—188.

Владимірская станція: борьба противъ хуторовъ—156.

власть: какъ признакъ государства—196; 201; состояніе в. въ первобытныхъ группахъ—201—202; 203; 278; отсутствіе въ нихъ признаковъ государственной в.—202; отсутствіе постоянства в.—202—203; непостоянная в. предводителя на охотахъ, войнахъ, набѣгахъ—203; 278; у алеутовъ—203; развитіе в. въ родовыхъ хозяйственныхъ общинахъ—203; признакъ в. въ родовыхъ общинахъ—204—205; необходимость изученія примитивныхъ государственныхъ организмовъ для пониманія процесса появленія и развитія в.—208—209; мнѣніе о существованіи племени, не знающихъ в. — 209; мнѣніе Летурно — 209; свидѣтельства объ отсутствіи в. у огнеземельцевъ, калифорнійцевъ, австралийцевъ, эскимосовъ—209; власть въ хозяйственной группѣ—210—211; 211; двойственность в. во внѣгосударственныхъ организахъ—211; борьба первобытной группы противъ установленія единоличной в.—213; качества, способствующія достиженію в.—213—215; у ведовъ—213; у бушменовъ, тасманійцевъ, въ Австраліи, у овагереросовъ, у тлинкитовъ, такуліевъ, тунгусовъ—214; у краснокожихъ—215; 225; въ Полинезій, у племенъ по р. Конго—215; у бедуиновъ, на Суматрѣ—215, неустойчивость в. въ первобытныхъ группахъ—215; переходъ в. въ родовыхъ группахъ—217; объемъ в. родопрavitеля—218; свѣтская и духовная в. его—218; ограниченіе в. родопрavitеля группой—219—220; сосуществованіе въ первобытныхъ обществахъ разныхъ представителей в.—220—221; органы в. у нѣкоторыхъ краснокожихъ—224; в. родовыхъ старѣйшинъ у нихъ же—225; в. племенныхъ старѣйшинъ у нихъ же—225; упадокъ в. народнаго собранія у нихъ же—226; усиленіе в. при наследованіи ея—237; в. жреца въ др. Перу—238; суевѣріе, какъ факторъ усиленія единоличной в.—240; искусство колдовства, какъ факторъ усиленія в.—242; вѣра въ божественность, правителя, жреческія функція его, какъ факторъ усиленія в.—243; 250—251; ограниченіе в. короля амаитіевъ совѣтомъ вождей—245; в. властителя Уганды—247; деспотическая в. въ Суданѣ и по теченію Нигера—247; въ африканскихъ государствахъ—248; 260; характеръ в. въ Полинезій—249—250; въ Азій—250; въ др. Египтѣ и Месопотаміи—250—251; война, какъ факторъ усиленія в.—251; дифференціація в. при разростваніи государства—251; упроченность в., какъ факторъ дифференціація ея—252; стремленіе къ упроченію наследованія в.—252; 254; 266; 280; 283; дифференціація духовной и свѣтской власти—252—254; 255—256; 256—257; 258; 258—259; в. короля Дагомен—258; в. правителя въ Абиссиніи—258—259; верховная в. у хаваръ, въ Тибетѣ—259; въ дореформенной Японіи—259—260; 267—268; борьба между единоличной в. и элементомъ народопрavitства—261—262; 266; въ др. Греціи, Римѣ, средневѣковой Италіи—261; въ Сванетіи—261—262; в. у туареговъ—264—266; ограниченіе в. правителя въ дореформенной Японіи—267—268; элементы в. въ государствахъ Полинезій, Микронезіи—269; в. на Маркизскихъ о-вахъ—270; дифференціація в. въ Полинезій, Н. Зеландіи, Самоа, Таити—270; вліяніе условій возникновенія государства

и дифференциацию общества на форму верховной в.—278; ограничение в. главы государства—283 (см. также: *вождь*).

вовода: власть в. у южных славян—232—233.

вождь: влияние войны на развитие власти в. (Феликс)—30; власть в. в первобытных группах—31, 271, 278; свидетельства об отсутствии в. у огневладельцев—209; отсутствие в. у многих джарей—209; слабая власть в. у овагереросов—212; временное объединение под властью в. у них же—212; временные в. на время охоты и войны—212—213; качества, способствующие достижению власти в.—213—214; 279; у эскимосов, веддов—213; у карбов—213; 214; австралийцев—213; 214; тасманийцев, овагереросов, тлинкитов, такуллев, тунгусов—214; краснокожих—215; 226; в Полинезии—215; 274; племя по р. Конго, бедунов, на Суматре—215; у готтентотов—227; в Микронезии—274; возникновение рядов с существующим в. другого в.—215; отношение временного в. к родовому старейшину—213; 216; 216—217; развитие единоличной власти в.—218—219; 279—281; отношение группы к власти в.—219; временный в. у нарриверы на случай войны—219; ограничение власти временного в. собранием родоуправителей—219—220; власть в. у сиу, такуллев—220; сосуществование в первобытных обществах власти в. с другими представителями власти—220—221; 278; подчинение в. совету у краснокожих—224; передача в-м требованной женщины на совет у них же—225; родовые и племенные в. у них же—225; ограничение второстепенными в-ми власти племенного старейшины у них же—225; развитие власти в. у них же—226—227; установление наследственной власти в. у них же—226—227; наследование власти в. в Н. Мексике—226; у гурунов, в Калифорнии—227; власть в. у готтентотов—227—228; в Габоне—228; у амакросов—228—229; зависимое положение в. у бечуан, басутов, кафров—229; патриархальный характер в. у южноафриканских народов—229—230; временное пребывание при дворе в. у амакросов—230; заботы в. о членах совета у них же—230; право переходить от одного в. к другому у южноафриканских народов—230; деспотическая проявление власти в-ми банту—230—231; жестокость зулусов в. Тшакки—230; Моссекеатси—230—231; в-ей бечуанов, бамангватов—230; в., ограниченные советом и собранием у монголов—232; выборный в. у южных славян—232; усиление власти в. в родовых государствах—233; власть в. при насильственной политической интеграции—233; инки, как родовые в.—235, 237; 263; в-и в др. Перу—236; 238; суевѣрие, как фактор усиления власти в.—240; вѣра в сверхестественное могущество в.—240; соединение в. с одним лиц функций в. и шамана—241, 242, 252; 279; в. заклинатели у австралийцев, дакотов, мексиканцев, чибчи—241; у африканских народов, зулусов—241; умерщвление неискующих в.—заклинателей в Африке—242; вѣра в божественное происхождение, как фактор усиления власти в.—243; 250—251; 279; 281; вѣра в божественное происхождение в. в Полинезии—243; 276; на Тихоокеанских арх., Фиджи, Тонга—243; суевѣрное и приниженное почитание в. в Африке—243—244; у кафров—243; 243—244; у бечуан—243; в Судане—244; в тропической Африке, Лоанго, Лунда—244; у ашантиев—245; ограничение советом в-ей власти короля у ашантиев—245; обязанности военного в. у короля Дагомен—246; деспотизм в. у ням-ням—246; суевѣрное почитание в. у монбутту—246; деспотизм в. в Судане и по течению Нигера—247; фиктивное избрание в. там же—247; стремление африканских в. к обогащению—248; доходы африканских в-ей—248; обоготворение в.-колдуна—248—249; характер власти в. в Поли-и Меланезии—249; власть в. на Фиджи—249; льстивые титулы в. в Африке, Поли-и Меланезии—249; доходы в. в Меланезии—249; суевѣрное и приниженное почитание в. в Полинезии—249—250; на Таити—249—250; Тонга—250; вѣра в божественность

- в. на Н. Зеландіи—249; въ Дагомеѣ—258; у тонговъ—258; власть в. въ государствѣ, основанномъ на покореніи—251; 281; дифференціація власти в. при разро-
станіи государства—251—252; соединеніе въ вождѣ духовной и свѣтской власти—
252; 255; 256; дифференціація ихъ—252; 255—256; 256; 258; 281; утрата в-мъ ду-
ховной власти при выборномъ началѣ—256; при родовомъ строе—256—257; при
покореніи—257—258; утрата в. свѣтской власти—258—260; 281—282; власть в.
у тонговъ—258; военныхъ в-ей въ дореформенной Японіи—260; дифференціація
духовныхъ и свѣтскихъ функцій в., какъ факторъ политической дифференціаціи—
260; борьба между в. и элементами народоправства—261—262; 266; 278—279;
280; въ др. Греціи, Римѣ, въ средневѣковой Италиі—261; въ Сванетіи—261—262;
старѣйшина—в. въ Сванетіи—262; ограниченіе в-я привилегированнымъ клас-
сомъ—263; 282—283; в. у туареговъ—264; 266; власть в. въ государствахъ Поли-
и Микронезіи—269; 271; 274; на Маркизскихъ о-вахъ—270; в-и, какъ классъ на-
селенія въ Полинезиі—270; на о. Тонга—270; на Н. Зеландіи—271; суевѣрное и
приближенное почитаніе в. въ Микронезіи—271—272; утрата в-мъ свѣтской
власти въ Поли-и Микронезіи—273; 282; дифференціація власти в. и жреца
тамъ же—273; 273—274; на о. Япъ—273; арики и в-и на Н. Зеландіи—273—274;
в-и, какъ классъ населенія на о. Понапе—274; избраніе в. на Н. Зеландіи—
276; ограниченіе в-ми власти короля на о-хъ Мореплавателей—276; на Тихоокеан-
скихъ арх.—276; борьба в. съ дифференцирующимися элементами населенія—
282—283; ограниченіе власти в. совѣтомъ—283; вассалами—283.
- война:** какъ источникъ собственности—25—32; в. въ первобытныхъ обществахъ (Гоббсъ,
Тейлору, Макъ Ленагъ)—25; поводы къ в. у дикарей—25—26; стремленіе ограни-
чить бѣдствія в.—26—28; в. и численность населенія—28—29; в., какъ факторъ
возникновенія власти и идеи собственности (Феликсъ)—30—31; власть времен-
наго предводителя на в.—203; 216; частыя в-ы между первобытными хозяйствен-
ными группами и государствами—210; война, какъ факторъ сложенія госуда-
рства—212; 223; взглядъ Спенсера—212; частыя в-ы у кареновъ—212; избраніе
вождя на время в.—212—213; 278; у калифорнійцевъ—212; у австралийцевъ—
212—213; у краснокожихъ—225; в., какъ факторъ усиленія власти вождя у красно-
кожихъ—226; международныя в. въ др. Перу—236; частыя в-ы дагомейцевъ—246;
власть вождя объявлять произвольно в. въ Меланезіи—249; в., какъ факторъ уси-
ленія власти вождя—251; 260; 261; 281; усиленія элементовъ народоправства—
261; развитія классовъ населенія—261; 263; международныя в-ы въ Сванетіи—262;
значеніе в. для развитія власти инки—263; участіе въ в. правшаго и зависимаго
классовъ у туареговъ—264; обязанности вассаловъ дореформенной Японіи во время
в.—268; узденей у кабардинцевъ—269; роль в-ы въ возникновеніи власти вождя
въ Поли-и Микронезіи—274.
- Вологодская губ.:** составленіе приданаго дѣвшкой—55; заработокъ малолѣтнихъ—55;
слѣды Flugzwang-a—107 (см. также: *Тотемскій у.*).
- волостная община:** ограниченіе в. о-ой правъ общинниковъ въ Сибири—59—60; формы
пользованія лѣсомъ въ Туринскомъ округѣ—63; в. о., какъ собственница земли въ
Сибири—162; в. о. въ др. Перу—236.
- вольное пользование:** кедровниками въ Томской и Тобольской губ.—61; лѣсомъ тамъ же—
62; 64; землей у донскихъ казаковъ—147—148; ограниченіе в. п. въ Казан-
ской ст.—149; в. п. землей у черноморскихъ казаковъ—152; 157—158; ограниченіе
в. п. тамъ же—155; 158—159; в. п. (съ захватнымъ владѣніемъ), какъ источ-
никъ подворнаго и общиннаго владѣнія землей—163; переходъ отъ в. п. угодами
къ уравнительному въ Сибири—169—170; в. п. покосами тамъ же—170—171;
ограниченіе в. п. покосами тамъ же—171—172.
- воровство:** отношеніе къ в. въ Пошехонск. у.—74; отсутствіе в. у низшихъ расъ—75;
75—76; у русскихъ инородцевъ—76—77; причины отсутствія в. у некультур-
ныхъ народностей—77—78; в. у тасманійцевъ, на Маркизскихъ о-вахъ, у эскимо-

- совь—78—79; отношение къ в. среди своихъ и чужихъ у некультурныхъ народностей—79—80; въ Аеригъ, у балантовъ, шиллуговъ, туземцевъ Сахары—80; у самодьдовъ, ловарей—80; у киргизовъ, на Кавказѣ, у ингушей—81.
- вотьяки:** собственность женщинъ—50; приготовление двуженой приданого—50—51; общее помѣщеніе при раздѣльности жилья—91; 92—93; семейное и родовое святилища—92—93; перенесеніе очага—93; помочи—96; 111.
- Врудавичъ:** объ индивидуальной и коллективной собственности на землю у якутовъ—48; описаніе охоты юкагировъ на оленей—70; о помочахъ у якутовъ—111.
- выборное начало:** ограниченіе в. н-мъ индивидуалистическыхъ стремленій въ Запо-рожьѣ—153; замѣна в. н-мъ права старѣйшества въ родовыхъ общинахъ—203; 217; у малайцевъ—217; у краснокожихъ—225; в. н. при назначеніи старѣйшины въ др. Перу—237.
- выгоны:** см. пастбища.
- вынорочное имущество:** наследованіе в. н. родомъ, у кавказскихъ народностей, киргизовъ, якутовъ—83; у краснокожихъ, делаваровъ, ирокезовъ—83—84; право общины распоряжаться в. пашнями въ Сибири—167; передѣлъ в. пашень тамъ же—168.
- Вятская губ.:** коллективная работа по удобренію полей—111; составленіе приданого изъ средствъ матери—188 (см. также: *Сарапульскій у.*).
- Габонъ:** собственность женщинъ—43; власть вождя, совѣта стариковъ, народного собранія—228.
- Гаваи:** аристократическій характеръ празднествъ при обновленіи королевскаго дома—271; суевѣрное и приниженное почитаніе короля—271; обязанности верховнаго жреца—272 (см. также: *Сандвичевы о-ва*).
- Гакстаузенъ-фонъ:** о супругахъ и коллективной собственности на недвижимость въ Грузин—110.
- Гапото:** изученіе нмъ быта кабилловъ—134.
- Гарсиласо де ла Вега:** какъ источникъ знакомства съ др. перуанскимъ строемъ—233—234; 235.
- Гаутама (сводъ):** отношеніе къ раздѣламъ—92.
- Гельвальдъ:** гипотеза о вѣрованіи дикаря въ таинственную связь его съ его оружіемъ—15.
- Герасимовъ:** о регулированіи сбора ягодъ въ Новгородской г.—38;
- Германія:** упадокъ общины въ средневѣковой Г.—134; захватъ новыхъ земель—138; формы землевладѣнія въ общинѣ средневѣковой Г.—141; сходство землевладѣнія въ Г., Малороссіи, Сибири—163 (см. также: *германцы, нѣмцы, саксонцы*).
- германцы:** коллективная обработка земли—102; 103—104; Flurzwang по праву др. г.—106; захватъ новыхъ земель—137—138; слѣды примитивныхъ основъ государственной жизни—194—195; неприложимость термина «государство» къ союзамъ др. г.—195; сходство первобытныхъ государственныхъ организацій съ таковыми же у др. г.—284.
- Герцоговина:** вхожденіе чуждыхъ элементовъ въ родовую общину—108; право первой покупки—119; власть воеводы—232—233.
- гидьяки:** положеніе приѣмнаго зятя и неотдѣленныхъ сыновей—47; отношеніе къ труду—47—48.
- Гоббсъ:** взглядъ на первобытное состояніе человѣчества—25; 197; оцѣнка Ковалевскимъ его теоріи о происхожденіи государства—196.
- Голландія:** Flurzwang—107.
- Гондаръ:** государственный строй—258—259.
- Горбатовскій у.:** отношеніе къ имуществу жены—55;
- государство:** границы этнографическаго изученія г.—194—195; важность этнографическаго изученія г.—194—195; различіе этнографическаго изученія г. отъ истори-

ческого и юридического—195; неустойчивость термина «государство»—195—196; признаки г.—196; вопрос о происхождении и признаках г.—196; взгляд Ковалевского на значение этнографического изучения г.—196; взгляд Летурно, Поста и Спенсера—197; подчинение индивида интересам общины в г.—197—198; население, как признак г.—197—198; территория, как признак г.—198—201; власть, как признак г.—201—205; признаки власти в г.—202; первобытная группа, как эмбрион г.—203; 206; определение г.—206; разнообразие типов первобытных г.—207; 284; влияние внешних и внутренних условий на характер г.—207; 278; трудность изучения развития г. на низших ступенях—207—208; границы предстоящего исследования о г.—209; отличие от г. хозяйственных групп—210; частые войны в первобытных г.—210; война, как фактор сложения г.—212; временные вожди, как эмбрион развития организованной власти в г.—216;—зависимость типа г. от способа его возникновения—221; 278; политическая интеграция, как начало г.—222; 277; вѣра в сверхъестественную силу вождя, старѣйшины во всех типах г.—240; власть вождя в г. тропической Африки—244; военная организация г., как фактор усиления власти дагомейского короля—246; управление г. Уганда—247; деспотическая г-а по течению Нигера и в Суданѣ—247; отсутствие различия между доходами вождя и г. в Африкѣ—248; г., основанное на покорении, как почва развития неограниченной власти—251; 281; борьба между единоличной властью и элементами народовластия в г-х др. Греции—261; вѣра в божественное происхождение вождей в классических г.—261; г. туарегов—264—265; возникновение военной аристократии в г.—266; элементы власти в г. Поли-и Микронезии—269; важность изучения этих г.—269—270; разнообразие типов г. там же—269; 276; 282; сложный тип г. в Полинезии—270; строй г-а на Маркизских о-вах—270; власть вождя в г. Поли-и Микронезии—271; дифференциация власти вождя и жреца там же—273—274; олигархическая республика в одном из г. Палаузских о-вов—275.

государства родовые: см. родовые государства.

готтентоты: право владения земельным участком—34; коллективная собственность на продукты охоты—70; соседское право на пользование продуктами питания—74; власть вождя и совета старѣйшин—227—228; 228.

гребасы: покупка жен на средства семьи—44.

греки: обычай власть с покойником различные предметы—14; постановление Солона о приданом—190; приложимость термина «государство» к республикам др. г.—195; борьба в них власти вождя с элементами народовластия—261 (см. также: Греция).

Гренландия: отсутствие воровства у эскимосов—76; община жилища—86.

Греция: слѣды примитивных основ государственной жизни—194—195; борьба между вождем и элементами народовластия—282 (см. также: афиняне, греки, спартапцы).

грузины: подчинение ими Сванетии—261—262 (см. также: Грузия).

Грузия: супруга—110—111; 112; наместники Сванетии, родом из Г.—261—262; феодальный строй—269 (см. также: Агалцихск. у., грузины).

гуараны: община жилища—87.

Гудзоновъ заливъ: охотничье право у эскимосов—40.

• **Гуяна:** коллективное землевладение—101.

Гундуровская станица: регулирование землепользования—149.

гуроны: совет воинов и стариков—224; наследование власти вождя—227.

Дагестанъ: феодальный строй—269.

дагомейцы: деспотизмъ королей—245; 246.

Дагомея: суеверное и приниженное почитание короля—245; 246; свѣтская и религіозная власть его—246; 258; военная организація, какъ факторъ усиленія его власти—246; военные походы—246; 248.

дакоты: вожди-шаманы—241. (см. также *омаасы, сіу*).

дамара: право владѣнія земельнымъ участкомъ—34.

Дарвинъ: свидѣтельство объ отсутствіи власти у огнеземельцевъ—209.

дареніе: въ Австраліи—10; д., какъ источникъ собственности—10—11; 18; у австралийцевъ—11—12; сходство д. съ мѣной—12.

даяки: гордость трофеями—35; общія жилища—87.

Двинскій край: акты Д. к., какъ источникъ для выводовъ объ общинѣ на сѣверѣ Россіи—136.

делавапы: наследованье—83—84.

дерево: право собственности на д. у австралийцевъ и кубу—20; право собственности на бортяное д. у русскихъ—20; 129; у инородцевъ—20; отношеніе къ рубкѣ бортяного д. у русскихъ крестьянъ—22; право собственности на куски д. у эскимосовъ—40; собственность на пальмовыя д. въ центр. Африкѣ у муссоронговъ—43; право собственности на д. въ Меланезіи, на Фиджи—115; богатство д.—ми, какъ основа власти вождя—270.

Деруновъ: свидѣтельство о сосѣдскомъ правѣ на пользованіе продуктами питанія въ Ярославск. г.—74—75.

деспотія: зачатки д. въ первобытномъ обществѣ—221; въ Африкѣ—247; стремленіе къ обогащенію правителей африканскихъ д.—248; знахари и жрецы въ африканскихъ д.—253—254; неограниченность власти въ африканскихъ д.—260; 274.

дифференціація: политическая д., какъ путь развитія государства—222; отсутствіе политической д., какъ основа усиленія власти вождя—233; 279; 281; п. д. на Фиджи—249; факторы д. власти—252; развитіе д. власти—256; д. власти, какъ факторъ утраты свѣтской власти вождемъ—258—260; 281; политическая д., какъ слѣдствіе д. духовныхъ и свѣтскихъ функцій вождя—260; какъ факторъ развитія элементовъ народоправства—260—261; 262; 263; развитія индивидуальныхъ интересовъ—261; уничтоженія наследственной власти вождя—262; роль войны и рабства въ д. сословій—263; д. о., какъ факторъ уменьшенія власти вождя—266; 281—282; д. общества въ низшихъ государственныхъ организаціяхъ—269; д. власти въ полинезийскихъ государствахъ—270; 273—274; на Н. Зеландіи, Самоа, Тавити—270; въ Микронезіи—273—274; вліяніе д. общества на характеръ власти въ Поли- и Микронезіи—274; 276; д. классовъ населенія въ Микронезіи—274; значеніе д. общества для характера верховной власти—278.

Добротворскій: свидѣтельство о *Flurzwang* у пермяковъ—107; о накопленіи дѣвичьяго имущества во Владимірской г.—185; о правѣ дѣвушки завѣщать коробью тамъ же—187.

добыча (военная): дѣлежъ д., какъ факторъ развитія понятія о собственности (Феликсъ)—30; доля вождя въ дѣлежѣ д.—31; 280; коллективная и индивидуальная собственность на д. въ первобытныхъ группахъ—35; коллективная собственность на д. у кавказскихъ горцевъ—51; 73; доля африканскаго вождя въ д.—248; рабы, какъ д. туареговъ—265.

Доджъ: о нормахъ охотничьяго права у индѣйцевъ С. Америки—41.

«долевая» община: на сѣверѣ Россіи—140; сходство съ д. о. земельныхъ отношеній въ Сибири—161.

донскіе казаки: индивидуальная собственность—53; землевладѣніе—147—152; вольное пользованіе землею—147—148; 157—158; состояніе общины—161; причина торжества общины—164; переходъ къ правильнымъ передѣламъ—174 (см. также: *ст. Верхне-Курмоярская, Гундуrowsкая, Казанская, Камышовская, Раздорская, Старочеркасская*).

дружина: возникновение д.—215—216; у краснокожих, въ Океаніи, Африкѣ, кафровъ, племятъ по р. Конго—216; зависимость вождя отъ д.—266; возникновение аристократіи изъ потомковъ д.—282; въ дореформенной Японіи—268; ограниченіе вождя д-ми на Кавказѣ—269; уздени, д. у кабардинцевъ—269; стремленіе потомковъ д. укрѣпить свою власть—283.

Дубенскій: о причинахъ побѣды общинныхъ началъ въ сибирскомъ землевладѣніи—163; о регулированіи общинной землепользованія въ Сибири—167.

душевое пользованіе: охотничьи участками въ Томской и Тобольской г.—60; кедровниками тамъ же—61—62; лѣсомъ тамъ же—62; 64; 65; переходъ отъ захватной формы къ д. п. въ Сибири—166; 167; д. п. покосами въ Иркутской г.—171.

евеяне: коллективная собственность и индивидуальное владѣніе на землю—118.

Европа: изученіе этнографіею основъ историческихъ государствъ въ Е.—194; существованіе феодальнаго строя въ другихъ мѣстностяхъ кромѣ Е.—266 (см. также: *Англія, авиньяне, Балканскій пол., болгары, Германія, германцы, Герцеговина, Голландія, греки, Греція, испанцы, Италия, кельты, Крайна, Меранъ, нѣмцы, римляне, Римъ, Россія, саксонцы, скивы, славяне, словинцы, спартацы, Франція, французы, Черногорія, Швейцарія, южные славяне*).

Египеть: коллективная обработка земли въ др. Е.—101; слѣды примитивныхъ основъ государственной жизни—194—195; приложимость термина государство къ монархін Е.—195; характеръ власти тамъ же—250—251 (см. также: *египтяне*).

египтяне: обычай вѣсть съ покойникомъ различные предметы—14.

Енисейская губ.: заимка—161; 162; борьба между захватной и захватно-общинной формой землепользованія—167; передѣлъ земли—168; вольное пользованіе покосами—171 (см. также: *Ачинскій округъ*).

Финченко, А. Я.: взглядъ на трудовое начало у русскихъ крестьянъ—22—23; критика на теорію Е.—23—24; Е. о нормѣ охотничьяго права у самоѣдовъ—45—46; объ общемъ столѣ у лопарей—73; объ отсутствіи воровства у самоѣдовъ—76; объ отношеніи самоѣдовъ и лопарей къ кражамъ у русскихъ и зырянъ—80; о трудѣ, какъ источникѣ владѣнія заимочнымъ участкомъ въ Сибири—124—125; о формахъ землевладѣнія на сѣверѣ Россіи—136—143; взглядъ на возникновеніе общины изъ разложенія большой семьи на сѣверѣ Россіи—146; о неприкосновенности приданаго—192.

женщина: ж.-ы, какъ первые земледѣльцы—22; 99; наследственные права ж. у русскихъ крестьянъ—23—24; 182—184; захватъ ж., какъ поводъ къ войнѣ у дикарей—26; судьба ж. въ войнахъ дикарей—28; ж., какъ носительница культуры—28; количественное отношеніе мужчинъ и ж-нъ у маори, на о-вахъ Пасхи, Тасманіи, въ Америкѣ, Африкѣ—29; плѣнная ж., какъ объектъ индивидуальной собственности—35; право собственности ж. на Новой Зеландіи—39; объекты наследованія ж. у эскимосовъ—39; право собственности ж. у камчадаловъ—40—41; собственность ж. въ Габонѣ, на р. Конго—43; у амаксовъ—44; покупка ж. на средства семьи въ Африкѣ—44; на личныя средства у гиляковъ—47; права собственности ж. у пермяковъ—49; подчиненіе экономическому началу права собственности ж. у черемисъ—49—50; собственность ж. у вотяковъ—50—51; въ русской семейной общинѣ—53; у терскихъ казаковъ—53—54; въ Архангельской, Олонецкой, Самарской г.—54; въ Вологодской г., у малороссовъ, въ Нижегородской г.—55; нарушеніе семьей права собственности ж. у русскихъ крестьянъ—57—58; 193; ж., какъ объектъ наследованія въ первобытныхъ группахъ—82; земледѣліе, какъ преимущественное занятіе ж. въ центр. Америкѣ, въ Африкѣ—100; совмѣстная обработка земли ж-ми въ Каналѣ—100; индивидуальная собственность на ж. на Палаускихъ о-вахъ—114—115; распределеніе работъ старшей ж-ной въ семьѣ у кабилонъ—134; индивидуальная собственность ж. у нихъ же—135; опредѣленіе ж-мъ доли въ

уравнительномъ раздѣлѣ въ Верхне-Курморской ст.—150; имущественныя права ж. на низшихъ ступеняхъ—178; 179; ограниченіе ж. въ правѣ распоряженія продуктами питания—178—179; имущественныя права ж. въ материнскихъ группахъ—179—180; имущественное безправіе ж. въ агнатическихъ группахъ—180; 181; 184—185; индивидуальная собственность ж. (дѣвичье имущество и приданое)—180—181; устраненіе ж. отъ наслѣдованья—181; наслѣдственное право ж. у аемнянъ—181—182; у индусовъ—182; право пользованья семейнымъ имуществомъ у ж.—184; ж., какъ объектъ наслѣдованья въ агнатической группѣ—184; имущественное положеніе вдовы—184; значеніе этическихъ взглядовъ для развитія имущественныхъ правъ ж.—185; развитіе имущественныхъ правъ ж.—185—186; приданое—186—192; право ж. на приданое—192; два теченія въ развитіи собственности ж.—192; 193; имущественная эмансипація ж., какъ основа освобожденія ея личности—193; собранія ж-нъ у краснокожихъ—224—225, доставленіе временныхъ женъ вождями амаксосовъ для второстепенныхъ вождей—230; ж. придворныя пѣвицы въ Суданѣ—244; гаремъ короля апантievъ—245; привилегированное положеніе его сестеръ—245; взглядъ на ж. подданныхъ какъ, на женъ короля въ Дагомѣ—245; придворныя ж. тамъ же—245; гаремъ влaстителя Уганды—247; задача наложницъ тамъ же—247; наложницы у правителей Меланезіи—249; налогъ дѣвушками тамъ же—249; неприкосновенность вдовы вождя на Н. Зеландіи—249; ж. при дворѣ микадо—259; участіе ж. въ народномъ собраніи въ Сванетіи—262; положеніе ж. у туареговъ—264; браки между туарегскими ж. и неграми—265.

жертвоприношенія: человѣческая ж. въ Дагомѣ—246; ж. вождю на Н. Зеландіи—249; обязанность вождя приносить ж.—251; необходимость въ специальныхъ лицахъ для ж.—253; исключительное право родопрavителя приносить ж. родовому бо-жеству—255.

Жиганскій улусъ: коллективная собственность на продукты охоты—70—71.

жидище: огражденіе ж., какъ факторъ развитія понятія о собственности (Феликсъ)—31; коллективная собственность на ж. у нутка—41; у туземцевъ Бразиліи—42; у русскихъ крестьянъ—52; 59; раздѣльность ж. при общемъ столѣ у самоѣдовъ—73; ж., какъ объектъ наслѣдованья у краснокожихъ—83—84; взглядъ на ж., какъ на движимость—84; признаніе труда, какъ источника права по ж.—84; 95; коммунизмъ въ пользованіи общими ж.—84; общія ж. у краснокожихъ—84; 223; у ирокезовъ—84—85; 94; 95; 118; 223; у криковъ—85; у индѣйцевъ пуэбло—85—86; у нутка, чинуковъ, коняговъ и камчадаловъ, эскимосовъ, алеутовъ—86; въ др. Перу—86—87; у туземцевъ Бразиліи, пуни, гуарановъ, наировъ, кота, малайцевъ—87; 105; у даяковъ, сингососовъ—87; на о-вахъ Пасхи—87—88; на Тихоокеанск. арх., въ Полинезиі—88; условія, вызывающія жизнь группы въ общемъ ж.—88—90; право собственности на ж. отдѣльныхъ хозяйствъ родовой единицы—89; вліяніе культа на поддержаніе коллективной собственности на ж.—93; индивидуализація ж.—93—94; источники права собственности на ж.—95; помочи при постройкѣ ж. на Самоа, у баронговъ, русскихъ крестьянъ и инородцевъ, кавказскихъ народностей, у вояковъ—96; въ Олонедцк. г.—96—97; у якутовъ, бурятъ—111; общее ж. въ родовой общинѣ въ Индіи—105; періодическій обмѣнъ ж. въ Индіи—133; общность и раздѣльность ж. въ семейной общинѣ на сѣверѣ Россіи—139; общее ж. въ родовой общинѣ—205; въ др. Перу—237; празднество при обновленіи ж. короля на Гавай—271; табу на ж. отъ пребыванія въ немъ короля на Палаузскихъ о-вахъ—272; собственность короля на ж. въ Гаити—272.

жрецъ: родовой старѣйшина въ роли ж.—204; 281; родопрavитель-ж.—217; 255; отношеніе группы къ родопрavителю-ж.—219; развитіе изъ власти патриарха-ж. патриархальной монархіи—220; сосуществованіе въ первобытныхъ обществахъ власти родопрavителя-ж. съ другими представителями власти—221; ограниченіе ж-мъ власти вождя у краснокожихъ—226; ж-ы въ др. Перу—234; ограниченіе ж-мъ

власти инки—238; обработка земли въ пользу ж-въ въ др. Перу—239; дифференціація власти вождя и ж. при развитіи культа предковъ—243; обязанности ж. какъ факторъ усиленія власти вождя—243; 250; обоготвореніе родового ж.—248—249; соединеніе функцій ж. и вождя въ одномъ лицѣ—252; 256; дифференціація ихъ—252; 256; 281—282; ж. при африканскихъ правителяхъ—253—254; ограниченіе ж-ми власти вождя—254; 281; возникновеніе сословія ж.—254; 281; изъ случайныхъ знахарей—254; при выборномъ вождѣ—256; при родовомъ строе—256—257; изъ родовыхъ жрецовъ покоренныхъ родовъ—257—258; переносъ функцій ж. на выборнаго вождя—256; отнятіе ихъ у него—256; соединеніе функцій ж. и вождя въ семейныхъ общинахъ—256; подчиненіе вождя ж-у—256—257; классъ ж-въ и верховный ж. въ др. Перу—257; 273; развитіе класса ж-въ, какъ слѣдствіе политической дифференціаціи—260; власть ж. въ государствахъ Поли- и Микронезіи—269; 273; 274; 276; на Маркизскихъ о-вахъ—270; ж-ы, какъ классъ населенія на Н. Зеландіи—271; обязанности верховнаго ж. на Гавай—272; ж-ы на о. Янгъ—273; дифференціація власти вождя и ж. въ Поли- и Микронезіи—273—274; ж. на Н. Зеландіи—273—274; война, какъ факторъ подчиненія власти ж. власти вождя—281.

закатка: свобода порубки дѣса на чужой з. въ Томской и Тобольской г.—62; ошибочность взгляда на з., какъ на древнѣйшій видъ земельной собственности—119; условія, допускающія свободу з.—120; свобода з. у іорубанъ—120; у русскихъ инородцевъ, у киргизовъ, якутовъ—121; у финновъ—121—122; у черкесовъ—122; право з. на Кавказѣ, у черкесовъ, осетинъ, чеченцевъ и ингушей—122—124; въ Сибири—126—127; 161; 162; отношеніе общины къ з. въ Сибири—126—128; объекты права з.—128; отношеніе общины къ праву з.—128; 130; стремленіе обратить право владѣнія з. въ право собственности на нее—143; 144; з-хуторъ у черноморскихъ казаковъ—152; борьба изъ за з. у нихъ же—153; нарушеніе з-ой интересовъ общины у нихъ же—155; ограниченіе права з. въ Закубань—156; свобода з. и ограниченіе ея у черноморскихъ казаковъ—157; 158—159; въ Енисейской и Иркутской г.—161; 162.

заклѣпаніе: землей наряду съ общинной у русскихъ крестьянъ—124; пастъками въ Томской г., Сибири и Европ. Россіи—124; землей въ Амурской и Приморской обл.—125; въ Сибири—125—127; сходство з. в. землей съ собственностью на землю въ Сибири—126—127; 163.

закладыванье: свобода з. земельного участка на сѣверѣ Россіи—139; стѣсненіе з. земельного участка въ Сибири—166.

заклинатель (знахарь, колдунъ, шаманъ): вождь-к. у нарриньеры—219; ограниченіе ш-ми власти вождя у краснокожихъ—226; повсемѣстное существованіе з. и ш.—240—241; соединеніе въ одномъ лицѣ функцій вождя и ш.—241; 242; 252; 279; авторитетъ з. въ Тасманіи, у дакотовъ—241; вожди-з. у австралийцевъ, дакотовъ, мексиканцевъ, чибчи—241; у африканскихъ народовъ, зулусовъ—241; умерщвленіе неискусныхъ вождей-з. въ Африкѣ—242; значеніе искусства з. для усиленія власти—243; 260; 279; обоготвореніе вождя-к.—243—249; функція з., какъ содѣйствующія усиленію власти вождя—250; выпытыванье вождями кафовъ у з. ихъ искусства—253; значеніе ш. у краснокожихъ—253; при дворѣ африканскихъ правителей—253—254; ограниченіе з-ми власти вождя—254; стремленіе къ упроченію наследственности званія з.—254; происхожденіе отъ з., какъ факторъ усиленія власти вождя—281.

Закубанье: свободное хуторское хозяйство и ограниченіе его—156; причина торжества общины—164.

Закбези (племена по рѣкѣ): охотничье право—44.

Защорожье: индивидуалистическія стремленія въ з.—153.

захватъ: въ Австраліи—10; з., какъ источникъ собственности—18; 21; 24—25; 33—36 тѣсная связь з. съ находкой—18—21; взглядъ Летурно—22; Зибера—24; з., какъ

источникъ собственности коллективной—32—34; 68; собственности индивидуальной—34—36; з. въ пользованіи кедровниками въ Сибири—61—62; отношение общины къ з., какъ источникъ индивидуальной собственности—66; взглядъ на з. съѣстныхъ припасовъ въ Кубанской обл.—75; з., какъ основаніе заимочнаго права въ Сибири—126; право з. на земельныя угодья на сѣверѣ Россіи—138; 164; з. государственныхъ земель тамъ же—143; з. земли у донскихъ казаковъ—148; у черноморскихъ казаковъ—155; з. казенныхъ земель въ Сибири—161—162; сокращеніе срока пользованія землей, занятой з., тамъ же—166; з., какъ источникъ владѣній на земляхъ въ Сибири—166; замѣна принципа з. принципомъ поравненія тамъ же—167; переходъ отъ з. къ уравнительному пользованію угодьями въ Сибири—169—170.

Земля: коллективная собственность на з. у команчей—41; право собственности и владѣнія на з. у туземцевъ Бразиліи—41—42; 120; въ Венесуэлѣ—42; коллективная собственность на з. въ центр. Африкѣ—43; коллективная и индивидуальная собственность на з. у якутовъ—48; коллективная собственность на з. у кавказскихъ горцевъ—51; у русскихъ крестьянъ—52; у индѣйцевъ С. Америки—100; у туземцевъ Гуйяны—101; коллективная обработка з. въ Канадѣ, у криковъ—100; у туземцевъ Бразиліи—100—101; 120; на Тихоокеанскихъ арх., у маори, на Нукунга, Тонга, Самоа, у малайцевъ—101; 105; на Целебѣ, Цейлонѣ, въ др. Вгиптѣ, Китаѣ—101; въ Африкѣ, близъ Сьерра-Леоне—101; 106; у др. германцевъ, въ Россіи, на Балканскомъ пол.—102; переживанія коллективной обработки з. въ Африкѣ, у ваньямузевъ—102; коллективная обработка з. въ родовой общинѣ—104; въ Индіи, у прокезовъ, индѣйцевъ пуэбло—105; въ сельской общинѣ—106; коллективное право собственности на землю и индивидуальное право владѣнія ея на Палаузскихъ о-вахъ, въ Н. Каледоніи, Н. Гвинеѣ, Меланезіи, Полинезій, въ Н. Зеландіи—115; у юрубанъ—120; регулированіе права владѣнія з. на Филиппинскихъ о-вахъ, въ Малаккѣ—116; на Н. Зеландіи, Явѣ—116; 120; у малайцевъ—120; коллективная собственность и индивидуальное владѣніе на з. у яванцевъ—116—117; въ Африкѣ, у банту, амакссовъ, кру, евеванъ—117—118; отсутствіе индивидуальной собственности на з. на низшихъ ступеняхъ культуры—118; 119; запрещеніе отчуждать з. на Тихоокеанскихъ арх., на Ару, Кисарѣ, Кей, на Золотомъ и Невольничьемъ бер., у майя—119; право первой покупки з. въ родовой и сельской общинѣ въ Черногоріи, Герцеговинѣ, на Кавказѣ, у тамуловъ, въ Бирмаѣ—119; ошибочность взгляда на заимку, какъ на древнѣйшій видъ собственности на з.—119; поглощеніе родовой общиной индивидуальнаго владѣнія з. на Явѣ—120; у бурятъ—121; заимочная форма владѣнія з. у русскихъ—124; въ Амурской, Приморской обл.—125; въ Сибири—125—127; сходство заимочнаго владѣнія з. съ собственностью на з.—130; въ Сибири—126—127; возникновеніе въ общинѣ индивидуальной собственности на з.—130—131; формы владѣнія з. въ Индіи—132—134; у кабиловъ—134—135; у южныхъ славянъ—135—136; индивидуальная собственность на з., какъ слѣдствіе распаденія семейныхъ общинъ—136; подворное владѣніе з. въ Малороссіи—136; прежнія формы владѣнія з. на сѣверѣ Россіи—136—143; въ настоящее время—143; причины возникновенія индивидуальной собственности на з.—143—144; формы владѣнія з. у донскихъ казаковъ—147—152; у черноморскихъ казаковъ—152—161; въ Сибири—161—173; коммунистическій взглядъ на з. у русскихъ крестьянъ—163—164; исключенія земельныхъ участковъ изъ состава приданаго—180—190; у др. грековъ, въ Индіи, у русскихъ инородцевъ и крестьянъ—190; отдача з. въ приданое въ Малороссіи, на сѣверѣ Россіи—190; взглядъ на владѣніе з. въ др. Перу—234; з., какъ собственность рода въ др. Перу—236; 237; коллективная обработка з. тамъ же—239, наследованіе феодалныхъ з.-дѣ въ дореформенной Японіи—267; владѣніе з. привилегированнымъ сословіемъ у кабардинцевъ—269; табу на з. отъ пребыванія на ней короля на Палаузскихъ о-вахъ, Танти—272; з., какъ собственность вождя на Сандвичевыхъ о-вахъ—275.

Зиберь: объ источникахъ индивидуальной собственности—24; взглядъ на жизнь группъ въ общихъ жилищахъ—38.

знахарство: какъ источникъ индивидуальной собственности женщинъ у амазасовъ—44; возможность научиться з., какъ факторъ упроченія наследственности духовной власти—254.

Зелотой берегъ: запрещеніе отчуждать землю—119.

зудусы: деспотическія проявленія власти вождя Тшакки—230; Мосселекатси—230—231; вожди-заклинатели—241; суевѣріе вождей—241—242.

зыряне: кражи самоѣдовъ у з.—80; помочи—111.

избраніе: и. въ общинахъ малайцевъ—217; пожизненное в. вождя у краснокожихъ—226; и. вождя въ Н. Мексикѣ—226; пожизненное и. вождя въ Габонѣ—228; и. воеводы у южныхъ славянъ—232; фиктивное и. вождя въ Суданѣ и по теченію Нигера—247; и. старѣйшины въ родовыхъ общинахъ—255; и. вождя въ родовыхъ государствахъ—255—256; право народнаго собранія и совѣта старѣйшинъ на и. вождя—280.

императоръ: власть и. въ Абиссиніи—258; въ Японіи—267—268.

ингуши: отношеніе къ воровству—81; Flurzwang—107; общинное владѣніе пастбищами—123; право замокъ—124.

индивидуальная собственность: на низшихъ ступеняхъ культуры—7; 34; 178; 208; мнѣніе Спенсера—7; источникъ и. с.—7—8; подчиненіе и. права с. коллективному праву с.—8—9; 67; и. с. у австралийцевъ—11; 38—39; и. с. какъ объектъ наследованія у дикарей—14; взгляды Ковалевскаго на возникновеніе и. с.—21; Летурно о возникновеніи и. с.—22; война, какъ источникъ и. с.—31—32; зачатки и. с. на землю—33—34; и. с. у эскимосовъ—39—40; у камчадаловъ—40—41; у индѣйцевъ С. Америки—41; отношеніе къ и. с. въ Африкѣ—43—44; коллективная и. с. по адатамъ—51; взаимоотношенія коллективной и. с. у русскихъ крестьянъ—53—57; 66; 67; условія, затрудняющія развитіе и. с. въ первобытныхъ группахъ—82; и. с. на жилище—84; 88; 94—95; у кочевыхъ и земледѣльческихъ народностей—89; условія, способствующія развитію и. с. на жилище—94—95; позднее возникновеніе и. с. на землю—103—104; слабое развитіе и. с. у малайцевъ—105; община, какъ препятствіе и. с. на землю—109; отсутствіе и. с. на землю на низшихъ ступеняхъ—118; 119; точка отправленія и. с. на землю—118; позднее возникновеніе и. с. на гѣса, покосы и пастбища—128; возникновеніе и. с. на землю при разложеніи общины—130; 133; и. с. на движимость и недвижность у кабилловъ—135; и. с. на землю, какъ слѣдствіе распадешя семейныхъ общинъ—136; и. с. на землю на сѣверѣ Россіи—140; 142; 143; 164; замѣна и. с. на землю общиннымъ землевладѣніемъ тамъ же—143; 145—146; причины возникновенія и. с. на землю—143—144; причины, препятствующія возникновенію и. с. на землю у черноморскихъ казаковъ—155; переходъ отъ общины къ и. с. на землю—176; малое развитіе и. с. женщинъ въ группахъ материнскихъ—179; 180; агнатическихъ—184; неразвитіе и. с. въ др. Перу—237.

Индія: смертность отъ хищныхъ звѣрей—28; общія жилища—87; вліяніе культа предковъ на учашеніе семейныхъ раздѣловъ—92; коллективная обработка земли—105; разложеніе общины—131; 134; формы землевладѣнія—132; общинныя деревни—132; передѣлы—133; индивидуализація земельной собственности—133; 135; отношеніе къ собственности женщинъ—190; исключеніе изъ приданаго земельныхъ участковъ—190 (см. также: *индусы, юта, Малабарскій берегъ, наирь, Пенджабъ*).

Индо-Китай: общія жилища—87 (см. также: *Ассамъ*).

Индонезія: общія жилища у малайцевъ—84; 105; коллективная обработка земли у нихъ же—101; 105.

индусы: наследованіе женщинами у и.—182.

индейцы: трудовое и экономическое начало—41; коллективное землевладение—100; родовая государственность—223 (см. также: *краснокожие*).

инки: ошибочные представления о монархии и деятельности и.—233—234; и-а, как родовой старейшиной—235; 237; организация, встреченная и-ми при покорении Перу—235—237; наследование власти и-вз—237; церемониаль, окружавший и.—238; божеския почести, воздаваемые и-мъ—238; ограничение жрецомъ власти и-вз—238; административныя изменения и-вз—238—239; вѣра въ божественное происхождение и., какъ факторъ усиления ихъ власти—243; власть старейшинъ въ монархii и.—251; взаимоотношения власти и-вз и верховнаго жреца—257; и., какъ аристократія др. Перу—263—264.

инородцы (русскіе): взглядъ на принадлежность боряного дерева—20; большое количество свидѣтельств изъ быта и. по вопросу объ отношеніи группы къ индивидуальной собственности—45; признаніе трудового начала—45; душевое пользование охотничьими участками въ Сибири—60; отношеніе группы къ индивидуальной собственности—67; коллективная собственность на продукты охоты и рыболовства—70; отсутствіе воровства—76—77; отношеніе къ воровству среди своихъ и среди чужеродцевъ—80—81; помочи—96; свобода займокъ—121; коммунистическіе взгляды ив лѣсъ—129; отгѣсненіе и. при заселеніи Сибири—161; исключеніе изъ приданаго земельныхъ участковъ—190; подарки скотомъ дѣвочкамъ для составленія приданаго—191 (см. также: *армяне, Алашкискій у., башкиры, буряты, Васюганская тундра, вотяки, ильки, арзины, Грузія, Далестанъ, зырян, илчуки, кабардинцы, кавказскія народности, казакмужцы, калмыки, с. Каматъ, камчадалы, карачасы, Карачай, карелы, киргизы, латыши, лопари, ауль Мести, мордва, Мохчскій пр., осетины, Осетія, остяки, пермяки, самоеды, тунгусы, торки, Финляндія, финны, черемисы, черкесы, чеченцы, Эриванская в., осты, якушеры, Якутская обл., якуты*).

интеграція (политическая): вліяніе войны на п. и.—212; 222—223; п. и., какъ начало государства—222; 277; два вида п. и.—222—223; различіе между п. и-ми—223; п. и. у краснокожихъ—224; власть вождя при насильственной п. и.—233; вѣра въ сверхъестественное могущество вождя при п. и.—240; власть вождя при естественной и.—279.

Иркутская губ.: заимка—161; 162; борьба между захватной и захватно-общинной формою землепользованія—167; производство отрѣзковъ земли—168; передѣлъ выморочныхъ пашень—168; уравнительное пользованіе покосами—171; передѣлъ покосовъ—172.

проказы: наследованіе—83—84; общія жилища—84; 94; 95; 113; 223; составъ ихъ населенія—88; переходная стадія отъ охотничьяго къ земледѣльческому быту—99; родовыя общины—105; индивидуальное владѣніе обработаннымъ участкомъ—118; союзъ пяти племенъ—224; 231; совѣтъ воиновъ и стариковъ—224. (см. также: *гуроны, кайюки, моюуки, омондаи, онеиды, сенеки, тускароры*).

испанцы: неточность свѣдѣній объ южноамериканской общинѣ у и.—102—103; сочиненія и., какъ источникъ ознакомленія съ строемъ др. Перу—234; свѣдѣнія и. о верховномъ жрецѣ др. Перу—257;

Италія: формы землевладѣнія въ общинѣ—141; слѣды примитивныхъ основъ государственной жизни—194—195; борьба власти вождя съ элементами народоправства въ городахъ средневѣковой И.—261 (см. также: *римляне, Римъ*).

Ишнейскій округъ: ограниченіе лѣсныхъ порубокъ—64.

іорубане: свобода займокъ, коллективная собственность на землю—120.

ius praesumptionis: см. право первой покупки.

ius primi occupantis: см. право перваго захвата.

кабардинцы: феодальный строй—269.

кабаны: разложение родовой общины—131; 134—135; солидарность родичей—134; землевладение—134; 135; семейная община—134—135; индивидуальная собственность на движимость и недвижимость—135; причины развития землевладения в семейных общинах—144.

кавказскія народности: наследование выморочнаго имущества—83; помочи—96; 111. (см. также: *армяне, грузины, ингуши, кабардинцы, казикумуки, осетины, сванеты, черкесы, чеченцы*).

Кавказъ: сосѣдское право на пользование продуктами питания (Темужбенская ст.)—74; отношеніе къ воровству—81; Flurzwang—107; включеніе чуждаго элемента въ родовыя общины—108; право первой покупки—119; право заимокъ—121—124; упадокъ общины—134; феодальный строй—268; 269; 283 (см. также: *армяне, Аталцхский у., грузины, Грузія, Дагестанъ, Закубань, ингуши, кабардинцы, кавказскія народности, казикумуки, с. Камать, Карачай, Кубанская обл., ауль Мести, Мозческій приходъ, осетины, Осетія, Сванетія, сванеты, Темужбенская ст., Темрохскій у., черкесы, чеченцы*).

казаки: индивидуалистическія стремленія въ Малороссіи—153; борьба между богатыми и бѣдняками—164; передѣлъ пахотныхъ земель—168 (см. также: *Заморские*).

казаки донскіе, кубанскіе, торскіе, черноморскіе: см. донскіе, кубанскіе, торскіе, черноморскіе казаки.

Казанская станица: регулированье землепользования—149; неурядица передѣломъ земли—149—150.

казикумуки: Flurzwang—107.

Каннскій округъ: производство отръзковъ земли—168.

кайюги: союзъ пяти племенъ—224.

калифорнійскія племена: свидѣтельство объ отсутствіи власти у к. п.—209; 212; временные вожди—212 (см. также: *Калифорнія*).

Калифорнія: свидѣтельство объ отсутствіи власти у туземцевъ К.—209; власть главы хозяйственной группы—210; наследуемье власти вождя—227 (см. также: *калифорнійскія племена*).

калмыки: право собственности на жилище—89; 90.

Калмыковъ: о борьбѣ противъ индивидуалистическихъ стремленій богачей у донскихъ казаковъ—149.

Камать с.: аульный судъ за самовольную заимку—122.

камиларон: наследованье—17.

камчадалы: трудовое начало—40—41; общія жилища—86.

Камышевская станица: регулированье землевладенія—149.

Канада: совѣстная обработка земли—100.

каннибализмъ: какъ поводъ къ войнѣ у дикарей—25; к. въ Квинслендѣ—26; въ Меланезіи—68; на Торресовыхъ о-вахъ—68—69.

карагасы: точное разграниченіе охотничьей территоріи—200.

Карачай: феодальный строй—269.

карелы: отсутствіе воровства—77; взглядъ на приданое въ карельской пѣснѣ—187—188.

карены: соединеніе враждующихъ общинъ во время войнъ—212.

карибы: уваженіе къ старикамъ—213; 213—214.

Каролинскіе о-ва: привилегированные классы—274; власть короля—274—275 (см. также: *о. Понапе*).

касты: свидѣтельство объ отсутствіи к. у огневладельцевъ—209; отсутствіе к. у многихъ дикарей—209; к. кузнецовъ у туареговъ—265.

Катановъ: о точномъ разграниченіи охотничьей территоріи у карагасовъ—200.

Каучамъ: объ отсутствіи въ Сибири подворно-наследственнаго владенія землей—160—161; о процессѣ заселенія Сибири—161; о сходствѣ землевладенія въ Сибири, Ма-

- лоросси, Германіи и др.—163; о причинѣ торжества общины въ сибирскомъ землевладѣніи—163—164; объ отношеніи общины къ захвату земель ея членами—163; объ ограниченіи захватнаго пользованія землей въ Сибири—166; 167; о формѣ передѣла - по старшинству - тамъ же—168; о вольномъ пользованіи покосами тамъ же—170—171; о причинѣ ежегодныхъ передѣловъ покосовъ тамъ же—172.
- кафры:** коллективная собственность на продукты охоты—70; право собственности на жилище—89; дружина—216; зависимость вождя отъ собранія—229; приниженное почитаніе вождя—243; сервилізмъ придворной поэзіи—243—244; стремленіе вождя быть чародѣями—253.
- Кахамарка:** слѣды родового строя въ постройкѣ города—237.
- Кандаландъ:** канибаллизмъ—26.
- кедровики:** формы пользованія к. въ Сибири—60—62; 170.
- Кей, о.:** запрещеніе отчуждать землю—119.
- кельты:** коллективный земледѣльскій трудъ—103—104; слѣды примитивныхъ основъ государственной жизни—194—195.
- киргизы:** отношеніе къ завладѣнію чужимъ участкомъ земли—46; имущественный коммунизмъ на движимую собственность—75; отношеніе къ воровству—81; наследованіе выморочнаго имущества—83; право собственности на жилище—89; свобода заимокъ—121; составъ приданнаго—191, точное разграниченіе территоріи—201.
- Кисарь, о.:** запрещеніе отчуждать землю—119.
- Китай:** коллективная обработка земли—101 (см. также: *китайцы*).
- китайцы:** обычай власть съ покойникомъ разные предметы—14; общій столъ—71 (см. также *Китай*).
- Кіевская губ.:** коммунистическіе взгляды на лѣсъ—129.
- классъ:** зачатки развитія к.—въ въ первобытномъ обществѣ—221; к. воиновъ у краснокожихъ—224; развитіе жреческаго к.—254; 256—257; 257—258; 260; 281; власть военнаго к. въ дореформенной Японіи—259; развитіе к.—въ населенія—261; рабы, какъ безправный к.—262; привилегированный к. въ государствѣ, основанномъ на покореніи—263; 282; въ др. Перу—263—264; правящій, полусвободный и несвободный к.—у туареговъ—264—265; к. воиновъ у нихъ же—266; дѣленіе на к.—у японской аристократіи—268; к.—у ремесленниковъ, купцовъ въ дореформенной Японіи—268; к.—у населенія у кабардинцевъ—269; привилегированный к. въ государствахъ Поли-и Микронезіи—269; на Маркизскихъ о-вахъ—270; к.—у населенія въ государствахъ Полинезіи—270; на Тонга—270—271; на Н. Зеландіи—271; к. жрецовъ на Тихоокеанскихъ арх.—273; его власть въ Поли-и Микронезіи—274; к.—у населенія въ Микронезіи—274—275; возникновеніе привилегированнаго к.—282; ограниченіе имъ власти вождя—282—283; промежуточные к-ы между привилегированнымъ и несвободнымъ населеніемъ—283—284; к. кузнецовъ въ Африкѣ—283.
- клеймо** (зарубка, мѣтка, печать, тамга и т. п.): какъ опредѣлитель права собственности на подѣлку на сѣверѣ Россіи—20; взглядъ Кулишера на значеніе к.—20; з., какъ опредѣлитель права владѣнія земельнымъ участкомъ въ Сибири—166; клѣжа и. при вольномъ сѣнокосеніи въ Сибири—170—171.
- князь:** организація изъ к. и дружины на низшихъ ступеняхъ культуры—216; выборные к. у монголовъ и тюрковъ—231; неограниченность ихъ власти—232; власть к. у южныхъ славянъ—232; к. у кабардинцевъ—269.
- Ковалевскій:** о взглядѣ Локка на значеніе труда, какъ источника собственности—21; критика на трудовую теорію Бюененко—23; объ имущественномъ коммунизмѣ у осетинъ и другихъ кавказскихъ горцевъ—72—73; о правѣ сосѣдей пользоваться продуктами питанія—74; о вліяніи культа предковъ на семейные раздѣлы—91; 92; о полужемледѣльскомъ, полуохотничьемъ бытѣ краснокожихъ—99—100; о поднѣмѣ возникновеніи индивидуальной собственности на землю—103—104; о

влиянія чуждых элементовъ на переходъ родовой общины въ сельскую—108—109; объ ошибочности взгляда на заимку, какъ на древнѣйшій видъ земельной собственности—119; объ аульномъ судѣ за самовольную заимку у осетинъ—122; о правѣ заимокъ у осетинъ—123—124; о возникновеніи индивидуальной собственности на землю въ родовой общинѣ—131; о формахъ землевладѣнія въ Индіи—132; 133; 134; о правильной постановкѣ вопроса о происхожденіи государства—196; изученіе феодальнаго строя на Кавказѣ—269.

Кодригтонъ: о вѣрѣ въ сверхестественное могущество вождей въ Меланезіи—249.

Колеръ: взглядъ на эволюцію права—4—5.

коллективная собственность: захватъ, какъ источникъ к. с.—32—34; 68; к. с. на территорию—88; к. с. у австралійцевъ—38—39; у эскимосовъ—40; у индѣйцевъ С. Америки—41; отношеніе к. с. къ индивидуальной по адатамъ—51; трудъ, какъ источникъ к. с.—68; на жилище—88; 95; к. с. на общее помѣщеніе при раздѣльности жилья—94; к. с. на амбары—95; на землю у индѣйцевъ С. Америки—100; у туземцевъ Гуйяны—101; на продукты охоты и земледѣлія у краснокожихъ С. Америки—100; на продукты земледѣлія у криковъ—100; у туземцевъ Гуйяны, у маори, въ Африкѣ—101; у пауасовъ—115; у лванцевъ—117; на землю у амаксосовъ, кру. езелъ—117—118; устойчивость к. с. на лѣса, покосы и пастбища—128; к. с. на землю въ Индіи—132; въ черноморскомъ казачьемъ войскѣ—152; 154.

колдовъ: право собственности на к. у готтентотовъ, дамара—34; право пользованія к. въ русской общинѣ—59; коллективная собственность на к. въ Индіи—132.

команчи: охотничье право; признаніе трудового начала—41; физическая сила, какъ условіе влиянія на окружающихъ—214; племенные совѣты—224;

коммунизмъ: гипотеза о первобытномъ к.—6—7; к. у эскимосовъ—39—40; у кавказскихъ горцевъ—51; въ русской крестьянской семьѣ—52; подчиненіе имущественнымъ к-мъ индивидуальной собственности—67; переживанія к. въ отношеніи продуктовъ питанія—71—75; влияніе имущественнаго к. на отношеніе къ воровству у некультурныхъ народностей—77—78; 79; условія, способствующія развитію к. въ первобытныхъ группахъ—82; слѣды имущественнаго к. въ погребальныхъ обрядахъ—83; к. въ Перу—87; к. на продукты питанія на Марьянскихъ о-вахъ—88; влияніе культа предковъ на поддержаніе имущественнаго к.—91; 93; 95; на нарушеніе имущественнаго к.—92; к. въ пользованіи жилищемъ—93; к., какъ слѣдствіе и источникъ кооперативнаго труда—98—99; 113; к. въ землевладѣніи—104; имущественный к. у малайцевъ—105; въ Америкѣ, у прокезовъ—118; у туземцевъ Бразиліи—120; въ семейной общинѣ кабилловъ—135; к. первобытныхъ обществъ, какъ данное въ пользу мѣтвія о существованіи у нихъ авархін—209; взглядъ на существованіе к. въ др. Перу—234; к. въ др. Перу—237; 239.

Кенго (племена по рѣкѣ): собственность женщинъ—43; дородность, какъ средство достиженія власти—215; дружина—216.

кенаги: общія жилища—86.

кооператива (кооперативный, коллективный трудъ): на охотѣ—68; въ помочи—97; 113; коммунизмъ, какъ слѣдствіе и источникъ к. т.—98—99; к. т. при обработкѣ земли въ Канадѣ—100; у индѣйцевъ С. Америки 100, 118; криковъ—100; у туземцевъ Бразиліи—100—101; на Тихоокеанскихъ арх., у маори, на Нукунигѣ, Тонга, Самоа, у малайцевъ, на Целебесѣ, Цейлонѣ, въ др. Египтѣ, Китаѣ, въ Африкѣ, близъ Сиерра Леоне—101; к. т. при исполненіи общественныхъ работъ на Цейлонѣ—101; переживанія к. обработки земли—102; 106; к. т. при обработкѣ земли у др. германцевъ—102; 103—104; въ Россіи, на Балканскомъ пол.—102; у дикарей, кельтовъ, славянъ—103—104; въ родовыхъ общинахъ—104; 105; архаичность к. земледѣльческаго т.—104; к. т. въ пользу общины—109—110; въ Россіи—110; к. т. при сѣнокошеніи, расчисткѣ лядины въ Олонецкой г.—112; при обработкѣ земли въ Малороссіи—112—113; въ средневѣк. Франціи—113; у пауасовъ—115; у лван-

- цель—117; у прокесовъ—118; вожди при к. у низшихъ группъ—213; 216; 218; к., какъ начало государственнаго развитія—277.
- «коробля» («сундукъ»):** составленіе к. въ Самарской г.—54; причина допущенія семьей составленія к.—57; права семьи на к.—57; составленіе к. у великоруссовъ, болгаръ, во Владимірской губ.—185; неприкосновенность для мужа к.—186; наследованье мужемъ пустой к. во Владимірской г.—186; наследованье к. дѣтьми—186; отлічье к. отъ приданаго—186—187; право дѣвушки завѣщать к. во Владимірской г.—187; взглядъ о происхожденіи приданаго изъ к.—187; к., какъ основной источникъ собственности женщины—193.
- король:** свидѣтельство объ отсутствіи к. у огневомельцевъ—209; отсутствіе к. у многихъ дикарей—209; к. шаманъ у мексиканцевъ—241; вѣра въ божественность к. на о. Раіатеа—243; суевѣрное и притиженное почитаніе к. у ашантиевъ—245; у дагомейцевъ—245—246; власть к. на Сандвичевыхъ о-хъ—249; въ Дагометъ—258; въ Абиссиніи—258—259; праздноство при освященіи дома к. на Гаваи—271; суевѣрное и притиженное почитаніе к. въ полинезийскихъ государствахъ, на Гаваи—271; на Палаузскихъ о-вахъ, Танти—272; передача к-ми право табу—272; второстепенное правящее лицо при к.—272; 273; утрата к-ми свѣтской власти въ Полинезии—272—273; ограниченіе ихъ власти аристократическимъ классомъ—274—275; 275—276; власть к. на Каролинскихъ о-вахъ—274—275; избраніе к. въ Полинезии—275; наследованье власти к. тамъ же—275; избраніе к. на Н. Зеландіи—276; ограниченіе власти к. на о-вахъ Мореплавателей—276.
- Коррора:** смѣщеніе неугоднаго короля—276.
- Костровъ, кн.:** о товариществахъ для обработки земли у якутовъ—48.
- кота:** общія жилища—87.
- Кравангъ:** индивидуальное право владѣнія землей—117.
- Крайна:** помощь у словяницъ—113 (см. также: *словяницы*).
- краснокміе:** колычественное отношеніе мужчинъ и женщинъ—29; гордость военными трофеями—35; коммунизмъ на продукты витанія—69—70; отсутствіе воровства—76; слѣды имущественнаго коммунизма въ погребальныхъ обрядахъ—83; общія жилища—84; переходная стадія отъ охотничьяго къ земледѣльческому быту—99; Flugzwang—106; индивидуальное владѣніе обработаннымъ участкомъ—118; захватъ новыхъ земель—137—138; неприложимость термина «государство» къ к.—196; качества, способствующія достиженію власти—215; 226; дружина—216; власть совета, родоправителя и вождя—219—220; родовыя общины—223; политическая интеграція—224; постоянный советъ и народныя собранія—224—225; родоправство на родовой основѣ—225; усиленіе власти вождя—226—227; 231; 253; установленіе наследственной власти вождя—226—227; деспотизмъ вождей—226; 231; значеніе шамановъ—253 (см. также: *Аризона, атапаски, боксари, Белия, бороро, Бразилія, Ванкуверовы о-ва, чуараны, Гуйана, зуроны, дакоты, делавары, индѣйцы, инки, ирокесы, кайюи, калифорнійскія пл., Калифорнія, Канада, каробы, Казамарка, команчи, конлы, крики, Куско, майя, Мексика, миннетаріи, миранха, моюуки, натчезы, Нов. Мексика, тутка, Огненная земля омакасы, онгиды, онондани, Ориноко, Панамскій пер., патялонцы, Перу, пуни, публо, сенеки, сіу, суія, такули, тлинкиты, тускароры, чибчи, чинукы, Эквадоръ*).
- Краузе:** о богатствѣ, какъ средствѣ достиженія власти у тлинкитовъ—214.
- Крашениниковъ:** свидѣтельство о признаніи трудового начала у намчадаловъ—40—41; о существованіи общихъ жилищъ у камчадаловъ—86
- крики:** общія жилища—85; переходная стадія отъ охотничьяго къ земледѣльческому быту—99; коллективное землевладѣніе—100.
- Кровная месть:** какъ поводъ къ войнѣ у дикарей—25.
- Кровное начало:** роль к. н. въ наследованьи у австралийцевъ—17; взглядъ Пахмана на значеніе к. н. въ правѣ собственности русскихъ крестьянъ—23; к. н. въ наследо-

- вені у гилаковъ—46; к. н. въ большой семьѣ русскихъ крестьянъ—52; совпаденіе к. н. съ экономическимъ въ русской крестьянской семьѣ—57; значеніе к. н. для коллективной собственности на продукты питания и на жилище—98; развитіе власти въ группахъ, объединенныхъ к. н.—208.
- Крекозъ:** свидѣтельство о собственности женщинъ у амаксосовъ—44; о зависимости главного вождя отъ второстепенныхъ—229.
- кру:** коллективная собственность на землю и индивидуальное владѣніе—117—118.
- круговая порука:** въ русской общинѣ—59; въ Индіи—132; у кабилловъ—134.
- кравестная зависимость:** въ Саянѣ—262; у туаретовъ—264; у кабардинцевъ—269; на Самдичевыхъ о-вахъ—275.
- Кривозъ:** о формахъ землевладѣнія въ Амурской и Приморской обл.—125.
- Кубанская область:** сосѣдское право на пользование продуктами питания—75; время поселения казаковъ—132; выработка правилъ рациональнаго землепользованія—160; переходъ къ правильнымъ передѣламъ—174 (см. также: *Темрюкскій у.*).
- кубанскіе и черноморскіе казаки:** причины развитія индивидуальнаго землевладѣнія—144; борьба общины съ индивидуалистическими стремленіями—152—161; состояніе общины—161 (см. также: *ст. Владимірская, Закубанье, Кубанская область ст. Неземловская, Раевская, Сергеевская, Славянская*).
- кубу:** находка—20.
- Кукъ:** свидѣтельство о взглядѣ австралийцевъ на владѣніе территоріей—68; свидѣтельство о существованіи общихъ жилищъ на Тихоокеанскихъ арх.—88; объ отсутствіи субординаціи у огузсемьцевъ—209.
- Куликовскій:** о помочахъ въ Оловецкой губ. при постройкѣ избы—96—97; о коллективномъ стнкошеніи въ Оловецкой г.—112.
- Кулишоръ:** взглядъ на значеніе клеймъ, зарубокъ и т. п.—20; цитата изъ Тейлора—25.
- культъ предковъ:** какъ факторъ, задерживающій семейные раздѣлы—91—92; у воляковъ—92—93; какъ факторъ, способствующій семейнымъ раздѣламъ—92; упадокъ к. п. въ связи съ паденіемъ коммунизма—95; проявленія к. п. при переселеніяхъ первобытныхъ группъ—199; к. п., какъ факторъ упроченія власти родопрарителя—218; 280—281; усиленія власти—242; вліяніе к. п. на дифференціацію власти вождя и жреца—243; 256.
- Кувовъ:** изученіе К-мъ строя др. Перу—234.
- куръ:** коллективное землевладѣніе—101.
- Кускъ:** слѣды родового строя въ постройкѣ города—237.
- Кятинъ:** объ отсутствіи воровства у краснокожихъ.—76.
- Лавале:** о земельных отношеніяхъ у яванцевъ—116—117.
- Лагостъ:** количественное отношеніе мужчинъ и женщинъ—29.
- Ла-Норузъ:** свидѣтельство о существованіи общихъ жилищъ на о-вахъ Пасхи—87—88.
- латыши:** отсутствіе воровства—77.
- Ланте:** о коллективной обработкѣ земли въ Канадѣ—100.
- Леоновичъ:** библиографическія указанія по вопросу о русской общинѣ—145; изученіе имъ феодальнаго строя на Кавказѣ—269.
- Летурне:** изученіе имъ быта кабилловъ—134.
- Летурно:** о трудѣ и захватѣ, какъ источникахъ собственности—22; о войнѣ—27; взглядъ на значеніе этнографическаго изученія государства—197; взглядъ на состояніе анархіи въ первобытномъ обществѣ—209; на строй др. Перу—234.
- Линингстонъ:** свидѣтельство о приниженномъ почитаніи вождей у каэровъ—243.
- Лонго:** суевѣрное и приниженное почитаніе вождя—244.
- лодкѣ:** исключеніе л. изъ объектовъ наслѣдованія у арктическихъ народностей—18; л., какъ индивидуальное имущество мужчины у эскимосовъ—39; коммунизмъ въ пользованіи л. у эскимосовъ—40; индивидуальная собственность на л. у нутта—41;

- у гилыковъ—47; на Палаузскихъ о-вахъ—115; коллективная собственность на л. на сѣверѣ Россіи—139; налогъ л-ми въ Меланезіи—249.
- Доккъ:** взглядъ л. на трудъ, какъ источникъ собственности—21.
- лопарь:** запрещеніе охоты и рыбной ловли на чужой землѣ—46; общій столъ при раздѣльности хозяйства—78; отсутствіе воровства—76—77; отношеніе къ воровству среди русскихъ и своихъ—80; подарки скотомъ дѣвочкамъ для составленія приданаго—191.
- Лунда (государство):** суевѣрное и приниженное почитаніе вождя—244.
- лѣвъ:** взглядъ русскихъ крестьянъ на порубку л.—22; формы пользованія л. въ Томской и Тобольской г.—62—66; коллективная собственность на л. въ Грузіи—110; аульный судъ за самовольную порубку общественаго л. у осетинъ—122; общинаы л. въ Сибири—127; позднее возникновеніе индивидуальной собственности на л.—128; коллективная собственность на л. на сѣверѣ Россіи, въ Сибири, на Дону, на Кавказѣ, въ Осетіи—128; коммунистическіе взгляды на л. у русскихъ инородцевъ, великоруссовъ, малоруссовъ, Кіевской г.—129; л., какъ собственность сама на сѣверѣ Россіи—138; формы пользованія л. въ Сибири—170.
- Майновъ:** о помочахъ у мордвы—111; о составленіи дѣвичьяго имущества у болгаръ—185;
- майя:** запрещеніе отчуждать землю—119.
- Маковецкій:** объ имущественномъ коммунизмѣ у киргизовъ на движимую собственность—78.
- Макъ-Ленанъ:** значеніе трудовъ М.-Л. для этнографіи—4; взглядъ на войну, какъ источникъ первобытнаго права—25.
- Малабарскій берегъ:** общія жилища у навровъ—87 (см. также: *наиры*).
- Малайскій архипелагъ:** обязательныя коллективныя земледѣльческія работы—109 (см. также: *Борнео, Суматра, Целебесъ, Ява*).
- малайцы:** общія жилища—87; 95; 105; составъ ихъ населенія—88—89; коллективная обработка земли—101; 105; Flurzwang—106; земельныя отношенія—116—117; регулированіе права владѣнія землей—120; захватъ новыхъ земель—137—138; насильствованіе власти—217; ограниченіе власти родоправителя родовымъ советомъ—220; основаніе государства въ Полинезій—270; потомки м., какъ привилегированное населеніе Поли-и Микронезіи—275 (см. также: *Балтавъ, Борнео, дялки, Индонезія, Крававъ, кубу, Малайскій арх., Малакка, Менамкхабу, Суматра, Тагала, Филиппинскіе о-ва, Херибонъ, Целебесъ, Ява, явалцы*).
- Малакка:** регулированіе права владѣнія землей—116.
- малая семья:** отношеніе къ труду, какъ источнику собственности—57; къ индивидуальной собственности—58; право пользованія жилищемъ въ м. с. калмыковъ—90.
- малодѣтніе:** право собственности на заработокъ въ Вологодской губ.—55; въ центральной Россіи—57; вліяніе интересовъ м. на формы пользованія лѣсомъ въ Томской и Тобольской г.—65—66; доля м. при передѣлахъ въ Сибири—168—169; подарки скотомъ м. дѣвочкѣ для составленія приданаго у кочевыхъ инородцевъ, лопарей—191; м. служители при королѣ ашантиевъ—245.
- Малороссія:** толока и оранка—112—113; взглядъ на принадлежность бортяного дерева и лѣса—120; замѣна общиннаго землевладѣнія подворнымъ—136; 174; индивидуалистическія стремленія среди казаковъ—153; о сходствѣ землевладѣнія въ М. и Сибири—163; отдача въ приданое земельныхъ участковъ—190 (см. также: *Кіевская т., малороссы*).
- малороссы:** отношеніе къ собственности женщинъ (скріня) — 55; коммунистическіе взгляды на землю, лѣсъ, рыбныя мѣста—129; составленіе скріни—185 (см. также: *Малороссія*).
- Малыкинъ:** о собственности женщинъ у терскихъ казаковъ—53—54.
- Ману:** отношеніе къ раздѣламъ—92.

навар: количественное отношение мужчин и женщин—29; коллективная обработка земли—101; коллективное право собственности и индивидуальное право пользования на землю—115.

Нарианские о-ва: отсутствие воровства—76.

Маркизские о-ва: воровство—79; коммунизм в пользовании продуктами питания—88; государства на М. о.—270 (см. также: *маркизы, Нукуива*).

маркизы: воровство—79.

Маридуэ: о правъ собственности и пользования на землю у туземцев Бразиліи—41—42; объ отношеніяхъ къ троеямъ у нихъ же—42—43; о пользованіи продуктами общихъ охотъ и рыбной ловли у нихъ же—69; свидѣтельство о существованіи общихъ жилищъ у нихъ же—87; о коллективной обработкѣ земли у нихъ же—100—101.

Маршалльскіе о-ва: коллективная заготовка състныхъ припасовъ—109—110.

Мауреръ: взглядъ на захватъ новыхъ земель германцами—138.

Матвѣевъ: о собственности женщинъ въ Самарской г.—54.

Мейеръ: свидѣтельство о существованіи нейтральныхъ участковъ земли у вамадшамовъ и др.—27.

Мексика: общія жилища—85; запрещеніе отчуждать землю—119 (см. также: *майя, мексиканцы*).

мексиканцы: вожди-шаманы—241.

меланезійцы: индивидуальное право пользования на землю—115.

Меланезія: каннибализмъ—68; индивидуальное право пользования на землю—115, суевѣрное и приближенное почитаніе вождей—249; деспотическая власть—274 (см. также: *о. Ару, Кой, Кисаръ, меланезійцы, Н. Гвиня, Н. Каледонія, папуасы, о-ва Фиджи*).

Меванггабау: общія жилища—87.

Меранъ: Fuzzwang—107.

Месопотамія: слѣды примитивныхъ основъ государственной жизни въ монархіяхъ М.—194—195; характеръ власти тамъ же—250—251.

Мести (аул): крѣпостная зависимость—262; управленіе—262; народныя собранія—262.

Микронезія: элементы власти въ государствахъ М.—269; важность изученія государствъ М.—269—270; власть вождя—271; 282; суевѣрное и приближенное почитаніе вождя—271; утрата вождямъ свѣтской власти—273; 282; дифференціація духовной и свѣтской власти—273; 273—274; характеръ власти въ М.—274; дѣленіе населенія на классы—274; олигархія—275; 283; аристократическія республики—283 (см. также: *Каролинскіе о-ва, Коррора, Марианскіе, Маршалльскіе, Палаузскіе о-ва, о. Понапе*).

миннетарин: переходъ отъ охотничьяго къ земледѣльческому быту—99.

мираха: отношеніе къ троеямъ—42.

могеуки: союзъ пяти племенъ—224.

монархія: развитіе патріархальной м. изъ власти патріарха-жреца—220; зачатки м. въ первобытномъ обществѣ—221; 284; ошибочныя представленія о м. др. Перу—233—234; составъ м. Перу—237—239; суевѣрное и приближенное почитаніе владыка въ м. ашантиевъ и Дагомен—245; характеръ власти въ м. др. Египта и Месопотаміи—250—251; власть старѣйшинъ въ м. инковъ—251; м. у туареговъ—265.

монбутту: суевѣрное почитаніе вождя—246.

монголы: родовое государство—231—232 (см. также: *буряты, калмыки, самоеды*).

Морганъ: значеніе трудовъ М. для этнографіи—4; М. о неточности указаній у испанскихъ писателей объ южно-американской общинѣ—102—103; свидѣтельство объ индивидуальномъ владѣніи обработаннымъ участкомъ у краснокожихъ—118.

мордва: помочи—111.

Мореплавателей о-ва: ограниченіе власти короля—276 (см. также: *Самоа*).

Мессетъ: свидѣтельство о зависимости положеніи вождя у каэровъ—229; образецъ каэрской придворной гвсши—244.

Мокчскій приходъ: аульный судъ за самовольную заимку—122.

муссеренги: собственность на пальмовыя деревья—43.

Мухиятъ: взглядъ на трудовое начало у русскихъ крестьянъ—23—24.

мъна: въ Австраліи—10; м., какъ источникъ собственности—10—11; 18; у австралийцевъ—12—13; сходство м. съ дареніемъ—12.

мъновая торговля: у австралийцевъ, въ Африкѣ, у банаври—13.

Мътъ: указаніе на вліяніе культа предковъ на участіе семейныхъ радъловъ—92; о нѣкоторыхъ нормахъ наследственнаго права у аеинягъ—181—182.

напры: общія жилища—87.

наредоправство: зачатки н. въ первобытномъ обществѣ—221; 260; н. на родовой основѣ у краснокожихъ—225; подчиненіе элемента н. власти вождя у южныхъ славянъ—232; развитіе элемента н. въ дореформенной Японіи—260; борьба между элементами н. и властью вождя—260; 261—262; 266; 278—279; 280; факторы развитія элементовъ н.—260—261; борьба между элементами н. и властью вождя въ др. Греціи, въ Римѣ, въ средневѣковой Италиі—261; въ Сванетіи—261—262; элементъ н. у туареговъ—266; элементы н. въ первобытныхъ государствахъ—278.

нарриньеръ: наследованье—17; власть совѣта—219; временный вождь на случай войны—219.

населеніе: какъ признакъ государства—196; отсутствіе различія между н. цивилизованнаго государства и н. территоріальной группы—193; н. др. Перу—235; увеличеніе н., какъ факторъ дифференціаціи власти—252; борьба между вождемъ и н. въ Сванетіи—262; разница между полно- и неполноправнымъ н. въ государствѣ—263; подчиненное н. у туареговъ—264; 265—266; несвободное н. въ дореформенной Японіи—268. свободное и несвободное н. въ государствахъ Поли- и Микронезіи—269; 274—275; закрѣпленіе н. на Сандвичевыхъ о-вахъ—275; вліяніе условій возникновенія государства на отношеніе н. къ власти—278; отсутствіе различія между привилегированнымъ и свободнымъ н. на низшихъ ступеняхъ—283.

наследованье: въ Австраліи—10; 16—17; н., какъ источникъ собственности—10—11; у австралийцевъ—13; 82—83; н. на низшихъ ступеняхъ культуры—14; 17—18; возникновеніе права н.—16; н. групповое и индивидуальное—16; трудовое начало въ правѣ н. у русскихъ крестьянъ—22—23; 23—24; объекты наследованія у эскимосовъ—39; н. имущества жены—55; принципъ н. въ территоріальной группѣ родовой, въ семейныхъ общинахъ—82—83; женщина, какъ объектъ н. въ первобытной группѣ—82; н. выморочнаго имущества у кавкаскихъ народностей, киргизовъ, якутовъ—83—84; у краснокожихъ, делаваровъ и ирокезовъ—83—84; н., какъ источникъ собственности на жилище—95; земля, какъ объектъ н. у напуасовъ—115; дерево, какъ объектъ н. на Фиджи—115; обработанная земля, какъ объектъ н. на Филиппинскихъ о-вахъ—116; на Явѣ—117; у амазасовъ—117, па-ськи, какъ объектъ н. въ Россіи—124; заимка, какъ объектъ н.—130; въ Сибири—127; индивидуальныя надѣлы, какъ объектъ н. въ Индіи—182; н. въ родовой общинѣ у каэловъ—134; недвижимость, какъ объектъ наследованія у каэловъ—135; роль н. въ увеличеніи отдѣльныхъ участковъ земли на сѣверѣ Россіи—140; участки земли, какъ объектъ н. тамъ же—141; стремленіе утвердить право н. на заимку—143—144; стѣсненіе права н. земельного участка въ Сибири—166; исключеніе изъ н. женщинъ—181; права н. женщинъ у аеинягъ—181—182; у индусовъ—182; у русскихъ крестьянъ—182—184; доля брата, взявшаго къ себѣ сестру, при н. у нихъ же—183; устраненіе отъ н. дочерей родственниками мужчинами у нихъ же—183—184; женщина, какъ объектъ н. въ агнатическихъ груп-

нахъ—184; коробы, какъ объектъ н.—186; приданое, какъ объектъ н.—193; права женщинъ на н.—193; н. власти въ родовыхъ общинахъ—217; 255; у малайцевъ—217; н., какъ основа власти родопрарителя—219; н. власти родового старѣйшины у краснокожихъ—225; н. власти вождя у нихъ же—226—227; въ Н. Мексики—226; у гуаровъ, въ Калифорніи—227; у готтентотовъ—228; въ Габонѣ—228; у амазасовъ—228—229; н. власти племенного старѣйшины у монголовъ—231; 232; старѣйшины и вождя въ др. Перу—236; 237; н. власти инковъ—237; вождя—закладателя—242; значеніе культа предковъ для н. власти—242; н. престола у ашантиевъ—243; стремленіе упрочить н. власти—252; 254; 266; 280; отсутствіе н. власти вождей чародѣевъ—253; н. духовной власти—254; соединеніе духовной и свѣтской власти при н. власти родового и племенного вождя—255; н. власти вождя въ родовыхъ государствахъ—255—256; н. власти вождя у тонговъ—258; уничтоженіе н. власти вождя—262; н. власти шейха у туареговъ—264; должности расы въ Абиссиніи—267; н. феодалныхъ земель въ дореформенной Японіи—267; н. власти короля въ Микронезіи—272; въ Полинезій—275.

натезы: переходъ отъ охотничьяго къ земледѣльческому быту—99.

нахадка: въ Австраліи—10; н., какъ источникъ собственности—18—20; связь н. съ захватомъ—18—21; отношеніе къ н. бурятъ, тунгусовъ, русскихъ крестьянъ—19.

Нахтегалъ: описаніе засѣданія совѣта въ Борну—247—248.

Невольничій берегъ: земельныя отношенія у евелевъ—118; запрещеніе отчуждать землю—119; земельныя отношенія у іорубанъ—120 (см. также: *евелле, іорубане*).

Незаселенная страна: регулированіе пользованія пахотной землей—159.

Немезинская велесть: формы пользованія лѣсомъ—68.

Нигеръ (племена по рѣкѣ): деспотическая власть правителей—247.

Нилъ (долина Верхняго): деспотизмъ вождей—246.

Нижнегородская губ.: отношеніе къ имуществу жены—55 (см. также: *Горбатоевскій у.*).

Новая Гвинея: индивидуальное право пользованія на землю—115.

Новая Зеландія: количественное отношеніе мужчинъ и женщинъ—29; право собственности женщинъ—39; коллективная обработка земли—101; коллективное право собственности на землю и индивидуальное право пользованія ею—115; регулированіе права владѣнія землей—116; 120; вѣра въ божественность вождя—249; государства съ дифференцированной властью—270; представители власти: армки, вожди и жрецы—273—274; сословія—270; 274; власть аристократіи—276 (см. также: *маори, новозеландцы*).

Новая Каледонія: общій столъ—69; отсутствіе воровства—75; коллективное право собственности и индивидуальное право пользованія на землю—115.

Новая Мексика: общія жилища (пуэбло)—85—86; 89; 94; 95; индивидуальное владѣніе обработаннымъ участкомъ—118; передача власти вождя—226.

Новгородская губ.: регулированіе сбора ягодъ—58 (см. также: *Череповецкій у.*).

новозеландцы: отсутствіе воровства—75—76.

Нукугива: коллективная обработка земли—101.

нутка: коллективная и индивидуальная собственность—41; сосѣдское право на пользованіе продуктами питанія—74; общія жилища—86.

нванцы: Flugzwang—107 (см. также: *Меранъ, саксонцы*).

нянь-нянь: деспотизмъ вождя—246.

общее помѣщеніе: кухня у индѣйцевъ пуэбло—85; для совѣщаній и религіозныхъ цѣлей у нихъ же—86—90; для собраній у эскимосовъ—86; 90; на Тихоокеанскихъ арх.—88; о. п. при раздѣльности жилья—90; о. п. для собраній у туземцевъ Бразиліи, африканскихъ народовъ—90; о. п.—кухня у саксонцевъ—90; у русскихъ крестьянъ—90—91; кухня и кунацкая у осетинъ—91; о. п. у вотяковъ—91; о. п.—кухня у краснокожихъ—100.

- общее свідѣніе:** у индѣйцевъ нуэбло—86; родовое о. с. у семейной общины—91; семейное и родовое с. у воляковъ—92—93; atrium—93.
- община:** отношеніе якутской о. къ землевладѣнію—48; право на имущество о-ы отдѣльныхъ хозяйствъ—59; права членовъ о. и ихъ ограниченія—59—60; формы пользованія кедровниками въ Томской и Тобольской губ.—60—62; формы пользованія лѣсомъ—62—66; отношеніе о. къ труду и захвату, какъ источникамъ индивидуальной собственности—66; неточность свѣдѣній объ южно-американской о. у испанскихъ писателей (Морганъ)—102—103; причины поздней разработки исторіи о.—103; Flugzwang въ о.—106; опредѣленіе о-ой въ Меранѣ начало сбора винограда—107; отношеніе о. къ индивидуальной собственности на землю—109; коллективный трудъ въ пользу о.—109; коллективный трудъ при сѣношееніи, расчисткѣ лѣдникъ въ о. Олонецкой г.—112; земельныя отношенія въ о. яванцевъ—116—117; о., какъ собственница земли—118—119; отношеніе о. къ праву заимки у осетинъ, чеченцевъ, ингушей—122—124; о. въ Амурской и Приморской обл.—125; отношеніе о. къ заимкамъ въ Сибири—126—128; отношеніе о. къ праву заимокъ ея членовъ—130; возникновеніе индивидуальной собственности на землю въ о.—131; о. въ Архангельской г.—137; борьба о. съ индивидуальнымъ землевладѣніемъ на сѣверѣ Россіи—139—143; разнообразіе условій разложенія о.—144; побѣда о. надъ индивидомъ—145; значеніе изученія русской о. для изученія исторіи о. вообще—145; 146—147; границы этнографическаго изученія о.—145—146; борьба о. съ индивидуалистическими интересами у донскихъ казаковъ—148—152; регулированіе о-ой землевладѣнія тамъ же—148—151; борьба изъ за хуторовъ въ о-хъ черноморскихъ казаковъ—153; побѣда надъ индивидуалистическими стремленіями тамъ же—154; 157; 174; борьба о. противъ хуторовъ у нихъ же—154—157; отношенія о. къ хуторамъ у нихъ же—157; разныя формы о. въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи—161; богатство матеріаловъ по исторіи о. въ Сибири—161; 173—174; причины побѣды о. въ Сибири—163—164; стѣсненіе о-ой права отчуждать землю въ Сибири—166; регулированіе о-ой землепользованія посредствомъ отводовъ тамъ же—167—168; формы передѣловъ въ сибирской о.—168—169; постепенная побѣда о. надъ индивидуалистическими стремленіями—173; значеніе изученія сибирской о. для изученія русской о.—173—174; индивидуалистическія стремленія въ современной русской о.—174; 177; взглядъ г. В. В. на переходъ къ подворному владѣнію въ русской о.—174—176; невозможность предрѣшить будущность русской о.—174; 177; о. у кареновъ—212; о-ы въ др. Перу—234; 235.
- община родовая, сельская, семейная и т. д. см. родовая, сельская, семейная община.**
- общинное владѣніе:** пастбищами у осетинъ, чеченцевъ и ингушей—123; землей, на рѣду съ заимочнымъ у русскихъ—124; о. в. землей, лугами и выгонами въ Амурской и Приморской обл.—125; заимка о. в. землей, подворнымъ въ Малороссіи—136; заимка индивидуальнаго владѣнія землей о. в-мъ на сѣверѣ Россіи—143; о. в., какъ слѣдствіе захватнаго владѣнія и вольнаго пользованія—163.
- общіе амбары:** на Тихоокеанскихъ арх.—88; 94; у русскихъ инородцевъ, въ Африкѣ, Америкѣ, Азій—94; въ Центр. Америкѣ—100; у криковъ—100; а.—помосты у маори—101.
- общій отодѣл:** у гилаковъ—47; въ Архангельской губерніи—53; въ Новой Каледоніи—69; у спартацевъ, китайцевъ, бурятъ—71; у осетинъ—72; у русскихъ крестьянъ, у осетинъ—91.
- эвагерересы:** слабая власть вождя—212; объединеніе на время войны—212; физическая сила, какъ условіе вліянія на окружающихъ—214.
- Огненная Земля:** отсутствіе власти у туземцевъ О. З. (Кукъ, Дарвинъ) 209; власть у нихъ же—209; авторитетъ стариковъ—210;
- одежда:** индивидуальная собственность на о. у дикарей—7; 178; у австралийцевъ—11; 38; обычай опускать въ могилу покойника его о.—15; 18; 178; коллективная собственность на о. у кавказскихъ горцевъ—51; коллективная и индивидуальная собствен-

- ность на о. у русских крестьян—53; индивидуальная собственность на о. у кабилы—135; женщинъ въ группахъ примитивныхъ—178; материнскихъ—179; агнатическихъ—184; о., какъ часть приданаго у киргизовъ, русскихъ степняковъ—191.
- Океанія:** дружина—216. (см. также: *Тихоокеанскіе ара.*).
- Олигархическій строй:** въ Микронезіи—275; 283; о. республика на Палаускихъ о-вахъ—275; Полинезіи—276; 283; зачатки о. с. въ первобытныхъ обществахъ—284.
- Оловяцкая губ.:** собственность женщинъ—54; отсутствие воровства у кареловъ—77; помочи при постройкѣ избы—96—97; коллективное стѣноконеніе—111; коллективная расчистка лядынь—111; супрята—111.
- Онегасы:** устраненіе воиновъ отъ народнаго собранія—226; власть совѣта старшинъ—226.
- ононды:** совѣтъ пяти племенъ—224.
- онондаги:** союзъ пяти племенъ—224.
- Орпикоке (племена на рѣкѣ):** индивидуальное владѣніе обработаннымъ участкомъ—118.
- орудія:** индивидуальная собственность на о. у дикарей—7; 44; у австралійцевъ—11; мѣновая торговля при приобрѣтеніи о.—13; обычай положенія о. въ могилу—14—15; 22; о., какъ объектъ наслѣдованія у уаллару—17; о., какъ индивидуальное имущество мужчинъ у эскимосовъ—39; коммунизмъ въ пользованіи о. у эскимосовъ—39—40; индивидуальная собственность на о. у нутка—41; коллективная собственность на о. въ русской крестьянской семьѣ—52; имущественный коммунизмъ на о.—75; коллективная собственность на о. на сѣверѣ Россіи—129; о., какъ часть приданаго во Владимірской г.—188; усовершенствованіе о. въ борьбѣ группы за существованіе—200; связь современныхъ о. съ о. дикарей—208.
- оружіе:** индивидуальная собственность на о. у австралійцевъ—11; 38; 39; мѣновая торговля при приобрѣтеніи о.—13; обычай положенія о. въ могилу—14—15; 18; 22; о., какъ объектъ наслѣдованія—16; 18; у уаллару—17; индивидуальная собственность на о. у дикарей—21; 34; 35; 44; о., какъ индивидуальная собственность мужчинъ у эскимосовъ—39; коммунизмъ въ пользованіи о. у эскимосовъ—39—40; индивидуальная собственность на о. у нутка—41; у туземцевъ Бразиліи—42; у африканскихъ народностей—43; коллективная и индивидуальная собственность на о. у кавказскихъ горцевъ—51.
- осетины:** имущественный коммунизмъ—72—73; общія помѣщенія при раздѣльности помѣщеній жилыхъ—91; Flugzwang—107; право займокъ—122—124; общинное владѣніе пастбищами—123; скотъ, какъ денежная единица у о.—123; феодалный строй—269 (см. также: с. *Камать, Мосхескій приездъ, Осетія*).
- Осетія:** коллективная собственность на оружіе—51.
- остяки:** коммунизмъ на продукты питанія—70.
- отхожіе промыслы:** право семьи на заработокъ отъ о. п. въ центральной и сѣверной Россіи—57.
- охота:** индивидуальная собственность на добычу у австралійцевъ—11; продукты о., какъ плата за дѣвушку у нихъ же—12; столкновенія на о. у австралійцевъ и у туземцевъ Бразиліи—25; свобода о. на центральныхъ участкахъ въ Утадѣ и Униоро—27; о., какъ факторъ отдѣленія индивидовъ отъ группы у австралійцевъ—33; коллективная собственность на продукты о. у австралійцевъ—38; регулированіе права пользованія добычей у австралійцевъ—39; общія о. у басутосовъ—43—44; отношеніе киргизовъ и лошадей къ свободѣ о.—46; регулированіе пользованія продуктами о. у русскихъ крестьянъ—56—57; свобода о. и ограниченіе ея въ Томской и Тобольской губ.—60; кооперація на о.—68; 98; коллективная собственность на продукты о.—69—70, 72; у русскихъ инородцевъ—70—71; общія о. у туземцевъ Бразиліи—69; о. юкагировъ на оленей—70; коллективная собственность на продукты о. у осетинъ и другихъ кавказскихъ горцевъ—72—73; замѣна о. земледѣліемъ—99; о., какъ преимущественное занятіе мужчинъ въ центральной Америкѣ—100; обязательныя коллективныя о. въ Америкѣ—109; занятіе

- о., какъ причина болѣе легкаго переселенія—200; временные предводители на о.—203; 212—213; 216; 278; у калтеорнійцевъ—212; у австралійцевъ—212—213; у краснокожихъ—225; ловкость на о., какъ качество необходимое для вождя—214; о. забава въ Угандѣ—247.
- охотничье право:** нормы о. п. у дикарей—25; 33; у тасманійцевъ—26; у австралійцевъ—39; у эскимосовъ—40; у индйцевъ С. Америки, команчей, тогуальчей—41; въ Бразиліи—42; у туземцевъ по р. Замбези—44; у самотловъ—45—46; у кавказскихъ горцевъ—51.
- охотничья территория:** ненарушимость границъ о. т. у дикарей—25; у тасманійцевъ—26; право пользованья частью о. т. у австралійцевъ—33—34; коллективное владѣніе о. т. у тунгусовъ—46; точное разграниченіе о. т. у карагасовъ—200.
- очагъ:** отдѣльные о-и въ обществѣ жилищъ у прокововъ—85; общій о. у алеутовъ—86; у туземцевъ Бразиліи—87; о., какъ символъ хозяйственнаго и религіознаго объединенія семейной общины у самсонцевъ—90; у осетинъ—91; перенесеніе о. при семейномъ раздѣлѣ у воулюковъ—93; коллективная собственность на о. при индивидуализаціи жилого помѣщенія—94.
- Палауэскіе о-ва:** право собственности—118; суевѣрное и прииженное почитаніе короля—272; олигархическая республика—275; право аристократіи смѣстять короля—276 (см. также: *Коррора*).
- Панамскій перешеекъ:** переходная стадія отъ охотничьяго къ земледѣльческому быту у племени П. п.—100.
- папуасы:** коллективное право собственности и индивидуальное право пользованья на землю—115; неприложимость термина «государство» къ организаціи п.—106.
- пастбища (выгоны):** вражда изъ за п. въ первобытныхъ группахъ (Феликсъ)—30; право собственности на п. у готтентотовъ, дамара—34; общинное владѣніе п-ми у осетинъ, чеченцевъ, игнушей—128; въ Амурской и Приворской обл.—125; въ Сибири—127; позднее возникновеніе индивидуальной собственности на п.—128; коллективная собственность на п. на свѣрѣ Россіи, въ Сибири, на Дону, на Кавказѣ, въ Осетіи—128; въ Индіи—132; владѣніе п-ми х.торами у донскихъ казаковъ—147; передѣлъ п. въ Томской и Виисейской г.—168.
- Паски о-ва:** количественное отношеніе мужчинъ и женщинъ—29; общія жилища—87—88.
- пасыка:** захватно-зачинное владѣніе п. въ Томской г., въ Сибири и Европейской Россіи—124.
- патагонцы:** формальности при входѣ въ чужую территорию—26.
- Паханъ:** о взглядѣ русскихъ крестьянъ на находку—19; взглядъ на трудовое начало у русскихъ крестьянъ—23; объ отношеніи общины къ сдѣлкамъ, заключаемымъ общинниками—59; о наследственномъ правѣ женщинъ у русскихъ крестьянъ—183; о лицахъ, дающихъ приданое у нихъ же—189; о приданомъ, какъ объектѣ наследованья въ Архангельской г.—193.
- Пендшабъ:** общинно-владѣльческія деревни—132; наследственное право женщинъ—182.
- передѣлы:** кедровниковъ въ Сибири—81; исключеніе изъ общиннаго п. частной ладны на свѣрѣ Россіи—124; земли въ Индіи—133; борьба изъ за п. въ общинѣ—133; право требовать п. въ семейной общинѣ на свѣрѣ Россіи—139; исключеніе покупныхъ земель изъ п. тамъ же—140; уничтоженіе возможности п. тамъ же—140—141; неопредѣленность сроковъ п. у донскихъ казаковъ—151; п. земли у черноморскихъ казаковъ—155; п. земли въ Сибири—168; 168—169; п. пахотныхъ земель у казаковъ—168; п. покосовъ въ Сибири—172—173; переходъ къ правильнымъ п. у донскихъ и черноморскихъ казаковъ—174; отношеніе крестьянъ къ п.—174—176.
- перьяки:** власть большака надъ личностью и имуществомъ семейныхъ; трудовое начало—49; Flurzwang—107.
- Перу:** сосѣдское право на пользованіе продуктами питанія—74; общія жилища—86—87; 94; 237; родовая община—106; 236—237; 239; родовое государство инковъ—233;

235—239; ошибочныя представленія о строе Перу—233—234; культурный уровень туземцев П. до покоренія—235; 237; население П.—235; частыя междуродовыя войны—236; семейныя общины—236—237; господство коммунизма—237; родовыя государства туземцев П.—237; церемоніалъ, окружающій властителя—238; измѣненія инками административнаго строя П.—238—239; причины легкаго покоренія П. испанцами—239; жреческій классъ и верховный жрецъ—257; 278; аристократія—263—264; сосредоточеніе свѣтскихъ и духовныхъ функцій въ лицѣ вождя—282 (см. также: *инки, Каламарка, Куэко*).

Петри: о трудовомъ началѣ—24.

познание: улата п. въ семейныхъ общинахъ Арханг. г.—53; обязанность членовъ общины отбывать п.—59; п. по охранѣ полей въ Африкѣ—101; по обработкѣ полей вождя тамъ же—106; 248; отбываніе и. общиной въ Амурской и Приморской обл.—125; отбываніе и. инками туземцами др. Перу—238; 239; самовольное назначеніе п-ей меланезійскими вождями—249; наложеніе п. на аулъ Местя—262; п. узденей и другихъ классовъ населенія у кабардинцевъ—269.

погребальные обряды: положеніе вещей съ покойникомъ у некультурныхъ народностей—14—16; 18; 178; у египтянъ, грековъ, римлянъ; китайцевъ, русскихъ—14; у австралийцевъ—15; объясненіе этого обычая; мѣтныя Гельвальда—15; положеніе трофея съ покойникомъ—35; слѣды имущественнаго коммунизма въ п. о.—83—84; у краснокожихъ—88; умерщвленіе рабовъ на могилѣ господина—263.

подарки: какъ источникъ индивидуальной собственности у гилжковъ—47; п. при составленіи приданаго у вотжковъ—50—51; различіе «скрини» отъ п., дѣлаемыхъ молодыми—55; п., какъ вознагражденіе за помочи—96; свадебныя п., какъ часть приданаго—189; п. скота малолѣтней дѣвочки для составленія приданаго у кочевыхъ инородцевъ, доварей—191; п., какъ собственность женщинъ—193; п. подданныхъ, какъ источникъ обогащенія африканскихъ правителей—248.

подворное владѣніе: замѣна п. в-мъ общиннаго землевладѣнія въ Малороссіи—136; 174; отличіе землевладѣнія на сѣверѣ Россіи отъ п. в.—140; отсутствіе п. в. землеко въ Сибири—161—162; п. в., какъ слѣдствіе захватнаго владѣнія и вольнаго пользованія—163; переходъ къ п. в. на сѣверѣ Россіи—174; стремленіе къ переходу къ п. в. въ современной русской общинѣ—174—176; отдача земельныхъ участковъ въ приданое въ связи съ п. в. землей—190.

подсѣчное хозяйство: занятіе подсѣки на сѣверѣ Россіи—20; коллективный трудъ въ п. х. въ Олонецкой губ.—111; супрага въ п. х.—111; трудъ, какъ источникъ владѣнія расчлѣненными участками въ Сибири—124—125.

поземельная собственность: см. земля.

покосы (луга, сѣнокосы): отсутствіе общинныхъ и артельныхъ с. въ Олонецкой г.—112; индивидуальное владѣніе п. у бурятъ—121; общинное владѣніе л. въ Амурской и Приморской обл.—125; въ Сибири—127; позднее возникновеніе индивидуальной собственности на с.—128; индивидуальное владѣніе с. на сѣверѣ Россіи, въ Сибири, на Дону, Кавказѣ, въ Осетіи—128; л., какъ собственность села на сѣверѣ Россіи—138; передѣлъ л-въ у донскихъ казаковъ—147; захватъ покосовъ у бѣдныхъ у нихъ же—148; ограниченіе вольнаго пользованія с. у черноморскихъ казаковъ—155; 158—159; захватъ п. въ Сибири—161; уравнительное пользованіе п. тамъ же—166; вольное пользованіе п. тамъ же—170—171; ограниченіе вольнаго пользованія п. тамъ же—171—172; передѣлы п. тамъ же—172—173.

полинезійцы: сложныя государственныя организаціи—270; основаніе государствъ малайцами—270; изученіе вождями архивъ священнаго преданія п.—273.

Полінезія: общія жилища—88; индивидуальное право пользованія на землю—115; родность, какъ средство для достиженія власти—215; вѣра въ божественное происхожденіе вождей—243; 249; 271; суевѣрное и приниженное почитаніе вождей—249; 249—250; 271; разнообразіе государственныхъ организацій П.—269; 276;

элементы власти въ государствахъ П.—269; важность изученія государствъ П.—269—270; дифференціація власти въ государствахъ П.—270; 273—274; власть вождя—271; 282; утрата вождемъ свѣтской власти—272—273; 282; характеръ власти въ П.—274; ограниченіе власти короля аристократіей—274—275; покоренное туземное населеніе въ государствахъ П.—275; олигархія—276; 283; аристократическія республики—283; классъ ремесленниковъ—283 (см. также: *Гаваи, маори, Маркизскія о-ва, маркизы, Н. Зеландія, Нукуива, о-ва Пасхи, полинезійцы, Самоа, Сандвичевы о-ва, Таити, таитяне, Тота*).

помочи (толока): у южныхъ славянъ—96; 113; у русскихъ крестьянъ и инородцевъ—96; при постройкѣ жилищъ на Самоа, у баронговъ, вотляковъ—96; въ Олонецкой г.—96—97; причина сохраненія в. въ обычѣ—97; п., какъ воспоминаніе о бывшей солидарности родичей—106; при земледѣльческихъ работахъ, при постройкѣ жилищъ у якутовъ, у бурятъ—111; п. у финновъ, вотляковъ, зырянъ—111; у морды, кавказскихъ народностей, чеченцевъ при земледѣльческихъ работахъ, у великоруссовъ—111; п. въ Малороссіи—112—113; п. у южныхъ славянъ, словинцевъ, въ средневѣковой Франціи—113.

Понапе, о.: классы населенія—274.

Пенке: о неурядицахъ изъ за хуторовъ у черноморскихъ казаковъ—154.

поручительство: какъ основаніе вознагражденія за трудъ (Шахманъ)—23.

Постъ: мѣтніе о несуществованіи индивидуальной собственности на землю на низшихъ ступеняхъ—118; взглядъ на значеніе этнографическаго изученія государства—197.

Потанинъ: о составленіи приданого въ Вологодской г.—55; о заработкѣ малолѣтнихъ тамъ же—55; свидѣтельство о слѣдахъ Flugwang-a тамъ же—107.

Пешехонскій у.: сосѣдское право на пользованіе продуктами питанія—74—75.

пошлава: транзитная и судебная у африканскихъ племенъ—248.

Понманъ-фонъ: свидѣтельство объ отсутствіи воровства у лопарей—76—77.

право давности: при владѣнн заимкой въ Сибири—126.

право перваго захвата: въ правѣ собственности и пользованія территоріей—33.

право первой покупки: въ родовой и сельской общинѣ, въ Черногоріи и Герцеговинѣ, на Кавказѣ, у тамуловъ, въ Бирманіи—119; въ Индіи—132; у кабилонъ—134; 136; у южныхъ славянъ—136.

право первородства: у татиара—17.

право соседей: см. сосѣдское право.

право старейшества: переходъ власти по п. с. въ родовыхъ общинахъ—203; 204; 217; у малайцевъ—217; нарушеніе п. с. въ переходѣ власти въ родовыхъ общинахъ—217; п. с., какъ основа власти родоправителя—219; п. с. въ наследованіи власти родового старѣйшины у краснокожихъ—225; замѣна п. с. выборнымъ началомъ у нихъ же—225.

празднество: послѣ убіенія ягуара у туземцевъ Бразиліи—43; по окончаніи земледѣльческихъ работъ въ Канадѣ—100; п. общественной запашки у казакумукцевъ—107; возможность устраивать п., какъ средство достиженія власти у тагульцевъ—214; власть вождя и совѣта устраивать п. у готтентотовъ—227; п. при обновленіи дома короля на Гаваи—271.

Прескотъ: свидѣтельство о сосѣдскомъ правѣ на пользованіе продуктами питанія въ Перу—74.

приданое: право дѣвушекъ распоряжаться п-мъ у вотляковъ—50—51; составленіе п. въ Архангельской, Олонецкой, Самарской губ.—54; въ Вологодской г.—55; участки земли, какъ часть п. на сѣверѣ Россіи—139; 141; различіе между п. и дѣвичьимъ имуществомъ—180—181; стремленіе сохранять п. въ семьѣ дѣвушки у аэнианъ—182; обязанность брата снабдить п. сестру у русскихъ крестьянъ—183; 189; отлечіе п. отъ коробы—186—187; отсутствіе п. въ некоторыхъ мѣстностяхъ Россіи—187; происхожденіе п.—187; цѣль его—187—188; взглядъ на п. въ карельской

пенси—187—188; отношеніе къ п. въ связи съ развитіемъ народности—187; лица, дающія п.—188—189; п., выдаваемое изъ средствъ матери, у великоруссовъ, въ Сарапульскомъ у.—188; участіе родичей и сосѣдей въ составленіи п.—189; составъ приданаго—189—191; исключеніе недвижимости изъ объектовъ п.—189—190; постановленіе Солона о п.—190; постановленія о п. въ Индіи—190; недвижимость, какъ часть приданаго въ Малороссіи, на сѣверъ Россіи—190; составъ и количество п. въ зависимости отъ быта населенія—190—191; п. у русскихъ степняковъ, киргизовъ, великоруссовъ—191; размѣръ п.—191; количественное соотвѣтствіе его съ калымомъ—187; 191—192; двойное отношеніе къ п. въ первобытномъ правѣ—192; неприкосновенность п.—192—193; п., какъ объектъ наследованья—193; п., какъ основной источникъ собственности женщины—193.

Примерная область: общинное и заимочное землевладеніе—125.

продажа: роль семейнаго совѣта въ п. семейнаго имущества у русскихъ крестьянъ—52; свобода п. пасѣки въ Сибири—124; свобода п. земельного надѣла на сѣверъ Россіи—139—140; 141; п. земли, какъ факторъ нарушенія кровнаго начала въ салгъ на сѣверъ Россіи—140.

продукты домо-птице-и садоводства, огородничества: собственность женщинъ на птицъ въ Габонѣ, на р. Конго—43; собственность двѣушекъ на п. с. и о. у болгаръ—185; выручка за п. о., какъ основа приданаго въ Сарапульскомъ у., во Владимірской г.—188; налогъ п-ми д. и п. въ Меланезіи—249.

продукты итатія: права на п. п. группы и индивида у австраійцевъ—39; у эскимосовъ—40; у индѣйцевъ С. Америки—41; у народностей земледѣльческихъ и скотоводческихъ—45; у кавказскихъ горцевъ—51; коллективная собственность на п. п. у русскихъ крестьянъ—52; въ Архангельской г.—53; собственность женщинъ на нѣкоторые п. п. въ Архангельской, Олонецкой, Самарской г.—54; коммунизмъ въ пользованіи п. п. у туземцевъ Бразиліи, австраійцевъ—69; у краснокожихъ С. Америки—69—70; у готтентотовъ, бушменовъ, каферскихъ народностей—70; у остяковъ, юкагировъ—70; у русскихъ, тунгусовъ, якутовъ—70—71; переживанія коммунизма въ пользованіи п. п.—71—75; 82; коммунизмъ въ пользованіи п. п. на Маркизскихъ о-вахъ—88; вліяніе культа на поддержаніе коммунизма на п. п.—93; причина устойчивости коммунизма на п. п.—93—94; коммунизмъ въ пользованіи п. п., какъ слѣдствіе и источникъ кооперативнаго труда—98—99; 103; коллективная собственность на п. п. у индѣйцевъ С. Америки, у криковъ—100; у туземцевъ Гуйяны, у маори, въ Африкѣ—101; у папуасовъ—115; у ланцевъ—117; ограниченіе женщинъ въ правѣ распоряженія п. п. у дикарей—178—179; право распоряженія, но не собственности п. п. у женщинъ въ материнскихъ группахъ—179—180; налогъ п-ми п. на покоренныя племена у туареговъ—265.

пряжа: (ленъ, конопель, шерсть и т. п.): собственность женщинъ на п. у вотяковъ—50; въ Архангельской, Олонецкой, Самарской губ.—54; собственность двѣушекъ на л. во Владимірской г.—185; п., какъ основа для приданаго въ Сарапульскомъ у.—188.

куни: общія жилища—87.

кузбю (индѣйцы): общія жилища—85—86; общее помѣщеніе для собраній—86; 90; родовыя общины—105; индивидуальное владеніе обработаннымъ участкомъ—118; передача власти вождя—226 (см. также: *Аризона, Мексика, Н. Мексика*).

Полозъ: свидѣтельство о правѣ собственности у осетинъ отдѣльныхъ семей на части одного жилого помѣщенія—91.

работы: значеніе его для дифференціаціи общества—263.

рабы: значеніе р., какъ вида имущества (Летурно)—22; войны съ цѣлью захвата р.—26; индивидуальная собственность на р. у нутка—41; земледѣліе, какъ преимущественное занятіе р.—100; р., какъ элементъ, разлагающій родовую общину—108;

- 109; свидетельство объ отсутствіи р. у огнеземальцевъ—209; р., какъ главное богатство у гликистовъ—214; злоупотребленія властью относительно р. у монголовъ—232; мушья сестеръ короля ашантиевъ на положеніи р-въ—245; взглядъ на подданныхъ, какъ на р. въ Дагометъ—245; обращеніе къ р. дѣтей въ Угандѣ—247; произвольное возвеличеніе р-въ владыками Борну—248; р-ы, какъ божественный классъ населенія—263; классъ р. у туареговъ—265; у кабардинцевъ—269; на о. Тонга—270; на Н. Зеландіи—271; въ Микронезіи—273.
- Равская станція:** борьба противъ хуторовъ—156—157.
- Раздорская станція:** регулированье землепользованія—140.
- раздѣлъ земли:** уравнительное р. з. у донскихъ казаковъ—149; 150—151; неурядицы передъ р. въ ст. Казанской—149—150; р. з. въ ст. Верхне-Курмойрской—150; неудовлетворительность нѣкоторыхъ р. з. у донскихъ казаковъ—150—151; разнообразіе принциповъ при р. з. у нихъ же—151.
- Рагатеа, о:** вѣра въ божественность короля—243.
- Ратгедъ:** о каннибализмѣ въ Квинслендѣ—26; о знахарскихъ обязанностяхъ африканскихъ вождей—241; свидетельство о суевѣрномъ уваженіи передъ вождями у африканскихъ народовъ—243.
- республика:** приложимость термина «государство» къ древне-греческимъ р-мъ и р. др. Рима—193; борьба въ др. греческихъ р-хъ власти вождя и элементовъ народоправства—261.
- республиканскій строй:** въ Сванетіи—262; 292; олигархическій р. с. на Палаузскихъ о-вахъ—275; р. с. первобытной группы—278; аристократическій р. с. въ Поли-и Микронезіи—283; зачатки р. с. въ первобытныхъ обществахъ—284.
- римляне:** обычай власть съ покойникомъ различные предметы—14; архаичныя черты въ религиозныхъ постройкахъ—93.
- Римъ:** приложимость термина «государство» къ республикѣ и имперіи Р.—195; борьба власти вождя и элементовъ народоправства—261; 282.
- родовая община:** имущественный коммунизмъ въ р. о.—67; 68; р. о., какъ собственникъ территоріи—104; 108; 128; коллективный земледѣльческій трудъ въ р. о.—104; 105; 109; у малайцевъ, въ Индіи, у прокезовъ, индѣйцевъ пуэбло—105; взаимопомощь въ р. о.—106; 110; переходъ р. о. въ сельскую—107—109; на Кавказѣ, въ Америкѣ, въ Африкѣ—108; вхожденіе чуждыхъ элементовъ въ р. о. въ Черногоріи, Герцеговинѣ, на Кавказѣ, у финновъ—108; земельныя отношенія въ р. о. яванцевъ—116—117; право первой покупки—119; поглощеніе р. о-ой индивидуальнаго владѣнія землей—120; допущеніе р. о-ой индивидуальнаго владѣнія землей (право заимокъ)—128; возникновеніе индивидуальной собственности на землю въ р. о.—130—131; переходъ изъ р. о. въ сельскую въ Индіи—133; р. о. у набилловъ—134; р. о. при захватѣ новыхъ земель—138; гипотеза о возникновеніи русской общины изъ р. о.—146; кровные и экономическіе узлы въ р. о.—199; развитіе власти въ р. о.—203; сходство и различіе признаковъ власти въ р. о. и государствѣ—205; зародышъ патріархальной монархіи въ р. о.—220; результаты стремленія къ власти р. о.—221, соединеніе р. о-и въ родовое государство у краснокожихъ—224; р. о. въ др. Перу—235; 236; 237; 239; наследованье власти старѣйшины и избраніе его въ р. о-хъ—255; р. о-ы при началѣ государственнаго развитія—277; имущественное неравенство р. о., какъ факторъ возникновенія аристократіи—282.
- родовыя государства:** отсутствіе первобытности въ р. г.—223; типы р. г.—223, р. г. у краснокожихъ—223—227; въ Африкѣ—227; въ Габонѣ—228; однородность развитія р. г. во всѣхъ частяхъ свѣта—231; р. г. южныхъ славянъ—231; 232—233. монголовъ—231—232; р. г. въ др. Перу—233; 235; 237; въ Бразиліи, Эквадорѣ—237; факторы развитія единоличной власти въ р. г.—260; значеніе политической дифференціаціи на характеръ власти въ р. г.—261.

родоправитель: характеръ власти р.—204; 205; роль права старейшества и ограниченія его для власти р.—217; функции р.—204; 218; власть р., какъ эмбрионъ единоличной власти вождя—218; духовная власть р.—218; 219; 255; отношение группы къ власти р.—219; ограниченіе совѣтомъ р-ей власти временнаго вождя—219; у краснокожихъ—220; ограниченіе власти р-ей группой—219; у краснокожихъ, малайцевъ—220; сосуществованіе въ первобытныхъ обществахъ власти р. съ другими представителями власти—221; обоготвореніе вождя р.—248—249; перенесеніе функций р. на выборнаго вождя—256.

Россія: занятіе участка для подсыки на сѣверѣ Р.—20; полемика по вопросу о трудовомъ началѣ—22—24; собственность женщинъ на сѣверѣ Р.—54; признаніе индивидуальной собственности—55—56; различное отношеніе къ заработкамъ отъ промысловъ въ разныхъ мѣстностяхъ Р.—56; причины живности большахъ семей; семейные раздѣлы въ XVI—XVII в.в.—58—59; отношеніе общины къ индивидуальному пользованію, владѣнію, собственности—66; отношеніе къ воровству у степняковъ—81; коллективная обработка земли—102; Flugzwang—107, взаимопомощь и обязательный кооперативный трудъ—110; помочи у финскихъ инородцевъ—111; кооперативное сѣнокосеніе—112; супруги—112; захватно-зачиночное владѣніе пастъками—124; переходъ общинно-долевого владѣнія землей въ индивидуальное на сѣверѣ Р.—131; формы землевладѣнія тамъ же—136—143; 174; заѣтна общиной индивидуальной собственности на землю тамъ же—143; 145—146; возникновеніе общины изъ разложенія большой семьи тамъ же—146; развитіе общины въ центральной Р.—161; 174; борьба между богатыми и бѣдняками на сѣверѣ Р.—164; форма передѣла—жеревьевка—169; вліяніе крѣпостнаго права на развитіе общины—173—174; борьба общинныхъ и индивидуалистическихъ стремленій въ общинахъ Европейской Р.—174—177; отсутствіе института приданаго въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ—187; исключеніе изъ приданаго земельныхъ участковъ—190; отдача въ приданое земельныхъ участковъ на сѣверѣ—190 (см. также: *Амурская обл., армяне, Архангельская губ., Ахалцехскій у., Ачинскій окр., башкиры, буряты, Восточная тундра, Великолукскія, великолукскія, Верхне-Курмоярская ст., Вертоланскій окр., Владимирская губ., Владимирская ст., Вологодская губ., вотяки, Вятская губ., чляжи, Горбатовскій у., крузины, Грузія, Гундуrowsкая ст., Дагестанъ, Двинскій край, Енисейская губ., Живанскій улусъ, Закубанье, Запорожье, зырянне, итушши, инородцы, Иркутская г., кабирдинцы, кавказскія народности, Кавказъ, казаки, казаки донскіе, кубанскіе, терскіе, черноморскіе, Казанская ст., казикамукцы, камьки, камчадалы, с. Камать, Камышевская ст., караласы, Карачай, карелы киризы, Киевская г., Кубанская обл., латышши, лопари, Малороссія, малороссы, ауль Мести, мордва, Молчскій пр., Незаимовская ст., Нелюбинская вол., Нижегородская губ., Новородская губ., Олопецкая губ., осетины, Осетія, остяки, пермяки, Пошехонскій у., Приморская обл., Раевская ст., Раздорская ст., русскіе, Самарская г., самоьды, Сарapulскій у., Семималатинская обл., Сергеевская ст., Сибирь, Славянская ст., Старочеркасская ст., Темимженская ст., Тобольскіе г. и окр., Томскіе г. и окр., Томскій у., тунусы, Туринская Городова волость Туринскій окр., тюрки, Финляндія, финны, черемисы, Череповецкій у., черкесы, чеченцы, Эриванская г., всты, юкамыры, Якутская г., якуты, Ярославская г.).*

русскіе: обычай класть съ покойникомъ различные предметы—14; взглядъ на нахождение—19; взглядъ на принадлежность бортянаго дерева—20; большое количество свидѣтельствъ изъ быта р. крестьянъ по вопросу объ отношеніи группы къ индивидуальной собственности—45; коллективная собственность на продукты охоты—70—71; сосѣдское право на пользованіе продуктами пштанія—74—75; кражи самоѣдовъ и лопарей у р.—80; право собственности на жилище у р. степняковъ—89; общая кухня при раздѣльности жилыхъ

- помещений—90—91; помочи—96; общее и замочное владѣніе землей—124; наследственное право женщинъ 182—184; неприкосновенность собственности женщинъ—186; исключеніе изъ приданого земельныя участковъ—190 (см. также: *Великоруссія, великоруссы, казаки, Малороссія, малороссы, Россія, Сибирь*).
- Руссо:** оцѣнка Ковалевскимъ его теоріи о происхожденіи государства (Ковалевскій)—196; взглядъ на состояніе первобытнаго человѣчества—197.
- рыбныя тони:** коммунистическій взглядъ на владѣніе р. т.—129; коллективная собственность на р. т. на сѣверѣ Россіи—139; 141.
- рыболовство:** какъ факторъ отдѣленія индивидовъ отъ группы у австралійцевъ—38; коллективная собственность на продукты р. у австралійцевъ—38; регулированье права пользованія уловомъ у австралійцевъ—39; отношенія киргизовъ и лопарей къ свободѣ р. ловли—46; регулированье права пользованія продуктами р. у русскихъ крестьянъ—56—57; пользование продуктами р. ловли у туземцевъ Бразиліи—69; коллективная собственность на продукты р. у русскихъ инородцевъ—70—71; общегрупповыя р. ловли—98; р. ловля, какъ преимущественное занятіе мужчинъ у племени Центр. Америки—100; занятіе р., какъ причина болѣе легкаго переселенія—200; налогъ продуктами р. (рыбій зубъ) въ Меланезіи—240.
- саксонцы:** общее жилище—90.
- Самарская г.:** собственность женщинъ—54.
- Самое:** помочи при постройкѣ дома—96; коллективная обработка земли—101; государства съ дифференцированной властью—270; роль старѣйшины при королѣ—272 (см. также: *Мореплавателей о-ва*).
- самодѣи:** охотничье право—45—46; общій столъ при раздѣльности жилья—73; отсутствіе воровства—76; отношеніе къ воровству у русскихъ и зырянъ—80.
- Сандвичевы о-ва:** власть короля—249; крѣпостная зависимость—275 (см. также: *Гавайи*).
- Саранульскій у.:** составленіе приданого изъ средствъ матери—188.
- Сахара:** воровство у туземцевъ С.—80; государственный строй тураеговъ—264—265.
- Сванетія:** борьба между элементами народоправства и властью вождя—261—262; 282 (см. также: *ауль Мести, сванеты*).
- сванеты:** борьба между властью вождя и элементами народоправства—261—262.
- сдѣлка:** какъ основаніе вознагражденія за трудъ (Пахманъ)—23; право домохозяйки заключать с.—59; скотъ, какъ платежная единица при с. у осетинъ—123.
- селенная община:** пользованіе кедровниками въ Сибири—60; с-о. какъ собственница земли въ Сибири—162.
- сельская община:** отношенія русскаго крестьянина къ с. о. и общинѣ семейной—51—52; ограниченія с. о-ой правъ общинниковъ въ Сибири—59; взаимопомощь въ с. о.—96; 106; 110; архаичныя черты въ с. о.—107; переходъ родовой общины къ с. о.—107—109; на Кавказѣ, въ Америкѣ, Африкѣ—108; с. о., какъ собственница территоріи—108; 128; право первой покупки въ с. о.—119; допущеніе с. о-ой индивидуальнаго владѣнія землей (право займокъ)—128; переходъ права владѣнія землей въ право собственности въ с. о.—130; с. о. въ Индіи—132; переходъ изъ родовой въ с. о. тамъ же—133; разложеніе с. о. тамъ же—134.
- семейная община:** отношенія русскаго крестьянина къ с. о. и общинѣ сельской—51—52; собственность женщины въ с. о.—53; имущество с. о.—59; имущественный коммунизмъ въ с. о.—67; 68; 72; 73; наследованье въ с. о.—83; право собственности на жилище въ с. о. калмыковъ—90; право пользованія и право собственности въ с. о. на жилище—90; общее жилище въ с. о. саксонцевъ—90; общее родовое святилище у с. о.—91; право собственности с. о. на жилище—94; распадѣніе родовой общины въ с. о.—107; поземельная собственность въ с. о. въ Черногоріи и Герцеговинѣ—119; право первой покупки въ с. о. въ Бирманіи—119; возникновеніе индивидуальной собственности на землю въ с. о.—130; с. о. у каби-

ловъ—134—135; право собственности на землю въ с. о. южныхъ славянъ—135—136; с. о. на сѣверѣ Россіи—138—139; имущественное и личное безправіе женщины въ с. о.—180; лица, выдающія приданое въ с. о.—188; отдача въ приданое земельныхъ участковъ въ связи съ разложениемъ с. о.—189; результаты стремленія къ власти с. о.—221; различіе политической интеграціи въ с. о. и въ родѣ—223; с. о., какъ члены братства въ Черногоріи и Герцеговинѣ—232; с. о. др. Перу—236; 237; наследованіе власти при распаденіи рода на с. о.—256; соединеніе духовной и свѣтской власти въ лицѣ вождя въ с. о.—256; роль с. о. у туареговъ—264; 266; развитіе власти при распаденіи рода на с. о.—280—281; имущественное неравенство с. о., какъ факторъ возникновенія аристократіи—282.

семейные раздачи: с. р. въ Россіи въ XVI—XVII в.в.—58; права на жилище при с. р. русскихъ крестьянъ 90—91; вліяніе культа предковъ на ограниченіе с. р.—91—92; вліяніе культа предковъ на утащеніе с. р.—92; с. р. у вотяковъ—92; перенесеніе очага при с. р. у вотяковъ—93; права на недвижимость членовъ семьи при с. р. у кабилловъ—135; возникновеніе индивидуальной собственности на землю при с. р.—136; с. р. на сѣверѣ Россіи—139.

Семипалатинская область: имущественный коммунизмъ на движимую собственность—75.

сенюки: союзъ пяти племенъ—224.

Сергіевская станица: регулированіе пользованія пахотной землей—159.

Сибирь: ограниченія общинной правъ собственности общинниковъ—59—60; захватно-зачинное владѣніе пастъками—124; трудъ, какъ источникъ владѣнія зачинныхъ участковъ—124—125; поглощеніе зачиннымъ землевладѣніемъ общиннаго—125; богатство матеріаловъ по исторіи общины—160; 173—174; займки въ С.—161; 162; процессъ колонизаціи—161; причины побѣды общиннаго начала въ землевладѣніи—163—164; формы передѣловъ—168—169; ограниченія вольнаго пользованія покосами—171—172; передѣлъ покосовъ—172—173 (см. также: *Амурская обл., Ачинскій окр., буряты, Висейская губ., Жигалскій улусъ, Иркутская г. Ишимскій окр., Каинскій окр., калмыки, камчадалы, караласы, киргизы, Приморская обл., Семипалатинская обл., Тобольскіе губ. и окр., Томскіе губ. и окр., Туринская Городовая волость, Туринскій окр., тунгусы, юкагирь, Якутская обл., якуты*).

свинофосы: общія жилища—87.

Сіера Леоне: коллективная обработка земли—101; коллективная собственность на землю и индивидуальное владѣніе ею—117—118 (см. также: *кру*).

сіу: власть вождя—220. (см. также: *дакоты*).

скиены: неприложимость термина «государство» къ ордамъ с.—195—196.

скотъ: коллективная собственность на с. у кавказскихъ горцевъ—51; индивидуальная собственность на с. у донскихъ казаковъ—53; кража с. у ингушей—81; с., какъ денежная единица у осетинъ—123; с. въ качествѣ приданого у русскихъ степняковъ, киргизовъ, великорусовъ—191; приданный с., какъ подспорье въ семьѣ—193; богатство с-мъ, какъ средство достиженія власти у готтентотовъ—227.

«скрина»: отношеніе къ с. у малороссовъ—55; составленіе с.—185.

Скулькрафтъ: свидѣтельство объ индивидуальномъ владѣніи обработаннымъ участкомъ у краснокожихъ—118.

славяне: коллективный земледѣльческій трудъ—103—104; захватъ новыхъ земель—138; важность изученія исторіи с. для исторіи русской общины—146; слѣды примитивныхъ основъ государственной жизни—164—195 (см. также: *болгары, Герцеговина, Крайна, словинцы, Черногорія, южные славяне*).

Славянская станица: регулированіе пользованія пахотной землей—159.

словинцы: помощь—113.

собрание: власть общаго с. у эскимосовъ—210; власть с. въ первобытныхъ группахъ—211; 280; ограниченіе с-мъ родопрavitелей власти временнаго вождя—219; с. въ союзѣ ирокезскихъ племенъ—224; с. женщинъ у краснокожихъ—224—225; народныя с. у нихъ же—225; родовые старѣйшины, какъ представители родовъ на с. у нихъ же—225; упадокъ власти народнаго с. у нихъ же—226; отстраненіе воиновъ отъ с. у омагасовъ—226; власть народнаго с. въ Габонѣ—228; с. для обсужденія дѣлъ у басутозовъ, у бечуанъ—229; избраніе племеннаго старѣйшины на с. у монголовъ и тюрковъ—231; власть и упадокъ народнаго с. у монголовъ—232; упадокъ народнаго с. въ Суданѣ и по теченію Нигера—247; значеніе политической дифференціаціи для развитія власти народнаго с.—261; народное с. въ Сванетіи — 262; у туареговъ—264; обязанность старѣйшины совѣять с. въ Самоѣ—272; с. вождей и землевладѣльцевъ, ограничивающихъ власть короля на о-вахъ Мореплавателей—276; зависимость вождя отъ народнаго с.—283; ограниченіе вождя с-мъ родичей—283.

совѣтъ: роль семейнаго с. въ продажѣ семейнаго имущества — 52; ограниченіе родовымъ с. власти старѣйшины — 204; власть с. стариковъ у австралийцевъ — 209; 241; ограниченіе с-мъ родопрavitелей власти военнаго вождя у краснокожихъ—220; с-мъ родовымъ властѣ родопрavitеля у краснокожихъ, малайцевъ—220; сосуществованіе власти с. стариковъ и родопрavitелей съ другими представителями власти—221; с. старѣйшинъ у краснокожихъ—224; постоянный совѣтъ у ирокезовъ, гуруоновъ, краснокожихъ, команчей—224; ограниченіе с-мъ власти племеннаго старѣйшины у краснокожихъ—225; с. родовыхъ старѣйшинъ у нихъ же—226; власть с. старшинъ у омагасовъ—226; власть с. у готтентотовъ—227; въ Габонѣ—228; у амагасовъ—229; у каровъ—229; заботы вождя о членахъ с. у амагасовъ—230; упадокъ власти с. у народовъ банту—230; с. родовыхъ старѣйшинъ у монголовъ—232; ограниченіе власти короля ашантиевъ с-мъ вождей—245; отсутствіе с. въ Угандѣ—247; приниженность с. въ Борну—247—248; значеніе политической дифференціаціи для развитія власти с. старшинъ—261; с. у туареговъ—264; аристократическій с. въ Микронезіи—275; въ Полинезій—275; с. въ первобытныхъ государствахъ—278; 280; ограниченіе с-мъ власти вождя—283.

Соколовскій: мнѣніе о заселеніи сѣвера Россіи—137.

сословія: возникновеніе с., какъ факторъ возникновенія индивидуальной собственности на землю—144; возникновеніе с. у черноморскихъ казаковъ—153; зачатки развитія с. въ первобытномъ обществѣ—221; с. на Фиджи—249; возникновеніе жреческаго с.—254; 281; значеніе борьбы с. съ родовыми единицами для власти вождя—262; роль рабства въ дифференціаціи с-ій—263; с. у кабардинцевъ—269; въ государствахъ Полинезій—270; 275; на Тонга—270—271; ограниченіе свободными с-ми власти короля въ Полинезій — 274; привилегированнымъ с. власти вождя—282—283.

сосѣдское право: на пользованье продуктами питанія у якутовъ—72; у нутка, эскимосовъ, въ др. Перу, у готтентотовъ—74; у русскихъ крестьянъ—74—75; переходъ права членовъ группы въ с. п. на пользованіе продуктами питанія—82; на наследованье—83—84; с. п. на помощь при постройкѣ жилища—95—97; с. п. въ правѣ первой покупки у тамуловъ, въ Бирманѣ—119; с. п. въ общинѣ на сѣверѣ Россіи—140—141.

спартанцы: общій столъ—71.

Спенсеръ: взглядъ на индивидуальное право собственности и на теорію коммунальнаго брака—7; на значеніе этнографическаго изученія государства—197; на войну, какъ на факторъ сложенія государства — 212; о качествахъ обуславливающихъ вліяніе на окружающихъ—213 —214; о неустойчивости власти въ первобытныхъ группахъ—216; о значеніи культа предковъ для усиленія власти—242—243; о

значенія вѣры въ божественность вождя для усиленія его власти—250; объ отсутствіи наследственности власти вождей-чародѣевъ—253; о государственномъ строе Абиссиніи—258—259.

Бинья: свидѣтельство о жестокости правителя Уганды—247.

Старочеркасская станица: неудовлетворительность уравнительнаго раздѣла—151.

Старейшина: власть с. въ первобытныхъ группахъ—31; 280; обязанность родового с. выдавать приданое—138; власть родового с. въ родовыхъ общинахъ—203—204; 205; власть родового с. у эскимосовъ—209; отношеніе власти временныхъ вождей къ власти с.—213; 216; 216—217; отношеніе группы къ власти с.—219; с. родовой и племенной у краснокожихъ—224; власть родового с. у нихъ же—225; развитіе этой власти у нихъ же—226; власть совѣта старейшинъ въ Габонѣ—228; власть родовыхъ и племенныхъ с. у монголовъ и тюрковъ—231—232; родового с. у южныхъ славянъ—232; с. въ др. Перу—235—236; 237; 251; нинка, какъ родового с.—235; 237; функціи с. въ др. Перу—239; вѣра въ сверхъестественное могущество родового с.—240; культъ предковъ, какъ факторъ усиленія власти родового с.—242; 280—281; власть с. при дифференціаціи власти—251; наследованье власти с. и избраніе ихъ въ родовыхъ общинахъ—255; с-ы въ Сванетіи—262; зависимость вождя отъ с-нъ—266; роль с. при королѣ въ Самоа—272; соединеніе свѣтскихъ и духовныхъ функцій родовымъ с.—281; ограниченіе власти вождя совѣтомъ с.—283.

Судакъ: приниженное почитаніе вождей—244; деспотическая власть правителя—247.

Суматра: находка—20; качества, способствующія достиженію власти—215 (см. также: *кубу*).

суия: ознакомленіе съ земледѣліемъ при посредствѣ женщинъ бакаври—23.

супрага: въ Грузіи—110—112; въ Ахалцихскомъ у.—110—111; въ Олонеккой г., въ Россіи—112; въ средневѣковой Франціи—113; сходство съ артелью—113.

Сърошевскій: о помочахъ у якутовъ—111.

Тагалъ: индивидуальное право владѣнія землей—117; поглощеніе родовой общиной индивидуальнаго владѣнія землей—120.

Танте: воровство—78; суевѣрное почитаніе вождя—249—250; государства съ дифференцированной властью—270 (см. также: *таитяне*).

тантине: воровство—78.

такулія: богатство, какъ средство достиженія власти—214; власть вождя—220.

Ташнеръ: свидѣтельство объ общности на продукты питанія у краснокожихъ С. Америки—70.

тамулы: право первой покупки—119.

тасманійцы: ненарушимость охотничьихъ территорій—26; воровство—79.

Тасманія: количественное отношеніе мужчинъ и женщинъ—29; вожди—214; авторитетъ знахарей—241 (см. также: *тасманійцы*).

татары: зависимость вождя отъ совѣта—283.

татара: наследованье—17.

тегуальчи: охотничье право—41.

Темнѣйбонская станица: сосѣдское право на пользованіе продуктами питанія—74.

Темрѣкскій у.: право сосѣдей пользоваться продуктами питанія—75.

теократія: зачатки т. въ первобытныхъ обществахъ—284.

Тернеръ: описаніе постройки дома на Самоа—96.

территорія: нормы, ограждающія отъ вступленія въ т. чужеземцевъ—26; 27; коллективная собственность на т.—33; 68; общее владѣніе т. у команчей—41; взглядъ австралійцевъ на владѣніе и пользованіе т.—68; значеніе т. для существованія группы—104; родовая община, какъ собственница т.—104; 128; сельская община,

какъ собственности т.—108; 128; коллективная собственность на необработанную т. у шапуасовъ—115; т., какъ признакъ государства—106; 198—201; т., какъ объединяющая связь въ первобытныхъ группахъ—198—199; въ племенахъ, государствахъ—199; наименование первобытной группы по т.—198; связь дикаря съ т.—199—200; точныя границы т. различныхъ группъ—200—201; у дикарей Бразиліи—200; у карагасовъ—200—201; у киргизовъ—201; увеличение т., какъ факторъ дифференціаціи власти—252; дифференціація населенія при переходѣ покорителей на т. покоренныхъ—263; величина подвластной т., какъ основа власти вождя на Маркизскихъ о-вахъ—270.

терскіе казаки: собственность женщинъ—53—54.

Тибетъ: утрата правителемъ свѣтской власти—259; 282.

Тимошенковъ: о неудовлетворительности уравнильныхъ раздѣловъ у донскихъ казаковъ—150—151.

Тихоновъ: о составленіи приданаго изъ средствъ матери въ Сарapulьскомъ у.—188.

Тихоокеанскіе архипелаги: общія жилища—84; 87; общія помѣщенія для собраній—88; общіе амбары—88; 94; составъ населенія общихъ жилищъ—88; коллективная обработка земель—101; обязательная коллективная заготовка запасовъ—109; право собственности на плоды обработаннаго участка—115—116; запрещеніе отчуждать землю—118—119; вѣра въ божественность вождей—243; деспотизмъ вождей—250; дифференціація свѣтской и духовной власти—273; развитіе класса жрецовъ—273; характеръ власти—274; ограниченіе короля аристократіей и вождями—276 (см. также: *Ару, Гаваи, Каролинскіе о-ва, Кей, Кисарь, Коррора, маори, Маріанскіе о-ва, Маркизскіе о-ва, маркизцы, Маршалльскіе о-ва, меланезійцы, Меланезія, Микронезія, о-ва Мореплавателей, Н. Гвинея, Н. Зеландія, Н. Каледонія, новозеландцы, Нукуива, Палаузскія о-ва, папуасы, о-ва Пасхи, полинезійцы, Полинезія, Понape, Раіатеа, Самоа, Сандвичевы о-ва, Таити, таитяне, Тона, Торресовы о-ва, Фиджи, Ява*).

Тиникиты: богатство, какъ средство достиженія власти—214.

Тобольская губ.: свобода охоты—60; формы пользованія кедровниками—61; формы пользованія лѣсомъ—63 (см. также: *Тобольскій округъ, Туринская Городовая волость, Туринскій округъ*).

Тобольскій округъ: ограниченія свободы охоты—60.

товарищества: для обработки земель у якутовъ—48.

Толедо, донъ Фр. дѣ: перепись населенія Перу—235.

Томская губ.: свобода охоты—60; формы пользованія кедровниками—61; формы пользованія лѣсомъ—62—63; ограниченія лѣсныхъ порубокъ—64; захватно-зачинное владѣніе пасѣками—124; трудъ, какъ источникъ владѣнія зачиннымъ участкомъ—124—125; передѣлъ земли—168 (см. также: *Нелюбинская вол., Томскій округъ*).

Томскій окр.: формы пользованія кедровниками—62; лѣсомъ—63 (см. также: *Нелюбинская вол.*).

Тонга: коллективная обработка земли—101; вѣра въ божественное происхожденіе вождей—243; суевѣрное и приниженное почитаніе вождей—250; классы населенія—270—271; 274.

тонги: свѣтская и духовная власть вождя—258.

Торресовы о-ва: право участія въ антропофагіи—68—69.

Тотемскій у.: слѣды Flurzwang-a—107.

Троновъ: объ отношеніи киргизовъ къ завладѣнію чужимъ участкомъ земли—46; имущественный коммунизмъ у киргизовъ на движимую собственность—75.

трофей: какъ объектъ индивидуальной собственности—35—36; охотничья т. въ Бразиліи и отношеніе къ нимъ—42—43; право на т. при каннибализмѣ на Торресовыхъ о-вахъ—68—69; при общихъ охотахъ—69; бесполезность кражи т.—77; т., какъ средство достиженія власти у краснокожихъ—215.

трудовое начало: взгляд Ковалевского—21; Летурино—22; полемика въ Россіи по вопросу о т. н.—22—24; взгляд А. Я. Бонменко—22—23; Пахмана, Ковалевского, Мухина—23—24; Зибера, Петри—24; т. н. въ правѣ собственности на охотничьи трофеи—36; подчинение т. н. а экономическому у черемисъ—49—50; у русскихъ крестьянъ въ земледѣліи—56; освобожденіе т. н. отъ экономическаго съ развитіемъ индивидуализма—58—59; т. н. въ правѣ владѣнія землей у амаксосовъ—117; признаніе т. н. въ правѣ заимки въ Сибири—126; т. н. въ признаніи правъ на захваченный участокъ тамъ же—165—166; 166—167.

трудъ: какъ источникъ собственности—18; 21—24; взглядъ Локка—21; Летурино—22; А. Я. Бонменко—22—23; Пахмана—23; Мухина—23—24; Зибера—24; т., какъ источникъ собственности у австралийцевъ—10; 38—39; у эскимосовъ—39—40; у камчадаловъ—40—41; у индѣйцевъ С. Америки, команчей, нутка, тегуэльчей—41; у туземцевъ Бразиліи—41—43; въ Венесуэлѣ—42; въ Африкѣ, въ Габонѣ, по р. Конго, въ центр. Африкѣ, у муссоронговъ, басутосовъ—43; у гребосовъ, негровъ, по р. Замбези—43; отношеніе группы къ т. своихъ членовъ—43—44; т., какъ источникъ собственности у самоѣдовъ—45; тунгусовъ, киргизовъ—46; у гилаковъ—46—48; у якутовъ—48—49; т. у русскихъ крестьянъ—51—56; признаніе т., какъ источника собственности въ большой и малой семьѣ—57; отношеніе общины къ т., какъ источнику индивидуальной собственности—66; т., какъ источникъ собственности коллективной—68; правъ собственности на жилище—84; 88; 95; собственности коллективной на продукты земледѣлія—103; индивидуальнаго права пользованія обработаннымъ участкомъ земли—104; притязанія общины на т. своихъ членовъ—109; т., какъ источникъ владѣнія, но не собственности на землю—114; 119—120; земледѣльческой т., какъ источникъ права на вознагражденіе у бурятъ—121; т., какъ источникъ владѣнія при захватно-заимочномъ, при подстѣжномъ хозяйствѣ въ Европейской и Азиатской Россіи—124—125; 126; 165; въ общинахъ родовыхъ и сельскихъ—128; т., какъ источникъ индивидуальнаго владѣнія недвижимостью у русскихъ инородцевъ, велико-и малороссовъ, въ Киевской губ.—129; въ Сибири—165—166; 166; т., какъ источникъ собственности женщинъ—178; 184; 193; ограниченіе права женщинъ пользоваться результатомъ своего т.—178—179; разрѣшеніе двушкѣ права пользованія т. при составленіи коробы—185; т., какъ источникъ собственности женщинъ—193; т., какъ связь, привязывающая человека къ территоріи—200; раздѣленіе т. въ борьбѣ группы за существованіе—200.

трудъ коллективный, кооперативный см. кооперація.

туареги: государственный строй—264—265; зависимость шейка отъ совѣта—264; 263.

тунгусы: отношеніе къ находкѣ—19; охотничье право—46; коллективное право собственности на продукты охоты—70—71; качества, необходимыя для вождя—214.

Туринская Городовая волость: ограниченія въ пользованіи лѣсомъ—63.

Туринскій округъ: ограниченія свободы охоты—60; формы пользованія кедровниками—61; лѣсомъ—63.

турки: мѣропріятія т., какъ факторъ развитія правъ на землевладѣніе въ семейныхъ общинахъ у кабилловъ—144.

тускароры: союзъ племенъ—224.

Тэйлоръ: взглядъ на войну—25.

тюрки: родовое государство—231; власть старѣйшинъ—231 (см. также: *башкиры, карачасы, киргизы, татары, тунгусы, якуты*).

уаллару: наследованье—17.

Уганда: нейтральные участки—26; деспотическое правленіе—246—247; управленіе государствомъ чиновниками—247; отсутствіе ограничивающаго совѣта—247.

Уильсонъ: указаніе на право собственности на Палаузскихъ о-вахъ—114—115.

украшения: индивидуальная собственность на у. у дикарей—7; 44; 178; у австралийцев—11; 39; обычай положенія въ могилу у.—15; 18; 178; у., какъ объектъ насгдованья—16; индивидуальная собственность на у. у туземцевъ Бразиліи—42; у африканскихъ народностей—43; индивидуальная собственность на у. у русскихъ крестьявъ—33; безполезность кражи у.—77; индивидуальная собственность на украшения у кабиловъ—135; индивидуальная собственность женщины на у. въ группахъ примитивныхъ—178; материнскихъ—179; агнатическихъ—184.

Униоро: нейтральные участки—27.

утварь: индивидуальная собственность на у. у дикарей—34; у., какъ индивидуальное имущество женщины у эскимосовъ—39.

Фелюксъ: взглядъ на войну, какъ на факторъ возникновенія власти и идеи собственности—30—31.

феодалное государство: дореформенная Японія, какъ ф. г.—267.

феодалный строй: возникновеніе ф. с.—266; 283; существованіе его у многихъ народностей—266; ф. с. въ Абиссиніи—267; 268, 283; въ Японіи—167—268; 283; существованіе ф. с. при низкомъ уровнѣ культуры и незначительномъ объемѣ государства—268; на Кавказѣ—268; 269; 283; у кабардинцевъ, въ Грузіи, Дагестанѣ, Карачаѣ, осетинѣ—269.

Фиджи о-ва: вѣра въ божественность вождей—243; 249; деспотическая власть вождя—249; политическая дифференціація—249; сословія—249.

Филимоновъ: о вольномъ пользованіи покосами въ Сибири—170—171.

Филиппинскіе о-ва: регулированіе права владѣнія землей—116.

Финляндія: отсутствіе воровства—77.

финны: трудовое и экономическое начало—49—51; вхожденіе чуждыхъ элементовъ въ родовую общину—108; помочи—111; свобода заимокъ—121—122 (см. также: *Велочанская тундра, вотяки, зыряне, лопари, мордва, остяки, пермяки, Финляндія, черемисы, эсты*).

финны: указаніе на коллективную заготовку съѣстныхъ припасовъ на Маршальскихъ о-вахъ—109—110.

Форстеръ: о воровствѣ у тайтянъ—78.

Франсуа: свидѣтельство о коммунизмѣ въ пользованіи продуктами питанія у готтентотовъ—74.

Франція: коллективный земледѣльческій трудъ—113; упадокъ общины—134 (см. также: *французы*).

французы: мѣропріятія ф., какъ факторъ развитія правъ на землевладѣніе въ семейныхъ общинахъ у кабилловъ—144.

Фричъ: о строѣ амаксосовъ—228.

Fritzwalg: въ Африкѣ—102; 106; у ваньямуэзовъ—102; у краснокожихъ, малайцевъ, въ древне-германскомъ правѣ—106; у нѣмцевъ, въ Меранѣ, Голландіи, на Кавказѣ; у осетинъ, чеченцевъ, ингушей, казикамукцевъ, пермяковъ, въ Вологодск. г.—107; въ средневѣковой Франціи—113.

хазары: утрата правителемъ свѣтской власти—259.

ханъ: выборный х. у монголовъ и тюрокъ—231.

Харузинъ, М. Н.: о формахъ землепользованія у донскихъ казаковъ—147.

Херибонъ: индивидуальное право владѣнія землей—117; поглощеніе родовой общины индивидуальнаго владѣнія землей—120.

хозяйственные принадлежности: какъ индивидуальная собственность у эскимосовъ—39; какъ коллективная собственность у туземцевъ Бразиліи—42; какъ часть приданнаго во Владимірской г.—188.

- хозяйственные строения:** собственность семейной единицы на х. с.—59; коллективная собственность на х. с. на сѣверѣ Россіи—139.
- хуторъ:** какъ ячейка новаго поселенія въ Сибири—126; владѣніе х-ми пастбищами у донскихъ казаковъ—147; владѣніе х-мъ землей тамъ же—151; х., какъ форма поселенія у черноморскихъ казаковъ—152; 152—153; борьба изъ за х-въ у нихъ же—153; куренные х-ра у нихъ же—154; борьба противъ хуторовъ у нихъ же—155—156; въ ст. Владимірской—156; въ ст. Раевской—156—157; ограниченіе права ставить х. въ Закубань—156; отношеніе общины къ х-мъ у черноморскихъ казаковъ—157.
- Целебесь:** коллективная обработка земли—101.
- Цейлонъ:** коллективныя общественныя работы—101; право первой покупки у тамуловъ—119 (см. также: *ведды, тамулы*).
- Чадъ, оз.:** коллективное землевладѣніе у кури—101.
- черемисы:** нарушеніе правъ собственности жевщизнъ экономическимъ началомъ—49—50.
- Черешовецкій у.:** регулированье сбора льготъ—58.
- черкесы:** право заимокъ—122.
- Черногорія:** вхожденіе чуждыхъ элементовъ въ родовыя общины—108; право первой покупки—119; родовое государство—231; 233; власть воеводы—232—233.
- черноморскіе казаки:** см. кубанскіе казаки.
- чеченцы:** Flugzwang—107; помочы—111; общинное владѣніе пастбищами—123; право заимокъ—124.
- чибчи:** вожди-шаманы—241.
- чичуки:** общія жилища—86.
- Чубинскій:** о коллективныхъ земледѣльческихъ работахъ въ Малороссіи—112—113; о признаніи трудового начала въ пользованіи лѣсомъ—129.
- Швейцарія:** упадокъ общины—134.
- шейкъ:** у туареговъ—264.
- шыллуки:** воровскіе набѣги—80.
- Шомбургъ:** свидѣтельство о коллективномъ землевладѣніи у туземцевъ Гуйяны—101.
- Штернбергъ:** о положеніи приемнаго зятя и неотдѣленныхъ сыновей у гиляковъ—47; объ отношеніи къ труду у гиляковъ—48.
- Щербина:** о формахъ поселенія у черноморскихъ казаковъ—152; о коллективной собственности на землю у нихъ же—152; о борьбѣ коллективнаго и индивидуальнаго начала въ землевладѣніи у нихъ же—153; о борьбѣ противъ хуторовъ у нихъ же—155; 155—156.
- Эквадоръ:** родовыя государства—237.
- экономическое начало:** роль э. н. въ наследованіи у австралійцевъ—17; э. н. въ охотничьемъ правѣ эскимосовъ—40; у индѣйцевъ С. Америки—41; у туземцевъ Бразиліи—42; э. н. и трудовое у гиляковъ—46—48; подчиненіе э. н-мъ трудового у черемисъ—49—50; совпаденіе э. н. съ кровнымъ въ русской крестьянской семьѣ—57; освобожденіе отъ э. н. трудового при развитіи индивидуализма—58—59.
- Эдильс:** указаніе на земельныя отношенія у евеянгъ—118; на земельныя отношенія у іорубанъ—120; о божескомъ почитаніи короля у дагомейцевъ—245.
- эмбриологія права:** опредѣленіе—2; э. п., какъ объектъ изслѣдованія для этнографа—3; какъ основа пониманія права современнаго—5.

- Эриванская губ.:** имущественный коммунизм на движимую собственность у армян—75.
- Эскиносы:** экономическое и трудовое начало—39—40; сосѣдское право пользования продуктами питания—74; отсутствие воровства—76; отношеніе къ воровству—79; общія жилища—86; помѣщеніе для собраний—86; 90; свидѣтельство объ отсутствіи власти у в.—209; 213; власть родового старѣйшины—209; власть общаго собранія—210; уваженіе къ старикамъ—213 (см. также: *Гудзоновъ зал.*).
- Эсты:** отсутствие воровства—77.
- Южные славяне:** помочи—96; 113; собственность на землю—135—136; родовое государство—231; 233; власть воеводы—232—233 (см. также: *болгары, Герцеговина, Крайна, словинцы, Черногорія*).
- Юкагирь:** охота на оленей—70.
- Ява:** регулированье права владѣнія землей—116; 120; поглощеніе родовою общиной индивидуальнаго владѣнія землей—120 (см. также: *Бантамъ, Краванъ, Тагалъ, Херибонъ, яванцы*).
- Яванцы:** земельныя отношенія—116—117.
- Ягоръ:** указаніе на регулированье права владѣнія землей на Филиппинскихъ о-вахъ—116.
- Якутская Область:** коллективная собственность на продукты охоты—70—71 (см. также: *Верхоянскій окр., Жиганскій улусъ, якуты*).
- якуты:** коллективная и индивидуальная собственность на землю—48; коллективная собственность на продукты охоты—70—71; права сосѣдей на продукты питания—72; наследованіе выморочнаго имущества—83; помочи—111; свобода завѣщаній—121.
- Якушкинъ:** о коммунистическихъ взглядахъ крестьянъ на землю, гдѣсь—120.
- Японія:** дифференціація власти—259—260; суевѣрное почитаніе микадо—259; военная власть—259; 260; феодальный строй—267—268; 283; утрата правительствомъ свѣтской власти—259—260; 282.
- Янгъ, о.:** дифференціація свѣтской и духовной власти—273.
- Ярославская губ.:** сосѣдское право на пользованіе продуктами питания—74—75 (см. также: *Пошехонскій у.*).
- Юма Аквинскій:** оцѣнка Ковалевскимъ его теоріи о происхожденіи государства—196.

Иностранныя фамиліи:

Bachofen: см. Бахофенъ.
Bancroft: см. Бенкрофтъ.
Boas: см. Боасъ.
Catlin: см. Кэтлинь.
Codrington: см. Кодрингтонъ.
Cook: см. Кукъ.
Cunow: см. Куновъ.
Darwin: см. Дарвинъ.
Dodge: см. Доджъ.
Ellis: см. Эллисъ.
Felix: см. Феликсъ.
Finsch: см. Финшъ.
Forster: см. Форстеръ.

François: см. Франсуа.
Hanoteau: см. Ганото.
Hellwald: см. Гельвальдъ.
Jagor: см. Ягоръ.
Kohler: см. Колеръ.
Krause: см. Краузе.
Kropf: см. Кропфъ.
Lafiteau: см. Лафито.
Laveye, de: см. Лавеле.
Letourneau: см. Летурно.
Letourneux: см. Летурнэ.
Mac Lennan: см. Макъ Ленанъ.
Maine: см. Мэнъ.

Martius: см. Марціусъ.
Mauger: см. Мауреръ.
Meyer: см. Мейеръ.
Moffat: см. Моффатъ.
Morgan: см. Морганъ.
Nachtigal: см. Нахтигалъ.
Post: см. Постъ.
Ratzel: см. Ратцель.
Schoolcraft: см. Скулькрафтъ.

Speke см. Спикъ.
Spencer: см. Спенсеръ.
Steinen v. den.: см. Штейненъ.
Tanner: см. Таннеръ.
Turner: см. Тёрнеръ.
Tylor: см. Тэйлоръ.
Waits: см. Вайцъ.
Wilson: см. Уильсонъ.